LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНЕВА
Типографія „СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТА“, route de Lancy, 505

1892

Содержаніе.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемая въ переводѣ переписка Карла Маркса съ Арнольдомъ Руг евпервые опубликована въ „Deutsch-Französische Jahrbücher, 1. u. 2. Lieferung, Paris, 1844“..— Эта переписка интересна уже по одному тому, что она намъ даетъ понятіе о *молодомъ* Марксѣ въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ началъ вырабатывать свое будущее міросозерцаніе. Эти немногія письма — прекрасный матеріалъ для исторіи генезиса „марксизма“. Тутъ еще не весь Гегель „поставленъ на голову“, и даже тамъ, гдѣ уже ясно видны зародыши будущихъ воззрѣній зрѣлаго „марксизма“, Марксъ одѣваетъ свои мысли въ гегелевскій костюмъ, говоритъ языкомъ и терминологіей гегельянцевъ. Но кто знакомъ съ зрѣлымъ „марксизмомъ“, тому легко будетъ подъ старой, мѣстами уже прорванной, скорлупой различить новое зерно.

Такъ, мы ужь тутъ встрѣчаемъ одну изъ философскихъ основъ будущаго „марксизма“,—взглядъ на *рѣшающее значеніе объективныхъ условій* („дѣйствительности“) для всего историческаго развитія: уже тутъ Марксъ провозглашаетъ необходимость анализировать „дѣйствительность“, необходимость понять „дѣйствительность“, чтобы на основаніи этого анализа и пониманія дѣлать вѣрные выводы по отношенію къ будущему; уже тутъ Марксъ видитъ залогъ прогресса не въ самопроизвольныхъ теоретическихъ или практическихъ подвигахъ отдѣльныхъ личностей, не въ той или другой спасительной теоріи, созрѣвшей въ головѣ какого-нибудь генія, и не въ энтузіазмѣ избранныхъ „хорошихъ людей“ къ идеямъ справедливости, свободы и пр., — а въ неизбѣжно, независимо отъ воли и сознанія отдѣльныхъ людей, совершающемся объективномъ процессѣ. Этотъ-то процессъ ведетъ „къ разрыву внутри даннаго общества“, такъ какъ онъ, съ одной стороны, подкапываетъ основы стараго строя, а съ другой, созидаетъ элементы, интересы которыхъ идутъ въъ разрѣзъ

съ даннымъ строемъ, элементы, являющіеся *разрушителями* этого строя. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи конецъ втораго письма Маркса, гдѣ онъ объясняетъ, почему онъ не отчаявается въ настоящемъ положеніи Германіи, несмотря на всю его видимую безотрадность. Оттуда видно, что Марксъ уже тогда понималъ подъ объективнымъ процессомъ нѣчто очень конкретное, что онъ въ этомъ процессѣ придавалъ рѣшающее значеніе — „системѣ промышленности и торговли, системѣ владѣнія и эксплуатаціи человѣка", т. е. тому, что мы теперь называемъ „экономическимъ факторомъ".

Далѣе Марксъ очень опредѣленно высказывается противъ „догматиковъ", имѣющихъ претензіи своими „догматическими теоріями" сдѣлать излишнимъ всякое дальнѣйшее историческое развитіе, не понимающихъ смысла совершающейся вокругъ нихъ борьбы. Послѣднее письмо Маркса содержитъ уже въ основныхъ чертахъ критику утопическаго соціализма, которую мы находимъ въ „Манифестѣ коммунистической партіи".

Въ концѣ втораго письма Марксъ говоритъ о гибели, угрожающей существующему строю со стороны „страдающаго человѣчества, которое мыслитъ и мыслящаго человѣчества, которое угнетается", то есть, — употребляя знакомые намъ, русскимъ, термины, — со стороны мыслящаго „народа" и угнетаемой „интеллигенціи" . . . . Тутъ Марксъ, повидимому, еще далекъ отъ своей будущей теоріи классовой борьбы. Но не забудемъ, что Марксъ *въ тогдашней Германіи* — а онъ въ письмѣ анализируетъ именно положеніе тогдашней Германіи — и не могъ видѣть другой противоположности, кромѣ противоположности между абсолютизмомъ, его слугами и косными „обывателями" съ одной, и страдающей „массой" и „интеллигенціей", съ другой стороны. Не забудемъ также—и это главное,—что (какъ это видно изъ тѣхъ же писемъ) Марксъ вообще не шелъ тогда дальше „демократическаго государства" и, прежде всего, видѣлъ необходимость покончить съ абсолютизмомъ: неудивительно, поэтому, что онъ обращалъ больше вниманія на моментъ, *объединяющій* всѣ классы, на общую имъ враждебность къ абсолютизму, чѣмъ на моментъ, *разъединяющій* эти классы, на антагонизмъ ихъ экономическихъ интересовъ, — антагонизмъ, который подъ болѣе или менѣе равномѣрнымъ давленіемъ абсолютизма на всѣ непривиллегированные классы еще не могъ явственно выступить наружу. Впрочемъ, и въ „Манифестѣ коммун. партіи", гдѣ мы имѣемъ уже ясную, рѣзкую формулировку теоріи классовой борьбы, Марксъ считаетъ единственно-цѣлесообразной тактикой — временный союзъ коммунистовъ съ другими партіями для совмѣстной борьбы противъ общаго врага. И въ этомъ же духѣ Марксъ практически дѣйствовалъ въ революціи 48-го года.

Той же экономической и политической отсталостью тогдашней Германіи объясняется, по нашему мнѣнію, почему Марксъ какъ бы отводитъ отдѣльное мѣсто „мыслящему человѣчеству", „идеалистамъ", — однимъ словомъ, тому, что мы называемъ „интеллигенціей". Во всѣхъ европейскихъ странахъ, переживавшихъ переходъ отъ феодальнаго къ буржуазному строю, *роль застрѣльщиковъ* въ борьбѣ выпа-

дала въ той или иной мѣрѣ на долю „идеологовъ“, — и эта роль оставалась за „идеологами“ до тѣхъ поръ, пока не выступали на арену борьбы *настоящія арміи*, пока экономическое развитіе не заставляло принять участіе въ борьбѣ тѣ классы, которые *матеріально* были заинтересованы въ побѣдѣ идей, проповѣдуемыхъ „идеологами“. Чѣмъ больше данная страна запаздывала въ своемъ развитіи, тѣмъ сильнѣе выступалъ контрастъ между „идеологическими“ потребностями интеллигенціи (воспитанной на идеяхъ и теоріяхъ болѣе передовыхъ странъ) и существующимъ строемъ, тѣмъ интенсивнѣе и дольше велась борьба застрѣльщиками-идеологами. Да и сама „интеллигенція“ оставалась „идеологичной“, т. е. безъ опредѣленнаго классоваго характера, только до тѣхъ поръ, пока не выступали наружу классовыя различія среди общей угнетенной „массы“, во имя которой велась борьба. Въ современныхъ западно-европейскихъ странахъ просто нелѣпо говорить объ „интеллигенціи“ и „народѣ“, тамъ эти термины потеряли всякій смыслъ : у буржуазіи своя „интеллигенція“, у пролетаріата—своя, и развѣ еще буржуазная пресса любитъ метафорически говорить объ „образованныхъ классахъ“ (читай:господствующіе классы) въ противоположность остальному населенію. Замѣтимъ мимоходомъ, что вышесказанное объясняетъ также, почему Россія, наиболѣе запоздавшая въ своемъ развитіи страна, оказавшаяся въ наиболѣе рѣзкомъ контрастѣ съ остальной Европой и съ европейскими идеями своей „интеллигенціи“, показала самый типичный примѣръ „идеологическаго“ революціоннаго движенія...

Немного лѣтъ понадобилось Марксу, чтобы отбросить взгляды, вытекавшіе изъ „самобытнаго“ положенія Германіи 40-ыхъ годовъ : „втянутый въ водоворотъ борьбы“, расширивъ свой кругозоръ теоретическимъ изученіемъ и наблюденіями надъ „заграничными“, внѣгерманскими общественными отношеніями, онъ нашелъ архимедовскую точку опоры — въ пролетаріатѣ. Уже въ „Манифестѣ“ всѣ остальные классы признаны революціонными лишь постольку, поскольку они „переходятъ въ ряды пролетаріата“, а за „идеологами“, „которые возвысились до пониманія всего хода историческаго движенія“ признана только роль „воспитательнаго элемента въ средѣ пролетаріата“ (Манифестъ, стр. 13, женевское изданіе 1882 г.). Когда-то русскіе „идеологи“ перестанутъ смотрѣть на себя, какъ на единственный въ своемъ родѣ, „самобытный“ историческій продуктъ, какъ на „самостоятельную общественную силу“ ? Когда-то русскіе „идеологи“ примирятся съ скромной, но почетной и въ высшей степени плодотворной ролью „воспитательнаго элемента въ средѣ пролетаріата“?...

Письма Маркса характерны еще и въ томъ отношеніи, что мы уже тутъ видимъ ту непоколебимую увѣренность въ гибели существующаго строя—въ данномъ случаѣ, германскаго абсолютизма, — которая составляетъ отличительную черту Маркса, которая не оставляла его и въ самыя „подлыя времена“ реакціи. Эта увѣренность не есть, по нашему мнѣнію, случайная индивидуальная особенность Маркса, а неизбѣжный результатъ его міросозерцанія, построеннаго не па пескѣ энтузіазма, субъективно-нравственныхъ иде-

аловъ и пр., а на незыблемомъ фундаментѣ науки, на пониманіи внутренней логики объективныхъ общественныхъ отношеній. Въ торжествѣ своихъ идеаловъ Марксъ ни на минуту не могъ усомниться, потому что его идеалы не были продуктомъ „революціонной вѣры", субъективныхъ понятій о „прогрессѣ", о нравственности, о справедливости и пр. и пр., а представляли собою *только сознательную формулировку хода и цѣли объективнаго историческаго процесса.* Послѣднее и служитъ ключемъ къ пониманію ученія и личности Маркса. И всѣ послѣдователи Маркса, вмѣстѣ съ ученіемъ и съ идеалами учителя, проникаются также его увѣренностью. Самымъ блестящимъ примѣромъ этого служитъ германская соціальдемократія... Намъ при этомъ приходятъ въ голову распространенные—особенно среди русской молодежи — упреки по адрессу „марксизма" въ томъ, что это ученіе якобы ослабляетъ, парализуетъ „инициіативу личности", такъ какъ оно смотритъ на личность, какъ на пѣшку, приводимую въ движеніе безсознательнымъ „ходомъ вещей". Тутъ не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого пункта. Не пускаясь въ разсужденія о „роли личности въ исторіи", мы попросимъ только гг. критиковъ указать намъ во всей исторіи: 1) хоть одинъ примѣръ движенія, которое въ такой степени было бы проникнуто увѣренностью въ побѣдѣ, какъ германское соціаль-демократическое движеніе, и 2) хоть одинъ примѣръ движенія, которое было бы обязано своими успѣхами — вѣрѣ въ чудодѣйственную „инициіативу личности"... Если ужъ говорить о вліяніи субъективнаго настроенія каждаго изъ участниковъ на ходъ движенія, то не можетъ быть сомнѣнія, что чувство увѣренности въ побѣдѣ—самый могучій стимулъ для энергіи личности.

Наконецъ, спеціально для русскаго читателя переписка Маркса представляетъ еще особенный интересъ: читая въ этихъ письмахъ живое изображеніе Германіи начала 40-ыхъ годовъ, русскій читатель невольно задумывается — о современной „дѣйствительности" Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, тогдашняя Германія — mutatis mutandis — живо напоминаетъ современную намъ Россію: тотъ же разлагающійся, но не помышляющій о смерти, абсолютизмъ, тотъ же „откровенный" деспотическій режимъ, тѣ же попытки реакціонной камарильи воскресить прошедшее, то же „второе исправленное и дополненное изданіе" русской Меттерниховщины — Николаевщины; а съ другой стороны, такое же полное отсутствіе на *общественной аренѣ* какой либо серьезной оппозиціонной силы, такое же поголовное „филистерство" всего общества... А русское „мыслящее человѣчество", русская „интеллигенція"? — Она такъ же богата разочарованіями, какъ „интеллигенція" тогдашней Германіи, но разочарованіями не въ либерализмѣ правительства, а въ своихъ собственныхъ, прежнихъ смѣлыхъ надеждахъ и планахъ, въ своихъ собственныхъ силахъ. Прежнее славное поколѣніе русской революціонной интеллигенціи, вѣрившее въ свое призваніе спасти народъ и Россію, погибло въ борьбѣ, не добившись цѣною столькихъ жертвъ даже возможности свободно „столковаться" съ народомъ; а тѣ немногіе изъ теперешнихъ „интеллигентовъ", которые еще остались вѣрны революціоннымъ традп-

ціямъ, въ большинствѣ случаевъ живутъ въ прошедшемъ, живутъ воспоминаніями о славномъ прошломъ, — вѣрный признакъ старческаго безсилія. Они всѣ топчутся на одномъ мѣстѣ, и вмѣсто того чтобы мыслить, занимаются тщетными опытами гальванизировать трупъ нѣкогда страшной и сильной „Народной Воли". Нѣтъ, никакимъ гальванизмомъ, никакими жизненными элексирами не вдохнуть новую жизнь въ мертваго гиганта!.. Если, какъ гдѣ-то говоритъ Лассаль, „высказать то, что есть" значитъ „совершить революціонное дѣло", — то закрывать глаза на дѣйствительность или смотрѣть на настоящее глазами прошедшаго — значитъ осудить себя на безсиліе, свойственное всѣмъ реакціоннымъ утопистамъ, „ничего не забывающимъ и ничему не научающимся". Чтобы сдѣлаться истинно-революціонной, наша интеллигенція должна научиться видѣть „то, что есть" и то, что развивается. Тогда русскіе революціонеры столь же мало будутъ отчаяваться въ современной русской дѣйствительности, какъ Марксъ—въ дѣйствительности Германіи сороковыхъ годовъ: несмотря на громкое, никѣмъ и ничѣмъ не прерываемое, хрюканье „торжествующей свиньи", несмотря на *видимое* отсутствіе какихъ либо другихъ серьезныхъ факторовъ, кромѣ реакціоннаго правительства и безотвѣтной „обывательской" массы,—*подъ безотрадной поверхностью* совершается „тихая революція", съ каждымъ днемъ подкапывающая основы самодержавія, съ каждымъ днемъ увеличивающая арміи „могильщиковъ" самодержавія. А дѣятельность нашихъ революціонеровъ только тогда сдѣлается революціонной, когда они начнутъ *сознательно* работать въ томъ направленіи, куда ведетъ *безсознательная* „тихая революція", совершающаяся помимо ихъ и вопреки ихъ волѣ, вопреки ихъ устарѣлымъ теоріямъ. Направивъ всѣ свои силы на то, чтобы „столковаться" съ *безсознательнымъ* революціоннымъ продуктомъ современной русской дѣйствительности, — съ рабочимъ пролетаріатомъ—на то, чтобы сдѣлать его *сознательно*-революціоннымъ, наши „интеллигентные" революціонеры приблизятъ паденіе самодержавія несравненно скорѣе, чѣмъ посредствомъ „систематическихъ", „всесторонних" и иныхъ террордовъ... Говоря словами Руге, наша революціонная интеллигенція не можетъ иначе продолжать прошедшее, — т. е. революціонное дѣло своихъ предшественниковъ, — какъ окончательно разрывая съ нимъ, окончательно разрывая съ теоріями и фантазіями прошедшаго.

Небезъинтересно также провести параллель между дальнѣйшей карьерой Маркса и Руге. Жизнь и дѣятельность Маркса до и послѣ 48-го года всѣмъ хорошо извѣстны. Но кто знаетъ что нибудь о жизни и дѣятельности Руге?... А межъ тѣмъ судьба послѣдняго въ высшей степени характерна для всѣхъ германскихъ „идеологовъ", мечтавшихъ нѣкогда—до 48-го года—о революціи, о демократіи и пр. За очень немногими исключеніями, всѣ эти „идеологи" послѣ 48-го года такъ или иначе разрываютъ съ прежними мечтами и идеалами: одни, скрывшись со сцены во время реакціи 50-тыхъ годовъ, появляются потомъ въ роли „практиковъ", въ роли сознательныхъ представителей окрѣпшей буржуазіи; другіе, не съумѣвъ вложить въ свои отвлеченные идеалы конкретное содержаніе, не

возвысившись „до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія“, впадают въ пессимизмъ, „разочаровываются“ и дѣлаются полными индиферентистами; есть, наконецъ, и такіе, которые, оставаясь при старыхъ идеологическихъ лозунгахъ и формулахъ, въ сущности замѣняютъ старую революціонно-демократическую „идеологію“ — національно-патріотической „идеологіей“, т. е. начинаютъ видѣть торжество своихъ идеаловъ въ единой Германіи, — объединенной „желѣзнымъ канцлеромъ“ Бисмаркомъ... Впрочемъ, на восторгахъ къ единой Германіи, приведенной къ одному знаменателю подъ главенствомъ Гогенцоллерновъ, на восторгахъ къ „пруссифицированной Германіи“ („Preussen - Deutschland“) сходятся всѣ почти до-мартовскіе идеологи безъ различія.

Къ послѣдней категоріи идеологовъ скорѣе всего можно отнести Арнольда Руге, бывшаго другомъ и товарищемъ Маркса по редакціи „Deutsch-franzoesische Jahrbücher“ въ 1844 г. Въ революціи 48-го года Руге принималъ довольно дѣятельное участіе, какъ депутатъ франкфуртскаго парламента (отъ города Бреславля) и какъ редакторъ демократической газеты „Reform“. Съ наступленіемъ реакціи эта газета была закрыта прусскимъ правительствомъ, и въ 1849 г. Руге примыкаетъ въ баденскому возстанію. Послѣ пораженія этого возстанія и неудачной попытки Руге завязать въ Парижѣ сношенія между баденскими инсургентами и парижскими „крайними“ республиканцами (Ледрю-Ролленомъ и пр.), Руге отправляется изъ Парижа въ Лондонъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ другими европейскими эмигрантами: Ледрю-Ролленомъ, Мадзини и др., основываетъ фантастическій, просуществовавшій безъ году недѣлю, „Европейскій Комитетъ солидарности партіи безъ различія національностей“. Вскорѣ Руге выступилъ изъ этого „Комитета“, — и этимъ заканчивается его революціонно-демократическая дѣятельность. Остальныя 30 лѣтъ своей жизни (1850—1880) онъ прожилъ уединенно въ Брайтонѣ, занимаясь литературными работами (оригинальными и переводными). Эти работы, значительная часть которыхъ состоитъ изъ повѣстей, драмъ, стиховъ, потеряли теперь всякій интересъ: Руге не пошелъ дальше „молодого гегельянства“ въ философіи и смутныхъ до-мартовскихъ идеаловъ въ общественной жизни ... Его біографъ хвалитъ его за то, что онъ „никогда не увлекался коммунизмомъ“, а особенно за то, что „въ великое время національнаго подъема Пруссіи и Германіи онъ оказался истиннымъ нѣмцемъ“... А его „примиреніе съ дѣйствительностью“ дошло до того, что онъ въ 1866 и 1870 гг. дважды (безуспѣшно) обращался къ Бисмарку съ предложеніемъ („Antrag“) выплатить ему 120,000 марокъ, какъ вознагражденіе за убытки, причиненные ему закрытіемъ газеты „Reform“ въ 1848 г. А когда ему Бисмаркъ, наконецъ, въ 1877 г. назначилъ ежегодную пенсію въ 1000 марокъ, онъ особенно радовался тому, что эта пенсія была ему назначена подъ названіемъ „почетнаго жалованья“ („Ehrensold“). Бывшій другъ Маркса, бывшій демократъ и революціонеръ—„истинный нѣмецъ“ и пенсіонеръ Бисмарка!.. Sic transit gloria—ideologiae! А отчего? Оттого, что Руге и всѣ подобные ему германскіе и негерманскіе идеологи и интеллигенты „никогда не увлекались комму-

низмомъ", т. е. не становились на точку зрѣнія пролетаріата, неспособны были понять историческую роль пролетаріата.

Судьба такихъ „идеологовъ" — а ихъ большинство — одинакова во всѣхъ странахъ. Ихъ роль, какъ борцовъ за отвлеченные идеалы за „общее народное благо" и пр. кончается, какъ только „народъ" выдѣляетъ изъ себя опредѣленный общественный классъ — пролетаріатъ, который начинаетъ бороться за свои конкретные, классовые интересы. Идеологи, не примкнувшіе сознательно къ этому классу, или замыкаются въ скорлупу личной жизни, или же становятся въ ряды другого класса—буржуазіи...

Исторія болѣе передовыхъ странъ и въ данномъ случаѣ „показываетъ", говоря словами Маркса, „отсталымъ странамъ картину ихъ собственнаго будущаго".

В. Наумовъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА ВЪ 1843-мъ ГОДУ.

МАРКСЪ КЪ РУГЕ.

Трекшунтъ, въ Мартѣ 1843 г.

Я путешествую теперь по Голландіи. Судя по здѣшнимъ и французскимъ газетамъ, Германія съ каждымъ днемъ все глубже увязаетъ въ грязи. Повѣрьте мнѣ, и человѣкъ совершенно свободный отъ чувства національной гордости, можетъ чувствовать національный стыдъ, — даже въ Голландіи. Самый ничтожный голландецъ — все-таки гражданинъ въ сравненіи съ величайшимъ нѣмцемъ. А сужденія иностранцевъ о прусскомъ правительствѣ? Въ этомъ отношеніи господствуетъ ужасающее единогласіе, никто не обманывается больше на счетъ прусской системы и ея мелочнаго характера. И на томъ уже спасибо новой системѣ. Пышный плащъ либерализма упалъ съ плечъ, и деспотизмъ стоитъ во всей своей отвратительной наготѣ передъ глазами всего міра.

Это — также откровеніе, только отрицательное. Это—истина, которая, по крайней мѣрѣ, обнажаетъ передъ нами пустоту нашего патріотизма, неестественность нашего государственнаго строя и научаетъ насъ закрывать лицо отъ стыда. Вы смотрите на меня съ улыбкой и спрашиваете, что пользы въ этомъ? Со стыда революцій не дѣлаютъ. — А я говорю: стыдъ — это уже революція; стыдъ, это, дѣйствитель-

но, побѣда французской революціи надъ германскимъ патріотизмомъ, побѣдившимъ ее въ 1813 году. Стыдъ—это своего рода гнѣвъ, только обращенный внутрь. И если цѣлая нація дѣйствительно стыдится, она подобна льву, который приcѣдаетъ передъ прыжкомъ. Правда, въ Германіи не чувствуютъ еще даже стыда; напротивъ, эти жалкіе люди все еще патріоты. Но что же вышибитъ изъ нихъ патріотизмъ, если не эта смѣшная система новаго рыцаря? Комедія, которую деспотизмъ разыгрываетъ съ нами, для него столь же опасна, какъ въ свое время оказалась опасной трагедія — для Стюартовъ и Бурбоновъ. И эта комедія—во всякомъ случаѣ революція, если бы даже еще долгое время не понимали, что это просто комедія. Государство слишкомъ серьезная вещь, чтобы разыгрывать съ нимъ арлекинаду. Судно, наполненное глупцами*), можетъ, пожалуй, плыть нѣкоторое время по волѣ вѣтра; но оно будетъ плыть на встрѣчу своей судьбѣ именно потому, что глупцы не подозрѣваютъ этого. И эта судьба—предстоящая намъ революція.

РУГЕ КЪ МАРКСУ.

Берлинъ, въ Мартѣ 1843 г.

„Это —жестокое слово, но я произношу его, потому что это правда: я не могу себѣ представить болѣе разорваннаго народа, чѣмъ нѣмцы. Мы видимъ тамъ ремесленниковъ, но не людей, мыслителей, но не людей, господъ и слугъ, молодыхъ и пожилыхъ, но не людей. — Не поле сраженія-ли это, гдѣ раздробленныя руки, ноги и всѣ члены валяются въ перемежку, между тѣмъ какъ пролитая кровь, а съ нею и жизнь, всасывается пескомъ.?“ — Эти слова Гельдерлина иллюстрируютъ мое настроеніе. Къ сожалѣнію, это настрое-

*) Намекъ на извѣстную сатиру Себастіана Бранта: „Das Narrenschiff“, впервые появившуюся въ Базелѣ въ 1494 г.—Брантъ осмѣиваетъ тамъ нелѣпые взгляды современниковъ въ религіозной, общественной и нравственной областяхъ и сравниваетъ тѣхъ современниковъ съ глупцами, пускающимися въ плаваніе, не обращая вниманія на направленіе вѣтра и пр.: подобно этимъ глупцамъ-мореплавателямъ, „глупцы“-современники обречены на вѣрную гибель.

ніе не новость; одинъ и тотъ же предметъ отъ времени до времени одинаково дѣйствуетъ на людей. Ваше письмо — иллюзія. Ваша бодрость приводитъ меня въ еще бóльшее уныніе.

Мы доживемъ до политической революціи? *мы*, современники этихъ нѣмцевъ? Другъ мой, Вы вѣрите въ то, чего желаете. О, мнѣ знакомо это! Очень сладко надѣяться и очень горько отбросить всякія иллюзіи. Нужно больше мужества для отчаянія, чѣмъ для надежды. Но это—мужество разума, и мы дошли до такого положенія, гдѣ нельзя больше предаваться иллюзіямъ. Что переживаемъ мы въ это мгновеніе? Второе изданіе карльсбадскихъ постановленій, изданіе, дополненное отмѣной обѣщанной свободы печати и улучшенное обѣщаніемъ цензуры,—вторичную неудачу попытокъ ввести политическую свободу, и на этотъ разъ безъ Лейпцига и безъ Belle Alliance, безъ предварительныхъ напряженій, послѣ которыхъ намъ надобно было бы отдохнуть. Теперь мы отдыхаемъ отъ—отдыха; и насъ унимаютъ посредствомъ простого повторенія старыхъ пріемовъ деспотизма, посредствамъ списыванія его документовъ. Изъ одного позорнаго положенія мы попадаемъ въ другое. Я чувствую совершенно тотъ же гнетъ и униженіе, какъ во время наполеоновскаго завоеванія, когда Россія предписываетъ болѣе строгую цензуру для нѣмецкой печати. И если Вы находите утѣшеніе въ томъ, что мы теперь живемъ подъ такимъ же откровеннымъ режимомъ, какъ тогда — то меня это нисколько не утѣшаетъ. Когда Наполеонъ въ Эрфуртѣ сказалъ въ отвѣтъ на поздравленія нѣмецкихъ государей, титуловавшихъ его „notre prince“: „Je ne suis pas votre prince, je suis votre maître,“ — вокругъ него раздались шумныя рукоплесканія. И если бы русскій снѣгъ не отвѣтилъ ему на это, нѣмецкое негодованіе спало бы и по сію пору. Не говорите мнѣ, что это наглое слово было отомщено Наполеону кровавымъ образомъ; не убѣждайте меня, будто эта случайная месть была неизбѣжностью, такъ какъ, молъ, всѣ народы свергали съ себя иго деспотизма, какъ только онъ выступалъ во всей своей наготѣ. Покажите мнѣ народъ, который чувствовалъ бы свой позоръ самъ по себѣ, у котораго это чувство не было бы вызвано стыдомъ передъ всѣми другими народами. Я называю революціей перерожденіе всѣхъ сердецъ и всеобщую борьбу за честь свободнаго человѣка, за своѣ

бодное государство, не принадлежащее никакому господину, принадлежащее себѣ самому. Этого нѣмцамъ никогда не добиться. Они давно погибли для исторіи. То, что они вмѣстѣ съ другими всюду бились на поляхъ сраженія, ничего не доказываетъ. Завоеванные и подчиненные народы не избавлены отъ необходимости драться, но они только гладіаторы, дерущіеся за чужое дѣло и готовые, по знаку своихъ господъ, задушить другъ друга. „Посмотрите, какъ народъ дерется за насъ!“ говорилъ прусскій король въ 1813 году. — Германія не наслѣдникъ, а достающееся другимъ наслѣдство. Въ Германіи принимаютъ въ разсчетъ не борющіяся партіи, а число душъ, которыя можно продать.

Вы говорите, что съ либеральнаго лицемѣрія сорвана маска. Это вѣрно; болѣе того, люди чувствуютъ смущеніе и оскорбленіе, друзья и знакомые начинаютъ резонировать въ интимныхъ кружкахъ, всюду раздаются теперь рѣчи о судьбѣ Стюартовъ, а тотъ, кто боится давать волю языку, качаетъ по крайней мѣрѣ, головой, чтобы дать понять, что и онъ не чуждъ общему волненію. Но все это только разговоры и разговоры: найдется-ли хоть одинъ человѣкъ съ увѣренностью въ томъ, что его негодованіе раздѣляется всѣми? Есть-ли хоть одинъ человѣкъ, настолько глупый, чтобы ошибаться на счетъ нашихъ обывателей (Spiessbürger) и ихъ неизмѣннаго овечьяго терпѣнія? — Черезъ 50 лѣтъ послѣ французской революціи возобновленіе стараго деспотизма во всемъ его безстыдствѣ — вотъ до чего мы дожили! Не говорите, что девятнадцатое столѣтіе непримиримо съ деспотизмомъ. Нѣмцы разрѣшили эту задачу. Мало того, что они переносятъ деспотизмъ, — они переносятъ его съ патріотизмомъ; и мы, краснѣющіе за нѣмцевъ, именно мы хорошо знаемъ, что они достойны своей участи. Кто могъ думать, что этотъ рѣзкій переходъ отъ рѣчей къ молчанію, отъ надеждъ къ безнадежности, отъ болѣе или менѣе человѣческаго положенія къ совершенно рабскому, — что этотъ переходъ не возбудитъ всѣхъ живыхъ силъ, не заставитъ кровь сильнѣе биться въ жилахъ, не вызоветъ всеобщаго крика негодованія! У нѣмца только и было, что духовная свобода, единственная свобода, которой можетъ пользоваться и закрѣпощенный человѣкъ — и что же? И эта свобода у него теперь отнята . . . Правда, и прежде нѣмецкіе философы были слугами, говорившими и молчавшими по

приказанію. — Кантъ доказалъ намъ это документально,—но имъ, по крайней мѣрѣ, позволяли смѣло объявлять человѣка свободнымъ in abstracto. Теперь и эта свобода, такъ называемая научная или принципіальная свобода, скромно замыкавшаяся отъ реальной жизни, уничтожена,—и, разумѣется, нашлось не мало людей, которые проповѣдуютъ вмѣстѣ съ Тассо:

Glaubt nicht, dass mir
Der Freiheit wilder Trieb den Busen blähe,
Der Mensch ist nicht geboren, frei zu sein,
Und für den Edlen ist kein schönes Glück,
Als einem Fürsten, den er ehrt, zu dienen.

На вопросъ: „а если онъ его не почитаетъ?“ они твердятъ въ отвѣтъ „человѣкъ не рожденъ для свободы!“ Дѣло идетъ, по ихъ мнѣнію, не о счастьи человѣка, а о томъ, что такое человѣкъ. Да, Тассо правъ: человѣкъ, служащій другому, человѣкъ, котораго называютъ рабомъ, можетъ себя чувствовать счастливымъ, болѣе того, даже благороднымъ — это доказываютъ намъ исторія и Турція. А разъ мы согласимся, что не человѣкъ и свободное существо, а человѣкъ и слуга — тожественныя понятія, — старый міръ оправданъ.

Противъ того факта, что люди рождены слугами и собственностью своихъ прирожденныхъ господъ, нѣмцы ничего не могли возразить черезъ 25 лѣтъ послѣ французской революціи. Тогда сошлись въ имперскомъ сеймѣ нѣмецкіе государи, чтобы возстановить свою частную собственность на землю и людей, чтобы отмѣнить „права человѣка“. Это были антифранцузскія мѣропріятія, — все заликовало. Теперь является вслѣдъ за тѣмъ теорія того факта, — почему же бы нѣмцамъ и не отнестись къ этой теоріи безъ негодованія? Почему бы имъ и не утѣшаться мыслью, что это — неизбѣжная судьба: „человѣкъ не рожденъ для свободы“?

И это вѣрно,—это поколѣніе дѣйствительно не рождено для свободы. 30 лѣтъ политическаго оцѣпенѣнія и столь унизительнаго гнета, что даже мысли и чувства людей подвергаются регламентаціи и надзору цензурной тайной полиціи, — эти 30 лѣтъ сдѣлали Германію политически ничтожнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Вы говорите, что наполненное глупцами судно, игрушка вѣтра и волнъ, не избѣгнетъ своей судьбы, и что эта судьба — революція. Но вы не прибавляете, что

эта революція означаетъ выздоровленіе глупцовъ, напротивъ того, Ваше сравненіе вызываетъ мысль о погибели. Я же не признаю и этого: физически эта полезная порода людей никогда не погибнетъ, ну, а въ духовномъ и политическомъ отношеніи ихъ пѣсенка давно уже спѣта.

Если я сужу о Германіи по ея прошлой и настоящей исторіи, то вы мнѣ не станете возражать, что вся ея исторія поддѣльна и что вся ея теперешняя гласность не выражаетъ истиннаго состоянія народа. Почитайте какія Вамъ угодно газеты, посмотрите, какъ тамъ непрестанно восхваляютъ, — а цензура, вы согласитесь, никому не мѣшаетъ перестать восхвалять—свободу и національное счастье Германіи, и послѣ этого скажите англичанину, французу или хотя бы голландцу, что въ той гласности не выражается нашъ истинный характеръ.

Нѣмецкій духъ, насколько онъ проявляется, подлъ; и я не колеблясь говорю, что если онъ не проявляется иначе, то въ этомъ единственно виновата его подлая натура. Или, быть можетъ, по Вашему мнѣнію, приватное существованіе этого духа, его тихія заслуги, — ненапечатанныя застольныя рѣчи, кулакъ въ карманѣ, — стоятъ такъ высоко. что его настоящій позоръ еще будетъ когда - нибудь смытъ почетной будущностью? О, эта нѣмецкая будущность! Гдѣ посѣяно ея сѣмя? Не въ позорной - ли исторіи, которую мы пережили до сихъ поръ? Или въ отчаяніи тѣхъ, которые имѣютъ понятіе о свободѣ и объ исторической чести ? Или, наконецъ, въ насмѣшкѣ, которой осыпаютъ насъ чужіе народы, особенно тѣ изъ нихъ, которые всего больше расположены къ намъ? . . Ибо иностранцы рѣшительно не могутъ себѣ представить, до какой степени доходитъ въ дѣйствительности наше политическое безчувствіе и упадокъ. Почитайте только, что пишетъ „Times“ по поводу притѣсненія печати въ Пруссіи; послушайте, какъ говорятъ свободные люди, какое высокое чувство достоинства они предполагаютъ въ насъ, — въ насъ, совершенно лишенныхъ этого чувства, — и пожалѣйте Пруссію, пожалѣйте Германію. Я знаю, что и я также принадлежу къ нѣмцамъ; не думайте, что я считаю себя чистымъ отъ общаго позора. Упрекайте меня за то, что я не поступаю лучше другихъ, требуйте отъ меня, чтобы я посредствомъ новаго принципа вызвалъ новую жизнь, чтобы я сталъ писателемъ, увлекающимъ за собой свободный вѣкъ, вы-

сказывайте мнѣ самыя горькія вещи, — я готовъ все выслушать. Нашъ народъ не имѣетъ будущности, — къ чему дорожить своей личной славой?

МАРКСЪ КЪ РУГЕ.

Кельнъ, въ Маѣ 1843 г.

Ваше письмо, мой дорогой другъ, хорошая элегія, надрывающая душу надгробная пѣснь; но политическаго въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего. Никакой народъ не отчаявается, и пусть народъ долгое время надѣется просто по глупости, все же когда нибудь послѣ долгихъ лѣтъ онъ осуществляетъ, въ моментъ внезапнаго просвѣтлѣнія, всѣ свои благочестивыя пожеланія.

И однако, Вы меня заразили, Ваша тема еще не исчерпана, я хочу прибавить финалъ; но когда я покончу съ этимъ, Вы мнѣ дадите руку и мы все начнемъ снова. Предоставимъ мертвымъ хоронить и оплакивать своихъ мертвыхъ. Завидна за то участь тѣхъ, кто раньше другихъ съ живыми силами начинаетъ новую жизнь; это пусть выпадетъ намъ на долю.

Это вѣрно, старый міръ принадлежитъ филистеру. Но не слѣдуетъ относиться къ филистеру какъ къ пугалу, и боязливо отворачиваться отъ него. Напротивъ, мы должны тщательно присмотрѣться къ нему. Стоитъ изучить этого господина міра.

Разумѣется, филистеръ — господинъ міра только въ томъ смыслѣ, что онъ наполняетъ собою міръ, подобно тому какъ черви наполняютъ трупъ. Поэтому, филистерскому обществу нужно только извѣстное количество рабовъ, собственникамъ же этихъ рабовъ незачѣмъ быть свободными. Какъ собственники земли и людей, они называются господами по преимуществу, но они тѣмъ не менѣе такіе же филистеры, какъ ихъ челядь.

Человѣкъ—это мыслящее существо, свободный человѣкъ—это республиканецъ. Обыватель не хочетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ. Чѣмъ же онъ можетъ быть и чего ему остается желать.?

Того, чего хочетъ обыватель,—жить и оставить послѣ себя

потомство —(а большаго, говоритъ Гётэ, никто вѣдь не достигаетъ), хочетъ и животное; развѣ вотъ нѣмецкій политикъ можетъ прибавить, что человѣкъ молъ *знаетъ*, что онъ этого хочетъ, а нѣмецъ столь разсудителенъ, что онъ ничего больше не хочетъ.

Человѣческое чувство собственнаго достоинства, чувство свободы погасло въ груди этихъ людей. Только это чувство, которое съ греками оставило міръ, а съ христіанствомъ скрылось въ небесномъ туманѣ, можетъ снова сдѣлать общество союзомъ людей для осуществленія ихъ высшихъ цѣлей, т. е. демократическимъ государствомъ.

Люди же, которые не чувствуютъ себя людьми, прирастаютъ къ своимъ господамъ, какъ приплодъ рабовъ или лошадей. Прирожденные господа—вотъ цѣль всего этого общества. Этотъ міръ принадлежитъ имъ. Они берутъ этотъ міръ, каковъ онъ есть и какимъ онъ себя чувствуетъ. Они берутъ себя самихъ, какими они себя находятъ; они становятся туда, куда приросли ихъ ноги, — на шею этихъ общественныхъ животныхъ, которыя не знаютъ другаго назначенія, какъ быть „услужливыми и любезными подданными" своихъ господъ.

Филистерскій міръ — это *міръ общественныхъ животныхъ*, и разъ мы должны признать его существованіе, намъ ничего не остается, какъ просто-на-просто признать право status quo. Вѣка варварства произвели и выростили это status quo, и оно стоитъ теперь передъ нами въ видѣ послѣдовательной системы, принципъ которой — *обезчеловѣченный міръ* (entmenschte Welt). Самый совершенный филистерскій міръ, наша Германія, долженъ былъ непремѣнно остаться далеко позади французской революціи, снова возстановившей человѣка; и нѣмецкій Аристотель, который пожелалъ бы написать „Политику" на основаніи положенія Германіи, написалъ бы на первой страницѣ: „Человѣкъ — общежительное, но совершенно неполитическое животное", а государство онъ не могъ бы лучше опредѣлить, чѣмъ словами г. Цёпфля (Zoepfl), автора „Конституціоннаго государственного права въ Германіи". Послѣдній опредѣляетъ государство, какъ „союзъ семей", который, прибавимъ мы отъ себя, принадлежитъ на правахъ наслѣдственной собственности высочайшей семьѣ, называемой династіей. Чѣмъ плодовитѣе семьи, тѣмъ счастливѣе населеніе, тѣмъ больше государство,

тѣмъ могущественнѣе династія; и вотъ почему въ образцово-деспотической Пруссіи за седьмого дѣтеныша выдается родителямъ премія въ 50 имперскихъ талеровъ.

Нѣмцы—столь разсудительные реалисты, что всѣ ихъ желанія и самыя высокопарныя мысли не выходятъ за предѣлы обыденной жизни. Вотъ съ какою дѣйствительностью единственно считаются тѣ, которые господствуютъ надъ нѣмцами. Эти господа также реалисты, они очень далеки отъ всякаго мышленія и отъ всякаго человѣческаго величія; они всѣ — заурядные офицеры и помѣщики, но они не ошибаются, они правы: ихъ, каковы они суть, совершенно хватаетъ на то, чтобы пользоваться этимъ животнымъ царствомъ и господствовать надъ нимъ: господство и пользованіе, здѣсь какъ всюду, тожественныя понятія. А когда они принимаютъ поклоненія, скользя взглядомъ по кишащимъ головамъ этихъ безмозглыхъ существъ, какая мысль можетъ имъ скорѣе придти въ голову, чѣмъ мысль Наполеона при Березинѣ? Разсказываютъ, что Наполеонъ, указывая своему провожатому внизъ на толпу утопающихъ въ Березинѣ, воскликнулъ: „Voyez ces crapauds!“ (Посмотрите на этихъ жабъ!) Этотъ разсказъ о Наполеонѣ, по всей вѣроятности, выдумка, но въ немъ тѣмъ не менѣе заключается истина. Единственная мысль деспотизма—это презрѣніе къ человѣку, обезчеловѣченный человѣкъ, и эта мысль выгодно отличается отъ другихъ мыслей тѣмъ, что она не только мысль, но и фактъ. Деспотъ видитъ всегда униженныхъ людей. Они тонутъ на его глазахъ и за него въ тинѣ обыденной жизни и, подобно лягушкамъ, не перестаютъ плодиться въ этой тинѣ. Если даже у человѣка, способнаго на великое, — какимъ былъ Наполеонъ до своего династическаго безумія,—невольно является презрѣніе къ людямъ, — какимъ же образомъ можетъ совсѣмъ заурядный король быть идеалистомъ въ такой реальности?

Принципъ монархіи вообще — презираемый, презрѣнный, *обезчеловѣченный человѣкъ*, и Монтескьё совершенно ошибочно считаетъ честь принципомъ монархіи. Онъ выпутывается при помощи различія, которое онъ дѣлаетъ между монархіей, деспотіей и тираніей; но все это—названія одного и того же понятія, въ крайнемъ случаѣ различіе въ правахъ при одномъ и томъ же принципѣ. Тамъ, гдѣ монархическій принципъ въ большинствѣ, люди въ меньшинствѣ; гдѣ монархическій принци-

ципъ не оспаривается, тамъ совсѣмъ нѣтъ людей. Почему же бы такому человѣку, какъ прусскій король, который не имѣетъ никакой причины считать свое существованіе проблематичнымъ, и не слѣдовать исключительно своему капризу? И что выходитъ изъ того, что онъ слѣдуетъ своему капризу? — Противорѣчивыя намѣренія? чтожь! тогда ничего не выходитъ. Безсильныя стремленія? Но вѣдь въ этомъ заключается по сію пору вся политическая дѣйствительность. Постыдныя и неловкія положенія? Одно только постыдно и неловко—это сойти съ трона. Пока капризъ на своемъ мѣстѣ, онъ правъ. Какъ бы ни былъ перемѣнчивъ, безсмысленъ, презрителенъ такой капризъ, онъ все еще годенъ для того, чтобы управлять народомъ, который никогда не зналъ другаго закона, кромѣ произвола своихъ королей. Я не говорю, что безсмысленная система и потеря уваженія внутри и внѣ государства останутся безъ послѣдствій, — я не беру на себя страховку дурацкаго судна; но я утверждаю, что прусскій король до тѣхъ поръ будетъ человѣкомъ своего времени, пока извращенный міръ составляетъ дѣйствительность.

Вы знаете, я сильно интересуюсь этимъ человѣкомъ. Уже тогда, когда онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только берлинскую еженедѣльную политическую газету,*) я оцѣнилъ его и его назначеніе. Уже при своей коронаціи въ Кёнигсбергѣ онъ оправдалъ мои ожиданія, что теперь вопросъ станетъ чисто личнымъ. При коронаціи онъ высказался сердцемъ и душой за будущій конституціонный законъ вотчины Пруссіи, *своего* государства; и въ самомъ дѣлѣ, въ Пруссіи король — это система. Король тамъ единственная политическая личность. Такъ или иначе, его особа опредѣляетъ собою систему. То, что онъ дѣлаетъ, или что его заставляютъ дѣлать; то, что онъ думаетъ, или что влагаютъ ему въ уста, — это думаетъ и дѣлаетъ прусское государство. Поэтому, теперешнему королю нужно вмѣнить въ дѣйствительную заслугу, что онъ провозгласилъ это безъ обиняковъ.

Нѣкоторое время ошибались только въ томъ, что придавали важность тому, какія желанія и мысли выскажетъ король. Это нисколько не могло измѣнить дѣла: филистеръ—матеріалъ монархіи, а монархъ—неизбѣжно король филистеровъ;

*) Т. е. когда онъ былъ кронпринцемъ. Перев.

онъ не можетъ сдѣлать ни себя, ни своихъ подданныхъ свободными, дѣйствительными людьми, пока обѣ стороны остаются тѣмъ, чѣмъ были раньше.

Прусскій король сдѣлалъ попытку измѣнить систему посредствомъ теоріи, какой совсѣмъ не зналъ его отецъ. Судьба этой попытки извѣстна. Она совершенно не удалась. Весьма понятно—почему. Разъ приходится имѣть дѣло съ міромъ общественныхъ животныхъ, немыслимо сдѣлать еще одинъ шагъ назадъ, но и нельзя сдѣлать шага впередъ, не оставляя за собою основанія этого міра и не переходя къ человѣческому міру демократіи.

Старый король не хотѣлъ ничего экстравагантнаго, онъ былъ филистеръ и нисколько не претендовалъ на умъ. Онъ зналъ, что государство слугъ и обладаніе имъ нуждается единственно въ спокойномъ, прозаическомъ существованіи. Молодой король былъ живѣе и бойчѣе,—онъ былъ болѣе высокаго мнѣнія о всемогуществѣ монарха, ограниченнаго только своимъ сердцемъ и своимъ умомъ. Старое окостенѣлое государство слугъ и рабовъ внушало ему отвращеніе. Онъ захотѣлъ вдохнуть жизнь въ это государство и заставить его цѣликомъ проникнуться своими желаніями, чувствами и мыслями. И онъ, король такого государства, могъ потребовать этого, если только это осуществимо. Отсюда его либеральныя рѣчи и сердечныя изліянія. Съ этихъ поръ не мертвый законъ, а полное, живое сердце короля будетъ управлять всѣми его подданными. Ему хотѣлось привести въ движеніе всѣ сердца и умы въ пользу своихъ сердечныхъ желаній и давно задуманныхъ плановъ. Движеніе явилось; но другія сердца бились не такъ, какъ сердце короля, и подчиненные не могли раскрыть рта, безъ того, чтобы не заговорить объ уничтоженіи старой подчиненности. Заговорили идеалисты, имѣвшіе безстыдное желаніе сдѣлать человѣка человѣкомъ; и въ то время, какъ король фантазировалъ на старонѣмецкій ладъ, они считали себя вправѣ философствовать на ново-нѣмецкій ладъ. Разумѣется, это было нѣчто неслыханное въ Пруссіи. Одно мгновеніе казалось, что старый порядокъ вещей поставленъ на голову, — болѣе того, вещи стали превращаться въ людей, появились даже люди съ именемъ, хотя въ ландтагахъ не позволяется называть кого либо по имени... Но слуги стараго деспотизма положили конецъ этому не-нѣмецкому поведенію.

Было не трудно довести дѣло до чувствительнаго столкновенія между желаніями короля, мечтающаго о великомъ прошедшемъ, полномъ поповъ, рыцарей и крѣпостныхъ, и намѣреніями идеалистовъ, стоящихъ единственно за результаты французской революціи, въ послѣднемъ итогѣ, значитъ, за республику, за порядокъ свободныхъ людей вмѣсто порядка мертвыхъ вещей. Когда это столкновеніе стало достаточно рѣзкимъ и непріятнымъ, а вспыльчивый король былъ достаточно возбужденъ, — подошли къ королю слуги, которые раньше такъ легко руководили ходомъ вещей, и заявили ему, что неумѣстно съ его стороны давать подданнымъ поводъ къ безполезнымъ рѣчамъ, что они, слуги, не въ состояніи будутъ управлять поколѣніемъ говорящихъ людей. Съ своей стороны, властитель всѣхъ „заднихъ русскихъ" (Hinterrussen)*) сталъ безпокоиться по поводу движенія въ головахъ „переднихъ русскихъ" (Vorderrussen) и потребовалъ возстановленія стараго спокойствія. И вотъ, снова была положена старая опала на всѣ желанія и на всѣ мысли людей о человѣческихъ правахъ и обязанностяхъ, т. е. вернулись къ старому окостенѣлому государству слугъ, гдѣ рабъ молча служитъ, а владѣлецъ земли и людей по возможности молчаливо господствуетъ посредствомъ благовоспитанной, тихо-послушной дворни. Ни рабъ, ни господинъ не могутъ сказать, чего они хотятъ: первый не можетъ сказать, что онъ хочетъ стать человѣкомъ, а второй не можетъ сказать, что ему не нужно людей въ его владѣніяхъ. Молчаніе, поэтому, единственный исходъ. Muta pecora, prona et ventri obedientia.

Вотъ исторія неудачной попытки уничтожить филистерское государство, оставаясь на его собственной почвѣ: эта попытка кончилась тѣмъ, что наглядно показала всему міру необходимость скотства (Brutalität) для деспотизма и его непримиримость съ человѣчностью. Скотскія отношенія могутъ быть поддержаны только посредствомъ скотства.

Теперь я покончилъ съ нашей общей задачей, — я разобралъ филистера и его государство. Вы не скажете, что я слишкомъ высокаго мнѣнія о настоящемъ; но я все таки не

---

*) Николай I. Извѣстно, какое вліяніе имѣлъ Николай I на внутреннюю политику Европы и въ особенности Пруссіи.

Перев.

отчаиваюсь въ настоящемъ, потому что именно современное отчаянное положенiе внушаетъ мнѣ надежду. Я ужь не говорю о неспособности господъ и косности слугъ и подданныхъ, которые предоставляютъ все на волю Божiю, — хотя этого одного было бы достаточно, чтобы довести дѣло до катастрофы. Я обращаю Ваше вниманiе только на то, что враги филистерства, т. е. всѣ мыслящiе и всѣ страдающiе люди въ первый разъ получили возможность столковаться межъ собою, что пассивная система размноженiя, практикуемая старыми подданными, каждый день доставляетъ рекрутовъ на служенiе новому человѣчеству. А система промышленности (Erwerb) и торговли, система владѣнiя и эксплуатацiи человѣка ведетъ еще гораздо скорѣе, чѣмъ размноженiе населенiя, къ разрыву внутри теперешняго общества, къ разрыву, котораго старая система не въ состоянiи залечить, потому что она вообще не лечитъ и не творитъ, а только существуетъ и наслаждается. Существованiе страдающаго человѣчества, которое мыслитъ, и мыслящаго человѣчества, которое угнетается, должно неизбѣжно стать поперекъ горла пассивному, безсмысленно наслаждающемуся животному мiру филистерства.

Съ своей стороны, мы должны освѣтить всѣ закоулки стараго мiра и положительно выработать новый мiръ. Чѣмъ больше времени будетъ въ распоряженiи у мыслящаго человѣчества, чтобы собраться съ мыслями, и у страдающаго человѣчества, чтобы собраться съ силами, — тѣмъ совершеннѣе будетъ продуктъ, который долженъ выйти изъ нѣдръ настоящаго.

РУГЕ КЪ МАРКСУ.

Парижъ, въ Августѣ 1843 г.

Новый Анахарсисъ*) и новый философъ меня убѣдили. Это вѣрно. „Польша пала, но еще не погибла!“ слышится непрерывно изъ развалинъ. И если бы Польша воспользовалась постигшей ее судьбой, какъ урокомъ, и бросилась въ объятiя

---

*) Бакунинъ. Руге намекаетъ на письмо Бакунина, въ которомъ послѣднiй, между прочимъ, горячо оспариваетъ мрачные взгляды Руге на будущее.

Перев.

разума и демократіи, — это значило бы, конечно, перестать быть Польшей, но она еще могла бы быть спасена. „Новое ученіе, новая жизнь!“ — Да, Польшу не спасутъ католическая вѣра и дворянская свобода, а насъ не могли освободить теологическая философія и вельможная наука. Мы не можемъ быть продолжателями прошедшаго, не разрывая съ нимъ окончательно. „Ежегодники“*) погибли, гегелевская философія принадлежитъ прошедшему. Здѣсь, въ Парижѣ, основемъ мы органъ, въ которомъ будемъ обсуждать себя самихъ и всю Германію съ полной свободой и съ неумолимой искренностью. Дѣйствительное обновленіе—это новый принципъ, новое положеніе, освобожденіе отъ узкаго націонализма, рѣзкій отпоръ грубой реакціи чудовищно-нелѣпой самобытности, которая вмѣстѣ съ тираномъ Наполеономъ поглотила и гуманизмъ Революціи. Философія и національная ограниченность,—возможно ли было совмѣстить эти два понятія хотя бы въ названіи и на заглавномъ листѣ журнала? — Повторяю, Германскій Союзъ справедливо запретилъ возобновленіе *Германскихъ* Ежегодниковъ, онъ кричитъ намъ: Не надо никакой реставраціи! Какъ это разумно!... Мы должны предпринять нѣчто новое, если желаемъ вообще что нибудь дѣлать.

Я хлопочу о коммерческой сторонѣ дѣла. Мы разсчитываемъ на Васъ. Пишите, что Вы думаете о программѣ новаго журнала, которую я прилагаю при этомъ письмѣ.

МАРКСЪ КЪ РУГЕ.

Крейцнахъ, въ Сентябрѣ 1843 г.

Меня радуетъ, что Вы приняли твердое рѣшеніе и, покончивъ съ ретроспективными взглядами на прошлое, обращаетесь мыслью впередъ, къ новому предпріятію. Итакъ, въ Парижъ, въ этотъ старый университетъ философіи — **absit omen!** (да не будетъ это предзнаменованіемъ!)—и новую столицу новаго міра! Что необходимо, то исполняется. Я, поэтому,

*) Deutsche Jahrbücher — органъ лѣвыхъ гегельянцевъ, превратившійся незадолго до того.

Перев.

не сомнѣваюсь, что можно будетъ устранить всѣ препятствія, несмотря на всю ихъ важность.

Впрочемъ, удастся наше предпріятіе или нѣтъ, я, во всякомъ случаѣ, буду въ Парижѣ къ концу этого мѣсяца, такъ какъ здѣшній воздухъ дѣлаетъ человѣка крѣпостнымъ, и я рѣшительно не вижу въ Германіи простора для свободной дѣятельности.

Въ Германіи все насильственно подавляется, настала пора настоящей анархіи ума, пора режима самой глупости, а Цюрихъ повинуется приказаніямъ изъ Берлина. Становится, поэтому, все очевиднѣе, что истинно мыслящія и независимыя головы должны искать новаго сборнаго пункта. Я убѣжденъ, что нашимъ предпріятіемъ будетъ удовлетворена дѣйствительная потребность, а вѣдь дѣйствительныя потребности непремѣнно находятъ себѣ удовлетвореніе. Итакъ, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, если только возьмемся серьезно за дѣло

Чуть ли еще не важнѣе внѣшнихъ препятствій мнѣ кажутся внутреннія трудности: Хотя не существуетъ сомнѣній на счетъ исходнаго пункта, но за то господствуетъ большая путаница на счетъ направленія и цѣли. Не говоря уже о всеобщей анархіи въ воззрѣніяхъ различныхъ реформаторовъ, каждый въ отдѣльности долженъ признаться себѣ самому, что онъ не имѣетъ точнаго представленія о томъ, что намъ предстоитъ въ будущемъ. Но въ этомъ, съ другой стороны, какъ разъ преимущество новаго направленія, оно не стремится догматическими построеніями предвосхитить будущее, а желаетъ только посредствомъ критики стараго міра найти новый міръ. До сихъ поръ философы имѣли въ своемъ портфелѣ разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, и глупому непосвященному міру оставалось только раскрыть ротъ, чтобы ловить жареныхъ рябчиковъ абсолютной науки. Теперь философія сдѣлалась свѣтской; это неопровержимо доказывается тѣмъ, что само философское сознаніе не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ втянуто въ водоворотъ борьбы. Если, значитъ, конструированіе будущаго и окончательные результаты для всѣхъ грядущихъ временъ — не наше дѣло, то тѣмъ опредѣленнѣе мы знаемъ, что намъ нужно совершить въ настоящемъ: я говорю о *безпощадной критикѣ всего существующаго*, безпощадной въ двухъ смыслахъ, — что эта критика не боится соб-

ственныхъ результатовъ и не отступаетъ передъ столкновеніемъ съ властями предержащими.

Поэтому, я не желаю, чтобы мы выставили какое нибудь догматическое знамя. Напротивъ того, мы должны помогать догматикамъ понять смыслъ ихъ собственныхъ положеній. Къ догматическимъ абстракціямъ относится въ особенности *коммунизмъ*, причемъ я имѣю въ виду не какой нибудь воображаемый и возможный коммунизмъ, а тотъ дѣйствительно существующій коммунизмъ, который проповѣдуютъ Кабэ, Дезами (Desamy), Вейтлингъ и пр. Этотъ коммунизмъ есть только своеобразное выраженіе гуманистическаго принципа, въ своемъ родѣ столь же ограниченное, какъ его противоположность, система частной собственности. Поэтому, отмѣна частной собственности ни въ какомъ случаѣ не тожественна съ коммунизмомъ; и рядомъ съ коммунизмомъ, появились не случайно, а неизбѣжно другія соціалистическія ученія, какъ ученія Фурье, Прудона и пр., потому что самъ коммунизмъ—только особенное, одностороннее осуществленіе соціалистическаго принципа.

Да и соціалистическій принципъ въ цѣломъ представляетъ собою опять таки только одну сторону, касающуюся *реальнаго* бытія истинно-человѣчнаго (die Realität des wahren menschlichen Wesens). Мы же должны обратить такое же вниманіе и на другую сторону, на теоретическое существованіе человѣка, слѣдовательно, сдѣлать предметомъ своей критики религію, науку и пр. Кромѣ того, мы желаемъ вліять на своихъ современниковъ, и именно на современныхъ намъ нѣмцевъ. Спрашивается, какъ взяться за это дѣло? — Не подлежитъ сомнѣнію, что теперешняя Германія главнымъ образомъ интересуется, во-первыхъ, религіей, а во-вторыхъ, политикой. Эти-то два предмета, каковы бы они ни были сами по себѣ, мы должны взять исходной точкой, а не противопоставить имъ какую нибудь готовую систему вродѣ „Voyage en Icarie“.

Разумъ существовалъ всегда, только не всегда въ разумной формѣ. Критикъ можетъ, значитъ, взять исходнымъ пунктомъ всякую форму теоретическаго и практическаго сознанія и изъ *собственныхъ* формъ существующей дѣйствительности развить истинную дѣйствительность, какъ идеальное содержаніе (Sollen) и конечную цѣль этихъ формъ. Что касается дѣйствительной жизни, то въ особенности *политическое государ-*

ство, даже тамъ, гдѣ оно сознательнымъ образомъ еще не прониклось соціалистическими требованіями, содержитъ во всѣхъ своихъ *новѣйшихъ* формахъ требованія разума. И государство не останавливается на этомъ. Оно всюду подразумѣваетъ разумъ осуществленнымъ. Но всюду же оно впадаетъ въ противорѣчіе между своимъ идеальнымъ назначеніемъ и своими реальными данными.

Изъ этого внутренняго противорѣчія политическаго государства можно всюду развить соціальную истину. Подобно тому какъ *религія* представляетъ оглавленіе (Inhaltsverzeichniss) теоретическихъ битвъ человѣчества, *политическое государство* представляетъ оглавленіе практическихъ битвъ человѣчества. Такимъ образомъ, политическое государство выражаетъ въ предѣлахъ своей формы sub specie reipublicae (подъ политическимъ угломъ зрѣнія) всѣ соціальныя битвы, потребности, истины. Поэтому, сдѣлать предметомъ критики самый спеціальный политическій вопросъ, — напримѣръ, различіе между сословной и представительной системой, — нисколько не значитъ спуститься съ hauteur des principes, такъ какъ этотъ вопросъ лишь выражаетъ *политическимъ* языкомъ различіе между господствомъ человѣка и господствомъ частной собственности. Значитъ, критикъ не только можетъ, но и долженъ заниматься этими политическими вопросами (которые завзятому соціалисту кажутся нестоющими никакого вниманія). Показывая преимущество представительной системы передъ сословной, критикъ имѣетъ за себя *практическіе интересы* большой партіи. Возводя представительную систему изъ ея политической формы во всеобщую форму и раскрывая истинное, основное значеніе этой системы, критикъ вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ эту партію выйти изъ своихъ рамокъ, такъ какъ ея побѣда въ тоже время — ея проигрышъ.

Такимъ образомъ, ничто намъ не мѣшаетъ связать нашу критику съ критикой политики, съ интересами опредѣленной политической партіи, а стало быть, связать и отожествлять нашу критику съ *дѣйствительной* борьбой. Въ такомъ случаѣ, мы не выступимъ передъ міромъ, какъ доктринеры, съ готовымъ новымъ принципомъ: Тутъ истина, на колѣни передъ нею!—Мы развиваемъ міру новые принципы изъ его же собственныхъ принциповъ. Мы не говоримъ міру: „перестань бороться, вся твоя борьба пустяки“,—мы даемъ ему истин-

ный лозунгъ борьбы. Мы только показываемъ міру, за что собственно онъ борется, а сознаніе—такая вещь, которую міръ *долженъ* пріобрѣсти себѣ, хочетъ онъ этого или нѣтъ.

Реформа сознанія состоитъ только въ томъ, чтобы дать міру познать его собственное сознаніе, чтобы разсѣять грезы міра о самомъ себѣ, чтобы *разъяснить* ему смыслъ его собственныхъ дѣйствій. Вся наша задача можетъ состоять только въ томъ, чтобы — по примѣру фейербаховой критики религіи — придать религіознымъ и политическимъ взглядамъ самосознательную человѣческую форму.

Такимъ образомъ, нашъ девизъ долженъ гласить: Реформа сознанія не посредствомъ догмъ, а посредствомъ анализа мистическаго и себѣ самому неяснаго сознанія какъ въ религіозной, такъ и въ политической области. При этомъ окажется, что міръ уже давно грезитъ о предметѣ, для дѣйствительнаго обладанія которымъ міру нужно только обладать сознательнымъ представленіемъ о немъ. Окажется, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы соединить мыслью прошедшее и будущее, а о томъ, чтобы *осуществить* мысли прошедшаго. И, наконецъ, окажется, что человѣчество не начинаетъ *новой* работы, а сознательно доводитъ до конца старую работу.

Итакъ, мы можемъ выразить направленіе нашего журнала однимъ словомъ: Работа современности надъ уясненіемъ самой себѣ (критическая философія) смысла собственной борьбы и собственныхъ желаній. Это — работа для міра и для насъ. Она можетъ быть только результатомъ соединенныхъ силъ. Дѣло идетъ объ исповѣди, не больше. Чтобы очиститься отъ своихъ грѣховъ, человѣчеству нужно только объяснить себѣ ихъ истинный смыслъ.

—о—

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

ВЪ

РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ *)

Первая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ вызвана была, въ Мартѣ 1878 г., значительнымъ пониженіемъ заработной, поштучной, платы и длиннымъ рядомъ „новыхъ правилъ", цѣлью которыхъ являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевленіе рабочей силы. На этой фабрикѣ существовалъ небольшой революціонный кружокъ изъ 10—12 человѣкъ, недавно привлеченныхъ, неопытныхъ и мало испытанныхъ. Душою кружка былъ нелегальный унтеръ-офицеръ Гоббстъ, впослѣдствіи, въ Іюлѣ 1879 г., повѣшенный въ Кіевѣ, а въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, усердно розыскиваемый полиціей по дѣлу о пропагандѣ въ войскахъ Одесскаго военнаго округа. Гоббстъ былъ не только вполнѣ надежный, но положительно рѣдкій человѣкъ. Онъ одинъ стоилъ иного кружка. Однако, съ фабричной средой онъ не успѣлъ хорошенько познакомиться, да при томъ на фабрикѣ онъ не работалъ, а жилъ по сосѣдству съ нею въ качествѣ сапожника-хозяина единственной въ той мѣстности „конспиративной" квартиры. Такимъ образомъ, непосредственнаго вліянія на рабочую массу онъ не имѣлъ. Ко всему

*) См. кн. 3 „Соц.-Дем."

этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядильнѣ — самой большой изъ фабрикъ Обводнаго канала, занимавшей болѣе двухъ тысячъ человѣкъ—работали тогда, какъ нарочно, все „сѣрые“ люди, недавно попавшіе въ столицу и въ цѣлости сохранившіе свои деревенскіе предразсудки. Можно представить себѣ, поэтому, тѣ препятствія, которыя должны были встрѣтиться революціонерамъ при ихъ попыткѣ войти въ сношенія со стачечниками.

Когда извѣщенные Гоббстомъ „землевольцы“ явились на его конспиративную квартиру, дѣло обстояло такъ. Рабочіе были вполнѣ увѣрены, что „начальство“ немедленно вступится за нихъ, какъ только пойметъ смыслъ „новыхъ правилъ“. Разубѣдить ихъ въ этомъ не было никакой возможности. Приходилось уступить ихъ наивной увѣренности, предоставивъ имъ изъ опыта узнать, какъ велика заботливость русскаго „начальства“ о нуждахъ рабочаго класса. Ближайшимъ къ стачечникамъ представителемъ власти былъ мѣстный полицейскій приставъ. Къ нему-то и обратились они прежде всего со своими жалобами. Приставъ оказался большимъ дипломатомъ. Чтобы выиграть время, онъ ласково принялъ „ходоковъ“ и обѣщалъ имъ „переговорить“ съ управляющимъ фабрики. Простодушные рабочіе заранѣе торжествовали побѣду. Но прошелъ день, другой, фабричные станки бездѣйствовали, мелочныя лавки стали отказывать стачечникамъ въ кредитѣ, а управляющій не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ уступкамъ. Что же это могло значить? Неужели приставъ не „переговорилъ“ съ нимъ? Снова отправились „ходоки“ въ участокъ, но на этотъ разъ ихъ приняли тамъ не по прежнему: приставъ находилъ, что рабочіе *обязаны* подчиниться новымъ правиламъ, „бунтовщикамъ“ же грозилъ строгимъ наказаніемъ. Стачечники усмотрѣли изъ этого, что онъ „снюхался“ съ управляющимъ, и рѣшили „идти выше“, т. е. къ градоначальнику. Нечего и говорить, что тотъ сдѣлалъ для нихъ не больше чѣмъ приставъ. Тогда поднялись толки о подачѣ прошенія наслѣднику.

На все это ушло съ недѣлю, а за недѣлю революціонеры успѣли уже довольно хорошо сойтись со стачечниками. Съ самаго начала стачки рабочіе замѣтили, что каждый разъ, когда они собирались большой толпой, между ними появлялись какіе-то незнакомые люди, одѣтые не совсѣмъ по фабричному, пожалуй даже вообще смахивавшіе на „студентовъ“, но неизмѣнно тянувшіе ихъ руку. Эти люди подали уже не мало дѣльныхъ совѣтовъ. Они говорили, что не

зачѣмъ ходить ни къ приставу, ни къ градоначальнику. Ихъ не послушались, а вышло по ихнему. Семейнымъ стачечникамъ, на которыхъ въ особенности тяжело отзывалась пріостановка работы, а слѣдовательно и прекращеніе заработка, раздавались денежныя пособія, раздавались, правда, своими же фабричными, но откуда у тѣхъ возьмутся деньги? Догадаться не трудно: деньги даютъ тѣ же таинственные люди. Довѣріе стачечниковъ къ революціонерамъ росло съ каждымъ днемъ. До какой степени дорожила рабочая масса ихъ неожиданной поддержкой, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Однимъ изъ самыхъ бойкихъ членовъ мѣстнаго революціоннаго рабочаго кружка былъ фабричный, котораго мы назовемъ хоть Иваномъ. Прекрасный малый, очень неглупый, дѣятельный и энергичный, Иванъ имѣлъ страстишку выставиться и порисоваться. Этотъ недостатокъ его, съ избыткомъ искупавшійся, впрочемъ, его достоинствами, ставилъ иногда Ивана въ довольно смѣшныя положенія. Однажды, къ величайшему нашему удивленію и огорченію, онъ вздумалъ прочесть стачечникамъ лекцію о прибавочной стоимости. Слушателямъ было совсѣмъ не до того: они собрались поговорить о томъ, какъ вести себя въ виду неожиданной для нихъ измѣны пристава; лекторъ самъ, какъ обнаружилось, плохо понималъ свой предметъ, да въ добавокъ еще сильно смутился на этомъ первомъ, такъ сказать, пробномъ урокѣ, и ничего, кромѣ вздора, изъ его просвѣтительныхъ усилій не вышло. Онъ былъ сильно сконфуженъ своей неудачей. Мы думали, что теперь онъ угомонится на долго, если не на всегда, но не тутъ-то было. Уже на другой день Иванъ позабылъ объ этомъ печальномъ происшествіи, и его опять тянуло побаловать себя тѣмъ или другимъ эффектнымъ положеніемъ. Приходитъ онъ однажды часовъ въ 8 утра на квартиру Гоббста и торжественно обращается къ одному изъ присутствовавшихъ тамъ „бунтарей“.

— Петръ Петровичъ, надо бы смотръ сдѣлать!

— Какой смотръ?

— Да больше ничего—выдти на улицу, людей посмотрѣть, себя показать. Скучаетъ народъ-то!

Бунтарь, названный здѣсь Петромъ Петровичемъ, отчасти походилъ характеромъ на Ивана, съ которымъ, кстати сказать, былъ большимъ пріятелемъ. Онъ быстро сообразилъ, чего тотъ хочетъ, и безъ возраженій вышелъ съ нимъ на улицу. Спустя нѣсколько минутъ вышли и остальные бунтари — ихъ было 2 - 3 человѣка —

очень заинтересованные новой затѣей неугомоннаго Ивана. Дойдя до Обводнаго канала, они увидѣли такую картину.

Сотни стачечниковъ покрывали набережную, образуя вдоль нея сплошную стѣну. Передъ этой стѣной медленно, торжественно шествовалъ Петръ Петровичъ, а за нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, двигался Иванъ, слегка повернувъ въ сторону свою почтительно наклоненную голову, какъ бы затѣмъ, чтобы хоть одно ухо было поближе къ начальству и не проронило ни слова изъ могущихъ послѣдовать приказаній. Всюду, гдѣ проходила эта пара, рабочіе снимали шапки, привѣтливо кланяясь и отпуская на ея счетъ разныя одобрительныя замѣчанія. „Вотъ они, орлы-то наши, пошли!" любовно воскликнулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня пожилой рабочій. Окружавшіе его молчали, но видно было, что и имъ появленіе „орловъ" доставило большое удовольствіе.

Комическая выдумка Ивана была подсказана ему вѣрнымъ пониманіемъ настроенія массы. „Народъ" дѣйствительно „скучалъ", не видя революціонеровъ. Онъ чувствовалъ себя бодрѣе и смѣлѣе въ ихъ присутствіи.

Замѣчу, однако, что тогдашнія представленія огромнаго большинства стачечниковъ объ „орлахъ" отличались большою неясностью. Стаченники видѣли въ нихъ своихъ друзей, замѣтили также, что „орлы" не ладятъ съ полиціей. Но это и все. Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ революціонеры къ высшему начальству, въ особенности къ царю — объ этомъ спрашивали себя тогда, вѣроятно, очень не многіе изъ стачечниковъ. Большинство приписывало намъ, должно быть, свой собственный, вынесенный изъ деревни взглядъ на царя, какъ на вѣрнаго защитника народныхъ интересовъ. Наиболѣе же наивные доходили, пожалуй, до того, что принимали насъ за тайныхъ царскихъ агентовъ. Я знаю, что въ первое время стачки въ существованіи такихъ агентовъ твердо были убѣждены по крайней мѣрѣ нѣкоторые рабочіе. „Тише, братцы, крикнулъ однажды собравшейся передъ фабричнымъ зданіемъ толпѣ какой-то прядильщикъ, тутъ таскаются фискалы!" — Какіе фискалы? полюбопытствовалъ другой, обращаясь къ своему сосѣду. — „А это, братъ ты мой, такіе люди, отвѣтилъ тотъ, которыхъ царь тайно посылаетъ разузнать, нѣтъ ли гдѣ притѣсненія народу. Они походятъ, послушаютъ, да ему и разскажутъ. Фискаловъ бояться нечего, это онъ напрасно, фискалы правду наблюдаютъ." Такое лестное понятіе о фискалахъ

скоро разбилось въ прахъ при столкновеніи съ дѣйствительностью. Не прошло и недѣли, какъ уже всѣ стачечники хорошо знали, кому и о чемъ доносятъ фискалы. Фабричная молодежь стала устраивать на нихъ настоящія облавы. Обыкновенно онѣ происходили вечеромъ. Отрядъ охотниковъ отправлялся въ одинъ изъ мѣстныхъ трактировъ, куда во время стачки часто забѣгали шпіоны пообогрѣться и прислушаться къ разговорамъ публики, состоявшей изъ тѣхъ же стачечниковъ. „Есть фискалы?“ спрашиваетъ предводитель отряда кого нибудь изъ знакомыхъ. — Вонъ сидитъ пара, давно ужъ тутъ вертятся, замѣчаютъ да подслушиваютъ.“ Предводителю только этого и надо. Онъ шепчется со своими спутниками и располагается пить чай неподалеку отъ фискаловъ. Едва тѣ выходятъ изъ трактира, онъ выбѣгаетъ за ними. „Ребята, фискалъ, держи, держи!“ кричитъ онъ что есть мочи. Фискалы бросаются бѣжать, но на первомъ же углу натыкаются на засаду. Ихъ хватаютъ и ведутъ къ каналу. Здѣсь ихъ вѣжливенько кладутъ на землю и, какъ по наклонной плоскости, пускаютъ катиться внизъ по крутому берегу. Вывалявшись въ снѣгу и стукнувшись объ ледъ, фискалы вскакиваютъ и стремглавъ летятъ въ участокъ. „Улю-лю-лю! улю-лю-лю!“ кричатъ имъ вслѣдъ рабочіе, и затѣмъ быстро расходятся по домамъ, во избѣжаніе полицейскихъ возмездій. Разсказы объ испытанныхъ фискалами непріятностяхъ очень потѣшали всѣхъ стачечниковъ.

Собственно говоря, революціонеры были для нихъ такими же неизвѣстными людьми, какъ и фискалы. Иногда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, на мѣсто дѣйствія вмѣсто старыхъ, знакомыхъ всей рабочей массѣ „орловъ“ являлись совершенно новыя личности. Но замѣчательно, что стачечники никогда не ошибались, и ни разу ни одному революціонеру не пришлось испытать на себѣ дѣйствіе предназначеннаго для фискаловъ исправительнаго наказанія. Рабочіе какимъ-то чутьемъ отличали революціонеровъ отъ полицейскихъ сыщиковъ. Возможно, однако, что тѣ изъ нихъ, которые видѣли прежде въ шпіонахъ тайныхъ агентовъ добродѣтельнаго царя, принимали потомъ за такихъ агентовъ самихъ революціонеровъ. Возможно также, что они приписывали царской милости и раздачу денегъ лишившимся кредита семьямъ. По крайней мѣрѣ сближеніе съ революціонерами не мѣшало большинству стачечниковъ надѣяться на помощь со стороны трона. Именно отъ „орловъ“-то и ждали,

что они напишутъ прошеніе („хо-орошенькую бумажку!“). Обращаться съ такой просьбой къ революціонерамъ значило почти то же, что просить сатану отслужить молебенъ угоднику. Землевольцы заранѣе морщились при мысли о такого рода порученіи, тѣмъ болѣе, что „лавристы“, недовольные принятымъ ими способомъ дѣйствій, давно уже обвиняли ихъ въ измѣнѣ революціоннымъ принципамъ. Но дѣлать было нечего. Вѣру въ царя нужно было разрушать не словами, а опытомъ. И вотъ однажды утромъ въ квартиру Гоббста принесенъ былъ проэктъ требуемаго прошенія. Одобренный мѣстнымъ рабочимъ кружкомъ, онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе рабочаго собранія, состоявшагося на обширномъ дворѣ Бумагопрядильни. Малолѣтніе рабочіе („ребятишки“), все время принимавшіе дѣятельное участіе въ стачкѣ, разсыпались по прилегающимъ улицамъ и переулкамъ, чтобы въ случаѣ приближенія полиціи во время предупредить собравшихся. Кто-то (кажется все тотъ же Иванъ) взобрался на большую кучу каменнаго угля и громогласно прочелъ прошеніе. Оно вызвало всеобщій восторгъ. „Вашему Императорскому Высочеству, говорилось въ немъ, не безъизвѣстно, какіе плохіе были отведены намъ надѣлы, и какъ сильно страдаемъ мы отъ малоземелья!“ — Вѣрно, вѣрно, гремѣла толпа, только званіе что земля, а пользы отъ нея никакой! „Вашему Императорскому Высочеству не безъизвѣстно также, что за эти плохіе надѣлы мы платимъ огромныя подати“ продолжалъ чтецъ. — И это такъ, и это вѣрно, одобряли слушатели, вздохнуть не даютъ съ податями! „Вашему Императорскому Высочеству не безъизвѣстно, наконецъ, съ какою жестокостью взыскиваются съ насъ эти тяжелыя подати,—раздавалось съ высокой каменноугольной трибуны, — нужда гонитъ насъ на заработки въ городъ, а здѣсь насъ на каждомъ шагу притѣсняютъ фабриканты и полиція“. Далѣе слѣдовалъ разборъ вызвавшихъ стачку новыхъ правилъ, а въ заключеніе говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочіе ждутъ ее отъ наслѣдника престола, но если и онъ не обратитъ вниманія на ихъ просьбу, то ясно будетъ, что имъ остается надѣяться *только на самихъ себя.* Заключеніе также найдено было очень разсудительнымъ. „Если и отъ наслѣдника ничего не добьемся, то ужь надо будетъ, какъ-никакъ, поправляться самимъ“, рѣшили слушатели. Такимъ образомъ, прошеніе было готово. Но какъ доставить его наслѣднику? Идти „ходокомъ“ къ Аничкову дворцу никому не хотѣлось, такъ какъ подобное путешествіе могло закон-

читься очень непріятнымъ образомъ. Рѣшено было нести прошеніе цѣлой толпою.

Полиція давно уже догадывалась. что стачечниковъ поддерживаютъ революціонеры. „Фискалы“ лѣзли изъ кожи вонъ, стараясь выслѣдить „подстрекателей“. Но землевольцевъ поймать было не легко, и шпіонскія усилія такъ и не привели бы, можетъ быть, ни къ чему, если бы не одна несчастная случайность.

Зимою 1877—78 гг. „интеллигенція“ находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Процессъ 193, этотъ долгій поединокъ между правительствомъ и революціонной партіей, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ волновалъ всѣ оппозиціонные элементы. Особенно горячилась учащаяся молодежь. Въ университетѣ, въ медико-хирургической академіи и въ технологическомъ институтѣ происходили огромныя сходки, на которыхъ „нелегальные“ ораторы „Земли и Воли“, ни мало не стѣсняясь возможнымъ присутствіемъ шпіоновъ, держали самыя недвусмысленныя рѣчи. Недавно основанная тайная землевольческая типографія усиленно работала. Кромѣ обширнаго отчета о „большомъ процессѣ“, изъ нея вышло тогда множество воззваній и, между прочимъ, проэктъ адресса министру юстиціи Палену отъ учащейся молодежи, заключавшій въ себѣ рѣзкій протестъ противъ жандармской инквизиціи (мы называли въ шутку этотъ проэктъ русской petition of rights). Всѣ подобныя изданія широко распространялись по Россіи, но понятно, что больше всего ихъ было въ Петербургѣ, гдѣ ихъ легко могъ достать всякій желающій. Выстрѣлъ В. И. Засуличъ и вооруженное сопротивленіе жандармамъ Ковальскаго съ товарищами въ Одессѣ (30 Января 1878 г.) еще болѣе подлили масла въ огонь. Жажда дѣятельности и борьбы пробуждалась въ самыхъ мирныхъ людяхъ. И не было революціоннаго предпріятія, для исполненія котораго не нашлось бы многихъ и многихъ охотниковъ.

Когда среди петербургской интеллигенціи разнесся слухъ о стачкѣ, студенты немедленно собрали въ пользу забастовавшихъ очень значительную сумму денегъ*). Но радикальная часть студенчества не довольствовалась денежными пожертвованіями. Ей хотѣ-

*) Впрочемъ, деньги давали не одни студенты. Все либеральное общество отнеслось къ стачечникамъ весьма сочувственно. Говорили, что даже г. Суворинъ раззорился для ихъ поддержки на три рубля. За достовѣрность этого слуха не могу, однако, поручиться.

лось поближе сойтись со стачечниками. Изъ студентовъ разныхъ заведеній составилась небольшая группа, съ цѣлью пробраться на Обводный каналъ. Дойти до него было, конечно, не трудно, но никто изъ странниковъ не имѣлъ связей между тамошними рабочими. Они зашли въ портерную лавку, вѣроятно, разсчитывая встрѣтить тамъ стачечниковъ. Отъ портерной было рукой подать до Бумагопрядильни, и въ нее, дѣйствительно, нерѣдко заходили рабочіе, но именно потому тамъ во время стачки постоянно засѣдали „фискалы", разумѣется, сейчасъ же обратившіе вниманіе на необычныхъ посѣтителей. Необычные посѣтители, съ своей стороны, сообразили, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, но отступить не захотѣли. Прилегавшія къ Бумагопрядильнѣ улицы имѣли уже тогда тотъ особенный видъ, который обыкновенно принимаютъ наши рабочіе кварталы, когда въ нихъ пахнетъ хоть маленькимъ „бунтомъ": шмыгаютъ фискалы, озабоченно бѣгаютъ околодочные, на перекресткахъ стоятъ цѣлыя кучи городовыхъ, иногда показываются козаки, а неучаствующіе въ „бунтѣ" рѣдкіе прохожіе боязливо озираются по сторонамъ, точно вотъ-вотъ сейчасъ произойдетъ что-то очень страшное. Такая картина даже на бывалаго, видавшаго виды революціонера дѣйствуетъ всегда самымъ возбуждающимъ образомъ. Тѣмъ болѣе сильно должна была она подѣйствовать на молодыхъ студентовъ. Войдя въ портерную› они, повидимому, уже плохо владѣли собою, а когда замѣтили шпіоновъ, совсѣмъ забыли всякую осторожность. „А вы слышали, господа, что въ Ростовѣ-на-Дону убили шпіона Никонова?*) Семь пуль всадили!" сказалъ одинъ изъ нихъ, нарочно возвышая голосъ, чтобы его могли слышать тѣ, кому слышать ихъ вовсе не слѣдовало.—„Не семь, а одиннадцать", поправилъ его шпіонъ, надѣвая шапку и выходя на улицу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ сопровожденіи полицейскихъ и пригласилъ гг. студентовъ „на пару словъ въ участокъ". О поимкѣ „подстрекателей" сейчасъ же извѣстили начальника тайной полиціи, который на подмогу вульгарнымъ уличнымъ шпіонамъ отрядилъ какого-то чиновнаго сыщика. А тѣмъ временемъ полиція вошла во вкусъ арестовъ и стала хватать прохожихъ, почему либо казавшихся ей подозрительными. Такъ взятъ былъ совершенно ни за что, ни про что одинъ псковскій мѣщанинъ, едва только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ

*) Свѣжая тогда новость.

и отправившійся на Обводный каналъ по какому-то частному дѣлу. Почти одновременно съ нимъ схватили на улицѣ двухъ землевольцевъ, только что оставившихъ конспиративную квартиру Гоббста и пробиравшихся во свояси. Арестовали также нѣсколькихъ рабочихъ, считавшихся „зачинщиками“ и на самомъ дѣлѣ принадлежавшихъ къ мѣстному революціонному кружку. Давно уже подготовлявшаяся, неизбѣжная полицейская гроза разразилась, наконецъ, со свойственной ей величавой силой.

Склонивъ управляющаго на нѣкоторыя, вполнѣ ничтожныя уступки, усмирители отпечатали и распространили между стачечниками видоизмѣненныя такимъ образомъ „новыя правила“,*) объявивъ, что всякій рабочій, отказывающійся подчиниться имъ, будетъ немедленно высланъ на родину. Къ счастью, отказались *всѣ*, а всѣхъ выслать было бы трудно даже для всемогущей полиціи и невыгодно для фабрики.

Стачечники очень сочувствовали арестованнымъ революціонерамъ. „Жаль, что не видѣли мы, какъ ихъ брали, говорили нѣкоторые, мы отбили бы ихъ у полиціи“. Что же касается до арестовъ въ ихъ собственной средѣ, то они скорѣе ожесточали, чѣмъ запугивали рабочихъ. Во всякомъ случаѣ, дня черезъ два послѣ описанныхъ происшествій, снова поднялись толки о подачѣ наслѣднику забытаго на время прошенія, которое и было торжественно отнесено къ Аничкову дворцу. Тамъ его принялъ, для передачи по назначенію, градоначальникъ. Рабочіе увѣряли послѣ, что когда Козловъ бралъ у нихъ прошеніе, наслѣдникъ стоялъ у окна и видѣлъ все происходившее. Это обстоятельство было, вѣроятно, плодомъ ихъ фантазіи, но тѣмъ не менѣе пришлось оно очень кстати. Никто не могъ бы убѣдить впослѣдствіи стачечниковъ, что ихъ прошеніе скрыли отъ наслѣдника недоброжелательные къ нимъ придворные.

Отнеся „бумагу“ во дворецъ, градоначальникъ опять вышелъ къ просителямъ и объявилъ, что теперь наслѣдникъ приказываетъ

---

*) Однимъ изъ схваченныхъ землевольцевъ былъ пишущій эти строки. Въ участкѣ, куда привели арестованныхъ, лежала на столѣ пачка „новыхъ правилъ“ напечатанныхъ почти совершенно на такихъ же листкахъ, на какихъ мы печатали наши воззванія. Я обратилъ вниманіе околодочнаго на редакцію этихъ правилъ: „сначала въ нихъ идетъ рѣчь о двухъ грошовыхъ уступкахъ, а дальше слѣдуетъ рядъ статей, возвѣщающихъ пониженіе заработной платы. Надо было сдѣлать наоборотъ: сначала возвѣстить о пониженіи платы, а потомъ уже обрадовать рабочихъ уступками. Такимъ образомъ они заѣли бы горькое сладкимъ.“ — „Что прикажете дѣлать, возразилъ околодочный съ видомъ глубокой, но грустной покорности судьбѣ [illegible] человѣку всегда будетъ горько, этого вы не перемѣните.“

имъ разойтись, отвѣтъ же на ихъ просьбу онъ дастъ имъ черезъ нѣсколько дней. Рабочіе немедленно и совершенно спокойно исполнили это приказаніе.

Полиція притихла, не зная, какъ отнесется къ прошенію наслѣдникъ, и стачка сдѣлалась на время какъ бы совершенно законнымъ явленіемъ. О ней заговорили въ газетахъ, осуждая дѣйствія фабричной администраціи. Стачечники сдѣлались героями дня. Адвокаты предлагали имъ безвозмездныя услуги, на нихъ стремились посмотрѣть, какъ смотрятъ на модныя диковины. Какой-то „нигилистъ", встрѣтивъ случайно пары двѣ этихъ интересныхъ людей, затащилъ ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ ихъ облюбовалъ цѣлый десятокъ другихъ нигилистовъ, также непремѣнно желавшихъ видѣть ихъ у себя дома и показать друзьямъ,—и пошли наши рабочіе гулять изъ одной нигилистической квартиры въ другую, всюду возбуждая живѣйшій интересъ и съ удивленіемъ присматриваясь къ незнакомому имъ мірку. Впрочемъ, это были бойкіе „ребята", умѣвшіе показать себя и ни мало несмущавшіеся непривычной обстановкой. Какъ сейчасъ помню визитъ ихъ къ одному либеральному адвокату*), къ которому затащили ихъ нигилисты, чтобы посовѣтоваться съ нимъ „на счетъ стачки". Онъ встрѣтилъ ихъ торжественно и даже съ нѣкоторою робостью, какъ встрѣтилъ бы провинціалъ „знатнаго иностранца", а они, порядочно уже избалованные безтолковымъ вниманіемъ интеллигенціи и успѣвшіе возгордиться своимъ званіемъ стачечниковъ, обращались съ нимъ покровительственно и преважно развалились въ его мягкихъ креслахъ. Землевольцы понимали, къ какимъ нелѣпымъ послѣдствіямъ можетъ привести *подобное* сближеніе интеллигенціи съ рабочими. Они старались положить ему конецъ и при всякомъ удобномъ случаѣ осмѣивали его какъ праздную забаву. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ нигилистовъ, что скоро въ тайной землевольческой типографіи будетъ напечатано такое объявленіе: „Въ домѣ № x, въ квартирѣ № y по такой-то улицѣ (при этомъ точно обозначалась квартира, наиболѣе прославившаяся частыми пріемами рабочихъ) отъ 2 до 6 часовъ по полудни показываются рабочіе, принадлежащіе къ рѣдкой и интересной породѣ стачечниковъ. За посмот-

*) Арестъ мой продолжался всего одинъ день. Въ качествѣ „нелегальнаго", я имѣлъ недурной паспортъ и носилъ ничѣмъ незапятнанное въ глазахъ полиціи имя какого-то потомственнаго почетнаго гражданина. Меня выпустили, обязавъ подпиской о невыѣздѣ. Я добросовѣстно исполнилъ это обязательство, такъ какъ долго [illegible]

рѣніе обыкновенные нигилисты платятъ по 20 копѣекъ, выпущенные*) по 10, нигилистки же смотрятъ безплатно". Но насмѣшки дѣйствовали такъ же мало, какъ и увѣщанія. Въ глазахъ многихъ „интеллигентовъ" путешествія рабочихъ по нигилистическимъ квартирамъ имѣли свою полезную сторону. Путешествія эти давали, повидимому, возможность повліять на стачечниковъ даже такимъ революціоннымъ кружкамъ, которые, не имѣя никакихъ постоянныхъ связей на Обводномъ каналѣ, очень огорчались, однако, преобладающимъ и постоянно ростущимъ вліяніемъ тамъ „Земли и Воли". Многіе, несочувствовавшіе „бунтарству", революціонеры были убѣждены, что подъ нашимъ вліяніемъ стачка непремѣнно кончится кровавой вспышкой. Напрасно говорили мы, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего подобнаго; намъ не вѣрили и радовались всякому случаю противопоставить намъ болѣе „*мирное*" вліяніе. Въ этомъ, конечно, не было бы большой бѣды, если бы противодѣйствія намъ велись хоть сколько нибудь толково. Но что могло выйти изъ такихъ, напримѣръ, собесѣдованій съ рабочими? „Мирный пропагандистъ" настигаетъ нѣсколькихъ стачечниковъ въ какой нибудь нигилистической квартирѣ и заводитъ съ ними разговоръ о стачкѣ.

— Вы хотите, разумѣется, чтобы стачка сохранила совершенно мирный характеръ? спрашиваетъ онъ ихъ самымъ утвердительнымъ тономъ.

— Конечно, — мирный, отвѣчаютъ вопрошаемые. Намъ что жь, намъ пусть отмѣнятъ новыя правила, а больше намъ ничего не нужно!

— Никакихъ безпорядковъ вы дѣлать не желаете?

— Да зачѣмъ же намъ дѣлать безпорядки?! какой въ нихъ толкъ?

— Ну, вотъ и прекрасно, именно такъ поступать и нужно, заключаетъ вопрошатель и разсказываетъ потомъ, что онъ „самъ" говорилъ съ рабочими и убѣдился, что бунтарямъ они вовсе не сочувствуютъ.

Иногда случалось такъ, что едва оставлялъ рабочихъ „мирный пропагандистъ", ихъ принимался допрашивать какой нибудь молодой сторонникъ „вспышекъ".

---

*) Подъ именемъ „выпущенныхъ" извѣстны были тогда [illegible] [illegible]шіеся по дѣлу о пропагандѣ въ 37 губ. и незадолго до „большого [illegible]

— Ну что, какъ у васъ дѣла на фабрикѣ?

— Да что жь наши дѣла, мы стоимъ на своемъ, а управляющій на своемъ, такъ вотъ и воловодимся.

— Не уступаетъ?

— Нѣтъ, пока что, крѣпко держится, шутъ его возьми!

— Ну, вы, конечно, за себя постоите? Его, подлеца, надо такъ проучить, чтобъ онъ и дѣтямъ своимъ заказалъ притѣснять рабочихъ!

— Да ужь, само собой, не поддадимся, мы и фабрику-то всю разнесемъ въ дрызгъ, машины переломаемъ. Вотъ онъ и считай тогда барыши!

Сторонникъ вспышекъ уходилъ, вполнѣ убѣжденный, что стачечники настроены самымъ „бунтарскимъ" образомъ. Сначала рабочіе совсѣмъ не понимали, чего собственно хотятъ отъ нихъ „интеллигентные" собесѣдники, и совершенно нелицемѣрно поддакивали людямъ противоположныхъ мнѣній, такъ какъ на самомъ дѣлѣ каждый стачечникъ съ одной стороны вовсе не желалъ безпорядковъ, а съ другой очень не прочь былъ помечтать о хорошемъ урокѣ управляющему. Но потомъ они начали соображать въ чемъ дѣло, поняли, какая разноголосица существуетъ между „интеллигентными „революціонерами, и пришли въ тяжелое недоумѣніе. „Ахъ, ты Господи, твоя воля, воскликнулъ при мнѣ у Гоббста одинъ, только что вернувшійся „изъ города" рабочій, каждый-то кружокъ рѣшаетъ наше дѣло по своему. Вотъ тутъ и разбирайся!"

— А ты бы больше шлялся по городу, не то бы еще услыхалъ, сердито заворчалъ на него Гоббстъ, который, какъ человѣкъ бывалый и крѣпко державшійся разъ принятаго направленія, ни мало не смущался революціонными разногласіями. Но его молодой товарищъ и самъ, кажется, убѣдился, что ему совсѣмъ нѣтъ надобности „шляться по городу".

Такъ какъ серьезныя связи на мѣстѣ были у однихъ только „землевольцевъ", то нечего и говорить, что вліяніе ихъ на стачечниковъ осталось непоколебимымъ. Рабочая масса по прежнему видѣла въ нихъ „орловъ" и съ довѣріемъ прислушивалась къ ихъ совѣтамъ. Мало того, обстоятельства складывались такимъ образомъ что землевольцы могли говорить съ нею совсѣмъ откровенно. Наслѣдникъ не сдержалъ своего обѣщанія, не отвѣтилъ на просьбу

стачечниковъ. Нѣкоторые, болѣе довѣрчивые изъ нихъ продолжали еще ждать и надѣяться, но за то другіе — и такихъ съ каждымъ днемъ становилось больше — рѣшили, что и наслѣдникъ, „не хуже градоначальника“ тянетъ руку управляющаго. „Нечего было и ходить къ нему, только сапоги трепали“, говорили теперь нерѣдко тѣ самые люди, которые прежде энергичнѣе всѣхъ стояли за подачу прошенія. Вынесенный изъ деревни политическій предразсудокъ быстро уступалъ мѣсто трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрѣли на верховную власть какъ на вѣрную защитницу народныхъ интересовъ, теперь они стали видѣть въ ней сообщницу капиталистовъ. Этотъ новый взглядъ немедленно же выразился въ неизвѣстно кѣмъ сочиненной баснѣ о томъ, что наслѣдникъ находится въ интимной связи съ женою управляющаго и, кромѣ того, имѣетъ свой пай въ фабричномъ капиталѣ. Едва ли кто изъ стачечниковъ вѣрилъ этой баснѣ, но всѣ повторяли ее очень охотно. Революціонерамъ оставалось только подчеркивать тѣ выводы, къ которымъ пришли рабочіе на основаніи собственнаго опыта.

Между тѣмъ, ничего не отвѣчая рабочимъ, наслѣдникъ очевидно далъ понять градоначальнику, что желаетъ сохранить нейтралитетъ, и что поэтому полиція можетъ дѣйствовать съ обычнымъ своимъ усердіемъ. Для стачечниковъ вернулось тяжелое время. Полицейскія преслѣдованія возобновились и росли съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что околодочные врывались въ артельныя квартиры и, съ помощью городовыхъ, насильно тащили рабочихъ на фабрику. Наиболѣе упорныхъ отводили въ участокъ, а оттуда въ пересыльную тюрьму. По улицамъ разъѣзжали сильные казачьи и даже жандармскіе отряды, присутствіе которыхъ должно было подавлять у стачечниковъ всякую мысль объ открытомъ сопротивленіи. Наконецъ, явилась еще одна редакція „новыхъ правилъ“, сулившая рабочимъ новыя „уступки“. Доведенные до крайности, они сдались, и послѣ двухнедѣльнаго затишья Бумагопрядильня снова пошла полнымъ ходомъ.

Стачка была подавлена не экономической силой капитала, а простымъ полицейскимъ насиліемъ: денежные сборы между „интеллигенціей“ и рабочими разныхъ промышленныхъ заведеній могли бы поддержать стачечниковъ по крайней мѣрѣ еще въ теченіе цѣлаго мѣсяца, дѣла же акціонернаго общества Новой Бумагопрядильни шли тогда далеко не такъ хорошо, чтобы оно могло вынести столь продолжительное „воздержаніе“ отъ эксплуатаціи чужого труда. Его вы-

ручила полиція. Стачечники ясно видѣли это, и намъ представлялся прекрасный случай выяснить имъ великое значеніе политической свободы. Они хорошо запомнили бы наши слова, такъ какъ всякая общая мысль, схваченная ими во время такихъ движеній, чрезвычайно прочно укрѣпляется въ ихъ головахъ. Но мы сами презирали еще тогда „буржуазную свободу“ и сочли бы себя измѣнниками, если бы вздумали восхвалять ее передъ рабочими. Въ этомъ заключалась самая слабая сторона нашей тогдашней „агитаціи“. Возбуждая рабочихъ противъ „властей“ и „государства“, она не сообщала имъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и потому не придавала сознательнаго характера ихъ неизбѣжной борьбѣ противъ *современнаго полицейскаго* государства. Замѣчательно, что съ такъ называемымъ обществомъ тѣ же землевольцы считали возможнымъ говорить совершенно иначе: они выставляли передъ нимъ, по крайней мѣрѣ иногда, довольно опредѣленныя *положительныя* политическія требованія (см. напр. фельетоны „Земли и Воли“). Противопоставляя „соціализмъ“ „политикѣ“, землевольцы считали борьбу за политическую свободу дѣломъ буржуазіи, рабочихъ же продолжали звать на „чисто“-экономическую революцію.

Какъ бы тамъ ни было, стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, не смотря на свой неудачный исходъ и на нашу ошибку, принесла большую пользу дѣлу рабочаго движенія въ Петербургѣ. За ея ходомъ внимательно слѣдили всѣ петербургскіе рабочіе, и многіе „сѣрые люди“, навѣрное, пришли къ тѣмъ же выводамъ относительно царской власти, какіе сдѣланы были ткачами и прядильщиками Обводнаго канала. Съ своей стороны, власть эта, нужно отдать ей справедливость, не упускала случая показать, что она всецѣло стоитъ на сторонѣ капиталистовъ. Въ концѣ ноября 1878 года произошла стачка на прядильной фабрикѣ Кэнига за Нарвской Заставой. Тамошніе рабочіе также вздумали обратиться съ „прошеніемъ“ къ наслѣднику, и утромъ 2 декабря ихъ выборные (30 человѣкъ) отправились къ Аничкову дворцу. Августѣйшій сынокъ не только не помогъ стачечникамъ, но даже не принялъ ихъ прошенія. Ясно было, что правду говорили рабочіе Новой Бумагопрядильни, что ходить къ наслѣднику значило только „сапоги трепать“ безъ всякой пользы.

Впрочемъ, прядильщики кэниговской фабрики не очень нуждались въ подобномъ урокѣ. Для нихъ не прошелъ даромъ опытъ ихъ

товарищей съ Обводнаго канала. По всему видно, напротивъ, что они и раньше путешествія ихъ выборныхъ къ Аничкову дворцу знали, гдѣ искать настоящихъ друзей. Хотя на этой фабрикѣ совсѣмъ не велась революціонная пропаганда, но стачечники съ перваго же дня забастовки рѣшили сойтись со „студентами", и отправили нѣсколькихъ человѣкъ на Обводный каналъ разузнать, какъ можно найти этихъ людей, „помогающихъ рабочимъ". Хожденіе къ наслѣднику было предпринято съ вѣдома революціонеровъ и предпринято больше такъ себѣ, на всякій случай, чтобы окончательно убѣдить всѣхъ колеблющихся и сомнѣвающихся, если бы оказались такіе между стачечниками. При томъ же слѣдуетъ помнить, что по русскимъ законамъ стачка есть уголовное преступленіе, и что, въ виду этого, „прошенія", подаваемыя властямъ рабочими, имѣютъ нерѣдко значеніе встрѣчнаго иска, противопоставляемаго неизбѣжному иску фабриканта.

Въ подавленіи стачки на фабрикѣ Кэнига синяя полиція принимала болѣе горячее участіе, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Рабочихъ прямо тащили въ Ш Отдѣленіе, гдѣ и происходили ихъ объясненія съ хозяиномъ. Передъ этимъ таинственнымъ трибуналомъ г. Кэнигъ утверждалъ, что рабочимъ у него не житье, а масляница, стачка же произошла вслѣдствіе „постороннихъ внушеній". Онъ обѣщалъ даже узнать и сообщить полиціи имена подстрекателей. Въ благодарность за это, третье-отдѣленскіе политики готовы были благословить будущаго доносителя на самыя противозаконныя дѣйствія. Во всемъ этомъ дѣлѣ ихъ, разумѣется, больше всего интересовалъ вопросъ о подстрекателяхъ. Только о подстрекателяхъ и слышали рабочіе, когда полиція принималась „разбирать" ихъ жалобы на хозяина. „Вы слушаетесь злыхъ людей,—кричалъ рабочимъ какой-то синій „генералъ", явившись на фабрику въ одинъ изъ первыхъ дней стачки, —у меня здѣсь сто шпіоновъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ, но если хозяинъ найдетъ, что этого мало, я пришлю еще столько же! Какъ только узнаю, что къ вамъ ходятъ бунтовщики, всѣхъ васъ въ Архангельскъ сошлю!"*) Рабочіе увѣряли, что никакихъ бунтовщиковъ они не знаютъ, а между тѣмъ продолжали свои сношенія съ революціонерами и еще болѣе проникались уваженіемъ къ этимъ, прежде невѣдомымъ людямъ, которыхъ

*) Замѣтьте, что всѣхъ рабочихъ у Кэнига было не больше 200.

такъ сильно боялись генералы всѣхъ цвѣтовъ и хозяева различныхъ гильдій.

Интересно, что стачка на фабрикѣ Кэнига начата была малолѣтними рабочими. Дѣло въ томъ, что на бумагопрядильныхъ фабрикахъ получается много отброса, состоящаго изъ порвавшихся нитокъ. Этотъ отбросъ образуетъ возлѣ станковъ кучи такъ называемой *пыли*. Сортировкой „пыли" на фабрикахъ Кэнига занимается особый разрядъ работницъ. Но незадолго до описываемаго времени директоръ разсчиталъ этихъ работницъ и возложилъ сортировку пыли на такъ называемыхъ „заднихъ мальчиковъ".*) Тѣ „взбунтовались", заявивши мастеру, что не станутъ работать до тѣхъ поръ, пока ихъ не избавятъ отъ новой обузы. Кэнигъ хотѣлъ было покончить дѣло поголовнымъ изгнаніемъ всѣхъ непокорныхъ заднихъ мальчиковъ. Тогда вступили въ стачку „средніе мальчики" и взрослые рабочіе.

Не смотря на всѣ полицейскія застращиванія, стачечники держались превосходно. Они не уступили даже тогда, когда Кэнигъ рѣшился на крайнюю мѣру, т. е. прогналъ ихъ *всѣхъ до единаго*. Петербургскіе революціонные рабочіе кружки постарались пристроить ихъ на другихъ фабрикахъ.

Тотъ же 1878 г. ознаменовался нѣкоторыми, правда, незначительными побѣдами петербургскихъ рабочихъ. Такъ, въ концѣ августа на фортепьянной фабрикѣ Беккера (на набережной Большой Невки) такъ называемые ящичники, т. е. столяры, дѣлающіе деревянный ящикъ фортепьяно, потребовали повышенія заработной (поштучной) платы. Г. Беккеръ отвѣтилъ, что они могутъ увеличить свой заработокъ, переставши „понедѣльничать", т. е. аккуратнѣе являясь на работу по понедѣльникамъ. Ящичники забастовали. Черезъ три дня хозяинъ сдался.

Такъ же неудачно для хозяевъ кончились столкновенія ихъ съ „рабочими руками" на табачныхъ фабрикахъ Мичри и бр. Шапшалъ. Эти столкновенія интересны тѣмъ, что на названныхъ фабрикахъ работали исключительно женщины.

24 сентября въ мастерскихъ табачной фабрики Мичри появилось объявленіе, гласившее, что папиросницы, получавшія 65 коп. за 1000 штукъ папиросъ перваго сорта, впредь будутъ получать 55 к.; а за

*) Каждый прядильщикъ работалъ на двухъ станкахъ, при чемъ у него было 2 подручныхъ мальчика: такъ называемый *средній*, 17—19 л., и *задній*, 12—14 лѣтъ.

1000 шт. папиросъ второго сорта, вмѣсто прежнихъ 55 к. будетъ платиться 45 к. Это пониженіе платы мотивировалось плохимъ сбытомъ товара. Мастерицы, какъ называютъ себя работницы, сорвали это объявленіе и пошли въ контору для объясненій. Тамъ онѣ сказали прикащику, что не согласны работать за уменьшенную плату, и просили принять отъ нихъ палочки и машинки для дѣланія папиросъ. Тотъ обругалъ ихъ непечатной бранью. Его грубость окончательно взорвала „мастерицъ": палочки, машинки и даже скамейки полетѣли въ окна; прикащикъ струсилъ и послалъ за хозяиномъ. Г. Мичри не заставилъ долго себя ждать. Онъ немедленно явился на фабрику, и ласковая рѣчь его, а больше всего обѣщаніе уступки, успокоили толпу, состоявшую приблизительно изъ сотни женщинъ. Попытка понизить и безъ того невысокую плату окончилась полной неудачей.

Черезъ 2 дня такая же исторія повторилась на фабрикѣ бр. Шапталъ на Песках. Тамъ прикащикъ вывѣсилъ слѣдующее объявленіе:

МАСТЕРИЦАМЪ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛЪ.

Симъ объявляю, что, по случаю остановки сбыта товара, я сбавляю съ каждой 1000 папиросъ по 10 коп.

Шапшалъ.

Мастерицы, здѣсь уже въ числѣ 200, немедленно сорвали это объявленіе и на его мѣстѣ вывѣсили новое:

ХОЗЯИНУ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛЪ.

Мы, мастерицы вашей фабрики, объявляемъ, что не согласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться.

Мастерицы вашей фабрики.

Прикащикъ собралъ мастерицъ и потребовалъ, чтобы онѣ указали писавшую объявленіе. Онѣ отвѣтили, что это излишне, такъ какъ объявленіе писано отъ имени ихъ всѣхъ, и стали уходить. Прикащикъ поспѣшилъ послать за хозяиномъ. Послѣ напрасныхъ

попытокъ убѣдить мастерицъ работать за пониженную плату, г. Шапшалъ вынужденъ былъ уступить подобно г. Мичри.

Въ слѣдующемъ, 1879 году, стачечная зараза охватила нѣсколько фабрикъ одновременно. Обнаружилась она прежде всего на знакомой уже читателямъ Новой Бумагопрядильнѣ.

Съ тяжелымъ сердцемъ уступая полицейскому насилію, рабочіе Новой Бумагопрядильни говорили намъ, что они покоряются не на долго и при первомъ же удобномъ случаѣ опять забастуютъ. По правдѣ сказать, мы не вѣрили имъ, видя въ ихъ словахъ не болѣе какъ желаніе утѣшить и себя и насъ въ испытанной неудачѣ. Но мы ошибались. Уже въ ноябрѣ 1878 г. полиція имѣла много хлопотъ съ неугомонной Бумагопрядильней. Восьмого Ноября (Михайловъ день) тамошніе рабочіе не явились на фабрику, мотивируя это тѣмъ, что, дескать, — праздникъ, работать грѣхъ. Но на другихъ фабрикахъ работа шла своимъ чередомъ, и управляющій Бумагопрядильни вздумалъ наверстать потерянное время удлиненіемъ рабочаго дня съ 13 часовъ, какъ было до тѣхъ поръ (отъ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, съ вычетомъ 2 часовъ на ѣду), до 13¼ и продолжать работу при этомъ условіи до тѣхъ поръ, пока изъ кусковъ времени не составится полный день. Два дня работа шла до 8¼ ч., возбуждая сильное неудовольствіе рабочихъ. На третій день кому-то пришло въ голову завернуть главный газопроводный кранъ въ 8 часовъ. Какъ только эта мысль была приведена въ исполненіе, рабочіе густой толпой повалили съ фабрики, при чемъ разбили нѣсколько стеколъ и испортили 9 основъ. Вѣрный другъ „отечественной промышленности“, полиція не могла во-время явиться для возстановленія „порядка“, но за то на слѣдующее утро на фабрику явилась цѣлая орда охранителей, и въ теченіе нѣсколькихъ дней работа происходила въ ихъ благодѣтельномъ присутствіи, хотя уже не до 8¼, а только до 8 часовъ. Началось слѣдствіе: кто потушилъ? Кто могъ потушить? Человѣкъ 7 рабочихъ таскали въ участокъ. Приставъ горячился и кричалъ, что „ушлетъ ихъ въ Архангельскую губернію“. Однако это не помогло. Рабочіе отвѣчали, что ничего не знаютъ. Одна женщина, работавшая недалеко отъ крана, показала на допросѣ, что кранъ завернулъ какой-то рабочій, лицо котораго было закрыто передникомъ. Кто былъ этотъ рабочій, — осталось неизвѣстнымъ, дѣло пришлось передать „суду и волѣ божіей“. Съ тѣхъ поръ полиція стала зорко слѣдить за рабочими.

15 Января слѣдующаго года рабочіе Бумагопрядильни по обыкновенію пришли на фабрику рано утромъ. Нѣсколько часовъ прошло обычнымъ порядкомъ; но передъ обѣдомъ въ ткацкое отдѣленіе явился главный мастеръ и вывѣсилъ объявленіе, приглашавшее 44-хъ ткачей къ *разсчету*. На вопросъ — за что такая немилость? — мастеръ отвѣтилъ, что эти 44 человѣка выбрасываются на улицу за свое „бунтовство", и что впредь всѣ неблагонадежные будутъ прогоняемы. Заявилъ онъ также. что вообще администрація фабрики въ виду постоянныхъ бунтовъ, думаетъ замѣнить ткачей-мужчинъ женщинами и дѣтьми. Рѣчь его была прервана взрывомъ негодованія. Объявленіе было изорвано въ клочки, самъ ораторъ долженъ былъ ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домамъ обѣдать. Послѣ обѣда они собрались передъ воротами фабрики густой толпой, черезъ которую не прошелъ одинъ изъ тѣхъ, кто еще колебался пристать къ стачкѣ. Директоръ поспѣшилъ извѣстить полицію о новомъ „бунтѣ". Около фабрики забѣгали „фискалы", показались околодочные, въ полной формѣ, съ револьверами на боку; ихъ сопровождали десятки городовыхъ. Но полиція пока еще не обнаруживала большой стремительности, вѣроятно, потому, что не получила еще надлежащихъ наставленій свыше.

Къ вечеру того же дня ткачи рѣшили, кромѣ отмѣны распоряженія объ изгнаніи бунтовщиковъ, требовать также: 1) повышенія заработной платы — 5 коп. на кусокъ ткани; 2) сокращенія рабочаго дня на 2½ часа; 3) отмѣны нѣкоторыхъ штрафовъ; 4) изгнанія нѣсколькихъ ненавистныхъ имъ мастеровъ и подмастерьевъ; 5) присутствія выборныхъ отъ рабочихъ при пріемѣ сдаваемой ими ткани и, наконецъ, 7) выдачи имъ платы „за все время стачки, какъ будто работа и не прекращалась". Требованія эти были немедленно записаны и, если не ошибаюсь, отпечатаны въ тайной типографіи „Земли и Воли".

Слухи о стачкѣ на Новой Бумагопрядильнѣ быстро распространились между фабричными, и на слѣдующій день на Обводный каналъ явилось 40 выборныхъ отъ ткачей фабрики Шау (Шавы, какъ произносили рабочіе) за Нарвской заставой. „Шавинскіе" также рѣшились забастовать и предлагали „новоканавцамъ"*) выработать общія требованія. Правда, полнаго тождества въ требованіяхъ ста-

*) Рабочіе называли иногда Обводный каналъ Новой Канавой.

чечниковъ этихъ двухъ фабрикъ быть не могло, такъ какъ порядки, практиковавшіеся г. Шау отличались отъ порядковъ, существовавшихъ на Бумагопрядильнѣ. У „Шавы" работа шла безостановочно день и ночь, при чемъ рабочіе раздѣлялись на двѣ смѣны: однѣ сутки одна смѣна работала 16 час., а другая 8, слѣдующія — наоборотъ. Трудолюбивый фабрикантъ не прекращалъ работы даже вечеромъ наканунѣ праздниковъ: она пріостанавливалась только въ 6 часовъ праздничнаго утра. Г. Шау заботился также и о продовольствіи рабочихъ: у него была мелочная лавка, въ которой они *обязаны* были покупать продукты. Читатель легко можетъ представить себѣ, какъ выгодно это было для заботливаго хозяина. Иногда, придя за получкой въ контору, рабочій узнавалъ, что весь его заработокъ ушелъ на уплату по его забору въ хозяйской лавкѣ.

Съ одобренія „нововканавцевъ" „шавинскіе" рабочіе представили своему хозяину, слѣдующія требованія:

„1) Чтобы на каждый вытканный кусокъ прибавили платы по 5 коп.

„2) Чтобы прогульные дни не считались, если самъ хозяинъ виноватъ въ прогулѣ.

„3) Чтобы основы выдавали хорошія, и чтобы матеріалъ выдавался при нашихъ выборныхъ.

„4) Чтобы товаръ не браковали зря; чтобы за этимъ тоже слѣдили наши выборные.

„5) Чтобы не штрафовали за поломъ инструмента, за отсутствіе изъ фабрики по болѣзни и надобности.

„6) Чтобы за харчи платить не въ конторѣ, какъ теперь, а въ лавкѣ, по получкѣ денегъ на руки.

„7) Чтобы на больницу платилось не по 1¼ коп. съ рубля, а по 10 коп. въ мѣсяцъ.

„8) Чтобы за кипятокъ*) на фабрикѣ рабочіе не платили.

„9) Чтобы утромъ давалось время съ 8½ до 9 ч. на завтракъ.

„10) Чтобы наканунѣ праздниковъ работа кончалась въ 8 час. вечера.

„11) Чтобы газовыя горѣлки расположить какъ лучше для работы; мы сами укажемъ мѣсто для нихъ; а то теперь въ иныхъ мѣстахъ вовсе свѣту нѣтъ.

„12) Чтобы прогнать съ фабрики подмастерьевъ: Никифора Арсентьева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Намъ отъ нихъ житья нѣтъ! и мы съ ними не не хотимъ работать.

„13) За время стачки денегъ съ насъ не вычитать, потому что мы не работаемъ не по своей винѣ, а по упорству хозяевъ.

„14) Чтобы никого изъ насъ не брали въ полицію за то, что не работаемъ, а тѣхъ, что теперь забрали, пусть выпустятъ“.*)

Предъявленное фабриканту послѣднее (14-ое) требованіе съ формальной точки зрѣнія могло бы показаться безсмыслицей. Но въ дѣйствительности оно имѣло большой практическій смыслъ, такъ какъ аресты рабочихъ происходили по настоянію и, нерѣдко, по личному указанію фабрикантовъ. Стачечники нашли полезнымъ предупредить г. Шау, что даже въ случаѣ исполненія всѣхъ остальныхъ требованій они не станутъ работать, пока не прекратятся аресты и не будутъ освобождены арестованные.

На сходкѣ представителей отъ обѣихъ фабрикъ были, между прочимъ, обдуманы мѣры для поддержанія бѣднѣйшихъ изъ стачечниковъ. Такихъ естественно должно было оказаться болѣе у „Шавы“, который грозился немедленно прекратить выдачу припасовъ изъ своей лавки. Рѣшено было первые сборы предоставить въ распоряженіе его рабочихъ. Сборы же предполагалось дѣлать на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ. Въ этомъ смыслѣ были напечатаны (разумѣется, въ тайной типографіи) воззванія ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ. Надежда на ихъ помощь не была напрасной: сборы дѣлались почти повсемѣстно, и возбужденіе рабочихъ во время этихъ сборовъ было подчасъ такъ велико, что грозило перейти, а мѣстами и переходило, въ забастовку.

На фабрикѣ Мальцева (на Выборгской сторонѣ) разбросаны были воззванія стачечниковъ. По этому поводу полиція арестовала рабочаго, заподозрѣннаго въ ихъ разбрасываніи. Его товарищи заволновались. Пошли толки о томъ, чтобы послѣдовать примѣру „новоканавцевъ“, но хозяинъ ласковымъ обращеніемъ и обѣщаніемъ разныхъ благъ въ будущемъ возстановилъ спокойствіе. Г. Чешеру (его фабрика тоже была на Выборгской сторонѣ) не удалось отдѣлаться

*) Подробности объ этихъ и нѣкоторыхъ предыдущихъ стачкахъ заимствованы мною изъ 3 и 4 №№ „*Земли и Воли*“, гдѣ онѣ были описаны мною на основаніи свѣденій, своевременно собранныхъ на мѣстѣ.

одними обѣщаніями: онъ вынужденъ былъ прибавить по 3 коп. на каждый кусокъ ткани. Волновались рабочіе на Охтѣ. Такъ заразительно подѣйствовалъ примѣръ. А тѣмъ временемъ полиція и фискалы дѣлали свое дѣло.

Уже въ ночь съ 16—17 числа произведено было нѣсколько арестовъ. Арестовано было 6 человѣкъ изъ рабочихъ Шау, 20 человѣкъ съ Н. Бумагопрядильни, одинъ слесарь на Лиговкѣ и т. д. Аресты еще болѣе усилили раздраженіе рабочихъ. До 17 числа только ткачи участвовали въ стачкѣ на Н. Бумагопрядильнѣ. Съ того же числа къ ней пристали и прядильщики; фабрика совсѣмъ остановилась. О подачѣ какихъ бы то ни было „прошеній" теперь уже никто не думалъ. „Новоканавцы" только смѣялись, когда мы напоминали имъ объ ихъ прошлогоднемъ хожденіи къ наслѣднику: „то-то дураки-то были!"—говорили они.

На фабрику Шау въ качествѣ миротворца явился нѣкій „полковникъ". Рабочіе подали ему письменное изложеніе своихъ требованій и категорически заявили, что на меньшемъ не помирятся.

— Согласны вы на эти требованія? спросилъ полковникъ хозяина.

Тотъ, разумѣется, отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, такъ чего же вы такіе-сякіе хотите? заревѣлъ миротворецъ, да я васъ!..." и т. д. и т. д. полились обычныя въ такихъ случаяхъ словеса „кротости и увѣщанія", т. е. брань, украшенная непечатными словами... „у меня, заключилъ храбрый воинъ, сейчасъ 25,000 солдатъ подъ ружьемъ, попробуйте только бунтовать!"

— Больно ужь много ты, ваше благородіе, войска-то для насъ наготовилъ-то, насмѣшливо замѣтили рабочіе,—насъ всего-то здѣсь 300 человѣкъ и съ бабами, и съ ребятишками, а мужиковъ-то не будетъ больше сотни.

Полковникъ понялъ, что зарапортовался, и прикусилъ языкъ, приказавъ, для поддержанія своего авторитета, схватить одного изъ остряковъ, но толпа окружила эту жертву полковничьяго смущенія и отстояла ее отъ полицейскихъ покушеній. Такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ чиновный миротворецъ.

Не желая обращаться къ властямъ ни съ какими *прошеніями*, стачечники нерѣдко предъявляли имъ теперь очень настойчивыя *требованія*. Такъ, напримѣръ, рабочіе Н. Бумагопрядильни рѣшились требовать освобожденія своихъ товарищей, арестованныхъ ночью съ 16 на 17 Января. 18-го числа, часовъ около 10 утра, толпа около 200 челов.

собралась недалеко отъ здавія фабрики. Здѣсь было прочитано и одобрено слѣдующее заявленіе:

„Мы, рабочіе Новой Бумагопрядильни, симъ заявляемъ, что не пойдемъ на работу, пока не будутъ уважены всѣ наши заявленныя хозяину требованія. Что же касается полиціи, то мы отказываемся отъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны для примиренія насъ съ хозяиномъ, пока не будутъ освобождены наши товарищи, люди, за которыми мы не знаемъ ничего худого. Если ихъ обвиняютъ въ чемъ либо, пусть судятъ ихъ у мирового, при чемъ мы всѣ будемъ свидѣтелями ихъ невинности. Теперь же ихъ арестовали и держатъ безъ суда и слѣдствія, что противно даже существующимъ законамъ."

Когда читалось это заявленіе, подошелъ околодочный; онъ предложилъ рабочимъ пойти къ участку для объясненія съ приставомъ, но они предпочли переговорить съ градоначальникомъ. Путь ихъ къ дому градоначальника лежалъ черезъ Загородный проспектъ. На немъ есть или, по крайней мѣрѣ, былъ домъ „мѣщанской гильдіи" съ проходнымъ дворомъ. Едва рабочіе прошли черезъ этотъ дворъ и вышли на Фонтанку, ихъ аттаковали жандармы съ приставомъ Бочарскимъ во главѣ, тѣмъ самымъ приставомъ, который только-что приглашалъ стачечниковъ придти къ нему для объясненій. По всей вѣроятности, полиція, еще наканунѣ узнавши о намѣреніи рабочихъ добиваться освобожденія заключенныхъ, заранѣе приготовилась къ отпору, и переданное околодочнымъ приглашеніе пристава было простой ловушкой. Видя, что не удастся заманить рабочихъ въ участокъ, г. Бочарскій пустился преслѣдовать ихъ, какъ Фараонъ убѣгавшихъ изъ Египта евреевъ.

Произошла свалка. Жандармы мяли лошадьми рабочихъ, рабочіе защищались какъ умѣли. У нѣкоторыхъ оказались кистени, а знакомый уже читателю Иванъ, принимавшій горячее участіе въ стачкѣ, вытащилъ даже кинжалъ и ранилъ имъ лошадь наскакавшаго на него жандарма. Но силы были слишкомъ неравны, нападеніе было слишкомъ неожиданно. Жандармы побѣдили. Къ счастью для рабочихъ, упомянутый проходной дворъ обезпечилъ имъ довольно безопасное, хотя и безпорядочное отступленіе.

Со времени этой битвы полиція удесятерила свою энергію. Начались безпрерывные аресты. Нѣсколькихъ такъ называемыхъ зачинщиковъ выслали на родину, другихъ — въ сѣверныя губерніи. Рабо

чихъ били и даже грабили.*) Лавочникамъ полиція прямо запретила давать стачечникамъ въ долгъ продукты. Зараженныя стачкою мѣстности были буквально наводнены „силищей жандармскою“. Черезъ нѣсколько дней упорнаго сопротивленія рабочіе сдались, получивъ нѣкоторыя ничтожныя уступки.

Эта новая неудача измѣнила настроеніе бывшихъ стачечниковъ развѣ только въ смыслѣ еще большаго озлобленія противъ всяческаго начальства и еще большаго сочувствія къ революціонерамъ. Рабочая среда вообще все болѣе привыкала смотрѣть на революціонеровъ какъ на своихъ естественныхъ друзей и союзниковъ, а на тайную Землевольческую типографію какъ на орудіе гласности, всецѣло предназначенное къ ихъ услугамъ. Такой взглядъ укрѣплялся даже въ тѣхъ уголкахъ Петербурга, куда не проникала революціонная пропаганда.

Однажды мнѣ, какъ члену редакціи „Земли и Воли“, передали конвертъ съ надписью: *Господину редактору*. Я нашелъ въ немъ двѣ четвертушки сѣрой бумаги. „Господинъ редакторъ, написано было на одной четвертушкѣ,—пожалуйста, напечатайте наше воззваніе, и если нужно, будьте такъ добры, поправьте“. На другой написано было воззваніе: *„Голосъ рабочево народа, работающихъ и страдающихъ у подлеца Макселля.“* Въ воззваніи говорилось, что рабочіе фабрики Макселля, доведенные до крайности хозяйскими притѣсненіями, видятъ себя вынужденными прибѣгнуть къ стачкѣ и, сообщая объ этомъ остальнымъ петербургскимъ рабочимъ, просятъ ихъ поддержки. Текста воззванія я на память, разумѣется, возстановить не могу. Помню только одну фразу изъ середины: — *„мы работаемъ, стараемся, а онъ свенья не доволинъ нами“*, — да заключительныя слова: — *„Будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго“*. За то я хорошо помню общее впечатлѣніе, произведенное воззваніемъ на меня и на моихъ товарищей по редакціи. Мы положительно пришли въ восторгъ. Столько свѣжаго чувства, столько простоты и непосредственности, столько трогательной неумѣлости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько неотразимой убѣдительности было въ этой далеко не грамотной прокламаціи, что мы сочли непозволительнымъ

*) Одинъ изъ стачечниковъ проходилъ недалеко отъ Н. Бумагопрядильни, играя на гармоникѣ. На него бросился жандармъ и выхватилъ гармонику. Рабочій отправился жаловаться на этотъ „дневной грабежъ“ въ участокъ. Его выругали, а гармоники не возвратили.

дѣлать въ ней какія нибудь существеeныя измѣненія и ограничились исправленіемъ грамматическихъ ошибокъ. Едва ли не на слѣдующій же день воззваніе было отпечатано и передано авторамъ. Вотъ что узналъ я о причинѣ неудовольствія макселлевскихъ фабричныхъ.

Низкая плата, непомѣрно длинный рабочій день, штрафы и придирки мастеровъ и подмастерьевъ, — все это, разумѣется, имѣло мѣсто на фабрикѣ г. Макселля, какъ и на другихъ фабрикахъ. Но этотъ почтенный предприниматель внесъ, кромѣ того, еще одну особенность въ практикуемый имъ способъ эксплуатаціи рабочей силы. Около своей фабрики (за Невской заставой) онъ выстроилъ большой домъ для помѣщенія своихъ рабочихъ. Другими словами, къ выгодному ремеслу фабриканта онъ рѣшилъ присоединить тоже не безвыгодное ремесло домовладѣльца. Надо отдать ему справедливость, домъ его былъ построенъ очень хорошо, жить въ немъ было бы очень удобно, несравненно удобнѣе, чѣмъ въ тѣхъ грязныхъ домахъ безъ воздуха и свѣта, гдѣ ютились его рабочіе. Бѣда заключалась лишь въ томъ, что назначенныя г. Макселлемъ квартирныя цѣны были сравнительно очень высоки и ужь во всякомъ случаѣ не по средствамъ фабричныхъ рабочихъ. Вотъ почему тѣ и не хотѣли селиться въ его фаланстерѣ. Съ своей стороны, просвѣщенный капиталистъ такъ твердо рѣшился облагодѣтельствовать свои „рабочія руки", что не отступалъ даже передъ очень крутыми мѣрами. Онъ грозилъ немедленно прогнать съ фабрики всѣхъ консерваторовъ, отказывающихся жить въ его домѣ. Отсюда—раздраженіе рабочихъ, рѣшившихся стачкой положить конецъ оздоровительному упорству г. Макселля. Совершенно безъ всякихъ „постороннихъ внушеній" и помимо всякаго вліянія затронутыхъ революціонной пропагандой „бунтовщиковъ",—такихъ не было на ихъ фабрикѣ,—они выработали планъ дѣйствій, а для исполненія его сочли необходимымъ обратиться за помощью къ рабочему населенію Петербурга и къ революціонному обществу „Земля и Воля". Нечего и говорить, что воззваніе было написано ими самими, но слѣдуетъ прибавить, что мысль о немъ подана была имъ примѣромъ „шавинскихъ" и „новоканавскихъ" рабочихъ, которые, какъ я уже сказалъ, во время своей стачки обращались съ воззваніемъ „*къ рабочимъ всѣхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ*". Вѣроятно, это послѣднее воззваніе тогда же попало на фабрику Макселля, очень возможно также, что макселлевскіе рабочіе не отказались поддержать стачечниковъ своими трудо-

выми грошами, и теперь были увѣрены, что и имъ не откажутъ въ такой же поддержкѣ. Заключительныя слова „голоса рабочаго народа, работающихъ и страдающихъ у подлеца Макселля“ были цѣликомъ заимствованы изъ одного воззванія, напечатаннаго по поводу второй стачки на Обводномъ каналѣ. Эти слова: „будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго“ — какъ видно, хорошо выразили тогдашнее настроеніе петербургскихъ рабочихъ, потому что послѣ неизмѣнно повторялись ими во всевозможныхъ случаяхъ ихъ борьбы съ полиціей и предпринимателями.

Вообще въ то время рабочее движеніе росло съ небывалой быстротой. Любопытно видѣть, какъ отражалось это явленіе въ тогдашней революціонной литературѣ.

Передовая статья №4 „Земли и Воли“, вышедшаго въ свѣтъ 20 Февраля 1879 г., цѣликомъ посвящена вопросу о роли городскихъ рабочихъ „въ боевой народно-революціонной организаціи“. „Волненія фабричнаго населенія, говорится въ этой статьѣ, постоянно усиливающіяся и составляющія теперь злобу дня, заставляютъ насъ, раньше чѣмъ мы разсчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашимъ городскимъ рабочимъ въ этой организаціи. Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются впередъ, на подобающее имъ мѣсто, *вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей*.“*) Чрезвычайно характерно это, невзначай вырвавшееся у народника признаніе. Рабочій вопросъ, дѣйствительно, самою жизнью выдвигался впередъ, наперекоръ народнической догматикѣ. Неудивительно, что разрѣшить его нельзя было съ помощью этой догматики. Народническая интеллигенція могла лишь, подобно автору указанной статьи, рекомендовать рабочимъ-соціалистамъ „агитацію“, „агитацію“, „агитацію“ и „агитацію“, да упрекать ихъ въ томъ, что они, будто бы забывая объ этой агитаціи, слушаютъ „чтенія о каменномъ періодѣ или о планетахъ небесныхъ“. Къ началу 1879 года *рабочее движеніе* переросло *народническое ученіе* на цѣлую голову. Въ виду этого неудивительно, что наиболѣе развитая часть петербургскихъ рабочихъ, вошедшая въ основанный около того времени „*Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ*“, въ своихъ политическихъ взглядахъ и стремленіяхъ значительно разошлась съ бунтарями-народниками.

*) Курсивъ мой.

IV.

„Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“ естественно возникъ изъ того ядра петербургской рабочей организаціи, которое, какъ я говорилъ въ первой статьѣ, составилось изъ „старыхъ“, испытанныхъ революціонеровъ-рабочихъ. Формальное основаніе Союза относится, насколько могу припомнить, къ концу 1879 года. Уже съ первыхъ недѣль своего существованія онъ насчитывалъ не менѣе 200 членовъ, а вокругъ него группировалось по крайней мѣрѣ столько же сочувствующихъ, но еще не посвященныхъ въ организаціонную тайну рабочихъ. Большинство членовъ его принадлежало къ числу „заводскихъ“. Въ каждомъ значительномъ рабочемъ кварталѣ Петербурга были особые кружки, составлявшіе мѣстную вѣтвь Союза. Каждая вѣтвь имѣла свою кассу и свою „конспиративную“ квартиру. Для завѣдыванія ея дѣлами выбирался небольшой комитетъ. Члены мѣстнаго комитета были въ тоже время членами *Центральнаго Кружка*, который собирался черезъ извѣстные промежутки времени по общимъ дѣламъ Союза. Въ распоряженіи *Центральнаго Кружка* находилась особая касса, а также союзная *библіотека*. Центральная касса, какъ и мѣстныя кассы, пополнялась членскими взносами. Около времени второй стачки на Новой Бумагопрядильнѣ въ ней было руб. 150—200. Эта „свободная наличность“, какъ выразился бы г. Вышнеградскій, вся ушла на поддержку стачечниковъ, но члены Союза исправно дѣлали свои взносы, и потому пустою касса его никогда не оставалась. Что касается библіотеки, то ею особенно дорожилъ и гордился Союзъ. И дѣйствительно, она была самымъ цѣннымъ его достояніемъ. Составилась она частью изъ купленныхъ рабочими, а больше изъ пожертвованныхъ интеллигенціей книгъ. Собирались эти книги въ теченіе цѣлаго года и собирались такъ старательно, что едва ли хоть одинъ гражданинъ „интеллигентной“ республики Петрополя избѣжалъ неожиданнаго книжнаго налога. Много хламу подарила рабочимъ интеллигенція, но подарила не одинъ хламъ. По пословицѣ „съ міру по ниткѣ — голому рубаха“, у Союза образовался большой

запасъ книгъ по самымъ различнымъ отраслямъ знанія. Число книгъ было такъ велико, что нельзя было хранить ихъ въ одной рабочей квартирѣ. Вслѣдствіе этого библіотека была подраздѣлена на нѣсколько частей и развезена по различнымъ рабочимъ кварталамъ. Каждый кварталъ имѣлъ своего библіотекаря, у котораго былъ полный списокъ *всѣхъ* принадлежавшихъ Союзу книгъ. Если кто нибудь изъ членовъ мѣстной вѣтви выбиралъ по этому списку такое сочиненіе, котораго не было въ библіотекѣ даннаго квартала, то библіотекарь представлялъ заявленное требованіе очередному собранію Центральнаго Кружка, и книга доставлялась изъ другого квартала. Благодаря такой постановкѣ дѣла, полиціи все же не такъ легко было открыть существованіе библіотеки и „накрыть" ея обладателей. Пользовались книгами, черезъ посредство знакомыхъ членовъ, и не принадлежавшіе къ Союзу рабочіе, но о существованіи библіотеки, разумѣется, не знали.

Практика скоро обнаружила главнѣйшій недостатокъ новой организаціи. Союзъ, какъ цѣлое, могъ дѣйствовать только по рѣшенію Центральнаго Кружка, собиравшагося раза два въ недѣлю. Занятые работой и живущіе въ различныхъ частямъ города, а иногда и за городомъ, члены Центральнаго Кружка не могли встрѣчаться чаще. Но въ промежутокъ времени между двумя его собраніями могли совершиться событія, требовавшія немедленнаго дѣйствія со стороны Союза. Какъ поступить въ такомъ случаѣ? Уставъ не говорилъ. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, до очереднаго собранія Центральнаго Кружка оставалось два дня. Халтуринъ, тотчасъ узнавшій о ней, очутился въ очень затруднительномъ положеніи: до *очередного* собранія стачка легко могла быть подавлена полиціей, а между тѣмъ, чтобы обѣгать всѣхъ членовъ Центральнаго Кружка и созвать ихъ на *чрезвычайное* собраніе (извѣстно, что къ почтѣ русскіе революціонеры, по понятной причинѣ, прибѣгаютъ очень неохотно), надо было тоже не менѣе двухъ дней. Замедленіе во всякомъ случаѣ было неизбѣжно, и Халтурину пришлось на первое время ограничиться личными сношеніями со стачечниками. Придать организаціи Союза большую легкость и подвижность можно было л[illegible] избраніемъ особаго распорядительнаго комитета, состоящаго изъ небольшого числа лицъ и имѣющаго право, въ важныхъ случаяхъ, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, не дожидаясь собраній. Къ этой мысли, кажется, и пришли потомъ члены Союза.

Возникновенію Союза нельзя было не радоваться даже съ нашей тогдашней, народнической, точки зрѣнія. Но программа его причинила намъ не малое огорченіе. Въ ней — о, ужасъ! — прямо было сказано, что рабочіе считаютъ завоеваніе политической свободы необходимымъ условіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ своего движенія. Мы, презиравшіе „буржуазную“ свободу и считавшіе ее опасной ловушкой, оказались въ положеніи высидѣвшей утятъ курицы. Въ особой замѣткѣ, посвященной обзору новой програмы, редакція „Земли и Воли“ мягко, но рѣшительно высказалась противъ рабочей ереси. Въ замѣткѣ повторены были тѣ доводы, которые обыкновенно выставлялись народниками и бакунистами противъ „политики“. Но членамъ Союза такіе доводы перестали казаться убѣдительными. Въ отвѣтъ на замѣтку они прислали длинное письмо въ редакцію, въ которомъ говорили, что рѣшительно не видятъ, какъ можетъ успѣшно идти рабочее движеніе при отсутствіи политической свободы, и какимъ образомъ для рабочихъ можетъ быть невыгодно пріобрѣтеніе ими политическихъ правъ.*) Тяжело было народникамъ слышать отъ рабочихъ столь „буржуазныя“ разсужденія! Но еще тяжелѣе поразило ихъ почудившееся имъ въ письмѣ презрѣніе Союза къ крестьянству. Дѣло въ томъ, что, защищая свое требованіе политической свободы, авторы письма сказали, между прочимъ, чтовѣдь они, рабочіе, *не Сысойки*. Это выраженіе истолковано было революціонной интеллигенціей въ смыслѣ кичливаго презрѣнія къ деревнѣ. Но правильно ли было подобное истолкованіе? Конечно, нѣтъ. Слова—„мы не Сысойки“ свидѣтельствовали только о томъ, что русскіе рабочіе уже тогда стояли безконечно выше того „простонародья“, на которое ссылались всѣ соціалисты — противники политической свободы. Съ давнихъ поръ наши соціалисты „изъ интеллигенціи“ утверждали, что „простонародью“ не нужно свободы печати, такъ какъ книгъ и газетъ оно не читаетъ и, слѣдовательно, цензурнымъ уставомъ не интересуется; что ему не нужно политическихъ правъ, такъ какъ, задавленное бѣдностью, оно политической жизнью своей страны не интересуется; что его интересы затрогиваются только экономическими порядками, политическіе формы

По-

*) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ № 5 „Земли и Воли“, въ которомъ появилось письмо рабочихъ, и окончанія 4-го №, содержащаго вышеупомянутую замѣтку редакціи. Поэтому, я указываю только на общій смыслъ поднявшейся полемики, который я очень хорошо помнк

для него безразличны и т. п., и т. п. Такъ разсуждалъ иногда еще Чернышевскій, и такъ же разсуждали мы, когда предостерегали рабочихъ отъ увлеченія политикой. Но развитому рабочему очень трудно было согласиться съ нами. „Какъ же это такъ? Простому человѣку не нужно свободы печати, потому что онъ *ничего не читаетъ*; не нужно политическихъ правъ, потому что онъ *не интересуется* борьбою политическихъ партій! Что же хорошаго въ простомъ человѣкѣ, отличающемся подобными отрицательными свойствами? Вѣдь это Сысойка! И вѣдь пока простонародье будетъ состоять изъ Сысоекъ, соціализмъ останется несбыточною мечтою! Простонародье *должно читать*, и потому *должно* добиваться *свободы печати*; оно *должно интересоваться* политическими дѣлами своей страны, и потому *должно добиваться политическихъ правъ*, оно *должно имѣть свои союзы и собранія*, и потому *должно добиваться свободы союзовъ и собраній*. И не только *должно*. Оно отчасти *уже* читаетъ книги, *уже* чувствуетъ потребность въ союзахъ и собраніяхъ, *уже* стремится выступить на политическую арену. Оно *уже* переросло Сысоекъ. Мы, рабочіе, *уже* не таковы, какимъ воображаютъ народъ его интеллигентные доброжелатели. Доказательствомъ этому служитъ наше собственное движеніе. Но все это только начало. Если мы хотимъ идти впередъ, намъ непремѣнно нужно сбить заграждающія нашъ путь полицейскія рогатки!“ Вотъ — смыслъ отвѣтнаго письма Союза и въ особенности словъ: „мы не Сысойки“. Можетъ быть, авторы письма не выяснили его себѣ тогда со всѣхъ сторонъ; можетъ быть, Сысоекъ они упомянули не затѣмъ, чтобы однимъ мѣткимъ словомъ характеризовать тотъ идеальный „народъ“, котораго бунтари готовы были противопоставлять будто бы зараженному буржуазнымъ духомъ петербургскому пролетаріату. Но характеристика все таки была дана, хотя бы и не преднамѣренно. Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ сознавалъ, что онъ состоитъ не изъ Сысоекъ. И именно это сознаніе свидѣтельствовало объ его политической зрѣлости.

Какъ бы тамъ ни было, будущій историкъ революціоннаго движенія въ Россіи долженъ будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ семидесятыхъ годахъ требованіе политической свободы явилось *прежде всего въ рабочей программѣ*. Это требованіе сближало „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“ съ западно-европейскими рабочими союзами, придавало ему *соціаль-демократическую* окраску. Говорю — *окраску*, потому что вполнѣ соціаль-демократической программу союза при-

знать было бы невозможно. Въ нее вошла не малая доза народничества. Этой прилипчивой болѣзни трудно было избѣжать въ Россіи, да при томъ авторы програмы, разойдясь съ нами по коренному вопросу о политической свободѣ, не чужды были, кажется, желанія позолотить пилюлю, порадовавъ насъ народническими требованіями.

Напечатанная въ видѣ отдѣльнаго листка, програма Союза не была, къ сожалѣнію, перепечатана ни въ одномъ революціонномъ изданіи. Найти ее теперь можно было бы только въ архивахъ покойнаго Третьяго Отдѣленія. Говоря о ней на память, я не могу входить ни въ какія подробности.

Извѣстіе объ основаніи Союза радостно встрѣчено было рабочими всюду, куда доходило. Варшавскіе рабочіе привѣтствовали петербургскую организацію адрессомъ, въ которомъ говорили, что пролетаріатъ долженъ быть выше національной вражды и преслѣдовать общечеловѣческія цѣли. Союзъ отвѣчалъ имъ въ томъ же духѣ, выражалъ надежду на скорую побѣду надъ общими врагами и заявлялъ, что не отдѣляетъ своего дѣла отъ дѣла рабочихъ всего міра. Это былъ едва ли не первый примѣръ дружескихъ сношеній русскихъ рабочихъ съ польскими.

Союзъ не думалъ ограничивать поле своей дѣятельности однимъ Петербургомъ. Самое названіе его (*Сѣверно-Русскій* союзъ) принято было лишь на время, лишь до тѣхъ поръ, пока не пристанутъ къ нему рабочіе провинціальныхъ городовъ. Идеаломъ вожаковъ Союза была единая и стройная *всероссійская рабочая организація.*

V.

Что представляли тогда собою провинціальные рабочіе? Насколько коснулось ихъ революціонное движеніе? Читатель знаетъ, что пропаганда между рабочими считалась народнической интеллигенціей побочнымъ дѣломъ; что ея революціонныя программы никогда не отводили рабочему классу самостоятельной роли. Главныя силы интеллигентныхъ революціонеровъ направлялись на крестьянскую массу. Отсюда вытекали такого рода, на первый взглядъ странныя, явленія

Какъ промышленный центръ, Москва почти не уступаетъ Петербургу. Но въ Петербургѣ происходило значительное рабочее движеніе, въ Москвѣ оно было слабѣе, чѣмъ въ Кіевѣ или въ Одессѣ. „Рабочее дѣло" всегда было обязано своими успѣхами случайнымъ причинамъ. Центромъ сѣверно-русскихъ революціонныхъ организацій интеллигенціи являлся Петербургъ. Тамъ всегда было много свободныхъ революціонныхъ силъ. И уже одного этого было достаточно, чтобы тамъ началась пропаганда между рабочими. Изъ Москвы революціонныя силы стремились въ Петербургъ, или даже въ большіе города юга. Въ Москвѣ „рабочее дѣло" могло бы начаться только въ томъ случаѣ, если бы ему придавалось самостоятельное значеніе. Но это условіе отсутствовало, поэтому и было слабо въ Москвѣ „рабочее дѣло".

Въ Саратовѣ очень мало развита фабрично-заводская промышленность; тамошніе рабочіе—по преимуществу мелкіе ремесленники, а между тѣмъ въ 1877—78—79 г.г. тамъ постоянно жилъ то тотъ, то другой „земleволецъ", занимавшійся исключительно пропагандой между рабочими. Владимірская губернія усѣяна фабриками, ея населеніе мѣстами сплошь состоитъ изъ фабричныхъ рабочихъ, но никому изъ землевольцевъ и въ голову не пришло поселиться во Владимірской губерніи. Поволжье считалось мѣстностью, въ которой крестьянство еще сохранило свои революціонныя „преданія". Поэтому оно избрано было главной ареной „бунтарской" дѣятельности. Въ Самарской, въ Саратовской, въ Астраханской губерніяхъ заводились „поселенія въ народѣ", Саратовъ былъ главной квартирой дѣйствовавшихъ „въ народѣ" землевольцевъ. Поэтому они считали полезнымъ и нужнымъ обезпечить себѣ поддержку его рабочаго населенія: когда поднимется поволжское крестьянство, пригодятся и саратовскіе рабочіе. Во Владимірскомъ же промышленномъ округѣ торжествовалъ капитализмъ, въ этой несчастной мѣстности съ незапамятныхъ временъ прекратились значительныя крестьянскія движенія, въ ней умерли народныя „преданія", исказились народные „идеалы". Поэтому ходить туда землевольцамъ незачѣмъ. *Призракъ оказался сильнѣе дѣйствительности.* Постоянно мелькавшія въ воображеніи бунтарей тѣни Разина и Пугачева больше вліяли на распредѣленіе революціонныхъ силъ, чѣмъ дѣйствительный ходъ экономическаго развитія. До какой степени ошибались бунтари въ оцѣнкѣ живыхъ силъ народа, можетъ показать слѣдующій замѣчательный фактъ. Въ 1878 г. зем-

леводьцы много толковали о томъ, чтобы проникнуть въ Ярославскую губернію. Вы подумаете, можетъ быть, что ихъ почему либо привлекало къ себѣ тамошнее рабочее населеніе? Совсѣмъ нѣтъ, о тамошнихъ рабочихъ забыли и думать. Тутъ была другая и ужъ по истинѣ болѣе тонкая причина. Изъ „*Сборника правительственныхъ свѣденій о раскольникахъ*“ Кельсіева землеволыцы узнали, что въ Ярославской губерніи процвѣтала когда-то секта бѣгуновъ. Одинъ бунтарь „слышалъ“ даже, что и теперь существуютъ бѣгуны въ одномъ селѣ Ярославской губерніи. Вотъ и думали снарядить экспедицію для ихъ изловленія. Но бѣгунъ потому и называется бѣгуномъ, что вѣчно бѣгаетъ. Изловить его не такъ легко, какъ „поселиться“ среди миръ живущаго подъ игомъ своихъ „идеаловъ“ крестьянства. Увидя, что подступа къ ярославскимъ бѣгунамъ не имѣется, бунтари махнули рукой на Ярославскую губернію. Интересоваться ею изъ за однихъ рабочихъ не позволяла программа.

Въ тѣхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ интеллигенція, по тѣмъ или другимъ причинамъ, находила нужнымъ шевелить трудящееся населеніе, рабочіе кружки непрерывно существовали съ самаго начала семидесятыхъ годовъ. Иногда ихъ разбивала полиція, иногда, вяло поддерживаемые интеллигенціей, они дѣйствовали очень вяло, но въ общемъ почва для революціонной рабочей организаціи была и въ провинціи достаточно уже подготовлена.

Въ Одессѣ рабочая масса настолько сочувствовала революціонерамъ, что во время суда надъ Ковальскимъ (въ Іюлѣ 1878 г.) она принимала дѣятельное участіе въ демонстраціи передъ зданіемъ суда.*) Относительно Харькова у насъ есть любопытное свидѣтельство мѣстнаго губернатора. „Соціальныя ученія, писалъ онъ въ своемъ „всеподданнѣйшемъ„ отчетѣ за 1877-й годъ — къ счастью и не смотря на дѣлаемыя многочисленныя попытки со стороны злоумышленниковъ, можно сказать, вовсе еще не проникли въ среду сельскаго населенія, остающагося вѣрнымъ началамъ религіи, нравственности и порядка. Нельзя того же сказать о низшемъ классѣ городскаго населенія, которое, подкапываемое соціальными ученіями, во многомъ утратило прежнюю неприкосновенность религіозныхъ вѣрованій и патріархальности семейныхъ отношеній. Классъ фабричныхъ рабо-

*) См. статью „Одесса во время суда надъ Ковальскимъ“ во № 2 „Земли и Воли“. „Изъ пяти дней судебнаго разбирательства три выпали на долю празднич-

чихъ, весьма многочисленный въ Харьковѣ,*) требуетъ усиленнаго надзора и не представляетъ залоговъ устойчивости противъ распространенія новыхъ ученій. Въ средѣ этого населенія революціонная пропаганда встрѣчаетъ постоянное сочувствіе, и въ случаѣ какого либо движенія въ смыслѣ перехода отъ теоріи къ дѣйствію, классъ харьковскихъ рабочихъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, не представитъ отпора возмутителямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія подслушанные агентомъ полиціи въ средѣ фабричнаго населенія расговоры объ обременительности податей, о неизвѣстности, на что и куда тратятся деньги, забираемыя съ народа, о безконтрольности правительства и тому подобныя сужденія, неслыханныя въ простомъ народѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Конечно свобода сужденій повременной печати могла частію навѣять подобныя мысли, но несомнѣнно, что главными виновниками подобнаго настроенія фабричнаго населенія это — распространители революціонной пропаганды, усиленно работающіе между фабричными города Харькова. Вообще политическое состояніе губерніи, спокойное въ отношеніи массы сельскаго населенія, помѣстнаго дворянства и вообще владѣльцевъ недвижимой собственности, весьма тревожно въ отношеніи низшихъ классовъ городскаго населенія, учащейся молодежи и тѣхъ подонковъ общества, неимѣющихъ ничего терять, которые столь многочисленны въ большихъ городахъ.**) Въ отчетѣ Екатеринославскаго губернатора за 1879 г., навѣрное, заключались

вихъ, когда народъ не работаетъ, говоритъ авторъ этой статьи. Это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало скопленію публики у зданія суда.“ Какъ вела себя эта, *въ значительной степени* рабочая публика, читатель можетъ видѣть изъ той же статьи. Я приведу изъ нея только одинъ эпизодъ. Когда войска оттѣснили толпу отъ суда, часть ея направилась къ Приморскому бульвару. „На бульварѣ аристократія сибаритничала за столами, уставленными напитками и яствами. — Сволочь! обратился одинъ рабочій къ благодушествующимъ, вы объѣдаетесь и опиваетесь въ ту минуту, когда осуждаютъ людей на смертную казнь! Палачи предаютъ смерти одного изъ лучшихъ сыновъ русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы прокляты!“ Это было сказано среди бѣла дня, подъ солдатскими ружьями и казацкими пиками.

*) Это не вѣрно, фабричныхъ рабочихъ вовсе не много въ Харьковѣ, но не въ томъ дѣло.

**) См. „*Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета харьковскаго губернатора за 1877-й годъ*“ въ № 2 „*Земли и Воли*“. „Подслушанные агентомъ полиціи“ толки „о безконтрольности правительства“ и т. д. показываютъ, что и харьковская рабочая среда начинала сознавать значеніе политическихъ правъ и политической свободы. Казалось бы, что нашимъ либераламъ нужно было прежде всего искать опоры въ подобной средѣ. Но они, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, ни о чемъ такъ охотно не разсуждаютъ, какъ о незрѣлости и непригодности русскаго рабочаго класса къ борьбѣ за политическую свободу. Удивительно проницательные и глубокомысленные люди!

столь же рѣзкія выраженія по адрессу „низшаго класса населенія“ Ростова на Дону. Извѣстно, что у ростовской полиціи были въ томъ году большія непріятности съ рабочими.

Не помню точно, въ какой день праздника Пасхи полицейскіе схватили на базарѣ подгулявшаго рабочаго и потащили его въ часть, какъ водится, не жалѣя пинковъ и подзатыльниковъ. „Братцы, заступитесь, закричалъ рабочій покрывавшему базарную площадь народу, изувѣчатъ меня въ части!“ Народъ зашевелился; довольно значительная толпа рабочихъ послѣдовала за уводившими арестованнаго полицейскими, прося ихъ отпустить его. Тѣ отвѣчали ругательствами и, введя арестованнаго въ зданіе части, принялись колотить его не на животъ, а на смерть. Услыхавъ его отчаянные крики, толпа стала бросать камни въ окна и ломиться въ ворота частнаго дома. Кто-то крикнулъ, что слѣдуетъ разнести всю часть. Сдѣлать это было не такъ-то легко: ея крѣпкія ворота были заперты, въ окнахъ нижняго этажа стояли городовые съ обнаженными шашками и револьверами. Начался правильный приступъ. Нѣсколько дюжихъ молодцовъ притащили откуда-то огромное бревно; толпа поняла ихъ мысль, бревно схватили десятки рукъ; распѣвая „дубинушку“, имъ стали дѣйствовать какъ тараномъ, и черезъ нѣсколько минутъ ворота были выбиты. Народъ ворвался въ часть. Полицейскіе, которые успѣли тѣмъ временемъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ нападавшихъ, моментально скрылись черезъ имъ однимъ извѣстные ходы. Въ самое короткое время часть была разнесена.

Покончивъ съ нею, толпа бросилась на остальныя части, потомъ опустошила квартиры полицеймейстера и нѣкоторыхъ квартальныхъ. О сопротивленіи ей никто не думалъ. Полуживой отъ страха полицеймейстеръ прятался въ Нахичевани, а военныя власти Ростова не увѣрены были даже въ томъ, что имъ удастся оборонить банкъ и острогъ (гдѣ сидѣло нѣсколько „политическихъ“). Разумѣется, полетѣли телеграммы къ губернатору, изъ Новочеркасска двинулись для усмиренія казаки, а въ Таганрогѣ стала готовиться къ выступленію артиллерія.*) Но, пока что, городъ былъ въ рукахъ „бунтовщиковъ“.

*) Вскорѣ послѣ этого я познакомился съ однимъ изъ стоявшихъ въ Таганрогѣ артиллерійскихъ офицеровъ. „У насъ офицеры говорили, что они не станутъ стрѣлять въ народъ“ — сказалъ мнѣ мой новый знакомый. Не знаю, какъ другіе, а этотъ человѣкъ не ограничился бы словами. Впослѣдствіи онъ дѣломъ доказалъ свое сочувствіе революціонерамъ.

Я пріѣхалъ въ Ростовъ на другой же день послѣ „разнесенія" частей и видѣлъ всѣ его слѣды. Невозможно представить себѣ картину болѣе полнаго опустошенія. Въ зданіяхъ частей выломаны были полы, выбиты стекла съ рамами и двери съ притолоками, разрушены печи, попорчены крыши. И на далекое разстояніе мостовая, усѣянная обломками мебели, покрыта была, какъ снѣгомъ, клочками порванныхъ полицейскихъ бумагъ.

— Какая дикость! воскликнетъ иной благовоспитанный читатель.

Конечно, — дикость. Но вѣдь противодѣйствіе равняется дѣйствію, и странно удивляться, что дикій произволъ полиціи вызываетъ дикую, подчасъ, ярость народа.

А въ то же время замѣтьте, что эта разъяренная толпа умѣла сохранить свое достоинство. Никто изъ опустошителей не позволилъ взять себѣ ничего изъ уничтожаемаго имущества полицейскихъ. Это тогда же подтверждено было всѣми очевидцами. Только когда стали „разносить" домъ полицеймейстера и выкинули на улицу нѣсколько штукъ прекраснаго полотна, какой-то солдатъ попросилъ себѣ кусокъ на рубаху. Толпа удовлетворила просьбу „служиваго", тутъ же уничтоживъ весь остатокъ.

Еще одна черта. Разбивши одну часть и направляясь къ другой, толпа проходила мимо еврейской синагоги. Мальчикъ кинулъ камень въ ея окно. Его сейчасъ же остановили. „Не трогай жидовъ, сказали ему, нужно бить не жидовъ, а полицію".

Настоящая „дикость" выступила на сцену только ночью, въ лицѣ многочисленныхъ въ Ростовѣ „*босяковъ*". Буйно провела эту ночь ростовская „босая команда"! Обрадовавшись отсутствію полиціи, она прежде всего поспѣшила разграбить питейные дома, а потомъ, напившись до безпамятства, обрушилась на публичные дома и стала бить несчастныхъ проститутокъ. Явившіяся на слѣдующее утро войска положили конецъ этимъ безобразіямъ, въ которыхъ рабочіе совсѣмъ не участвовали и которыми они возмущались до такой степени, что и безъ прихода войскъ ихъ анти-полицейское движеніе, вѣроятно, прекратилась бы въ силу естественной реакціи противъ подвиговъ босой команды.

Несмотря на такой неожиданно-плачевный оборотъ ростовской „революціи", воспоминаніе о ней долго еще ободряло рабочихъ, какъ

наглядный примѣръ того, что народъ можетъ дать хорошій урокъ даже и всемогущей въ Россіи полиціи.

Мнѣ разсказывали, что когда слухъ о „разнесеніи“ ростовской полиціи дошелъ до углекоповъ Донецкихъ копей, они двинулись отрядомъ въ 150—200 человѣкъ на помощь ростовцамъ, но дорогой узнали о возстановленіи „порядка“ и поспѣшили возвратиться домой.

Что касается существовавшихъ въ провинціальныхъ городахъ революціонныхъ рабочихъ кружковъ, то лично я зналъ такіе кружки въ Ростовѣ, Саратовѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. По составу своему они были гораздо разнообразнѣе, смѣшаннѣе петербургскихъ. Въ нихъ попадались члены, по развитію и по высокому уровню потребностей не уступавшіе петербургскимъ заводскимъ рабочимъ, но рядомъ съ ними попадались и совсѣмъ „сѣрые“, иногда неграмотные. Нерѣдко преобладали въ нихъ мелкіе самостоятельные ремесленники, и притомъ не подмастерья, а именно *хозяева*. Въ Петербургѣ я совсѣмъ не встрѣчалъ подобныхъ послѣдователей соціализма и чувствовалъ себя въ странномъ положеніи, когда, случалось, революціонеръ-*хозяинъ* совѣтовалъ мнѣ остерегаться его *работника*, какъ *ненадежнаго* человѣка. „Да, вѣдь, ты самъ эксплуататоръ, вѣдь на тебя два рабочихъ трудятся“, — шутилъ иногда со своимъ пріятелемъ-портнымъ переѣхавшій изъ Петербурга въ Саратовъ „заводской“ В. Я. Портной конфузился. — Да чтожь дѣлать-то, братъ ты мой? Я и самъ не радъ, что теперь такіе порядки, а жить-то тоже надо. Вотъ придетъ революція, тогда ужь не буду эксплуататоромъ“.

Мнѣ хотѣлось допытаться откуда берется недовольство у людей этого слоя, какая изъ темныхъ сторонъ ихъ положенія яснѣе всего отражается въ ихъ сознаніи. „Очень ужь насъ притѣсняетъ Дума, всѣ городскіе расходы на насъ, бѣдняковъ, сваливаетъ“, объяснилъ мнѣ одинъ ростовскій мѣщанинъ, горячій революціонеръ, имѣвшій свою кузницу и нѣсколькихъ подмастерьевъ. Возможно, что и многіе другіе ремесленники-революціонеры были разбужены прежде всего безобразіями нашего городскаго „самоуправленія“.

„Чарочка“, „пьянка“, къ сожалѣнію, слишкомъ привлекательны иногда для русскихъ ремесленниковъ. Въ этомъ отношеніи они далеко оставляютъ за собою фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, у которыхъ я рѣдко замѣчалъ склонность къ злоупотребленію спиртными напитками.

На Волгѣ и на Дону между рабочими-революціонерами попада-

лись люди, прежде придерживавшіеся раскола. Расколъ не имѣетъ, да и никогда не имѣлъ, серьезнаго значенія, какъ оппозиціонная общественная сила. Часто онъ дѣйствуетъ прямо вредно, пріучая человѣка къ обрядности, къ буквоѣдству, отвлекая его мысль отъ земныхъ нуждъ къ небесному блаженству. Но тяжелый жизненный опытъ и потребность въ чтеніи научили раскольниковъ не бояться запрещенной книги и уважать людей, страдающихъ за свои убѣжденія. Землевольцы „спропагандировали" на Волгѣ молодаго бѣгуна, очень способнаго парня. По ихъ просьбѣ онъ написалъ воспоминанія о своей жизни между раскольниками. Изъ этихъ воспоминаній я какъ сейчасъ помню то мѣсто, гдѣ онъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ ссыльными поляками. Совсѣмъ еще ребенкомъ ѣхалъ онъ съ отцомъ изъ Тюмени въ одну изъ внутреннихъ губерній европейской Россіи. По дорогѣ столкнулись они съ партіей поляковъ. „Что это за люди?" спросилъ мальчикъ отца. — А это, мой милый, поляки; ихъ гонитъ царь не хуже насъ грѣшныхъ. Много горя принимаютъ они отъ правительства." Эта способность сочувствовать *политическому* „преступнику" уже сама по себѣ можетъ послужить залогомъ сближенія съ такимъ „преступникомъ", а потомъ — при благопріятныхъ условіяхъ—и полнаго усвоенія его образа мыслей. И это тѣмъ болѣе, что между раскольниками встрѣчаются страстные и безпокойные искатели истины, неспособные надолго удовлетвориться сектантской догматикой. Я зналъ одного бывшаго раскольника, который уже пятидесятилѣтнимъ старикомъ присталъ къ революціонной партіи. Этотъ человѣкъ всю жизнь „ходилъ по вѣрамъ", забредалъ даже въ Турцію, ища между тамошними раскольниками „настоящихъ людей" и „настоящей правды", и, наконецъ, нашелъ искомую правду въ соціализмѣ, распростясь навсегда съ небеснымъ царемъ и всей душой возненавидѣвъ царя земного. Я не встрѣчалъ болѣе страстнаго, болѣе неутомимаго проповѣдника. Часто вспоминалъ онъ, бывало, о какомъ-то расколоучителѣ, очевидно имѣвшемъ на него прежде сильное вліяніе. „Эхъ, кабы мнѣ теперь встрѣтить его, восклицалъ онъ, я бы объяснилъ ему, что есть истина!" Онъ былъ душою рабочаго кружка (гдѣ именно, не скажу, „страха ради іудейска") и его нельзя было запугать никакими преслѣдованіями. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ зналъ, что хорошо „принять мученическій вѣнецъ" за свои убѣжденія. Кончилъ онъ Сибирью.

Повторяю, всюду, гдѣ интеллигенція давала себѣ трудъ ско-

диться съ провинціальными рабочими, она могла похвалиться очень замѣтнымъ успѣхомъ. А если бы дѣлу сближенія съ рабочими она посвятила хоть половину тѣхъ силъ и средствъ, которыя потрачены были на „поселенія“ и на разные агитаціонные опыты въ крестьянствѣ, то къ концу семидесятыхъ годовъ соціально-революціонная партія твердо стояла бы уже на русской почвѣ. Рабочіе охотно шли на встрѣчу интеллигенціи.*) И въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ на Дону, мнѣ постоянно приходилось слышать однѣ и тѣ же жалобы, однѣ и тѣ же просьбы: „интеллигенція забываетъ о насъ; займитесь рабочимъ дѣломъ; пришлите изъ Петербурга хоть нѣсколькихъ знающихъ, ловкихъ людей, — вы увидите, какъ пойдетъ оно въ нашемъ городѣ.“

Въ виду этого, какъ нельзя болѣе своевременнымъ являлось намѣреніе Центральнаго Кружка Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза войти въ правильныя сношенія съ провинціальными рабочими. Между его членами были люди, которые и по знаніямъ, и по энергіи, и по опытности могли поспорить съ любымъ „интеллигентомъ“. Таковъ былъ, напримѣръ, Степанъ Халтуринъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ его имя, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Пора поближе познакомить читателя съ этой замѣчательной личностью.

VI.

Степанъ Халтуринъ родился въ Вяткѣ. Его родители, бѣдные мѣщане, посылали его въ дѣтствѣ въ какую-то школу, а затѣмъ отдали въ ученье къ столяру. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ скоро нашелъ мѣсто на заводѣ. Не знаю, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ захватило его

---

*) Въ шестидесятыхъ годахъ въ Саратовѣ жилъ подъ надзоромъ полиціи впослѣдствіи оставившій Россію А. Х. Х. Онъ сблизился со многими мѣстными рабочими. Они долго помнили его. Въ 1877 г. они разсказывали намъ, землевольцамъ, что со времени его пребыванія въ Саратовѣ въ мѣстной рабочей средѣ никогда не потухала зароненная имъ искорка революціонной мысли. Люди, никогда не знавшіе его лично, вели отъ него свою умственную родословную. Такой глубокій слѣдъ оставляетъ въ этой средѣ всякое доброе вліяніе!

революціонной волной, но въ 1875—76 гг. онъ былъ уже дѣятельнымъ пропагандистомъ. Если не ошибаюсь, въ первый разъ я встрѣтился съ нимъ дня за два до описанныхъ въ первой статьѣ похоронъ убитыхъ взрывомъ рабочихъ патроннаго завода. Я былъ въ числѣ „бунтарей“, приглашенныхъ принять участіе въ задуманной по этому поводу демонстраціи, онъ — въ числѣ рабочихъ, подготовлявшихъ демонстрацію. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, наружность которыхъ не даетъ даже приблизительно вѣрнаго понятія объ ихъ характерѣ. Молодой, высокій и стройный, съ хорошимъ цвѣтомъ лица и выразительными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень красиваго парня; но этимъ дѣло и ограничивалось. Ни о силѣ характера, ни о выдающемся умѣ не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. Въ его манерахъ прежде всего бросалась въ глаза какая-то застѣнчивая и почти женственная мягкость. Говоря съ вами, онъ какъ будто и конфузился, и боялся обидѣть васъ некстати сказаннымъ словомъ, рѣзко выраженнымъ мнѣніемъ. Съ его губъ не сходила нѣсколько смущенная улыбка, которою онъ какъ бы заранѣе хотѣлъ сказать вамъ: „я такъ думаю, но если это вамъ не нравится, то прошу извинить“. Такими манерами отличались иногда въ доброе старое время молодые, благовоспитанные провинціалы на первыхъ шагахъ своей свѣтской карьеры. Но къ рабочему она мало подходила, и во всякомъ случаѣ не она могла убѣдить васъ въ томъ, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который далеко не грѣшилъ излишней мягкостью характера и недостаткомъ самоувѣренности.

Близко сойтись съ нимъ можно было только на дѣлѣ. Рабочему вообще некогда вдаваться въ тѣ безконечныя собесѣдованія, которыми любитъ услаждаться интеллигентная публика, и въ которыхъ собесѣдники выворачиваютъ другъ передъ другомъ всю свою душу. Степанъ же въ особенности не любилъ душевныхъ изліяній. Хотя во внѣшнемъ обращеніи застѣнчивость его исчезала при болѣе близкомъ знакомствѣ съ человѣкомъ, однако она всегда держала его на сторожѣ, дѣлая для него совершенно невозможнымъ то нравственное состояніе, которое обозначается словами: „душа на распашку“. Побесѣдовать и онъ былъ не прочь, и при томъ не только со своимъ братомъ-рабочимъ, но и съ „интеллигентами“. Пока онъ былъ легальнымъ, онъ даже охотно селился по сосѣдству со студентами и искалъ

ихъ знакомства, заимствуясь у нихъ книгами и всякого рода свѣденіями. Не рѣдко за-полночь засиживался онъ у такихъ сосѣдей. Но и тамъ онъ мало высказывался. Придетъ и подниметъ разговоръ на какую нибудь теоретическую тему. Хозяинъ оживится, обрадованный случаемъ просвѣтить темнаго рабочаго человѣка, говоритъ долго, вразумительно и по возможности „популярно", а Степанъ слушаетъ, лишь изрѣдка вставляя свое слово и внимательно, нѣсколько исподлобья, посматривая на собесѣдника своими умными глазами, въ которыхъ по временамъ появляется выраженіе добродушной насмѣшки. Въ его отношеніи къ студентамъ всегда была нѣкоторая доля юмора, пожалуй даже ироніи: знаю, молъ, я цѣну вашему радикализму; пока учитесь, всѣ вы—страшные революціонеры, а кончите курсъ, да получите мѣстечки, и какъ рукой сниметъ ваше революціонное настроеніе! Посмѣивался онъ также надъ студенческимъ трудолюбіемъ. „Видѣлъ я, какъ они работаютъ, говаривалъ онъ, развѣ это работа! Посидитъ часа два на лекціяхъ, почитаетъ часъ-другой книжку, — и готово, иди въ гости чай пить и разговоры разговаривать!" Къ рабочимъ онъ относился совсѣмъ иначе, подшучивать надъ ними не позволялъ ни себѣ и никому другому. Въ особенности—интеллигенціи. Какъ огонь вспыхивалъ онъ, когда интеллигентъ дѣлалъ при немъ какой нибудь не совсѣмъ лестный отзывъ о рабочихъ. Въ рабочихъ видѣлъ онъ самыхъ надежныхъ, прирожденныхъ революціонеровъ, и ухаживалъ за ними какъ заботливая нянька: училъ, доставалъ книги, „опредѣлялъ къ мѣстамъ", мирилъ ссорящихся, журилъ виноватыхъ. Его очень любили товарищи. Онъ зналъ это и платилъ имъ еще большей любовью. При всемъ томъ, не думаю, чтобы и въ обращеніи съ ними его покидала привычная сдержанность. Не знаю, какъ велъ онъ себя съ тѣми рабочими, которыхъ привлекалъ къ дѣлу въ революціонныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Можетъ быть, тогда онъ и давалъ волю всему, что кипѣло у него на душѣ. Но на кружковыхъ рабочихъ собраніяхъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не клеилось, когда собравшіеся говорили что нибудь несообразное, или уклонялись отъ предмета сходки, Степанъ прорывался. Краснобаемъ онъ не былъ, — иностранныхъ словъ, которыми любятъ пощеголять рабочіе, никогда почти не употреблялъ, — но говорилъ горячо, толково и убѣдительно. Его рѣчью и исчерпывались обыкновенно пренія. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающихъ,

Между петербургскими рабочими были люди не менѣе его знавшіе и способные, были люди больше его видавшіе на своемъ вѣку, пожившіе за границей. Тайна огромнаго вліянія, своего рода диктатуры Степана заключалась въ неутомимомъ вниманіи его ко всякому дѣлу. Еще задолго до сходки онъ переговоритъ со всѣми, ознакомится съ общимъ настроеніемъ, обдумаетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленнымъ. Онъ выражаетъ общее настроеніе. То что говоритъ онъ, сказалъ бы, вѣроятно, каждый изъ его товарищей, но они не такъ вдумчиво отнеслись къ дѣлу, — иные по лѣности, иные потому что заняты были другими, можетъ быть, даже гораздо болѣе важными дѣлами, а Степанъ ни къ чему не могъ относиться невнимательно. Не было такой ничтожной практической задачи, рѣшеніе которой онъ беззаботно предоставилъ бы другимъ. Онъ приходилъ на собраніе съ совершенно установившимся взглядомъ на подлежавшій обсужденію вопросъ. Потому-то съ нимъ и соглашались. А съ другой стороны, потому-то онъ и досадовалъ, потому-то онъ и горячился, когда пренія затягивались безъ толку: „вѣдь это же все такъ просто, говорило его выразительное лицо, неужели же васъ могутъ затруднять подобные пустяки?“

Халтуринъ отличался большою начитанностью. Это вызывало невольное уваженіе къ нему, но и эта черта не могла особенно удивить человѣка, знавшаго заводскихъ рабочихъ: страстные любители чтенія вовсе не были рѣдкостью между ними. При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, однако, что и читалъ Степанъ такъ, какъ умѣютъ читать только немногіе. Онъ всегда хорошо зналъ, зачѣмъ именно раскрывалъ такую-то книгу. Къ тому же *мысль* постоянно шла у него рука объ руку съ *дѣломъ*. У него, напримѣръ, вовсе не было того интереса къ естественнымъ наукамъ, который замѣчается у многихъ рабочихъ. Все вниманіе его было поглощено общественными вопросами, и всѣ эти вопросы, какъ радіусы изъ центра, исходили изъ одного коренного вопроса о задачахъ и нуждахъ нарождавшагося русскаго рабочаго движенія. О чемъ бы ни читалъ онъ, — объ англійскихъ-ли рабочихъ союзахъ, о великой-ли революціи, или о современномъ соціалистическомъ движеніи, — эти нужды и задачи никогда не уходили изъ его поля зрѣнія. По тому, что чит[illegible]ъ Халтуринъ въ данное время можно было судить о томъ, какіе практическіе планы шевелятся въ ег[illegible]вѣ. Еще задолго

до организаціи „Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза“ онъ принялся изучать европейскія конституціи.

— Что это ты на нихъ набросился? спрашивали его.

— Да что же, вѣдь это интересно, отвѣчалъ онъ.

Програма Союза лучше его объяснила, почему онъ набросился на конституціи: онъ обдумывалъ политическую програму русскихъ рабочихъ. Въ умственномъ трудѣ, какъ и во всемъ остальномъ, Халтуринъ былъ силенъ умѣньемъ сосредоточиться на данномъ предметѣ, не отвлекаясь отъ него ничѣмъ посторонним. Умъ его до такой степени исключительно поглощенъ былъ рабочимъ вопросомъ, что ему едва-ли когда случалось заинтересоваться пресловутыми „устоями“ крестьянской жизни. Онъ знакомился съ интеллигентами, слушалъ ихъ толки объ общинѣ, о расколѣ, о „народныхъ идеалахъ“, но народническое ученіе такъ и осталось для него чѣмъ то почти совсѣмъ чуждымъ.

— Что ты пишешь теперь? спросилъ онъ меня незадолго до своего поступленія въ Зимній дворецъ. Я отвѣтилъ, что пишу разборъ одной только что вышедшей книги по исторіи общиннаго землевладѣнія. Это была очень серьезная книга, лично мнѣ оказавшая огромную услугу, такъ какъ она впервые и очень сильно поколебала мои народническія воззрѣнія, хотя я и спорилъ еще противъ ея выводовъ. Я былъ сильно заинтересованъ ею и подробно изложилъ Степану ея содержаніе. Онъ долго слушалъ, а потомъ вдругъ сразилъ меня неожиданнымъ вопросомъ: „да неужели это дѣйствительно такъ важно?“ Община занимала самый почетный, передній уголъ въ моемъ народническомъ міросозерцаніи, а онъ даже не зналъ хорошенько, стоитъ-ли изъ за нее ломать литературныя копья.

Не легко было бы мнѣ теперь опредѣлить его тогдашніе соціально-политическіе взгляды. Тогда я самъ смотрѣлъ на вещи далеко не такъ, какъ смотрю въ настоящее время. Могу сказать одно: въ сравненіи съ нами, землевольцами, Халтуринъ былъ крайнимъ западникомъ. Западничество развивалось и поддерживалось въ немъ какъ общими условіями исключительно интересной для него рабочей жизни столицы, такъ, можетъ быть, отчасти и нѣкоторыми случайными вліяніями. Съ лавристами онъ познакомился раньше чѣмъ съ бунтарями, а лавристы умѣли, какъ уже сказано, возбудить въ рабочихъ интересъ къ нѣмецкому соціаль-демократическому движенію. Къ тому же двое изъ [illegible]ихъ товарищей Степана долго работали за

границей, и западное вліяніе распространялось черезъ нихъ какъ лично на него, такъ и на весь Союзъ.

Въ Петербургѣ родственниковъ у Степана не было. Жилъ онъ всегда одиноко, занимая небольшую комнатку на манеръ студенческой кельи. Къ обстановкѣ и одеждѣ своей онъ относился съ равнодушіемъ, достойнымъ самаго „интеллигентнаго“ нигилиста. Высокіе сапоги, широкое, слишкомъ длинное даже для его высокаго роста пальто, на которомъ не достаетъ нѣсколькихъ пуговицъ, довольно неуклюжая черная мѣховая шапка, — вотъ въ какомъ костюмѣ воскресаетъ онъ теперь въ моемъ воображеніи. Особаго наряда для воскресенья у него, вопреки обычаю всѣхъ заводскихъ рабочихъ, не полагалось. Разговорясь о дѣлѣ гдѣ нибудь въ трактирѣ или въ портерной, онъ охотно выпивалъ бутылку-другую пива, но врядъ-ли когда принималъ участіе въ веселыхъ товарищескихъ пирушкахъ. Другихъ рабочихъ мнѣ случалось иногда встрѣчать подкутившими. Его — никогда.

И, однако, этотъ сдержанный, практичный человѣкъ былъ, если хотите, большимъ фантазеромъ. Его фантазія постоянно и далеко опережала дѣйствительные успѣхи русскаго рабочаго движенія. Довольно долго мечталъ онъ объ одновременной стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ. Такая мечта была, разумѣется, несбыточной. Но и она принесла свою пользу: Степанъ неутомимо носился изъ одного предмѣстья въ другое, вездѣ заводилъ знакомства, вездѣ собиралъ свѣденія о числѣ рабочихъ, о заработной платѣ, о продолжительности рабочаго дня, о штрафахъ и т. д. Его присутствіе вездѣ дѣйствовало возбуждающимъ образомъ, а самъ онъ пріобрѣталъ новыя драгоцѣнныя свѣденія о положеніи рабочаго класса Петербурга. Задавшись мыслью о стачкѣ, онъ, по своему обыкновенію, сталъ искать подходящихъ указаній въ книгахъ. Ему нужно было узнать численность петербургскаго рабочаго населенія. Но статистика мало дала ему въ этомъ отношеніи. „Удивительное дѣло, не разъ говорилъ онъ мнѣ, статистическія данныя о петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ совсѣмъ никуда не годятся. Тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ триста рабочихъ, ихъ показано пятьдесятъ, тамъ, гдѣ пятьдесятъ — записано сто или двѣсти. А вообще въ Петербургѣ несравненно больше рабочихъ, чѣмъ считаетъ статистика“. Какъ же помочь горю? „Мы сами соберемъ нужныя свѣденія лучше всякихъ статистиковъ“, — рѣшилъ Степанъ, и принялся разносить по

фабрикамъ и заводамъ особые листки, требуя отъ знакомыхъ рабочихъ, чтобы тѣ вписывали точные отвѣты на поставленные въ листкахъ вопросы. Не всѣ отвѣчали обстоятельно, иные и вовсе забывали отвѣтить. Но черезъ короткое время у Степана все таки собралось множество данныхъ. Относительно нѣкоторыхъ фабрикъ онъ хвалился мнѣ, что ему удастся точно высчитать всѣ расходы и всѣ доходы хозяевъ и такимъ образомъ опредѣлить степень эксплуатаціи работниковъ. Относящіеся сюда выводы онъ собирался напечатать въ отдѣльной брошюрѣ.

Очень увлекался онъ также мечтами о будущей всероссійской организаціи. Когда онъ заговаривалъ о ней, собесѣднику, подъ вліяніемъ его горячей вѣры, невольно начинало казаться, что препятствія уже устранены, связи повсюду заведены, организація существуетъ и остается только работать для ея дальнѣйшаго развитія. Но и въ этихъ мечтахъ не было ничего маниловскаго. Еще лѣтомъ 1878 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до основанія Сѣвернаго Союза, Халтуринъ отправился на Волгу, переходилъ тамъ съ завода на заводъ, и вступилъ въ тѣсныя сношенія съ тамошними рабочими. Собирался онъ пробраться и на Уралъ, но петербургскіе товарищи убѣдили его вернуться въ Петербургъ. Онъ тамъ былъ слишкомъ нуженъ.

Тотчасъ по основаніи Сѣвернаго Союза возникла мысль объ изданіи рабочаго журнала. Авторъ статьи „*Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ*“*) приписываетъ эту мысль исключительно Степану. Онъ ошибается. Кому принадлежала мысль объ изданіи „Земли и Воли“? Всѣмъ землевольцамъ вообще и никому въ частности. То же приходится сказать и относительно предполагавшагося изданія рабочей газеты. Потребность въ ней давно уже чувствовалась рабочими. Выходившая въ 1875 г. въ Женевѣ анархическая газета „Работникъ“ была первой попыткой удовлетворенія этой потребности. Изданіемъ „Работника“ дѣятельно интересовались многіе изъ рабочихъ, вошедшихъ потомъ въ „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“. Когда землевольцы завели тайную типографію въ Петербургѣ, мысль о рабочей газетѣ приняла новую форму. Стали говорить, что органъ русскихъ рабочихъ долженъ печататься въ Россіи. Возростающіе успѣхи рабочаго движенія дѣлали его все болѣе и болѣе необходимымъ. Вопросъ о немъ сталъ очереднымъ вопросомъ. При этомъ

*) Календарь Народной Воли.

Степанъ былъ молчаливо и единогласно признанъ редакторомъ будущей газеты. Такимъ образомъ онъ сталъ головою дѣла, починъ котораго принадлежалъ всему Союзу.

Будущій редакторъ держался того мнѣнія, что газета должна имѣть чисто агитаціонный характеръ. У Союза было много связей въ рабочемъ мірѣ. Въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ о темныхъ сторонахъ фабрично-заводского быта недостатка быть не могло. Появленіе ихъ въ печати сочувственно встрѣтили бы всѣ рабочіе. Такимъ сообщеніямъ и должно было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты. Авторамъ передовыхъ статей оставалось бы лишь надлежащимъ образомъ освѣщать эти, непосредственно изъ жизни взятые матеріалы. Съ распространеніемъ организаціи на провинціальные города явилась бы возможность обезпечить себѣ иногороднія извѣстія. Все это было очень практично, и казалось бы, что общество „Земля и Воля" должно было всѣми силами поддерживать задуманное рабочими предпріятіе. Землевольцы много сдѣлали для развитія рабочаго движенія въ Россіи. Отстраняться отъ него теперь, когда оно стало такъ быстро рости и крѣпнуть, было бы по меньшей мѣрѣ странно. Они и не отстранялись отъ него сознательно, но незамѣтно для нихъ жизнь придавала ихъ дѣятельности совершенно новый характеръ.

VII.

Уже къ веснѣ 1879 г., т. е. въ то время, когда Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ насчитывалъ едва нѣсколько мѣсяцевъ существованія, общество „Земля и Воля" изъ *бунтарскаго*, какимъ оно было прежде, на половину превратилось въ *террористическое*. Тѣ изъ его членовъ, которые остались вѣрны старой программѣ, жили большей частью „въ народѣ", „въ поселеніяхъ", раскинувшихся въ разныхъ мѣстахъ нижняго и средняго Поволжья, на Дону, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Большинство же жившихъ въ Петербургѣ землевольцевъ съ ревностью новообращенныхъ стояло за террористическую дѣятельность, или, какъ тогда выражались, за *дезорганизацію правительства*. „Рабочее дѣло" никѣмъ не отрицалось въ прин-

ципѣ. Но на дѣлѣ посвящавшіяся ему силы и средства стали убывать очень и очень замѣтно. Многіе молодые революціонеры, начавшіе свою дѣятельность „занятіемъ съ рабочими“, оставили это занятіе подъ вліяніемъ проповѣдывавшихъ „дезорганизацію“ землевольцевъ. Революціонное движеніе интеллигенціи становилось, несомнѣнно, болѣе *острымъ*, но русло его все болѣе и болѣе *съуживалось*. О вовлеченіи въ борьбу *народной массы* переставали думать. Задача движенія сводилась къ единоборству между *правительствомъ* и революціонной *интеллигенціей*. Въ Апрѣлѣ 1879 г., за нѣсколько дней до выстрѣла Соловьева, мнѣ пришлось оставить Петербургъ, и я передалъ „сношенія съ рабочими“ покойному Ширяеву. Вернувшись осенью того же года, я засталъ Халтурина въ сильномъ негодованіи противъ интеллигенціи вообще, а противъ насъ, землевольцевъ, въ особенности. „Человѣкъ, съ которымъ ты познакомилъ меня передъ своимъ отъѣздомъ, говорилъ онъ, былъ у насъ одинъ разъ, обѣщалъ доставить шрифтъ для нашей типографіи, а потомъ исчезъ, и я не видался съ нимъ два мѣсяца. А у насъ ужъ и станокъ сдѣланъ, и наборщики есть, и квартира готова. Остановка только за шрифтомъ. Да и кромѣ шрифта есть важное дѣло, нужно переговорить съ кѣмъ нибудь изъ вашихъ, а гдѣ искать ихъ—неизвѣстно“.*) Я былъ увѣренъ, что явившееся у Степана новое важное дѣло относится, какъ и всегда, къ рабочему движенію. Вышло не такъ.

Съ самаго основанія своего Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ поставленъ былъ террористической тактикой интеллигенціи въ довольно затруднительное положеніе. Съ каждымъ новымъ террористическимъ фактомъ росли полицейскія строгости, умножались обыски, аресты и ссылки. Для нелегальныхъ революціонеровъ этотъ бѣлый терроръ до поры до времени былъ почти совершенно безвреденъ, такъ какъ имъ удавалось скрывать свои слѣды отъ самыхъ опытныхъ сыщиковъ. Въ иномъ положеніи были легальные революціонеры, чѣмъ нибудь успѣвшіе обратить на себя неблагосклонное вниманіе синяго начальства. Они должны были готовиться къ самымъ непріятнымъ неожиданностямъ. Въ рабочемъ Союзѣ *нелегальныхъ* было немного : кромѣ

---

*) При тогдашнемъ положеніи дѣлъ — выѣздъ изъ Петербурга всѣхъ „нелегальныхъ“ землевольцевъ (а такихъ было большинство) передъ выстрѣломъ Соловьева, суматоха, вызванная лѣтними революціонными съѣздами въ Липецкѣ и Воронежѣ, и, наконецъ, совершившееся осенью формальное раздѣленіе общества „Земля и Воля“—трудно было винить Ширяева за его халатность. Но Халтуринъ не зналъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, и потому досада его совершенно понятна.

Халтурина, нелегальнаго съ 1878 г., еще, можетъ быть, два-три человѣка. Но за то многіе, — и часто самые дѣятельные, опытные и вліятельные — *легальные* члены его давно уже находились у полиціи на дурномъ счету. Имъ плохо приходилось отъ бѣлаго террора. Ихъ хватали, держали въ тюрьмахъ, ссылали. Подобныя потери тяжело отзывались на неокрѣпшей еще организаціи, и неудивительно, что Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ сначала очень неодобрительно относился къ новому пріему революціонной борьбы. „Чистая бѣда, восклицалъ Халтуринъ, только-только наладится у насъ дѣло, — хлопъ! шарахнула кого нибудь интеллигенція, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы намъ укрѣпиться!“ Но революціонный терроръ все усиливался; усиливался и бѣлый. Провалы учащались. Выстрѣлъ Соловьева довелъ полицейскія строгости до неслыханной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же указывалъ, повидимому, и выходъ изъ невыносимаго положенія. Падетъ царь, падетъ и царизмъ, наступитъ новая эра, эра свободы. Такъ думали тогда очень многіе. Такъ стали думать и рабочіе.

Лѣтомъ 1879 г. кому-то изъ членовъ Союза предложено было мѣсто столяра въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ своимъ ближайшимъ товарищамъ. „Что-жь, поступай, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, кстати ужь и царя прикончишь“. Это было сказано въ шутку. Но шутка произвела на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе, они серьезно задумались о цареубійствѣ. Призвали на совѣтъ Халтурина. На первый разъ онъ высказался неопредѣленно: посовѣтовалъ только не болтать, да разузнать получше о предлагаемомъ мѣстѣ. Ему хотѣлось хорошенько обдумать это дѣло, при чемъ онъ тутъ же, вѣроятно, рѣшилъ, что если найдетъ его возможнымъ и полезнымъ, то самъ же за него и возьмется. А подумать ему было о чемъ. Какъ ни жутко приходилось Союзу отъ бѣлаго террора, но его положеніе все таки было совсѣмъ не безнадежно. Это доказывалъ уже тотъ фактъ, что, не смотря на полицейскія строгости, рабочіе могли сдѣлать почти всѣ необходимыя приготовленія къ изданію своей газеты. Сношенія съ провинціальными городами только что начинались и, опять таки не смотря на всѣ строгости, сулили успѣхъ. Намѣченные полиціей члены Союза высылались одинъ за другимъ, но на ихъ мѣсто являлись новые, *не* намѣченные, которые при осторожномъ веденіи дѣла, могли долго продержаться. Новое покушеніе на жизнь Александра II, въ случаѣ неудачи, навѣрное

причинило бы Союзу новыя потери, тѣмъ болѣе, что самому Халтурину приходилось идти почти на вѣрную смерть. Онъ зналъ, какое разстройство внесетъ его гибель въ дѣла Союза. Но всѣ эти соображенія не устояли передъ однимъ: смерть Александра II *принесетъ съ собою политическую свободу*, а при политической свободѣ рабочее движеніе пойдетъ у насъ не по прежнему. Тогда у насъ будутъ не такіе союзы, съ рабочими же газетами не нужно будетъ прятаться.*) Степанъ не долго колебался. Доступъ во дворецъ былъ обезпеченъ. Оставалось запастись взрывчатыми веществами.

Какъ велъ себя Халтуричъ въ Зимнемъ дворцѣ,—разсказано въ Календарѣ Народной Воли.**) Читателю извѣстно, вѣроятно, какую смѣлость и какое самообладаніе проявилъ онъ тамъ. Арестъ Квятковскаго, у котораго найденъ былъ планъ Зимняго дворца, поставилъ Халтурина, по словамъ автора разсказа, „въ истинно-каторжное положеніе". На взятомъ у Квятковскаго планѣ царская столовая была отмѣчена крестомъ, и это обстоятельство заставило дворцовую полицію подозрительно относиться къ столярамъ, жившимъ въ подвальномъ этажѣ, какъ разъ подъ столовой. Въ одной комнатѣ съ Халтуринымъ помѣстили жандарма; дворцовую прислугу часто и неожиданно обыскивали; динамитъ приходилось хранить подъ подушкой; предпріятіе, а съ нимъ и жизнь Степана, постоянно висѣли на волоскѣ. Съ поразительнымъ хладнокровіемъ обошелъ онъ всѣ трудности, преодолѣлъ всѣ препятствія, и когда приготовленія были окончены, когда уже зажженъ былъ роковой фитиль, онъ „просто восхитилъ Желябова" тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ произнесъ, „словно фразу изъ самаго обычнаго разговора", многозначительное „*готово*". Только послѣдующее его состояніе показало, какъ страшно былъ онъ измученъ. Придя послѣ взрыва на приготовленную для него конспиративную квартиру, „усталый, больной, онъ едва могъ стоять и только немедленно справился, есть ли въ квартирѣ достаточно оружія. Живой я не отдамся, говорилъ онъ."

„Извѣстіе о томъ, что царь спасся, подѣйствовало на Халтурина самымъ угнетающимъ образомъ. Онъ свалился совсѣмъ больной, и только разсказы о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ 5-мъ Февраля на всю Россію, могли его нѣсколько утѣшить, хотя никогда

*) Подлинныя слова Халтурина.

**) „*Халтуринъ въ Зимнемъ дворцѣ.*"

онъ не хотѣлъ примириться со своей неудачей".*) Не того ожидалъ онъ отъ своей попытки...

Послѣ 5-го Февраля онъ продолжалъ дѣйствовать болѣе двухъ лѣтъ. Пробовалъ онъ вернуться къ своему любимому „рабочему дѣлу". Но логика разъ принятаго способа дѣйствій ставила свои неотразимыя требованія. Степанъ снова пошелъ на „терроръ". Извѣстно участіе его въ убійствѣ Стрѣльникова. Онъ умеръ на висѣлицѣ 22-го Марта 1882 года. При арестѣ онъ храбро защищался вооруженной рукой.

Вскорѣ по поступленіи Халтурина въ Зимній дворецъ, я вынужденъ былъ оставить Россію. Съ тѣхъ поръ о ходѣ русскаго рабочаго движенія я могъ знать только по разсказамъ дѣйствовавшихъ послѣ меня товарищей. Авторъ статьи „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ" говоритъ, что Сѣверно-Русскому Рабочему Союзу удалось таки приступить къ изданію газеты, которая, однако, вмѣстѣ съ типографіей была заарестована при наборѣ перваго же нумера и не оставила по себѣ ничего, „кромѣ памяти о попыткѣ чисто рабочаго оргага, не повторявшейся уже потомъ ни разу".**) Затѣмъ прекратилось и самое существованіе Союза. Повидимому, на его судьбѣ отразились програмныя раздѣленія тогдашней интеллигенціи. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что уже въ 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники „партіи Народной Воли" (см. програму рабочихъ этой партіи, опубликованную въ Ноябрѣ 1880 г.) и сторонники „Чернаго Передѣла". Въ восьмидесятыхъ годахъ въ разное время издавалось въ Россіи нѣсколько рабочихъ журналовъ: „Рабочая газета" (съ 15 Декабря 1880 до конца 1881), „Зерно" (приблизительно около того же времени), „Рабочій" (въ 1885 г.). Правда, рабочіе были только читателями этихъ журналовъ, редактировались же они „интеллигенціей", но это было, что называется, только полъ-горя. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ перестали появляться въ Россіи и такія изданія. Наступило, казалось, полное затишье. Но разъ зажженый огонекъ мысли не погасъ въ рабочей средѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенціей, рабочій продолжалъ рости умственно и нравственно. Уже нѣсколько лѣтъ тому

---

*) Календарь, историко-литературный отдѣлъ, стр. 48.

**) Авторъ относитъ эту попытку ко времени, предшествовавшему поступленію Халтурина во дворецъ. Но это ошибка.

назадъ Г. И. Успенскій могъ поздравить русскихъ писателей съ „новымъ грядущимъ читателемъ". Недалеко то время, когда „интеллигентныхъ" противниковъ царизма можно будетъ поздравить съ новымъ, непобѣдимымъ *политическимъ союзникомъ*.

Когда наша революціонная „интеллигенція", чувствуя недостаточность своихъ силъ, спрашиваетъ себя, гдѣ искать поддержки, ея доброжелатели даютъ ей часто довольно странные отвѣты: „въ обществѣ", въ офицерской средѣ и т. п., и т. п. О рабочихъ такіе доброжелатели интеллигенціи вспоминаютъ рѣдко и неохотно. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но фактъ тотъ, что русскіе рабочіе внесли въ освободительное движеніе послѣднихъ двадцати лѣтъ несравненно больше силъ, чѣмъ почтенное военное сословіе, или — и въ особенности — наши милые, добрые, образованные, но рѣшительно никуда не годные либералы. А вѣдь до сихъ поръ совершились только первые, правда, самые трудные, но за то и самые слабые шаги нашего рабочаго движенія. Что же будетъ дальше? Людямъ, претендующимъ на политическую дальновидность, не мѣшало бы подумать объ этомъ.

Исторія давно и безвозвратно осудила русскій царизмъ. Но онъ существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока та же исторія не заготовитъ достаточно силъ для исполненія своего приговора. Она дѣятельно заготовляетъ ихъ, беря ихъ отовсюду. Пролетаріатъ — самая могучая изъ создаваемыхъ ею новыхъ общественныхъ силъ. Пролетаріатъ это тотъ динамитъ, съ помощью котораго исторія взорветъ русское самодержавіе.

Но рабочему классу не годятся старые, болѣе или менѣе фантастическіе революціонные костюмы интеллигенціи. Наши рабочіе, уже въ *семидесятыхъ* годахъ видѣвшіе слабыя стороны *народничества*, въ девяностыхъ годахъ сознательно станутъ подъ знамя всемірной рабочей партіи, подъ знамя **соціалъ-демократовъ.**

Пусть же поскорѣе наступаетъ эта счастливая пора! Много свѣта внесетъ она въ нашу темную жизнь!

Г. Плехановъ.

—=0=—

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

II.

The career of a nihilist. A novel, by Stepniak. London, 1889.

Мы хотѣли говорить объ этомъ романѣ, нѣсколько главъ котораго помѣщено во второй книжкѣ нашего журнала, лишь помѣстивши пять послѣднихъ, по нашему мнѣнію, лучшихъ его главъ. Но такъ какъ помѣщеніе ихъ затягивается, мы рѣшились, не откладывая долѣе, подѣлиться съ читателями впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ этимъ романомъ.

Хотя написанный по англійски и для англійской публики, онъ является, тѣмъ не менѣе, первымъ беллетристическимъ произведеніемъ, рисующимъ жизнь русскихъ революціонеровъ съ знаніемъ изображаемой среды, ея обстоятельствъ и настроенія.

Дѣйствіе романа охватываетъ лишь одинъ годъ быстро мѣнявшей свой характеръ жизни и дѣятельности революціонеровъ; эта жизнь изображена въ немъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно бѣгло, крупными штрихами и въ то же время далеко не всесторонне, и все таки изъ него одного читатель неизмѣримо лучше узнаетъ революціонеровъ, чѣмъ изъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ беллетристическихъ произведеній русской литературы (не исключая, разумѣется, и „Нови“ Тургенева), бравшихся изображать людей революціоннаго движенія.*)

Какъ мы уже сказали, дѣйствіе романа охватываетъ одинъ годъ. Авторъ не обозначаетъ этого года, но его легко опредѣлить: это конецъ

---

*) Мы и не думаемъ сравнивать таланта Степняка съ талантомъ Тургенева. Но въ „Нови“, именно, поскольку дѣло идетъ о революціонерахъ, таланту Тургенева пришлось остаться безъ употребленія по полнѣйшему, очевидному незнакомству со средой и непониманію изображаемаго движенія. Революціонеры „Нови“ не живые люди и даже не карикатуры на людей, а нѣчто вовсе небывалое и невозможное.

1878 и первая половина 1879 года — послѣдній годъ существованія общества „Земля и Воля“, къ которому принадлежитъ герой и большинство дѣйствующихъ лицъ романа. Было бы, впрочемъ, большой ошибкой искать въ немъ матеріала для фактической исторіи движенія. Мы встрѣчаемся здѣсь только съ однимъ историческимъ событіемъ: съ покушеніемъ на жизнь Александра II; но и тутъ изъ дѣйствительности заимствованы лишь подробности самого факта покушенія. Въ героѣ никто, навѣрное, не узналъ бы Соловьева; не соотвѣтствуютъ также дѣйствительности и происшествія, повліявшія на его рѣшеніе. Тѣмъ не менѣе, каждый, знакомый съ движеніемъ того времени, узнаетъ въ романѣ этотъ переходной годъ, когда террорѣ уже захватилъ значительную часть революціонныхъ силъ, но къ нему не была еще подыскана общая программа и четыре сошедшихся террориста дѣйствительно имѣли очень много шансовъ оказаться, какъ это описано въ одной сценѣ романа, обладателями четырехъ различныхъ взглядовъ какъ на значеніе террора, такъ и на то мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ дѣятельности ихъ организаціи. Это годъ самой напряженной и разносторонней, хотя и не систематической дѣятельности революціонеровъ. Къ этому году относятся самыя сложныя, требовавшія наибольшей затраты силъ и средствъ предпріятія съ цѣлью освобожденія заключенныхъ, большинство политическихъ убійствъ и громадное большинство вооруженныхъ сопротивленій при арестахъ. Но въ то же время организація продолжаетъ еще работать и въ прежнемъ направленіи. Половина членовъ „Земли и Воли“ еще дѣйствуетъ въ деревнѣ, рабочее движеніе въ Петербургѣ, связанное съ „Землей и Волей,“ начинаетъ быстро развиваться; въ прочно и хорошо устроенной типографіи печатается журналъ, и на все это, благодаря прекрасной организаціи, состоящей почти исключительно изъ нелегальныхъ, съ избыткомъ хватаетъ силъ и средствъ революціонеровъ. На сценѣ романа мы видимъ изъ революціонной дѣятельности только попытки освобожденій и покушеніе на жизнь царя, да различные связанные съ этой дѣятельностью эпизоды, вродѣ яркой, прямо изъ жизни выхваченной сцены тайнаго перехода черезъ границу, свиданія родственниковъ съ заключенными и проч. Но какъ изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и со словъ самого автора мы узнаемъ, что ведется пропаганда среди рабочихъ, происходятъ сопротивленія при арестахъ, упоминается и о тайной типографіи.

Дѣйствіе романа распадается на двѣ чередующіяся между собою въ изложеніи части. Въ одной, происходящей въ Петербургѣ, революціонная дѣятельность составляетъ лишь фонъ картины. Большинство дѣйствующихъ лицъ—нелегальные революціонеры, за сценой случаются обыски, аресты, идетъ революціонная работа, о которой упоминается въ разговорахъ, но на первомъ планѣ остается любовь тайкомъ вернувшагося эмигранта Андрея Кожухова къ молоденькой дочери либеральнаго адвоката, Танѣ, въ началѣ романа еще мирно живущей въ родительскомъ домѣ, а затѣмъ принятой въ революціонную организацію. Здѣсь мы заняты, главнымъ образомъ, исторіей этой любви, недоразумѣніями, заставляющими Андрея вообра-

зить, будто Таня любитъ его друга Георга, а затѣмъ разъясненіемъ этихъ недоразумѣній и соединеніемъ влюбленныхъ.

Другая часть романа происходитъ въ провинціальномъ городѣ Дубравникѣ, гдѣ содержится въ тюрьмѣ другъ Кожухова, Борисъ. Въ этой части весь интересъ сосредоточенъ на ходѣ слѣдующихъ одна за другой попытокъ освобожденія Бориса, которыя предпринимаетъ его жена Зина при помощи нѣсколькихъ революціонеровъ, и въ ихъ числѣ пріѣхавшаго изъ Петербурга Кожухова. Сперва ведется подкопъ. Онъ открытъ, и тотчасъ-же составляетя новый планъ освобожденія арестантовъ вооруженной силой на улицѣ, когда ихъ поведутъ на допросъ. Сцена нападенія на конвой—одна изъ самыхъ яркихъ и живыхъ въ романѣ. Революціонеровъ снова постигаетъ неудача: двое изъ арестованныхъ освобождены, но Борисъ остается въ рукахъ жандармовъ. Зина съ нѣсколькими друзьями рѣшаются продолжать свои попытки освобожденія, Кожуховъ же, сильно разыскиваемый, такъ какъ онъ игралъ главную роль въ нападеніи на конвой, возвращается въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени попадаются въ руки жандармовъ и сами освободители. Они отстрѣливались при арестѣ, присоединены къ процессу Бориса и имъ грозитъ смертная казнь. Мѣстные революціонеры рѣшаютъ освободить ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ Борисомъ и избираютъ Кожухова своимъ предводителемъ въ этомъ предпріятіи. Слѣдующія главы: судъ надъ революціонерами, подготовленіе освобожденія, неудача и казнь заключенныхъ составляютъ содержаніе довольнно цѣльнаго отрывка, напечатаннаго во 2-ой книжкѣ „Социаль-Демократа“.

Такое распаденіе романа на два повѣствованія, связанныя лишь личностью героя, переѣзжающаго изъ Петербурга въ Дубравникъ и обратно, при чемъ въ Петербургѣ мы не слышимъ о Дубравникѣ, а въ Дубравникѣ забываемъ о любви героя, ослабляетъ отчасти цѣльность интереса и художественное впечатлѣніе романа. Но этотъ недостататокъ выкупается послѣдними главами, гдѣ оба сюжета: любовь и борьба сливаются въ одно цѣлое.

Какъ читатель помнитъ, вѣроятно, напечатанный нами отрывокъ заканчивается намекомъ Кожухова на зародившееся въ немъ намѣреніе убить царя. Черезъ нѣсколько дней онъ является въ Петербургъ съ установившимся уже планомъ, и теперь петербургская идиллія сталкивается, наконецъ, съ революціонной горячкой Дубравника, приведшей Андрея къ его рѣшенію.

Это положительно лучшія главы романа. До нихъ авторъ является прекраснымъ разсказчикомъ, ярко и живо рисующимъ сцены и происшествія въ военной, происходящей въ Дубравникѣ, части своего повѣствованія. Часть, происходящая въ Петербургѣ — это граціозная любовная повѣсть, въ ней встрѣчаются очень вѣрныя психологическія черты, напримѣръ: зарожденіе ревности въ душѣ героя, но такихъ повѣстей не мало и въ русской, и въ европейскихъ литературахъ. За то послѣднія главы: душевное состояніе Кожухова во время приготовленій къ цареубійству, въ особенности же сцены между Таней и ея мужемъ, открывшимъ ей свое рѣшеніе, показываютъ въ

авторѣ способность къ болѣе высокому художественному творчеству. Въ этихъ сценахъ онъ выказалъ, по нашему мнѣнію, черты сильнаго драматическаго таланта, съумѣвши въ немногихъ, самыхъ простыхъ словахъ Тани показать намъ весь трагизмъ душевнаго состоянія этой молодой женщины, у которой любимый человѣкъ добровольно идетъ на вѣрную смерть, и она не можетъ ни помѣшать этому, ни раздѣлить его участь, и вынуждена, сложа руки, ждать цѣлыя недѣли, пока длятся приготовленія къ покушенію.

Сперва она еще не вѣритъ въ невозвратность рѣшенія и пытается спорить противъ него. Для нея въ эти минуты дѣло не въ царѣ, а въ неизбѣжно связанной съ выстрѣломъ въ него казни любимаго человѣка. Но она революціонерка, членъ „Земли и Воли". Она привыкла къ мысли, что все личное, всѣ индивидуальныя страданія ничто передъ дѣломъ; поэтому, хотя все существо ея противится ужасному рѣшенію, она совершенно искренно хватается для борьбы съ нимъ за доводы чисто дѣлового характера. Ей надо страшно спѣшить убѣдить своего Андрея, пока онъ не успѣлъ еще сообщить плана товарищамъ. Разъ тѣ примутъ его (а они навѣрно примутъ, ужасалась про себя Таня), спорить будетъ уже поздно, рѣшеніе Андрея станетъ обязательнымъ для него самого. Но ея аргументы, первые попавшіеся аргументы, за которые она хватается, какъ утопающій за соломинку, производятъ на мужа скорѣе обратное дѣйствіе. Онъ одушевляется, горячо защищая свое рѣшеніе.

„Она чувствовала, что теряетъ почву. Она не знала, что сказать, что дѣлать. А замолчать, уступить было слишкомъ ужасно.

— „Погоди минуту, Андрей, дорогой, сказала она, удерживая его за руки, какъ будто онъ собирался тотчасъ же уйти отъ нея. Одну минуту. Я хочу еще сказать тебѣ что-то... очень убѣдительное. Но не могу вспомнить... Все это такъ ужасно, что у меня голова кружится... Дай мнѣ подумать...

„Она стояла подлѣ него, опустивши глаза и нагнувши голову.

— „Я буду ждать сколько хочешь, сказалъ Андрей, цѣлуя ея поблѣднѣвшій лобъ. Не будемъ больше говорить объ этомъ сегодня...

„Она отрицательно покачала головой. Нѣтъ, она должна сейчасъ же отыскать свой забытый аргументъ. — Крестьяне вѣрятъ въ царя. — Нѣтъ, это не то! Та часть общества, которая теперь остается нейтральной. — Не то, опять не то!

„Вдругъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и ея губы побѣлѣли; она нашла свой великій аргументъ, свой послѣдній оплотъ и увидѣла, какъ слабъ онъ былъ и въ то же время какъ ужасенъ.

— „Что будетъ со мною, когда они убьютъ тебя!..."

Мы съ трудомъ удерживаемся, чтобы не продолжать цитатъ, чтобы не переполнять нашей статьи выписками изъ этихъ послѣднихъ главъ. Но мы боимся ослабить переводомъ, всегда отстающимъ въ живости отъ оригинала, впечатлѣніе этихъ глубоко прочувствованныхъ сценъ, и надѣемся, что русскій авторъ скоро самъ подѣлится своимъ произведеніемъ съ русскими читателями.

II.

Центральной фигурой романа, около которой группируются всѣ остальныя, является Андрей Кожуховъ. Авторъ съ видимой любовью рисуетъ его съ различныхъ сторонъ, въ различныхъ положеніяхъ. Онъ часто очень тонко, очень вѣрно отмѣчаетъ тѣ или другія душевныя движенія своего героя и, тѣмъ не менѣе, фигура этого героя остается неясной, не складывается для насъ въ живую, конкретную личность.

Мы видимъ изъ романа, что Кожуховъ способенъ сильно любить. Онъ глубоко страдаетъ, когда думаетъ, что любимая имъ дѣвушка влюблена въ другого, а когда эта дѣвушка стала его женой, онъ говоритъ ей такія поэтическія любовныя рѣчи, что, взятыя отдѣльно, онѣ составили бы положительно прекрасный любовный гимнъ. Онъ храбрый изъ храбрыхъ, хладнокровный въ опасности предводитель и организаторъ труднѣйшихъ нападеній. Въ послѣднихъ главахъ, наконецъ, онъ является страстнымъ, безгранично самоотверженнымъ фанатикомъ.

Всѣ эти черты характера героя обрисованы довольно ярко, но онѣ все же не сливаются въ одинъ цѣльный образъ, изъ нихъ не выходитъ опредѣленной живой индивидуальности. Какъ мы только что сказали, авторъ часто дѣлаетъ, говоря о Кожуховѣ, очень вѣрныя, иногда очень глубокія въ психологическомъ отношеніи замѣчанія, но эти замѣчанія вѣрны вообще по отношенію къ сильно любящему человѣку или испытанному революціонеру въ положеніи Кожухова, и вовсе не дорисовываютъ для насъ его индивидуальной личности. То же можно сказать почти о всѣхъ женскихъ лицахъ романа : онѣ слабо индивидуализированы. Потрясающе живо и естественно изображено душевное состояніе Тани въ послѣднихъ главахъ, но она является въ нихъ все таки не индивидуальнымъ характеромъ, а олицетвореніемъ молодой, любящей революціонерки, мужъ которой идетъ добровольно на вѣрную смерть. Но изъ того же романа видно, однако, что автору далеко не чужда способность создавать живыя, индивидуальныя личности. Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ лицъ романа являются предъ нами совершенно живыми людьми со своей индивидуальной физіономіей. Это по преимуществу не эффектные, не блестящіе герои (хотя тѣмъ не менѣе настоящіе герои, въ общемъ, не романическомъ смыслѣ этого слова), а тѣ, въ изображеніе которыхъ авторъ вкладываетъ немножко ласковой, добродушной насмѣшки, тѣ, которые отличаются отъ остальныхъ лицъ своими привычками, манерами или спеціальностью, въ которыхъ замѣтенъ нѣкоторый элементъ чудачества. Герои же безукоризненно блестящіе и изящные остаются для насъ туманными образами.

Какъ извѣстно, идеальные герои вообще рѣдко удавались въ литературѣ. Мы вовсе не думаемъ, однако, чтобы неполная удача автора зависѣла отъ излишней идеализаціи, вложенной имъ въ обрисовку своихъ героевъ, отъ его неумѣнья подмѣтить тѣневыя стороны ихъ характеровъ, или отъ умышленнаго умалчиванья объ этихъ сторонахъ. Вѣдь онъ рисуетъ людей, принадлежавшихъ къ дѣйствующей революціонной организаціи, являвшейся руководящимъ центромъ всего движенія. Не могли эти люди не быть храбрецами, всецѣло преданными своему дѣлу — иначе они не попали бы въ эту организацію, пополнявшуюся лишь революціонерами, уже доказавшими свою способность съ успѣхомъ служить дѣлу. Не могло проявляться въ ихъ характерахъ и тѣхъ, если не дурныхъ, то во всякомъ случаѣ будничныхъ чертъ обычной житейской пошлости, мелкаго житейскаго эгоизма, личнаго или семейнаго,—тѣхъ мелкихъ черточекъ, которыя почти неизбѣжно накладываются на характеръ даже очень блестящихъ людей обстоятельствами, со всѣхъ сторонъ опутывающими ихъ среди обычныхъ житейскихъ отношеній. Изображенный въ обычной средѣ идеальный герой не можетъ не явиться ходульной личностью. Здѣсь самыя достоинства, переходя за извѣстные предѣлы, слишкомъ превышая обычный въ данной средѣ уровень, необходимо ведутъ за собою соотвѣтствующіе этимъ достоинствамъ недостатки, непремѣнно проявляютъ свою оборотную сторону. И правдивый художникъ, рисуя своего героя въ обычной средѣ, долженъ отмѣтить обѣ стороны взятаго имъ характера.

Въ другомъ положеніи находится художникъ, взявшій своихъ героевъ изъ міра нелегальныхъ, организованныхъ революціонеровъ. Этотъ, крошечный по численности, мірокъ, съумѣвшій создать для себя, среди всеобщаго пассивнаго прозябанія, широкое поприще свободной общественной дѣятельности, захватывающей всѣ силы и помыслы человѣка, тѣмъ самымъ уничтожилъ въ своей средѣ почти всѣ обычныя условія и отношенія, а слѣдовательно и всякую возможность проявленія личныхъ недостатковъ, обусловливаемыхъ этими отношеніями.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Тургеневскій Рудинъ — это очень умный, образованный человѣкъ и талантливый пропагандистъ, умершій смертью героя. Его умственная живость, богатство инициативы, жажда общественной дѣятельности заставили его цѣлую жизнь заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимался некрасовскій герой, который „по свѣту рыщетъ, дѣла себѣ исполинскаго ищетъ“, будя мимоходомъ умъ и общественное чувство попадавшейся на его дорогѣ чуткой молодежи. Герценъ совершенно правъ, когда говоритъ, что слово Рудина было его дѣломъ и очень важнымъ дѣломъ. Но, раздаваясь среди практичныхъ, благоразумныхъ людей, занятыхъ своими „дѣлами“, оно казалось полнѣйшимъ бездѣльемъ — казалось не только другимъ, даже самому Рудину. Дѣлами онъ считалъ свои, постоянно кончавшіяся неудачами, попытки вліять на богатыхъ помѣщиковъ въ смыслѣ преобразованій въ ихъ имѣніяхъ (ради устраненія крѣпостного труда, по всему вѣроятію), на начальство гимназій для измѣненія преподаванія и т. п. Но такъ какъ эти дѣла не удавались, а

рѣчи Рудина не казались, не считались дѣломъ, предъ нимъ могли кичиться всѣ мелкіе, окружавшіе его, практики. При этомъ, въ противоположность некрасовскому герою, его никакое „наслѣдство богатыхъ отцовъ“ не „освободило отъ малыхъ трудовъ“. Невозможность посвятить себя этимъ малымъ трудамъ, необходимость всегда „жертвовать своими личными выгодами, не пускать корней въ недобрую почву, какъ бы жирна она ни была“ (слова примирившагося съ нимъ Лежнева), вытекала для него изъ его „политической натуры“, по опредѣленію того же Лежнева. Жирной и вмѣстѣ доброй почвы для такихъ натуръ не было тогда въ Россіи, да нѣтъ и теперь. Но эта неспособность настойчиво заботиться о своихъ личныхъ выгодахъ, при отсутствіи богатаго наслѣдства, часто ставила его въ фальшивое, унизительное положеніе какого-то приживальщика, „лизоблюда“, какъ отзывается о немъ взяточникъ Пигасовъ, заставляла занимать безъ отдачи деньги у своихъ богатыхъ знакомыхъ. И въ первой части, гдѣ Рудинъ является еще полнымъ силъ, не сломленнымъ жизнью человѣкомъ, авторъ не поскупился на щелчки своему герою. Всѣ окружающіе его, глубоко сидящіе въ „жирной почвѣ“ практичные люди, дѣлаютъ о немъ преехидныя и преосновательныя замѣчанія. Восхищаются имъ и подпадаютъ подъ его вліяніе только очень юные и уже поэтому одному совершенно непрактичные люди. — „Этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!“ говоритъ про него Басистовъ. Но зажегши этихъ юныхъ людей, Рудинъ оставлялъ ихъ горѣть и зажигать другихъ, какъ знаютъ и могутъ. Ему некуда было вести ихъ за собою, онъ не могъ дать имъ никакого опредѣленнаго дѣла. Его задача, — задача того времени — заключалась лишь въ томъ, чтобы разбудить въ людяхъ стремленіе къ общему и великому, внушить имъ первую мысль о томъ, что есть, что могутъ быть на свѣтѣ иные интересы и иныя дѣла кромѣ личныхъ, что „все великое совершается черезъ людей“, а не только черезъ царей и генераловъ. Но людей даже съ такими неопредѣленными стремленіями было еще слишкомъ мало, никакое практическое дѣло еще не было возможно, а если бы и было, самъ Рудинъ совсѣмъ не годился въ организаторы. Онъ былъ прекрасный пропагандистъ, но не имѣлъ ни малѣйшихъ способностей практическаго вождя: онъ не умѣлъ узнавать людей. А между тѣмъ проснувшіеся и именно поэтому ставшіе „лишними“, чужими въ родной средѣ молодые люди оставались неудовлетворенными и начинали горько жаловаться на Рудина. Жалкую роль разыгралъ онъ также предъ однимъ изъ этихъ молодыхъ существъ, Натальей, испугавшись отвѣтственности, которую налагала на него ея готовность „идти за нимъ“. Хотя, съ другой стороны, вся дальнѣйшая судьба Рудина доказала какъ нельзя лучше, что онъ хорошо поступилъ относительно Натальи, побоявшись связать ея судьбу со своею. Въ то время внѣ семьи для женщины не было мѣста, а ему ли было брать на себя отвѣтственность за семью, за чужія жизни, когда онъ и со своею-то не могъ справиться? Вѣдь онъ навсегда остался „безпріютнымъ скитальцемъ“, мы и черезъ много лѣтъ встрѣчаемъ его съ продран-

ными локтями, ѣдущимъ въ метель и вьюгу на перекладныхъ, даже не зная путемъ, куда ѣхать?

А вообразите себѣ того же Рудина, съ его умомъ, съ его характеромъ, членомъ такой революціонной организаціи, какія существовали у насъ въ семидесятыхъ годахъ. Разумѣется, содержаніе его рѣчей было бы другое. „Бѣсъ общественныхъ заботъ" успѣлъ къ этому времени вселиться во всѣ слои русскаго общества. Отвлеченное „дѣло" и гражданская скорбь успѣли превратиться въ ходячую фразу. Тѣ слишкомъ туманныя и неопредѣленныя рѣчи, которыя въ началѣ сороковыхъ годовъ такъ сильно волновали молодыхъ слушателей Рудина, въ семидесятыхъ не имѣли бы никакой силы. Онъ долженъ бы звать теперь на опредѣленное дѣло; но революціонеръ семидесятыхъ годовъ моіъ звать на такое дѣло. Его могла дать революціонная организація. Въ организаціи всѣ слабыя, тѣневыя стороны характера Рудина отступили бы на задній планъ, а на виду остались бы однѣ блестящія. Его самолюбіе, его бросавшееся въ глаза сознаніе собственнаго превосходства потеряли бы свои наиболѣе шокирующія стороны. Товарищи по организаціи легко прощали бы ему это превосходство, такъ какъ оно являлось бы, нѣкоторымъ образомъ, ихъ общимъ достояніемъ. Да и въ немъ самомъ усиленное сознаніе своего „я" („скажетъ: „я", и съ умиленіемъ остановится. . . „я, молъ, я. . .", ехидничалъ на его счетъ Пигасовъ), неизбѣжное при его одиночествѣ, не могло бы не превратиться хотя отчасти въ „мы", въ гордость значеніемъ своей организаціи. Въ ней и дѣятельность, и самое существованіе отдѣльнаго лица находились въ тѣснѣйшей зависимости отъ дѣятельности всѣхъ остальныхъ. Сознавая свое превосходство въ одномъ отношеніи, онъ не могъ бы не сознать своихъ недостатковъ во многихъ другихъ. Прекрасный пропагандистъ въ средѣ образованной молодежи, Рудинъ навѣрное былъ бы никуда не годнымъ организаторомъ, плохимъ конспираторомъ, и въ этихъ областяхъ не могъ бы не признать превосходства многихъ товарищей и своей полнѣйшей отъ нихъ зависимости. Потеряли бы всякое значеніе и тѣ стороны его характера, изъ за которыхъ онъ становился въ положеніе, дозволявшее Пигасову называть его „лизоблюдомъ". Поглощеніе всѣхъ силъ и средствъ организаціи общимъ дѣломъ и тѣсное товарищество, способное на такія жертвы другъ для друга, на какія, при обычномъ опутанномъ тысячью сѣтей существованіи, неспособна и самая близкая дружба, устраняли изъ этого мірка всякую тѣнь личной борьбы за существованіе, безпечность въ которой ставила Рудина въ унизительныя положенія.

Другой примѣръ: Бѣлинскій въ одной изъ своихъ статей о Пушкинѣ дѣлаетъ, между прочимъ, такую характеристику современныхъ ему русскихъ „идеальныхъ дѣвъ". „Онѣ, обыкновенно, страшныя любительницы чтенія, и читаютъ много и скоро, ѣдятъ книги . . . Все, что въ ходу, о чемъ пишутъ и говорятъ въ настоящее время, все это сводитъ ихъ съ ума. Но во всемъ этомъ онѣ видятъ свою любимую мысль, оправданіе своей настроенности, т. е. идеальность, — видятъ ее даже и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. . . Онѣ

питаютъ непримиримую ненависть ко всему матеріальному. Эта ненависть у нихъ часто простирается до желанія вовсе отрѣшиться отъ матеріи. Для этого онѣ морятъ себя голодомъ, не ѣдятъ иногда по цѣлой недѣлѣ, жгутъ на свѣчкѣ пальцы, кладутъ себѣ на грудь подъ платье снѣгу, отучаютъ себя отъ сна.“ Въ такой острой формѣ идеальничанье не можетъ, конечно, долго длиться и при упорствѣ заканчивается той или другой болѣзнью; но слѣды прежняго настроенія навсегда лишаютъ этихъ женщинъ спокойствія и счастья. Это,—разумѣется, ни съ чѣмъ несообразное настроеніе, какой-то совершенно отвлеченный протестъ. Но „какъ винить ихъ въ томъ, говоритъ Бѣлинскій, что вмѣсто живыхъ существъ, изъ нихъ выходятъ нравственные уроды? Окружающая ихъ положительная дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ очень пошла, и ими невольно овладѣваетъ неотразимое убѣжденіе, что хорошо только то, что не похоже, что діаметрально противоположно этой дѣйствительности.“

Знаніе иностранныхъ языковъ въ среднемъ провинціальномъ дворянствѣ было въ то время гораздо сильнѣе распространено среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ, а „идеальныя дѣвы“ были страстныя читательницы. Онѣ зачитывались художественными произведеніями европейской литературы, по преимуществу романтической, отражавшей въ себѣ умственное движеніе европейскаго общества того времени. Ничего положительнаго не давало и не могло давать имъ это чтеніе, но оно отрывало ихъ отъ родной среды, оно ставило ихъ во враждебное отношеніе къ окружавшимъ ихъ гоголевскимъ типамъ, лишало возможности интересоваться безконечными разговорами:

„О сѣнокосѣ, о винѣ
„О псарнѣ, о своей роднѣ“.

Разумѣется, у немногихъ серьезно страдавшихъ, искренно протестовавшихъ противъ окружающей пошлости, дѣвушекъ были многочисленныя подражательницы изъ моды, изъ кокетства, чтобы казаться „интереснѣе“, но не о нихъ рѣчь. Для тѣхъ же, которымъ дѣйствительно не было полнаго возврата въ мирное, сытое и сонное существованіе окружающей среды, была лишь одна надежда, одно спасеніе: бракъ съ какимъ нибудь „идеальнымъ героемъ“. Немудрено, что бѣдная Татьяна, въ которой Бѣлинскій тоже видитъ „идеальную дѣву“, только снабженную исключительно глубокой и страстной натурой, рѣшается писать человѣку, не подавшему ей ни малѣйшаго повода заподозрить его въ любви, и котораго она и видѣла-то всего одинъ разъ: „я твоя“ . . .

Твоей защиты умоляю . . .
Вообрази: я здѣсь одна
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ;
И молча гибнуть я должна.

Защитить ее онъ могъ, конечно, не иначе, какъ женившись на ней — и, какъ извѣстно, не защитилъ.

Но вообразите такихъ же дѣвушекъ съ ихъ напряженною внутренней работой въ одиночку среди апатичной семьи, съ той же тоской, но съ инымъ умственнымъ содержаніемъ, въ атмосферѣ 70-хъ годовъ.

Силуэтовъ такихъ дѣвушекъ попадалось не мало въ повѣстяхъ и романахъ русскихъ журналовъ. Такова, напримѣръ, Лиза въ романѣ Эртеля „Гарденины“. Такова Надя въ прелестной повѣсти Стернъ „Изъ Гнѣзда“, забравшейся по какому-то недоразумѣнію въ „Русскій Вѣстникъ“. Мѣсто слишкомъ неопредѣленнаго и по преимуществу эстетическаго понятія „пошлости“, пугавшей „идеальныхъ дѣвъ“, у дѣвушекъ 70-хъ годовъ заняло нѣсколько болѣе опредѣленное нравственное понятіе „несправедливости“. Несправедливы источники дохода семьи, несправедливо, преступно ихъ собственное сытое бездѣлье, ихъ привиллегированное положеніе по отношенію къ низшимъ классамъ. Этимъ дѣвушкамъ не могло уже придти въ голову спеціально заняться самомучительствомъ. Имъ виднѣлся впереди иной выходъ, кромѣ замужества съ идеальнымъ героемъ. Онѣ слыхали о происходящемъ вдали движеніи, рвались къ нему и при достаточной энергіи обыкновенно попадали въ его сферу. Чтобы помочь имъ, новѣйшимъ Рудинымъ, не было никакой надобности непремѣнно влюбиться и жениться на нихъ. Мѣсто болѣзненной экзальтаціи и безцѣльнаго самомучительства, до котораго могли бы дойти и дѣвушки 70-хъ годовъ, не будь для нихъ никакого выхода, заняла горячая дѣятельность ради опредѣленной общественной цѣли. Вмѣсто уродливыхъ, почти смѣшныхъ (хотя очень серьезно несчастныхъ) „идеальныхъ дѣвъ“ явились женщины, на характеры которыхъ сами враги не могли набросить тѣни, не прибѣгая къ самой наглой клеветѣ.

За исключеніемъ моментовъ возстанія, когда женщины рабочей среды не разъ играли довольно значительную роль, самостоятельная общественная дѣятельность рѣдко выпадала на долю женщинъ, и эти рѣдкія женщины составляли, въ большинствѣ случаевъ, исключительныя явленія, по своимъ талантамъ или по своему положенію. Ни по талантамъ, ни по положенію русскія революціонерки 70-ыхъ годовъ не были исключеніями. Въ ихъ лицѣ обыкновенныя женщины— сотни такихъ женщинъ — добились рѣдкаго въ исторіи счастья дѣйствовать не въ качествѣ вдохновительницъ, женъ или матерей мужчинъ, а въ качествѣ вполнѣ самостоятельныхъ равныхъ мужчинамъ общественныхъ дѣятелей. И какъ ни велики тѣ страданія, которыми правительство мститъ этимъ женщинамъ за ихъ недолгую дѣятельность, онѣ навѣрное никому не позавидуютъ. Онѣ были очень счастливы.

Но вотъ теперь, въ 80-хъ годахъ, ослабѣло революціонное движеніе, и—какъ вамъ кажется читатель?—не воскресаютъ-ли въ иныхъ формахъ различныя видоизмѣненія „идеальныхъ дѣвъ“ и юношей иныхъ временъ? Съ одной стороны, они возрождаются, какъ намъ кажется, въ неопредѣленномъ разочарованіи *во всемъ* современныхъ любимыхъ поэтовъ. Съ другой, на видъ совершенно противоположной, стороны, они воскресаютъ въ дѣятельности толстовцевъ, во всевозможныхъ земледѣльческихъ и иныхъ упражненіяхъ ради личнаго успокоенія и совершенствованія. Общее съ идеальными барышнями здѣсь только одно, но это одно составляетъ самую суть дѣла. А суть заключается въ томъ, что дѣятельность тенденціозныхъ земледѣльцевъ направлена на самихъ себя, что — въ противоположность революціонерамъ —

цѣлью является не измѣненіе тѣхъ или иныхъ общихъ условій существованія ихъ согражданъ, а измѣненіе своего собственнаго настроенія, свое личное совершенствованіе. Вѣдь бѣдныя барышни, о которыхъ говоритъ Бѣлинскій, тоже думали своимъ голоданьемъ себя усовершенствовать. Ужъ очень опротивѣлъ имъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, который только и дѣлалъ, что кушалъ, очень ужъ хотѣлось не походить на него.

III.

Пора, однако, вернуться къ роману.

Итакъ, если въ характерахъ десятка революціонеровъ, обрисованныхъ Степнякомъ, мы не видимъ ни одной положительно дурной черты, это не говоритъ еще о его тенденціозномъ пристрастіи къ своимъ героямъ. Ихъ личнымъ недостаткамъ не было возможности проявляться именно въ тотъ періодъ жизни, въ которомъ беретъ ихъ авторъ. Въ это время у нихъ не было ни личныхъ заботъ, ни отдѣльной личной жизни; она поглощалась жизнью организаціи и подчинялась тому дѣлу, которое вела эта организація. Ихъ личные характеры могли проявляться въ своихъ существенныхъ чертахъ лишь по отношенію къ этому дѣлу, а люди, не относившіеся къ нему безукоризненно, имѣли очень мало шансовъ попасть въ хорошо выработавшуюся организацію. Не было между революціонерами большой разницы и въ нравахъ, манерахъ, обычаяхъ. Попадались, конечно, чудаки, но въ общемъ, маперы и нравы революціонеровъ, поскольку они не обусловливались паспортомъ, той ролью, которую приходилось играть въ интересахъ дѣла, были просто-напросто нравами лучшей части нашего студенчества.

Мы не думаемъ, конечно, заняться разрѣшеніемъ совершенно безплоднаго вопроса о томъ, почему именно не удались автору тѣ или другія изъ его дѣйствующихъ лицъ, но всматриваясь въ его произведеніе, нельзя не замѣтить, какъ не пропорціально мало отведено въ немъ мѣста одному изъ важныхъ элементовъ въ жизни изображеннаго мірка, а именно, умственной, идейной сторонѣ этой жизни. А между тѣмъ, въ умственныхъ физіономіяхъ революціонеровъ, въ ихъ способахъ мыслить и аргументировать было гораздо больше разнообразія, чѣмъ въ ихъ нравственныхъ физіономіяхъ, чѣмъ въ ихъ привычкахъ и манерахъ. Къ тому же, именно въ тотъ годъ, къ которому относится дѣйствіе романа, въ послѣдній годъ существованія „Земли и Воли“ предъ ея раздѣленіемъ, теоретическіе „програмные“ вопросы усиленно обсуждались въ средѣ революціонеровъ и чаще обыкновеннаго давали поводъ къ самымъ горячимъ спорамъ. О спорахъ такого рода упоминаетъ и авторъ. Онъ даже рисуетъ въ началѣ романа картину одного изъ такихъ спо-

ровъ и передаетъ намъ изъ него нѣкоторые отрывки, но въ дальнѣйшемъ повѣствованіи едва касается этого элемента въ жизни своихъ героевъ. А между тѣмъ отрывки спора вышли у него очень удачно и умственная физіономія того изъ собесѣдниковъ, которому онъ позволилъ говорить больше другихъ, оказалась довольно рельефно очерченной на какихъ нибудь двухъ - трехъ страницахъ. Мы приведемъ цѣликомъ этомъ споръ, являющійся отдѣльной, законченной сценкой въ романѣ.

Возвращаясь изъ Швейцаріи, Кожуховъ встрѣчается въ пограничномъ прусскомъ мѣстечкѣ со своимъ старымъ товарищемъ Давидомъ, спеціалистомъ по роволюціонной контрабандѣ, который знакомитъ его съ тремя только что переправленными имъ черезъ границу соотечественниками: съ Зацѣпинымъ, молодымъ человѣкомъ двадцати трехъ лѣтъ, членомъ „Земли и Воли," отправляющимся на время въ Европу переждать усиленные розыски полиціи; съ Острогорскимъ —господиномъ среднихъ лѣтъ, навсегда переселяющимся за границу изъ долговременной ссылки въ провинціальномъ городкѣ европейской Россіи и со студенткой Вуличъ, скомпрометированной въ университетскихъ безпорядкахъ и ѣдущей учиться въ Швейцарію. Для Андрея интереснѣе другихъ было знакомство Зацѣпина, какъ сочлена по организаціи. Они разговаривали между собой отдѣльно отъ остальной компаніи, пока Зацѣпинъ не выразилъ своего мнѣнія объ одномъ встрѣченномъ имъ въ провинціи кружкѣ:

— Это скопище болтуновъ, колеблющихся между политикой и соціализмомъ, объявилъ онъ со своей обычной прямолинейностью. — Они пытаются сидѣть на двухъ стульяхъ, а это не годится по нынѣшнему времени.

Это замѣчаніе заставило Острогорскаго, бывшаго страстнымъ спорщикомъ, навострить уши. Маленькій человѣчекъ началъ, заложивъ руки за спину, потихоньку приближаться къ собесѣдникамъ. У него было уже дорогой нѣсколько стычекъ съ Зацѣпинымъ, но онъ жаждалъ еще сразиться. Съ легкой саркастической улыбкой онъ попросилъ позволенія предложить Зацѣпину вопросъ: что именно не годится по его мнѣнію для нынѣшняго времени: сидѣть на двухъ стульяхъ или оставаться соціалистомъ?

Зацѣпинъ рѣзко отвѣтилъ, что онъ ужъ знаетъ, что говоритъ, и нисколько не сомнѣвается въ томъ, что всѣ называющіе себя революціонерами и уклоняющіеся отъ участія въ настоящемъ революціонномъ дѣлѣ, не болѣе какъ болтуны, если не хуже!

Съ этимъ Острогорскій былъ совершенно согласенъ, но у него было свое собственное опредѣленіе *настоящаго дѣла.* Пренія заинтересовали также Вуличъ, и она подвинулась на край дивана поближе къ спорящимъ. Сперва она слушала, затѣмъ стала вмѣшиваться, и разговоръ сдѣлался всеобщимъ. Одинъ Давидъ остался на своемъ мѣстѣ и лѣниво болталъ ногами, сидя на подоконникѣ.

Начавшійся споръ становился все горячѣе и шумнѣе. И не мудрено, — такъ какъ скоро стало очевидно, что изъ пяти присутствующихъ революціонеровъ-соціалистовъ, каждый былъ въ чемъ нибудь не согласенъ со всѣми остальными и ни одинъ не былъ склоненъ къ уступкамъ. Зацѣпинъ былъ отъявленнымъ террористомъ, отличавшимся простотой и прямолинейностью своихъ воззрѣній на всѣ вопросы какъ практики, такъ и теоріи, а также счастливымъ отсутствіемъ малѣйшаго сомнѣнія въ чемъ бы то ни было. Аня Вуличъ была тоже террористкой, — въ теоріи конечно, — хотя и не шла такъ далеко, какъ Зацѣпинъ, съ которымъ она кромѣ того совершенно расходилась въ вопросѣ о соціалистичоской пропагандѣ среди рабочаго класса. Острогорскій и Давидъ оба склонялись къ эволюціонному соціализму, но рѣзко расходились между собою по вопросамъ о соціалистическомъ государствѣ въ будущемъ и политической дѣятельности въ настоящемъ. Что касается до Андрея, онъ не могъ вполнѣ согласиться ни съ однимъ изъ четырехъ, но пробывши такъ

долго внѣ революціоннаго теченія, онъ не имѣлъ, казалось, опредѣленной системы и немного колебался. Онъ возражалъ то одному изъ спорящихъ, то его противнику, и въ слѣдующую минуту оба набрасывались на него съ различныхъ сторонъ и кричали ему въ оба уха свои разнорѣчивыя возраженія. Зацѣпинъ былъ сильно раздраженъ поведеніемъ Андрея. Человѣкъ съ такимъ прошлымъ долженъ бы имѣть болѣе здравыя понятія и безъ пустыхъ околичностей тотчасъ же присоединиться къ настоящему дѣлу.

Прислонившись къ камину, Зацѣпинъ твердо отстаивалъ свою позицію. Онъ долженъ былъ защищаться противъ всѣхъ остальныхъ, старавшихся внушить ему ту мысль, что вѣра въ одинъ терроръ слишкомъ узка для соціалиста.

— Такъ я вамъ скажу, что я, *не соціалистъ*, объявилъ Зацѣпинъ, наступая на своихъ противниковъ и произнося каждый слогъ отдѣльно, для пущей выразительности.

— Вотъ, именно, вскричалъ Острогорскій торжествующимъ фальцетомъ, — слѣдовательно вы буржуа, сторонникъ угнетенія рабочаго класса капиталистами. Quod erat demonstrandum!

Онъ отвернулся отъ своего противника и принялся ходить взадъ и впередъ, напѣвая сквозь зубы, чтобы показать безполезность дальнѣйшаго разговора.

— Нѣтъ, не буржуа! выкрикивалъ ему вслѣдъ ни мало не смущенный Зацѣпинъ. — Соціализмъ не для нашего времени, вотъ я что говорю. Мы должны бороться съ деспотизмомъ и завоевать политическую свободу. Вотъ и все. А о соціализмѣ я забочусь, какъ о вьѣденномъ яйцѣ!

— Извините, Зацѣпинъ, вмѣшался Андрей, — но это безразсудно. Вся наша нравственная сила заключается въ томъ, что мы социалисты. Отбросьте соціализмъ и наша сила пропадетъ.

— А какое будете вы имѣть право звать рабочихъ присоединиться къ вамъ, если вы не соціалисты? вскричала вскакивая съ мѣста Вуличъ.

— Э, толкуйте! протянулъ Зацѣпинъ, презрительно махнувъ рукой. — Все это одна метафизика.

Метафизикой онъ называлъ все то, что не заслуживало по его мнѣнію ни минуты вниманія.

Наша задача, продолжалъ онъ, покрывала своимъ громкимъ голосомъ всѣ остальные голоса, — побороть политическій деспотизмъ, это необходимо прежде всего. Всякій кто любитъ Россію долженъ къ намъ присоединиться, а кто не присоединяется, тотъ измѣнникъ народному дѣлу!

При этомъ онъ посмотрѣлъ въ упоръ на Острогорскаго, чтобы тотъ хорошенько замѣтилъ о комъ именно идетъ рѣчь....

Споръ продолжался въ томъ же родѣ, но по мѣрѣ того какъ спорящіе уставали, онъ дѣлался спокойнѣе. За это время всѣ по нѣскольку разъ перемѣнили свои мѣста. Теперь Зацѣпинъ стоялъ у стола, а Острогорскій держалъ его за пуговицу сюртука.

— Дайте мнѣ сказать два слова, чтобы доказать вамъ, Зацѣпинъ, говорилъ онъ сладкимъ убѣдительнымъ тономъ. — Исторія Европы учитъ насъ, что всѣ великія революціи.... и онъ принялся пространно развивать свой тезисъ.

Зацѣпинъ слушалъ, слегка нахмуривъ брови и смотря прямо предъ собою; судя по его физіономіи, можно было съ вѣроятностью заключить, что сѣмя мудрости Острогорскаго падало на каменистую почву.

Когда Острогорскій ушелъ, Андрей обрадовался возможности изложить свои взгляды, которые. казалось ему, будутъ приняты всѣми, лишь бы ихъ поняли, такъ какъ въ его старательно выработанной предъ отъѣздомъ программѣ было мѣсто для всего и для всѣхъ. Зацѣпинъ внимательно выслушалъ его.

— Это никуда не годится! отрѣзалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія, энергично встряхнувъ головой.

— Почему? спросилъ Андрей.

Зацѣпинъ медлилъ отвѣтомъ. Онъ думалъ, пріискивая слова, которыя ясно передали бы его мысль. Его полемическій жаръ остылъ. Андрей былъ товарищъ и намѣревался дѣйствовать. Съ нимъ слѣдовало говорить о сути дѣла, а не просто препираться. Онъ вдругъ покраснѣлъ и на лицѣ его выразилось негодованіе.

— Вы предлагаете, чтобы мы шли рука объ руку съ либералами, сказалъ онъ, прямо смотря на Андрея. — Но предположите, что они захотятъ, чтобы мы при-

тихли? Что же, мы согласимся? Боже сохрани! Мы будемъ бить, колоть и стрѣлять, а всѣхъ трусовъ пошлемъ къ чорту!

При послѣднихъ словахъ онъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что чуть не разбилъ его.

— Нѣтъ, Андрей, добавилъ онъ спокойнѣе, — вашъ эклектизмъ не годится.

Вотъ почти все, что мы узнаемъ о Зацѣпинѣ и почти всѣ произнесенныя имъ слова. Послѣ этого онъ исчезаетъ со сцены и появляется на одно мгновеніе лишь въ послѣдней главѣ, гдѣ ничѣмъ особеннымъ себя не заявляетъ. Тѣмъ не менѣе этихъ немногихъ строкъ оказалось достаточно, чтобы обрисовать намъ умственный складъ Зацѣпина, отчасти потому, конечно, что это ужъ очень простой, очень элементарный складъ.

Зацѣпинъ (онъ бывшій военный) навѣрное зналъ еще въ корпусѣ, что съ врагами должно сражаться, а сражаться значитъ бить, колотить, стрѣлять. Сдѣлавшись революціонеромъ, онъ понялъ, что его враги не турки или нѣмцы, а русское деспотическое правительство. Но понятіе о борьбѣ у него ни мало ни расширилось, осталось буквально то же самое, какое было въ то время, когда онъ воображалъ себѣ врага въ видѣ турка. Бороться съ врагомъ, значитъ „бить, колоть, стрѣлять“ — а то что же еще? Все кромѣ этого — болтовня или метафизика, не стоющая ни малѣйшаго вниманія. Дѣлать дѣло, значитъ бить, колоть и стрѣлять, а кто этого не дѣлаетъ, тотъ трусъ или измѣнникъ. Въ спорѣ, поскольку онъ переданъ авторомъ, Зацѣпинъ могъ съ полнымъ правомъ чувствовать себя побѣдителемъ. Онъ вѣритъ въ физическую силу выстрѣловъ, а ему говорятъ, что безъ „болтовни“ о соціализмѣ пропадетъ какая-то нравственная сила. Зацѣпинъ чувствуетъ, что можетъ отлично бить и стрѣлять, ровно ничего не зная ни о какомъ соціализмѣ. Можетъ онъ — могутъ и другіе, если только они не трусы и не измѣнники. Никто изъ его противниковъ, ни самъ наиболѣе усердный изъ нихъ, Острогорскій, не отрицаетъ возможности побѣдить деспотизмъ единичными убійствами отдѣльныхъ личностей, а разъ допускается эта возможность — Зацѣпинъ правъ, и всѣ аргументы его противниковъ попадаютъ мимо цѣли. Въ особенности-же не можетъ задѣть его, кажущееся Острогорскому столь побѣдоноснымъ, заключеніе, что Зацѣпинъ буржуа. Всякому слишкомъ ясно, что это неправда. Ну, какой онъ буржуа! Его „вѣра“ слишкомъ „узка“ не то что для соціалиста, но и для всякаго, кому необходимо думать, разсуждать и рѣшать. Она слишкомъ узка даже для офицера, и тотъ можетъ попасть въ такое положеніе, когда долгъ заставитъ его обдумать и рѣшить: слѣдуетъ-ли напасть на врага, не обязательно ли, наоборотъ, въ настоящій моментъ, укрѣпившись хорошенько, звать подкрѣпленіе? Только для простого солдата нужна именно такая узкая вѣра, какъ у Зацѣпина. Тому не полагается ни считать силъ, своихъ или вражьихъ, ни разсуждать, ни рѣшать. И Зацѣпинъ, конечно, не буржуа, а солдатъ—и хорошій солдатъ. Не его дѣло размышлять и рѣшать: можно ли съ малѣйшей надеждой на успѣхъ дать сраженіе. Но разъ сраженіе рѣшено, онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ его участниковъ.

Зацѣпинъ единственное лицо въ романѣ, взглядъ котораго на дѣ-

ло очерченъ болѣе или менѣе цѣльно. Но такихъ какъ Зацѣпинъ было немного въ движеніи, по крайней мѣрѣ, въ ту эпоху, къ которой относится дѣйствіе романа. „— Это одинъ изъ немногихъ оригиналовъ", говоритъ про него Давидъ, оставшись наединѣ съ Андреемъ. — „У остальныхъ другой пунктъ помѣшательства, и ихъ пророкомъ является Георгъ" (другъ Андрея, редакторъ революціоннаго органа). Зацѣпинъ не можетъ, слѣдовательно, служить представителемъ революціонной мысли того времени или, во всякомъ случаѣ, можетъ служить лишь образчикомъ минимума идейности въ средѣ революціонеровъ.

Одной изъ самыхъ удачныхъ, всего живѣе рисующихся предъ воображеніемъ читателя личностей романа, является самъ Давидъ. *) Мы узнаемъ его цѣликомъ съ его манерами, съ его увлеченіемъ своей спеціальностью, съ его умственнымъ складомъ, узнаемъ кое что и о его взглядахъ.

Но по своимъ общимъ взглядамъ, Давидъ не только „одинъ изъ немногихъ", а совершенно исключительная личность. Андрей говоритъ про него, что онъ единственный космополитъ среди революціонеровъ.

Другимъ изъ наиболѣе удачныхъ лицъ романа является Василій Вербицкій. Давидъ—оригинальный характеръ. Василій—типъ, не рѣдко встрѣчавшійся среди нигилистовъ. Мы не могли бы указать никакой опредѣленной личности во всемъ похожей на Василія и тѣмъ не менѣе намъ знакома въ немъ каждая черта, каждое движеніе. Мы ничего не знаемъ объ его общихъ взглядахъ, но мы чувствуемъ, что наше незнаніе происходитъ не вслѣдствіе умалчиванія со стороны автора, а просто потому, что Василій никогда и не принималъ участія въ разговорахъ и спорахъ общаго характера. И не только не говорилъ онъ объ общихъ вопросахъ, онъ ими и не интересовался. Своимъ товарищамъ, своей организаціи, вообще революціонному движенію онъ былъ преданъ безгранично, но его, разъ навсегда, составленныя революціонныя убѣжденія состояли изъ краткихъ аксіомъ, не требовавшихъ по самому характеру его ума ни дальнѣйшаго развитія, ни разъясненія. Этому отсутствію интереса къ общимъ программнымъ вопросамъ содѣйствовала его безграничная скромность. Отдавая всѣ помыслы и заботы практическимъ подробностямъ тѣхъ дѣлъ, которыя ему поручались, онъ во всемъ остальномъ полагался на рѣшеніе и авторитетъ товарищей, которыхъ ставилъ неизмѣримо выше себя. Люди такого типа обыкновенно лишены инціативы. Чтобы попасть въ революціонное движеніе имъ необходимо столкнуться съ революціонерами, привязаться къ нимъ и подпасть подъ ихъ вліяніе. Но разъ попавши въ движеніе, они остаются вѣрны до конца. По своей добротѣ, по привязчивости, не требующей никакой взаимности, по неспособности цѣнить свою личность, такіе люди, оставаясь въ обычной средѣ, заслуживаютъ, обыкновенно, названіе добряковъ, пожалуй,

---

*) Революціонерамъ, дѣйствовавшимъ въ то время, онъ напомнитъ одного товарища, о которомъ каждый знавшій его, навѣрное, сохранилъ самое лучшее, самое симпатичное воспоминаніе.

простаковъ. Кто нибудь ихъ непремѣнно эксплуатируетъ, кто нибудь ими да помыкаетъ. На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ, а люди этого типа слишкомъ удобные караси. Въ революціонной организаціи, отдаваясь общему дѣлу, подчиняясь людямъ, не преслѣдующимъ никакихъ личныхъ цѣлей, они могутъ сдѣлаться героями.

Вполнѣ законное при изображеніи Василія, такое же полное опущеніе всего, касающагося до отношенія личности къ общимъ вопросамъ революціоннаго движенія, кажется намъ вопіющимъ нарушеніемъ всякой перспективы при обрисовкѣ Георга, котораго Давидъ называетъ „пророкомъ" революціонной молодежи. Съ одной стороны, а именно со стороны его отношенія (самаго рыцарскаго) къ женщинамъ, Георгъ обрисованъ довольно живо и симпатично. Если бы мы могли представить себѣ, что эта сторона является самой выдающейся въ его характерѣ, что его рыцарскія увлеченія составляютъ поглощающій интересъ его жизни, мы легко дорисовали бы себѣ остальныя черты его характера. Но намъ говорятъ, что это „пророкъ", умственный руководитель большинства революціонеровъ. Онъ главный писатель партіи, редакторъ ея органа. Авторъ сообщаетъ намъ, что онъ блестящимъ образомъ ведетъ теоретическіе диспуты (но не даетъ и кусочка такого диспута). Все это не позволяетъ уже намъ живо представить себѣ Георга даже и съ той стороны, которая обрисована, и дѣлаетъ всю его фигуру неясной и какой-то однобокой.

Главный герой романа, Кожуховъ, постоянно остающійся на сценѣ, тогда какъ другіе то появляются, то исчезаютъ, говоритъ въ общей сложности больше кого бы ни было изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Но то, что мы слышимъ изъ его рѣчей, въ большинствѣ случаевъ, не соотвѣтствуетъ тому, что авторъ говоритъ отъ себя о своемъ героѣ, которому онъ приписываетъ трезвый умъ, отсутствіе слишкомъ живого воображенія, положительность и хладнокровіе. Между тѣмъ изъ разговоровъ самого героя, когда авторъ даетъ ему слово по сколько нибудь общему вопросу, мы могли бы вывести скорѣе обратное заключеніе,—что это человѣкъ, живущій исключительно чувствомъ, съ такимъ преобладаніемъ воображенія надъ разсудкомъ, что образы и сравненія играютъ выдающуюся роль въ его аргументаціи, замѣняютъ для него резоны и основанія. Но можно сдѣлать и другое предположеніе. Два спора, отчасти общаго характера, въ которыхъ авторъ даетъ поговорить своему герою (намъ придется еще вернуться къ одному изъ этихъ споровъ), велись при такихъ обстоятельствахъ, когда Кожухову было совершенно естественно не хотѣть серьезно спорить и стараться лишь о томъ, чтобы отдѣлаться отъ своего собесѣдника. Они приведены, очевидно, больше для характеристики не его, а этихъ собесѣдниковъ, и ихъ они дѣйствительно характеризуютъ до нѣкоторой степени, но въ то же время скорѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ личность самого героя. Его разговоръ съ женой о цареубійствѣ тоже ведется въ слишкомъ исключительномъ положеніи и настроеніи, чтобы характеризовать что нибудь кромѣ именно этого положенія и настроенія.

Авторъ не сообщаетъ намъ размышленій, сужденій Кожухова да-

же по вопросу о цареубійствѣ, сыгравшему такую роковую роль въ судьбѣ героя. Онъ и тутъ знакомитъ насъ лишь съ его чувствами. Но въ данномъ случаѣ мы легко могли бы удовольствоваться представленіемъ о неодолимой жаждѣ мести и самопожертвованія, зародившейся въ душѣ Андрея подъ впечатлѣніемъ казни друзей. Эти чувства достаточно мотивировали бы для насъ его рѣшеніе. Но авторъ не дозволяетъ читателю остановиться на такомъ представленіи. Онъ увѣряетъ насъ, что Андрей строго и безпристрастно обсудилъ вопросъ о пользѣ и своевременности цареубійства для освобожденія страны. А самъ герой говоритъ, что жизнь дорога ему, дороже чѣмъ когда либо, и лишь долгъ предъ страной, предъ народомъ, заставляетъ его идти на царя. Все это возбуждаетъ въ читателѣ желаніе узнать: какихъ именно результатовъ для страны, для народа ждетъ Андрей отъ цареубійства? Но вопросъ остается безъ отвѣта. Андрею нельзя приписать того простого, Зацѣпинскаго представленія, по которому всякое убійство во вражьемъ лагерѣ несомнѣнно полезно, потому что это борьба, а борьба ведетъ къ побѣдѣ. Онъ убѣдился уже въ полнѣйшемъ безсиліи террора, направленнаго на генераловъ и чиновниковъ. „Сколько бы ихъ ни перебили, думаетъ онъ, гнусное зданіе деспотизма отъ этого не пошатнется. На каждый ударъ правительство всегда можетъ отвѣтить десятью и революція выродится въ мелкую борьбу между полиціей и конспираторами.“ Онъ, очевидно, не ждетъ паденія гнуснаго зданія и отъ убійства царя, такъ какъ увѣренъ, что за этимъ убійствомъ послѣдуютъ казни, много казней, слѣдовательно, борьба будетъ продолжаться. Чѣмъ же будетъ она, какъ не борьбой между полиціей и конспираторами? Читатель остается въ недоумѣніи, и это недоумѣніе вредитъ до нѣкоторой степени даже полнотѣ впечатлѣнія трагической развязки, какою является покушеніе на царя въ личной судьбѣ Андрея и Тани. Мы не чувствуемъ роковой, безусловной необходимости для Андрея его рѣшенія. У насъ остается смутное ощущеніе произвола съ его стороны, представленіе о томъ, что онъ могъ бы, пожалуй, и не ходить, могъ бы и уступить Танѣ...

IV.

Мы отмѣтили уже всѣ стороны романа, показавшіяся намъ слабыми, но не говорили еще достаточно о его главнѣйшемъ достоинствѣ. Если автору и не вполнѣ удались нѣкоторыя изъ его дѣйствующихъ лицъ, за то въ романѣ ярко отпечатлѣлось нѣчто болѣе важное и интересное, чѣмъ типы и характеры отдѣльныхъ личностей. Въ немъ есть такой коллективный герой, ни одной черты котораго не было еще отмѣчено въ русской литературѣ. Это тотъ революці-

онный духъ, различными проявленіями котораго проникнуто все содержаніе романа.

Въ чемъ заключается суть этого духа? По нашему мнѣнію не въ чемъ иномъ, какъ въ жаждѣ дѣятельности, для осуществленія общихъ цѣлей, вытекающихъ изъ усвоенныхъ человѣкомъ воззрѣній — въ Thatlust, какъ говорятъ нѣмцы.

Мы не скажемъ, разумѣется, вмѣстѣ съ Зацѣпинымъ, что революціонеромъ можетъ считаться лишь тотъ, кто идетъ бить и стрѣлять. Во время возстанія, въ моменты массовой, открытой борьбы съ правительствомъ мѣсто каждаго революціонера, конечно, на улицѣ, впереди толпы и съ оружіемъ въ рукахъ. — Только Россія еще не переживала такихъ моментовъ.

Но ужъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ права считать себя революціонеромъ человѣкъ, прекрасно усвоившій самые вѣрные и самые революціонные взгляды, отлично понимающій какого рода дѣятельность необходима въ данный моментъ, но считающій лично для себя всякую дѣятельность невозможной или откладывающій ее въ неопредѣленное будущее. У кого при мысли о дѣятельности тотчасъ - же выростаютъ предъ глазами тысячи неодолимыхъ препятствій, невозможностей и затрудненій, тотъ еще не революціонеръ, а мирный обыватель, какъ бы революціонны ни были его взгляды. Нѣтъ человѣка, который не могъ бы *ничего* сдѣлать при дѣйствительномъ горячемъ желаніи дѣйствовать. Разъ всякія личныя и частныя обстоятельства мѣшаютъ человѣку дѣлать хоть что нибудь для общихъ цѣлей, въ немъ нѣтъ еще серьезной потребности дѣйствовать, нѣтъ того революціоннаго духа, малѣйшей искры котораго достаточно, чтобы уничтожить всѣ личныя препятствія къ дѣятельности.

Въ романѣ Степняка мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ этой жаждой дѣятельности, выражающейся какъ въ самыхъ скромныхъ, невидныхъ и неслышныхъ, такъ и въ самыхъ яркихъ и громкихъ фактахъ. Революціонный духъ живетъ несомнѣнно въ сестрахъ Дудоровыхъ, отдавшихъ на дѣло все свое имущество до послѣдней копѣйки, и отправляющихся съ цѣлью пропаганды въ деревню въ качествѣ сельскихъ учительницъ. Подъ вліяніемъ этого духа поступилъ студентъ, къ которому по ошибкѣ вошли жандармы, имѣвшіе приказъ арестовать жившаго этажемъ выше нелегальнаго революціонера. Догадавшись въ чемъ дѣло, студентъ постарался поддержать ошибку жандармовъ и пожертвовалъ свободой (у него нашли рукопись революціоннаго содержанія) ради спасенія человѣка, котораго считалъ полезнѣе себя, хотя и чувствовалъ къ нему личную антипатію. Этотъ духъ двигалъ десятками молодыхъ революціонеровъ, рѣшившихся освободить нечаяннымъ нападеніемъ приговоренныхъ къ смерти и онъ же побудилъ рабочихъ отдать свои паспорта, чтобы облегчить бѣгство разыскиваемыхъ революціонеровъ. Съ начала и до конца романъ переполненъ этими все болѣе и болѣе интенсивными проявленіями революціоннаго духа, заканчивающимися покушеніемъ на жизнь царя. Но онъ все же не захватываетъ всей области проявленій этого духа. Въ немъ не затронуты первые, самые элементарные шаги, говорящіе о пробужденіи жажды дѣла въ молодежи, на-

ходящейся, такъ сказать, еще въ подготовительномъ классѣ революціи.

Съ чего начинали въ былыя времена молодые нигилисты, будущіе революціонеры, усвоившіе такъ или иначе, въ одиночку, или въ кружкахъ самообразованія революціонные вгляды и симпатіи? Съ того, что отдавали на дѣло, какому нибудь товарищу, уже вступившему въ сношенія съ революціонерами, свои маленькіе гроши, даже не зная точно и не считая себя въ правѣ узнавать, на что, именно, они будутъ употреблены; съ того, что бѣгали на посылкахъ у своихъ болѣе близкихъ къ дѣйствующимъ кружкамъ товарищей — „служили революціи ногами", какъ выражалась одна моя молоденькая пріятельница, бѣгавшая верстъ по десяти въ сутки по разнымъ порученіямъ, которыя непремѣнно показались бы каждому благоразумному юношѣ, предназначенному судьбою въ благополучные россіяне, слишкомъ мелкими для его особы. И рѣдкіе, очень рѣдкіе изъ прославившихся впослѣдствіи видныхъ дѣятелей, не начинали своей революціонной карьеры именно съ такой очень мелкой дѣятельности. Тотъ кто считалъ себя выше ее, кто, отказываясь отъ мелочей, готовилъ себя, какъ ему казалось, къ будущимъ крупнымъ дѣламъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ никогда не доходилъ — ни до какихъ, кромѣ личныхъ — ни до крупныхъ, ни до мелкихъ дѣлъ. Кто не способенъ на мелкія жертвы, едва ли будетъ когда либо способенъ на крупныя. Впрочемъ, ни въ мелкомъ, ни въ крупномъ: *жертва*, *самопожертвованіе*—слова, въ сущности, не соотвѣтствующія дѣйствіямъ революціонеровъ. И въ маленькомъ, и въ большомъ, то что могло казаться жертвой для спокойныхъ и мирныхъ обывателей, для нихъ составляло наслажденіе. Не жертву приносилъ молоденькій студентъ или дѣвушка, отдавшая на дѣло тѣ деньги, которыя раньше употребляла на лучшій обѣдъ, на театръ, на лишнее платье, а обмѣнивали эти обѣды и платье на безконечно большее наслажденіе чувствовать, что сдѣлалъ нѣчто, хотя и очень, очень маленькое для того великаго и общаго, которому еще не умѣетъ, но стремится отдать всѣ свои силы будущій революціонеръ. Жажда дѣятельности, получавшая все большее и большее удовлетвореніе по мѣрѣ того, какъ юноша пріобрѣталъ больше умѣнья и опытности, дѣлала революціонеровъ счастливѣйшими людьми въ Россіи, какъ ни казалось ужаснымъ ихъ положеніе людямъ, смотрѣвшимъ со стороны. Прямо изъ жизни выхвачена сцена въ романѣ Степняка, гдѣ нѣсколько нелегальныхъ революціонеровъ, собравшихся у либеральнаго адвоката, не могутъ удержаться отъ веселаго хохота, когда хозяинъ начинаетъ изображать сострадательнымъ тономъ ихъ печальную судьбу.

Въ моментъ, изображенный въ романѣ, революціонное настроеніе молодой русской интеллигенціи вторично достигло, послѣ небольшого перерыва въ 74 году, высшаго предѣла, какой только возможенъ для подобнаго движенія. Ни по интенсивности революціоннаго настроенія, ни по разливу его среди молодежи, ничтожный по численности слой, высылавшій революціонныя силы, не могъ дать ничего большаго. И, въ противоположность движенію 73-го года, на этотъ

разъ неопытной молодежью руководила сильная организація испытанныхъ нелегальныхъ конспираторовъ.

Куда же дѣвалась эта сила? Отчего, такъ быстро оправившееся послѣ массового погрома 74-го года и вынесшее изъ этого погрома безцѣнное пріобрѣтеніе *нелегальныхъ* организацій, революціонное движеніе съ каждымъ годомъ все полнѣе и полнѣе утрачиваетъ на этотъ разъ самое воспоминаніе о такихъ организаціяхъ, въ которыхъ только и заключалась вся его практическая, конспиративная сила? Отчего исчезаетъ среди русской образованной молодежи самая жажда дѣла — тотъ революціонный духъ, естественнымъ концомъ котораго могъ бы быть лишь разливъ его въ рабочей массѣ и побѣда надъ самодержавіемъ?

V.

„Отъ пораженія къ пораженію оно (дѣло, за которое умеръ герой) идетъ впередъ къ окончательной побѣдѣ, которая въ этомъ печальномъ мірѣ не можетъ быть пріобрѣтена иначе, какъ страданіями и жертвами немногихъ избранныхъ.“ Таково размышленіе, которымъ заканчивается романъ,—очень парадоксальное размышленіе, или недосказанное. Ни пораженія, ни гибель избранныхъ сами по себѣ еще не ведутъ къ побѣдѣ. Отъ пережившихъ зависитъ, чтобы эти пораженія и эта гибель не остались безплодными, а послужили для нихъ полезнымъ урокомъ, научили избѣгать прежнихъ ошибокъ и бороться успѣшнѣе.

Изъ самого содержанія романа Степняка видна вся неизбѣжность общаго пораженія революціоннаго движенія, даже при цѣломъ рядѣ удачъ во всѣхъ частныхъ предпріятіяхъ, именно вслѣдствіе „избранности“ — изолированности революціонеровъ и полной невозможности дальнѣйшаго роста силъ на томъ пути, на который вступали они въ изображенный имъ моментъ.

Герой романа пріѣхалъ изъ за-границы съ намѣреніемъ идти рука объ руку съ либералами, и вотъ что говорилъ ему предъ концомъ его жизни одинъ изъ лучшихъ людей этого рода, либеральный адвокатъ Рѣпинъ (отецъ Тани), находившійся въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нелегальныхъ революціонеровъ и не разъ оказывавшій имъ услуги.

Недовольный отказомъ Андрея уѣхать на время съ женой за границу, Рѣпинъ даетъ волю своему недовольству терроромъ вообще:

„Онъ говорилъ о безплодности ихъ усилій, о безразсудности вызововъ правительству, усиливающихъ деспотизмъ, противъ котораго они направлены, о томъ, что революціонеры дѣлаютъ совершенно невыносимой жизнь всей образованной Россіи, которая, утверждалъ Рѣпинъ, тоже имѣетъ право на существованіе.

„Вначалѣ Андрей защищался полушутя. Онъ привыкъ къ нападкамъ Рѣпина,

но предметъ разговора былъ слишкомъ близокъ, чтобы не волновать его и послѣднее обвиненіе его взорвало.

— „Я знаю, сказалъ онъ, что ваша образованная, либеральная Россія очень заботится о своемъ правѣ на существованіе, а также и о своемъ комфортѣ. Было бы гораздо лучше для страны, если бы она поменьше объ этомъ заботилась.

— „Такъ вы бы хотѣли, чтобы мы всѣ вышли на улицу и начали бросать бомбы всѣмъ проходящимъ полицейскимъ? спросилъ иронически Рѣпинъ.

— „Что за безсмыслица! горячился Андрей. Вамъ нѣтъ надобности бросать бомбы; боритесь своимъ собственнымъ оружіемъ. Но боритесь же, если вы люди. Будемъ бороться сообща. Мы будемъ тогда достаточно сильны, чтобы низвергнуть деспотизмъ. Но пока вы ползаете и хныкаете, вы не имѣете права упрекать насъ за то, что мы не лижемъ бьющей насъ руки. Если въ своемъ слѣпомъ бѣшенствѣ правительство распространяетъ и на васъ преслѣдованія, можете разодрать свои одежды и посыпать головы пепломъ, но помните, что вамъ достается по заслугамъ. Нечего жаловаться, это и недостойно и совершенно безполезно, хотя бы вы охрипли отъ проклятій, упрековъ и жалобъ, мы не обратимъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

— „Кто говоритъ объ упрекахъ? сказалъ Рѣпинъ, нетерпѣливо махнувъ рукой. Лично вы, быть можетъ, и правы, теряя разсудокъ вслѣдствіе исключительныхъ преслѣдованій. Но это могло бы служить оправданіемъ для отдѣльнаго преступника предъ судомъ присяжныхъ, а не для политической партіи предъ общественнымъ мнѣніемъ. Если вы хотите служить своей странѣ, вы должны умѣть сдерживать свои страстные порывы, если они не могутъ привести ни къ чему кромѣ пораженій и бѣдствій.

— „Пораженій и бѣдствій! воскликнулъ Андрей. — Увѣрены ли вы въ этомъ? Отъ копѣечной свѣчи Москва сгорѣла, а мы бросили въ сердце матушки Россіи цѣлую головню. Никто не можетъ предвидѣть будущаго, или быть отвѣтственнымъ за то, что въ немъ скрывается. Мы дѣлаемъ, что можемъ, въ настоящемъ; мы показали примѣръ мужественной борьбы, который никогда не пропадаетъ для порабощенной страны. Мы возвратили русскимъ самоуваженіе, спасли честь русскаго имени, которое перестало быть синонимомъ раба.

— „Тѣмъ что показали отсутствіе въ русскихъ способности къ чему бы то ни было, кромѣ такихъ жалкихъ нападеній на отдѣльныя личности? Этимъ что ли?

— „А кто виноватъ? отпарировалъ Андрей, раздраженный тономъ Рѣпина. Никакъ не мы, а либеральная Россія, которая держится въ сторонѣ отъ борьбы за свободу, тогда какъ мы, ея дѣти, боремся и погибаемъ тысячами.

„Андрей не относилъ своихъ словъ лично къ Рѣпину, который составлялъ исключеніе изъ общаго правила. Но по той или другой причинѣ Рѣпинъ живо почувствовалъ упрекъ.

— „Допустимъ, что это такъ, сказалъ онъ уже другимъ тономъ. — Мы, такъ называемое общество, всѣ трусы. Но такъ какъ вамъ насъ не передѣлать, вы должны признать это за существующій фактъ. Тѣмъ болѣе для васъ причинъ не разбивать головы о стѣну.

— „Наше положеніе не такъ безнадежно, отвѣчалъ смягчившійся Андрей. Мы разсчитываемъ не на одно общество и надѣемся, что оно тоже исправится современемъ, когда въ него вольется новая кровь.“

Надо признаться, что если Андрей и недурно нападаетъ на либерала, то отражаетъ его нападенія какъ нельзя хуже. Невозможно, однако, ставить ему этого въ вину. Разговоръ происходитъ за нѣсколько дней до покушенія. При такихъ обстоятельствахъ совершенно естественно отдѣлываться туманными фразами отъ человѣка, съ которымъ нельзя пускаться въ откровенности.

Въ разговорѣ съ женой онъ, конечно, совершенно откровененъ. Но хотя авторъ и говоритъ намъ, что Андрей сообщилъ Танѣ всѣ основанія своего рѣшенія и даже повліялъ на ея умъ, но приводитъ онъ относительно цареубійства лишь слѣдующія строки изъ ихъ разговора: „Что выиграла бы страна, спрашиваетъ Андрей, если бы

мы не отвѣчали ударами на удары и продолжали учить и проповѣдовать по закоулкамъ, какъ предлагаетъ Лена? (горячая сторонница пропаганды). Они, правда, не вѣшали бы насъ. Но какая была бы изъ этого польза? Насъ арестовывали бы, ссылали въ Сибирь, оставляли бы гнить по тюрьмамъ и этимъ также точно прерывали бы нашу работу на пользу народа какъ и теперь. Намъ не дадутъ свободы въ награду за хорошее поведеніе. Мы должны бороться за нее тѣмъ оружіемъ какое имѣемъ. Разъ намъ приходится страдать, то чѣмъ больше тѣмъ лучше. Наши страданія будутъ для насъ новымъ оружіемъ. Пусть они вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, убиваютъ насъ въ своихъ подземныхъ казематахъ! Чѣмъ жесточе будутъ поступать съ нами, тѣмъ больше будетъ у насъ послѣдователей. Я желалъ бы заставить ихъ разорвать меня на части или сжечь живого на медленномъ огнѣ среди площади."

Это, конечно, не результатъ безпристрастнаго размышленія, а скорѣе выраженіе той жажды мученичества, которая охватила Андрея въ моментъ безмолвнаго прощанья, съ идущими на казнь друзьями. Но, не зная его размышленій, мы все же имѣемъ право вывести, какъ изъ этихъ словъ, такъ и изъ его разговора съ Рѣпинымъ, то заключеніе, что пользу террорстическихъ фактовъ, цареубійства въ особенности, онъ видитъ въ примѣрѣ борьбы, въ впечатлѣніи на публику, какъ самихъ фактовъ, такъ и казней революціонеровъ.

Но на кого могли дѣйствовать эти примѣры и впечатлѣнія?

Ужъ, конечно, не на либераловъ, хотя бы и самыхъ лучшихъ. Съ политической стороны, либералы радовались убійствамъ разныхъ ненавистныхъ „столповъ отечества", пока не чуяли реакціи со стороны правительства. При реакціи — огорчались. Со стороны эстетической, какъ люди съ развитымъ вкусомъ, понимающіе „прекрасное", гдѣ бы и въ чемъ бы оно не проявлялось, они могли любоваться энергіей революціонеровъ, могли, какъ Рѣпинъ, чувствовать уваженіе и симпатію къ ихъ личностямъ. Но и только. Они, во всякомъ случаѣ, самые безнадежные. Все они знаютъ, обо всемъ слышали и все пережили въ своемъ представленіи; ихъ ужъ не передѣлаешь никакими примѣрами и никакими страданіями. Этого не могъ не чувствовать знавшій ихъ Андрей. Неизвѣстно, что подразумѣвалъ онъ подъ „вливаніемъ" въ нихъ „новой крови", но при той крови, какая имѣлась, самые разительные примѣры и самыя лютыя казни могли вызывать въ либералахъ лишь самый лютый страхъ и горячее желаніе запрятаться какъ можно подальше.

На кого же разсчитывалъ Андрей подѣйствовать своимъ примѣромъ и своими страданіями?

Очевидно, не на ту толпу, которая „упившись вполнѣ и лихорадочной дрожью ожиданія, и замираніемъ ужаса, и тѣмъ оцѣпенѣлымъ недоумѣніемъ и грустью, которыя наступаютъ послѣ подобныхъ зрѣлищъ....," возвращалась съ казни революціонеровъ съ тѣмъ равнодушнымъ видомъ, который заставилъ Андрея спросить себя: сколько въ толпѣ людей, „которые вынесли изъ зрѣлища только лучшій аппетитъ къ ожидающему ихъ обѣду?" Не могъ же онъ предполагать, что причина равнодушія толпы заключается въ недо-

статочной мучительности казни. Онъ слышалъ разговоры этой толпы, доказывавшіе ея полнѣйшее незнаніе: въ чемъ тутъ дѣло?

Господа съ господами ссорятся... Казнятъ колдуновъ, которые умѣютъ въ котовъ оборачиваться... Что кромѣ любопытства могла вызвать въ толпѣ казнь людей до такой степени ей невѣдомыхъ, хотя бы, сама по себѣ, эта толпа и быля способна къ горячему сочувствію людямъ преслѣдуемымъ за извѣстное и понятное ей дѣло?

По всему вѣроятію, съ мыслями о мужественномъ примѣрѣ, никогда не пропадающемъ для порабощенной страны, о страданіяхъ революціонеровъ, увеличивающихъ число ихъ послѣдователей, у Андрея связывалось чисто отвлеченное представленіе о силѣ примѣра и страданія. Быть можетъ, во время его горячей защиты предъ Таней своего рѣшенія, у него мелькнуло воспоминаніе о фанатизмѣ вызываемомъ религіозными преслѣдованіями, о казняхъ христіанскихъ мучениковъ, такъ сильно содѣйствовавшихъ распространенію христіанства. Но онъ не подумалъ при этомъ, что въ толпѣ, смотрѣвшей на тѣ казни, были разсыпаны многочисленные проповѣдники и исповѣдники, говорившіе ей о той вѣрѣ, за которую казнили мучениковъ. Тамъ же, гдѣ христіанство еще недостаточно распространилось и проповѣдниковъ было мало, казни христіанъ производили на толпу того времени точно такое же дѣйствіе и такъ же нравились ей, какъ и гладіаторскіе бои.

Примѣръ террористическихъ подвиговъ могъ дѣйствовать лишь на людей уже проникнутыхъ революціоннымъ духомъ: все на ту же, и безъ того возбужденную революціонную молодежь, да на немногихъ рабочихъ, уже успѣвшихъ сдѣлаться революціонерами. Но борьба не въ рядахъ и строю, не рука объ руку съ товарищами, а убійства въ одиночку не могутъ привлечь много силъ, какою бы ни пользовались они популярностью. Это слишкомъ мрачный родъ борьбы. Какой бы восторгъ ни возбуждалъ онъ со стороны,—чтобы пойти самому на такое убійство, нужно обладать исключительной силой воли, или находиться въ исключительномъ настроеніи: въ припадкѣ болѣзненнаго славолюбія Гольденберга, или въ такомъ состояніи, когда жизнь потеряла для человѣка всякую привлекательность, но онъ предпочитаетъ отдѣлаться отъ нея не безъ пользы для партіи. И на самомъ дѣлѣ, за все время популярности такихъ одиночныхъ нападеній охотниковъ до нихъ нашлось не болѣе десятка.

Что же касается до различныхъ приготовленій къ цареубійству: динамитныхъ мастерскихъ, подкоповъ и пр., то эти дѣла требовали такой ловкости, умѣнья и выдержки, что ими почти исключительно занималась одна и та же небольшая группа старыхъ (не по годамъ, конечно, а по революціонной опытности) конспираторовъ.

Въ остальной массѣ революціонеровъ политическія убійства возбуждали не подражаніе, а лишь страстныя, но неосуществимыя мечты и восторги. Но въ то же время предъ блескомъ террористическихъ подвиговъ тускнѣли въ ея глазахъ всѣ другія отрасли революціонной дѣятельности, все кромѣ террора теряло постепенно всякую привлекательность, переставало считаться революціоннымъ. Такимъ образомъ, самою силою производимаго впечатлѣнія терроръ еще болѣе

суживалъ и безъ того узкій потокъ революціоннаго движенія, самою интенсивностью проявленій борьбы подкапывалъ почву подъ дальнѣйшимъ развитіемъ этой борьбы.

А между тѣмъ, изъ того же романа Степняка видно, что у революціоннаго теченія были уже хотя еще и слабые шансы выбиться на широкій просторъ, найти неисчерпаемый источникъ новой силы.

Вокругъ зданія суда, разсказываетъ намъ авторъ, въ день произнесенія приговора надъ казненными потомъ революціонерами собиралась толпа. Полицейскіе разгоняли ее, но она снова собиралась и все увеличивалась. Вечеромъ, послѣ закрытія фабрикъ, къ ней присоединились рабочіе. Усталые полицейскіе уже не были въ состояніи разгонять народъ, и предоставили, наконецъ, толпу самой себѣ. Тутъ собрались самые безпокойные элементы населенія, а передній рядъ былъ почти сплошь занятъ нигилистами.

— „Всѣмъ смертная казнь“, закричали этой толпѣ изъ залы суда.

„Въ отвѣтъ послышался угрожающій ревъ... Полицейскій офицеръ, охранявшій зданіе снаружи, вбѣжалъ въ залу и бросился къ предсѣдателю. Послѣдній отдалъ приказъ двинуть войска и разогнать толпу во что бы то ни стало. Кровавое столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Но его не случилось. Самые крайніе элементы, — организованные революціонеры, не желали вооруженнаго столкновенія, которое могло только помѣшать успѣху ихъ болѣе серьезной попытки отбить приговоренныхъ нечаяннымъ нападеніемъ.

„Манифестація произошла сама собой и была сдѣлана, главнымъ образомъ, посторонними людьми подъ впечатлѣніемъ минуты. Это было хорошо, но не надо было заходить далеко.“

Революціонеры сдержали толпу и столкновеніе не произошло.

Мы не знаемъ точь въ точь такого случая въ дѣйствительности. Безпорядки около зданія суда произошли въ Одессѣ въ Іюлѣ 1878-го года, при произнесеніи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ. Но при этихъ безпорядкахъ не было, да и быть не могло по настроенію того момента, сдерживающаго вліянія со стороны революціонеровъ. Тѣмъ не менѣе авторъ вовсе не погрѣшилъ противъ духа истины своимъ разсказомъ. Лѣтомъ 78-го года терроръ былъ еще въ зародышѣ, а въ непосредственно предшествовавшее ему время демонстраціи пользовались значительной популярностью среди революціонеровъ. Но по мѣрѣ того, какъ политическія убійства и вообще чисто конспиративная, изолированная дѣятельность начала сосредоточивать на себѣ всѣ симпатіи революціонеровъ, когда они постепенно увѣровали въ свою отдѣльную отъ народа и отъ всякой толпы матеріальную, военную силу и, будучи по природѣ своей дрожжами, вообразили себя опарой, такое предпочтеніе лишняго шанса для своего конспиративнаго предпріятія движенію толпы на ихъ защиту стало вполнѣ возможнымъ.

Въ сущности же, самое ничтожное движеніе уличной толпы за революціонеровъ гораздо террористичнѣе, страшнѣе для правительства — для системы, если не для отдѣльныхъ личностей — всякаго политическаго убійства. Убитые рядовые, уличные люди страшнѣе

казненныхъ революціонеровъ, хотя первые могли бы быть самыми пустыми людьми, а революціонеры представлять каждый въ отдѣльности значительную силу по своимъ личнымъ качествамъ. Они страшнѣе потому, что разъ они появились, ихъ возможнаго завтра же числа не выдастъ никакой Гольденбергъ, не выслѣдитъ и не вычислитъ никакой Судейкинъ. Они страшнѣе потому, что съ ними противъ правительства встаетъ нѣчто невѣдомое и могущее рости до безконечности. Рядовые улицы, погибшіе въ кровавомъ столкновеніи съ козаками, были бы гораздо понятнѣе и большой, безсмысленной, по изображенію автора, толпѣ, смотрѣвшей на казнь. Улица, участвовавшая въ столкновеніи, объяснила бы ей ихъ значеніе. Нашлись бы разсказчики, за которыми не услѣдишь, которымъ не завяжешь рта именно по ихъ неизвѣстности и незначительности.

Другимъ еще болѣе важнымъ шансомъ для революціоннаго движенія, пріобрѣсти такую широкую основу, при которой его уже не могли бы уничтожить никакія преслѣдованія правительства, было развитіе рабочаго дѣла въ Петербургѣ.

Въ романѣ эта сторона движенія остается на самомъ заднемъ планѣ. Ни одинъ рабочій не появляется на сценѣ, — о нихъ только говорится. Даже на собраніи кружка, спеціально обсуждающаго рабочее дѣло, не присутствуетъ ни одинъ рабочій. Вообще, насколько упоминается о рабочихъ, они являются лишь пассивнымъ объектомъ воздѣйствія пропагандистовъ. На самомъ дѣлѣ, въ эпоху, изображенную въ романѣ, т. е. въ первое время террора рабочее движеніе въ Петербургѣ было гораздо самостоятельнѣе и уже выставило не мало выдающихся людей, никакъ не уступавшихъ лучшимъ революціонерамъ изъ высшихъ классовъ.

Но даже и изъ того, что говорится въ романѣ, все таки оказывается, что отъ революціонеровъ ничего не требовалось кромѣ желанія и настойчивости для того, чтобы росло и развивалось движеніе въ рабочей средѣ. Въ романѣ нѣсколько разъ упоминается о пропагандѣ и всегда оказывается, что она идетъ очень успѣшно, сообщается о рабочихъ центрахъ въ различныхъ концахъ Петербурга, говорится объ образованіи нѣсколькихъ новыхъ много обѣщающихъ рабочихъ кружковъ, и ни разу не слышно объ арестахъ на этомъ дѣлѣ.

Не фактическое положеніе дѣла, не невозможность или хотя бы трудность сношеній съ рабочими, а одно увлеченіе планомъ цареубійства заставляетъ Андрея спрашивать: „что выиграла бы страна, если бы революціонеры продолжали учить и проповѣдывать по закоулкамъ?“ Предъ интенсивностью впечатлѣнія террористической борьбы эта проповѣдь начала казаться революціонерамъ „хорошимъ“, въ дурномъ смыслѣ этого слова, т. е. не революціоннымъ „поведеніемъ“. А страстные борцы стремились къ самому лучшему, къ самому революціонному поведенію. Все революціонное олицетворилось, наконецъ, для нихъ въ одномъ цареубійствѣ. И послѣ двухлѣтнихъ гигантскихъ усилій они добились намѣченной цѣли. Царь былъ убитъ. Но дальше въ избранномъ направленіи идти было некуда, дѣлать нечего и движеніе быстро пошло подъ гору. Погибли сильные люди, воспи-

тавшіеся на иномъ дѣлѣ, ошибавшіеся относительно общихъ результатовъ своей террористической дѣятельности, но способные добиваться ближайшихъ намѣченныхъ цѣлей, умѣвшіе дѣйствовать. Осталась лишь та окружавшая ихъ среда, которой восторгъ предъ терроромъ не дозволялъ дѣлать съ увлеченіемъ ничего другаго, но которая къ террору-то именно и была совершенно неспособна.

На этотъ разъ, въ противоположность погрому 74 года, съ арестомъ дѣйствовавшихъ революціонеровъ исчезла самая возможность возобновленія сильнаго движенія. У оставшейся молодежи не было въ виду никакого привлекательнаго дѣла, никакой сколько нибудь выполнимой программы, никакихъ цѣльныхъ воззрѣній — ничего кромѣ мечты о подражаніи террористамъ. Но мечта не можетъ поддерживать организацій, на ней не могутъ вырабатываться практическіе дѣятели. Въ этомъ отношеніи самое незамѣтное дѣло безконечно важнѣе самой грандіозной мечты. И организаціи постепенно разстроились, дѣятелей появлялось все меньше и меньше. У былыхъ богатырей осталось много поклонниковъ, но не нашлось послѣдователей, такъ какъ повторять ихъ слова или даже пытаться подражать тѣмъ дѣйствіямъ, которыми они закончили свою революціонную карьеру, еще не значитъ быть ихъ послѣдователями.

Степнякъ рисуетъ намъ движеніе въ моментъ полнаго развитія его силы. Хотя онъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ кромѣ приведенныхъ нами выше заключительныхъ словъ, но все содержаніе романа, отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ, самый тонъ разсказа убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія своихъ героевъ-террористовъ; что онъ всей душой на сторонѣ вступленія въ прямую матерьяльную борьбу съ правительствомъ крошечной группы „избранныхъ" конспираторовъ; что онъ самъ вмѣстѣ съ героемъ готовъ признать „хорошимъ", недостаточно революціоннымъ „поведеніемъ" продолженіе работы надъ вовлеченіемъ въ борьбу народныхъ массъ. Тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ оставляемое романомъ общее впечатлѣніе полной, роковой безнадежности борьбы, въ которую вступаетъ выведенная въ немъ горсть революціонеровъ, одиноко стоящихъ между незнающимъ ихъ народомъ, дрожащимъ отъ страха обществомъ и освирѣпѣвшимъ правительствомъ. Тѣмъ настойчивѣе напрашивается выводъ, что въ этомъ, если и „печальномъ", то, во всякомъ случаѣ, единственномъ изъ міровъ, въ которомъ намъ, волей-неволей, приходится и жить и дѣйствовать, *побѣда* достается лишь силѣ, а сила революціоннаго движенія не можетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ его распространеніи на народную массу, и „гибель немногихъ избранныхъ" приближаетъ побѣду лишь въ томъ случаѣ, если возбуждаетъ злобу и жажду мести и оставляетъ по себѣ память не въ сердцахъ лишь нѣсколькихъ товарищей, а въ сердцахъ все большей и большей части народной массы.

Русскимъ людямъ необходимо выйти изъ круга идей, дозволившихъ имъ забыть совершенно азбучную для каждаго европейца истину, что безъ рабочей массы не мыслима никакая революція; необходимо убѣдится разъ навсегда, что всякое революціонное движеніе, не направляющее всѣхъ усилій на то, чтобы рас-

пространиться въ народной массѣ, является ненормальнымъ, заранѣе осужденнымъ на гибель движеніемъ.

Но это не можетъ и не должно уменьшить любви и уваженія къ памяти людей, дѣятельностью которыхъ закончился предыдущій періодъ движенія. На нихъ не можетъ пасть и тѣни упрека. Практики и борцы, они стояли на высотѣ русской мысли своего времени, а это все, чего можно требовать отъ практическихъ дѣятелей. Они понимали положеніе вещей ничуть не хуже своихъ интеллигентнѣйшихъ соотечественниковъ, проповѣдывавшихъ какъ революціонныя, такъ и оппозиціонныя теоріи. Они вполнѣ, безукоризненно правы. Ихъ дѣятельность не привела къ тѣмъ результатамъ, которыхъ они ожидали. Но они хотѣли и умѣли, не смотря на всѣ препятствія, дѣйствовать сообразно со своими убѣжденіями и отдавали на дѣло всѣ свои силы, всѣ помыслы и самую жизнь, а такіе люди, каковы бы ни были ихъ ошибки, безконечно, внѣ всякого сравненія, выше благоразумныхъ мудрецовъ, которые вполнѣ гарантированы отъ самомалѣйшей ошибки въ своей политической дѣятельности тѣмъ именно, что ровно ничего не дѣлаютъ.

Главная заслуга романа Степняка заключается именно въ томъ, что онъ возстановляетъ предъ читателями все рѣже и рѣже встрѣчающіеся въ русской жизни типы прежнихъ нелегальныхъ революціонеровъ.

Теперь нельзя уже повторять слова этихъ революціонеровъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ говорили ихъ они,— жизнь уничтожила этотъ смыслъ. Нельзя походить на нихъ, стремясь подражать ихъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ уже хотя бы потому одному, что они-то вѣдь никому не подражали, а самостоятельно прокладывали свой путь. Но, съ другой стороны, нельзя и стать серьезнымъ революціонеромъ, нельзя дѣйствовать при русскихъ условіяхъ, если дорожить хоть чѣмъ нибудь: своей легальностью, своимъ будущимъ, семейными привязанностями — чѣмъ бы то ни было, кромѣ удобствъ для дѣятельности. Нельзя, словомъ, дѣйствовать, не относясь къ дѣлу такъ же точно, какъ относились къ нему прежніе революціонные дѣятели. Съ этой стороны они останутся образцами для подражанія, пока Россія будетъ нуждаться въ такихъ революціонерахъ, а она будетъ нуждаться въ нихъ до той поры, когда разливъ революціоннаго движенія въ рабочей массѣ обезпечитъ побѣду.

До сихъ поръ у прежнихъ борцовъ было мало послѣдователей. Но они еще явятся. Россіи не миновать революціоннаго движенія противъ деспотизма, и начнется ли оно прямо въ рабочей средѣ, а недовольная современнымъ режимомъ часть высшихъ классовъ лишь воспользуется имъ въ рѣшительный моментъ, или молодежи этихъ классовъ еще суждено сыграть революціонную роль, — во всякомъ случаѣ, успѣшно дѣйствовать въ первомъ періодѣ этого новаго движенія будутъ въ состояніи только люди такъ же всецѣло отдавшіеся своему дѣлу, какъ отдавались ему прежніе революціонеры. И только такіе люди, которые съумѣютъ, какъ умѣли они, дѣйствительно дѣлать свое дѣло, какъ бы ни были велики препятствія, будутъ вправѣ считать себя ихъ настоящими пріемниками и продол-

жателями. Они будутъ вѣрны ихъ духу, какъ бы ни отличались новые взгляды и новая дѣятельность отъ того, что говорилось и дѣлалось тогда. И разъ пойдетъ успѣшно эта новая дѣятельность, разъ движеніе пуститъ корни въ рабочей массѣ, она узнаетъ и о прежнихъ дѣятеляхъ. Ихъ гибель, ихъ страданія еще принесутъ свои плоды. Въ рѣшительный моментъ они припомнятся правительству.

В. Засуличъ.

—o—

ЗА БАЙКАЛОМЪ.

(Разсказъ.)

Такъ называемый „Кругоморскій трактъ" ведетъ изъ Иркутска на Култукъ, огибаетъ съ Запада Байкальское озеро и тянется вдоль южнаго берега Байкала до Посольскаго монастыря, находящагося почти у устьевъ рѣки Селенги. Двадцать пять лѣтъ назадъ, задумавши починку этаго тракта, русское правительство остановилось на мысли употребить для этой цѣли поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь за участіе въ возстаніи 1863 года.

Трактъ идетъ у подножья высокихъ горъ, круто спускающихся къ озеру и покрытыхъ снизу до верху первобытнымъ лѣсомъ. Ущелья и потоки на всякомъ шагу пересѣкаютъ дорогу. Между Култукомъ и Посольскимъ, на протяженіи около двухсотъ верстъ, жилыя мѣста попадаются лишь возлѣ почтовыхъ станковъ, равномѣрно отстоящихъ одинъ отъ другого. Дикъ и негостепріименъ этотъ трактъ въ настоящее время, но еще диче онъ былъ въ 65 году, когда, подъ руководствомъ правительственнаго инженера Шаца, приступлено было къ работамъ. Землянные бараки, служившіе для помѣщенія ссыльныхъ, въ сырой таежной мѣстности, тяжелый трудъ и отсутствіе хорошаго питанія (такъ какъ завѣдующій ссыльно-каторжными полковникъ Черняевъ крайне небрежно, а нѣкоторые утверждаютъ — просто недобросовѣстно, относился къ дѣлу снабженія провіантомъ) привели къ печальнымъ послѣдствіямъ: въ партіи открылись болѣзни съ ужасающимъ процентомъ смертности. Работы продолжались все лѣто 65 г.; съ наступленіемъ осени ссыльные были перевезены для зимовки на сѣверный берегъ Байкала, въ Лиственичное, расположенное у истока Ангары.

Между тѣмъ, въ то же время, по сибирскому тракту нескончаемыми вереницами двигались на востокъ новыя партіи ссыльныхъ. Сибирскія тюрьмы были переполнены поляками; въ Иркутскѣ — главномъ пунктѣ Восточной Сибири — скопленіе ссыльныхъ достигало невѣроятныхъ размѣровъ.

Среди этой-то массы людей*), еще не осѣвшихся и поддерживавшихъ сношенія другъ съ другомъ, а самое важное — отъ души ненавидѣвшихъ русское правительство, стала, мало-по-малу, зрѣть мысль объ организаціи возстанія въ самой Сибири. Это было вполнѣ естественно: отсутствіе въ Сибири войска бросалось въ глаза, и потому можно было вѣрить въ успѣхъ возстанія. На первыхъ порахъ были мечты черезчуръ широкія; такъ какъ въ заговорѣ принимали участіе и нѣкоторые изъ русскихъ, то думали чуть ли не объ отдѣленіи Сибири. Но постепенно цѣль съузилась и свелась, главнымъ образомъ, къ бѣгству изъ мѣста ссылки. Иркутскій тюремный замокъ былъ центральнымъ пунктомъ конспираціи. Ссыльные знали, что съ наступленіемъ весны ихъ должны были отправить на „Кругоморскій трактъ“ для работъ, и тамъ, за Байкаломъ, они рѣшили привести свой планъ въ исполненіе.

Руководителемъ заговора являлся нѣкій Цѣлинскій. Еще въ царствованіе Николая I онъ былъ сосланъ на Кавказъ въ солдаты; послѣ долгаго времени, ему удалось дослужиться тамъ до офицерскаго чина, и теперь вторично онъ шелъ въ ссылку за участіе въ возстаніи 63 года. Это былъ высокій старикъ съ длинными, сѣдыми усами, державшійся нѣсколько сутуловато и смотрѣвшій исподлобья. Рядъ годовъ, проведенныхъ въ конспираціяхъ, наложилъ на него свою печать. Угрюмый, мало общительный, онъ недовѣрчиво и подозрительно относился къ людямъ. Зимою съ 65 на 66 годъ Цѣлинскій сносился по дѣлу заговора съ Шарамовичемъ, старостою партіи, зимовавшей въ Лиственичномъ, и между ними состоялось соглашеніе.

Заговоръ со всякимъ днемъ росъ. Трудно было не вѣрить въ успѣхъ. Слабые конвои, подъ надзоромъ которыхъ предвидѣлось работать полякамъ въ безлюдной лѣсистой странѣ, очевидно не въ силахъ были создать серьезнаго препятствія для осуществленія цѣли,

---

*) Общая цифра всѣхъ ссыльныхъ поляковъ по 63 году достигаетъ 17—18 тысячъ.

сводившейся къ тому, чтобы уйти всею массою за предѣлы Россійской Имперіи.

Съ наступленіемъ весны началась отправка, въ Лиственничномъ ссыльныхъ раздѣлили на двѣ партіи и увезли въ Култукъ и Муринъ — два почтовые станка у юго-западнаго берега Байкала, отстоящіе другъ отъ друга верстъ на сорокъ. Въ Иркутскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ находился Цѣлинскій, тоже начались приготовленія къ отправкѣ за Байкалъ; но въ это время случилось событіе, въ высокой степени повредившее дальнѣйшему ходу заговора: наканунѣ отправки, въ тюрьму пріѣхали власти, приказали полякамъ выстроиться во дворѣ, и тутъ былъ прочтенъ имъ „Манифестъ 31-го Мая", по которому часть изъ нихъ переводилась изъ разряда ссыльно-каторжныхъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, остальнымъ же уменьшались сроки каторги.

Какъ ни мало милостивъ, самъ по себѣ, былъ этотъ манифестъ, но на ссыльныхъ онъ оказалъ извѣстное вліяніе; среди нихъ произошелъ расколъ, многіе стали высказываться противъ попытки возстанія. Цѣлинскій пробовалъ было бороться съ этимъ теченіемъ, но напрасно; возникли несогласія; поднялись споры, принимавшіе все болѣе и болѣе острый характеръ. Ораторы успѣшно оппонировали Цѣлинскому, и его вліяніе среди ссыльныхъ со всякой минутой падало. Въ дебатахъ и спорахъ, очень часто доходившихъ до брани, прошла вся дорога отъ Иркутска до мѣста назначенія.

Въ первыхъ числахъ Іюня партія высажена была съ парохода на берегъ у Мышихинскаго станка, находящагося къ востоку отъ Култука верстъ на полтораста, и по распоряженію полковника Черняева тотчасъ было приступлено къ работамъ.

Ночь. Вокругъ барака, гдѣ помѣщаются каторжане, ходятъ часовые. Въ баракахъ шумъ, тамъ о чемъ-то говорятъ; голоса то затихаютъ, то поднимаются до самыхъ высокихъ нотъ, но ни одному часовому не приходитъ въ голову подслушать, о чемъ говорятъ въ баракахъ; да все равно: подслушивая, онъ ничего не пойметъ, такъ какъ разговоры ведутся на польскомъ языкѣ.

— На пару словъ, проговорилъ Цѣлинскій, нагнувшись къ самому уху Зборовскаго и направляясь въ темный уголъ барака.

Въ углу Цѣлинскій остановился; Зборовскій подошелъ къ нему.

— Выхлопотали переводъ въ Култукскую партію? спросилъ Цѣлинскій низкимъ голосомъ, подозрительно оглядываясь изъ боязни, не слышитъ ли ихъ кто нибудь.

Зборовскій, раньше чѣмъ отвѣтить, невольно самъ осмотрѣлся.

— Да, проговорилъ онъ, завтра отправляютъ въ Култукъ лопаты, съ этимъ транспортомъ и я отправлюсь.

— Хорошо... До вашего отъѣзда мы вѣроятно больше не увидимся... Передайте эту записку пану Шарамовичу. Цѣлинскій подалъ свороченный клочекъ бумаги.

Молодой человѣкъ взялъ записку.

— Ради бога, не вздумайте читать ее здѣсь! Кто нибудь увидитъ.... Спрячьте ее! Вы не ожидаете обыска при отправкѣ? Спрячьте ее куда нибудь. Зашейте ее въ полу халата... Обыска всегда, всякую минуту слѣдуетъ ожидать... Я даю вамъ весьма важное порученіе!

Зборовскій зажалъ въ рукѣ записку.

— Я слыхалъ, что Шарамовичъ находится въ Муринѣ, а не въ Култукѣ, замѣтилъ онъ.

— Да, Шарамовичъ въ Муринѣ, отвѣтилъ Цѣлинскій. [Но это все равно, записку вы передадите Арцымовичу, старостѣ Култукской партіи, а потомъ Шарамовичу... Отъ Култука до Мурина недалеко.

Зборовскій молчалъ.

— Я вамъ даю весьма, весьма важное порученіе! повторилъ Цѣлинскій и, не глядя въ лицо молодому человѣку, а куда-то въ сторону, добавилъ шопотомъ: я назначаю день возстанія.

— Кажется, вы черезчуръ торопитесь.

— А!

— Я не отказываюсь отъ своего обѣщанія, поторопился замѣтить Зборовскій. Но не во мнѣ одномъ дѣло. Вы видите, каково теперь настроеніе большинства; подобное предпріятіе требуетъ единодушія, а единодушія нѣтъ.

— Хорошо, хорошо... Спорить не буду; не время и не охота. Надоѣли мнѣ дебаты вотъ до сихъ поръ! Цѣлинскій показалъ рукою на горло. Помолчавъ немного, онъ спросилъ : Беретесь ли вы ис-

полнить порученіе, или же прикажете поискать для этой цѣли кого либо другого?

При послѣднихъ словахъ Зборовскій покраснѣлъ и рѣзко отвѣтилъ: Отъ своихъ словъ я никогда не отказываюсь!... Записку доставлю.

— Это все, что отъ васъ требуется, сухо проговорилъ Цѣлинскій.

Дней пять спустя послѣ описаннаго разговора, именно 20-го Іюня 66 года, по Кругоморскому тракту двигалась толпа вооруженныхъ людей. То были возставшіе поляки; въ Култукѣ они обезоружили конвойныхъ солдатъ и подъ начальствомъ Арцымовича двигались теперь къ Муринскому станку для соединенія съ товарищами. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станка отрядъ остановился и спрятался въ лѣсу; Зборовскій посланъ былъ въ Муринъ для увѣдомленія о случившемся.

Пройдя нѣкоторое пространство трактомъ, Зборовскій своротилъ влѣво и спустился лѣсомъ къ берегу Байкала; онъ рѣшился обождать пока стемнѣетъ и присѣлъ на камнѣ. Солнце уже спряталось за горы; обрывистый берегъ съ высокими, зелеными лиственницами отражался въ спокойной, темной водѣ, какъ въ зеркалѣ; стада бѣлыхъ чаекъ съ хриплымъ крикомъ кружились надъ озеромъ. Вправо, по направленію къ Варгузину, вода сливалась съ горизонтомъ и далеко-далеко гдѣ-то блестѣла еще отъ солнечныхъ лучей; прямо къ Лиственичному чернѣли горы противуположнаго сѣвернаго берега.

Природа всегда производила на Зборовскаго чарующее впечатлѣніе; среди нея онъ забывался. Но въ этотъ разъ было не такъ: онъ глядѣлъ на окружающую величественную природу и въ то же время его сердце сжималось отъ наплыва воспоминаній.

Давно когда-то, на родинѣ, жили по сосѣдству семьи Зигмунта Зборовскаго и Владислава Котковскаго. Еще старики, ихъ отцы, были большими пріятелями, а маленькій Зигмунтъ, бывало, всякій день бѣгалъ къ Владиславу въ гости; Владиславъ ему тѣмъ же отплачивалъ. Такъ они играли и росли вмѣстѣ; потомъ учились въ одной школѣ, а когда выросли и возмужали, вмѣстѣ вступили въ революціонную организацію. Между ними существовала самая глубокая привязанность. Вскорѣ однако послѣдовала разлука. Зборовскій, скомпрометированный довольно серьезно въ глазахъ варшавской

полиціи, вынужденъ былъ скрыться изъ Варшавы; онъ уѣхалъ въ Литву. На первыхъ порахъ друзья поддерживали между собою оживленныя сношенія; особенно часто писалъ Зигмунтъ, такъ какъ въ Варшавѣ, помимо Владислава, жила панна Розалія, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ; онъ не могъ прямо съ нею списываться и Котковскій служилъ ему посредникомъ. Но спустя нѣкоторое время, Зборовскій былъ арестованъ и посаженъ въ виленскую тюрьму; тогда правильныя сношенія у нихъ прекратились. Владислава Котковскаго онъ потерялъ изъ виду, а извѣстія о паннѣ Розаліи стали доходить къ нему кое-когда стороною, отрывками, пока наконецъ не пришла однажды ужасная вѣсть о ея смерти. Эта вѣсть передана была ему въ смутныхъ, неясныхъ выраженіяхъ: онъ могъ только догадаться, что смерть случилась скоропостижно. Напрасно Зборовскій силился изъ тюрьмы разузнать подробности этого событія: оно окружено было для него какою-то непроницаемой тайной, надъ раскрытіемъ которой онъ весь измучился. Только послѣ суда, когда разрѣшены были свиданія съ родными, ему удалось завязать сношенія съ однимъ изъ старыхъ пріятелей, отъ котораго онъ и получилъ наконецъ опредѣленное увѣдомленіе, что панна Розалія была убита Владиславомъ Котковскимъ, и что этотъ поступокъ вызванъ былъ „самой крайней необходимостью.“ Во всякое другое время впечатлительная натура Зигмунта вѣроятно не перенесла бы этого удара, но тогда онъ вынесъ: его нервная система была страшно притуплена массой висѣлицъ, воздвигнутыхъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ, прозваннымъ послѣ того „Вѣшателемъ.“ Зигмунтъ вынесъ ударъ: не умеръ, не сошелъ съ ума, но съ той минуты о Котковскомъ не могъ подумать безъ ужаса. Мѣсяца два тому назадъ, уже въ Иркутскѣ, онъ услыхалъ, что Котковскій въ одной изъ партій препровождался изъ Лиственичнаго на Кругоморскій трактъ.

Теперь, въ Муринѣ, Зигмунту Зборовскому предстояла встрѣча съ Котковскимъ, и это его страшно мучило.

Смеркалось. Горы противуположнаго берега потонули въ туманѣ; Байкалъ подернулся свѣтло-сѣрымъ оттѣнкомъ; чайки улетѣли куда-то; кулики пересвистывались у воды... Зборовскій вскарабкался на берегъ и пошелъ лѣсомъ по направленію къ Мурину; идти трактомъ онъ находилъ неблагоразумнымъ. Но трудно было ему пробираться лѣсомъ. Его ноги тонули въ мшистыхъ кочкахъ; сва-

лившіяся деревья часто преграждали путь; онъ становился на нихъ, такъ какъ не всегда могъ перешагнуть, и раза два или три проваливался выше колѣнъ: стволы были совершенно перегнившіе. Скоро въ лѣсу наступилъ мракъ, и если бы не бѣлѣвшійся сквозь листву деревъ Байкалъ — онъ вѣроятно заблудился бы. Вѣтви хлестали его по лицу, царапали руки; онъ спотыкался, падалъ, но опять поднимался и продолжалъ идти. Уже совсѣмъ наступила ночь, когда онъ приблизился къ Муринскому станку. Изъ земляныхъ бараковъ блестѣли огоньки. Пробравшись незамѣтнокъ одному изъ бараковъ, у входа Зборовскій столкнулся съ какой-то темной фигурой.

— Кто такой? окликнули его на польскомъ языкѣ.

— Порученіе къ Шарамовичу, отвѣтилъ онъ по польски-же.

Родная рѣчь была лучшимъ паролемъ въ этой странѣ; тѣмъ не менѣе фигура приблизилась къ Зборовскому и въ темнотѣ все же пыталась его разсмотрѣть.

— Однако, кто же такой?

— Войдите поскорѣе въ баракъ, съ досадою проговорилъ Зборовскій.

Вошли въ баракъ. Нѣсколько человѣкъ поляковъ сидѣли и полулежали у ярко горящаго очага.

Темная фигура — оказался нѣкій Заремба.

— Какое у васъ порученіе къ Шарамовичу?... Отъ кого?... Откуда вы? спрашивалъ онъ, съ любопытствомъ оглядывая Зборовскаго.

Одинъ изъ сидѣвшихъ у очага подошелъ къ разговаривавшимъ.

— Въ Култукѣ возстали, и теперь въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда ожидаютъ вашего присоединенія, прямо заявилъ Зборовскій, отирая рукою потъ съ лица.

Присутствующіе повскакали... Засуетились.

Вѣсть о возстаніи въ Култукѣ почти всѣмъ муринскимъ полякамъ скоро сдѣлалась извѣстна; она подняла всѣхъ на ноги. Побѣжали сообщить Шарамовичу, бывшему въ Муринѣ арестантскимъ старостою.

Въ баракъ, гдѣ находился Зборовскій, стали собираться поляки; одинъ за другимъ входили новыя и новыя лица; наконецъ вошелъ красивый брюнетъ средняго роста съ огромной черной бородою.

— А, Шарамовичъ! обратился къ нему Заремба. Послушайте

— Къ чему это теперь?! Зачѣмъ это теперь?! разводя руками восклицалъ между тѣмъ Шарамовичъ, проходя черезъ весь баракъ по направленію къ Зборовскому, стоявшему у очага.

— Возстаніе уже начато... отвѣтилъ Зборовскій нѣсколько смущеннымъ голосомъ.

Въ это время у входа показался Владиславъ Котковскій; узнавъ Зигмунта, онъ остановился; но Зигмунтъ отворотилъ лицо въ сторону, и тотъ молча усѣлся на скамьѣ въ углу барака. Такова была ихъ встрѣча послѣ четырехъ-лѣтней разлуки.

— Да, да... Вы правы. Поздно сожалѣть, негромко замѣтилъ Шарамовичъ. Однако, что побудило Арцымовича начать?

— По распоряженію Цѣлинскаго. Вотъ записка Цѣлинскаго, отвѣтилъ Зборовскій, дрожащей рукою передавая ему записку.

Шарамовичъ присѣлъ къ огню, горѣвшему въ очагѣ, развернулъ клочекъ бумаги свернутый въ нѣсколько разъ, и прочелъ слѣдующее: „Что одинъ разъ постановлено — надо исполнить. Откладывать невозможно; каждая минута дорога. Мы должны возстать. Я начинаю. Арцымовичъ со своими долженъ тотчасъ же идти берегомъ къ намъ на помощь. Отвѣта не жду.“

— Кѣмъ передана эта записка? спросилъ Шарамовичъ, выпрямляясь у очага.

— Записка дана была мнѣ Цѣлинскимъ для передачи вамъ, отвѣтилъ Зборовскій. Онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Вы изъ Мышихи?

— Да.

— Сколько дней?

— Пять дней назадъ.

— Какъ тамъ дѣла?.. Вы больны!? вдругъ замѣтилъ Шарамовичъ, мѣняя тонъ.

— Въ Мышихѣ дѣла плохи, тихо отвѣтилъ Зборовскій.

— Не знаете-ли, возстаніе тамъ начато? спросилъ было Шарамовичъ, но тутъ-же самъ себѣ отвѣтилъ: Да, да, начато и тамъ; Цѣлинскій объ этомъ увѣдомляетъ.

Шарамовичъ опять присѣлъ на корточки къ огню и задумался.

Густавъ Шарамовичъ былъ родомъ изъ Украйны. Польское возстаніе 63 года застало его въ Кіевѣ, гдѣ онъ въ то время воспитывался въ университетѣ. Одаренный страстнымъ темпераментомъ, онъ отдался весь польскому дѣлу на Украйнѣ и вскорѣ занялъ довольно

видное положеніе среди волнововавшейся тогда польской университетской молодежи. Онъ участвовалъ въ сходкахъ, ораторствовалъ на собраніяхъ; принималъ энергическое участіе въ конспиративныхъ дѣлахъ. Но, какъ извѣстно, польскому дѣлу на Украйнѣ не суждено было развиться и принять сколько нибудь широкіе размѣры; крестьяне-украинцы явились главными врагами и съ соединенной тройною ненавистью—національной, религіозной и экономической,— такъ какъ „паны“ на Украйнѣ преимущественно поляки, — устремили свои силы на помощь русскому правительству; по всей Украйнѣ поднялась жестокая травля: крестьяне вязали пановъ-поляковъ безъ разбора, возставшихъ и невозставшихъ, и доставляли ихъ въ руки полиціи; по селамъ организовались добровольныя крестьянскія „варты“ (сторожа), уничтожавшіе въ самомъ зародышѣ возможность возстанія, такъ какъ полякамъ нельзя было не только собраться въ сколько нибудь значительный отрядъ, но оказывалось труднымъ даже сноситься другъ съ другомъ. Страшный урокъ исторіи, наглядно доказавшій, что о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ и мечтать невозможно! Только по городамъ полякамъ удалось тогда кое-что съорганизовать, и однимъ изъ лучшихъ пунктовъ въ этомъ отношеніи оказался Кіевъ. Польская университетская молодежь составила изъ себя отрядъ, и ночью отрядъ этотъ вышелъ изъ города; но въ селеніи Соловьевкѣ поляки задержаны были крестьянами, перевязаны и обратно доставлены въ Кіевъ. Тутъ-же — въ числѣ арестованныхъ и посаженныхъ въ кіевскую крѣпость — находился и Густавъ Шарамовичъ. Веселый, разговорчивый, любившій при случаѣ пустить въ ходъ „красное словцо“, — людямъ постороннимъ, другого лагеря Шарамовичъ казался довольно легкомысленнымъ, пустымъ малымъ; но лица, ближе его знавшія, относились къ нему иначе. Въ партіи, зимовавшей въ Лиственичномъ, онъ былъ самымъ популярнымъ, любимымъ человѣкомъ, и почти единогласно выбранъ былъ старостою.

Шарамовичъ сидѣлъ у очага на корточкахъ и машинально разгребалъ огонь кускомъ дерева, а тѣмъ временемъ между присутствующими — ихъ набилось въ баракъ до того, что негдѣ было повернуться, — по группамъ шли разговоры. Манифестъ 31-го Мая и среди этихъ людей оказалъ вліяніе: у многихъ онъ зародилъ смутныя надежды на законный исходъ; прежняго революціоннаго пыла и

слѣда не было; тѣ самые, что рвались къ возстанію всего мѣсяцъ тому назадъ, теперь присмирѣли, притихли, словно чего-то выжидали. Замѣчалось почти общее несочувствіе дѣлу, начатому въ Култукѣ; это было видно по недовольнымъ лицамъ, по тѣмъ разговорамъ, чтó велись по группамъ; слышно было, какъ то въ одномъ, то въ другомъ углу барака рѣзко порицался фактъ, совершенный Арцымовичемъ.

Поднявшись на ноги и потягиваясь, Шарамовичъ какъ-то вяло, хотя громко, проговорилъ: — Ну, что же, панове?! Намъ и выбора нѣтъ... Надо идти на помощь...

— Идемъ! Мы готовы... отозвалось нѣсколько голосовъ.

Но большинство молчало.

— Повторяю — выбора нѣтъ! Дѣло начато; не отставать-же намъ отъ товарищей въ эту критическую минуту?! Послушайте, панове, я прочту записку Цѣлинскаго... И Шарамовичъ прочелъ записку.

— Глупое дѣло!! воскликнулъ Заремба. — Къ чему напрасныя жертвы? Зачѣмъ это возстаніе? Кому оно нужно?

— Вы можетъ быть и правы, только теперь поздно объ этомъ разсуждать, замѣтилъ Шарамовичъ.

— Въ послѣднее время москали пошли на уступки...

— Ужъ не надѣетесь ли вы получить свободу отъ москалей? прервалъ Шарамовичъ.

— Отчего бы и не надѣяться? Участь многихъ облегчена; пройдетъ нѣкоторое время — вспомнятъ и о насъ.

— Да, вспомнятъ лѣтъ черезъ двадцать... Немногіе изъ насъ до этого доживутъ. Эхъ, пане Заремба! Манифестъ 31-го Мая—это жалкая милостыня, брошенная нищему; а вы и взаправду повѣрили въ милосердіе московскаго царя.

Голоса споривших раздавались глухо подъ низкимъ потолкомъ барака, переполненнаго народомъ.

— На царскую милость разсчитываютъ только холопы, угрюмо, но съ достоинствомъ проговорилъ Заремба.

— Вотъ такъ!! На что же вы тогда надѣетесь? съ удивленіемъ воскликнулъ Шарамовичъ.

— Только не на милость! Вмѣшательство иностранныхъ державъ вынудитъ москалей къ уступкамъ. Я думаю, что самый манифестъ 31-го Мая былъ написанъ подъ диктовку Франціи. Подождемъ,

потерпимъ, а тамъ быть можетъ продиктуютъ царю и второй манифестъ.

— По вашему мнѣнію, мы еще недостаточно терпѣли... Очевидно вы успѣли забыть скитанія по московскимъ тюрьмамъ; забыли этапное путешествіе въ нѣсколько тысячъ верстъ...

— Ничего я не забылъ, но необходимость заставляетъ ждать, нетерпѣливо прервалъ Заремба.

— Вы быть можетъ и то забыли, пане Заремба, горячо продолжалъ Шарамовичъ,—какъ умирали лѣтомъ прошлаго года отъ цынги и горячки ваши товарищи здѣсь за Байкаломъ? О, въ такомъ случаѣ вы конечно можете ждать! Но мы всѣ это помнимъ и никогда не забудемъ! Панове! обратился онъ къ присутствующимъ, — какъ бы мы ни смотрѣли на возстаніе, на сколько несвоевременнымъ ни находили бы его въ настоящую минуту, но — обратите вниманіе — оно уже начато; низко, подло отступаться отъ товарищей въ такую минуту! Мы обязаны ихъ поддержать! Мы должны идти на помощь!

Произошелъ шумъ: одновременно заговорило нѣсколько лицъ.

— Тише!.. Къ порядку! кричали голоса.

Мало-по-малу въ баракѣ успокоилось и послышался гнусливый голосъ Сочинскаго.

— Панъ Шарамовичъ видимо старается подѣйствовать на наши чувства, разжалобить насъ, говорилъ онъ. — Смѣшно, право! Словно мы маленькіе ребята! Но увлекаться чувствомъ въ нашемъ положеніи было бы неблагоразумно...

— Благоразумно!

— Позвольте, дайте мнѣ высказаться... Сочинскій растягивалъ слова, говорилъ въ носъ. Такъ говорить онъ находилъ признакомъ хорошаго тона. — Возстаніе, продолжалъ онъ, не шуточное дѣло; знаете ли, что̀ насъ ожидаетъ въ случаѣ неудачи? Смерть! Идти на гибель, рисковать жизнью, не разобравшись въ дѣлѣ, право-же глупо! Раньше чѣмъ на что либо рѣшаться, я предложилъ бы присутствующимъ основательно разобраться въ вопросѣ, взвѣсить шансы за и противъ возстанія; обсудить, насколько есть вѣроятности выиграть или проиграть затѣваемое дѣло; однимъ словомъ, отнестись къ вопросу не по-дѣтски, а съ полной серьезностію.

— На предложеніе пана Сочинскаго я смотрю какъ на попытку внести окончательную деморализацію въ нашу среду. Въ дебатахъ pro и contra мы можемъ провести цѣлый мѣсяцъ, а тѣмъ дорога̀

всякая минута: наши товарищи ожидаютъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, рѣзко проговорилъ Шарамовичъ.

— Панъ Шарамовичъ отдѣлывается остроуміемъ и софизмами, прогнусилъ Сочинскій. — Возстаніе! Возстаніе!.. Великій Боже, кто изъ насъ не сочувствуетъ возстанію, и какой полякъ не остается всегда въ душѣ „повстанцемъ"!? Но возстаніе за Байкаломъ! О, это совсѣмъ другое дѣло! Не видать намъ здѣсь успѣха! Самъ панъ Шарамовичъ вѣроятно согласится со мною, что уже въ виду одного разногласія, внесеннаго въ нашу среду манифестомъ...

— А вы еще вносите другое! воскликнулъ Шарамовичъ.

— Манифестомъ 31-го Мая, продолжалъ Сочинскій, уже въ виду одного этого разногласія намъ не видать успѣха. Къ чему-же затѣвать въ такомъ случаѣ?!

— Не мы затѣваемъ, наши товарищи уже воз-ста-ли!! Поймите, пане Сочинскій, это большая разница! кричалъ Шарамовичъ. — Панове! обратился онъ ко всѣмъ. — У насъ два выхода: или оставить товарищей на произволъ судьбы, или къ нимъ примкнуть и съ ними раздѣлить участь. Спора нѣтъ, горсть возставшихъ, не поддержанная нами, будетъ сразу уничтожена врагомъ. Какіе отъ этого получатся результаты? А вотъ какіе: во-первыхъ жестоко пострадаютъ бунтовщики, а во-вторыхъ достанется и тѣмъ, кто будетъ сидѣть смирно. Да, это такъ! Вы, панове, знаете — должны знать тактику москалей; москали ни передъ чѣмъ не останавливаются: въ порывахъ звѣрства они обыкновенно мстятъ заодно и невиннымъ и виновнымъ. Если бунтовщиковъ перевѣшаютъ, то на нашу долю выпадутъ кнуты и цѣпи. Зачѣмъ не предупредили начальства? Почему не донесли? Таковы будутъ мотивы для осужденія насъ. Мы разыграемъ гнусную роль по отношенію къ товарищамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя не спасемъ. Вотъ почему я вижу единственный для насъ выходъ примкнуть къ возставшимъ. И чѣмъ единодушнѣе мы возстанемъ — тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Еще разъ, зову васъ, товарищи, идемъ на помощь нашимъ товарищамъ! Теперь не время разговаривать!.. Кто за мной?...

— Всѣ!.. Всѣ!.. послышались голоса.

— Нѣтъ, не всѣ! Многіе противъ! кричали другіе.

— Зачѣмъ преувеличиваете? Зачѣмъ запугиваете какими-то цѣпями и кнутомъ? среди общаго шума кричалъ Сочинскій. — Это неправда!.. Ложь!.. Отвѣтятъ только виновные! И пусть ихъ чортъ

возьметъ! Почему раньше не спросили нашего мнѣнія? Изъ-за какихъ-то дураковъ не лѣзть-же намъ всѣмъ въ петлю!?

— Сами вы дуракъ и негодяй! раздалось восклицаніе изъ толпы.

— Это безобразіе!.. Насиліе! кричали одни.

— Подлецовъ надо насиловать! кричали другіе.

— Вонъ! Вонъ Шарамовича! Вонъ!..

Шарамовичъ, блѣдный, вскочилъ на скамью.

— А! А! Мерзавцы!! Такъ вы хотите предать своихъ товарищей? Спасая свои шкуры, вы готовы относиться безучастно къ смерти вашихъ братьевъ?!. Смерть-же вамъ самимъ!! воскликнулъ онъ, съ яростью потрясая кулаками у самаго потолка.

Въ баракѣ произошла невообразимая сумятица: одни бросились къ выходу, другіе загородили выходъ и никого не хотѣли выпускать.

— Москали догадались!! крикнулъ кто-то въ это время, вбѣгая со двора.

На самомъ же дѣлѣ „москали" вовсе не догадались; изъ караульнаго дома вышла кучка солдатъ съ унтеръ-офицеромъ для смѣны часовыхъ; обыкновенная смѣна произвела тревогу. Какъ бы тамъ ни было, но эта ложная тревога ускорила событія: болѣе рѣшительные поляки увидѣли, что дѣла откладывать невозможно и тотчасъ же растерявшіеся солдаты были обезоружены.

— Vivat Шарамовичъ! кричали возставшіе.

— Да здравствуетъ Польша! откликнулись имъ издалека; Култукскій отрядъ съ Арцымовичемъ во главѣ быстро приближался къ Муринскому станку.

Повстанцы соединились.

Но печально было положеніе дѣла! Весь соединенный отрядъ бунтовщиковъ едва достигалъ ста-пятидесяти человѣкъ. Шарамовичъ принялся за организацію отряда; начальникомъ конницы, составившейся изъ лошадей, взятыхъ съ трехъ почтовыхъ станцій, онъ назначилъ Ильяшевича и приказалъ ему двигаться впередъ къ Мышихѣ для присоединенія къ отряду Цѣлинскаго. Цѣлинскому, какъ главному предводителю возстанія, Ильяшевичъ долженъ былъ донести о всемъ случившемся и сообщить, что Шарамовичъ съ пѣхотою двигается вслѣдъ за нимъ.

Съ разсвѣтомъ конница тронулась въ путь; двинулась и пѣхо-

та. Провизія нагружена была въ лодки, и лодки поплыли вдоль берега по направленію къ Мышихѣ.

Отъ Мурина, гдѣ происходило вышеописанное, до Мышихинскаго станка около ста верстъ. Повстанская кавалерія заѣзжала по пути на почтовыя станціи и забирала лошадей. Не доѣзжая Мышихи, навстрѣчу полякамъ попались двѣ почтовыя кибитки: въ одной ѣхалъ полковникъ Черняевъ, начальникъ каторжанъ, въ другой — инженеръ Шацъ. Поляки ихъ арестовали и съ этой добычей прибыли въ Мышиху.

Въ Мышихѣ между тѣмъ дѣла шли совсѣмъ плохо. Напрасно Ильяшевичъ въ присутствіи всѣхъ каторжанъ торжественно рапортовалъ Цѣлинскому, какъ предводителю возстанія, о дѣлахъ совершившихся въ Култукѣ и Муринѣ, напрасно громко доносилъ онъ объ арестѣ главныхъ враговъ, Черняева и Шаца! Ни на кого это не произвело впечатлѣнія. Цѣлинскій метался какъ угорѣлый; успѣха не было.

Тѣмъ не менѣе надо было что либо предпринимать. Конный отрядъ былъ усиленъ; Ильяшевичу въ помощники назначенъ былъ Рейнеръ и приказано было имъ двигаться далѣе, на сѣверо-востокъ. Планъ Цѣлинскаго былъ тотъ, чтобы занять Посольскій монастырь и помѣшать высадкѣ русскаго войска въ Забайкальѣ. Но въ этомъ поляки опоздали. Слухи о возстаніи каторжанъ на „Кругоморскомъ тракту" дошли до Иркутска очень скоро. Приняты были энергическія мѣры: тотчасъ-же на мѣсто дѣйствія двинуты были два отряда; одинъ отрядъ подъ командой казацкаго майора Лисовскаго отправился изъ Иркутска по почтовой дорогѣ къ Култуку; другой — подъ начальствомъ майора Рика, доставленный на лошадяхъ въ Лиственичное, перевезенъ былъ пароходомъ черезъ Байкалъ и высаженъ у Посольскаго монастыря. Все это совершено было необыкновенно быстро. Поляки объ этомъ не знали, и въ то время какъ Ильяшевичъ съ Рейнеромъ подвигались на сѣверо-востокъ, къ Посольску, русское войско двигалось уже изъ Посольска имъ на встрѣчу. На одномъ изъ почтовыхъ станковъ, гдѣ поляки хотѣли запастись свѣжими лошадьми, они были встрѣчены выстрѣлами изъ-за плетней и строеній; авангардъ Рика сдѣлалъ тамъ засаду. Произошла стычка; поляки были отбиты. Впрочемъ, прорываться впередъ имъ не было и смысла, такъ какъ главныя силы врага находились впереди всего въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда. Поэтому, послѣ краткаго совѣща-

нія, они рѣшили отступить. По приказанію Рейнера подожжена была почтовая станція и вслѣдъ затѣмъ польская конница поворотила назадъ къ Мышихѣ.

Цѣлинскій въ-конецъ растерялся, когда услыхалъ объ этой неудачѣ. По свѣденіямъ Ильяшевича и Рейнера, русское войско очень скоро должно было появиться возлѣ Мышихи. Среди повстанцевъ произошелъ переполохъ; изъ отряда Цѣлинскаго стали перебѣгать въ лагерь несогласныхъ, такъ сказать мирныхъ, которыхъ въ Мышихѣ насчитывалось до четырехъ-сотъ человѣкъ. Число возставшихъ съ каждымъ часомъ уменьшалось.

24-го Іюня, на разсвѣтѣ, караульные отряда Цѣлинскаго замѣтили двигавшуюся изъ Мурина пѣхоту Шарамовича. Желѣзные наконечники на дубинахъ, которыми большинство пѣхоты было вооружено, блестѣли сквозь утренній туманъ, словно штыки. Радостными криками извѣстили караульные о приближеніи товарищей. Произошло общее оживленіе. Всѣ ожидали, что съ прибытіемъ Муринскаго отряда дѣла пойдутъ лучше; на Густава Шарамовича возлагались большія надежды: Шарамовичъ съумѣетъ внести больше порядка въ ряды повстанцевъ, Шарамовичъ выведетъ дѣло изъ неопредѣленнаго положенія и создастъ дальнѣйшій планъ дѣйствія. Всѣ почему-то ожидали, что отрядъ Шарамовича состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ нѣсколькихъ сотень хорошо вооруженныхъ людей. Донесенія Ильяшевича, не согласовавшіяся съ этими розовыми надеждами, игнорировались: всякому хотѣлось вѣрить въ иллюзіи. Дѣйствительность разбила эти иллюзіи. Однако, какъ бы тамъ ни было, появленіе ста пятидесяти человѣкъ свѣжихъ, не деморализованныхъ, все же внесло не мало оживленія среди мышихинскихъ повстанцевъ. Тутъ многіе знакомились другъ съ другомъ; много было и старыхъ друзей, разставшихся еще на родинѣ и послѣ нѣсколькихъ годовъ разлуки и скитаній по тюрьмамъ, встрѣтившихся теперь въ этихъ глухихъ мѣстахъ Сибири. Люди двигались по всѣмъ направленіямъ, разговаривали, шушукались.

По прибытіи Муринскаго отряда Цѣлинскій созвалъ военный совѣтъ. Коноводы возстанія собрались въ одинъ баракъ.

— Я пригласилъ васъ, панове, началъ Цѣлинскій, по обыкновенію глядя не въ лица присутствующихъ, а куда-то въ сторону, чтобы обсудить наше положеніе и сообща принять рѣшеніе. Всѣмъ вамъ, конечно, извѣстно, что отрядъ москалей двигается изъ Посоль-

ска на встрѣчу намъ, и не сегодня - завтра долженъ появиться возлѣ Мышихи. Признаться, я не ожидалъ, что обстоятельства сложатся такъ несчастливо... Я думалъ, что вы, пане Шарамовичъ, приведете съ собою по крайней мѣрѣ сотни три вооруженныхъ людей... Дѣйствительность не оправдала моихъ надеждъ.

— Вы доносили о положеніи дѣлъ въ Култукѣ и Муринѣ? спросилъ Шарамовичъ, обращаясь къ Ильяшевичу.

— Да, отвѣтилъ тотъ.

— Панъ Ильяшевичъ мнѣ доносилъ... Но развѣ можно назвать отрядомъ приведенную сюда кучку людей, вооруженныхъ палками?

— Откуда-же было достать ружей? спокойно замѣтилъ Шарамовичъ, потомъ добавилъ: — Въ Култукѣ и Муринѣ сдѣлано было все, что возможно было сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ.

— Я хочу сказать, продолжалъ Цѣлинскій, что съ нашими силами намъ невозможно бороться съ непріятелемъ; мы не можемъ принять битвы. На мой взглядъ намъ надо ретироваться. Какъ ваши мнѣнія, панове, по этому вопросу?

— Раньше чѣмъ высказаться, желательно было бы услышать, въ въ какомъ направленіи вы находите возможнымъ ретироваться? спросилъ Шарамовичъ.

— Вы, панове, конечно со мною должны согласиться, что единственная наша цѣль, это освобожденіе отъ московскихъ лапъ, заговорилъ Цѣлинскій, не отвѣчая на вопросъ Шарамовича. — Мы не для того взяли здѣсь оружіе въ руки, чтобы вести войну съ москалями. Это не Польша и не Литва, а Сибирь, и почвы для возстанія здѣсь нѣтъ. Насъ ничтожная горсть, мы не въ состояніи выдержать долгой борьбы въ этой пустынѣ. Намъ остается только пробиться за границу московскаго царства и этимъ способомъ спасти себя отъ неволи и каторжныхъ работъ. Въ виду подобной цѣли было бы чистымъ безуміемъ вступать въ битву съ врагомъ, у котораго несомнѣнно силъ значительно больше чѣмъ у насъ. Опять таки, я настаиваю на отступленіи.

— Да, да! Со всѣмъ этимъ мы, пожалуй, согласны... Но куда? Въ какомъ направленіи? съ нетерпѣніемъ спросилъ Шарамовичъ.

— Къ Култуку.

— Возвращаться назадъ?!

— Да, отъ Култука монгольская граница близко; изъ Култука легче пробраться за границу.

Среди тишины, наступившей въ баракѣ, послышался смѣхъ Шарамовича.

— Прошу выслушать меня, панове, и тогда вѣроятно вы оправдаете мой смѣхъ, проговорилъ онъ серьезно. Четыре дня тому назадъ поднято было возстаніе въ Култукѣ по распоряженію пана Цѣлинскаго; по распоряженію-же пана Цѣлинскаго цѣлыхъ четыре дня мы двигались оттуда сюда, въ Мышиху для присоединенія къ его отряду. Теперь онъ предлагаетъ двигаться обратно къ Култуку... Замѣтьте, москали въ эти четыре дня успѣли высадиться въ Посольскѣ и не сегодня-завтра будутъ въ Мышихѣ. Изъ Иркутска до Посольска москалямъ надо было сдѣлать шестьдесятъ верстъ сухопутныхъ, да переплыть Байкалъ... А знаете ли, панове, какое разстояніе между Иркутскомъ и Култукомъ? Всего на всего нѣсколько десятковъ верстъ почтовой дороги!.. Ха, ха, опять засмѣялся Шарамовичъ, нечего сказать, хорошъ планъ.

— Что васъ такъ разсмѣшило въ моемъ предложеніи? спросилъ Цѣлинскій обиженно.

— Не разсмѣшило, а разсердило! гнѣвно крикнулъ Шарамовичъ, приподнимаясь со скамьи. — И вы еще спрашиваете что?! Какъ что?! Неужто-же вы сами не понимаете?.. Почему вы, съ вашимъ отрядомъ, сразу не двинулись отсюда къ Култуку, а поступили обратно: заставили насъ двигаться сюда? Зачѣмъ мы потратили столько времени? Для чего мы морили людей?

— Я не ожидалъ, что москали такъ скоро успѣютъ занять Посольскъ... Раньше я имѣлъ планъ двигаться къ Посольску, оправдывался Цѣлинскій.

— Вы этого не ожидали?! Ну, такъ успокойтесь, пане Цѣлинскій, Култукъ, по моему мнѣнію, тоже давно занятъ русскими и отступленіе туда для насъ невозможно. Нужно быть осломъ, чтобы не предвидѣть этого! А отступимъ и встрѣтимъ тамъ москалей, что тогда предпримемъ? Куда предложите вы тогда ретироваться? Посольскъ занятъ, Култукъ занятъ; спереди и сзади москали; съ одной стороны озеро, по которому крейсируютъ непріятельскія суда, а съ другой... Шарамовичъ пріостановился, затѣмъ наклонясь къ Цѣлинскому и глядя ему въ глаза, произнесъ: непроходимая тайга, пане Цѣлинскій, съ другой стороны. Мы въ западнѣ и намъ отступать некуда.

Цѣлинскій поднялся со скамьи. Онъ очень обидѣлся на Шара-

мовича за то, что тотъ будто бы назвалъ его осломъ. Въ споръ вмѣшались другіе; принялись возражать Цѣлинскому, доказывать несостоятельность его плана; тотъ упрямо стоялъ на своемъ.

— Надо, однако, на чемъ нибудь покончить, замѣтилъ Шарамовичъ, молчавшій это время. — Предлагаю баллотировать вопросъ.

— Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ предводительства... Если вы этого не желаете, вы должны подчиниться моему рѣшенію и принять мой планъ, заявилъ Цѣлинскій.

— Когда вы такъ увѣрены были въ непогрѣшимости вашего плана, зачѣмъ созывали совѣтъ? Вамъ надо было отдавать приказанія, а не терять время на споры.

— Это мое дѣло.

— Не ваше, а общее дѣло! Вы должны подчиниться рѣшенію большинства! крикнулъ Шарамовичъ.

— Вовсе не долженъ... Да, наконецъ, пане Шарамовичъ, я отказываюсь съ вами бесѣдовать. Вы человѣкъ неделикатный, грубый. Панове, я снимаю съ себя всякую отвѣтственность; я больше не предводитель возстанія.

— Почему вы отказываетесь отъ предводительства? допытывался одинъ изъ присутствующихъ. — Вамъ принадлежитъ иниціатива; вы подали сигналъ къ возстанію; всѣ первые шаги сдѣланы были согласно вашимъ распоряженіямъ... Почему вы отказываетесь продолжать дѣло?

— Я уже объяснялъ причины... Странно, что вы на этомъ настаиваете, угрюмо отвѣтилъ Цѣлинскій и отошелъ въ уголъ барака.

Вслѣдъ затѣмъ Шарамовичъ принялся развивать свой планъ. Онъ находилъ нужнымъ принять битву съ москалями возможно скорѣе, въ виду деморализаціи, замѣтно развивавшейся въ отрядѣ подъ вліяніемъ бездѣйствія; по его мнѣнію, не было другого исхода, какъ пробиваться на рѣку Селенгу, гдѣ можно было даже надѣяться на поддержку возстанія со стороны Бурятъ. Присутствующіе, кромѣ Цѣлинскаго, сидѣвшаго молча, соглашались съ тѣмъ, что планъ, предлагаемый Густавомъ Шарамовичемъ, былъ единственный при данныхъ обстоятельствахъ. Скептики, совершенно не вѣрившіе въ возможность поддержки возстанія со стороны Бурятъ, и тѣ находили, что отступать было некуда, и что оставалось только пробиваться на Селенгу; по Селенгѣ до границы Манголіи находятся селенія, гдѣ по крайней мѣрѣ можно достать необходимые для жизни припасы.

— Весь отрядъ мы дѣлимъ на пять „плутоновъ"*), заговорилъ Шарамовичъ тономъ предводителя. — Надъ тремя плутонами пѣхоты будутъ командовать: Панковскій, Квятковскій и Кедронскій. Два плутона конницы поручаемъ вамъ, пане Котковскій, и вамъ, пане Ильяшевичъ.

Ильяшевичъ поднялся во весь свой высокій ростъ и важно поклонился, принимая это назначеніе.

Владиславъ Котковскій, сидя на скамьѣ, только кивнулъ головою.

По окончаніи военнаго совѣта коноводы вышли изъ барака и тотчасъ начались сборы къ выступленію отряда. Карабины, отнятые у конвойныхъ солдатъ, были розданы коннымъ; пѣхоту снабдили чѣмъ могли; только нѣкоторые получили ружья, большинство-же вооружилось желѣзными ломами, топорами, кирками, а то и просто дубинами. Отрядъ выступилъ. Впереди авангардомъ двигалась конница, сзади шли ряды пѣхоты, Шарамовичъ стоялъ въ лѣсу на возвышеніи съ правой стороны дороги, и смотрѣлъ на мимо проходившихъ повстанцевъ. Вѣтеръ дулъ съ Байкала прямо ему въ лицо, и его черная большая борода трепалась по груди. Деревья шумѣли; волны плескались о берегъ. Тучи ползли изъ-за горъ, темнѣвшихся на противуположной сторонѣ озера. Вскорѣ дальній берегъ исчезъ изъ вида; небо и вода смѣшались, приняли мутно-сѣрый цвѣтъ и образовали одинъ безграничный хаосъ. Сорвалась буря съ дождемъ. Высокія лиственницы скрипѣли, качаясь у самыхъ корней; вѣтви ломались и съ шумомъ падали на землю. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Молніи слѣдовали одна за другой; громъ отражался отъ тысячи предметовъ: то грохоталъ онъ у отвѣсной скалы, то въ ту же секунду съ оглушительнымъ трескомъ разсыпался между столѣтними деревьями. Гроза словно разыскивала кого-то по лѣсу.

Страшна природа въ такую минуту, и никогда, быть можетъ, человѣкъ не чувствуетъ себя такимъ слабымъ, ничтожнымъ, какъ въ грозу среди первобытнаго лѣса. И повстанцы это почувствовали. Уныло повѣся головы, они медленно двигались по грязной дорогѣ; сердце каждаго изъ нихъ было полно тяжелыхъ предчувствій. Предчувствія ихъ не обманывали; верстахъ въ пятнадцати отъ нихъ по тому же тракту, только на встрѣчу имъ, шло русское войско подъ командой майора Рика. Русскіе двигались медленно, осторожно, съ

*) Плутонъ — родъ взвода въ 50 человѣкъ.

остановками, осматривая чуть не всякій придорожный кустъ, чуть не всякую скалу, ущелье, гдѣ могла скрываться засада.

Конные поляки, бывшіе впереди, издали замѣтили русскихъ, поворотили и дали знать своимъ. Шарамовичъ распорядился, чтобы конница воротилась въ Мышиху, навьючила лошадей провіантомъ и затѣмъ явилась на мѣсто дѣйствія. Пѣхотѣ же онъ далъ приказъ остановиться.

Отрядъ остановился. Гроза прекратилась. Солнце выглянуло изъ за тучъ, которыя, совершивъ свое дѣло, уносились теперь обратно въ горы. Поляки осмотрѣли мѣстность, выбрали удобные пункты для защиты... Но въ это время произошло событіе, окончательно разрушившее всѣ ихъ надежды.

Цѣлинскій, отказавшійся отъ предводительства, далеко однако не отказался отъ своего плана... И вотъ, лишь только конные поляки показались въ Мышихѣ, Цѣлинскій, находившійся тамъ, принялся ихъ убѣждать бросить Шарамовича. Уговаривая, онъ съумѣлъ разогрѣть у своихъ слушателей чувство самосохраненія, какъ извѣстно, рѣдко покидающее человѣка; затѣмъ и планъ Шарамовича онъ постарался представить въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и пророчилъ гибель всѣмъ его соучастникамъ. Онъ сталъ убѣдительно доказывать, что при данныхъ обстоятельствахъ бросить Шарамовича и его отрядъ пѣхоты, не будетъ измѣной дѣлу; одному или двумъ оставить отрядъ было бы измѣной; но тутъ простое расхожденіе, такъ какъ конный отрядъ составлялъ почти половину всѣхъ возставшихъ. Въ заключеніе Цѣлинскій добавилъ, что онъ берется благополучно вывести ихъ за предѣлы русскаго царства.

Совершилось страшное дѣло: конный отрядъ, навьючивъ лошадей провіантомъ, выѣхалъ изъ Мышихи подъ предводительствомъ Цѣлинскаго, но не къ Шарамовичу на помощь, а въ противуположную сторону, по дорогѣ къ Култуку.

Три-четыре человѣка, не присоединившихся къ Цѣлинскому, прибѣжали и сообщили Шарамовичу и его друзьямъ эту ужасную вѣсть. Шарамовичъ выслушалъ извѣстіе, широко раскрывъ свои черные глаза; съ минуту онъ простоялъ неподвижно на мѣстѣ; потомъ присѣлъ, провелъ нѣсколько разъ обѣими руками по лицу, точно его вытиралъ, и затѣмъ ничкомъ упалъ на мокрую землю. Всѣ молчали. Нѣкоторое время длилась тишина. Наконецъ, одинъ изъ друзей Шарамо-

вича приблизился къ нему и тихо проговорилъ: — Густавъ, надо однако предпринять что нибудь: москали на носу.

Но Густавъ молчалъ.

Въ это время появилась депутація, посланная изъ Мышихи поляками, не принимавшими участія въ возстаніи.

— Отъ лица нашихъ товарищей умоляемъ васъ отступить, говорили депутаты. Пусть москали свободно войдутъ въ Мышиху, иначе они всѣхъ насъ сочтутъ за участниковъ возстанія и много невинныхъ пострадаетъ.

Друзья Шарамовича, наскоро посовѣтовавшись между собою, рѣшили уступить, и польскій отрядъ отступилъ за Мышиху.

Между тѣмъ майоръ Рикъо, владѣвъ Мышихою безъ сопротивленія и оставивъ тамъ для порядка небольшое количество солдатъ, съ остальными двинулся въ погоню за бунтовщиками. Не далеко отъ станка трактъ пересѣкается горною рѣчкой, тутъ-же впадающей въ Байкалъ и носящей названіе, какъ и самый станокъ, Мышихи. Черезъ рѣчку переброшенъ деревянный мостъ. Возлѣ этого моста по лѣсистому ущелью засѣли поляки и приготовились къ битвѣ. Здѣсь, возлѣ этого моста, совершился послѣдній актъ возстанія.

Русскій отрядъ приблизился; началась перестрѣлка; первое время ни съ одной стороны жертвъ не было, такъ какъ и тѣхъ и другихъ защищали деревья; но положеніе поляковъ уже въ самомъ началѣ было отчаянное: недостатокъ въ снарядахъ и малое количество ружей, большая часть которыхъ была взята конницею, дѣлали перестрѣлку для нихъ совершенно невозможной. Поэтому коноводы возстанія рѣшили попытать счастья въ рукопашномъ бою; построившись къ атакѣ, поляки вышли изъ-за деревьевъ и съ крикомъ побѣжали къ мосту. Солдаты направили выстрѣлы на дорогу; нѣсколько человѣкъ раненыхъ и убитыхъ упало на землю; среди поляковъ произошелъ переполохъ; они смѣшались и бросились въ разныя стороны... Одни, своротивъ съ тракта, попрятались за деревья; другіе, не останавливаясь, побѣжали лѣсомъ. Эта неудачная аттака произвела въ польскомъ отрядѣ полное смятеніе и панику. Скоро изъ трехъ плутоновъ пѣхоты на мѣстѣ дѣйствія держались только незначительные остатки.

Двѣ-три кучки повстанцевъ возобновили перестрѣлку.

За толстой лиственницей, сваленной вѣтромъ, сидѣлъ нѣкій Змі-

евскій, молодой человѣкъ, почти юноша; тутъ-же сидѣлъ въ засадѣ и Зигмунтъ Зборовскій.

— У тебя есть заряды? спросилъ Зміевскій.

— Только два, отвѣтилъ тотъ.

— А у меня одинъ... Прощай! Пора умирать, проговорилъ юноша.

Зборовскій не успѣлъ ему отвѣтить, какъ онъ уже поднялся на ноги и вскочилъ на лиственницу.

— Эй, вы! Стрѣляйте! громко крикнулъ Зміевскій, обращаясь къ солдатамъ и раскрылъ свою грудь.

Солдаты оторопѣли.

— Стрѣляйте, подлецы!!

Нѣсколько человѣкъ солдатъ вышло изъ за деревьевъ на трактъ; двое присѣли, чтобы лучше прицѣлиться... выстрѣлили... Но пули прожужжали въ воздухѣ, не попавши въ цѣль.

— Мерзавцы!.. Стрѣлять не умѣете!.. Смотрите какъ надо мѣтить!.. Зміевскій прицѣлился и выстрѣлилъ; одинъ солдатъ упалъ.

Послѣ этого солдаты принялись въ него стрѣлять, а онъ неподвижно стоялъ на лиственницѣ, отставивъ правую руку, въ которой держалъ незаряженное ружье.

Вдругъ онъ зашатался, тяжело вздохнулъ и повалился навзничъ, убитый наповалъ. Зборовскій, сидѣвшій за лиственницей, тоже почувствовалъ тяжелый ударъ въ голову, и рядомъ съ товарищемъ повалился и онъ на землю.

Въ это время небольшая кучка повстанцевъ опять побѣжала трактомъ на приступъ къ мосту. Опять солдаты направили выстрѣлы на трактъ; но въ этотъ разъ поляки не пришли въ смятенье; отчаяніе придало имъ силы: они достигли моста. Со стороны русскихъ отдѣлилось десятка два солдатъ и подъ командою офицера Порохова съ ружьями на перевѣсъ двинулись имъ на встрѣчу. Перестрѣлка прекратилась; у моста завязалась рукопашная. На Мысловскаго, бывшаго впереди, напалъ Прохоровъ съ обнаженною саблею; но Мысловскому удалось отбить саблю въ сторону и схватить того рукою за горло; въ борьбѣ оба упали на землю; къ Мысловскому на помощь подбѣжалъ одинъ мазуръ и ударомъ дубины убилъ Прохорова, но самъ тутъ-же былъ заколотъ содатами. Шарамовичъ получилъ нѣсколько ранъ; платье на немъ было изорвано въ клочья, лицо забрызгано кровью... Горсть повстанцевъ, вступившая въ эту отчаянную драку, конечно, вся погибла бы, если бы среди поляковъ не нашлись люди, то-

же смѣлые, но болѣе хладнокровнаго темперамента. Товарищи явившіеся на выручку, принялись силою тащить своихъ назадъ.

— Niech żyje Polska! кричалъ Шарамовичъ съ запекшимися губами въ то время какъ Ильяшевичъ тащилъ его за руку въ лѣсъ.

— Niech żyje Polska! слышалось изъ лѣса, но уже слабѣе, такъ какъ уцѣлѣвшая кучка повстанцевъ успѣла отойти довольно далеко отъ мѣста побоища.

Русскіе почему-то не преслѣдовали ихъ.

Когда Зборовскій очнулся, то на мѣстѣ уже не было ни поляковъ, ни русскихъ. Зміевскій мертвый лежалъ возлѣ него. Онъ вспомнилъ, что тоже былъ раненъ; ощупалъ свою голову и нашелъ на темени опухоль. Теперь онъ сообразилъ, что полученный имъ ударъ нанесенъ былъ ничѣмъ инымъ какъ ружьемъ Зміевскаго при его паденіи, Зборовскій всталъ, осмотрѣлся; кругомъ были деревья, камни, мшистыя кочки; дальше виднѣлся трактъ, за трактомъ опять деревья... Ни одной живой души!.. Возлѣ моста лежали неприбранные мертвецы... Niech żyje Polska... едва доносилось откуда-то изъ далека. „Крикъ дикаго козла въ горахъ слышнѣе“, подумалъ Зборовскій, печально улыбаясь. То кричалъ Густавъ Шарамовичъ, увлекаемый своими товарищами все дальше и дальше въ глубь тайги.

Зборовскій въ раздумьи постоялъ нѣкоторое время на мѣстѣ, потомъ побрелъ лѣсомъ безъ опредѣленнаго направленія; наконецъ, онъ поворотилъ и сталъ подыматься на гору. Съ каждымъ шагомъ вверхъ почва становилась тверже; мшистыя кочки исчезли; показалась желтая хвоя; онъ скользилъ по почвѣ, устланной хвоями, и часто падалъ на руки. Послѣ двухъ-часоваго подъема Зборовскій усталъ и остановился передохнуть. Вокругъ него стояли высокіе прямые стволы деревъ, какъ толстыя колонны, поддерживая вверху зеленый сводъ; въ лѣсу царила такая глубокая тишина, что ему страшно становилось нарушать ее, и всякій разъ онъ вздрагивалъ, когда нечаянно ломалъ ногою сухую вѣтку и будилъ лѣсное эхо: трескъ громко отражался отъ толстыхъ кривыхъ вѣтвей, переплетенныхъ высоко надъ его головою. Ни одной бѣлки, ни одного птичьяго голоса кругомъ!.. Вдругъ ему послышался скрипъ гдѣ-то въ самомъ верху дерева... но нѣтъ то не былъ скрипъ, а скорѣе нѣчто похожее на тихую, мелкую барабанную дробь. Само дерево издало этотъ звукъ, или что другое — одинъ богъ зналъ! И опять наступила самая полная тишина.

Тишина эта всецѣло овладѣла Зборовскимъ, и онъ двинулся впередъ осторожно, крадучись, словно боялся разбудить спавшія деревья.

Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ первыхъ числахъ Сентября Зборовскій введенъ былъ тюремнымъ надзирателемъ въ общую камеру иркутскаго тюремнаго замка; тутъ онъ засталъ уже десятки товарищей, арестованныхъ раньше. Никто не удивился его появленію; одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ только: „вотъ прибылъ и панъ Зборовскій“, словно такъ и слѣдовало ожидать. Его не окружили товарищи, какъ это было въ 62-мъ году въ виленской тюрьмѣ, гдѣ онъ также посаженъ былъ въ „общую“ камеру, — не принялись задавать десятки вопросовъ, на которые тогда онъ едва успѣвалъ отвѣчать. Теперь никто даже не спросилъ его: гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ арестованъ; повидимому, никому это не интересно было знать. А между тѣмъ Зборовскому казалось, будто проведены были годы въ разлукѣ. Въ его глазахъ всѣ товарищи какъ-то перемѣнились за это время, точно постарѣли. Ни пѣсенъ, ни разговоровъ. Тихо и мрачно было въ камерѣ.

Зборовскій сѣлъ на нары; къ нему подошелъ Заремба.

— До сихъ поръ оправдываются предсказанія Шарамовича; эти мерзавцы обвиняютъ всѣхъ: и принимавшихъ, и непринимавшихъ участія въ возстаніи, проговорилъ Заремба такимъ тономъ, будто на эту тэму онъ уже не разъ бесѣдовалъ съ Зборовскимъ.

— Слѣдовало ожидать, кратко отвѣтилъ тотъ.

— Обвинять за то, что мы не оказались шпіонами?! Что мы не донесли своевременно на своихъ товарищей?! Подлыя гадины!! Они всѣ холопы и шпіоны своего „батюшки царя“ и требуютъ отъ насъ того-же! Этого никогда, никогда не будетъ! Заремба говорилъ по польски, но выраженіе „батюшки царя“ вставилъ на русскомъ языкѣ.

— О, подлыя гадины!! повторилъ возмущенный Заремба. Я умру, но не сдѣлаюсь предателемъ...

— Скажите, всѣхъ переловили? прервалъ его Зборовскій.

— Всѣхъ, рѣшительно всѣхъ!

— И Шарамовича?

— Да, и Шарамовича, и Цѣлинскаго.

— Гдѣ арестовали Цѣлинскаго?

— Возлѣ Култука; онъ направлялся туда съ коннымъ отрядомъ въ надеждѣ пробраться оттуда въ Монголію, но встрѣченъ былъ казаками и его взяли.

— А Шарамовичъ?

— О, о немъ разсказываютъ ужасную исторію! Послѣ Мышихинской битвы — ихъ нѣсколько человѣкъ бѣжали въ тайгу; они думали пройти тайгою до монгольской границы. Цѣлыхъ три недѣли блуждали они по лѣсамъ и горамъ безъ одежды, безъ пищи... Каждую ночь коченѣли отъ холода, каждый день страдали отъ голода. Питались ягодами, кореньями... Одинъ разъ отравились, поѣвши какихъ-то ядовитыхъ растеній, но по счастью никто изъ нихъ не умеръ. Да, пане Зборовскій, со вздохомъ продолжалъ Заремба, у меня волосы стали дыбомъ, когда я слушалъ разсказъ объ этомъ ужаснѣйшемъ скитаніи. Такъ, блуждая по тайгѣ, выбрались они наконецъ на степь подъ Кяхтою, и тамъ были арестованы казаками, оберегающими монгольскую границу. Всѣ видѣвшіе ихъ послѣ ареста говорили, что они походили больше на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей: оборванные, измученные, изсохшіе; раны, полученныя нѣкоторыми изъ нихъ подъ Мышихою, загноились... Заремба умолкъ.

— Гдѣ сидитъ Шарамовичъ?

— Въ отдѣльномъ зданіи вмѣстѣ съ восемью другими, которыхъ москали считаютъ зачинщиками.

— Кого именно считаютъ зачинщиками?

— Главные, конечно, Шарамовичъ и Цѣлинскій; затѣмъ Рейнеръ, Арцымовичъ, Котковскій...

— Какъ идетъ слѣдствіе? прервалъ Зборовскій.

— Большинство держится прекрасно, а есть и болтуны, заботящіеся о томъ, какъ бы увернуться отъ наказанія. Понятно, среди такой массы привлеченныхъ къ слѣдствію, всегда слѣдовало ожидать, что болтуны найдутся; съ этимъ еще можно было бы мириться. Но вотъ грустный фактъ, пане Зборовскій, добавилъ Заремба, понизивъ голосъ. и наклонился къ Зборовскому, точно собирался ему сообщить важный секретъ, — вотъ что грустно: среди самихъ предводителей нашлись такіе... О Цѣлинскомъ разсказываютъ, что онъ очень путаетъ и всѣми силами оправдывается передъ москалями; а объ Арцымовичѣ ходятъ такіе слухи, что я и повторить ихъ не рѣшаюсь.

— Неужели!! воскликнулъ Зборовскій. А Шарамовичъ какъ?

— О, это наша гордость, отвѣтилъ Заремба, выпрямляя станъ и проводя пальцами правой руки по своему длинному усу.

— Кто ведетъ слѣдствіе?

— Какой-то Милютинъ, военный прокуроръ... Да вы скоро познакомитесь съ порядками; вѣроятно еще сегодня потянутъ къ допросу.

Заремба не ошибся: немного времени спустя, Зборовскаго вызвали для снятія показаній.

Слѣдствіе надъ поляками тянулось болѣе двухъ мѣсяцевъ; назначенъ былъ судъ. Число обвиняемыхъ достигло нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Прокуроръ Милютинъ обвинялъ; полякамъ дозволено было имѣть защитниковъ, но они отказались и защищались сами. Обвиняемые были раздѣлены по степенямъ виновности на шесть категорій. Къ первой категоріи причислено было восемь человѣкъ и всѣ восемь были приговорены къ смертной казни; по второй категоріи — присудили къ плетямъ и пожизненной каторгѣ, и т. д., по убывающимъ степенямъ.

Приговоръ суда былъ болѣе чѣмъ жестокъ, но это всегда нужно для того, что бы въ концѣ можно было разыграть судейскую камедію помилованій и смягченія наказаній. Послѣдовало смягченіе... Однако участь четырехъ человѣкъ была безповоротно рѣшена. Шарамовичъ и Цѣлинскій признаны были иниціаторами мятежа; Рейнера и Котковскаго обвиняли, помимо того, что оба были начальниками отрядовъ, перваго — въ томъ, что по его приказанію была сожжена почтово-телеграфная станція, — второго... Странно прозвучали слова прокурора въ ушахъ присутствующихъ! „Вы, гг. судьи, говорилъ онъ, должны помнить, что Котковскимъ совершено было въ Варшавѣ убійство дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фелькнера.‘

Фелькнеръ былъ убитъ въ 62-мъ году. Въ то время объ этомъ дѣлѣ въ Варшавѣ много говорили. Полиція употребляла всѣ мѣры для разысканія виновныхъ, но ея усилія оказались тщетными: не было никакихъ опредѣленныхъ указаній, никакихъ слѣдовъ. Даже среди поляковъ, членовъ революціонной организаціи, весьма немногимъ извѣстенъ былъ секретъ. Между тѣмъ Котковскій, виновникъ этого событія, воспользовался конскрипціей Велепольскаго и, зачислившись въ русскую армію, отправился для отбыванія воинской повинности въ Харьковъ. Прошло почти три года. О Фелькнерѣ успѣ забыть. Польское возстаніе было задушено; его участники

были перевѣшаны или сосланы въ Сибирь. Только тогда въ Варшавѣ русскому генералу Тухолкѣ удалось напасть на слѣды преступниковъ. Въ 65-мъ г. Котковскій былъ арестованъ въ Харьковѣ и привезенъ въ Варшаву. На слѣдствіи онъ сознался и былъ судимъ. Благодаря тому обстоятельству, что къ этому времени издано было особое правительственное распоряженіе, уничтожающее смертную казнь въ Польшѣ за политическія преступленія, Котковскій былъ приговоренъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ и сосланъ въ Сибирь.

Теперь, въ Иркутскѣ, русскому правительству являлся удобный случай примѣнить къ Котковскому варварскій законъ во всей его строгости, и оно схватилось за этотъ случай.

И такъ, оказывалось что убійство Фелькнера, надѣлавшее въ свое время много шума въ Варшавѣ, совершено было Котковскимъ. Убійство Фелькнера, — объ этомъ дѣлѣ единогласно тогда рѣшили, что оно совершено рукою героя, — принадлежало Котковскому... Для большинства подсудимыхъ это было неожиданной новостью. Въ тюрьмѣ вдругъ заговорили о Котковскомъ, заинтересовались имъ; многіе принялись разспрашивать о немъ, такъ какъ для нихъ онъ оказывался мало извѣстной личностью.

— Какъ узнало правительство? Кто могъ донести, волновались нѣкоторые.

— Дѣло это было открыто въ прошломъ году генераломъ Тухолкою, разъясняли другіе.

— И Котковскаго судили?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ прокуроръ упоминалъ теперь объ этомъ дѣлѣ? Какое отношеніе имѣетъ убійство Фелькнера къ Забайкальскому возстанію?

— Московское правосудіе: надо же ему выбрать, кого казнить.

— Да разскажите кто нибудь подробно объ этомъ дѣлѣ; о немъ далеко не всѣ знаютъ, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

И вотъ, минуту спустя, бывшіе въ камерѣ слушали слѣдующій разсказъ.

Фелькнеръ имѣлъ обыкновеніе пить кофе въ десятомъ часу утра, говорилъ разсказчикъ. Въ этотъ-то часъ подъѣхала однажды къ его дому пара лошадей, и изъ фаэтона выскочилъ жандармскій офицеръ. Швейцаръ, стоявшій у входной двери, собирался было сказать, что Фелькнеръ не принимаетъ, но офицеръ, ни на мгновеніе не ос-

танавливаясь, быстро прошелъ мимо него и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Всякій, кто жилъ тогда въ Варшавѣ, помнитъ, конечно, насколько тревожное было время. Швейцаръ не рѣшился принять мѣръ, объясняя себѣ торопливость офицера какимъ либо очень важнымъ дѣломъ, не допускающимъ ни малѣйшаго промедленія. Между тѣмъ офицеръ поднялся на лѣстницу и вошелъ въ пріемную. Жандармъ, дежурившій въ передней Фелькнера, увидя передъ собою офицера своего вѣдомства, засуетился и торопливо стянулъ съ его плечъ широкій плащъ. Офицеръ хорошо зналъ расположеніе комнатъ и, не теряя времени, съ портфелемъ въ рукѣ прошелъ въ одну изъ дверей, ведшихъ внутрь помѣщенія. Пройдя двѣ комнаты, онъ отворилъ дверь и неожиданно предсталъ предъ Фелькнеромъ. Генералъ сидѣлъ на диванѣ за столомъ; сбоку въ креслѣ сидѣла его жена; нѣсколько дальше стояла нянька съ ребенкомъ на рукахъ.

— Экстренная бумага, Ваше Превосходительство! проговорилъ офицеръ, вынимая изъ портфеля бумагу и подавая ее черезъ столъ. Фелькнеръ взялъ бумагу и принялся ее читать. Лицо его вдругъ страшно поблѣднѣло... Бумага та, панове, содержала его смертный приговоръ... Въ то-же мгновенье въ рукѣ жандармскаго офицера блеснулъ страшный стилетъ и Фелькнеръ мертвый свалился на полъ онъ не успѣлъ даже вскрикнуть. Жена упала въ обморокъ; нянька стала звать на помощь. Но офицеръ тѣмъ-же путемъ быстро возвращался назадъ. Выскочивъ въ пріемную, онъ крикнулъ жандарму: „пальто!“ накинулъ плащъ на плечи, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ фаэтонъ и скрылся за первымъ поворотомъ улицы. Вслѣдъ за тѣмъ по всему дому пронесся крикъ: „убійство! убійство!“ Все, что было живого, забѣгало, засуетилось; но было поздно: никого не поймали. Потомъ на слѣдствіи успѣли лишь выяснить, что тотъ офицеръ былъ молодой человѣкъ средняго роста, плечистый... Этотъ-то офицеръ и былъ, панове, Владиславъ Котковскій.

— Вовсе не такъ было! Я въ то время жилъ въ Варшавѣ, замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— И я тогда жилъ въ Варшавѣ, возразилъ разсказчикъ.

— Можетъ быть, но повторяю — дѣло было не такъ. Если желаете, панове, я разскажу; разскажу, вѣроятно, менѣе краснорѣчиво, чѣмъ мой предшественникъ, но ручаюсь, что отъ меня вы услышите истину.

Присутствующіе изъявили желаніе послушать другой разсказъ, и второй разсказчикъ началъ:

— Послѣ Подвысоцкаго, котораго нашли однажды повѣшеннымъ въ его собственной квартирѣ, но успѣли во-время вынуть изъ петли и спасти ему жизнь, начальникомъ варшавской тайной полиціи москали назначили Фелькнера. Принявъ эту должность только въ Сентябрѣ 62-го г., уже въ Октябрѣ онъ успѣлъ проникнуть въ такія тайны, что „жонду народовому" пришлось серьезно подумать о предупрежденіи опасности. Фелькнеръ былъ необычайно ретивъ, и будучи хорошо знакомъ съ варшавской жизнью, сразу сдѣлался въ высшей степени опаснымъ человѣкомъ. „Жондъ" приговорилъ Фелькнера къ смерти и исполненіе этого приговора поручено было Владиславу Котковскому. Пять штилетниковъ, во главѣ которыхъ былъ самъ Котковскій, стали появляться на улицѣ „Твардой", гдѣ жилъ въ то время начальникъ тайной полиціи. Чтобы не обратить на себя вниманія, они проводили время въ кутежахъ по кондитерскимъ, а вечеромъ подходили къ квартирѣ Фелькнера подъ окно, возлѣ котораго тотъ имѣлъ обыкновеніе работать; лицо Фелькнера зналъ одинъ Котковскій; надо было изучить его остальнымъ штилетникамъ. 8-го Ноября 62-го года Котковскій еще съутра разставилъ своихъ соучастниковъ по Твардой улицѣ и приказалъ имъ караулить. Нѣсколько разъ Фелькнеръ проходилъ мимо нихъ, но они не могли сдѣлать нападенія: то одно, то другое мѣшало. Такъ прошелъ весь день. Только въ пять часовъ вечера совершилось убійство... въ пять — вечера, а не въ десять — утра, какъ было здѣсь разсказано. У квартиры возлѣ калитки поставлено было два штилетника: Шульцъ и Муляжъ; самъ же Котковскій спрятался за калиткою съ твердымъ намѣреніемъ самому покончить со шпіономъ, разъ другіе почему либо оплошаютъ. Глядя на улицу черезъ щель, Котковскій замѣтилъ, что его товарищи струсили и не рѣшались напасть на полицейскаго, приблизившагося уже къ самымъ воротамъ; тогда онъ выскочилъ изъ за калитки, схватилъ Фелькнера за горло и нанесъ ему стилетомъ три удара въ грудь; Фелькнеръ бездыханный повалился на землю, а штилетники тотчасъ разбѣжались въ разныя стороны. Но на этомъ не конецъ. По дорогѣ Котковскій вспомнилъ, что на мѣстѣ дѣйствія онъ забылъ свою бурку; поворотивъ назадъ, онъ засталъ уже кучку людей, стоявшихъ надъ трупомъ; Котковскій поднялъ бурку, вынулъ кинжалъ, на глазахъ толпы отрѣзалъ ухо у мертваго шпіона

и затѣмъ убѣжалъ. Изъ толпы нѣкоторые бросились его ловить, но благодаря сумеркамъ ему удалось скрыться. Ухо Фелькнера было потомъ представлено Котковскимъ въ „Центральный Комитетъ". Вотъ какъ было дѣло, закончилъ второй разсказчикъ.

— А знаете ли, панове, мнѣ всегда казалось что у Котковскаго лежитъ на сердцѣ нѣчто ужасное, заговорилъ одинъ изъ слушателей. Я жилъ съ нимъ нѣкоторое время въ одномъ баракѣ: страшно вспомнить какъ онъ стоналъ по ночамъ!.. Ночью, когда всѣ спятъ, онъ вскочитъ, бывало, и сидитъ на нарахъ — блѣдный, весь качается отъ усталости.

— Да, да, я помню тоже... замѣтилъ другой. Мнѣ передавали, что его чрезвычайно мучило убійство одной панны, совершенное имъ въ Варшавѣ. Въ эту панну онъ, говорятъ, былъ влюбленъ.

— Какъ-же это могло случиться? спросилъ кто-то.

— Ея братъ или родственникъ какой-то, къ которому она была очень привязана, арестованъ былъ въ Вильно, послѣ чего она задумала отправиться къ Муравьеву съ предложеніемъ: выдать все ей извѣстное о польскомъ дѣлѣ, лишь бы освободили ея брата. Котковскій объ этомъ узналъ и убилъ ее.

— Это вѣрно, подтвердилъ третій. Могу еще добавить, что убійство этой панны случилось дня за два или за три до убійства Фелькнера.

— Какая ужасная исторія!!

— Еще бы не ужасная: быть вынужденнымъ убить того, кого любишь! Не удивительно, что онъ всегда былъ такой мрачный! А какъ онъ отъ всѣхъ сторонился! Чуть сойдется нѣсколько человѣкъ и поднимутъ общій разговоръ, или начнутся шутки — онъ тотчасъ отходитъ въ сторону. Слова отъ него, бывало, не добьешься! Тогда мнѣ совершенно было неизвѣстно его прошлое, но и тогда у меня уже составилось о немъ убѣжденіе какъ о человѣкѣ необыкновенномъ.

— Ну, разсказывайте теперь заднимъ числомъ! замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. Почему этого прежде не говорили? Напротивъ, — видѣли, что онъ сторонится и сами всѣ отъ него сторонились. А вотъ, панове, что мнѣ сообщилъ смотритель: будто послѣ суда одна важная персона заходила къ Рейперу и Котковскому и предлагала имъ подать прошенія о помилованіи; „нашъ царь милостивъ!" добавила персона. Котковскій разсмѣялся и отвѣтилъ: „Вѣрю, что

вашъ царь милостивъ, и я готовъ подать ему прошеніе, что бы онъ не откладывалъ моей казни".

— А Рейнеръ?..

— Рейнеръ выругался.

Такимъ образомъ, въ представленіи его товарищей фигура Котковскаго мало-по-малу росла и превращалась въ героическій образъ. Даже его мрачность, нелюдимость, раньше отталкивавшая всѣхъ, теперь вспоминалась какъ признакъ душевнаго величія. Однако, по справедливому замѣчанію одного изъ собесѣдниковъ, все это было „заднимъ числомъ"; Котковскій становился достояніемъ исторіи.

Зборовскій сидѣлъ на нарахъ и слушалъ разсказчиковъ. Котковскаго онъ зналъ съ дѣтства; но этотъ Котковскій совершенно не походилъ на того, о которомъ шла теперь рѣчь въ камерѣ. Потерявши его изъ вида въ 62-мъ году, подобно большинству заключенныхъ, онъ не зналъ ни о дѣлѣ Фелькнера, ни о дальнѣйшей судьбѣ Владислава. Новые крупные факты накладывали новую тѣнь на знакомый ему образъ, и онъ чувствовалъ, какъ постепенно создавалось въ его умѣ новое представленіе о Котковскомъ. У него незамѣтно стало возникать къ нему какое-то очень странное чувство. Вспомнился Зигмунту почему-то его старшій братъ, умершій лѣтъ семь тому назадъ; въ его памяти живо воскресла та минута, когда онъ стоялъ надъ трупомъ и всматривался въ лицо покойника; глаза мертвеца были закрыты; но густыя темныя брови, лобъ, подбородокъ — словомъ всѣ черты лица остались прежнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ ужасно перемѣнился! Что-то таинственное легло между нимъ и братомъ, и отдѣлило ихъ навсегда другъ отъ друга. Ему тогда казалось, — да это такъ и было, — что онъ готовъ былъ рѣшительно все сдѣлать для этого дорогого ему трупа; интересы жизни были забыты; не задумываясь, онъ отдалъ бы тогда все, что потребовали бы отъ него... Но то было новое чувство; оно не походило на ту любовь, которую онъ питалъ къ нему при жизни.

Теперь Зигмунтъ почувствовалъ къ Владиславу нѣчто аналогичное тому, что чувствовалъ нѣкогда къ умершему брату. Образъ Владислава въ его представленіи совершенно перемѣнился, подобно лицу мертвеца. Не потому ли однако, что Владиславъ и на самомъ дѣлѣ скоро будетъ мертвецомъ?.. Ну, а если онъ сію минуту войдетъ къ нимъ въ „общую" камеру?.. Но онъ не войдетъ больше никогда въ „общую" камеру, и Зигмунтъ никогда больше не увидитъ его...

По какому праву люди осмѣливаются осуждать на смерть другихъ людей? Какая польза, какой смыслъ въ этой отвратительной, цинической жестокости? Собраться толпою въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, привести связаннаго и убить его на глазахъ всего міра!.. Во сто кратъ нравственнѣе самое гнусное убійство изъ-за угла! Онъ больше не увидитъ Владислава никогда, никогда... Слово: **никогда** десятки, сотни разъ пробѣгало въ мысляхъ Зборовскаго; оно звучало ему въ ушахъ точно кто-то нашептывалъ его. А отъ этого слова вѣяло холодомъ. У Зборовскаго родилось непреодолимое желаніе увидѣть Котковскаго еще хоть одинъ разъ.

Подъ вліяніемъ этого чувства онъ послалъ Котковскому записку, и, спустя нѣкоторое время, получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ. „Изъ твоей записки вижу, что ты очень озабоченъ моей судьбой; тебя пугаетъ моя участь; ты не можешь подумать о ней безъ ужаса... Какъ ты добръ, Зигмунтъ, и какъ я всегда любилъ тебя за твою доброту!.. Но тревожишься ты все таки напрасно, совершенно напрасно, мой дорогой! Въ своей тревогѣ ты упускаешь изъ виду мое настроеніе, а въ данномъ случаѣ это едва-ли не самое главное. Со дня приговора я почти веселъ и спокойно ожидаю казни. Послѣдніе дни даже сплю хорошо: ни одного сновидѣнія! Такъ спалъ я только въ дѣтствѣ, въ томъ сараѣ, что стоялъ на дворѣ моихъ родителей. Въ лѣтнія ночи мы съ тобою часто спали тамъ; старикъ Ясь тоже бывало примащивался возлѣ насъ и разсказывалъ намъ сказки... Зигмунтъ, помнишь ли ты этотъ сарай? Помнишь-ли ты одну, страшно пугавшую насъ сказку, какъ какой-то злой волшебникъ, необыкновенно малаго роста, и съ длиннѣйшими усами и бородою — борода была у него до самой земли — укралъ молодую дочь короля и заперъ ее въ свой волшебный замокъ? Дни она проводила въ полномъ уединеніи, а по ночамъ неизвѣстно откуда являлся маленькій волшебникъ и переходя изъ комнаты въ комнату мѣрнымъ шагомъ, громко пѣлъ: na pięḋź wąs, na pięź wąs, na łokieć broda! Wyjdź do mnie, wyjdź do mnie królewna młoda!*) А она, бѣдная, въ это время вся въ ужасѣ пряталась по уголкамъ... Я вотъ точно сейчасъ слышу, какъ Ясь поетъ эту ужасную пѣсню волшебника!.. На чистомъ лѣтнемъ небѣ мерцаютъ звѣзды; изъ сосѣдняго пруда хоръ лягушекъ доносится къ намъ въ сарай; въ сараѣ темно; Яся не видно;

*) На футъ — усы, на футъ — усы, на аршинъ — борода! Выйди ко мнѣ, выйди ко мнѣ, молодая королевна!

слышно только, какъ онъ поетъ пѣсню. Пропѣвши пѣсню, онъ продолжаетъ разсказъ, а мы въ эту минуту, укутавшись въ одѣяла, тѣсно прижимаемся другъ къ другу отъ страха... Мотивъ этой пѣсни дѣйствительно былъ какой-то странный... А сказка, насколько помнится, оканчивается убійствомъ королевны? Не правда-ли?“ *)

„Гдѣ-же теперь это все?.. Стоитъ-ли еще сарай, или же сгнилъ и обвалился? И что дѣлается съ нашимъ старичкомъ Ясемъ? Я слыхалъ, что онъ былъ арестованъ... Вѣроятно и онъ покоится уже въ могилѣ. Ну, прощай, Зигмунтъ! Ты былъ моимъ другомъ дѣтства; ты — не правда-ли? — всегда будешь вспоминать своего маленькаго Владислава. Думай-же, что онъ умеръ еще въ дѣтствѣ.“

Въ концѣ письма стояла приписка: „Надѣюсь, что передъ казнью мнѣ разрѣшатъ проститься съ тобою.“

Приближался день казни. Не смотря на то, что приговоренныхъ къ смерти держали въ особомъ зданіи, находившемся въ другой части города, въ общихъ камерахъ тюремнаго замка наступила какая-то особая тишина; не только пѣть — старались даже говорить негромко, ходить — не стуча; если кто нарушалъ эти, сами-собою, безъ сговора установившіеся порядки, ему тотчасъ давали почувствовать неумѣстность его поведенія. Всѣ ждали грознаго часа. Напряженіе нервовъ было такъ велико, что минуты превращались въ часы, часы въ дни.

26-го Ноября въ корридорѣ послышался шумъ и звонъ двигавшагося вооруженнаго конвоя. Заключенные — побуждаемые любопытствомъ — столпились у двери, стараясь заглянуть на корридоръ черезъ дверное оконце. Поровнявшись съ дверью, конвой остановился; Котковскій подошелъ къ оконцу.

— Зигмунтъ! крикнулъ онъ.

Зборовскій, сидѣвшій на нарахъ, узналъ голосъ, поблѣднѣлъ и, торопливо соскочивъ на полъ, побѣжалъ къ дверямъ. Толпа, стоявшая возлѣ дверей, разступилась.

— Нельзя-ли отворить камеру? послышался голосъ Котковскаго.

— Въ камеру не приказано васъ пускать, отвѣтилъ другой голосъ.

— Ну, будь счастливъ, Зигмунтъ! сказалъ тотъ, поворотившись лицомъ къ двери и просовывая руку въ дверное оконце.

Зигмунтъ, обезумѣвшій отъ горя, схватился обѣими руками за

*) По сказкѣ молодая королева избавляется отъ рукъ волшебника.

руку Котковскаго и прильнулъ къ ней губами. Рука Котковскаго задрожала; онъ попытался освободить ее.

— Ради Христа! воскликнулъ Зборовскій. Слезы потекли изъ его глазъ; разъ или два онъ всхлипнулъ и потомъ, какъ дитя, громко на всю камеру заплакалъ.

— О Зигмунтъ... чуть слышно донеслось изъ за двери.

— Пора, замѣтилъ конвойный офицеръ.

Котковскій крѣпко сжалъ пальцы Зигмунта и выдернулъ руку изъ оконца.

— Прощай! Прощай!.. гудѣло ему въ слѣдъ изъ камеры.

Утромъ слѣдующаго дня по городу Иркутску медленно двигался кортежъ, состоявшій изъ двухъ дрогъ, окруженныхъ массой войска. На переднихъ дрогахъ сидѣли Шарамовичъ и Котковскій, на заднихъ — Рейнеръ и Цѣлинскій. Не смотря на сильный холодъ, преступники были въ однихъ сѣрыхъ, арестантскихъ халатахъ. Тихо — шагъ за шагомъ — подвигалась процессія по предмѣстью, называемому Ушаковка, гдѣ должна была совершиться казнь. Толпа народа слѣдовала сзади; одни перебѣгали впередъ, торопясь раньше добраться и занять удобное мѣсто, другіе бѣжали куда-то въ стороны, должно быть, звать пріятелей на торжество, готовившееся для иркучанъ. Послѣ часового шествія кортежъ приблизился къ мѣсту назначенія. Четыре деревянныхъ столба, съ выкопанными возлѣ нихъ могилами, стояли за чертой города. День былъ страшно холодный: въ воздухѣ стояла „копоть". Сухой снѣгъ громко скрипѣлъ отъ людскихъ шаговъ. Кусты рододендронъ, росшіе вблизи, низко склонили свои вѣтви подъ тяжестію инея.

„Преступники" слѣзли съ дрогъ и остановились въ глубокомъ снѣгу, засыпавшемъ ихъ ноги выше арестантскихъ „котовъ".

— На караулъ! раздалась команда.

Всѣ солдаты — какъ одинъ — выставили свои ружья впередъ и замерли въ позиціи. Началось чтеніе приговора.

Слѣва стоялъ Шарамовичъ, устремивъ свои большіе черные глаза на жандармскаго капитана, находившагося вблизи отъ него; тотъ не выдержалъ этаго взгляда и въ смущеніи опустилъ голову. Нѣсколько сзади Шарамовича, съ опущенной на грудь головою, стоялъ Цѣлинскій; лицо его трудно было разсмотрѣть; видны были только его длинные сѣдые усы; по вздрагивавшимъ длиннымъ усамъ было замѣтно, что онъ про себя шепталъ что-то: должно быть молился.

Котковскій и Рейнеръ стояли справа. Котковскій безучастно поворачивалъ голову то въ одну то въ другую сторону и осматривалъ окружающихъ тусклымъ взоромъ. Рейнеръ переступалъ съ ноги па ногу, отряхивалъ снѣгъ, билъ одной ногой о другую; видимо ему было холодно и на его молодомъ, отъ мороза синеватомъ лицѣ выражалась досада. Но вотъ тусклые глаза Котковскаго оживились, — онъ улыбнулся... Показалось ли ему смѣшнымъ какое либо выраженіе приговора, или же онъ вспомнилъ что либо?.. Очень можетъ быть, что онъ вспомнилъ панну Розалію; въ эту минуту воспоминаніе о ней вовсе не было для него тяжелымъ.

Приговоръ былъ прочтенъ. Поляки подошли къ столбамъ и размѣстились по одному. На казнь призванъ былъ ксендзъ Шверницкій: русское правительство заботилось, чтобы души казненныхъ „злодѣевъ" попали въ рай. Ксендзъ поочередно подошелъ ко всѣмъ четыремъ и, совершивъ обрядъ исповѣди, удалился дрожа отъ страха; ксендзъ Шверницкій былъ старый человѣкъ. Отданъ былъ приказъ привязать преступниковъ къ столбамъ. Солдаты приблизились.

— Niech żyje Polska! громко крикнулъ въ эту минуту Шарамовичъ, и высоко вверхъ бросилъ свою арестантскую шапку.

Но откликнулся ему одинъ Рейнеръ.

— Самъ буду стоять, тихо говорилъ въ это время Котковскій солдату, привязывавшему его къ столбу.

Цѣлинскій съ опущенной головой шепталъ молитву.

Для кого же крикнулъ Густавъ Шарамовичъ? Кругомъ непрерывною цѣпью стояли русскіе солдаты; въ кругу сновали полицейскіе и жандармы; сзади солдатъ виднѣлись головы любопытныхъ иркутскихъ мѣщанъ... Ни одного смѣлаго лица, ни одного сочувственнаго взгляда!! Тутъ были враги, въ лучшемъ случаѣ — безучастные зрители, для которыхъ Польша была ничто... А до этой самой Польши страшно — страшно далеко отъ мѣста казни!..

Раздались выстрѣлы... И вотъ сосѣдніе кусты рододендроновъ сжалились тогда надъ Шарамовичемъ: они подхватили его предсмертный крикъ и перебросили на лѣвый берегъ Ангары; тамъ этотъ крикъ приняла тайга и пустила его прямо на западъ, все усиливая своимъ эхомъ.... — Niech żyje Polska! пронеслось по всему Привислянскому краю.

Вл. Дебагорій-Мокріевичъ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

(Статья четвертая и послѣдняя.)

Заканчивая предыдущую статью, мы сказали, что намъ остается лишь разобрать ученіе Чернышевскаго о кризисахъ и о народонаселеніи, чтобы покончить съ важнѣйшими его экономическими взглядами. Читатель понимаетъ, почему мы отнесли къ одному мѣсту разсмотрѣніе этихъ двухъ вопросовъ. Онъ увидитъ также, почему мы начинаемъ съ вопроса о народонаселеніи.

I

Вопросъ о народонаселеніи тѣсно связанъ съ именемъ Мальтуса. Люди, мало знакомые съ исторіей политической экономіи, обыкновенно полагаютъ даже, что Мальтусъ былъ первымъ, выдвинувшимъ его въ наукѣ. Это большая ошибка. О народонаселеніи писали гораздо раньше Мальтуса и — что всего важнѣе — писали гораздо основательнѣе его. Совсѣмъ не задаваясь цѣлью исчерпать здѣсь всю существовавшую до Мальтуса литературу этого предмета, припомнимъ, какъ смотрѣли на него нѣкоторые писатели XVIII-го вѣка.

Франклинъ въ небольшой статьѣ „Observations concerning the Increase of Mankind"*) и т. д. говоритъ, что какъ растенія, такъ и животныя, не исключая человѣка, способны размножаться съ поразительной быстротой, и что если бы земля „была свободна отъ другихъ обитателей, она въ короткое время могла бы быть совершенно заселена однимъ какимъ нибудь народомъ, напримѣръ англичанами." Размноженіе рода человѣческаго задерживается, цѣлымъ рядомъ препятствій, напримѣръ, дурнымъ управленіемъ, войнами и, въ особенности, недостаткомъ средствъ существованія. Задача правительства заключается въ томъ, чтобы обезпечить народу эти средства, потому что быстрый ростъ населенія означаетъ быстрый ростъ національнаго могущества и богатства. По мнѣнію Франклина, бѣлое насе-

*) Works. T II, p.p. 384 — 391.

леніе Сѣверной Америки удваивалось каждыя 20 лѣтъ. Но для примѣра онъ предполагаетъ, что періодъ удвоенія равняется „только 25 годамъ“, и затѣмъ показываетъ, въ какую могучую націю могъ бы превратиться какой нибудь милліонъ англичанъ, переселившихся въ Америку. „Какое увеличеніе силы Британской имперіи на морѣ и на сушѣ! — съ восторгомъ восклицаетъ онъ. Какой ростъ промышленности и судоходства! Какое множество кораблей и моряковъ!“

Подобно американцу Франклину, англичанинъ Уоллэсъ задался цѣлью показать, что человѣческій родъ можетъ размножаться чрезвычайно быстро, если только этому не мѣшаютъ неблагопріятныя условія, къ числу которыхъ и онъ относитъ прежде всего недостатокъ средствъ существованія. „Въ любой странѣ вы всегда найдете, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, она населена тѣмъ больше, чѣмъ больше количество производимой ею пищи, поскольку изобиліе пищи служитъ для народныхъ массъ поощреніемъ къ браку.“ Уоллэсъ держится того мнѣнія, что въ древнемъ мірѣ населеніе было значительно гуще современнаго. „Было бы очень желательно, замѣчаетъ онъ, чтобы внимательнѣе отнеслись къ великому недостатку населенія во всѣхъ странахъ, и чтобы постарались выработать надлежащіе планы для улучшенія этого положенія, такъ какъ благодѣтельный Творецъ природы предназначилъ землю главнымъ образомъ служить обиталищемъ человѣку, и такъ какъ, при подходящемъ воздѣлываніи, она могла бы кормить число людей, значительно превышающее то, которое населяетъ ее теперь.“ *)

Юмъ высказываетъ совершенно тѣ же взгляды относительно способности людей къ размноженію. Человѣческій родъ могъ бы болѣе чѣмъ удваивать свою численность съ каждымъ поколѣніемъ, если бы не препятствія (some difficulties in mens situation), вынуждающія людей сдерживать свое стремленіе къ дѣторожденію. Мудрое правительство обязано заботливо наблюдать и устранять эти препятствія (difficulties... which it belongs to a wise legislature carefully to observe and remove). **) Мимоходомъ Юмъ дѣлаетъ рядъ замѣчаній (напримѣръ о способности рабовъ къ размноженію, о дѣтоубійствѣ), которыя потомъ воспроизводитъ Мальтусъ, не называя источника.

Извѣстный Мирабо-отецъ считаетъ старой аксіомой ту мысль, что „люди плодятся какъ крысы въ хлѣбномъ амбарѣ, если у нихъ есть средства существованія.“ Мѣра этихъ средствъ служитъ мѣрой населенія. Но именно поэтому не войны и не эпидеміи препятствуютъ увеличенію народонаселенія (причиняемыя ими потери чрезвычайно легко пополняются), а роскошь, истребляющая средства существованія: „Заведите лишнюю лошадь въ странѣ, и вы можете быть увѣрены, что вы убьете тѣмъ по крайней мѣрѣ четырехъ человѣкъ.“ Мирабо далекъ отъ того, чтобы видѣть источникъ бѣдно-

---

*) „Essai sur la différence du nombre des hommes dans les temps anciens et modernes“, trad. par de Joncourt, Londres M. DCC. LIV, pp. 27 et 272.

**) Of the populousness of Ancient Nations, in „Essays and treatises“, London MDCCLIV, vol. IV, p. 139.

сти страны въ увеличеніи ея населенія: „дайте людей странѣ; если у нихъ нѣтъ денегъ, они привлекутъ ихъ.“ *)

Монтескье понимаетъ, что между размноженіемъ растеній и животныхъ съ одной стороны и размноженіемъ людей — съ другой есть огромная разница. „Самки животныхъ, говоритъ онъ, отличаются почти неизмѣнною плодовитостью. Но въ человѣческомъ родѣ взгляды, характеръ, страсти, фантазіи, капризы, желаніе сохранить красоту, неудобства беременности и слишкомъ многочисленнаго семейства нарушаютъ размноженіе на тысячу ладовъ.“ **) Это совершенно вѣрная мысль. Но Монтескье не умѣлъ свести къ одной коренной причинѣ тѣ многочисленныя условія, которыя „на тысячу ладовъ нарушаютъ размноженіе“ рода человѣческаго. Въ этомъ случаѣ онъ остался вѣренъ своему обычному характеру мышленія. Онъ вообще не умѣлъ подняться отъ понятія о взаимодѣйствіи соціальныхъ явленій до понятія объ ихъ общей основѣ, какъ это лучше всего видно изъ его книги о Римѣ.

Сэръ Джэмсъ Стэартъ въ своемъ, вышедшемъ въ 1767 г. „Inquiry into the principles of political economy“ высказываетъ болѣе глубокій взглядъ на народонаселеніе. Онъ понимаетъ, что существуетъ тѣсная связь между экономіей страны и ея населенностью†). Онъ различаетъ физическую невозможность прокормленія данной страной даннаго числа людей отъ моральной невозможности, обусловливаемой общественными отношеніями. Съ измѣненіями этихъ отношеній передвигается тотъ предѣлъ, по наступленіи котораго страна оказывается перенаселенной въ „моральномъ“ смыслѣ этого слова. Эти мысли Стэарта были далѣе развиты швейцарцемъ Герреншвандомъ, замѣчательное сочиненіе котораго††) вышло въ Парижѣ за нѣсколько лѣтъ до появленія перваго изданія „Опыта о законѣ народонаселенія“ Мальтуса.

---

*) L'ami des hommes ou traité de la population. Nouvelle édition, Paris 1758, première partie. pp. 20—21—22, 191.

**) L'esprit des loi, L. XXIII, ch. I.

†) Замѣчательна самая постановка вопроса у *Стэарта*. „Мы увидимъ, говоритъ онъ, какимъ образомъ законы промышленности вліяютъ на размноженіе и на земледѣліе“ (Кн. I, гл. II, стр. 29 французскаго перевода 1789 года). Стэартъ не считаетъ возможнымъ разсматривать вопросъ о народонаселеніи съ отвлеченной точки зрѣнія: „Я нахожу, что общія пропорціи всегда ошибочны“ — говоритъ онъ. „Въ сущности нѣтъ страны совершенно населенной, если подъ этимъ понимать число ея жителей, разсматриваемое независимо отъ потребленія или произведеній страны“... „*У свободнаго народа* (Стэартъ имѣетъ въ виду народъ, живущій при *буржуазныхъ условіяхъ производства*) *земледѣліе увеличиваетъ населеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой бѣдные получаютъ возможность покупать свою пищу своимъ трудомъ*“ (стр. 50). У Стэарта идетъ рѣчь даже о чемъ-то въ родѣ *экономическаго* подбора, существенно отличнаго отъ подбора *естественнаго*, о которомъ говорилъ впослѣдствіи *Дарвинъ*. Законъ *экономическаго* подбора устанавливается *Стэартомъ* неправильно: размноженіе привиллегированныхъ онъ считаетъ прямо пропорціональнымъ ихъ средствамъ существованія. Это достаточно опровергается хотя бы примѣромъ современной Франціи (ср. Ar. Dumont, Dépopulation et civilisation). Тѣмъ не менѣе Дарвину было бы гораздо полезнѣе прочесть Стэарта, чѣмъ Мальтуса.

††) De l'economie politique moderne. Discours fondamental sur la population. A Paris, l'an III de la République.

Указавъ на то, что предѣлы для размноженія рода человѣческаго бываютъ двухъ родовъ: физическіе и моральные, Герреншвандъ раздѣляетъ человѣчество по способамъ производства — или по способамъ ассоціаціи, какъ выражается онъ, — на три „класса", которые отличаются одинъ отъ другого почти какъ „отдѣльные роды": 1) охотники, 2) пастухи и 3) земледѣльцы. „Земледѣльческіе народы имѣютъ способность заставлять родиться свою пищу, такъ сказать, вездѣ, куда они являются, и кромѣ того эта пища можетъ быть переносима на огромныя разстоянія; это даетъ имъ то преимущество, что они могутъ скоплять населеніе въ такихъ мѣстахъ и, можно сказать, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ имъ вздумается. Такое положеніе земледѣльческихъ народовъ, совершенно противоположное положенію двухъ другихъ отдѣловъ рода человѣческаго, даетъ имъ возможность держаться различныхъ системъ въ образѣ жизни и въ способѣ удовлетворенія своихъ нуждъ; а это различіе системъ, уничтожая у нихъ однообразіе, царствующее у охотниковъ и пастуховъ, дѣлаетъ изъ нихъ какъ бы нѣсколько отдѣльныхъ родовъ. Земледѣліе вообще до такой степени видоизмѣняетъ растенія, животныхъ и людей сравнительно съ ихъ первоначальнымъ состояніемъ, что „природѣ трудно было бы узнать себя въ своихъ твореніяхъ." *) Въ виду того, что различные земледѣльческіе народы придерживаются различныхъ системъ въ способахъ удовлетворенія своихъ нуждъ (т. е. различныхъ способовъ производства), они подчиняются различнымъ законамъ народонаселенія.**) Да и въ средѣ одного и того же народа законы народонаселенія неодинаковы для различныхъ классовъ, напримѣръ, для рабовъ и для свободныхъ людей. Современную ему буржуазную систему Герреншвандъ называетъ системой земледѣлія, основанной на мануфактурной системѣ, и считаетъ ее „самой смѣлой системой, какую только могъ придумать человѣческій родъ для обезпеченія своего существованія." Во всѣхъ другихъ системахъ „всѣмъ людямъ обезпечено прочное существованіе; но въ системѣ земледѣлія, основанной на мануфактурной системѣ, половина націи оказывается въ самомъ необезпеченномъ положеніи... безъ опредѣленныхъ средствъ существованія, безъ увѣренности въ возможности пріобрѣсти ихъ посредствомъ труда, имѣя хлѣбъ сегодня, а завтра умирая съ голоду".†) Судьба этой части націи зависитъ отъ колебаній всемірнаго рынка. „Когда внѣшняя торговля уменьшается постепенно или внезапно прекращается для какой нибудь вѣтви промышленности, тогда люди, занимающіеся ею, постепенно приходятъ или вдругъ попадаютъ въ такое положеніе, что имъ остается только искать помощи у правительства. И если у правительства нѣтъ ни способности, ни желанія найти для нихъ новыхъ потребителей ихъ издѣлій, — они непремѣн-

*) Назв. соч. стр. 16 и 286.

**) Вообще, по мнѣнію Герреншванда, способъ удовлетворенія нуждъ, система экономическихъ отношеній, оказываетъ глубокое вліяніе на всѣ привычки и склонности народа. Такъ, причину воинственности древнихъ римлянъ онъ видитъ въ системѣ мелкаго землевладѣнія (стр. 23).

†) Назв. соч. стр. 41.

но должны или покинуть свою страну, чтобы искать себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ, или просить подаянія, или погибнуть отъ нищеты, потому что тогда земледѣльцы перестанутъ производить предназначавшуюся для нихъ пищу или будутъ вывозить ее за границу.“ *) Классическая страна капитализма, Англія, поражала Герреншванда огромнымъ количествомъ не имѣющихъ работы „бѣдняковъ и бродягъ.“ Онъ говоритъ, что увеличенія ихъ числа нельзя объяснить ни лѣностью англійскаго народа, ни дѣйствіемъ нелѣпыхъ законовъ о бѣдныхъ, ни („еще того менѣе“) излишнимъ размноженіемъ, такъ какъ Англія далеко не достигла той цифры населенія, которую она способна прокормить. Онъ высказываетъ даже то предположеніе, что пауперизмомъ Англія обязана развитію машиннаго производства.**) Какъ бы тамъ ни было, главнаго виновника такого положенія дѣлъ онъ долженъ былъ видѣть въ англійскомъ правительствѣ. Правительство обнаруживаетъ, по его словамъ, свою несостоятельность всякій разъ, когда данный народъ не производитъ всей той пищи, которую онъ могъ бы добыть, и всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ могла бы содержать его территорія. А въ такомъ положеніи находилась, по его словамъ, вся тогдашняя Европа, земледѣліе которой не производило и „половины того, что могло бы производить.“ ***)

Довольно. Подведемъ итогъ всему, что сказали намъ о народонаселеніи цитированные нами писатели. Многочисленное населеніе является источникомъ могущества и богатства страны. Мѣрой населенія служатъ средства существованія; поэтому „правительство“ не исполняетъ своей прямой обязанности, если не заботится объ ихъ увеличеніи. Количество пищи, добываемой въ каждой данной странѣ, зависитъ не только отъ ея плодородія и производительныхъ силъ, находящихся въ ея распоряженіи, но также и отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ эти силы употребляются въ дѣло. Современныя общественныя отношенія — самыя смѣлыя изо всѣхъ возможныхъ, по выраженію Герреншванда — ставятъ значительную часть народа въ совершенно необезпеченное положеніе, благодаря которому ей постоянно грозитъ голодная смерть, не смотря на то, что земледѣліе могло бы прокормить гораздо большее населеніе. Развитіе машиннаго производства, то есть увеличеніе производительныхъ силъ, можетъ, при современномъ порядкѣ вещей, быть причиной обѣдненія рабочаго класса. Наконецъ, для каждой системы общественныхъ отношеній и даже для каждаго общественнаго класса существуетъ свой особый законъ народонаселенія и перенаселенія. Только растенія и животныя отличаются почти неизмѣнною плодовитостью.

Изо всего этого слѣдуетъ такой выводъ: Хотя писатели восемнадцатаго вѣка склонны были разсматривать общественную жизнь съ очень, очень отвлеченной точки зрѣнія, но и они, съ большею

*) Тамъ же, стр. 60 — 61.
**) Тамъ же, стр. 69 — 70 и 246 — 247.
***) Тамъ же, стр. 284 и 98.

или меньшею ясностью, понимали уже, что вопросъ о народонаселеніи есть по преимуществу историческій вопросъ, и что нѣтъ одного, общаго для всего человѣчества, закона народонаселенія, а есть законы, свойственные различнымъ ступенямъ человѣческаго развитія.

Такъ обстояло дѣло съ вопросомъ о народонаселеніи, пока о немъ говорили безъ заднихъ мыслей, sine irae et studio. Потомъ пришло время, когда о немъ не могли уже говорить спокойно, когда онъ началъ возбуждать полемическія страсти. Почему произошло это, понять не трудно. Съ развитіемъ капитализма неразрывно связано было обѣдненіе народной массы. Положеніе „трудящихся бѣдняковъ" становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ, а въ тоже время число ихъ росло съ поразительной быстротою. Въ Англіи еще со временъ Елизаветы установленъ былъ, какъ извѣстно, налогъ въ пользу бѣдныхъ, который былъ очень не по вкусу имущимъ классамъ. Налогъ этотъ естественно увеличивался по мѣрѣ увеличенія числа нуждающихся въ общественной помощи. И вотъ явилась мысль показать, что онъ совершенно не достигаетъ цѣли (онъ и дѣйствительно не могъ уничтожить бѣдность) и что лучше всего оставить бѣдняковъ на произволъ судьбы и „естественныхъ законовъ." Но это еще не все. Французская революція показала, что съ „трудящимися бѣдняками" шутить опасно, что они могутъ причинить подчасъ много непріятностей имущимъ классамъ. Надо было постараться удержать бѣдняковъ на стезѣ добродѣтели. Надо было показать имъ, что ошибались люди, приписывавшіе недостатокъ продовольствія дурному политическому или общественному устройству. Надо было доказать, что въ бѣдствіяхъ рабочаго класса виновата природа, а не общественныя отношенія. Обширная литература по вопросу о народонаселеніи могла, при умѣломъ пользованіи ею, доставить очень хорошій матеріалъ для подтвержденія этой мысли. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ говорили, что человѣческій родъ способенъ къ чрезвычайно быстрому размноженію, но дурное общественное устройство или плохое управленіе мѣшаютъ ему дойти до тѣхъ предѣловъ, которые допускаются естественнымъ плодородіемъ земли. Попробуемъ разсуждать иначе. Человѣческій родъ стремится размножаться чрезвычайно быстро; средства же существованія далеко не могутъ рости съ такою быстротой. Отсюда бѣдность, отсюда пороки, отсюда всѣ тѣ несчастія, въ которыхъ безпокойные люди обвиняютъ правительства и господствующіе классы. Нищета — плодъ законовъ божескихъ, а не человѣческихъ. Если въ странѣ много бѣдняковъ, то некого винить въ этомъ, кромѣ самихъ бѣдняковъ, которые слишкомъ сильно плодятся. Невозможно придумать какія нибудь мѣры для серьезнаго улучшенія ихъ участи Если бы въ нынѣшнемъ году мы ухитрились изгнать бѣдность изъ нашей страны, то черезъ двадцать пять, двадцать, а то и пятнадцать лѣтъ ея населеніе стало бы вдвое больше, и тогда опять появилась бы нищета и всѣ связанныя съ нею бѣдствія. Участь бѣдняковъ зависитъ исключительно отъ нихъ са-

михъ. Пусть они перестанутъ размножаться, — бѣдность исчезнетъ мало по малу сама собою.

Такъ поставленъ былъ вопросъ о народонаселеніи въ концѣ XVIII вѣка защитниками интересовъ имущихъ классовъ. „Нелѣпо было бы утверждать — говоритъ Іосифъ Тоунзэндъ — что въ густо населенной странѣ никто не чувствуетъ нужды; если бы можно было пополнить то, чего недостаетъ нищимъ, то этимъ мы удвоили бы ихъ число и содѣйствовали бы ихъ размноженію до безконечности, что противорѣчило бы имѣвшейся въ виду цѣли. Можно было бы, правда, отстранить голодъ и удовлетворить этой потребности въ ущербъ другой (подъ этой другой потребностью Тоунзэндъ понимаетъ потребность физической любви); но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы опредѣлить относительное число людей, вступающихъ въ бракъ, потому что нѣтъ другого средства для ограниченія всего числа жителей. Изъ этого затрудненія не выведетъ никакое усиліе, и люди никогда не найдутъ болѣе естественнаго и лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ средства, какъ предоставить одной потребности ограничивать другую.“ [1]) Этими послѣдними словами Тоунзэндъ хочетъ сказать, что въ сущности бѣднякамъ надо предоставить выпутываться изъ нужды какъ они хотятъ и какъ умѣютъ. Для него и для подобныхъ ему изслѣдователей все дѣло въ этомъ, будто бы естественномъ выводѣ изъ „естественныхъ“ законовъ.

Для лучшаго уясненія этихъ законовъ Тоунзэндъ приводитъ слѣдующій примѣръ:

„Мореплаватели разсказываютъ объ одномъ островѣ на Великомъ океанѣ, Жуанѣ Фернандесѣ, названномъ такъ по имени открывшаго его капитана. Послѣдній высадилъ на этотъ островъ козла и козу. Эта счастливая пара, найдя богатыя пастбища, безъ затрудненія исполняла первую заповѣдь — плодиться и размножаться, пока не населила весь этотъ маленькій островъ. До той поры животныя не знали ни нужды, ни голода, и какъ бы гордились своею многочисленностью; но, по наступленіи этой несчастной эпохи, они начали испытывать недостатокъ въ пищѣ; такъ какъ они продолжали плодиться, то имѣли бы полное основаніе опасаться всѣхъ ужасовъ голода, если бы только они одарены были разумомъ. При этихъ новыхъ условіяхъ слабѣйшіе изъ нихъ погибли, и прежнее изобиліе водворилось. Такимъ образомъ, животныя испытывали поперемѣнно, то благосостояніе, то бѣдность, смотря по увеличенію или уменьшенію ихъ числа, которое слѣдовало за колебаніями количества ихъ продовольствія. Равновѣсіе это по временамъ нарушалось то повальными болѣзнями, то прибытіемъ какаго нибудь корабля, нуждавшагося въ пищѣ. Въ такихъ случаяхъ погибало огромное количество козъ; но остававшіяся въ живыхъ находили нѣкоторое утѣшеніе въ изобиліи, возстановлявшемся послѣ гибели ихъ товарищей, и въ прекращеніи опасеній голода. Такимъ образомъ все приходило въ порядокъ, и онѣ переставали непріязненно смотрѣть другъ на друга;

---

[1]) Voyage en Espagne, переводъ Пиктэ-Малэ, T. II p. 348.

всѣ имѣли достаточно пищи, всѣ были довольны, всѣ были счастливы. Итакъ, то, что могло бы показаться бѣдствіемъ. дѣлалось для нихъ источникомъ счастья; по крайней мѣрѣ частное зло вызывало всеобщее благо. — Когда испанцы узнали, что англійскіе каперы снабжались на этомъ островѣ продовольствіемъ, они рѣшили совершенно истребить на немъ козъ, и съ этой цѣлью высадили на него пару собакъ, самца и самку. Собаки въ свою очередь тоже размножились въ размѣрахъ найденнаго ими количества пищи; такъ что число козъ, какъ и предвидѣли испанцы, уменьшилось. Если бы онѣ были уничтожены совершенно, то погибли бы и собаки; но такъ какъ многія козы удалились въ горы, куда собаки не могли слѣдовать за ними, и такъ какъ онѣ сходили съ горъ рѣдко, только для отысканія себѣ пищи, то лишь менѣе осторожныя и болѣе дерзкія между ними становились добычей собакъ, а между собаками только самыя сильныя, ловкія и дѣятельныя могли добыть себѣ достаточно пищи. Такъ возникъ новый родъ равновѣсія: слабѣйшія животныя обѣихъ породъ были первыми жертвами новыхъ условій; болѣе дѣятельныя и сильныя уцѣлѣли. Такимъ же образомъ количество продовольствія опредѣляетъ численность и въ человѣческомъ родѣ.„ [1])

Мы нарочно выписали всю эту, довольно длинную притчу, потому что она содержитъ въ себѣ всю сущность „мальтусіанства.“ Убѣдительностью она, какъ видите, не отличается. Тоунзэнду хочется доказать, что численность данной породы опредѣляется количествомъ продовольствія. Но только первая половина притчи не противорѣчитъ этой мысли. Съ той поры, какъ на островъ пустили собакъ, размноженіе козъ перестало обусловливаться количествомъ пищи: собаки не давали имъ размножаться до той степени, которая допускалась природой острова. [2]) Можно, если угодно, выразиться иначе, можно сказать, что хотя размноженіе козъ и не переставало опредѣляться количествомъ пищи, [3]) но количество это зависѣло теперь уже *не отъ природы острова*, а отъ успѣшности собачьихъ нападеній на козъ. Если бы козы, терпя недостатокъ продовольствія въ своихъ горахъ, вздумали заняться изслѣдованіемъ вопроса о народонаселеніи, онѣ должны были бы прійти къ тому выводу, что нужда ихъ обусловливается не физическими, а „моральными“ причинами, т. е. не недостаткомъ растительности, а собачьимъ нашествіемъ, мѣшающимъ имъ воспользоваться всей той пищей, которая находится на островѣ. Придя къ такому выводу, козы задумались бы, можетъ быть, о томъ, какъ бы отодвинуть имъ „моральный“ предѣлъ ихъ размноженія, какъ бы получше защитить имъ себя отъ собакъ. Положимъ, что имъ удалось придумать средство, съ помощью котораго имъ можно было совершенно очистить островъ отъ собакъ. Онѣ въ восторгѣ, а собаки въ отчаяніи: козьи выдумки грозятъ имъ совер-

---

[1]) Тамъ же, Т. II, стр. 341—344. Смотри также приложенія къ русскому переводу „Опыта о законѣ народонаселенія“ Мальтуса.

[2]) Это было замѣчено русскимъ переводчикомъ Мальтуса П. А. Бибиковымъ.

[3]) Хотя и это не совсѣмъ точно. Кромѣ пищи, размноженіе опредѣлялось навѣрное и другими естественными условіями.

шеннымъ нарушеніемъ всѣхъ „естественныхъ законовъ.“ И вотъ, чтобы образумить безпокойныхъ животныхъ, собаки въ свою очередь пускаются въ изслѣдованія о народонаселеніи. Онѣ доказываютъ, что безбожная затѣя козъ не принесетъ никому никакой пользы. Раздѣлавшись съ собаками, козы очень быстро размножатся, заселятъ весь островъ, и тогда опять почувствуется недостатокъ продовольствія. Въ виду этого гораздо разумнѣе оставить все въ прежнемъ положеніи. Если теперь собаки дѣйствительно ѣдятъ иногда козъ, то это, разумѣется, очень печально, но что же дѣлать? Козамъ суждено страдать на этомъ свѣтѣ. Таковъ законъ природы. Притомъ же козамъ стоитъ только захотѣть, чтобы улучшить свою участь, не прибѣгая къ безполезнымъ переворотамъ. Имъ надо лишь ограничить свое размноженіе. Чѣмъ меньше будетъ козъ, тѣмъ долговѣчнѣе и сытѣе окажется всякая коза въ отдѣльности. — Мы не думаемъ. чтобы подобная проповѣдь могла устранить предстоявшую революцію. Смѣшно пугать козъ *будущимъ* недостаткомъ продовольствія, когда онѣ страдаютъ отъ него уже *въ настоящее время.* Изгнаніе собакъ принесетъ имъ хоть нѣсколько лѣтъ благосостоянія, и этого уже достаточно, чтобы не отказываться отъ мысли объ изгнаніи.

Политико-экономическіе вопросы рѣшаются не притчами и не баснями. Притчи и басни ровно ничего не доказываютъ. Мы остановились на приводимомъ Тоунзэндомъ примѣрѣ единственно для того, чтобы показать, какой характеръ приняли изслѣдованія о народонаселеніи въ концѣ XVIII-го вѣка. Главною цѣлью ихъ было измышленіе доводовъ, которые помогли бы свалить съ имущихъ классовъ отвѣтственность за нищету рабочихъ и убѣдить „бѣдняковъ“ въ томъ, что они терпятъ нужду благодаря только своей собственной непредусмотрительности. Преданіе говоритъ, что Менецій Агриппа успокоилъ взволнованныхъ плебеевъ своей знаменитой басней. Начиная съ конца XVIII в. „опыты“ о народонаселеніи должны были играть роль именно этой басни.

Въ разсужденіяхъ Тоунзэнда, писавшаго еще *до* французской революціи, уже сквозитъ опасеніе очень серьезныхъ непріятностей со стороны „трудящихся бѣдняковъ.“ Онъ старается показать неудобства общественнаго порядка, основаннаго на „*общности имуществъ.*“ Говоря о Леонѣ (въ Испаніи), онъ пускается въ слѣдующія соображенія, которыми потомъ воспользовался Мальтусъ. „Число жителей этой страны должно быть ограничено сообразно ихъ средствамъ существованія. Если бы они установили общность имуществъ, то должны были бы — или опредѣлять по жребію, кому и кому слѣдуетъ выселяться, или умереть съ голоду. Впрочемъ, во избѣжаніе такаго исхода, они могли бы постановить съ общаго согласія, что только по два лица въ каждомъ семействѣ могутъ вступать въ бракъ“...*) Этотъ послѣдній яко бы исходъ указывается Тоунзэндомъ не спроста. Общество, ограничивающее „съ общаго согласія“ число лицъ, могущихъ вступать въ бракъ, должно произвести на читателя

*) Тамъ же, Т. I, стр. 321.

впечатлѣніе самой ужасной тираніи и вселить въ него благодѣтельное отвращеніе отъ всякой мысли объ общности имуществъ. Но не мѣшаетъ припомнить, въ чемъ видитъ Тоунзэндъ дѣйствительнѣйшее средство борьбы съ нищетою въ современномъ обществѣ. Не въ чемъ иномъ, какъ именно въ ограниченіи числа браковъ и вообще размноженія; таковъ смыслъ его словъ относительно ограниченія одной потребности (физической любви) другою (потребностью въ пищѣ). Но вѣдь ограниченіе числа браковъ есть самая вопіющая тиранія? И да, и нѣтъ! Оно оказывается вопіющей тираніей, когда устанавляется „съ общаго соглашенія“ и распространяется на все общество, вслѣдствіе чего можетъ коснуться самаго „почтеннаго“ человѣка. Иное дѣло, когда ограниченіе „одной потребности“ оказывается необходимымъ лишь для бѣдняковъ, живущихъ подъ вѣчной угрозой голодной смерти и виноватыхъ въ томъ, что ихъ произвели на свѣтъ бѣдные родители. Тогда названное ограниченіе является самой благоразумной и совершенно естественной мѣрой. Буржуазная логика никогда не смущалась подобными противорѣчіями. Но можетъ-ли она быть убѣдительной для пролетаріата?

Взгляды Тоунзэнда цѣликомъ воспроизводятся въ книгѣ Мальтуса, заслуга котораго сводится лишь ко внесенію новой путаницы въ постановку вопраса о народонаселеніи.*)

II

Мальтусъ очень дешево купилъ ученую славу, не дороже, чѣмъ купилъ ее Ж. Б. Сэй. Даже люди, горячо нападавшіе на его ученіе

---

*) Извѣстно, что Марксъ назвалъ Мальтуса плагіаторомъ. Столь рѣзкій отзывъ кажется слишкомъ неприличнымъ всѣмъ „серьезнымъ“ ученымъ. Съ нимъ трудно было помириться даже Ф. А. Ланге. Нечего и говорить о людяхъ еще болѣе „почтенныхъ.“ Такъ, г. Зэтбееръ старается защитить честь Мальтуса въ своей книгѣ: „Die Stellung der Sozialisten zur Malthus'schen Befoelkerungslehre“. (Книгу эту увѣнчалъ преміей геттингенскій университетъ). По его мнѣнію, только разсмотрѣніе перваго изданія „Опыта“ Мальтуса могло бы окончательно разрѣшить споръ, вызванный рѣзкимъ упрекомъ Маркса (г. Зэтбееръ не могъ достать этого изданія). „А пока, наивно прибавляетъ онъ, мы не имѣемъ никакого основанія вѣрить Марксу больше, чѣмъ Мальтусу“ (стр. 34). Но Марксу едва-ли когда приходило въ голову просить нѣмецкихъ „ученыхъ“ вѣрить ему на слово. Единственное, чего онъ могъ требовать отъ нихъ,—это знакомство съ тѣми предметами, о которыхъ они вздумаютъ говорить. „Не ясно — замѣчаетъ г. Зэтбееръ — относится-ли, и на сколько относится упрекъ въ плагіатѣ къ послѣднимъ изданіямъ сочиненій Мальтуса. Если — да, то несостоятельность его обнаруживается какъ приведенными (г. Зэтберомъ) мѣстами изъ предисловія ко второму изданію, гдѣ Мальтусъ называетъ свои источники, такъ и способомъ обработки предмета“. Во-первыхъ мы не знаемъ, какъ это могутъ быть не ясны г. Зэтбееру совершенно *ясныя* слова Маркса о *первомъ* изданіи, а во-вторыхъ, мы позволимъ себѣ спросить его, думаетъ-ли онъ, что Мальтусъ обнаружилъ большую самостоятельность въ дальнѣйшей „обработкѣ предмета“. Читалъ-ли г. Зэтбееръ предшественниковъ Мальтуса? Если-да, то пусть онъ укажетъ хоть одну — только одну! — мысль этого писателя, *не* заимствованную у кого нибудь изъ нихъ. Съ своей стороны мы можемъ привести именно изъ послѣдующихъ изданій множество примѣровъ поразительной, доходящей до мелочей *не*самостоятельности Мальтуса.

о народонаселеніи, напримѣръ Чернышевскій, считали его замѣчательнымъ экономистомъ, ставили его имя рядомъ съ именами Смита и Рикардо. А между тѣмъ, достаточно прочитать его „*Основы политической экономіи*," чтобы увидѣть всю шаткость такого мнѣнія. Подобно Сэю, Мальтусъ былъ противникомъ Рикардо, и, еще разъ подобно Сэю, онъ не только очень слабо возражалъ Рикардо, но просто не въ состояніи былъ *понять* взгляды этого, дѣйствительно замѣчательнаго экономиста. Точка зрѣнія Рикардо навсегда осталась для него недостижимой ступенью научнаго мышленія. Все, что говоритъ онъ противъ Рикардо, можетъ по своему достоинству сравниться развѣ лишь съ возраженіями Сэя противъ того же писателя, или съ тѣми доводами, которые въ изобиліи измышляются теперь патентованными учеными для побіенія марксизма. [1]) Умъ Мальтуса, типическій умъ вульгарнаго экономиста, никогда не шелъ дальше поверхности явленій и никогда не отличался хотя бы самою элементарною послѣдовательностью. За какой вопросъ ни брался этотъ человѣкъ, онъ неизбѣжно запутывалъ его по той простой причинѣ, что не умѣлъ ясно поставить его передъ собою и твердо держаться разъ принятой постановки. Незамѣтно для себя онъ перескакивалъ отъ одной постановки къ другой, мѣшалъ въ одну кучу различные выводы, вытекающіе изъ различныхъ постановокъ вопроса, и кончалъ тѣмъ, что врядъ-ли и самъ понималъ, о чемъ собственно идетъ у него рѣчь въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Это, разумѣется, очень большой недостатокъ. Но замѣчательно, что именно этотъ-то недостатокъ и оказалъ ему огромную услугу при „изслѣдованіи" вопроса о народонаселеніи.

Мы видѣли, что многіе предшественники Мальтуса строго различали *физическіе* предѣлы размноженія отъ „*моральныхъ*" предѣловъ, зависящихъ отъ общественныхъ отношеній. Мы видѣли также, какъ ясно понимали нѣкоторые изъ нихъ то обстоятельство, что законы народонаселенія различны на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Такая постановка вопроса была очень неудобна для людей, желавшихъ сдѣлать изъ него оружіе противъ требованій пролетаріата. Эти люди стремились доказать, что бѣдствія пролетаріевъ происходятъ отъ перенаселенія. Но даже соглашаясь съ ними, можно было, — помня выводы прежнихъ изслѣдователей, — попросить ихъ объяснить, какими собственно причинами обусловливается перенаселеніе: физическими, или „моральными"? Происходитъ-ли оно отъ того, что почва страны не въ состояніи прокормить данное число людей, или только отъ того, что общественныя условія мѣшаютъ надлежащимъ образомъ воспользоваться плодородіемъ почвы? Въ интересахъ такъ называемаго общественнаго спокойствія необходимо было, во что бы то ни стало, избѣжать столь нескромныхъ и несвоевременныхъ разспросовъ. А этого легче всего было достигнуть устраненіемъ съ поля изслѣдованія всѣхъ общественныхъ элементовъ, отъ которыхъ въ дѣйствительности зависитъ рѣшеніе вопроса. *Ис-*

---

[1]) Для примѣра укажемъ на его разсужденія о стоимости, какъ въ вышеназванномъ сочиненіи, такъ и въ „Definitions in political Economy", ch. VIII.

торическіе законы народонаселенія должны были уступить мѣсто одному *отвлеченному закону*, дѣйствующему во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Мы знаемъ, что уже Тоунзэндъ очень ловко свелъ вопросъ на эту отвлеченную почву. Но Тоунзэндъ этимъ и ограничился. Онъ сдѣлалъ большую ошибку, не обезпечивъ себѣ отступленія, не выставивъ, для внушительности, такого историческаго матеріала, который помѣшалъ бы противникамъ обратить вниманіе на слабую точку позиціи, на полное отсутствіе историческаго взгляда на дѣло. Этотъ пробѣлъ пополненъ былъ Мальтусомъ. Появившійся сначала въ видѣ довольно тощей книжки, его *„Опытъ о законѣ народонаселенія“* постепенно (въ послѣдующихъ изданіяхъ) принялъ видъ чрезвычайно серьезнаго и обстоятельнаго изслѣдованія, полнаго самыхъ разнообразныхъ фактическихъ данныхъ.

Казалось бы, что это обиліе данныхъ должно было помѣшать ему исполнить свою задачу: установить отвлеченный законъ отвлеченнаго народонаселенія. Но, благодаря указанному характеру своего ума, онъ благополучно миновалъ и Сциллу, и Харибду.

По собственному признанію Мальтуса, онъ взялся за изслѣдованіе закона о народонаселеніи, руководимый желаніемъ приложить этотъ законъ „къ разъясненію нѣкоторыхъ теорій относительно усовершаемости человѣка и общества, теорій, на которыхъ сосредоточивалось въ то время общественное вниманіе.“ Самъ же онъ объясняетъ намъ, каковы именно были эти теоріи: главнѣйшая изъ нихъ, теорія Годвина, имѣла цѣлью показать „огромныя выгоды системы равенства.“ *„Разъясняя“* эту теорію, Мальтусъ выставляетъ противъ нея слѣдующій доводъ: „Главная ошибка Годвина состоитъ въ томъ, что онъ приписываетъ человѣческимъ учрежденіямъ всѣ пороки и всѣ бѣдствія, возмущающія общество. Въ политическихъ учрежденіяхъ и въ законахъ, касающихся собственности, онъ видитъ источникъ всѣхъ бѣдствій и всѣхъ преступленій. Но если бы это воззрѣніе было справедливо, то можно было бы не отчаяваться въ надеждѣ, что зло будетъ когда нибудь окончательно изгнано изъ окружающаго насъ міра, а разумъ человѣческій дѣйствительно будетъ орудіемъ такого благотворнаго преобразованія. Но дѣло въ томъ, что бѣдствія, причиняемыя человѣческими учрежденіями, между которыми нѣкоторыя представляются несомнѣнно вредными, оказываются крайне ничтожными и поверхностными сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями.“ [2]) Для доказательства этой мысли ему служитъ тотъ отвлеченный законъ, въ силу котораго населеніе всегда стремится будто бы перейти за предѣлы средствъ существованія. Изложенію закона посвящена первая глава первой книги „Опыта“. Тамъ мы встрѣчаемся

---

[1]) См. предисловіе ко второму изданію „Опыта.“ Всѣ наши ссылки относятся къ русскому переводу П. А. Бибикова.

[2]) Опытъ Т. II, кн. III, гл. 2, стр. 90 — 91.

съ пресловутыми *прогрессіями*, [1]) которыя, повидимому, не оставляютъ сомнѣнія въ справедливости закона, а слѣдовательно и той мысли, что вліяніе плохого общественнаго устройства оказывается „крайне поверхностнымъ и ничтожнымъ сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями.“ Такое именно впечатлѣніе и выноситъ читатель изъ этой главы. Но затѣмъ онъ переходитъ къ обширному, занимающему цѣлыхъ двѣ книги, изслѣдованію „о препятствіяхъ для размноженія населенія“ на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Тутъ онъ имѣетъ дѣло съ этнографическими, историческими и статистическими данными, которыя щедрой рукой разсыпаетъ авторъ. Онъ присматривается къ этимъ даннымъ,—и что же онъ видитъ? Неужели Мальтусъ позабылъ свое основное положеніе? Вліяніе человѣческихъ учрежденій оказывается далеко не такимъ ничтожнымъ, какимъ его хочетъ выставить авторъ. Порой дѣло доходитъ до того, что учрежденія представляются самой главной причиной экономическихъ бѣдствій, испытываемыхъ населеніемъ. Не угодно-ли вамъ вдуматься въ смыслъ, напримѣръ, слѣдующихъ явленій?

„Мунго Паркъ представляетъ намъ посѣщенныя имъ части Африки дурно обработанными и безлюдными. Путешественникъ этотъ встрѣчалъ обширныя и прекрасныя пустыни совершенно лишенными населенія. Пограничныя части различныхъ странъ, по которымъ онъ проѣхалъ, были либо слабо населены, либо вовсе безлюдны. Болотистые берега Гамбіи, Сенегала и многихъ другихъ рѣкъ, близь моря, повидимому вовсе оставлены, по причинѣ ихъ нездороваго климата. Но нельзя этого сказать о другихъ частяхъ страны. Глядя на ихъ удивительное плодородіе, на безчисленныя, покрывающія ихъ стада, которыя можно было бы употребить какъ въ работу, такъ и въ пищу; сообразивъ какъ бы легко было облегчить въ нихъ сообщенія посредствомъ внутреннихъ водяныхъ путей, нельзя не пожалѣть, говоритъ Мунго-Паркъ, что всѣ эти богатые дары природы остаются безъ употребленія, и что человѣкъ не употребляетъ въ свою пользу богатствъ, расточаемыхъ передъ нимъ этою дикою и дѣвственною природой.“ [2])

„Главная причина слабаго населенія Турціи, сравнительно съ ея протяженіемъ, состоитъ безспорно въ свойствѣ ея правительства. Тираннія, безсиліе, скверные законы, еще болѣе дурная администрація, а потому и необезпеченная собственность, представляютъ такія препятствія для земледѣлія, что оно съ каждымъ годомъ упадаетъ, а съ нимъ уменьшается и населеніе.“ [3])

---

1) Очень ошибся бы тотъ, кто сказалъ бы, что по крайней мѣрѣ прогрессіи эти придуманы самимъ Мальтусомъ. О способности человѣческаго рода къ размноженію по геометрической прогрессіи говорили и до него (Франклинъ, Уоллэсъ, Тоунзэндъ). Арифметическая прогрессія, кажется, придумана дѣйствительно самимъ Мальтусомъ Но трудно ли было придумать ее напр. послѣ разсужденій Тоунзэнда о томъ, что размножающееся по геометрической прогрессіи населеніе стремится обогнать средства существованія? Неужели простое ариѳметическое сравненіе можетъ быть названо открытіемъ?

2) Опытъ, книга 1, гл. VIII, стр. 194.

3) Тамъ же, кн. 1 гл, X, стр. 219.

Описавъ, на основаніи путешествій Брюса, состояніе Абиссиніи, Мальтусъ замѣчаетъ: „При такихъ естественныхъ и политическихъ условіяхъ высшая степень предусмотрительности, трудолюбія и безопасности, разумѣется, могла бы улучшить состояніе народа и, тѣмъ самымъ, увеличить ея населеніе. Но одно только увеличеніе числа рожденій, безъ содѣйствія другихъ мѣръ, можетъ только увеличить нищету, а населеніе отъ этого ничего не выиграетъ. То же самое можно сказать и о Египтѣ, нѣкогда столь цвѣтущемъ и населенномъ. Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія; не ослабленіе этаго закона причинило паденіе, которому мы удивляемся: ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность. Вотъ какимъ причинамъ, а также отсутствію безопасности и гнету притѣснительнаго правительства, слѣдуетъ приписать настоящее положеніе этой знаменитой страны. Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія. Будь онъ въ десять разъ сильнѣе, онъ не могъ бы сдѣлать ничего больше.“ [1])

Заглянемъ теперь въ „*Основы Политич. Экономіи*“ того же автора.. Тамъ онъ описываетъ, со словъ Гумбольдта, положеніе дѣлъ въ тогдашней испанской Америкѣ. Оказывается, что плодородіе этихъ земель поразительное. Двухъ дней труда въ недѣлю было бы достаточно, чтобъ прокормить цѣлую семью. Урожай маиса бываетъ иногда самъ — 800. Въ окресностяхъ Вальядолида самъ 130—150 есть средній урожай маиса. Въ наиболѣе безплодныхъ мѣсностяхъ урожай его бываетъ самъ 60, самъ 80. Тамъ, гдѣ ростутъ бананы, добываніе пищи еще менѣе затруднительно. Человѣку нужно тамъ „лишь срѣзать вѣтки, на которыхъ созрѣли плоды и окопать землю вокругъ корней разъ или два въ годъ“. При небольшой заботѣ о земледѣліи Мексика могла бы прокормить въ десять разъ большее число жителей. А между тѣмъ бѣдность въ испанской Америкѣ страшная, населеніе крайне рѣдкое. „Пространства въ нѣсколько квадратныхъ верстъ заняты какой нибудь парой хижинъ, вокругъ которыхъ бродятъ стада полудикихъ быковъ. Небольшое число могущественныхъ семействъ, населяющихъ центральную возвышенность, владѣетъ большею частью побережья въ интендантствахъ Веракруцъ и Сан-Луи-Потози. Никакой аграрный законъ не вынуждаетъ этихъ богатыхъ собственниковъ продавать ихъ майораты въ томъ случаѣ, если сами они не хотятъ воздѣлывать принадлежащія имъ огромныя земли“. Это говоритъ Гумбольдтъ. И по этому поводу Мальтусъ замѣчаетъ, что хотя названные землевладѣльцы „имѣютъ полную возможность содержать на своихъ земляхъ гораздо болѣе многочисленное населеніе, но сомнительное и во всякомъ случаѣ слишкомъ незначительное увеличеніе различныхъ благъ, котораго они могли бы ожидать отъ приращенія населенія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могло бы побѣдить ихъ безпечность и уравновѣсить соединенные съ нимъ неудобства и хлопоты“... Туземцы охотно воздѣлывали бы землю для себя, но высокой арендной платы они дать не могутъ, и потому

1] Опытъ, т. I, кн. V, гл. VIII, стр. 205.

собственники предпочитаютъ оставлять землю подъ пастбищами. „Вслѣдствіе этого земли, которыя могли бы прокормить тысячи обитателей, служатъ лишь для корма нѣсколькихъ сотень скота". Въ концѣ концовъ Мальтусъ приходитъ къ тому заключенію, что „средства для прокормленія работниковъ могутъ существовась въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе кормить ихъ" (that the power of supporting labour may exist to a much greater extent than the will), и что рѣдкость населенія испанской Америки причиняется именно указанными имущественными отношеніями: *неравенствомъ* (by this inequality). Поправить дѣло можно было бы лишь лучшимъ распредѣленіемъ собственности и постепеннымъ развитіемъ въ странѣ промышленности на европейскій ладъ. И нѣтъ надобности забираться въ испанскую Америку, чтобы придти къ подобному заключенію: къ нему приводитъ состояніе самой Испаніи и даже большинства европейскихъ странъ".*)

Мальтусъ прекрасно знаетъ, что безъ работника ни шагу не сдѣлаешь въ промышлености. Въ испанской Америкѣ вопросъ этотъ стоялъ далеко не такъ, какъ это желательно было бы съ точки зрѣнія буржуазныхъ понятій. Какъ ни бѣдны были туземцы, но къ наемному труду пріучить ихъ было бы очень трудно. Гумбольдтъ приводитъ мнѣніе какого-то просвѣщеннаго обитателя той страны, полагавшаго, что лишь радикальное истребленіе банановыхъ деревьевъ могло бы дать благодѣтельный толчокъ трудолюбію туземцевъ†). Мальтусъ приводитъ это мнѣніе, ни мало не возмущаясь имъ. Какъ и всякій правовѣрный буржуа, онъ прикладываетъ къ явленіямъ двоякую мѣрку. Когда рѣчь идетъ объ отсталыхъ, полуфеодальныхъ странахъ, (какими были въ то время даже многія европейскія страны), онъ готовъ признать благодѣтельное значеніе даже такихъ мѣръ, какъ „аграрные законы" и насильственное превращеніе народной массы въ пролетаріатъ. По отношенію къ такимъ странамъ оказывается несомнѣннымъ, что „средства для прокормленія работниковъ могутъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе кормить ихъ". Тогда онъ готовъ возставать и противъ „inequality". Тогда онъ далекъ отъ мысли приписывать общественнымъ отношеніямъ лишь ничтожное, поверхностное значеніе. Тогда онъ готовъ взваливать на нихъ главную отвѣтственность за бѣдствія людей. Тогда его устами говоритъ буржуа, ненавидящій средневѣковый порядокъ и готовый разрушать его чуть не якобинскими мѣрами. Но когда рѣчь заходитъ о дорогомъ его сердцу буржуазномъ порядкѣ, когда возвышаются голоса, нападающіе на свойственное *этому порядку* неравенство, дѣло принимаетъ другой оборотъ: Мальтусъ превращается въ крайняго консерватора, лицемѣрно поднимаетъ глаза къ небу и старается образумить новѣйшихъ сторонниковъ равенства ссылкою на „законъ природы или, что то же, божій законъ"

---

*) Principles of Political Economy considered with a view to their practical application, London 1820, pp. 375—401.

†) Т. е. лишивъ ихъ собственныхъ средствъ къ пропитанію, превративъ ихъ въ пролетаріевъ.

(The law of nature being a law of God), осуждающій людей на недостатокъ продовольствія, на нищету и пороки, и неимѣющій никакого отношенія къ общественнымъ учрежденіямъ. Такова психологическая логика мальтусовскихъ разсужденій. Съ точки же зрѣнія формальной логики у него замѣчаются еще болѣе удивительные курьезы.

Читатель помнитъ, что говоритъ Мальтусъ объ Египтѣ: „Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія; не ослабленіе этого закона причинило паденіе, которому мы удивляемся: ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность... Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія". Это значитъ вотъ что: было время, когда въ Египтѣ производилось много хлѣба, и тогда въ немъ было густое населеніе; теперь, по соціально-политическимъ причинамъ, въ немъ производится гораздо меньше хлѣба, а потому и населеніе въ немъ гораздо менѣе густо. Это совершенно понятное явленіе, но какую связь имѣетъ оно съ закономъ размноженія? Законъ этотъ „держитъ населеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія", т. е. иначе сказать, пресловутый законъ гласитъ, что люди не могутъ жить безъ пищи. Это старая истина, для доказательства которой едва ли стоило писать объемистый „Опытъ".

Но подобными пошлостями трудно опровергнуть „сторонниковъ равенства". Мальтусъ знаетъ это, и придаетъ совершенно иной смыслъ своему закону въ спорахъ съ ними. Здѣсь онъ, опираясь на знаменитыя прогрессіи, упорно твердитъ, что населеніе всегда стремится обогнать средства существованія и что въ этомъ заключается коренная причина нищеты. Здѣсь „законъ Мальтуса" выступаетъ въ своемъ отвлеченномъ видѣ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о тѣхъ препятствіяхъ для увеличенія средствъ существованія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ въ фактической части своего изслѣдованія, и которыя ясно показываютъ, что недостатокъ продовольствія причиняется не физическими, а „*моральными*" причинами. Такъ и скачетъ нашъ почтенный священникъ отъ одной постановки вопроса къ другой, безнадежно запутывая и самого себя, и читателя. Это было бы очень ловкимъ софизмомъ, если бы не было просто паралогизмомъ, свойственнымъ уму вульгарнаго экономиста. Подобныхъ паралогизмовъ можно насчитать цѣлыя сотни въ „Основахъ политической экономіи" Мальтуса.

Мы сказали, что въ этихъ паралогизмахъ заключалась главная сила Мальтуса, какъ изслѣдователя закона о народонаселеніи. И дѣйствительно, нерѣдко люди, гораздо болѣе умные, чѣмъ онъ, неудачно спорили противъ него единственно потому, что не умѣли разобраться въ произведенной имъ путанницѣ понятій. Извольте спорить съ человѣкомъ, который набросалъ въ одну безпорядочную кучу самыя различныя постановки вопроса и окрестилъ эту кучу именемъ изслѣдованія. Васъ поразила болѣе всего мысль о ничтожномъ и поверхностномъ значеніи общественныхъ отношеній въ дѣлѣ добыванія продовольствія. Вы возражаете противъ нея, ссылаясь на общественные, этнографическіе и историческіе факты. Помилуйте, отвѣчаютъ вамъ, все это прекрасно зналъ самъ Мальтусъ, онъ при-

водитъ еще болѣе поразительные примѣры: не угодно ли вамъ просмотрѣть такіе-то и такіе-то мѣста его „Опыта“. — Если вы вздумаете подойти къ вопросу съ другой стороны, если вы скажете, что самъ Мальтусъ показалъ, до какой степени общественныя отношенія часто мѣшаютъ людямъ пользоваться всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи производительными силами, вамъ опять укажутъ на законъ Мальтуса, но на этотъ разъ уже въ его отвлеченномъ видѣ: вамъ скажутъ, что населеніе всегда стремится обогнать средства существованія и что общественныя отношенія тутъ не при чемъ. Направляйтесь въ какую вамъ угодно сторону—вамъ всегда преградитъ дорогу непроходимая трясина паралогизмовъ.

Возражавшіе Мальтусу „сторонники равенства“ тѣмъ легче попадали въ эти трясины, что ихъ собственная постановка общественныхъ вопросовъ была далеко не безукоризненна. Пока они стояли на утопической точкѣ зрѣнія, они не любили считаться съ исторической дѣйствительностью. Они предпочитали отвлеченныя рѣшенія общественныхъ вопросовъ, годныя для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ. Благодаря этому, они въ спорѣ о законѣ народонаселенія легко попадали въ разставленныя Мальтусомъ логическія ловушки. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ выгодной для нихъ позиціи критики существующихъ общественныхъ отношеній, они устремлялись въ безплодную пустыню отвлеченныхъ изслѣдованій объ отвлеченномъ размноженіи отвлеченнаго человѣчества. Не мало силъ взяло странствованіе по этой пустынѣ, но вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ вплоть до появленія „*Капитала*“.

Вопросъ о народонаселеніи разсматривается въ „Капиталѣ“, повидимому, совершенно мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ. Современнымъ нѣмецкимъ ученымъ, которые оцѣниваютъ достоинство научной мысли по количеству томовъ, потребовавшихся для ея изложенія, кажется даже, что Марксъ недостаточно серьезно относится къ этому вопросу. А между тѣмъ, что собственно говоритъ о немъ Марксъ въ „Капиталѣ“? Онъ говоритъ, во-первыхъ, что абстрактные законы населенія существуютъ только для животныхъ и растеній, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока законы эти не видоизмѣняются дѣятельностью человѣка. Ланге замѣчаетъ по этому поводу въ своей извѣстной книгѣ о рабочемъ вопросѣ, что законы размноженія животныхъ и растеній тоже не абстрактны, потому что законы эти видоизмѣняются сообразно болѣе или менѣе благопріятнымъ для размноженія условіямъ. Но очевидно, что онъ плохо схватываетъ мысль Маркса. Марксъ говоритъ о законахъ „населенія“ среди животныхъ и растеній въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорилъ о немъ Монтескье, т. е. онъ хотѣлъ сказать, что плодовитость самокъ (или женской, прекрасной, точнѣе непрекрасной, половины растительнаго царства, или гермафродитныхъ организмовъ среди животныхъ и растеній) остается сама по себѣ (пока ее не видоизмѣняетъ человѣкъ) неизмѣнной. Противъ этого странно было бы спорить. Далѣе Марксъ говоритъ, что для каждаго историческаго способа производства существуетъ свой особенный законъ народонаселенія, дѣйствіе котораго ограничивается данной исторической эпохой. Эта мысль, во-

первыхъ, совершенно согласна съ тѣми выводами, къ которымъ пришла экономическая наука въ эпоху, предшествовавшую появленію сикофантовъ въ родѣ Тоунзэнда и Мальтуса. А во-вторыхъ, она блистательно подтверждается современными статистическими изслѣдованіями о народонаселеніи*). Кромѣ того, Марксъ устанавливаетъ свойственный капиталистическому обществу законъ населенія, который можетъ быть выраженъ такъ: развитіе производительныхъ силъ ведетъ къ образованію и возрастанію относительно излишняго (т. е. не имѣющаго заработка) населенія, запасной арміи рабочихъ, какъ назвалъ это населеніе Энгельсъ еще въ сороковыхъ годахъ. Вѣренъ или не вѣренъ дѣйствительности этотъ законъ? Статистика показываетъ, что вѣренъ. Изъ исторіи же политической экономіи видно, что уже экономисты XVIII вѣка высказывали болѣе или менѣе счастливыя догадки относительно его существованія (просимъ читателя вспомнить взгляды Стэарта и Герреншванда). Да и не одни экономисты высказывали подобныя догадки. Величайшій изъ философовъ-идеалистовъ XIX столѣтія, Гегель, прямо говоритъ, что въ цивилизованныхъ обществахъ развитіе богатства идетъ рука объ руку съ развитіемъ бѣдности†). Значитъ, Марксъ не сказалъ ничего такого, что можно было бы назвать парадоксальнымъ. Значитъ, онъ и въ этомъ отношеніи остается вѣренъ лучшимъ традиціямъ экономической науки. Онъ лишь далъ *научное* выраженіе и доказательство тому, о чемъ *догадывались* его предшественники. Но если это такъ, то почему же взглядъ его на вопросъ о народонаселеніи вызвалъ столько недоумѣній среди современныхъ экономистовъ, начиная съ болѣе или менѣе безпристрастнаго Ланге и кончая очень пристрастнымъ г. Зэтбееромъ? Потому, что въ немъ заключается слишкомъ рѣзкое осужденіе существующему порядку вещей, а подобное осужденіе не можетъ нравиться сторонникамъ буржуазіи и кажется слишкомъ рискованнымъ людямъ, не совсѣмъ еще разорвавшимъ съ нею, не совсѣмъ еще ставшимъ на точку зрѣнія пролетаріата.

Въ виду всего сказаннаго, какъ же можно выразить законъ народонаселенія въ будущемъ, соціалистическомъ обществѣ? Пока еще никакъ. Мы не можемъ найти законъ народонаселенія, свойственный еще не существующему обществу. Всякія попытки сдѣлать это были бы преждевременными, а потому *утопическими*, *ненаучными*. Это мы можемъ и должны сказать съ полною увѣренностью. А если, на этомъ основаніи, намъ вздумаютъ грозить *перенаселеніемъ*, которое, по мнѣнію мальтусіанцевъ, неизбѣжно при соціалистическомъ порядкѣ, мы отвѣтимъ, что, во-первыхъ, современное состояніе производительныхъ силъ очень далеко отодвигаетъ для цивилизованныхъ странъ *физическій* предѣлъ размноженія, а во-вторыхъ, если

---

*) Укажемъ хотя бы на статистику народонаселенія во Франціи. Изъ множества относящихся къ этому предмету сочиненій назовемъ изслѣдованіе Бертильона младшаго и Дюмона (Dépopulation et Civilisation).

†) См. объ этомъ нашу статью „Zu Hegel's sechzigstem Todestag“, печатаніе которой началось въ „Neue Zeit“ 14 Ноября 1891 г.

человѣчеству и придется когда нибудь бороться съ перенаселеніемъ, — ему гораздо удобнѣе бороться съ нимъ, имѣя дѣло съ раціонально организованнымъ производствомъ и всесторонне развитыми производителями, чѣмъ при нынѣ существующемъ общественномъ устройствѣ, основанномъ на угнетеніи рабочей массы и на господствѣ продукта надъ производителемъ.*)

Въ „Основахъ политической экономіи“ Мальтусъ удачнѣе объясняетъ намъ истинный смыслъ своего закона. „Если бы простая нужда или желаніе рабочихъ классовъ пріобрѣсти вещи, необходимыя и полезныя для жизни, были достаточнымъ побужденіемъ для производства—говоритъ онъ тамъ—ни одна страна въ Европѣ, или даже во всемъ свѣтѣ, не встрѣтила бы другихъ препятствій для роста богатства, кромѣ своихъ производительныхъ силъ; и уже съ давнихъ поръ земля кормила бы въ 10 разъ больше жителей, чѣмъ кормитъ теперь“. Но иное дѣло „нужда“ рабочихъ классовъ, иное дѣло такъ называемый въ экономіи *дѣйствительный спросъ*, а въ немъ-то вся сила. „Человѣкъ, ничего не имѣющій кромѣ своего труда (Мальтусъ хочетъ сказать — своей рабочей силы) является представителемъ спроса на продукты лишь по стольку, по скольку обладатели этихъ продуктовъ нуждаются въ его трудѣ (т. е. въ рабочей силѣ). Спросъ же на производительный трудъ никогда не можетъ имѣть мѣста, если стоимость продукта этого труда не будетъ больше стоимости самого труда“ (опять таки рабочей силы)†]. Это очень ясно и совершенно справедливо: *рабочая сила* покупается единственно въ видахъ производства *прибавочной стоимости*. Но это вѣрное замѣчаніе придаетъ совершенно новый видъ закону народонаселенія; теперь онъ гласитъ уже такъ: совершенно независимо отъ своихъ производительныхъ силъ, страна оказывается перенаселенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней больше, чѣмъ ихъ нужно господамъ капиталистамъ. Работникамъ, лишеннымъ счастія производить прибавочную стоимость, остается лишь умереть съ голоду. Таковъ „законъ природы или, что то же, божій законъ“. Очень хорошо, примемъ это къ свѣдѣнію и пойдемъ дальше. Въ своемъ „Опытѣ“ Мальтусъ совѣтовалъ рабочимъ размножаться какъ можно меньше. Онъ говорилъ такъ, желая свалить съ имущихъ классовъ отвѣтственность за бѣдствія пролетаріата и по возможности облегчить имъ тяжесть на-

---

*) Г. А. Лоріа въ своей брошюрѣ „La legge di popolazione ed il sistema sociale“, Siena 1882, вздумалъ было соединить взгляды Маркса,—котораго онъ, впрочемъ, не называетъ,—со взглядами Мальтуса. У него выходитъ, что размноженіе населенія,—законы котораго измѣняются сообразно измѣненіямъ общественнаго устройства,— въ свою очередь является дѣятельной причиной всѣхъ перемѣнъ въ общественныхъ отношеніяхъ. До какой степени неудовлетворительно это эклектическое воззрѣніе, показываетъ то простое обстоятельство, что г. Лоріа забылъ о развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, отъ которыхъ въ послѣднемъ счетѣ все и зависитъ. Подобное несчастіе, впрочемъ, часто случается съ г. Лоріа въ его будто бы глубокомысленныхъ, но въ дѣйствительности крайне поверхностныхъ и ни мало не остроумныхъ изслѣдованіяхъ. Ученый А. Лоріа именно *слона-то* никогда и *не примѣчаетъ*.

†) Здѣсь мы вынуждены цитировать по французскому переводу, не имѣя въ настоящую минуту подъ руками англійскаго подлинника. См. Principes etc., traduit de l'anglais par M. F. S. Constancio, Pasis 1820, t. II, pp. 17—19.

лога для бѣдныхъ. Въ „Основахъ политической экономіи“ онъ взглянулъ на дѣло съ другой стороны. Онъ вспомнилъ, что какъ тамъ ни разсуждай, а работникъ есть единственный производитель прибавочной стоимости, и вотъ онъ замѣчаетъ, что если бы рабочій классъ размножался слишкомъ медленно, это могло бы раззорить страну, занимающуюся исключительно торговлей и мануфактурной промышленностью*). Это опять совершенно справедливая мысль, ее тоже нужно принять къ свѣдѣнію. Но, къ сожалѣнію, она опять измѣняетъ законъ народонаселенія. Теперь его приходится формулировать уже такимъ образомъ: Совершенно независимо отъ своихъ производительныхъ силъ, страна оказывается перенаселенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней больше, чѣмъ ихъ требуется для производства прибавочной стоимости. Это очень неудобно и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ: имущимъ классамъ приходится платить непріятный налогъ въ пользу бѣдныхъ, а неимущіе могутъ обнаружить опасную склонность къ ученіямъ „сторонниковъ равенства“. И наоборотъ, страна оказывается недостаточно населенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней меньше, чѣмъ ихъ нужно господамъ капиталистамъ. Такое положеніе дѣлъ можетъ привести ее къ раззоренію. *Нормальный приростъ* населенія есть тотъ, который *опредѣляется потребностями капитала въ рабочей силѣ.* Работники должны имѣть это въ виду. Если, рождая дѣтей, они не съумѣютъ опредѣлить, сколько именно рукъ понадобится капиталу къ тому времени, когда ихъ дѣти достигнутъ рабочаго возраста, то тѣмъ хуже для нихъ. Излишнія руки должны будутъ погибнуть жертвою нищеты; въ томъ же случаѣ, когда рукъ окажется слишкомъ мало, страна раззорится, а отъ этого опять уменьшится спросъ на рабочую силу. Таковъ „законъ природы или, что то же, божій законъ“.

Мальтусъ хотѣлъ опровергнуть сторонниковъ равенства и показать невыгоды общности имуществъ. До какой степени могли быть сильны возраженія этого человѣка противъ коммунизма, можно судить уже по одному тому, что онъ никогда не въ состояніи былъ выйти изъ сферы буржуазныхъ экономическихъ понятій. Онъ пресерьезно говоритъ объ уровнѣ прибыли у дикарей. Онъ знаетъ, что, напр., въ Перу былъ коммунистическій строй. Но этотъ строй онъ называетъ „*страннымъ*“, и этимъ эпитетомъ отдѣлывается отъ дальнѣйшей его оцѣнки. Подобной узкостью взглядовъ страдали, какъ мы знаемъ, даже лучшіе экономисты того времени, но ни у кого не доходила она до такихъ странныхъ, можно сказать, комическихъ размѣровъ, какъ у автора „Опыта о законѣ народонаселенія“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить хотя бы то, какъ опредѣлялъ онъ производительное потребленіе†).

---

*) Тамъ же, т. I, стр. 340.

†) Работникъ... несомнѣнно потребляетъ часть своей заработной платы въ видахъ поддержанія своего существованія, а не какъ капиталъ съ цѣлью производства (Мальтусъ хочетъ сказать съ цѣлью выжиманія изъ другого прибавочной стоимости). Онъ производительный потребитель по отношенію къ лицу, которое даетъ ему работу

Въ „Опытѣ“ Мальтусу проходилось толковать о перенаселеніи; въ „Основахъ пол. экон.“ ему пришлось считаться также и съ *перепроизводствомъ*. „Какъ бы ни были велики производительныя силы, говоритъ онъ, сами по себѣ онѣ еще не могутъ обезпечить соотвѣтственнаго имъ возрастанія богатства. Чтобы дать этимъ силамъ полное развитіе, нужно, повидимому, еще нѣчто другое. Продукты должны быть такъ приспособлены къ нуждамъ потребителей, чтобы при распредѣленіи ихъ между ними, возросла общая мѣновая стоимость всей массы продуктовъ“*). Другими словами: между производительными силами и людьми, нуждающимися въ продуктахъ, стоитъ капиталистъ, который говоритъ, что онъ согласенъ пустить въ дѣло названныя силы только въ томъ случаѣ, если это занятіе принесетъ ему извѣстную прибыль. Но въ современномъ обществѣ силы эти такъ велики, что продукты нерѣдко переполняютъ рынки, не находя себѣ сбыта. А вслѣдствіе этого капиталисты лишаются ожидаемой прибыли. Тогда они прекращаютъ производство, разсчитываютъ своихъ работниковъ, и между этими послѣдними царствуетъ *нищета*, о которой еще Фурье справедливо замѣтилъ, что она порождается ничѣмъ инымъ, какъ *избыткомъ*: рабочіе *бѣдствуютъ* именно потому, что они произвели *слишкомъ много предметовъ*, годныхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Какъ же быть? Кажется, что проще всего дѣло рѣшилось бы передачей работникамъ тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ они нуждаются, и которые въ избыткѣ находятся на рынкѣ. Но такая передача означала бы нарушеніе священныхъ правъ капиталистической собственности, и ужъ разумѣется не Мальтусъ одобрилъ бы подобное нарушеніе. Онъ придумалъ другое, онъ нашелъ, что „причины, наиболѣе благопріятствующія“ выгодному для господъ капиталистовъ сбыту продуктовъ, могутъ быть трехъ родовъ: „1) раздѣленіе крупной поземельной собственности, 2) внѣшняя и внутренняя торговля и 3) существованіе непроизводительныхъ потребителей†). Читатель помнитъ, что, по опредѣленію Мальтуса, потребленіе работника также можетъ быть непроизводительнымъ въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Но здѣсь онъ требуетъ *совершенно* и во всѣхъ смыслахъ непроизводительнаго потребленія, такого потребленія, которое можетъ быть дано лишь роскошью высшихъ классовъ, военными расходами и т. п. Мальтусъ усердно проповѣдуетъ подобное потребленіе и горячо защищаетъ его отъ всѣхъ возможныхъ нападокъ. Въ „Опытѣ“ онъ пытался объяснить нищету рабочихъ классовъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на свѣтъ родится больше желудковъ чѣмъ можетъ быть произведено хлѣба для ихъ наполненія. Въ „Основахъ“ оказалось, что бѣдность рабочихъ можетъ имѣть другое, такъ сказать болѣе тонкое и благородное происхожденіе: производи-

---

и по отношенію къ государству, но, строго говоря, не по отношенію къ самому себѣ“ (Definitions, стр. 258—259) Такъ какъ я не могу эксплуатировать самого себя, то никогда не могу быть производительнымъ потребителемъ по отношенію къ самому себѣ. Удивительная глубина мысли!

*) Principes d'économie politique, т. II, стр. 121.

†) Тамъ же, т. II, стр. 145.

тели бѣдствуютъ всякій разъ, когда въ странѣ слишкомъ мало бездѣльниковъ. Таковъ „законъ природы или, что то же, Божій законъ".

Впрочемъ, Мальтусъ допускаетъ, что можно бы,пожалуй, обойтись и безъ непроизводительнаго потребленія, если бы рабочіе получали большую плату, а слѣдовательно могли бы представить съ своей стороны болѣе серьезный дѣйствительный спросъ. Но этому мѣшаетъ слишкомъ быстрое размноженіе работниковъ, ведущее къ усиленію соперничества между ними и къ паденію заработной платы. Ну, а если бы каждый изъ нихъ сталъ меньше работать, если бы сократился рабочій день? Никогда этого не будетъ, отвѣчаетъ Мальтусъ: государство не имѣетъ права ограничивать рабочій день, а сами рабочіе никогда не сговорятся сдѣлать это, никогда не откажутся отъ взаимнаго соперничества. Скорѣе можно надѣяться, что они станутъ рождать меньше дѣтей*). Это пророчество въ настоящее время не нуждается въ оцѣнкѣ.

Извѣстно, что въ „Опытѣ" Мальтусъ высказалъ очень пессимистическіе взгляды относительно возможнаго усовершенствованія земледѣлія въ передовыхъ странахъ Европы. По его разсчетамъ выходило, что производительность труда должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество его, направленное на воздѣлываніе даннаго участка. Нѣкоторые экономисты считали это явленіе совершенно безспорнымъ и возвели его въ экономическій законъ. Однако, самъ Мальтусъ далеко не придавалъ ему большого практическаго значенія. Въ „Основахъ" онъ такъ высказывается на этотъ счетъ: Производительность земледѣльческаго труда, конечно, уменьшается, но при „настоящемъ состояніи міра" это происходитъ очень медленно; къ тому же различныя улучшенія часто совершенно останавливаютъ уменьшеніе производительности труда или даже увеличиваютъ ее. „Я убѣжденъ—говоритъ онъ, — что капиталъ затраченный на обработку участковъ, распаханныхъ въ 1813 г., былъ болѣе производителенъ, чѣмъ капиталъ, употребленный на обработку участковъ, распаханныхъ въ 1727 г." Вообще, „вѣроятность такого увеличенія производительности труда, которое было было бы достаточно для урановѣшенія неблагопріятныхъ результатовъ расчистки новыхъ участковъ, настолько велика, что при настоящемъ состояніи большинства странъ земного шара, или при ихъ вѣроятномъ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ будущихъ столѣтій, мы можемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вполнѣ разсчитывать на дѣйствіе этой причины**).

Смыслъ басни сей таковъ: когда вы спорите со „сторонниками равенства", полезно ссылаться на скупость природы, на уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда; а когда вы собираетесь пригласить имущіе классы къ усиленію непроизводительнаго потребленія, вы можете сказать имъ по секрету отъ „трудящихся бѣдня-

---

*) Тамъ же, т. II, стр. 227 и слѣд.

**) Тамъ же, т. I, стр. 477—479.

ковъ и отъ „сторонниковъ равенства“, что еще, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій неизбѣжное уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда останется нелѣпой выдумкой.

III.

Перейдемъ теперь къ Чернышевскому. Возраженія, дѣлаемыя имъ Мальтусу, относятся почти исключительно къ первой главѣ первой книги „*Опыта*“. Онъ занимается преимущественно Мальтусовыми прогрессіями, причемъ начинаетъ съ ариѳметической прогрессіи возрастанія земледѣльческаго продукта.

Мальтусъ считалъ очень смѣлымъ то предположеніе, что общій продуктъ англійскаго земледѣлія могъ быть удвоенъ въ 25 лѣтъ. „Это наивность, вызывающая улыбку у людей, читавшихъ нынѣшнія агрономическія книги“, замѣчаетъ Чернышевскій. Основываясь на разсчетѣ Гаспарена (въ его „Cours d'Agriculture“), онъ утверждаетъ, что „при порядочномъ устройствѣ плодоперемѣнной системы произведеніями 100 гектаровъ продовольствуются 931 человѣкъ“, а такъ какъ въ Великобританіи и Ирландіи (по Кольбу) находится до 61½ милліоновъ экровъ, т. е. около 25 милліоновъ гектаровъ земли, годной для воздѣлыванія, то „Великобританія съ Ирландіей, при порядочномъ устройствѣ плодоперемѣннаго хозяйства, могли бы продовольствовать 230 милліоновъ населенія“, т. е. увеличить нынѣшній земледѣльческій продуктъ (разсчетъ Чернышевскаго относится къ 1860 г.) въ 9 разъ*). „Достаточно ли 25 лѣтъ для введенія хорошаго плодоперемѣннаго хозяйства въ землѣ, которая имѣетъ уже вообще хозяйство гораздо лучше, чѣмъ простое трехпольное, предоставляемъ разсудить каждому. Итакъ, изъ нынѣшнихъ агрономическихъ книгъ видно, что если бы Англія захотѣла и встрѣтила надобность увеличить свой земледѣльческій продуктъ въ теченіе 25 лѣтъ не въ 2 раза, а въ 5 или даже въ 9 разъ, это было бы вовсе не трудно при нынѣшнемъ состояніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Не въ правѣ ли мы сказать, что слишкомъ наивны были мысли, подъ вліяніемъ которыхъ Мальтусъ воображалъ, что дѣлаетъ крайнюю уступку, предполагая возможность удвоенія земледѣльческаго продукта въ 25 лѣтъ?**)

Какъ уже сказано въ предыдущей статьѣ, очень распространенное убѣжденіе въ томъ, что земледѣльческому продукту трудно возрастать со всей быстротой, съ какой могли бы размножаться люди, кажется Чернышевскому лишеннымъ всякаго

---

*) Въ 1860 г. все населеніе Великобританіи съ Ирландіею простиралось тоже, по Кольбу, до 29 милліоновъ человѣкъ. Чернышевскій полагаетъ, что изъ нихъ домашними земледѣльческими продуктами содержалось не болѣе 25 милліоновъ.

**) Соч., т. III, стр. 102.

серьезнаго основанія. Экономисты, вслѣдъ за Мальтусомъ толкующіе объ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда, даже и не подумали о томъ, что имъ не мѣшало бы про вѣрить свой взглядъ съ помощью статистики. Вотъ почему объ этомъ предметѣ до сихъ поръ разсуждають на обумъ, „какъ разсуждалъ Мальтусъ". Однако, самъ Чернышевскій признаетъ, что „если способъ воздѣлыванія земли остается прежній, то съ приращеніемъ населенія производительность пахотныхъ земель будетъ становиться въ средней пропорціи все меньше и меньше оттого, что нивы расширяются на земли все худшаго и худшаго качества"*). Дѣло лишь въ томъ, что Мальтусъ слишкомъ уже преувеличилъ значеніе этого фактора въ культурной исторіи человѣчества. Нашъ авторъ утверждаетъ, что какъ бы ни былъ кратокъ періодъ удвоенія населенія, легко было бы избѣжать недостатка продовольствія даже при очень незначительныхъ улучшеніяхъ въ способахъ воздѣлыванія земель. И онъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія длинный рядъ ариѳметическихъ выкладокъ. Въ виду важности вопроса, мы должны изложить взглядъ Чернышевскаго по возможности его собственными словами.

Въ основѣ этого взгляда лежитъ анализъ мальтусовскихъ прогрессій :

Размноженіе людей	1, 2, 4, 8, 16, 32, 64.
Увеличеніе продукта .	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

„Ясно по какому отношенію возникаютъ члены второй строки изъ членовъ первой, говоритъ Чернышевскій : возростающія въ геометрической прогрессіи прибавки къ числу работниковъ даютъ каждая одинаковую прибавку къ продукту. Напримѣръ, 1 новый работникъ, прибавившійся во второмъ періодѣ, увеличиваетъ своею работою продуктъ на 1 ; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ 5 періода, и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1. Очевидно, что производительность труда новыхъ работниковъ, прибавляющихся въ каждомъ новомъ періодѣ, уменьшается въ той же прогрессіи, въ какой возростаетъ количество этихъ прибавляющихся работниковъ. . . Иначе говоря, Мальтусова теорема предполагаетъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ." Исходя изъ этого, Чернышевскій дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ.

„Положимъ, что число населенія 1 января 1 года, было 1,000, а что работники-хлѣбопашцы этого населенія произвели извѣстное количество хлѣба, достаточное для хорошаго продовольствія всѣхъ 1,000 человѣкъ, то есть годичныхъ порцій, которыя назовемъ хотя, напримѣръ, возами. Итакъ, на хорошее продовольствіе въ годъ надобно, по нашему условію, возъ хлѣба на каждаго человѣка. Положимъ, что число хлѣбопашцевъ-работниковъ въ этомъ населеніи было 100 человѣкъ. По условію видно, что для хорошаго продовольствія населенію нужна такая успѣшность хлѣбопашеннаго труда, чтобы каждый работникъ производилъ по 10 возовъ хлѣба.

„Положимъ, что при такомъ изобиліи продовольствія населеніе возрастаетъ ежегодно на 3% (пропорція, нѣсколько выше той, какая даетъ удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ и принимается Мальтусомъ). Тогда къ 1 января 2 года населеніе будетъ 1,030 человѣкъ, и если пропорція хлѣбопашцевъ-работниковъ остается прежняя, ихъ будетъ 103 человѣка. Если для 1,000 человѣкъ нужно было 1,000 возовъ хлѣба, для 1,030 человѣкъ будетъ нужно 1,030 возовъ.

„Если бы успѣшность труда прибылыхъ работниковъ не была меньше, чѣмъ

*) Тамъ же, стр. 191—192.

прежнихъ, трудъ прибылыхъ 3 работниковъ произвелъ бы 30 возовъ хлѣба, количество, нужное для достаточнаго продовольствія 30 прибылыхъ человѣкъ населенія, и во 2-й годъ было бы для 1,030 человѣкъ 1,030 возовъ хлѣба. Но по Мальтусовой теоремѣ, производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ меньше, чѣмъ производительность труда прежнихъ; Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или, при неизмѣнности пропорціи между числомъ хлѣбопашцевъ и числомъ населенія, равенъ проценту возрастанія населенія. Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго, какъ 100 къ 103. По этой пропорціи, какое количество хлѣба произведетъ прибылой работникъ, если прежній производилъ 10 возовъ?

$$X : 10 = 100 : 103$$

„Изъ этого получаемъ $X = 9{,}7087\ldots$

„Итакъ, 3 прибылые хлѣбопашца произведутъ только $3 \times 9{,}7087 = 29{,}1261$ возовъ, вмѣсто 30 возовъ, которые были бы нужны по прежнему размѣру, и на второй годъ для 1030 человѣкъ будетъ вмѣсто 1030 возовъ хлѣба только 1,029,1261 возовъ.

„Чтобы вмѣсто 1,029,1261 возовъ жатва 2 года дала 1030 возовъ, производительность труда прежнихъ работниковъ должна въ этомъ году подняться на столько выше прежней своей величины 10, на сколько требуемый сборъ, 1,030, выше сбора 1,029,1261, получаемаго безъ усовершенствованій.

$$X : 10 = 1{,}030 : 1{,}029{,}1261$$

„Изъ этого мы получаемъ $X = 10{,}00849\ldots$

„Въ самомъ дѣлѣ, тогда мы будемъ имѣть:

„100 прежнихъ работниковъ произведутъ, по 10,00849 возовъ каждый, 1000,849 возовъ.

„3 новые работника, трудъ которыхъ менѣе производителенъ по прежней пропорціи 100 : 103, произведутъ каждый по $10{,}00849 \times 100 : 103 = 9{,}717$ возовъ.
а всѣ трое вмѣстѣ . . . . . . $3 \times 9{,}717 = 29{,}151$ „
Сумма производства 2 года будетъ $1000{,}849 + 29{,}151 = 1{,}030$ „

„Итакъ, великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія или въ устройствѣ орудій, или въ способѣ пользованія ими, или въ качествѣ удобренія, или въ способѣ пользованія имъ, или въ качествѣ посѣва, — великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія, чтобы недочета не оказалось, чтобы пропорція продовольствія не уменьшалась при возрастаніи населенія?

„При ежегодномъ возрастаніи населенія по 3%, т. е. при возрастаніи быстрѣйшемъ, нежели принимаетъ Мальтусъ[1]), нуженъ годичный размѣръ усовершенствованія = 0,000849, то есть менѣе, чѣмъ на одинадцатую часть процента. Что жь это такое, 849 десятичныхъ частей процента? Огромно ли это возрастаніе? Оно вотъ каково: въ пуду оно составляетъ нѣсколько больше $3^1/_4$ золотниковъ (3,2602 золотника); въ возу хлѣба, имѣющемъ 25 пудовъ, оно составляетъ $81^1/_2$ золотниковъ...

„Чтожь это за страшная прибавка? стоитъ ли пугаться ея? Неужели усовершенствованія въ земледѣліи не могутъ идти такъ быстро (быстро!), чтобы въ теченіе цѣлой четверти вѣка улучшить земледѣльческихъ способовъ на $2^1/_7$%[2])? Увеличеніе на $2^1/_7$ процента въ цѣлыя 25 лѣтъ — да вѣдь это почти совершенная неподвижность!

„Да, почти совершенная неподвижность. Безъ всякаго сомнѣнія, съ самаго конца среднихъ вѣковъ не было въ европейской исторіи ни одного такого двадцатипятилѣтія, въ которомъ земледѣліе не совершенствовалось бы по пропорціи, болѣе быстрой. Много въ этой исторіи было эпохъ почти совершеннаго застоя общественныхъ улучшеній, но самые безотрадные, самые гнусные изъ этихъ періодовъ все-таки двигали земледѣліе впередъ быстрѣе, чѣмъ требовалось бы для уравновѣшенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ, для сохраненія земледѣльческому труду всей прежней производительности, при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ удвоилось бы каждыя 25 лѣтъ.“[3])

---

[1]) При ежегодномъ возрастаніи въ 3%, черезъ 25 лѣтъ 10,000 человѣкъ населенія возрастаютъ до 20,938 человѣкъ; для того, чтобы число населенія удвоилось въ 25 лѣтъ, нужно принять ежегодную величину возрастанія только въ 2,81188....%.

[2]) 1,000,849....въ 25-й степени даетъ 1,021,448..

[3]) Тамъ же, стр. 202—210.

Далѣе Чернышевскій даетъ общую формулу размноженія, по которой опредѣлялся бы потребный размѣръ улучшеній для различныхъ періодовъ удвоенія. Мы не станемъ приводить ее. Замѣтимъ только, что съ ея помощью онъ приходитъ къ самымъ поразительнымъ выводамъ. Оказывается, напримѣръ, что *при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія* населенія высота, до которой улучшенія должны поднять земледѣліе *въ теченіе цѣлаго вѣка* равняется лишь 1,36958, принимая первоначальную высоту за единицу. „Напримѣръ: если въ 1860 г. земледѣлецъ, обработывающій четыре десятины, собираетъ съ нихъ 10 четвертей хлѣба, то въ теченіе слѣдующаго вѣка надо произвести улучшенія, которыя давали бы возможность въ 1960 г. также одному земледѣльцу собрать съ этихъ 4 десятинъ около 13³/₄ четвертей хлѣба. При такой пропорціи улучшеній люди до 1960 г. не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, размножаясь съ быстротою, удвоивающею число ихъ въ каждые 12 лѣтъ. Конечно, при такой быстротѣ размноженія, постепенно будетъ являться на 4 десятинахъ, вмѣсто одного хлѣбопашца, 2 работника, потомъ 3, 4, и т. д., 10, 11, 12 работниковъ и т. д.; прибавка каждаго новаго работника на этихъ 4 десятинахъ будетъ увеличивать продуктъ ихъ въ пропорціи, нѣсколько меньшей того, на сколько увеличилось количество труда отъ прибавки этого работника къ прежнимъ. Но все таки при такомъ ходѣ земледѣльческихъ улучшеній, который равняется 37% за цѣлое столѣтіе, постоянно будетъ собираться съ этихъ 4 десятинъ количество продукта, дающее въ общей сложности попрежнему 10 четвертей на каждаго изъ обработывающихъ эти 4 десятины землепашцевъ“.*)

Повторяемъ, выводы эти до такой степени поразительны, что читатель отказывается вѣрить своимъ глазамъ. Онъ невольно возвращается назадъ, провѣряя доводы автора. Но доводы кажутся неотразимыми, умозаключенія, повидимому, совершенно логично вытекаютъ изъ посылокъ. Читатель сдается и проникается непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Чернышевскій окончательно опровергъ Мальтуса, подойдя къ вопросу съ такой стороны, съ какой къ нему не подходилъ никто изъ прежнихъ изслѣдователей. Это убѣжденіе очень распространено въ Россіи, гдѣ опроверженіе Мальтуса считается едва ли не самой важной и ужъ во всякомъ случаѣ самой безспорной изъ ученыхъ заслугъ нашего знаменитаго писателя. Посмотримъ, насколько правиленъ такой взглядъ.

Замѣтимъ прежде всего вотъ что: если бы ариѳметическія выкладки Чернышевскаго были совершенно правильны, то даже и въ этомъ случаѣ было бы еще сомнительно, опровергаютъ ли онѣ Мальтуса, или, точнѣе, того Мальтуса, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ первой главѣ первой книги „*Опыта*“. Чернышевскій слишкомъ произвольно истолковываетъ ариѳметичечкую прогрессію Мальтуса. По его истолкованію выходитъ, что она выражаетъ собою лишь пониженіе производительности земледѣльческаго труда, неизбѣжно являю-

*) Тамъ же, стр. 211—115.

щееся въ томъ случаѣ, когда не происходитъ улучшеній въ земледѣліи. „Весь вопросъ именно въ томъ и состоитъ, какой размѣръ улучшеній необходимъ для уравновѣшенія недочета въ продуктѣ, происходящаго отъ меньшей производительности труда прибылыхъ работниковъ по сравненію съ прежними. Обыкновенно предполагается, что если размноженіе людей будетъ происходить со всею возможною быстротою, то для этого уравновѣшенія потребуется размѣръ улучшеній слишкомъ громадный"*). Выкладки Чернышевскаго показываютъ противное. Но на чемъ же основываетъ онъ свое истолкованіе ариеметической прогрессіи? Онъ говоритъ, что такъ „мы прочли у Милля, очень вѣрно передающаго мысли Мальтуса"†). Но это еще недостаточное ручательство. Обратимся лучше къ самому Мальтусу, т. е. опять таки къ тому Мальтусу, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ первой главѣ первой книги „Опыта", гдѣ идетъ рѣчь о прогрессіяхъ.

„Въ Англіи и Шотландіи много занимались улучшеніемъ земледѣлія, — читаемъ мы тамъ, — но и въ этихъ странахъ много есть еще невоздѣланныхъ земель. Разсмотримъ, до какой степени можетъ быть увеличено плодородіе этого острова *при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить* (курсивъ нашъ). Если мы предположимъ, что при возможно хорошемъ правленіи и *при самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія* (курсивъ нашъ), произведенія почвы могутъ удвоиться на этомъ островѣ въ первыя двадцать пять лѣтъ, то вѣроятно мы перейдемъ за предѣлы возможнаго; такое предположеніе скорѣе превыситъ мѣру возрастанія количества произведеній, на какое мы могли бы благоразумно разсчитывать. Въ слѣдующіе двадцать пять лѣтъ рѣшительно нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возрасла по этому же закону, и чтобы по истеченіи этого второго періода плодородіе учетверилось; допустить это значило бы перевернуть вверхъ дномъ всѣ наши понятія о производительности земли. *Улучшеніе безплодныхъ участковъ* (курсивъ нашъ) требуетъ много труда и времени. Для человѣка, сколько нибудь знакомаго съ этимъ предметомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что по мѣрѣ расширенія обработки, ежегодное приращеніе средняго производства постоянно уменьшается съ нѣкотораго рода правильностью... Вообразимъ, что ежегодное приращеніе средняго производства не уменьшается, а остается то же, такъ что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ къ годовому производству Великобританіи присоединяется количество произведеній, равное такому же годовому доходу. Вѣроятно, никакое горячее воображеніе не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенія, ибо и этого довольно, чтобы въ нѣсколько столѣтій обратить всю почву острова въ одинъ роскошный садъ. Примѣнимъ это предположеніе ко всей землѣ" и т. д.††)

Мы не станемъ возвращаться теперь къ вопросу о томъ, насколько правъ Мальтусъ. Намъ нужно одно: выяснить, что собственно хочетъ онъ сказать въ приведенныхъ строкахъ. А на этотъ счетъ

---

*) Соч. Черн., т. III, стр. 205—206.
†) Тамъ же, стр. 205.
††) Опытъ, кн. I, гл. первая, стр. 100—101.

врядъ ли возможно сомнѣніе. Человѣкъ говоритъ о „самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія“; о самыхъ благопріятныхъ для него условіяхъ, „какія только можно себѣ представить“; объ „улучшеніи безплодныхъ участковъ“; объ обращеніи всей почвы острова (а затѣмъ и всего земного шара) „въ одинъ роскошный садъ“, — и при всемъ этомъ онъ не принимаетъ въ соображеніе усовершенствованій въ способахъ обработки земли; при всемъ томъ онъ предполагаетъ, что земледѣльческіе пріемы останутся неизмѣнными въ теченіе тѣхъ „нѣсколькихъ столѣтій“, о которыхъ у него идетъ рѣчь? Нѣтъ, правъ или не правъ Мальтусъ, но въ данномъ случаѣ мысль его ясна: онъ хочетъ сказать, что земледѣльческій продуктъ будетъ увеличиваться лишь въ ариѳметической прогрессіи, *не смотря на всѣ тѣ улучшенія, на которыя можетъ разсчитывать благоразумный человѣкъ.* При построеніи своей прогрессіи онъ принимаетъ (т. е., лучше сказать, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ) въ соображеніе вліяніе будущихъ улучшеній въ земледѣліи. Слѣдовательно, всѣ вычисленія Чернышевскаго оказываются излишними. Какъ бы они ни были правильны, они не могутъ опровергнуть „Мальтусовой теоремы“ по той простой причинѣ, что они основываются на неправильномъ истолкованіи этой теоремы.

Но главное дѣло въ томъ, что сами они *совершенно неправильны.* Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вдуматься въ ихъ основное положеніе. Сопоставляя прогрессіи Мальтуса, Чернышевскій находитъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ“. Такъ ли это? Къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ.

Для удобства, выпишемъ снова анализированныя Чернышевскимъ прогрессіи.

Умноженіе людей .	1, 2, 4, 8, 16, 32, 64.
Увеличеніе продукта	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

Какъ великъ здѣсь „процентъ размноженія работниковъ или, — что то же*) — процентъ возрастанія общей цифры населенія? Мы рѣшительно не знаемъ этого, объ этомъ нѣтъ и рѣчи. „Процентъ размноженія работниковъ“ зависитъ отъ величины періода удвоенія населенія. При 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія этотъ процентъ будетъ совсѣмъ не тотъ, что при 15-лѣтнемъ, или при 35-лѣтнемъ и т. д. Мальтусъ даетъ общую формулу, подъ которую должны подходить, по его мнѣнію, всѣ частные случаи. Если уже говорить о процентѣ увеличенія числа работниковъ, то мы должны выразиться такъ: въ концѣ каждаго послѣдующаго періода число работниковъ увеличивается на 100 проц., увеличеніе же продукта слѣдуетъ совсѣмъ другому закону: въ концѣ второго періода онъ увеличивается на 100 проц., въ концѣ 3-го на 50, въ концѣ 4-го на $33^{1}/_{3}$, въ концѣ 5-го на 25, въ концѣ 6-го на 20 и т. д. Значитъ ли это, что процентъ увеличенія числа работниковъ „служитъ процентомъ уменьшенія

*) То же — потому, что Чернышевскій предполагаетъ неизмѣннымъ отношеніе числа работниковъ-земледѣльцевъ къ общей цифрѣ населенія.

производительной силы труда прибывающихъ работниковъ"? Далеко нѣтъ. Процентъ увеличенія числа работниковъ остается неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ процентъ уменьшенія производительной силы прибылыхъ работниковъ постоянно и очень быстро возрастаетъ. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или нашъ авторъ ошибается, или онъ не точно выражаетъ свою мысль. Мы сейчасъ увидимъ, какое изъ этихъ двухъ предположеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности. „Одинъ новый работникъ, прибавившійся въ второмъ періодѣ, увеличиваетъ своею работою продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ пятаго періода и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1". Таково то явленіе, которое нашъ авторъ хочетъ выразить въ одной общей формулѣ. Нужно это или не нужно — вопросъ другой, но разъ мы хотимъ найти такую формулу, приходится выразиться такъ: *во сколько разъ число прибылыхъ работниковъ каждаго даннаго періода больше числа работниковъ, прибывшихъ во второмъ періодѣ, во столько разъ производительность ихъ труда меньше производительности труда прибылыхъ работниковъ второго періода.* Вотъ и все. Что же слѣдуетъ отсюда? Слѣдуетъ уже извѣстный намъ выводъ: процентъ увеличенія числа прибылыхъ работниковъ остается неизмѣннымъ, процентъ же уменьшенія ихъ производительной силы быстро растетъ. А это значитъ, что отождествлять эти два процента нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Ну, а что произойдетъ, если мы все таки отождествимъ ихъ, вопреки очевидности? Сообразить это очень нетрудно.

Процентъ размноженія не измѣняется, процентъ уменьшенія производительности труда быстро увеличивается. Отождествить эти два процента значитъ предположить, что производительность труда уменьшается далеко не такъ быстро, какъ это явствуетъ изъ разсматриваемыхъ нами прогрессій. Это будетъ совершенно произвольное предположеніе, кореннымъ образомъ измѣняющее условія задачи. Можетъ быть, предположеніе это и болѣе согласно съ фактами дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ, принимая его нельзя утверждать, что мы остаемся вѣрны смыслу „Мальтусовой теоремы", и что „мы изложили ходъ вывода изъ Мальтусовыхъ прогрессій съ такою точностью, съ какой никогда не излагалъ его ни самъ Мальтусъ, никто изъ его послѣдователей"†). Мы изложили бы лишь ходъ вывода изъ условій, произвольно принятыхъ *нами самими.*

Уменьшеніе земледѣльческаго продукта опредѣляется уменьшеніемъ производительности труда прибылыхъ работниковъ ††). Предположивъ, что производительность труда уменьшается медленнѣе, чѣмъ это явствуетъ изъ смысла прогрессій, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ, что и продуктъ уменьшается медленнѣе, чѣмъ это показываетъ Мальтусова ариѳметическая прогрессія. Значитъ, и „дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ" будетъ

---

† Чернышевскій, тамъ же, стр. 208.

†† То есть такъ происходитъ дѣло у насъ на бумагѣ; какъ происходитъ оно на практикѣ, это вопросъ другой, насъ здѣсь не касающійся.

меньше, чѣмъ говоритъ прогрессія. А въ такомъ случаѣ и размѣръ улучшеній, необходимыхъ для устраненія этого дефицита, окажется далеко не такъ великъ, какъ можно было думать, сопоставляя геометрическую прогрессію съ ариѳметической. Слѣдовательно, намъ остается только вычислить этотъ размѣръ, принимая различные „проценты размноженія работниковъ" (иначе сказать, различные періоды удвоенія населенія), чтобы противопоставить, затѣмъ результаты нашего „правильнаго счета" результатамъ „фальшиваго счета" Мальтуса. Въ сущности подобное противопоставленіе доказывало бы лишь ту старую истину, что, исходя изъ неодинаковыхъ посылокъ, люди получаютъ неодинаковые выводы. Но мы, *незамѣтно для себя*, измѣнивъ условія задачи, будемъ думать, что мы опровергли Мальтуса, строго держась прямого смысла его собственной „теоремы".

Но это еще не все. Мало того, что Чернышевскій считаетъ *неизмѣннымъ быстро увеличивающійся* процентъ уменьшенія производительности труда, т. е., иначе сказать, принимаетъ *перемѣнную* величину за *постоянную*, —сама эта мнимо-постоянная величина оказывается у него несравненно меньшей, чѣмъ она должна быть по смыслу „Мальтусовой теоремы". Процентъ размноженія людей по самымъ преувеличеннымъ разсчетамъ не можетъ превышать 7 (при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія онъ нѣсколько меньше *шести*). По смыслу же „Мальтусовой теоремы" производительность труда уже въ третьемъ періодѣ уменьшается на 50 процентовъ (это знаетъ и Чернышевскій: „1 новый работникъ... во второмъ періодѣ увеличиваетъ... продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1"). Согласитесь, что это большая разница, и что ея совершенно достаточно для объясненія тѣхъ поразительныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Чернышевскій. Повторяемъ, мы говоримъ не о томъ, соотвѣтствуютъ, или не соотвѣтствуютъ его предположенія экономической дѣйствительности (объ этомъ онъ и самъ ничего не говорилъ); мы утверждаемъ только, что они совершенно противорѣчатъ смыслу „Мальтусовой теоремы" (а онъ думалъ, что они совершенно вѣрны ему, и также думали всѣ тѣ, которые считали доводы Чернышевскаго неопровержимыми).

Если процентъ возрастанія числа работниковъ (а слѣдовательно и всего населенія) равенъ проценту уменьшенія производительности труда прибылыхъ работниковъ, то нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить размѣры необходимыхъ улучшеній. Положимъ, что населеніе удваивается каждыя 12 лѣтъ. Процентъ размноженія равняется въ этомъ случаѣ: 5,94631. Сообразно съ этимъ и производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ правильно уменьшаться на 5,94631 процента. Далѣе уже самое несложное вычисленіе даетъ намъ искомый процентъ улучшеній. По вышеуказаннымъ причинамъ онъ будетъ очень незначителенъ. А между тѣмъ, мы, повидимому, сдѣлали своимъ противникамъ самую крайнюю уступку: 12-лѣтній періодъ удвоенія населенія совсѣмъ уже невѣроятенъ. Но дѣло въ томъ, что какъ ни великъ при этомъ процентъ размноженія, — а слѣдовательно и ослабленія производительности труда,—эта послѣд-

няя все таки падаетъ медленнѣе, чѣмъ она должна была бы падать при дѣйствительно „правильномъ счетѣ“. Чернышевскій считаетъ, что при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія высота, до которой должно подняться земледѣліе въ теченіе столѣтія, не превышаетъ 1,36958 процента. Мы не станемъ провѣрять, вѣрно ли сдѣланъ его разсчетъ. Допустимъ, что вполнѣ вѣрно. Но не забудемъ, что, по его предположенію, процентъ уменьшенія производительности труда равняется лишь 5,94631 (т. е. проценту размноженія). А то ли выйдетъ при дѣйствительно „вѣрномъ счетѣ“? Уже въ теченіе 96 лѣтъ населеніе увеличится въ 16 разъ. Посмотримъ, какъ велика будетъ производительность труда прибылыхъ работниковъ черезъ 48 лѣтъ, или въ 4-мъ періодѣ. *Во сколько разъ число прибылыхъ работниковъ каждаго даннаго періода больше числа работниковъ, прибывшихъ во второмъ періодѣ, во столько разъ производительность ихъ труда меньше производительности труда прибылыхъ работниковъ второго періода.* Число работниковъ, прибывшихъ въ 4-мъ періодѣ вчетверо больше числа прибылыхъ работниковъ второго періода. Слѣдовательно, производительность труда прибылыхъ работниковъ 4-го періода вчетверо меньше, чѣмъ производительность труда работниковъ, прибывшихъ во второмъ. Въ пятомъ періодѣ оно будетъ въ восемь разъ меньше. Согласитесь, что это очень далеко отъ неизмѣннаго процента, который принятъ Чернышевскимъ (5,94631) и который казался результатомъ крайне преувеличеннаго предположенія (удвоенія населенія въ 12 лѣтъ).

Но неужели Чернышевскій дѣйствительно разсуждаетъ вышеизложеннымъ образомъ? Да, помилуйте, чего же вы хотите, вѣдь онъ самъ заявляетъ это, приступая къ своимъ вычисленіямъ: „Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или... проценту возрастанія населенія“†). А можетъ быть, онъ все таки отклонился отъ своего принципа? Да, отклонился; вы сейчасъ увидите въ какую сторону.

Въ первомъ, происходящемъ такъ сказать на глазахъ у читателя, примѣрномъ разсчетѣ Чернышевскаго процентъ размноженія принимается равнымъ 3. Сообразно съ этимъ и процентъ уменьшенія производительности труда долженъ быть также равенъ 3. Число землепашцевъ равняется 100, а производитъ каждый изъ нихъ по 10 возовъ хлѣба. Разсчетъ ведется погодно. Спрашивается, сколько хлѣба произведетъ каждый прибылой работникъ 2-го года? По смыслу нашихъ условій онъ долженъ произвести 9,7 воза. У Чернышевскаго онъ производитъ 9,7087, т. е. нѣсколько больше. Откуда эта разница? А вотъ откуда. Мы разсчитываемъ такъ: каждый работникъ производилъ прежде по 10 возовъ; производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3 процента меньше. Три процента отъ десяти равняется 0,3. Вычтя эту дробь изъ 10, мы получаемъ 9,7, — цифра, которой и выражается производительность труда каждаго новаго

---

† Тамъ же, стр. 208.

работника 2-го года. Чернышевскій разсуждаетъ иначе. Прежде было 100 работниковъ, теперь стало 103. „Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго какъ 100 къ 103... изъ этого мы получаемъ: X = 9,7087"†). Правильно ли это разсужденіе, согласно ли оно съ условіями задачи? Когда мы говоримъ, что процентъ уменьшенія производительности труда равенъ проценту размноженія, мы хотимъ сказать, что *на сколько* процентовъ увеличится населеніе, *на столько* процентовъ уменьшится производительность труда. А когда мы говоримъ, что производительность труда однихъ работниковъ относится къ производительности труда другихъ какъ такое-то число къ такому-то, мы опредѣляемъ, *во сколько* разъ одна производительность больше другой. *На сколько* 2 меньше 3, *на столько* 3 меньше 4. Можно ли выразить это такой пропорціей: 2 : 3 = 3 : 4? Ясно, что нѣтъ, потому что двѣ трети не равны тремъ четвертямъ. Иное дѣло *ариѳметическая* пропорція, иное дѣло пропорція *геометрическая*. Чернышевскій сначала говоритъ, что онъ будетъ держаться первой (*на сколько* процентовъ населеніе второго года больше населенія перваго года, на столько процентовъ производительность труда прибылыхъ работниковъ меньше и т. д.), а потомъ неожиданно переходитъ ко второй. Какъ вліяетъ это на ходъ его вычисленій? Уменьшеніе производительности труда оказывается еще болѣе слабымъ, чѣмъ было оно при разобранномъ выше ошибочномъ предположеніи относительно равенства двухъ извѣстныхъ читателю процентовъ. Это видно уже изъ вышеприведенныхъ цифръ. И чѣмъ больше процентъ размноженія, тѣмъ замѣтнѣе дѣйствіе этой ошибки††). Другими словами, чѣмъ больше та уступка, которую дѣлаетъ Чернышевскій своимъ противникамъ, тѣмъ болѣе помогаетъ ему его вторая ошибка ослабить логическое слѣдствіе этой уступки, хотя, разумѣется, дѣйствіе второй ошибки несравненно слабѣе дѣйствія первой.

Еще одно замѣчаніе. Допустимъ, что указанныхъ ошибокъ не существуетъ; допустимъ, что по смыслу Мальтусовой „теоремы", процентъ уменьшенія производительности труда равенъ проценту размноженія, и вернемся къ примѣрному разсчету Чернышевскаго. Въ первомъ году у насъ было 100 работниковъ, во второмъ ихъ оказывается уже 103. Производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3 процента меньше прежней производительности. Иначе, повидимому, и быть не можетъ. Но это только повидимому. Какъ распредѣляются прибылые работники по земельнымъ участкамъ? Это, конечно, зависитъ отъ обстоятельствъ. Прежде каждый работникъ воздѣлывалъ 4 десятины, а каждые два работника воздѣлывали участокъ въ 8 десятинъ. Новые работники распредѣлились, положимъ,

---

† Тамъ же, стр. 208—209.

†† Чернышевскій въ своемъ разсчетѣ не разъ смѣшиваетъ понятіе—„*во* сколько" съ понятіемъ „*на* сколько". Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „производительность труда... въ этомъ году должна подняться *на столько* выше прежней своей величины, *на сколько* требуемый сборъ" и такъ далѣе, и вслѣдъ затѣмъ строитъ геометрическую пропорцію (тамъ же, стр. 209).

такъ, что на трехъ 8-десятинныхъ участкахъ теперь работаетъ уже по три, а не по два человѣка, какъ это было прежде. На этихъ участкахъ *„размноженіе“* работниковъ будетъ равно 50 процентамъ. Слѣдовательно, производительная сила ихъ уменьшится *на половину*. Каждый изъ нихъ производитъ только 5 возовъ хлѣба, а не 9,7, какъ предполагалось раньше. Сообразно съ этимъ увеличится дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ, а слѣдовательно и размѣръ необходимыхъ улучшеній. Но въ такомъ случаѣ выводы, къ которымъ пришелъ Чернышевскій въ своихъ вычисленіяхъ, потеряли бы всякую убѣдительность, если бы даже и были отновательны.

Смѣшно было бы ставить въ вину экономисту случайную ошибку, закравшуюся въ его примѣрный, пояснительный разсчетъ. Отъ подобныхъ ошибокъ, происходящихъ отъ недосмотра, не застрахованы и геніальнѣйшіе спеціалисты — математики. Но когда къ подобнымъ выкладкамъ сводится весь *„методъ“* экономиста, (а къ нимъ именно и сводится „гипотетическій“ или „математическій“ методъ Чернышевскаго), тогда дѣло принимаетъ другой оборотъ. Тогда остается одно изъ двухъ: или жалѣть о томъ, что экономистъ невнимательно примѣняетъ свой методъ (потому что его математическія ошибки вліяютъ на его выводы, которые не только *поясняются* съ помощью примѣрныхъ выкладокъ, а цѣликомъ *вытекаютъ* изъ нихъ), или посовѣтовать ему держаться другого, болѣе научнаго и потому болѣе плодотворнаго метода.†)

IV.

Взглядъ Чернышевскаго на *„размноженіе людей“* уже гораздо свободнѣе отъ ошибокъ, хотя и онъ, конечно, совсѣмъ не чуждъ общаго недостатка всѣхъ соціально-политическихъ взглядовъ нашего автора: *крайней отвлеченности.* Въ сущности весь вопросъ сводится Чернышевскимъ къ физіологической возможности болѣе или менѣе быстраго размноженія человѣческаго рода. „О чемъ собственно идетъ дѣло? спрашиваетъ онъ. О такомъ ли числѣ рожденій, къ достиженію котораго можетъ быть принужденъ человѣческій организмъ внѣшнимъ насиліемъ, или о такомъ числѣ рожденій, которое было бы естественнымъ послѣдствіемъ отстраненія всякихъ задержекъ размноженію со стороны нужды? Извѣстно, что всякое живое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, можетъ быть принуждаемо насиліемъ къ дѣятельности, превышающей нормальную его силу... Организмъ женщины можетъ быть принуждаемъ къ рожденію количества дѣтей, превышающаго ея силы; но... это не будетъ благопріятно быстротѣ

---

†) При провѣркѣ математическихъ доказательствъ Чернышевскаго намъ оказалъ большую услугу одинъ нашъ другъ-математикъ, котораго мы не называемъ страха ради полицейска, свидѣтельствуя ему, однако, здѣсь свою благодарность.

размноженія. Изнуренная мать будетъ рождать младенцевъ, лишенныхъ способности жить. При томъ же подобное положеніе женщины возможно лишь при грубости нравовъ, т. е. при невѣжествѣ, т. е. при дурномъ положеніи общества, неблагопріятномъ размноженію. Мы, конечно, ищемъ не того, какое число дѣтей можетъ родиться въ условіяхъ, неблагопріятныхъ размноженію, — мы хотимъ знать, какой процентъ рожденій можетъ быть въ обществѣ при существованіи всѣхъ благопріятнѣйшихъ для размноженія условій".*)

Бѣдность и грубость нравовъ имѣютъ свойство увеличивать число рожденій, доводить ихъ цифру до величины, которой они не достигли бы при благосостояніи и смягченныхъ нравахъ. Въ большинствѣ европейскихъ странъ число рожденій колеблется (вѣрнѣе сказать, *колебалось*, потому что Чернышевскій писалъ 30 лѣтъ тому назадъ) между 35 и 40 рожденій на 1,000; до 45 оно доходитъ лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, выше 45 оказывается лишь въ тѣхъ странахъ, статистическіе отчеты которыхъ не достовѣрны, и, наконецъ, до 48 не достигаетъ ни одна цифра, сколько нибудь заслуживающая довѣрія†). Чернышевскій считаетъ 40 рожденій на 1000 человѣкъ „за самую высшую цифру, какая только допускается устройствомъ человѣческаго организма безъ насильственнаго изнуренія физическихъ силъ женщинъ въ населеніи неразмножающемся; въ населеніи размножающемся быстро, цифра эта будетъ меньше" (такъ какъ меньше будетъ относительное число взрослыхъ людей въ общемъ составѣ населенія). Съ улучшеніемъ положенія женщины число рожденій опустится ниже 40 на 1000. Процентъ размноженія получается вычитаніемъ числа умирающихъ изъ числа рождающихся. Вѣроятное число рожденій намъ извѣстно; какова же вѣроятная смертность? По мнѣнію нашего автора „наименьшая смертность между новорожденными, при всевозможномъ благосостояніи въ нынѣшнемъ обществѣ, простирается до 20 на 1000, а наименьшая смертность между людьми, имѣющими болѣе 5 лѣтъ, по всей вѣроятности, не меньше 1,47 (1,4724) процента и ни въ какомъ случаѣ не меньше 1,24 (1,2425) процента".††)

---

* Т. III, стр. 227—228.

† Цифры заимствуются Чернышевскимъ изъ „Elements de statistique humaine" Гильяра.

†† Т. III, стр. 236. Цифры эти Чернышевскій получаетъ такимъ образомъ. Изслѣдованія англійскаго статистика Чедвина показываютъ, что изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя 5 лѣтъ умираетъ 20 процентовъ. Эту смертность Чернышевскій считаетъ наименьшею, какая только возможна по самому устройству человѣческаго организма, такъ какъ англійскіе землевладѣльцы, не терпя никакихъ матеріальныхъ лишеній, славятся въ то же время заботливостью и раціональностью въ физическомъ воспитаніи своихъ дѣтей. Что касается наименьшей смертности между людьми старше 5 лѣтъ, она опредѣляется нѣсколько болѣе сложнымъ пріемомъ. Во Франціи, по Гильяру, изъ 1000 дѣтей, недостигшихъ пятилѣтняго возраста, умирало 274. Такъ какъ нормальная смертность равняется 200, то 74 смерти оказываются слѣдствіемъ нужды. Нельзя думать, чтобы пропорція *лишнихъ смертей* была больше этой цифры между умершими старше 5 лѣтъ. Чернышевскій полагаетъ, напротивъ, что она будетъ вдвое меньше, что „на одну лишнюю смерть выше пяти лѣтъ приходится двѣ лишнихъ смерти между младенцами". Но на всякій случай онъ дѣлаетъ двойной разсчетъ, опредѣляя относительное число *лишнихъ* смертей какъ въ

На основаніи этихъ крайнихъ предѣловъ наибольшаго числа рожденій и наименьшаго числа смертей „въ обществѣ, въ которомъ бѣдность не была бы причиною ни одной смерти и не останавливала бы ни одного рожденія", Чернышевскій находитъ, „что періоды удвоенія въ 15 или 12 лѣтъ — чистая химера, происшедшая только отъ забвенія о дѣйствительно-возможномъ наибольшемъ числѣ рожденій, и что даже періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, казавшійся Мальтусу самымъ продолжительнымъ изъ всѣхъ вѣроятныхъ, долженъ считаться, напротивъ того, неправдоподобно-краткимъ. На самомъ дѣлѣ, періодъ удвоенія едва ли меньше, а по всей вѣроятности больше 35 лѣтъ". Но это при нынѣшнихъ обычаяхъ, поднимающихъ процентъ рожденій выше естественной нормы. „Смягченіе нравовъ ведетъ къ удлинненію періода удвоенія и мы не имѣемъ предѣла, о которомъ можно было бы сказать, что при извѣстномъ смягченіи нравовъ онъ не окажется все еще слишкомъ коротокъ; напротивъ, есть основаніе думать, что при устраненіи нынѣшней грубости семейныхъ отношеній дѣйствіемъ распространяющагося просвѣщенія, размноженіе прекратится, и число населенія станетъ увеличиваться лишь вслѣдствіе общественной необходимости въ томъ; а когда надобности въ томъ не будетъ, не будетъ и размноженія. Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что можно сомнѣваться въ томъ, свойственно ли ему даже поддерживать существующее число населенія, если онъ не возбуждается таготѣніемъ общественнаго мнѣнія, т. е. разсчетомъ пользы".†)

Мальтусъ считалъ возможными очень короткіе періоды удвоенія; поэтому онъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ право говорить, что выселеніе не поможетъ бѣдѣ, происходящей отъ излишняго размноженія: при 20-лѣтнемъ періодѣ удвоенія процентъ размноженія равняется 3,6; если при такомъ размноженіи будетъ эмигрировать ежегодно 1,5 процента населенія, то все таки останется ежегодное приращеніе въ 2,1 процента, при чемъ населеніе удвоится въ 33 года. Совершенно иное дѣло, когда періоды удвоенія,—какъ это мы видѣли изъ предыдущаго—оказываются, по свойствамъ человѣческаго организма, гораздо болѣе длинными, чѣмъ думалъ Мальтусъ. Тогда эмиграція должна быть признана могучимъ средствомъ борьбы съ перенаселеніемъ. Благодаря ей, періоды удвоенія населенія остающагося въ странѣ, могутъ быть удлиннены до цифръ, на первый взглядъ кажущихся совершенно невѣроятными. По обыкновенію, Чернышевскій поясняетъ свою мысль примѣрнымъ разсчетомъ, и, — какъ не рѣдко случается у него — разсчетъ не совсѣмъ точенъ††). Впрочемъ, въ

томъ предположеніи, что между взрослыми ихъ не меньше, чѣмъ между дѣтьми, такъ и въ томъ, что взрослый организмъ вдвое лучше дѣтскаго сопротивляется убійственному вліянію лишеній. Разсчетъ ведется имъ на основаніи статистическихъ данныхъ о смертности во Франціи. Найдя число *лишнихъ смертей*, Чернышевскій безъ труда получаетъ процентъ *нормальной* смертности.

† Т. III, стр. 243.

†† Такъ, Чернышевскій находитъ, что эмиграція, доходящая до 1,5 процента населенія въ обществѣ, число гражданъ котораго удваивалась прежде черезъ 52,6 года, удлиннитъ періодъ удвоенія до 894,8 лѣтъ. Между тѣмъ, изъ его же таблицы видно.

данномъ случаѣ это не важно. Чернышевскій самъ не придаетъ значенія полученнымъ имъ цифрамъ, „явно смѣющимся надъ нами и своею огромностию, превышающею всякій разсчетъ экономическихъ вѣроятностей, и своею нелѣпою претензіею на точность". Цифры эти убѣждаютъ не частностями, а общимъ своимъ смысломъ. Онѣ „говорятъ намъ: не бойтесь; кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы насъ, — опровергнуть насъ нельзя; но мы построены на нынѣшнихъ вашихъ обычаяхъ и понятіяхъ, — неужели вы думаете мѣрить далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими же, какъ вы? Не бойтесь, они будутъ умнѣе васъ. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукамъ"...†)

Нужно ли входить въ подробный разборъ доводовъ Чернышевскаго? Мы считаемъ это излишнимъ. Мы только повторимъ сдѣланное выше замѣчаніе насчетъ того, что взглядъ его на размноженіе людей имѣетъ, какъ и всѣ его соціально-политическіе взгляды, крайне отвлеченный характеръ. Какъ должно было отражаться это обстоятельство на его изслѣдованіи, понятно само собою. Оно дѣлало его мало убѣдительнымъ. Тамъ, гдѣ надо было бы внимательнѣе всмотрѣться въ окружающую дѣйствительность, Чернышевскій довольствовался формальной правильностью своихъ силлогизмовъ. Но формальная правильность силлогизма еще не ручается за вѣрность вывода. Все зависитъ отъ посылокъ. Посылки же Чернышевскаго строились обыкновенно на нѣсколькихъ цифрахъ, часто очень остроумно истолкованныхъ, но далеко не исчерпывавшихъ всего разнообразія разсматриваемыхъ явленій. Поэтому и возраженія его Мальтусу могутъ считаться скорѣе образчикомъ *полемической находчивости* (не чуждой, какъ мы видѣли, большой доли *опрометчивости*), чѣмъ *научнаго разсмотрѣнія* предмета. Вотъ, напр.,—окончательный выводъ Чернышевскаго не подлежитъ сомнѣнію: не законы природы, а взаимныя отношенія людей, общественныя отношенія причиняютъ бѣдность рабочаго класса. Но когда рѣчь заходитъ о точномъ указаніи тѣхъ сторонъ современныхъ общественныхъ отношеній, которыя причиняютъ такъ называемое перенаселеніе, разсужденія нашего автора дѣлаются довольно сбивчивыми. Мы видѣли, что въ главѣ о прибавочной стоимости (или „прибыли") онъ приписывалъ обѣдненіе рабочаго класса стремленію этой стоимости рости по геометрической прогрессіи. Въ главѣ о „*дѣйствительномъ источникѣ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ*" и объ „*истинномъ смыслѣ Мальтусовой теоріи*" онъ обращаетъ вниманіе на два другія обстоятельства, именно: „на *отношеніе основного капитала къ прибыли*" и на „*пропорцію земледѣльческаго населенія въ общемъ составѣ населенія*".

что первоначальный процентъ размноженія въ такомъ обществѣ равнялся бы лишь 1,3275. При эмиграціи, процентъ которой превышаетъ первоначальный процентъ размноженія, въ населеніи явится *убыль*, а потому оно *никогда не удвоится*, если не измѣнится положеніе дѣлъ.

† Т. III, стр. 240—242.

Съ увеличеніемъ населенія производительность труда, прилагаемаго къ землѣ, падаетъ. Для избѣжанія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ требуются улучшенія въ способахъ обработки земли. Чернышевскій старался доказать, что процентъ необходимыхъ улучшеній очень невеликъ, и что съ этой стороны человѣчеству опасаться нечего. Но въ своихъ вычисленіяхъ онъ принималъ неизмѣннымъ отношеніе земледѣльцевъ къ общему составу населенія. Съ измѣненіемъ этого отношенія, съ уменьшеніемъ „пропорціи земледѣльцевъ", —процентъ улучшеній, необходимыхъ для покрытія дефицита, быстро возвышается. А это значитъ, что людямъ все труднѣе и труднѣе становится бороться съ дефицитомъ. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что улучшенія уже не покрываютъ дефицита. Именно это мы и видимъ въ исторіи всѣхъ прогрессирующихъ странъ. По мѣрѣ развитія цивилизаціи городское и вообще неземледѣльческое населеніе увеличивается насчетъ сельского, земледѣльческаго. Отъ земледѣлія отнимается больше рукъ, чѣмъ это допускается успѣхами земледѣльческаго искусства. Отсюда — недостатокъ продовольствія, который несомнѣнно существуетъ въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ. „Мальтусъ былъ правъ, говоря, что съ размноженіемъ населенія является непобѣдимый никакими земледѣльческими улучшеніями дефицитъ земледѣльческаго продукта, дефицитъ, производящій нищету съ ея послѣдствіями. Мальтусъ ошибся только тѣмъ, что остановился на одновременности этихъ двухъ явленій и голословно назвалъ одно изъ нихъ причиною другого, между тѣмъ какъ связь между ними только связь одновременности, а не причинности, и происходятъ они не одно изъ другого, а каждое имѣетъ свою особенную причину".†)

Если бы мы имѣли дѣло съ рабовладѣльцемъ, ведущимъ натуральное хозяйство, то, разумѣется, обнаружившійся у него недостатокъ хлѣба могъ бы найти совершенно удовлетворительное объясненіе въ несоразмѣрномъ уменьшеніи „пропорціи земледѣльцевъ". Но и тогда надобно было бы все таки спросить себя, — точно ли недостаетъ хлѣба у хозяина? Можетъ быть, онъ ссылается на недостатокъ хлѣба единственно затѣмъ, чтобы оправдать свою жадность, не позволяющую ему кормить рабовъ до-сыта. Въ *капиталистическомъ* же хозяйствѣ всѣ явленія несравненно болѣе сложны, и, именно благодаря своей сложности, они очень плохо объясняются отвлеченными соображеніями того или другого рода.

Тутъ намъ припоминается Рикардо, котораго Чернышевскій такъ горячо защищалъ отъ нападокъ Кэри. Попросимъ Рикардо объяснить намъ, что произойдетъ въ случаѣ недостатка хлѣба, вызываемаго уменьшеніемъ „пропорціи земледѣльцевъ".

Если хлѣба мало по той причинѣ, что слишкомъ мало число рукъ, занимающихся его производствомъ, — отвѣтитъ намъ Рикардо, — цѣна хлѣба поднимется, и это привлечетъ къ земледѣлію новые капиталы, то есть, слѣдовательно, и новыя рабочія руки: „пропорція земледѣльцевъ" будетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока не при-

† Тамъ же, стр. 257.

метъ надлежащихъ размѣровъ, опредѣляемыхъ спросомъ на хлѣбъ Въ земледѣліи, какъ и вездѣ, „пропорція" работниковъ зависитъ не отъ чего иного, какъ именно отъ спроса на ихъ издѣлія. Я подробно объяснилъ это въ своей „Политической Экономіи". Впрочемъ, это хорошо знали *раньше* меня и никогда не оспаривали *послѣ*.

Къ тому же,—прибавитъ, пожалуй, Рикардо,—очень ошибаются тѣ, которые считаютъ, что количество хлѣба, производимаго въ странѣ, должно увеличиваться по мѣрѣ увеличенія производительности земледѣльческаго труда; другими словами, по мѣрѣ возрастанія процента улучшеній, совершающихся въ земледѣльческой техникѣ. Въ дѣйствительности вполнѣ возможно *обратное* явленіе: количество производимаго хлѣба будетъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія производительности труда. Въ данной странѣ, имѣющей данную „пропорцію земледѣльцевъ", произошло „улучшеніе земледѣльческихъ способовъ", позволяющее уменьшить на половину число рукъ, требующихся для обработки каждой десятины. Половина рукъ остается безъ работы. Не имѣя работы, они не имѣютъ возможности покупать хлѣбъ. Слѣдовательно, потребленіе хлѣба *сокращается*, и сокращается благодаря именно улучшенію земледѣльческихъ способовъ; сокращеніе же потребленія хлѣба ведетъ къ новому сокращенію производства. Если дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ опредѣлять числомъ голодныхъ желудковъ, существующихъ въ данной странѣ, то и выйдетъ, что *дефицитъ растетъ вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда*.

Это прекрасно зналъ и Мальтусъ. „Небольшая ферма въ Керри†) способна, можетъ быть, прокормить большую семью, имѣющую нѣсколькихъ взрослыхъ работниковъ. Но работа на фермѣ требуетъ очень немногихъ рукъ; женщины исполняютъ большую часть этой работы. Работа, выпадающая на долю мужчинъ, такъ невелика, что не составитъ въ общемъ счетѣ и одного дня въ недѣлю"††.) На маленькой фермѣ слѣдствіемъ этого является, по Мальтусу, праздность мужчинъ; но онъ понималъ, что на большихъ, *капиталистическихъ* фермахъ дѣло происходитъ иначе: излишнія руки изгоняются. Именно по этому-то поводу онъ и замѣчаетъ, что „*способность прокормить работниковъ можетъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе сдѣлать это*".

Конечно, можно сказать, что улучшеніе земледѣлія даетъ возможность начать или усилить вывозъ хлѣба за-границу, а вывозъ хлѣба за-границу позволитъ удержать при землѣ прежнее число работниковъ. Но, во-первыхъ, это возраженіе сводилось бы къ старой пѣснѣ о томъ, что введеніе машинъ не ухудшаетъ положенія работниковъ. Чернышевскій не сталъ бы пѣть эту пѣсню. А кромѣ того, если бы при землѣ и осталось прежнее количество рукъ, то вѣдь потребленіе хлѣба *сравнительно съ производствомъ его* все-таки сократи-

† То есть ферма, обрабатываемая самими арендаторами, а *не* капиталистическая ферма.

†† Principes, t. II, p. 95.

лось бы весьма значительно. Можетъ быть и нельзя было бы вывозить хлѣбъ за-границу, если бы мы рѣшились кормить до-сыта всѣхъ тѣхъ, которые живутъ у насъ впроголодь. Но вѣдь у этихъ людей нѣтъ денегъ, ихъ потребности не имѣютъ ничего общаго съ *„дѣйствительнымъ“* спросомъ на хлѣбъ. А въ буржуазномъ обществѣ только этотъ спросъ и принимается въ соображеніе.

Изъ Россіи при обыкновенномъ урожаѣ вывозится много хлѣба за-границу; до абсолютнаго „дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ“ при такихъ условіяхъ очень далеко. Но это не мѣшаетъ голодать русскимъ крестьянамъ, не мѣшаетъ существованію *относительнаго* дефицита.

Итакъ, въ вопросѣ о современной нищетѣ съ ея послѣдствіями „пропорція земледѣльцевъ“ ровно ничего не объясняетъ. Сама эта пропорція опредѣляется спросомъ на хлѣбъ. Спросъ опредѣляется распредѣленіемъ покупательной силы. Распредѣленіе покупательной силы зависитъ, во-первыхъ, отъ отношенія между заработной платой и прибавочной стоимостью, а во-вторыхъ, — отъ того, какъ раздѣляется прибавочная стоимость между различными слоями эксплуататоровъ и непроизводительныхъ работниковъ. Наконецъ, отношеніе между заработной платой и прибавочной стоимостью, по мѣрѣ увеличенія производительности труда, все болѣе и болѣе измѣняется *въ ущербъ* работникамъ, *а не въ пользу ихъ*, какъ этого можно было бы ожидать на основаніи разсужденій Чернышевскаго.

Ссылка на „пропорцію земледѣльцевъ“ такъ же мало убѣдительна, какъ и извѣстная читателю мысль Чернышевскаго о причинахъ сравнительно медленнаго усовершенствованія земледѣлія: отъ недостатка хлѣба страдаютъ только бѣдняки; современная же наука въ большинствѣ случаевъ направляетъ свои изслѣдованія лишь сообразно нуждамъ высшихъ классовъ*). Читатель знаетъ, до какой степени плохо выражаетъ эта отвлеченная мысль дѣйствительный смыслъ конкретнаго явленія.

Посмотримъ теперь, какая связь существуетъ между нищетой и „отношеніемъ основного капитала къ прибыли“.

„Земледѣльческое улучшеніе, подобно всякому другому техническому улучшенію, состоитъ, главнымъ образомъ, въ увеличеніи основного капитала. Мы видѣли у Милля, что основной капиталъ... обыкновенно возростаетъ не иначе, какъ обращеніемъ въ капиталъ прибыли и ренты. Но прибыль и рента, когда отдѣляются фактически отъ рабочей платы, обращаются въ капиталъ не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, если процентъ дохода представляетъ достаточную привлекательность для человѣка, желающаго жить не рабочею платою, а доходомъ съ капитала. Величина процента, дающая такую привлекательность обращенію прибыли и ренты въ капиталъ, различна въ разныхъ странахъ; но не бывало никогда примѣровъ, чтобы она спускалась ниже 2%, — обыкновенно стоитъ она гораздо выше

*) См. нашу третью статью о Чернышевскомъ, „Соц.-Дем.“, кн. 3, отд. I, стр. 105—108.

даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Между тѣмъ для націи была бы выгодна затрата капитала на земледѣльческія улучшенія для покрытія дефицита въ продуктѣ, хотя бы доходъ составлялъ несравненно меньшую, въ нѣсколько десятковъ разъ меньшую пропорцію къ затраченному капиталу. Такимъ образомъ очень часто можетъ представляться для націи надобность въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, которыя давали бы на затраченный капиталъ гораздо меньше дохода, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы затрата стала привлекательна по причинѣ дохода отъ нея для людей, живущихъ рентою или прибылью, а не рабочею платою. Въ такихъ случаяхъ рента и прибыль не обращаются въ капиталъ, а потребляются непроизводительнымъ образомъ, и остаются не произведены тѣ земледѣльческія улучшенія, какія были бы нужны для предотвращенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ.“ *)

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что когда между обществомъ и его производительными силами стоитъ капиталистъ, пользованіе этими силами никогда не можетъ дойти до такихъ размѣровъ, до какихъ дошло бы оно въ коммунистическомъ обществѣ. Это зналъ, какъ мы видѣли, самъ Мальтусъ. Но—странное дѣло!—буржуа Мальтусъ высказывалъ по этому поводу мысли во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствующія дѣйствительности, чѣмъ соціалистъ Чернышевскій. У Чернышевскаго выходитъ, что капиталистическій строй можетъ оказаться препятствіемъ для распространенія земледѣлія на новые участки только въ томъ случаѣ, когда производительность труда на этихъ участкахъ будетъ значительно *ниже, чѣмъ на старыхъ*. Притомъ же Чернышевскій говоритъ только о земледѣльческомъ трудѣ. Мальтусъ ставитъ вопросъ шире и отвѣчаетъ на него правильнѣе. По мнѣнію Мальтуса, уже извѣстному читателю, *каковы бы ни были производительныя силы*—въ земледѣліи *и въ другихъ отрасляхъ производства*—онѣ употребляются въ дѣло лишь тогда, когда капиталистъ надѣется получить достаточную прибыль†). Это огромная разница. Во время переполненія рынковъ капиталисты сокращаютъ производство, потому что оно не окупило бы даже сдѣланныхъ на него затратъ. Періодическое переполненіе рынковъ принимаетъ тѣмъ болѣе внушительные размѣры, *чѣмъ болѣе* развиваются производительныя силы. Слѣдовательно, *чѣмъ болѣе* развиваются эти силы, *тѣмъ болѣе* серьезнымъ препятствіемъ является капиталистическій строй *для ихъ примѣненія*. Это выводъ, какъ разъ обратный выводу Чернышевскаго.

Обратите вниманіе на примѣръ, съ помощью котораго нашъ авторъ доказываетъ справедливость своей мысли.

Общество имѣетъ 10,000 человѣкъ населенія или 2,000 семействъ съ 2,000 мужчинъ. Половина этихъ послѣднихъ обработываетъ землю, остальные частью занимаются другими отраслями производительнаго труда, частью предаются труду непроизводительному, а частью посвящаютъ свое время эксплуатаціи ближняго (землевладѣльцы и ка-

*) Т. III, стр. 274.

†) Principes, t. II, p. 121. Подлинныя слова Мальтуса приведены нами во второй главѣ.

питалисты). На продовольствіе нужно по 4 четверти на человѣка, а 1,000 земледѣльцевъ производитъ 40,000 четвертей, по 40 четвертей каждый. Рента и прибыль составляютъ четвертую часть продукта, т. е. 10,000 четвертей. Остальныя 30,000 составляютъ рабочую плату, по 30,000 четвертей на работника*). Такъ обстоитъ дѣло въ первомъ году. Въ слѣдующемъ году, благодаря размноженію населенія, въ земледѣльческомъ продуктѣ оказывается недочетъ, доходящій до 16 четвертей, т. е. выходитъ, что недостаетъ продовольствія для 4 человѣкъ. Необходимы улучшенія. Необходимы — съ точки зрѣнія людей, нуждающихся въ продовольствіи, но не съ точки зрѣнія капиталистовъ. У тѣхъ свои разсчеты. Съ ихъ точки зрѣнія „дѣло зависитъ отъ того, какое количество труда нужно для производства улучшеній, дающихъ въ продуктѣ увеличеніе на 16 четвертей". Положимъ, что для покрытія недочета надо осушить небольшой участокъ. Для этого потребуется годичный трудъ 2 работниковъ. На ихъ наемъ надо затратить 60 четвертей (по 30 на каждаго, согласно вышеприведенному предположенію). Слѣдовательно, затрата капитала равняется 60 четвертямъ. Обращеніе ихъ въ основной капиталъ дастъ 16 четвертей дохода. „Нѣтъ ни одного разсудительнаго землевладѣльца или капиталиста въ Европѣ, который съ радостью не сдѣлалъ бы такого улучшенія. *Если бы нужны были только такія улучшенія, не существовало бы нищеты въ Европѣ*" (курсивъ нашъ). Но возможенъ иной случай. Возможно, что для осушенія участка потребуется прорыть большой каналъ, который поглотитъ годичный трудъ 200 человѣкъ. На ихъ наемъ потребуется 6,000 четвертей. Осушенный участокъ будетъ приносить ежегодно по 16 четвертей. Это составитъ немного больше одной четвертой части процента. „Каково бы ни было расположеніе націи къ бережливости, до какой бы высокой степени ни доходило дѣятельное стремленіе къ накопленію, никогда не можетъ оно усилиться до того, чтобы прибыль въ одну четвертую часть процента стала казаться привлекательною для разсудительнаго человѣка". Значитъ, улучшенія не будутъ сдѣланы. А между тѣмъ, ихъ навѣрное сдѣлали бы, если бы общество само распоряжалось употребленіемъ въ дѣло своихъ производительныхъ силъ. Для него вопросъ о покрытіи дефицита есть вопросъ жизни и смерти.

Въ этомъ примѣрѣ очень много всякаго рода экономическихъ несообразностей. Мы не хотимъ останавливаться на нихъ. Читатель замѣтитъ ихъ и безъ нашей помощи, а если не замѣтитъ,—бѣда не велика: несообразности эти только лишній разъ показали бы несостоятельность „гипотетическаго" метода Чернышевскаго, а она и безъ того очевидна†). Мы просимъ читателя обратить вниманіе лишь

---

*) „Для простоты гипотезы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія отрасли производства и всѣ другіе элементы рабочей платы, кромѣ земледѣлія и хлѣба", замѣчаетъ авторъ.

†) На всякій случай, вотъ одна изъ несообразностей.

По предположенію Чернышевскаго подлежащій улучшенію участокъ занимаетъ 4 десятины. Одна десятина будетъ, поэтому, въ среднемъ приносить 4 четверти.

на слѣдующее обстоятельство. Въ разбираемомъ примѣрѣ каждый земледѣлецъ производитъ первоначально 40 четвертей хлѣба. Осушенный участокъ приноситъ только 16. Авторъ не говоритъ, сколько труда понадобится для его обработки (обработка совершенно упускается имъ изъ виду). Но принимая во вниманіе, что участокъ занимаетъ 4 десятины, надо думать, что для его воздѣлыванія понадобится количество труда, по крайней мѣрѣ, равное годичному труду одного работника. Но положимъ даже, что каждый работникъ въ состояніи обработать 8 десятинъ, и что, слѣдовательно, на обработку участка необходимо затратить лишь половину годичнаго труда одного человѣка. Все-таки производительность труда на этомъ участкѣ значительно ниже, чѣмъ на старыхъ участкахъ: тамъ полугодичный трудъ работника производитъ 20 четвертей. Это, во-первыхъ, доказываетъ, что именно только въ случаѣ пониженія производительности труда капиталистическій строй могъ, по мнѣнію Чернышевскаго, оказаться препятствіемъ для употребленія въ дѣло производительныхъ силъ. Во-вторыхъ, это проливаетъ новый свѣтъ на знаменитое математическое опроверженіе Мальтуса.

Въ своемъ примѣрѣ Чернышевскій указываетъ, какое число жителей имѣетъ его воображаемое общество и даже говоритъ, какъ великъ процентъ размноженія его населенія. Въ этомъ, повидимому, нѣтъ никакой надобности. Чтобы доказать свою мысль, онъ могъ бы ограничиться указаніемъ того, до какой степени упадетъ производительность труда на новомъ участкѣ. Но ему нужно было опредѣлить „процентъ улучшеній", необходимыхъ для покрытія дефицита, обнаружившагося во второмъ году. „*По Мальтусовой теоремѣ*" этотъ процентъ оказывается равнымъ 0,0385 или, какъ предполагаетъ Чернышевскій „для легкости счета",—0,04. Читатель знаетъ, что нельзя опредѣлить этотъ процентъ, не опредѣливъ предварительно того, какъ понизится производительность земледѣльческаго труда. *Мальтусова теорема*" именно и помогаетъ Чернышевскому найти эту неизвѣстную величину: процентъ ослабленія производительности труда новыхъ работниковъ равенъ проценту размноженія, то есть 2. Относительно этого можно предположить одно изъ двухъ: 1) это вѣрно, 2) это не вѣрно. Чернышевскій сказалъ бы, конечно, что это совершенно вѣрно. Положимъ, что онъ правъ. Что же выходитъ? Процентъ необходимыхъ улучшеній очень невеликъ. Цифра, его выражающая, „*явно смѣется надъ нами*" своею ничтожностью; она говоритъ намъ: „не бойтесь, кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы меня, опровергнуть меня нельзя". Мы вѣримъ цифрѣ, у насъ

Осушенный участокъ не станетъ же давать жатву безъ обработки. Чтобы воздѣлать его, понадобится, положимъ, годичный трудъ одного человѣка. Часть продукта этого труда пойдетъ работнику въ видѣ заработной платы, другая составитъ прибавочную стоимость. Спрашивается, какъ велика будетъ она? Она будетъ равна тому, что останется отъ продукта за вычетомъ рабочей платы. Рабочая плата, по предположенію Чернышевскаго, доходитъ до 30 четвертей. Значитъ, на прибавочную стоимость останется **минусъ** 14 четвертей. Но отрицательная прибавочная стоимость не даетъ возможности уплатить хотя бы одну четверть процента на затраченный прежде основной капиталъ.

исчезаютъ всякія опасенія на счетъ будущаго. Но когда рѣчь заходитъ объ исполненіи ничтожнѣйшихъ по своимъ размѣрамъ улучшеній, оказывается, что мы, по извѣстному нѣмецкому выраженію, считали безъ хозяина. Оказывается, что въ дѣлѣ исполненія этихъ улучшеній возможны очень различные *„случаи“*. Возможно, что потребуется затратить огромный трудъ для полученія сравнительно ничтожнаго *„дохода“*. Значитъ, величина процента необходимыхъ улучшеній еще *ровно ни за что не ручается.* Даже въ „гипотетической“ дѣйствительности Чернышевскаго эта ничтожная величина можетъ уживаться съ огромнѣйшими практическими затрудненіями, съ чрезвычайно большимъ пониженіемъ производительности труда на участкѣ, который долженъ покрыть нашъ дефицитъ. Извольте, послѣ этого, вѣрить *насмѣшливой цифрѣ!*

V.

Послѣ всего сказаннаго надо ожидать, что истинная *причина кризисовъ* должна была остаться непонятной для Чернышевскаго. Такъ оно и есть въ дѣйствительности.

Какъ объяснить кризисы, эти „экономическія землетрясенія, ломающія фирмы, разрушающія фабрики, оставляющія безъ куска хлѣба тысячи бывшихъ богачей и милліоны работниковъ“?

Чернышевскій приводитъ краткое извлеченіе изъ отдѣла, посвященнаго кризисамъ у Милля. Изъ этого извлеченія явствуетъ, что причина кризисовъ лежитъ въ *„закупкахъ на спекуляцію“* или просто въ *спекуляціи.* Соображенія Милля кажутся Чернышевскому достаточными для опроверженія того взгляда, по которому кризисы причиняются излишнимъ выпускомъ кредитныхъ бумагъ. „Связь коммерческихъ кризисовъ съ кредитными бумагами въ существѣ дѣла только та, что быстрый ходъ закупокъ въ огромномъ размѣрѣ возможенъ конечно только при высокомъ развитіи экономической жизни, основанной на обмѣнѣ, а при такомъ развитіи экономической жизни непремѣнно существуетъ и высокое развитіе кредита, а въ числѣ другихъ его формъ — и высокое развитіе такъ называемыхъ кредитныхъ бумагъ“ *). Но отсюда еще не слѣдуетъ, что взглядъ Милля правиленъ. „Дѣло въ томъ, что Милль останавливается только на одной коммерческой сторонѣ процесса, не считая нужнымъ упомянуть о его вліяніи на производство и потребленіе“ †). Съ кризисами „связанъ вопросъ о такъ называемымъ излишкѣ снабженія“. Милль лѣзетъ изъ кожи вонъ, чтобы показать, вопреки Мальтусу, Чомерсу и Сисмонди, невозможность подобнаго излишка. По его словамъ, „заслуга истиннаго разъясненія этого чрезвычайно важнаго дѣла болѣе

---

*) Сочиненія Н. Чернышевскаго, т. IV, стр. 289—290.

†) Тамъ же, стр. 296.

всего принадлежитъ двумъ знаменитымъ людямъ: на континентѣ проницательному Ж. Б. Сэю, а въ Англіи Джемсу Миллю". — „Все, что говоритъ Милль — чистая правда", замѣчаетъ Чернышевскій. Но неужели такіе люди, какъ Сисмонди и Мальтусъ, не умѣли понимать того, что называется коммерческимъ кризисомъ? Они дошли до мысли рѣшительно ошибочной, и когда, для отвращенія бѣдствій коммерческихъ кризисовъ, они упрашиваютъ богачей увеличивать непроизводительное потребленіе, они доходятъ до нелѣпости, изумляющей своею колоссальностью. Неужели они могли бы избавиться отъ своего страннаго заблужденія такимъ простымъ соображеніемъ, какъ мысль о происхожденіи коммерческаго кризиса изъ чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ? Но вѣдь это соображеніе навѣрное было имъ очень хорошо знакомо. Какъ же могли удержаться въ такихъ головахъ такія нелѣпости, какія опровергаются Миллемъ?" Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди просто смотрѣли на вопросъ не съ той стороны, съ какой смотритъ Милль. Истинный ходъ явленія, называемаго кризисомъ, таковъ: „Въ первой половинѣ дѣла, когда цѣны растутъ, производители, надѣясь на чрезвычайно выгодный и легкій сбытъ, усиливаютъ свою дѣятельность точно такимъ же необычайнымъ образомъ, какъ усиливаются закупки. Въ два, три мѣсяца фабрики изготовляютъ столько товаровъ, сколько изготовляется при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ въ полгода. Но вѣдь сбытъ усиливается возростаніемъ только спекулятивныхъ закупокъ, а не самого потребленія; оно, напротивъ, быть можетъ, даже уменьшается по чрезмѣрной дороговизнѣ. Что же бываетъ съ производствомъ, когда цѣны начинаютъ падать? — Въ предшествующій періодъ заготовлено товаровъ въ три мѣсяца на полгода; ясно, что производство должно было бы остановиться на три мѣсяца, чтобы запасы уменьшены были до обыкновеннаго размѣра обыкновеннымъ потребленіемъ. Но потребленіе въ эпоху кризиса, не смотря на упадокъ цѣнъ, бываетъ меньше обыкновеннаго, потому что у всѣхъ разстроены денежныя дѣла. Отъ этого чрезмѣрные запасы еще дольше остаются непотребленными. А пока они не потреблены, не уменьшились до обыкновеннаго размѣра, новое производство не находитъ себѣ сбыта. — Такимъ образомъ, съ коммерческимъ кризисомъ всегда бываетъ соединенъ промышленный, во время котораго ослабѣваетъ производство, по излишеству сдѣланныхъ запасовъ и недостатку сбыта. Вотъ этою стороною дѣла и были смущены Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди. — Милль совершенно правъ, доказывая противъ нихъ, что производство не можетъ превышать потребностей человѣка*), что капиталъ... не можетъ возростать слишкомъ быстро, что съ какою быстротою ни возрасталъ бы онъ, всегда можно было бы желать еще быстрѣйшаго возрастанія, потому что всегда нашлось бы ему нужное занятіе и т. д., — все это совершенная правда, и въ словахъ Мальтуса, Чомерса, Сисмонди находится противорѣчіе съ неопровержимыми принципами экономической теоріи.

---

*) Надо замѣтить, что Милль вовсе не думалъ доказывать это. Онъ доказывалъ, что производство не можетъ превышать потребностей *товаровладѣльцевъ*, а это не одно и то же. *Г. П.*

Но это противорѣчіе произошло только отъ того, что Сисмонди и Мальтусъ остановились на половинѣ пути, не доискались до коренныхъ фактовъ, порождающихъ въ самой дѣйствительности противорѣчіе съ экономическою теоріею"... Въ концѣ концовъ Чернышевскій находитъ, что „производство, которое никогда не можетъ превышать размѣра человѣческихъ потребностей, можетъ повременамъ превышать обычный уровень потребленія, и неминуемымъ слѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго усилія, вызываемаго не развитіемъ потребленія, а только спекуляціею, бываетъ временный упадокъ производства, остановка работъ. Корень этого бѣдствія заключается въ отдѣленіи покупательной силы отъ производства и потребленія, то есть ни меньше, ни больше какъ то, что называется у насъ торговлею въ отдѣльности отъ занятій, чисто производительныхъ"†).

Чтобы доказать несостоятельность Мальтусовой теоріи народонаселенія, слѣдовало прежде всего указать на то, что по Мальтусу буржуазное общество одновременно страдаетъ и отъ перепроизводства и отъ перенаселенія. Подобное опроверженіе было бы, какъ выражаются математики, *необходимымъ* и *достаточнымъ*. Чернышевскій предпочелъ бороться другимъ оружіемъ, достоинство котораго намъ уже извѣстно. Ему и въ голову не приходитъ, что „вопросъ объ излишкѣ снабженія" можетъ служить для „разъясненія смысла Мальтусовой теоріи". Онъ склоненъ даже хвалить Мальтуса, который хотя и остановился на половинѣ пути въ вопросѣ объ „излишкѣ снабженія", но все таки выбралъ вѣрную дорогу для его рѣшенія. Самое же рѣшеніе вопроса выражается немногими словами: *корень бѣдствія въ торговлѣ*. Здѣсь мы имѣемъ интересный образчикъ отношенія соціалиста-утописта ко взглядамъ буржуазнаго политико-эконома „*передовой*" школы. Корень зла въ спекуляціи, говоритъ Д. С. Милль. Вы вполнѣ правы, замѣчаетъ соціалистъ-утопистъ. Но вы не дѣлаете надлежащаго вывода изъ вашихъ собственныхъ посылокъ. Я иду дальше васъ, я не боюсь поставить точку надъ і. Корень зла не въ спекуляціи, а въ томъ, отъ чего получаетъ происхожденіе сама спекуляція, т. е. въ торговлѣ. Буржуазные экономисты, вообще говоря, совершенно правы. Они лишь робки и непослѣдовательны.

Корень бѣдствія въ торговлѣ. Безъ торговли немыслимо товарное производство. Слѣдовательно, корень бѣдствія уходитъ еще глубже: онъ неразрывно связывается съ товарнымъ производствомъ. Но товарное производство долго существовало, не причиняя кризисовъ. Значитъ, не товарное производство причиняетъ кризисы, а нѣчто другое, можетъ быть и связанное съ этимъ производствомъ, но обнаруживающееся лишь на очень высокой стадіи его развитія. Указаніе на истинную причину кризисовъ заключается уже въ собственныхъ словахъ Чернышевскаго. Спекуляція даетъ такой толчокъ производству, что въ два-три мѣсяца заготовляется количество товаровъ, достаточное для полугодоваго потребленія. Въ дѣйствительности производство можетъ еще дальше оставить за собою потребленіе, чѣмъ ду-

†) Тамъ же, стр. 289—298.

малъ Чернышевскій. Вотъ теперь и спрашивается, всегда ли существовала при товарномъ производствѣ возможность подобнаго явленія? Извѣстно, что не всегда, что она создана лишь развитіемъ новѣйшей крупной промышленности, увеличившей производительныя силы общества до небывалыхъ размѣровъ. Слѣдовательно, „корень бѣдствія“ заключается въ крупной промышленности, въ слишкомъ значительномъ развитіи производительныхъ силъ? Очевидно—да. Но такъ же очевидно, что высокое развитіе производительныхъ силъ зломъ быть не можетъ. Утверждать это—значило бы говорить сущую безсмыслицу. Выходитъ, что надо обратить вниманіе на тѣ условія, при которыхъ примѣняются теперь высоко-развитыя производительныя силы. Мы знаемъ уже, что между обществомъ и его производительными силами стоитъ капиталистъ, прекращающій свою „работу“ всякій разъ, когда она не сулитъ ему необходимыхъ и достаточныхъ барышей. А надежда на барыши исчезаетъ всякій разъ, когда рынки переполняются товарами. А рынки тѣмъ чаще и тѣмъ больше переполняются товарами, чѣмъ болѣе развиты производительныя силы. Капиталистъ попадаетъ въ нелѣпое, противорѣчивое положеніе: съ одной стороны, конкурренція заставляетъ его примѣнять возможно болѣе совершенные способы производства; а съ другой стороны, примѣненіе этихъ способовъ грозитъ переполненіемъ рынковъ, кризисомъ, потерей барышей, раззореніемъ. Это противорѣчіе показываетъ, что производительныя силы переросли капиталистическія отношенія производства. Устраненіе этихъ отношеній является важнѣйшимъ „очереднымъ вопросомъ“ переживаемаго нами историческаго момента. Когда совершится предстоящая теперь революція, когда *капиталистическія* отношенія производства уступятъ мѣсто *соціалистическимъ*, тогда высоко-развитыя производительныя силы перестанутъ причинять *„экономическія землетрясенія“*, онѣ будутъ покорными рабами людей, источникомъ непрерывнаго роста общественнаго богатства.

Противорѣчіе современныхъ производительныхъ силъ съ современными отношеніями производства есть противорѣчіе, свойственное современной экономической дѣйствительности. Чернышевскій ищетъ „корня бѣдствія“ въ противорѣчіи дѣйствительности *„съ неопровержимыми принципами экономической теоріи“*. Это весьма характерно для его отвлеченной точки зрѣнія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, легко можно было открыть множество противорѣчій фактовъ съ „теоріей“, дѣйствительности съ требованіями разсудка. Но противорѣчіе дѣйствительности съ „теоріей“, т. е. со взглядами людей, само является продуктомъ исторической діалектики общественной жизни. Надо открыть законы этой діалектики для того, чтобы имѣть возможность не только *осудить* дѣйствительность, но также *указать историческія условія* ея возникновенія въ прошломъ и ея исчезновенія въ будущемъ. Къ сожалѣнію, именно это-то и невозможно было для человѣка, смотрѣвшаго на общественную жизнь съ отвлеченной точки зрѣнія. Въ качествѣ теоретика, такой человѣкъ могъ только ловить дѣйствительность на противорѣчіяхъ съ теоріей; въ качествѣ практическаго дѣятеля, революціонера, стремящагося устранить ненавистную ему дѣйствительность, онъ могъ возлагать свои упованія

исключительно только на *убѣдительность теоріи*, которая рано или поздно покажетъ людямъ всю гнусность и *нелѣпость дѣйствительности.*

VI.

Вотъ какъ формулируетъ самъ Чернышевскій въ немногихъ словахъ тѣ принципы, которые должны лечь въ основѣ будущаго общественнаго устройства. Они состоятъ „въ томъ, что труду не слѣдуетъ быть товаромъ; что человѣкъ работаетъ съ полною успѣшностью лишь тогда, когда работаетъ на себя, а не на другого; что чувство собственнаго достоинства развивается только положеніемъ самостоятельнаго хозяина; что поэтому искать надлежащаго благосостоянія будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ сочетанія труда и характеръ улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуютъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а физіологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ; и что поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества“.

Какимъ же путемъ могутъ быть осуществлены эти принципы? Чернышевскій очень сожалѣлъ, что не удалось ему указать тѣ переходныя ступени, которыя приведутъ къ полному осуществленію соціалистическихъ идей. Это дѣйствительно очень жаль; не потому чтобы эти мѣры могли имѣть теперь какое нибудь практическое значеніе, а потому, что онѣ дали бы намъ болѣе ясное представленіе о соціально-политическихъ взглядахъ Чернышевскаго. Постараемся пополнить этотъ пробѣлъ съ помощью отдѣльныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ на страницахъ „Очерковъ Политической Экономіи“. Къ сожалѣнію, ихъ очень немного.

Въ то время, когда писалъ Чернышевскій, въ глазахъ людей, не стоявшихъ на точкѣ зрѣнія научнаго соціализма (а такихъ было мало), имѣлъ еще большую важность вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ дѣло рѣшенія такъ называемаго соціальнаго вопроса. Чернышевскій очень горячо и съ огромнымъ успѣхомъ опровергалъ буржуазный принципъ: „laissez faire, laissez passer“. Но, разбивая *этотъ* принципъ, онъ не безусловно держался противоположнаго: онъ не утверждалъ, что соціальный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ помимо государственнаго вмѣшательства или, по крайней мѣрѣ, онъ былъ очень остороженъ въ опредѣленіи границъ этого вмѣшательства. „Способъ осуществленія въ каждомъ дѣлѣ много зависитъ отъ обстоятельствъ — говоритъ онъ въ своемъ главномъ экономическомъ сочиненіи*). Одна и та же цѣль достигается въ иныхъ случаяхъ

---

*) Сочиненія, т. 4, стр. 101.

свободнымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ лицъ, въ другихъ — силою распоряженій общественной власти. О томъ, который способъ лучше самъ по себѣ, не нужно было бы по настоящему и говорить намъ: какъ мы думаемъ объ этомъ предметѣ, должно быть ясно читателю, сколько нибудь желающему вникать въ нашъ образъ мыслей; да и самъ по себѣ вопросъ очень ясенъ. Но въ исторіи слишкомъ часто задача бываетъ не въ томъ, какой путь самый лучшій, а въ томъ, какой путь возможенъ при данныхъ обстоятельствахъ. Если я самъ въ силахъ отстранить человѣка, несправедливо мѣшающаго мнѣ идти своей дорогой, я самъ отстраняю его; но если я не въ силахъ отстоять своихъ правъ одинъ, я призову противъ неправильно мѣшающихъ мнѣ вмѣшательство общественной власти. Изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что я люблю полицейскую расправу или судебныя тяжбы.... Но войдите же въ мое положеніе, что мнѣ дѣлать, кромѣ этого? Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народъ имѣетъ нравы въ родѣ англійскихъ и сѣверно-американскихъ, дѣло исполнится исключительно или преимущественно частнымъ образомъ....“†)

Но страны, какъ Англія и Сѣверная Америка, Чернышевскій считалъ исключеніями. Какъ это по всему видно, онъ былъ убѣжденъ, что рѣшеніе соціальнаго вопроса „*частнымъ образомъ*“ невозможно въ большинствѣ европейскихъ странъ. Есть основанія думать, что и само государственное вмѣшательство въ этихъ странахъ представлялась ему въ видѣ вмѣшательства *революціоннаго* правительства. На это предположеніе наводятъ нерѣдкія у него отступленія, гдѣ онъ старается рѣшить, насколько требованія здравой теоріи обязательны для правительства, поставленнаго исторіей въ необходимость исключительно руководствоваться принципомъ: salus populi lex suprema est. Вотъ, напримѣръ, теорія безусловно осуждаетъ чрезмѣрные выпуски бумажныхъ денегъ. По теоріи выходитъ, что лучше прямое, откровенное рѣшеніе вопроса — налогъ. Такъ и должно поступать правительство, чувствующее себя прочнымъ. Но бываютъ исключительныя положенія, бываютъ исключительныя событія, въ родѣ событій 1848 г. во Франціи*). „Въ такомъ шаткомъ положеніи приходится лавировать, сообразоваться съ господствующими предубѣжденіями, принимать не тотъ способъ дѣйствія, который самъ по себѣ наилучшій, а тотъ, который произведетъ наименѣе тяжелое впечатлѣніе на общество... Что дѣлать? Тутъ задача исполняется не такими людьми, которые спокойно могутъ разсчитывать на свою будущность, а такими, жизнь которыхъ виситъ на волоскѣ, и волосокъ этотъ оборвется, непремѣнно оборвется, не нынѣ завтра оборвется, и погибнетъ съ ними ихъ дѣло, если волосокъ оборвется нынѣ,— во что бы то ни стало надобно продержаться нынѣшній день, чтобы успѣть хотя что нибудь сдѣлать. — Да, представьте себѣ это положеніе, и

---

†) Не мѣшаетъ вспомнить, какое направленіе принимаютъ теперь требованія англійскихъ ремесленныхъ союзовъ.

*) Надо помнить, что Чернышевскій писалъ въ подцензурномъ изданіи и потому часто долженъ былъ выражаться намеками.

вы поймете мысль о неограниченномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ для произведенія коренныхъ реформъ экономическаго быта."

Выпускъ бумажныхъ денегъ предполагается здѣсь необходимымъ въ видахъ организаціи рабочихъ товариществъ: „разумѣется, разъ начавшись, дѣло будетъ развиваться собственными средствами; — но чтобы завести его, чтобы дать ему возможность начаться, все таки нужно очень много денегъ".†)

Замѣчательно что у Чернышевскаго его воображаемое революціонное правительство, начиная коренное „измѣненіе экономическаго быта въ пользу работниковъ и въ невыгоду капиталистовъ", старается не запугать „общество", т. е. этихъ же капиталистовъ, не произвести на нихъ „*тяжелаго впечатлѣнія*". Это нѣсколько странно. Намъ теперь кажется, что когда революціонный пролетаріатъ захватить политическую власть въ свои руки, ему трудно будетъ предохранить гг. капиталистовъ отъ тяжелыхъ впечатлѣній. Но представленія Чернышевскаго о соціалистической революціи были очень непохожи на наши нынѣшнія представленія о ней. Это особенно ясно видно изъ слѣдующихъ словъ его о *прогрессивномъ налогѣ.*

„Мы приводили основанія, по которымъ нѣкоторые экономисты находятъ наилучшимъ порядкомъ такой бытъ, который существенно разнится отъ нынѣшнаго; содѣйствовать введенію этого лучшаго быта можно *не нарушая замѣтнымъ образомъ никакихъ существенныхъ интересовъ;* а прогрессивный налогъ значительнаго размѣра былъ бы явно противоположенъ интересу богатыхъ сословій, которыя всѣми силами боролись бы противъ него, между тѣмъ какъ прочное и благоразумное правительство *могло бы, нисколько не раздражая ихъ, вести дѣло коренной реформы быта*".*)

Однѣ эти строки могли бы убѣдить насъ, что въ лицѣ Чернышевскаго мы имѣемъ дѣло съ *соціалистомъ-утопистомъ.*

Утапическая точка зрѣнія на общественную жизнь — такова Ахиллесова пята нашего автора. Изъ этого общаго источника проистекаютъ всѣ тѣ многочисленные промахи и всѣ тѣ немалочисленныя ошибки, съ которыми мы встрѣтились въ его изслѣдованіяхъ. Чернышевскій часто ошибался, потому что, разсуждая о буржуазномъ обществѣ, онъ искалъ основаній для своихъ выводовъ *не въ дѣйствительной жизни этого общества, а въ требованіяхъ здравой теоріи*". Въ основѣ этихъ требованій лежали, — какъ видѣлъ читатель,—ученія тѣхъ же буржуазныхъ экономистовъ, противъ которыхъ спорилъ Чернышевскій. Но онъ видоизмѣнялъ и дополнялъ эти ученія, руководясь размышленіями объ экономической жизни воображаемаго соціалистическаго общества съ населеніемъ отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Примѣрныя ариѳметическія выкладки — счетоводство воображаемаго общества — составляли всю сущность его „*гипотетическаго*" метода. Съ помощью такихъ пріемовъ нельзя было сдѣлать что нибудь прочное въ наукѣ. Чернышевскій

---

†) Т. 4, стр. 284—287.

*) Т. 4, стр. 404.

едва ли не больше всѣхъ соціалистовъ-утопистовъ занимался политической экономіей. И его примѣръ лучше всякого другого показываетъ несостоятельность утопической точки зрѣнія.

Таковъ нашъ окончательный выводъ. Мы не находили нужнымъ скрывать его и не считали возможнымъ высказывать его голословно. Намъ приходилось, поэтому, шагъ за шагомъ слѣдовать за нашимъ авторомъ въ его изслѣдованіяхъ. Намъ часто приходилось оспаривать его; иногда у насъ вырывалось, можетъ быть, слово раздраженія. Пусть не ставятъ намъ этого въ виду многочисленные почитатели Чернышевскаго. Мы сами принадлежимъ къ ихъ числу, мы сами свято чтимъ память этого знаменитаго человѣка, много сдѣлавшаго для русской литературы и честно постоявшаго до конца за свои убѣжденія. Мы ставимъ его имя рядомъ съ именемъ Бѣлинскаго. И мы тѣмъ менѣе склонны уменьшать его литературныя заслуги въ виду его теоретическихъ ошибокъ, что, по нашему мнѣнію, онъ и не задавался цѣлями серьезнаго научнаго изслѣдованія. Онъ былъ образованнымъ, убѣжденнымъ и талантливымъ публицистомъ, которому надо было обратить на соціальный вопросъ вниманіе читающей публики, надо было предохранить эту публику отъ развращающаго вліянія апологетовъ буржуазнаго порядка. И эта благородная цѣль его была вполнѣ достигнута. Всѣ свѣжіе, всѣ живые элементы читающей публики испытали на себѣ его благотворное вліяніе. Много содѣйствовала его страстная, подчасъ ѣдкая проповѣдь возникновенію того демократическаго теченія въ нашей литературѣ, которому мы обязаны своимъ знаніемъ русской народной жизни; много содѣйствовала она возникновенію русскаго революціоннаго движенія. Онъ часто ошибался, когда судилъ объ экономическихъ законахъ буржуазнаго общества. Но онъ не ошибался въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ этому обществу; онъ не ошибался, призывая своихъ читателей работать для освобожденія пролетаріата. Пролетаріатъ не забудетъ этой заслуги Чернышевскаго.

Но все хорошо въ свое время. Утопическая точка зрѣнія, много вредившая Чернышевскому въ теоріи, не помѣшала ему принести огромную пользу своимъ современникамъ. Теперь, по прошествіи почти тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ появилось его „Очерки Политической Экономіи", обстоятельства измѣнились. Теперь *очень вредной, не только въ теоріи, но и на практикѣ* оказывается та утопическая точка зрѣнія на общественную жизнь, которой все еще продолжаетъ держаться, по старой памяти, русская революціонная „интеллигенція". Теперь эта точка зрѣнія мѣшаетъ ей пріобрѣсти политическое вліяніе въ странѣ и покончить съ главнымъ врагомъ всего народа русскаго — съ *царизмомъ*. Теперь мы *должны* оставить эту точку зрѣнія; теперь мы *можемъ* оставить ее.

Въ исторіи русской литературы замѣчается слѣдующее интересное явленіе, на которое мы уже обращали вниманіе русскихъ соціалистовъ. Пока наши передовые писатели имѣли дѣло преимущественно съ литературными идеями, какъ это было въ сороковыхъ годахъ, они не отставали отъ движенія западно-европейской мысли. Критическія статьи Бѣлинскаго смѣло могутъ быть поставлены ря-

домъ со статьями любого изъ современныхъ ему западныхъ критиковъ. Но едва дѣло коснулось соціальныхъ идей, наши передовые писатели немедленно оказались отсталыми. Главное экономическое сочиненіе Чернышевскаго кажется написаннымъ лѣтъ на двадцать раньше книги Энгельса *о положеніи рабочаго класса въ Англіи* и „*Нищеты философіи*" Маркса. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ дѣло идетъ еще дальше. Наши народники отстали отъ западно-европейскихъ соціаль-демократовъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на пятьдесятъ. Это странное на первый взглядъ явленіе объясняется просто на просто отсталостью русской жизни. Извѣстно, что ходъ идей опредѣляется ходомъ вещей: отсталому экономическому порядку соотвѣтствуютъ отсталые соціально-политическіе взгляды. Въ теченіе послѣдняго полувѣка западно-европейская жизнь ушла далеко впередъ. Россія двигалась гораздо медленнѣе; поэтому разстояніе между нею и Западной Европой все болѣе и болѣе увеличивалось; поэтому же все болѣе и болѣе отсталыми оказывались идеи, господствующія въ русскихъ передовыхъ кругахъ. Но быстрое развитіе западно-европейской экономической жизни не осталось безъ вліянія и на Россію. Ея старый экономическій порядокъ рухнулъ, капитализмъ восторжествовалъ въ ней по всей линіи. Этимъ новымъ экономическимъ отношеніямъ должны соотвѣтствовать новыя соціально-политическія идеи. И онѣ *непремѣнно явятся*. Онѣ *уже являются*. Но, „пока что", старыя идеи продолжаютъ отстаивать свое существованіе, производя на каждаго свѣжаго человѣка впечатлѣніе чего-то совершенно допотопнаго.

Наши допотопныя соціально-политическія идеи представляютъ собою законное дѣтище утопическаго взгляда на общественную жизнь, дѣтище, правда, сильно зараженное въ семидесятыхъ годахъ специфическимъ „русскимъ духомъ". Содѣйствовать распространенію новыхъ идей можно лишь содѣйствуя устраненію утопическаго взгляда. Вотъ почему мы считали нужнымъ подробно разсмотрѣть ученія замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ соціалистовъ-утопистовъ. Мы хотѣли сказать нашимъ современнымъ утопистамъ: посмотрите, какъ неудобно, какъ невыгодно, какъ опасно держаться утопической точки зрѣнія; *самого Чернышевскаго* привела она къ вопіющимъ противорѣчіямъ и съ самимъ собою и съ экономической дѣйствительностью. Чего же ждать отъ *вашихъ* теоретическихъ усилій?

Г. Плехановъ.

Современное обозрѣніе

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Соціальной-Демократіи

и

ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ

(*Окончаніе.*)

I.

Политики и публицисты съ тревогой и опасеніями слѣдятъ за симптомами подготовляющейся революціи рабочаго класса. Недавно еще глава буржуазной демократіи во Франціи, Клемансо, счелъ нужнымъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей напомнить имущимъ классамъ, что на исторической сценѣ появилась „новая, страшная сила: четвертое сословіе, стремящееся завладѣть властью.“ Подвигающаяся впередъ организація этого „сословія“ составляетъ, по его выраженію, „важнѣйшій фактъ соврменной политической жизни.“ Слова эти сказаны были по поводу майской интернаціональной демонстраціи пролетаріата и относились къ коммунистической революціи, составляющей конечную цѣль современнаго революціоннаго движенія въ цивилизованныхъ странахъ. Нужно, однако, помнить, что ближайшія задачи „новой, страшной силы“, во Франціи довольно существенно разнятся отъ задачъ ея въ странахъ, политически менѣе развитыхъ, какъ напримѣръ, въ Германіи. Во Франціи буржуазная

демократія радикально покончила свои счеты съ общественными элементами феодально-монархической эпохи; здѣсь нѣтъ привиллегированнаго дворянства, которое своими сословными претензіями и преимуществами, съ одной стороны — мозолило бы глаза имущимъ классамъ, а съ другой — вмѣстѣ съ послѣдними стремилось бы подчинить рабочихъ „патріархальному" режиму эксплуататоровъ и произволу властей. Здѣсь нѣтъ также „короля божіей милостію," который въ глазахъ буржуазіи игралъ бы роль охранителя ея священной собственности отъ предполагаемого грабежа соціалистовъ пролетаріевъ, а предъ трудящимися массами выступалъ бы въ качествѣ ихъ защитника отъ несправедливостей высшихъ классовъ. Во Франціи буржуазія является единственнымъ господиномъ надъ рабочими, а потому у пролетаріата этой страны нѣтъ и не можетъ быть иной цѣли даже въ ближайшемъ будущемъ, кромѣ экономической экспропріаціи буржуазіи, при помощи политической ея экспропріаціи.

Мы уже въ первой статьѣ предлагаемаго нами очерка отмѣтили двойственный характеръ дѣятельности нѣмецкой соціальной демократіи, обусловливаемый тѣмъ обстоятельствомъ, что ей приходится одновременно вести борьбу противъ буржуазіи и ея юнкерско-абсолютистскихъ враговъ, съ которыми она не съумѣла справиться и которые, все еще мечтая объ искорененіи „безбожнаго либерализма," направляютъ пока свои усилія на то, чтобы заковать пролетаріевъ въ цѣпи хозяйскаго и полицейскаго деспотизма, освящаемаго церковью и поддерживаемаго военнымъ абсолютизмомъ. Удастся ли революціоннымъ элементамъ рабочаго класса Германіи сразу покончить со всѣми своими врагами, т. е. одновременно съ политической экспропріаціей дворянства и монархіи совершить и революцію соціалистическую въ смыслѣ организаціи производства и распредѣленія, это теперь довольно трудно предвидѣть. Объ этомъ вопросѣ, впрочемъ, рѣчь еще будетъ ниже. Здѣсь-же мы просимъ читателя не упускать изъ виду указанной нами особенности въ историческомъ положеніи соціальной демократіи и вытекающей изъ него для нея миссіи покончить въ Германіи съ тѣми политическими задачами, которыя во Франціи и отчасти въ Англіи рѣшены были радикальными либералами. У насъ чаще всего, чтобы не сказать всегда, игнорируютъ либерально-демократическую сторону въ дѣятельности германской рабочей партіи. Отсюда проистекаютъ въ нашей прессѣ нелѣпыя сужденія при оцѣнкѣ успѣховъ этой партіи; изъ непониманія-же ея теперешней политической роли вытекаютъ и нелѣпые толки въ нашихъ демократическихъ кругахъ объ ея тактикѣ. Мы съ своей стороны считаемъ демократизацію государственнаго строя Германіи центральной задачей въ революціонной дѣятельности ея соціалистическаго пролетаріата, задачей, имѣющей первостепенное значеніе для всего цивилизованнаго міра. Поэтому, именно съ точки зрѣнія этой политической задачи мы и разсматриваемъ въ своемъ очеркѣ всѣ явленія общественной жизни Германіи и успѣхи соціальной демократіи въ частности. Съ этой же точки зрѣнія посмотримъ теперь на результаты прошлогоднихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ.

Читатель помнитъ изъ нашей предыдущей статьи, что въ итогѣ послѣднихъ выборовъ соціальная демократія оказалась самой многочисленной партіей въ странѣ, такъ какъ за нее вотировало около 1½ милліона избирателей, т. е. почти на 100,000 больше чѣмъ за центръ — сильнѣйшую изъ эксплуататорскихъ партій. Чтобы утѣшить себя, буржуазно демократическіе органы объявили, что только ничтожное меньшинство — по „Франкфуртской газетѣ" всего одна двадцатая — голосовавшихъ за соціальную демократію, знакома и солидарна съ ея конечными цѣлями и воззрѣніями. Въ отвѣтъ на подобныя соображенія, можно бы спросить буржуазныя партіи: а какъ великъ процентъ вашихъ избирателей, имѣющихъ ясное представленіе о соціально-политическихъ идеалахъ своихъ парламентскихъ вождей? Послѣдніе были бы поставлены въ большое затрудненіе такимъ вопросомъ, между тѣмъ какъ соціаль-демократамъ легко было бы очень убѣдительными фактами разбить иллюзію либеральной интеллигенціи относительно умственной незрѣлости соціалистическихъ избирателей. Впрочемъ, германскіе либералы и сами плохо вѣрятъ въ эту иллюзію, и только многіе изъ нашихъ доморощенныхъ „соціалистовъ" приняли ее въ серьезъ. Допустимъ, однако, что скептицизмъ нѣмецкихъ буржуа и русскихъ „соціалистовъ" относительно коммунистическихъ тенденцій избирателей соціальной демократіи основателенъ. Что же въ такомъ случаѣ привлекаетъ извѣстные слои трудящихся классовъ Германіи къ этой партіи? Очевидно, та часть ея программы, которая содержитъ въ себѣ требованія не спеціально коммунистическаго характера. Первое же мѣсто въ этой части программы занимаютъ требованія, выражающія крайній политическій идеалъ, къ которому стремился когда-то и нѣмецкій либерализмъ. „Демократическая республика" — таковъ, какъ извѣстно, этотъ идеалъ. Объ ознакомленіи массы населенія съ „лжеученіями" соціальной демократіи хлопотали всѣ эксплуататорскія партіи, начиная съ ультрареакціонеровъ и кончая самыми красными изъ буржуазныхъ либераловъ. И не смотря на это, она получила столько голосовъ на послѣднихъ выборахъ! Если ея избиратели не сочувствуютъ коммунистическимъ ученіямъ, то приходится признать, что демократически-республиканскія стремленія рабочей партіи производятъ тѣмъ болѣе сильное притягательное дѣйствіе на низшіе слои нѣмецкаго народа, которые такъ сильно тяготѣютъ къ ней, не смотря на ея „превратныя" идеи по отношенію къ частной собственности, семьѣ и религіи. Пока, именно эта сторона въ успѣхахъ германской соціальной демократіи насъ больше всего интересуетъ. Можетъ быть (мы этого, впрочемъ, отнюдь не думаемъ), что въ тотъ моментъ, когда соціальная демократія низвергнетъ военно-монархическій режимъ, большинство ея избирателей отпадетъ отъ нея и сгруппируется вокругъ какой нибудь новой партіи, которая въ экономическомъ отношеніи будетъ стоять на почвѣ буржуазнаго общества. Пусть утѣшаютъ себя этой надеждой враги германской рабочей партіи. Но теперь дѣло идетъ еще только объ окончательномъ очищеніи Германіи отъ феодально-абсолютистскихъ элементовъ и водвореніи въ ней строго демократической системы правленія. А такъ какъ изъ всѣхъ партій Германіи одна только со-

ціалистическая открыто и послѣдовательно стремится къ демократической революціи, то ея избирательными побѣдами и приходится измѣрять успѣхи республиканско-демократическихъ теченій въ этой странѣ.

Зная, однако, какъ часто подъ вліяніемъ случайныхъ, скоро преходящихъ причинъ измѣняется настроеніе избирательныхъ массъ, какъ быстро переходятъ онѣ отъ одной партіи къ другой — въ Англіи, напримѣръ отъ тори къ вигамъ, въ Бельгіи отъ либераловъ къ ультрамонтанамъ и обратно, — зная это, иной читатель можетъ спросить себя: не такой ли кратковременный, случайный характеръ имѣютъ и избирательные успѣхи рабочей партіи въ Германіи? Она могла, напримѣръ, одержать всѣ свои побѣды исключительно надъ одной какой-нибудь изъ буржуазныхъ партій, оказываясь въ то же время слабымъ конкуррентомъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ. Успѣхами своими она, такимъ образомъ, была бы обязана народной ненависти противъ извѣстной политической группы, случайному обстоятельству, которое въ такой же степени могло послужить на пользу не только ей, но и большинству эксплуататорскихъ партій, соперничающихъ съ проигравшей группой. А въ такомъ случаѣ полтора милліона ея избирателей отнюдь не выражали бы прочность и силу корней, пущенныхъ ею въ народную среду.

Чтобы получить возможно болѣе точный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, мы обратились къ даннымъ избирательной статистики, собраннымъ въ изданіяхъ императорскаго статистическаго бюро Германіи. По этимъ даннымъ мы имѣли возможность прослѣдить за послѣдніе 20 лѣтъ параллельное движеніе голосовъ у соціальной демократіи и у каждой изъ партій господствующихъ классовъ и составить себѣ, такимъ образомъ, ясное представленіе какъ о постоянномъ ростѣ вліянія соціалистической партіи, такъ и о политическомъ харктерѣ избирательныхъ массъ, на которыя опираются партіи эксплуататорскихъ классовъ въ Германіи. Къ сожалѣнію, объемъ и характеръ нашей статьи не дозволяютъ намъ воспользоваться имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаломъ въ той мѣрѣ, въ какой намъ бы хотѣлось.

II

Слѣдя за результатами выборовъ въ общегерманскій парламентъ за все время его существованія, мы невольно наталкиваемся на весьма характерную разницу въ количественныхъ измѣненіяхъ избирателей у соціальной демократіи и у другихъ партій. Въ то время, какъ ея избирательные итоги возрастаютъ почти съ математической правильностью, свидѣтельствуя, такимъ образомъ, о постоянномъ ростѣ и развитіи, соотвѣтствующія цифры у ея противниковъ измѣняются крайне неправильно, то вдругъ черезвычайно увеличиваясь, то страшно уменьшаясь, и обнаруживаютъ вѣчныя колебанія и скачки отъ наружнаго процвѣтанія къ упадку, и наоборотъ. Ни у одной изъ

значительныхъ партій господствующихъ классовъ измѣненія въ цифрахъ полученныхъ ею голосовъ не указываютъ на дѣйствительный ростъ. Мы ниже увидимъ, что въ окончательномъ итогѣ измѣненія эти обнаруживаютъ какъ разъ обратное явленіе — не ростъ, а убываніе силъ этихъ партій. Теперь же предлагаемъ читателю слѣдующую таблицу, какъ иллюстрацію къ нашему замѣчанію о вѣчныхъ колебаніяхъ и зигзагахъ въ цифрахъ голосовъ, получаемыхъ на выборахъ „партіями порядка".

Увеличеніе или уменьшеніе числа избирателей у

Партій*)	съ 71 по 74 г.	съ 74 по 78 г.	съ 78 по 81 г.	съ 81 по 87 г.	съ 87 по 90 г.
Консерваторы	— 381,000	+ 2,232,000	— 1,065,000	+ 1,604,000	— 1,007,000
Либералы . . .	+ 471,000	— 1,605,000	+ 698,000	— 105,000	+ 186,000
Центръ и партикуляристы	+ 784,000	— 161,000	— 183,000	+ 536,000	— 280,000

Таблица эта наглядно показываетъ съ какой стремительностью сотни тысячъ избирателей превращаются изъ либераловъ въ реакціонеровъ и обратно. Всякое событіе, каждое новое стеченіе минутныхъ обстоятельствъ тотчасъ измѣняетъ политическій цвѣтъ мыслей и чувствъ „почтенныхъ" бюргеровъ. Военныя побѣды Пруссіи надъ Франціей въ 70 г. и объединеніе Германіи наполняютъ ихъ сердца патріотическимъ восторгомъ, и подъ его вліяніемъ либерализмъ ихъ сразу на столько поблѣднѣлъ, что они на первыхъ же выборахъ въ парламентъ новооснованной германской имперіи поспѣшили доставить господство въ немъ консерваторамъ и той именно фракціи либерализма — національ-либераламъ, — которая проявила наибольшую готовность пойти на уступки Бисмарку. Но вотъ наступилъ промышленно-торговый кризисъ, а правительство начало, не смотя на полученную отъ Франціи контрибуцію въ 5 милліардовъ, стремиться къ новымъ налогамъ, и нѣмецкій филистеръ вновь впадаетъ въ либеральное настроеніе, которое выражается на выборахъ 74 г. въ увеличеніи почти на полъ милліона числа голосовъ у либеральныхъ еще тогда національ-либераловъ и прогрессистовъ. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ оппозиціонное настроеніе въ Германіи еще болѣе обострилось и парламентское большинство, вышедшее изъ слѣдующихъ выборовъ, оказалось на столько строптивымъ, что Бисмарку трудно было съ нимъ ладить. Но въ 78 г. происходятъ два неудачныхъ покушенія на жизнь Вильгельма I, реакціонеры пользуются ими для возбужденія въ „образованныхъ" и среднихъ классахъ всякихъ

*) Къ консерваторамъ причислена мною и „либеральная имперская партія", получившая въ 71 г. около 274 тысячъ голосовъ. Скоро она исчезла, слившись, если не ошибаюсь, съ консерваторами. Но, если даже часть ея избирателей присоединилась къ національ-либераламъ, то это уравновѣшивается тѣмъ обстоятельствомъ, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ среди послѣднихъ находились элементы, тяготѣвшіе къ консерваторамъ.

ужасовъ предъ краснымъ призракомъ. Буржуазія начинаетъ неистовствовать и трусить за свою „священную" собственность, и отъ страха предъ воображаемымъ нападеніемъ новыхъ варваровъ на „основы цивилизаціи", готова вновь пасть ницъ предъ сильной властью. Тогда Бисмаркъ распустилъ рейхстагъ, и новые выборы доставили ему такое „представительство народа", какое ему нужно было. По сравненію съ 74 г., число консервативныхъ депутатовъ удвоилось, а число либеральныхъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на одну треть, и изъ оставшихся либераловъ — всего 26 (вмѣсто 49) прогрессистовъ остались вѣрны своему блѣдно либеральному знамени, огромное-же большинство, хотя и сохранило свое названіе „національ-либераловъ", фактически отреклось отъ либерализма и цѣликомъ перешло въ лагерь реакціонеровъ. Съ 78 г. партія эта превратилась въ полнѣйшее орудіе Бисмарка и съ тѣхъ поръ изображаетъ собою разновидность — нѣчто вродѣ лѣваго фланга — консерваторовъ. Дѣйствительный либерализмъ остался тогда въ Германіи воплощеннымъ въ одной только парламентской фракціи прогрессистовъ, за которыхъ вотировали всего около 400,000 избирателей. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, протекшихъ со времени покушенія на Вильгельма и изданія соціалистическаго закона, нѣмецкая буржуазія успѣла нѣсколько опомниться отъ своего страха предъ краснымъ призракомъ. Но вмѣсто послѣдняго, на сценѣ появились совсѣмъ уже не призрачные, а весьма реальные проэкты Бисмарка по части новаго увеличенія финансовыхъ и военныхъ тягостей, развитія системы государственнаго покровительства земледѣльческой и денежной аристократіи, проэкты государственной монополизаціи (съ фискальными цѣлями) разныхъ отраслей торговли и производства, и все это въ сопровожденіи крикливой и шумной агитаціи антисемитическихъ и христіанско-монархическихъ демагоговъ противъ „космополитическаго капитала" (отождествляемаго съ еврействомъ) и „всеразлагающаго либерализма", агитаціи, приправленной фразеологіей, заимствованной изъ соціаль-демократической прессы, и поддерживаемой государственно-соціалистическими декламаціями Бисмарка и „соціально-реформаторскими" обѣщаніями редактируемыхъ имъ тронныхъ рѣчей. Словомъ, вмѣсто соціалистической критики современнаго общества и пропаганды соціальнаго переворота на почвѣ и при посредствѣ демократіи, на политическомъ горизонтѣ появилась поповско-полицейско-профессорская поддѣлка соціализма, съ очевиднымъ назначеніемъ служить съ одной стороны ярлыкомъ для „соціальной политики", направленной въ пользу монархическихъ, дворянскихъ и капиталистическихъ интересовъ, а съ другой — орудіемъ борьбы одновременно — противъ соціальной демократіи и либерализма. И вотъ часть примкнувшихъ къ консерваторамъ среднихъ и мелкихъ буржуа опять становится оппозиціонной и выдѣляется въ 81 г. въ числѣ 430,000 избирателей въ особую фракцію сецессіонистовъ, слившихся вскорѣ съ прогрессистами (увеличившимися въ свою очередь на 260,000 голосовъ) въ партію „свободомыслящихъ". Около 87 г. это либерально-оппозиціонное настроеніе среднихъ и „образованныхъ" классовъ достигло такихъ размѣровъ, что грозило на будущихъ выборахъ значи-

тельно усилить оппозиціонныя партіи насчетъ правительственныхъ. Что же сдѣлалъ Бисмаркъ? Зная заячью натуру этихъ классовъ, онъ, при помощи картельной и оффиціозной прессы, распространилъ въ населеніи панику предъ готовящимся будто бы нападеніемъ французовъ и распустилъ рейхстагъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ отказалъ будто бы правительству въ средствахъ, необходимыхъ для „самообороны нація“. Извѣстно, какъ превосходно удался ему этотъ маневръ. Больше, чѣмъ на полтора милліона голосовъ увеличилась избирательная армія картеля и въ рейхстагѣ онъ пріобрѣлъ полное господство, между тѣмъ какъ число свободомыслящихъ и вообще либерально-демократическихъ депутатовъ уменьшилось сравнительно съ 81 г. почти на три четверти — съ 115 оно опустилось до 32. Наконецъ, только на послѣднихъ выборахъ, 12 лѣтъ послѣ введенія исключительнаго закона противъ соціалистовъ, когда безсиліе его вполнѣ обнаружилось, а гибельныя послѣдствія финансовой и торговой, вообще внутренней политики Бисмарка достигли своихъ крайнихъ проявленій, почтенный бюргеръ сообразилъ, что онъ былъ одураченъ реакціонерами и опять повернулъ въ сторону либерализма. Но на долго-ли? Поведеніе „свободомыслящихъ“ въ періодъ прошлогоднихъ перебаллотировокъ по отношенію къ соціаль-демократамъ даетъ намъ право усумниться въ прочности либеральнаго настроенія „либеральныхъ“ избирателей.

Изъ партій, поименованныхъ въ нашей таблицѣ, только ультрамонтано-партикуляристская можетъ похвастаться постоянствомъ симпатій къ ней со стороны тѣхъ слоевъ населенія, въ которыхъ рекрутируются ея избиратели. Причина этого явленія заключается въ обстоятельствахъ, вызвавшихъ ее къ жизни, — мы коснулись ихъ мимоходомъ въ своей первой статьѣ. Не смотря, однако, на особенно благопріятныя для ея роста условія, мы и у ней замѣчаемъ такія рѣзкія колебанія въ цифрахъ ея избирателей, какъ уменьшеніе ихъ почти на 350,000 въ періодъ съ 74 по 81 г. и на 280,000 въ прошломъ году, сравнительно съ позапрошлыми выборами. Просимъ читателя не упускать изъ виду, что по составу своихъ руководящихъ элементовъ эта партія является одной изъ политическихъ организацій высшихъ классовъ и что, поэтому, избирателямъ ея никогда не приходилось встрѣчать такихъ экономическихъ и полицейскихъ препятствій при голосованіи, какъ соціалистамъ. Тѣмъ не менѣе, уже съ выборовъ 77 г. въ движеніи ея голосовъ начинаютъ обнаруживаться, хотя и въ меньшей степени, тѣ же неправильности и колебанія, какія замѣчаются у другихъ партій господствующихъ классовъ. Фактъ этотъ указываетъ на то, что и корни ультрамонтановъ въ народной массѣ далеко не такъ прочны и глубоки, какъ кажется на первый взглядъ. Особенно симптоматическое значеніе имѣетъ уменьшеніе голосовъ у центра на послѣднихъ выборахъ, производившихся въ атмосферѣ широко распространеннаго и интенсивнаго недовольства массъ правительствомъ и его парламентскими союзниками.

Какъ разъ обратное говорятъ цифры, выражающія отношеніе трудящихся классовъ Германіи къ соціальной демократіи. Съ 71 по

90 г. количественный составъ ея избирателей измѣнялся слѣдующимъ образомъ:

Число соціалистическихъ голосовъ	
въ 71 г.	124,700
„ 74 „	352,000
„ 77 „	493,300
„ 78 „	437,100
„ 81 „	312,000
„ 84 „	550,000
„ 87 „	763,100
„ 90 „	1,427,300

Вы видите, что за исключеніемъ 78 — 81 г. г., избирательные итоги соціальной демократіи въ теченіе всего періода существованія имперскаго парламента въ современной Германіи съ неизмѣнной правильностью указываютъ на распространеніе и углубленіе ея вліянія въ народныхъ массахъ. Но можно-ли уменьшеніе цыфры ея избирателей въ указанный періодъ считать признакомъ хотя бы кратковременнаго ослабленія къ ней симпатій въ этихъ массахъ? Достаточно напомнить читателю сказанное нами въ первой статьѣ относительно оргій реакціонеровъ и капиталистовъ въ первые годы послѣ изданія антисоціалистическаго закона — и онъ самъ дастъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Принимая во вниманіе безпощадный характеръ полицейско-судебныхъ преслѣдованій, сразу обрушившихся на соціальную демократію въ 78 г., произволъ хозяевъ, прогнавшихъ въ одномъ только Берлинѣ тысячи (говорятъ больше 15,000) интеллигентныхъ рабочихъ изъ мастерскихъ, выселеніе или изгнаніе наиболѣе инипіативныхъ членовъ рабочихъ кружковъ изъ мѣстъ ихъ дѣятельности, внезапную дезорганизацію, произведенную преслѣдованіями въ рядахъ партіи, — принимая все это во вниманіе, въ связи съ запрещеніями распространять не только избирательныя воззванія, но и голосовыя бланки съ именами ея кандидатовъ, нужно удивляться не уменьшенію числа соціалистическихъ голосовъ въ первое трехлѣтіе по изданіи исключительнаго закона, а тому, что въ неорганизованной и не воспламененной агитаціей массѣ нашлось 312,000 (въ 81 г.) избирателей, рискнувшихъ въ такой критическій моментъ вотировать за партію, состоящую изъ однихъ пролетаріевъ, ничего пока не приносящую своимъ приверженцамъ, кромѣ матеріальныхъ лишеній и всяческихъ преслѣдованій. Очевидно, извѣстная часть избирателей, голосовавшихъ въ 77 г. за соціалистовъ, поставленная при новыхъ обстоятельствахъ въ невозможность вотировать по своему убѣжденію, совсѣмъ воздержалась отъ голосованія. И дѣйствительно, общая цифра всѣхъ вотировавшихъ въ 81 г. значительно ниже, чѣмъ при предшествовавшихъ выборахъ.

Временная остановка въ ростѣ избирательной арміи рабочей партіи не можетъ, поэтому, идти въ параллель съ непрекращающимися колебаніями между процвѣтаніемъ и упадкомъ, наблюдаемыми у партій высшихъ классовъ, искусственно не задерживаемыхъ въ своемъ развитіи ни преслѣдованіями государства, ни бичемъ голода, въ видѣ лишенія ихъ приверженцевъ заработка. Политическая безформен-

ность и безпринципность, недостатокъ глубоко чувствуемыхъ и воодушевляющихъ общественныхъ идеаловъ у одной части населенія, полнѣйшее невѣжество и индифферентизмъ относительно политическихъ вопросовъ другой его части — вотъ главный источникъ отмѣченныхъ выше колебаній въ избирательныхъ результатахъ, относящихся къ этимъ партіямъ, опирающимся съ одной стороны на эксплуатирующіе классы, а съ другой — на наименѣе развитые и наиболѣе угнетаемые слои среди эксплуатируемыхъ массъ. Такія общественныя арміи естественно приходятъ въ разстройство отъ всякаго внѣшняго толчка, убываютъ и увеличиваются моментально, подъ вліяніемъ минутныхъ событій, измѣняющихъ настроеніе ихъ вліятельныхъ элементовъ. Но по мѣрѣ того, какъ распространяется пропаганда и агитаціонная дѣятельность соціальной демократіи, возрастаетъ доля политически сознательныхъ слоевъ въ низшихъ классахъ народа и уменьшается число политически индифферентныхъ. И именно къ ней все болѣе и болѣе тяготѣютъ всѣ проснувшіеся къ осмысленной жизни элементы низшихъ классовъ. Поэтому-то избирательные успѣхи соціальной демократіи постоянно влекутъ за собою новые, дальнѣйшіе успѣхи, и являются въ самомъ дѣлѣ показателями ея роста и развитія, а не мимолетнаго процвѣтанія. Уменьшеніе-же цыфры ея избирателей въ періодъ 78 — 81 гг. было только кратковременнымъ отступленіемъ предъ внезапно напавшимъ, обладающимъ гораздо большими силами врагомъ. Но такое вынужденное отступленіе не имѣетъ ничего общаго съ перемѣной въ настроеніи солдатъ отступившей арміи, и само по себѣ не указываетъ ни на дизертерство изъ ея рядовъ, ни даже на ослабленіе энтузіазма въ ней. Это и обнаружилось вполнѣ уже при выборахъ 84 г., когда соціальная демократія выступила на поле избирательной борьбы съ силами, реорганизованными соотвѣтственно исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ она очутилась съ 78 г.

Помѣщенныя выше таблицы содержатъ въ себѣ только абсолютныя измѣненія въ избирательныхъ итогахъ, безотносительно къ общему числу голосовавшихъ. Прослѣдимъ теперь ихъ относительныя измѣненія, такъ какъ именно они даютъ настоящій масштабъ для опредѣленія роста или упадка силъ разныхъ партій.

Изъ каждой сотни избирателей вотировали*)

ГОДЫ	71	81	90
За консерваторовъ	28,3	38,4	35,4
„ либераловъ (включ. южногерм. демокр.)	37,3	23,2	18,3
„ ультрамонтановъ *и* партикуляристовъ	29,1	31,7	25,0
„ соціаль-демократовъ	3,0	6,1	19,7

*) Въ текстѣ всюду подразумѣваются только избиратели, принимавшіе участіе въ голосованіи, процентъ которыхъ сравнительно съ общею цыфрою имѣющихъ право выбирать, бываетъ очень различенъ отъ одного избирательнаго періода до другого. Большинство „воздерживающихся" отъ голосованія состоитъ изъ политически

Таблица эта резюмируетъ въ общихъ чертахъ ходъ измѣненій въ относительныхъ силахъ главнѣйшихъ партій Германіи за истекшія два десятилѣтія. Оставляя пока въ сторонѣ центръ съ примыкающими къ нему группами, мы видимъ, что либерализмъ, считавшій въ 71 г. около 40% избирателей въ своихъ рядахъ, потерялъ больше, чѣмъ половину своихъ приверженцевъ (частью потенціальныхъ, а отчасти и фактическихъ) и превратился изъ наиболѣе сильнаго политическаго фактора въ наиболѣе слабый. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ относительное усиленіе консерваторовъ въ концѣ разсматриваемаго нами періода на семь процентовъ, а съ другой стороны — соціаль демкратовъ почти на семнадцать процентовъ. Въ 71 г. послѣдніе составляли одну тридцать третію долю всѣхъ избирателей, теперь же около одной пятой, т. е. приблизительно въ семь разъ больше (абсолютно же они увеличились въ 11 разъ). Это значитъ, что соціалистическая агитація вызвала центробѣжное стремленіе въ составныхъ элементахъ либеральныхъ фракцій: въ рабочихъ слояхъ, слѣдовавшихъ за ними, развилось тяготѣніе къ соціальной демократіи, въ буржуазныхъ — возникло тяготѣніе къ консерваторамъ. Мы уже выше видѣли, что въ 78 г. вся національ-либеральная партія, если не по названію, то фактически, оставила знамя либерализма и присоединилась, въ качествѣ лѣваго крыла, къ оффиціальнымъ реакціонерамъ.

Не смотря, однако, на такой огромный притокъ новыхъ силъ къ консерваторамъ въ концѣ 70-ыхъ годовъ, въ теченіи послѣдняго десятилѣтія и у нихъ обнаруживается регрессивное движеніе. По сравненію съ 81 г., они на прошлогоднихъ выборахъ получили на три процента меньше голосовъ, а по сравненію съ 78 г. убыль ихъ равна почти двадцати процентамъ. Очевидно, одностороннее, направленное какъ бы исключительно ко вреду либераловъ, вліяніе соціаль-демократической агитаціи на группировку общественныхъ силъ между разными политическими партіями продолжалось только до конца 70-ыхъ годовъ. Въ теченіе-же прошлаго десятилѣтія вліяніе это начало все болѣе и болѣе непосредственно отражаться и на реакціонныхъ партіяхъ, такъ что наконецъ притокъ перебѣжчиковъ къ нимъ изъ лагеря либераловъ оказался не въ состояніи покрыть дефицитъ, образовавшійся въ ихъ избирательной арміи, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ ими въ столкновеніяхъ съ соціальной демократіей. Прогрессъ притягательной силы этой послѣдней на демократическую часть элементовъ, составляющихъ главную опору консервативныхъ партій, обнаружится еще болѣе, если совсѣмъ выдѣлимъ изъ нихъ

вполнѣ индифферентныхъ лицъ и образуетъ резервную избирательную армію для эксплуататорскихъ партій, преимущественно для реакціонныхъ, пускаемую ими въ дѣйствіе въ особенно критическіе моменты. Весьма характерно, что въ 81 г., когда, благодаря исключительному положенію соціальной демократіи, лишившему ее возможности открыто агитировать въ массахъ, партіи эти считали конкурренцію ея при выборахъ неопасной, цифра голосовавшихъ упала сравнительно съ 78 г. почти на 700,000. За вычетомъ приблизительно 180,000 соціалистическихъ избирателей, не голосовавшихъ по извѣстнымъ причинамъ, остальные изъ воздержавшихся принадлежали къ пассивнымъ силамъ реакціи.

національ либераловъ. Безъ послѣднихъ, цифра ихъ избирателей понизилась съ двадцати восьми процентовъ общаго числа голосовъ въ 71 г. до двадцати трехъ процентовъ въ 81 г. и упала, наконецъ, до девятнадцати процентовъ на послѣднихъ выборахъ. Если часть этихъ потерь оффиціальныхъ реакціонеровъ въ нѣкоторыхъ округахъ пошла на пользу демократическихъ или плутократическихъ либераловъ, то другая, быть можетъ большая, должна быть зачислена въ политическій активъ соціальной демократіи.

Избирательная статистика (относящаяся къ выборамъ въ рейхстагъ) наглядно показываетъ, съ какой математической правильностью подвигается впередъ процессъ разложенія эксплуататорскихъ партій подъ вліяніемъ соціальной демократіи и поглощенія ею ихъ наиболѣе здоровыхъ жизненныхъ соковъ. Избирательные итоги отражаютъ также разницу въ политическомъ характерѣ тѣхъ слоевъ народа, которые пристаютъ къ рабочей партіи, и тѣхъ изъ нихъ, которые тащатся въ хвостѣ ея противниковъ. Эта разница особенно рельефно проявилась въ періодъ перебаллотировокъ. И такъ какъ она очень существенна для оцѣнки политической роли соціальной демократіи, то мы и остановимся нѣсколько на тактикѣ послѣдней и ея враговъ во время этихъ перебаллотировокъ. Кромѣ того, они имѣютъ интересъ еще и потому, что непосредственно и осязательно показываютъ, въ какой сильной степени либерально-демократическія фракціи Германіи находятся въ зависимости отъ партіи соціалистической.

III

Для читателей, не имѣвшихъ случая хорошо ознакомиться съ названіями и составомъ общественныхъ элементовъ, между которыми шла борьба на послѣднихъ выборахъ, мы сдѣлаемъ слѣдующее замѣчаніе. Господствующими партіями въ предыдущемъ рейхстагѣ были консерваторы и національ-либералы, заключившіе между собою во время избирательной борьбы 87 г. формальный союзъ, извѣстный подъ названіемъ картеля. Первые изъ нихъ являются представителями землевладѣльческой аристократіи и вообще дворянско-клерикальныхъ элементовъ протестантской части населенія, послѣдніе — капиталистической аристократіи. Вмѣстѣ съ правительствомъ, обѣ половины картеля управляли законодательнымъ и административнымъ механизмомъ имперіи исключительно въ интересахъ святой троицы современной Германіи: монархіи, юнкерства и плутократіи. Противъ картеля и направлены были поэтому, главнымъ образомъ, общія усилія всей оппозиціи.

Оппозиція эта состояла изъ слѣдующихъ элементовъ: во-первыхъ, изъ соціалистической демократіи или партіи рабочихъ; во-вторыхъ, изъ либеральной или буржуазной демократіи, распадающейся въ свою очередь на двѣ фракціи: „свободомыслящихъ“ и „народную партію“ южно-германскихъ демократовъ. Обѣ онѣ опираются

на среднюю и отчасти мелкую буржуазію *), которая тащитъ за собою къ избирательной урнѣ и не доразвившихся до классового самосознанія рабочихъ. Наконецъ, въ оппозиціонномъ-же лагерѣ находились ультрамонтаны и партикуляристы Эльзаса, насильственно присоединеннаго въ 66 г. къ Пруссіи Гановера и польскихъ провинцій. Генеральный штабъ, т. е. руководящіе элементы ультрамонтановъ и партикуляристовъ состоятъ преимущественно изъ католическихъ юнкеровъ и феодаловъ, теологовъ и поповъ всѣхъ ступеней іерархіи римской церкви, а избирательная армія рекрутируется, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ, ремесленниковъ, вообще мелко буржуазныхъ слоевъ и рабочихъ. Связующимъ звеномъ и формальнымъ лозунгомъ для всѣхъ этихъ элементовъ служили (а отчасти и теперь еще служатъ), съ одной стороны: защита правъ католической церкви противъ усилій Бисмарка подчинить ее государственной власти, представителемъ которой является сынъ евангелической церкви, прусскій король и германскій императоръ, а съ другой — ненависть противъ Пруссіи и стремленіе противодѣйствовать дальнѣйшимъ покушеніямъ ея на остатки національной и мѣстной автономіи государствъ и провинцій, „объединенныхъ“ при помощи „крови и желѣза“ въ имперію. Сильнѣйшей изъ ультрамонтано-партикуляристскихъ группъ является центръ, по отношенію къ которому всѣ прочія играютъ роль спутниковъ. Эта партія преслѣдуетъ спеціально церковно- политическіе интересы католицизма, но коренной источникъ ея силы заключается, помимо народныхъ симпатій, пріобрѣтенныхъ ею въ періодъ преслѣдованій католическаго духовенства (70-ые годы), въ общности, не интересовъ, но *антагонизма* ея аристократическихъ и демократическихъ слоевъ съ крупной буржуазіей, оттѣснившей на задній планъ клерикально дворянскіе элементы, раззоряющей различными путями мелкую буржуазію (включая и крестьянъ) и обогощающейся непосредственною эксплуатаціей рабочаго класса. При слабости соціалистическаго движенія въ началѣ 70-ыхъ годовъ, центру не трудно было, опираясь на эту отрицательнаго свойства почву, убѣдить не только крестьянъ и ремесленное населеніе, но и рабочихъ католическаго вѣроисповѣданія въ томъ, что онъ является ихъ естественнымъ руководителемъ и въ дѣлахъ церкви, и въ защитѣ ихъ соціально экономическихъ и политическихъ интересовъ. А такъ какъ философія исторіи реакціонеровъ (и идеалистическихъ атеистовъ, замѣтимъ кстати) говоритъ, что именно либерализмъ породилъ буржуазное общество, а не наоборотъ, то борьба всѣхъ вѣрующихъ католиковъ противъ „лжеученій либерализма“ и „либеральнаго государства“ заняла въ программѣ ультрамонтановъ мѣсто классовой борьбы пролетаріата противъ буржуазіи. Въ дѣйствительности, однако, центру приходилось часто бокъ о бокъ съ либералами, и именно демократическими, защищать противъ Бисмарка и его парламент-

*) Теоретически и по намѣренію, либеральная демократія является представительницей именно среднихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи. Но на дѣлѣ, масса послѣднихъ, едва ли не большинство, тащится въ послѣдніе 10 — 15 лѣтъ въ хвостѣ реакціонеровъ,

скихъ союзниковъ права рейхстага и „народа“, т. е. бороться за дальнѣйшее развитіе и упроченіе основныхъ началъ либерализма въ государственномъ строѣ Германіи. Этого требовали интересы католической церкви въ Пруссіи и Германіи, гдѣ главой государственной власти является протестантъ, а также и демократическій составъ избирательныхъ массъ центра. Въ итогѣ послѣдній оказывается (точнѣе былъ) партіей, въ одно и то же время реакціонной и либеральной, аристократической и демократической.

При всей разницѣ въ характерѣ и стремленіяхъ составныхъ частей оппозиціи, всѣ онѣ, начиная съ соціальной демократіи и кончая ультрамонтано-партикуляристскими группами, сходились въ періодъ прошлогодней избирательной борьбы въ одномъ пунктѣ: въ стремленіи окончательно разбить картель, чтобы устранить первое и непосредственное препятствіе для избавленія отъ бисмарковскаго режима, ненавистнаго всѣмъ имъ и представляемымъ ими общественнымъ классамъ. Побѣда картеля на выборахъ имѣла бы своимъ послѣдствіемъ, по крайней мѣрѣ въ перспективѣ, упроченіе на многіе годы этого режима съ его политикой, направленной исключительно въ пользу прогрессивнаго усиленія бюрократіи, полицейскаго произвола, солдатчины и обогащенія капиталистическихъ и землевладѣльческихъ бароновъ и князей на счетъ остальныхъ классовъ населенія. Отсюда сама собою вытекала для всѣхъ оппозиціонныхъ партій обязанность и необходимость взаимной поддержки при перебаллотировкахъ повсюду, гдѣ противниками той или другой изъ нихъ явится кандидатъ картеля. Въ лагерѣ буржуазной демократіи еще до генеральныхъ выборовъ раздавались голоса въ пользу соглашенія между всѣми элементами оппозиціи, включая и соціальную демократію. „Долой картель!“ — таковъ общій девизъ всѣхъ этихъ элементовъ. А потому, заявляли нѣкоторые изъ либерально-оппозиціонныхъ органовъ, всѣ они должны соединиться въ „антикартель“ и дружно напасть на общаго врага. При этомъ не скупились на комплименты по адресу соціаль-демократовъ, надѣясь, вѣроятно, сдѣлать ихъ такимъ образомъ болѣе податливыми на заискиванія „свободомыслящихъ“ и „народной партіи“.

Какова-же на самомъ дѣлѣ была тактика оппозиціонныхъ партій на перебаллотировкахъ?

Лишь только обнародованы были первые результаты общихъ выборовъ, какъ почти всѣ оттѣнки буржуазной прессы наполнились іеремиадами, заканчивавшимися обыкновенно такого рода призывомъ къ имущимъ классамъ: „Это положеніе вещей налагаетъ на партіи порядка обязанность сомкнуться въ тѣсные ряды, чтобы соединенными силами напасть на общаго врага“ — на соціальную демократію (Швабскій Меркурій, № отъ 22 Февраля). Цитированная газета принадлежитъ къ органамъ картеля. Но въ такомъ же смыслѣ высказывалась пресса центра и, за немногими исключеніями, пресса свободомыслящихъ. Ультрамонтаны были такъ перепуганы избирательными успѣхами рабочей партіи, что забыли о своей кровной враждѣ съ національ-либералами и консерваторами протестантскаго лагеря и поспѣшили образовать съ ними оборонительный „картель“

противъ этого „общаго" врага. Мы не станемъ, однако, останавливаться на поведеніи центра относительно соціальной демократіи. Для насъ интереснѣе избирательная тактика либеральной демократіи съ одной стороны и соціалистической — съ другой.

Вотъ прежде всего нѣсколько образчиковъ тона, которымъ заговорили „свободомыслящіе", только что искавшіе сближенія съ соціаль-демократами, тотчасъ послѣ общихъ выборовъ.

Во второмъ берлинскомъ округѣ первые выставили своимъ кандидатомъ профессора Вирхова. Въ качествѣ представителя науки, онъ пользуется уваженіемъ и симпатіями среди соціалистическихъ рабочихъ Германіи въ такой же мѣрѣ, какъ и среди образованныхъ слоевъ другихъ классовъ населенія. Но какъ членъ одной изъ буржуазныхъ партій, онъ являлся политическимъ противникомъ пролетаріата, а потому объ отказѣ со стороны соціальной демократіи въ его пользу отъ самостоятельной кандидатуры не могло быть и рѣчи. И вотъ оказалось, что на общихъ выборахъ знаменитый Вирховъ получилъ на 2000 голосовъ меньше, чѣмъ темный переплетчикъ Янышевскій, кандидатъ рабочей партіи. Въ виду этого неожиданнаго результата, „свободомыслящіе" прежде всего излили свои чувства въ такихъ эпитетахъ по адресу Янышевскаго, какъ „полуидіотъ, польскій переплетчикъ", а затѣмъ обратились къ бюрократическимъ и дворянскимъ реакціонерамъ, населяющимъ одинъ изъ участковъ 2-го берлинскаго округа съ такими упреками: Можно было надѣяться, что въ виду кандидатуры соціалистовъ, общественные элементы „квартала тайныхъ совѣтниковъ" примирятся съ представительствомъ человѣка такой всемірной извѣстности, какъ Вирховъ, единственный недостатокъ котораго только въ томъ и заключается, что онъ принадлежитъ къ партіи свободомыслящихъ. И если у нихъ не хватило духу голосовать за него, то пусть бы они имѣли мужество хоть вотировать за консерватора Ирмера (антисемита)! Вмѣсто того, они совсѣмъ воздержались и привели къ тому, что какой-то темный соціаль-демократическій переплтчикъ получилъ 20,000 голосовъ, на 2000 больше Вирхова".

Дѣйствительно, Янышевскій былъ наканунѣ выборовъ, да и теперь остается „темнымъ соціаль-демократическимъ переплетчикомъ". Но этотъ переплетчикъ незадолго до послѣдней избирательной борьбы выпущенъ былъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ просидѣлъ три съ половиною года изъ-за попытки начать пропаганду соціализма въ Познани. Этого обстоятельства оказалось достаточнымъ, чтобы доставить ему побѣду надъ такимъ, неизмѣримо болѣе сильнымъ и популярнымъ противникомъ, какъ Вирховъ. Мы понимаемъ, что такой фактъ, случившійся при томъ въ столицѣ имперіи и одномъ изъ ея главнѣйшихъ „центровъ торговли и образованія", долженъ былъ привести либеральную „интеллигенцію" въ черезвычайное смущеніе. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя не стала бы обзывать „полуидіотомъ" кандидата партіи, которую только что приглашала присоединиться къ „антикартелю", если бы либерализмъ ея имѣлъ подъ собою серьезную подкладку. Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло шло главнымъ образомъ о протестѣ противъ политическаго режима, врагами котораго объяв-

ляютъ себя и господа „свободомыслящіе". Еще болѣе характерной, если это возможно, для политической благонадежности послѣднихъ является съ такимъ цинизмомъ выраженная досада ихъ на консерваторовъ за то, что у нихъ не хватило безстыдства вотировать за антисемитическаго демагога Ирмера. Хороши радикальные либералы, готовые мириться съ побѣдой даже такого ультра-реакціоннаго кандидата, за котораго стѣсняются подавать голоса сами реакціонеры „квартала тайныхъ совѣтниковъ".

На иной манеръ, хотя не менѣе типично, проявилъ свой политичекій радикализмъ избирательный комитетъ „свободомыслящихъ" въ третьемъ берлинскомъ округѣ. Въ своей прокламаціи названный комитетъ прежде всего упрекаетъ соціаль-демократическихъ агитаторовъ въ скрываніи ими будто бы конечныхъ цѣлей соціализма, а затѣмъ возводится слѣдующій рядъ обвиненій противъ нихъ: „Но чего же они добиваются на почвѣ современнаго государства? Они отказываютъ правительству въ налогахъ и солдатахъ и вотируютъ въ парламентѣ не только противъ чрезмѣрныхъ расходовъ, но и противъ всего бюджета, противъ жалованья чиновникамъ, пенсій инвалидамъ, они отказываютъ правительству въ средствахъ на удовлетвореніе государственныхъ кредиторовъ, на продолженіе старыхъ и предпріятіе новыхъ построекъ. Въ послѣдней сессіи рейхстага соціалистическіе депутаты вотировали противъ снабженія войска новымъ, усовершенствованнымъ оружіемъ, а въ 1870 г. они высказались противъ выдачи средствъ правительству на веденіе войны съ Франціей. Соціаль-демократы не признаютъ всеобщей равноправности, они врываются въ чужія собранія, производятъ тамъ безпорядки и стараются ихъ разстраивать..." Мы не станемъ разбирать этотъ, отчасти злостный, а еще болѣе смѣшной винегретъ всевозможныхъ нареканій и обвиненій, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, четыре пятыхъ характеризуютъ только политическую твердость соціальной демократіи, а остальныя представляютъ собою чистѣйшую ложь. Предоставляемъ самому читателю судить о политическомъ характерѣ либерально демократической партіи, бросающей своей соперницѣ обвиненія, сводящіяся къ тому, что она слишкомъ послѣдовательно и энергично борется противъ солдатчины, бюрократизма и чрезмѣрнаго обремененія народа налогами и податями, предоставленными въ распоряженіе полу-абсолютнаго правительства.

Вообще, въ періодъ перебаллотировокъ тактика „свободомыслящихъ" по отношенію къ соціальной демократіи въ большинствѣ округовъ едва ли существенно отличалась отъ тактики національ-либераловъ или консерваторовъ. Мѣстами она принимала характеръ прямого насилія надъ рабочими. Въ Кенигсбергѣ, напримѣръ, свободомыслящіе, при содѣйствіи національ-либераловъ и властей, заставили содержателей большихъ ресторановъ не давать соціалистамъ залъ для собраній, вслѣдствіе чего послѣдніе лишены были возможности выступать публично предъ массой избирателей. Далѣе, многіе предприниматели потребовали отъ своихъ рабочихъ письменнаго обязательства, что они подадутъ свои голоса только за свободомы-

слящаго кандидата. Затѣмъ, на многихъ фабрикахъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, проэктировалось запрещеніе рабочимъ, внѣ обѣденнаго времени, отлучаться для подачи своего голоса. Наконецъ, въ довершеніе всего, купечество намѣревалось (не знаю, выполнило ли оно свое намѣреніе) доставить всѣмъ лицамъ, не имѣвшимъ работы, на два дня занятіе внѣ города, разсчитывая лишить тѣмъ самымъ соціалистовъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ, для „свободомыслящихъ“ дѣло шло о самозащитѣ. Ихъ поведеніе по отношенію къ соціаль-демократіи шло въ разрывъ съ требованіями самаго либеральнаго демократизма, но въ свое оправданіе они могли бы сослаться на увлеченіе борьбой, въ виду опасности, угрожавшей ихъ важнѣйшимъ позиціямъ со стороны побѣдоноснаго противника. За то въ тѣхъ округахъ, гдѣ борьба на перебаллотировкахъ происходила исключительно между соціалистами и реакціонерами, можно было ожидать, что „свободомыслящіе“ примутъ сторону первыхъ. На это можно было надѣяться, основываясь на заявленіяхъ ихъ прессы и на всемъ ея тонѣ въ періодъ генеральной избирательной борьбы. На дѣлѣ, однако, вышло совершенно обратное.

Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ соціальной демократіи пришлось въ двухъ округахъ подвергнуться перебаллотировкѣ съ національ-либералами. Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ „Кильской газетѣ“ органѣ свободомыслящихъ: „Во второмъ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ округѣ управленіе свободомыслящаго союза собирается обнародовать заявленіе въ пользу національ-либеральнаго кандидата. Въ Пиннебергѣ, Оттензенѣ, Итерзенѣ національ-либералы, консерваторы и свободомыслящіе соединились и уже образовали сообща одинъ избирательный комитетъ для предстоящей перебаллотировки. Далѣе, центральное управленіе свободомыслящихъ Шлезвигъ-Гольштейна (всего герцогства) готовитъ оффиціальную прокламацію по поводу шестого округа. Мы еще разъ обращаемся къ членамъ свободомыслящей партіи и настоятельно просимъ ихъ, въ интересахъ этой послѣдней, слушаться только голоса разсудка и энергично дѣйствовать противъ соціальной демократіи. Разъ округъ попадетъ въ руки послѣдней, свободомыслящіе потеряютъ всякую надежду когда либо опять овладѣть имъ. Это наглядно доказываютъ примѣры Гамбурга и Альтоны. И дѣйствительно, огромное большинство свободомыслящихъ въ шестомъ округѣ ясно сознаетъ, что вопреки всему случившемуся (т. е. ожесточеннымъ междоусобіямъ въ лагерѣ буржуазныхъ партій), національ-либералы, стоящіе на одной съ нами государственной и общественной почвѣ, являются наиболѣе близкой намъ партіей. Пусть же общность интересовъ партій имущихъ классовъ (buergerlichen Parteien) выступитъ теперь передъ ихъ сознаніемъ съ большей силой, чѣмъ воспоминаніе о прежнихъ распряхъ. Мы, Шлезвигъ-Гольштейнцы проявляли единеніе во всѣ критическіе моменты, будемъ же и теперь единодушно дѣйствовать, ни одна партія не будетъ въ этомъ потомъ раскаяваться.“

Не всѣ представители буржуазной демократіи стояли за предложенную цитированной газетой тактику. Но что большинство ихъ

и, въ особенности, руководимая ими масса, держались этой тактики, видно изъ результатовъ перебаллотировокъ. Я насчиталъ 37 округовъ, въ которыхъ соціаль-демократамъ пришлось перебаллотировываться съ національ-либералами или консерваторами. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ исходъ перебаллотировокъ зависѣлъ отъ буржуазной оппозиціи, и главнымъ образомъ, отъ свободомыслящихъ. И тѣмъ не менѣе, всего въ 13 изъ интересующихъ насъ районовъ кандидатамъ соціалистовъ удалось одержать побѣду надъ картелемъ. Уже одно это показываетъ, что большинство приверженцевъ буржуазной оппозиціи вотировало за картель.

Мы знаемъ, однако, что не смотря на измѣну буржуазной оппозиціи, у соціальной демократіи, въ ея перебаллотировкахъ съ картелемъ прибавились десятки тысячъ новыхъ избирателей. Откуда же взялись они? Вопросъ этотъ разрѣшается очень просто.

Помимо элементовъ пассивныхъ и вялыхъ, находящихся въ ея рядахъ, какъ и въ другихъ партіяхъ, у нея имѣется еще избирательный резервъ, состоящій изъ рабочихъ, пока не примкнувшихъ къ ней, но уже начинающихъ сочувствовать ея борьбѣ и успѣхамъ. Часть изъ нихъ продолжаетъ пока сохранять свое внѣпартійное положеніе и не принимаетъ участія въ политической жизни, другая, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а отчасти и по привычкѣ, еще остается даже формально въ лагерѣ той или другой изъ буржуазныхъ партій. При общихъ выборахъ, эти, стоящіе на распутьи, слои рабочаго класса или совсѣмъ воздерживаются отъ голосованія, или же вотируютъ за кандидата той партіи, съ которой они связаны по традиціи или по внѣшнимъ, „не зависящимъ“ отъ нихъ обстоятельствамъ. Тутъ дѣйствуютъ отчасти привычки, рутина, инертность, отчасти сомнѣнія въ силѣ соціалистовъ, только что начинающихъ пробивать себѣ дорогу къ вліянію и власти. Возрастающіе успѣхи соціальной демократіи дѣйствуютъ, однако, обаятельнымъ образомъ на эти элементы рабочаго класса и замѣняютъ постепенно ихъ нерѣшительность и колебанія активнымъ сочувствіемъ. Изъ нихъ-то, нужно полагать, и составляется, главнымъ образомъ, тотъ контингентъ избирателей, который увеличиваетъ цифру соціалистическихъ голосовъ при перебаллотировкахъ, происходящихъ послѣ генеральныхъ выборовъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ побѣдъ соціальной демократіи. Этимъ именно элементамъ пролетаріата, а не буржуазной оппозиціи въ цѣломъ, соціалисты обязаны своими побѣдами и при прошлогоднихъ перебаллотировкахъ.

Что собственно побудило либерально-оппозиціонные элементы перемѣнить фронтъ относительно соціальной демократіи, лишь только окончилось первое голосованіе? Какъ ни многозначительны были ея избирательные успѣхи, все же они не представляли собою непосредственной опасности для экономическихъ основъ буржуазнаго общества. Въ лучшемъ случаѣ у нея оказалось бы 60 или около того депутатовъ въ рейхстагѣ, т. е. такое меньшинство, которое самостоятельно не могло бы даже играть роль рѣшающаго фактора въ законодательномъ собраніи, и стало быть, никоимъ образомъ не давало бы ей возможности покушаться на „собственность, семью“ и

прочія святыни либеральныхъ бюргеровъ. За то побѣда реакціонеровъ угрожала дѣйствительной, непосредственной опасностью не только соціалистическому пролетаріату, но и всему народу, за исключеніемъ крупныхъ капиталистовъ, юнкеровъ, бюрократовъ и клерикаловъ. А между тѣмъ, численный перевѣсъ реакціонеровъ въ рейхстагѣ былъ обезпеченъ уже исходомъ генеральныхъ выборовъ, доставившихъ относительное большинство парламентскихъ мѣстъ ультрамонтано-партикуляристской партіи, игравшей оппозиціонно-демократическую роль лишь поскольку это необходимо было для ея реакціонныхъ цѣлей. Уже въ то время можно было предвидѣть, что правительство пойдетъ на уступки центру и постарается очистить дорогу для сближенія послѣдняго съ консерваторами, т. е. съ реакціонерами „евангелической церкви". Въ виду этой перспективы, энергичная поддержка другъ друга на перебаллотировкахъ являлась настоятельной необходимостью и обязанностью для всѣхъ фракцій демократической оппозиціи; и при томъ не только противъ картеля, но и противъ ультрамонтановъ, побѣда которыхъ надъ первымъ была по разнымъ соображеніямъ очень желательна, но отнюдь не на счетъ одной изъ демократическихъ партій. Не представляя собою для современнаго общества непосредственной опасности въ смыслѣ коммунистическаго переворота, 50-60 соціалистическихъ депутатовъ въ рейхстагѣ оказались бы, однако, весьма опасными для современнаго политическаго режима Германіи и для заинтересованныхъ въ его долговѣчности магнатовъ капитала и феодально-абсолютистскихъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія, оппозиціонная буржуазія должна бы, казалось, прямо желать побѣды соціалистовъ на перебаллотировкахъ. Что же толкнуло ее въ объятія ненавидимыхъ ею партій и заставило дѣйствовать съ ними противъ соціальной демократіи?

Истинная причина этого явленія заключается въ страхѣ всѣхъ слоевъ буржуазіи не только передъ будущей революціей пролетаріата, но и передъ возрастающимъ вліяніемъ его на *повседневную* политику *современнаго* государства и самихъ эксплуататорскихъ партій въ области „соціальнаго вопроса". Уже дошло до того, жаловалась „Кельнская газета", что „едва ли найдется партія, у которой имущіе и образованные классы могутъ найти себѣ защиту. Только немногіе выдающіеся органы имѣютъ еще мужество систематически и послѣдовательно выступать противъ заносчивости, ненасытности и террористическихъ склонностей массъ... А потому собственно нуждаются-то въ покровительствѣ именно имущіе и образованные классы". Слова эти вполнѣ выражаютъ тревоги и мысли, возбужденныя извѣстными императорскими рескриптами отъ 4 Февраля 90 г. объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ изъ экономическихъ требованій интернаціональной соціаль-демократіи.

Читатель помнитъ, какое соревнованіе по вопросу о государственномъ покровительствѣ рабочимъ проявили въ періодъ избирательной борьбы буржуазныя партіи — вплоть до свободомыслящихъ манчестерцевъ, принципіальныхъ приверженцевъ „свободы труда", или, что тоже самое, свободы капиталистовъ эксплуатировать его. Но

вѣдь это все происходило до выборовъ, когда о степени успѣховъ соціалистическаго движенія въ истекшее трехлѣтіе можно было только догадываться по частичнымъ, хотя и внушительнымъ проявленіямъ его. Можно себѣ представить тревогу, овладѣвшую слабонервными бюргерами сейчасъ послѣ выборовъ, доставившихъ соціаль-демократамъ сразу 20 мѣстъ въ рейхстагѣ, около 60 перебаллотировокъ и почти полтора милліона голосовъ. Что же будетъ, тревожно думали имущіе элементы правительственныхъ и антиправительственныхъ партій, если соціалисты одержатъ побѣду надъ своими противниками и на перебаллотировкахъ, и войдутъ въ законодательную палату имперіи въ числѣ 70 или больше депутатовъ? Ну, положимъ, революціи они учинять не станутъ, да на такой конецъ у насъ, слава богу, солдатъ и полиціи достаточно. Но не будутъ ли они производить слишкомъ большое давленіе на правительство и большинство рейхстага? Кто можетъ поручиться, что „въ своемъ рвеніи обогнать другъ друга въ проявленіи своей любви къ рабочимъ“ (слова Кельнской газеты) правительство и рейхстагъ не введутъ десятичасоваго рабочаго дня и не удовлетворятъ другимъ ближайшимъ требованіямъ соціальной демократіи, столь гибельнымъ для „національной промышленности“ и для благосостоянія „средняго сословія“ мелкихъ предпринимателей?

Такіе или подобные вопросы и думы должны были тревожить головы эксплуататоровъ въ періодъ перебаллотировокъ. При такомъ настроеніи, перспектива господства реакціонныхъ элементовъ въ новомъ рейхстагѣ должна была казаться „свободомыслящимъ“ филистерамъ чуть не мелочью, пустякомъ, по сравненію съ увеличеніемъ соціалистической фракціи.

Мы видѣли выше, что присутствіе замѣтнаго числа соціалистическихъ депутатовъ въ рейхстагѣ прежде всего и непосредственнѣе всего послужило бы на пользу борьбы за политическую свободу, значительно увеличивши силы либерально-демократической оппозиціи. Но читатель видитъ теперь, что либеральная буржуазія должна скорѣе опасаться, чѣмъ желать усиленія политической оппозиціи такимъ союзникомъ. Вѣдь въ настоящее время всякій шагъ по пути демократизаціи политическихъ учрежденій служитъ прежде всего къ увеличенію оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ пролетаріата въ его освободительной борьбѣ. Сильная монархическая власть, военщина, бюрократизмъ, ограниченія свободы прессы и т. п. — все это вещи, конечно, непріятныя, но онѣ въ то же время — ограды и крѣпости современнаго общества противъ натиска организованныхъ рабочихъ армій. Тяготятъ эти прелести полуабсолютистскаго режима среднюю и мелкую буржуазію, да совсѣмъ безъ нихъ обойтись ей еще страшнѣе; гдѣ и у кого найдешь тогда защиту противъ дерзкихъ требованій черни?

Экономическій антагонизмъ среднихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи съ пролетаріатомъ, какъ съ объектомъ ихъ эксплуатаціи и условіемъ ихъ существованія, отнимаетъ у нихъ способность серьезно сочувствовать дѣлу политической свободы. Антагонизмъ этотъ обрекаетъ ихъ на вѣчное колебаніе между либерализмомъ и реакціей,

между стремленіемъ къ полному торжеству парламентскаго правленія надъ военно-бюрократическимъ и опасеніями послѣдствій такого торжества для ихъ экономическаго господства надъ рабочимъ классомъ. Вотъ эта-то политическая шаткость и безпринципность буржуазныхъ массъ и отразилась нагляднымъ образомъ въ ихъ голосованіи на перебаллотировкахъ въ прошломъ году, за реакціонныя партіи противъ соціалистической.

Обратимся теперь къ избирательной тактикѣ соціаль-демократовъ. Само собою разумѣется, что на общихъ выборахъ они выступили и обязаны были выступить вполнѣ самостоятельно, не отказываясь ни отъ одного голоса въ пользу буржуазныхъ противниковъ картеля. Говорю: „обязаны были" потому, что этого требовали не только конечныя цѣли и задачи рабочей партіи, но и непосредственные интересы самой борьбы съ плутократическо-дворянской реакціей,—интересы политической свободы. Ничего, кромѣ вреда для накопленія силъ, необходимыхъ для энергическаго веденія этой борьбы, не вышло бы отъ избирательнаго компромисса съ политическими группами, программа и тактика которыхъ опредѣляются общественными элементами, больше всего опасающимися именно политическаго радикализма рабочихъ. Предыдущія страницы избавляютъ меня отъ надобности въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ этого замѣчанія.

Съ окончаніемъ голосованія на общихъ выборахъ, окончился и тотъ фазисъ избирательной борьбы, въ которомъ исключительной основой тактики соціаль-демократовъ служитъ пропаганда ихъ ученій и требованій, съ одной стороны, а съ другой — опредѣленіе размѣровъ своего вліянія въ народной массѣ. Въ періодъ перебаллотировокъ, передъ соціалистической партіей выступила на первый планъ задача, соединявшая ее общимъ интересомъ съ прочими элементами оппозиціи и выразившаяся въ лозунгѣ: „долой картель!" Поэтому, тотчасъ послѣ общаго голосованія, центральное управленіе рабочей партіи обратилось къ соціалистическимъ избирателямъ съ воззваніемъ, въ которомъ настоятельно приглашало ихъ — подъ условіемъ, о которомъ сказано будетъ ниже — вотировать повсюду за либерально-демократическихъ и даже ультрамонтанскихъ кандидатовъ противъ картеля. Читатель, однако, ошибся бы, если бы предположилъ, что вожди соціальной демократіи вошли при этомъ въ какое нибудь соглашеніе съ буржуазными противниками картеля. „Предлагая вамъ такъ дѣйствовать, писали въ заключеніе авторы упомянутой прокламаціи, мы отнюдь не разсчитываемъ на обратныя услуги со стороны другихъ партій: вѣдь часть буржуазной прессы призываетъ уже эти партіи къ образованію коалиціи противъ насъ. Нѣтъ! и въ данномъ случаѣ мы дѣйствуемъ, *не* подъ вліяніемъ надеждъ на выгодныя сдѣлки съ нашими противниками, а единственно ради интересовъ своей партіи и общаго блага".

Мы уже знаемъ, что послѣдующее поведеніе буржуазной массы вполнѣ оправдало мотивъ, удерживавшій руководителей рабочей партіи отъ заключенія союза со свободомыслящими и центромъ хотя бы только для перебаллотировокъ. Поддерживать же названныя

партіи соціаль-демократы должны были ради низверженія картеля. При этомъ буржуазная оппозиція, и своимъ вотомъ въ прежнемъ парламентѣ, и своими заявленіями въ прессѣ и на собраніяхъ взяла на себя обязательство противодѣйствовать возобновленію исключительнаго закона противъ передовыхъ элементовъ пролетаріата. Политическіе представители послѣдняго не удовлетворились, однако, этимъ; въ цитированномъ воззваніи они предлагали соціалистическимъ избирателямъ требовать отъ кандидатовъ оппозиціи обязательство противодѣйствовать въ парламентѣ:

1) Введенію какихъ бы то ни было исключительныхъ законовъ.

2) Внесенію болѣе строгихъ постановленій въ уголовный кодексъ, и

3) Обязательство вотировать противъ всякихъ ограниченій общаго избирательнаго права.

Въ случаѣ отказа кандидата дать такія обязательства, соціалистическимъ избирателямъ предлагалось совсѣмъ воздерживаться отъ голосованія, причемъ мѣстный комитетъ рабочей партіи долженъ былъ выступить съ публичнымъ объясненіемъ мотивовъ этого воздержанія. Какъ же поступила масса соціалистовъ?

Приблизительно въ 70 округахъ буржуазная оппозиція одержала побѣду надъ картелемъ, и изъ нихъ больше чѣмъ въ 50 она побѣдой своей обязана соціалистическимъ избирателямъ. Такую же энергичную поддержку получила эта оппозиція отъ соціаль-демократовъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ она и при ихъ помощи не въ силахъ была одолѣть своихъ противниковъ изъ лагеря консерваторовъ или національ-либераловъ. Только незначительная часть соціалистическихъ избирателей воздержалась на перебаллотировкахъ отъ голосованія. Но это случилось преимущественно тамъ, гдѣ раздраженіе рабочихъ избирательной тактикой оппозиціи достигло чрезвычайной интенсивности. Какъ бы то ни было, предсказанія берлинскаго органа рабочей партіи (Volksblatt), что „ни одинъ соціаль-демократъ не подастъ своего голоса въ пользу картеля“ вполнѣ сбылось. И въ окончательномъ итогѣ либеральная демократія (и вообще буржуазная оппозиція) обязана соціалистамъ, по крайней мѣрѣ, половиной пріобрѣтенныхъ ею на перебаллотировкахъ парламентскихъ мѣстъ.

Какъ въ своемъ первомъ очеркѣ, такъ и на предыдущихъ страницахъ, мы привели рядъ фактовъ, подтверждающихъ нашъ взглядъ на политическую роль соціальной демократіи и иллюстрирующихъ относительное значеніе этой партіи и буржуазныхъ демократовъ въ сферѣ борьбы за „права народа и парламента“. Выборы представляютъ собою такой моментъ въ жизни конституціонныхъ странъ, когда цѣлые классы населенія выступаютъ на политическую арену съ тѣмъ, чтобы лично заявить о своемъ отношеніи къ борющимся партіямъ и ихъ политикѣ. Избирательные періоды даютъ, поэтому, особенно въ Германіи, наиболѣе точный матеріалъ для оцѣнки политическаго характера различныхъ общественныхъ слоевъ и объема силъ, дѣйствующихъ отъ ихъ имени партій. Поэтому-то мы придаемъ такое значеніе поведенію соціалистическаго пролетаріата и оп-

позиціонной буржуазіи на послѣднихъ выборахъ. Если эта либеральная буржуазія, изъ антагонизма съ рабочимъ классомъ, перебѣжала къ реакціонерамъ въ моментъ довольно остраго недовольства ихъ господствомъ, то ясно, что самостоятельно она никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваема, какъ надежный факторъ въ борьбѣ за демократизацію государственнаго строя Германіи. И не будь даже у насъ другихъ данныхъ, кромѣ избирательной статистики, мы и тогда имѣли бы достаточное основаніе, что бы признать въ соціалистическомъ пролетаріатѣ ту силу, которой предназначена руководящая роль въ подготовленіи и совершеніи политической революціи въ Германіи. Но тѣ же данныя показываютъ, что соціальная демократія занимаетъ положеніе арміи, окруженной со всѣхъ сторонъ многочисленными непріятелями. Непріятели враждуютъ между собою и каждый порознь слабѣе этой арміи, но по отношенію къ ней они являются солидарной массой, далеко превосходящей ее по силѣ.

Обзоръ результатовъ послѣднихъ выборовъ приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ слѣдующему вопросу: можно ли вообще серьезно говорить о революціи пролетаріата въ Германіи, если не откладывать ее до той поры, когда развитіе капитализма превратитъ всю націю въ наемныхъ пролетаріевъ горсти Ротшильдовъ? А если можно, то какимъ путемъ, при какихъ условіяхъ соціалистическая демократія можетъ совершить ее?

IV.

Вопросъ, которымъ мы заключили предыдущую главу, вызоветъ, пожалуй, удивленіе въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей. Многимъ изъ русской демократической интеллигенціи силы соціальной демократіи кажутся, наоборотъ, болѣе чѣмъ достаточными для произведенія революціи и они, поэтому, недоумѣваютъ по поводу того обстоятельства, что она не вспыхнула въ Германіи тотчасъ послѣ выборовъ въ рейхстагъ. А политическіе младенцы объявили соціальную демократію на этомъ основаніи даже антиреволюціонной, а то такъ и совсѣмъ реакціонной.

Господа, упрекающіе ее въ „крайней умѣренности и осторожности“, ссылаются на примѣры революціонныхъ движеній во Франціи (и въ самой Германіи въ 48 г.) въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, движеній, совершавшихся подъ руководствомъ и при участіи политическихъ группъ, въ численномъ и организаціонномъ отношеніи несравненно болѣе слабыхъ, чѣмъ рабочая партія Германіи. Но они забываютъ при этомъ, что всѣ *побѣдоносныя* революціи со времени 89 г. произведены были не однимъ только пролетаріатомъ, а *совокупными* силами его и мелкой, отчасти и средней буржуазіи, при участіи и руководствѣ значительной доли интеллигенціи всѣхъ слоевъ общества и при сочувствіи или, по меньшей мѣрѣ, нейтралитетѣ

другихъ элементовъ націи, не заинтересованныхъ лично въ сохраненіи того порядка вещей, противъ котораго эти революціи направлены были. Сознательные революціонеры прошлаго вѣка и 30-го года во Франціи, какъ въ 48 г. въ Германіи и Австріи, представляли собою только авангардъ наиболѣе отважныхъ и рѣшительныхъ борцовъ за стремленія и требованія, волновавшія девять десятыхъ націи; за ними и кругомъ нихъ стояли какъ народныя массы, такъ и образованные и богатые элементы націи вплоть до промышленно-торговой аристократіи и королей биржи; противъ нихъ—только дворъ, дворянство, вообще горсть привиллегированныхъ, опиравшихся на деморализованную бюрократію и войско, сами невѣрившіе въ правоту своего дѣла и въ свои силы. *Приблизительно* таково же было „единеніе" французской націи наканунѣ февральской революціи 48 года противъ господствовавшей во Франціи плутократіи. Но каждый разъ, когда пролетаріатъ пытался „дѣлать" революцію на свой собственный рискъ и страхъ противъ всего буржуазнаго общества, междоусобія въ лагерѣ имущихъ и даже полуимущихъ классовъ сразу прекращались, уступивъ мѣсто „миру и единенію всей націи". Вчерашніе враги сплачивались въ одну „армію порядка", и возстаніе пролетаріевъ заканчивалось кровавой трагедіей и торжествомъ реакціи на многіе годы. Впрочемъ, вполнѣ самостоятельно возсталъ парижскій пролетаріатъ только въ Іюнѣ 48 г. Въ революціи же 71 года участвовала и мелкая буржуазія, что, однако, не помѣшало—благодаря изолированному въ то время положенію Парижа—господствующимъ классамъ одержать полную побѣду и надъ этой революціей.

Выборы въ рейхстагъ показали, какими огромными силами располагаетъ уже теперь германская соціальная демократія. Но ходъ избирательной агитаціи въ періодъ перебаллотировокъ и ихъ результаты въ свою очередь показали, что нигдѣ и никогда въ современной Европѣ революціонеры не имѣли противъ себя въ *мирное время* такой огромной массы тѣсно сплоченныхъ элементовъ, какъ соціальная демократія. Дворянство, духовенство, плутократія, всѣ слои средней буржуазіи, большинство мелкихъ предпринимателей и крестьянъ, „интеллигенція", начиная отъ профессоровъ и кончая студентами, бюрократія и свободные военные союзы, словомъ,—всѣ общественныя силы, заинтересованныя въ сохраненіи частно-хозяйственнаго строя, сплотились въ одну „реакціонную массу" — противъ соціалистическаго пролетаріата. Послѣ выборовъ этотъ процессъ „объединенія націи" для отраженія „общаго врага" не только не прекратился, но, наоборотъ, началъ подвигаться впередъ съ особенной интенсивностью. Страна покрылась сѣтью предпринимательскихъ союзовъ, организовавшихся съ цѣлью самообороны крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ противъ освободительнаго движенія рабочихъ. Свободомыслящіе національ-либералы и консерваторы сплотились въ разныхъ мѣстахъ въ одну „партію порядка" для систематической борьбы противъ соціальной демократіи такъ называемыми „духовными" (?) и иными средствами. Когда же ультрамонтаны образовали для той же цѣли спеціальный „Народный союзъ для католической Германіи", то свободомыслящая „Фоссова Газета", вмѣстѣ съ сочув-

ствіемъ этой цѣли, выразила сожалѣніе, что выбранный католическими юнкерами и попами путь противорѣчитъ дѣлу „единенія“ всѣхъ элементовъ порядка на этомъ поприщѣ. По мнѣнію названной газеты, центру слѣдовало идти не особнякомъ, а въ рядахъ остальной антисоціалистической арміи.

А за всѣми этими, тѣсно сплоченными, боевыми силами буржуазнаго общества стоитъ превосходно организованное и дисциплинированное войско, снабженное самыми лучшими усовершенствованіями новѣйшей человѣкоистребительной техники. Какъ ни велики и многозначительны были избирательные успѣхи соціальной демократіи, въ *вооруженной* борьбѣ съ такой массой враговъ она понесла бы (особенно въ прошломъ году) страшное пораженіе, которое обезсилило бы ее и упрочило бы господство реакціонныхъ элементовъ въ Германіи. Какъ видите, разница между историческимъ положеніемъ соціальной демократіи до настоящаго времени и „партій переворота“ эпохи буржуазныхъ революцій огромная[1]). Но отсюда нисколько не слѣдуетъ, чтобы она и впредь оставалась такою же. Сама юнкерско-католическая реакція содѣйствуетъ уменьшенію изолированности соціалистическаго пролетаріата посреди другихъ слоевъ народной массы. Прежде всего напомнимъ читателю, что далеко еще не всѣ даже промышленные рабочіе находятся въ рядахъ соціальной демократіи. Весьма вѣроятно, что цѣлая половина ихъ, если не больше, наполняютъ собою арміи ея непріятелей. Нечего и говорить, что огромное, подавляющее большинство сельскаго пролетаріата, вслѣдствіе невѣжества, отдаленности отъ городскихъ центровъ и полукрѣпостническаго подчиненія помѣщикамъ, стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ соціалистическаго движенія и едва ли имѣетъ какое нибудь, хотя бы смутное представленіе о немъ. Очевидно, оба эти разряда пролетаріевъ являются естественнымъ источникомъ для дальнѣйшаго роста соціальной демократіи. Какъ бы, однако, успѣшна ни была агитація послѣдней среди упомянутыхъ слоевъ пролетаріата, она все же сама по себѣ едва ли въ состояніи будетъ преодолѣть препятствія, представляемыя отсталыми условіями ихъ существованія для развитія въ нихъ политическаго сознанія и самодѣятельности. Весьма вѣроятно даже, что большинство сельскихъ и промышленныхъ рабочихъ, живущихъ вдали отъ большихъ городовъ и вообще отъ центровъ политической и умственной жизни, тогда только пристанетъ къ соціальной демократіи, когда дворянско-капиталистическій режимъ уже въ значительной мѣрѣ выведенъ будетъ изъ состоянія

---

[1]) Аналогичную эпоху переживаетъ теперь Россія; абсолютизмъ превратился почти исключительно въ охранителя частныхъ интересовъ семьи Романовыхъ, и опирается преимущественно на инерцію, дезорганизованность и забитость населенія. Поэтому, будь у насъ теперь серьезная организація энергическихъ революціонеровъ (въ родѣ „народовольческой“ или „Земли и Воли“), пріобрѣвшая популярность въ средѣ хотя бы нѣсколькихъ тысячъ петербургскихъ рабочихъ, она имѣла бы больше шансовъ на успѣхъ въ военномъ столкновеніи съ правительствомъ, чѣмъ соціальная демократія въ Германіи. Наше самодержавіе держится отсутствіемъ политической активности въ населеніи; политическій режимъ Германіи держится благодаря сознательной солидарности съ нимъ обширныхъ общественныхъ массъ.

устойчиваго равновѣсія. Какъ же, однако, будетъ онъ выведенъ изъ этого равновѣсія?

Сила реакціи покоится, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ на враждебномъ отношеніи среднихъ и низшихъ слоевъ городской и сельской буржуазіи къ соціальной демократіи, вытекающемъ изъ ихъ антагонизма съ пролетаріатомъ. Но интересы ихъ, особенно крестьянско-ремесленныхъ элементовъ, находятся въ антагонизмѣ и съ интересами крупнаго капитала и землевладѣнія. А такъ какъ и государственный механизмъ функціонируетъ въ пользу капиталистической и дворянской аристократіи и подъ непосредственнымъ ея контролемъ, то и сама государственная власть и вся ея политика приходятъ все болѣе и болѣе въ противорѣчіе не только со стремленіями передовыхъ элементовъ рабочаго класса, но и съ интересами огромнаго большинства буржуазіи, начиная съ мелкаго крестьянства и ремесленниковъ, вплоть до среднихъ ея слоевъ во всѣхъ ихъ развѣтвленіяхъ. Въ теченіе истекшаго десятилѣтія (собственно съ конца 70-хъ годовъ) недовольство этихъ буржуазныхъ массъ своимъ положеніемъ выразилось въ нелѣпой формѣ — въ присоединеніи къ реакціоннымъ партіямъ (между прочимъ, къ антисемитамъ) для самообороны одновременно противъ рабочаго движенія и крупнаго капитала, да кстати, и противъ либерализма, въ которомъ идеологи и политики феодально-монархическихъ элементовъ видятъ не слѣдствіе, а причину буржуазнаго прогресса. Кромѣ того, значительная часть мелкобуржуазныхъ элементовъ — въ католическихъ районахъ — завербована уже съ начала 70-хъ годовъ въ политическую армію центра, на знамени котораго также написаны слова: огражденіе „средняго сословія отъ денежнаго капитала" и борьба противъ либерализма, какъ главнаго виновника всѣхъ бѣдствій современнаго общества. Мы, однако, ниже увидимъ, что власть ультрамонтановъ надъ волей и мыслью народныхъ массъ не долго продолжится, а противорѣчіе интересовъ не только плутократіи, но и юнкерства и монархіи съ интересами „средняго сословія" уже достигло такой интенсивности, что *начинаетъ* заслонять собою антагонизмъ послѣдняго съ пролетаріатомъ. Это противорѣчіе, развиваясь дальше, заставитъ ихъ искать исхода въ демократической революціи. Перейдутъ ли эти массы въ лагерь соціальной демократіи, или только извѣстная часть ихъ, а остальныя ограничатся ролью союзныхъ или содѣйствующихъ элементовъ, это, конечно, сказать теперь довольно трудно. Несомнѣнно, однако, одно: тройной гнетъ капиталистическихъ магнатовъ, юнкерства и полуабсолютистской бюрократіи въ концѣ концовъ оттѣснитъ въ сознаніи мелкаго крестьянства и „средняго сословія" городовъ антагонизмъ ихъ съ пролетаріатомъ на задній планъ и выдвинетъ на первое мѣсто общность ихъ и его интересовъ въ борьбѣ съ тройнымъ врагомъ. Тогда-то настанетъ моментъ, когда соціальная демократія сможетъ вступить въ рѣшительное сраженіе съ реакціей.

Мы уже знаемъ, что далеко не таково было положеніе дѣлъ непосредственно послѣ выборовъ. Въ то время, наоборотъ, вражда огромнаго большинства демократическихъ слоевъ буржуазіи къ соціалистическому пролетаріату заглушала въ нихъ чувства антаго-

низма съ аристократическими элементами. Это обстоятельство напередъ обрекало рабочую партію на безусловное пораженіе, лишь только она попыталась бы перейти на путь баррикадной или иной, чисто военной формы борьбы съ государственной властью. Поэтому-то предводительствуемая Бисмаркомъ клика плутократовъ и юнкеровъ настойчиво стремилась къ такому положенію вещей, которое вызвало бы среди рабочихъ промышленныхъ центровъ бунты и разные уличные безпорядки. Органъ бывшаго придворнаго попа, Штекера, „Имперскій Вѣстникъ", сообщилъ по поводу отставки Бисмарка, что послѣдній добивался „значительнаго усиленія строгостей соціалистическаго закона, да сверхъ того проэктировалъ отмѣну общаго избирательнаго права и стремился къ рѣшительному сраженію (grossen Kampf) съ соціальной демократіей".*) Этотъ разсказъ иллюстрируется наглядно слѣдующимъ заявленіемъ „Гамбургскихъ Извѣстій". „Вызванное открытымъ бунтомъ (offenen Aufruhr) кровопролитіе принесло бы, вѣроятно, спасительные результаты для всего строя современной государственной жизни".

Въ теченіе весны и лѣта прошлаго года органы картеля блаженной памяти, и въ особенности, пресса капиталистическая, съ одной стороны занимались систематической пропагандой необходимости строжайшихъ мѣръ противъ соціалистической партіи, увѣковѣченія исключительнаго закона — только въ еще болѣе „усовершенствованномъ" видѣ — и отмѣны общаго избирательнаго права, а съ другой — распространяли всевозможные слухи о случившихся будто бы и въ особенности предстоящихъ еще насиліяхъ, грабежахъ, безпорядкахъ и всяческихъ ужасахъ послѣ прекращенія антисоціалистическаго закона. „Гамбургскія Извѣстія" требовали, чтобы „государственная власть выступила противъ этого движенія (соціалистическаго) со всей энергіей и строгостью", а „Крестовая Газета" совѣтовала правительству, „въ интересахъ нравственнаго блага народа", не отступать передъ государственнымъ переворотомъ, если бы рейхстагъ не согласился на отмѣну общаго избирательнаго права. Я долженъ былъ бы наполнить десятки страницъ извлеченіями изъ газетъ, воззваній и циркуляровъ за подписью представителей различныхъ партій и общественныхъ круговъ — вплоть до имперскихъ министровъ и епископовъ католической церкви, — резолюціями разныхъ собраній, конгресовъ и предпринимательскихъ союзовъ, чтобы дать читателю наглядное представленіе о томъ возбужденіи умовъ, которое старательно поддерживали и усиливали въ высшихъ и среднихъ классахъ реакціонеры бисмарковскаго лагеря. При помощи этого возбужденія, они мечтали, съ одной стороны, вызвать уличныя столкновенія между фанатизированными элементами этихъ классовъ и наименѣе дисциплинированными и опытными слоями промышленнаго пролетаріата, а съ другой — заставить рейстагъ и Вильгельма пойти по пути жестокихъ репрессалій, которыя довели бы рабочихъ до „открытаго бунта" и доставили бы, такимъ образомъ, правительству желанный предлогъ для того, чтобы вступить съ соціальной де-

*) Заимств. изъ католической газеты „Германія", № 234, вечернее изданіе.

мократіей въ „рѣшительное сраженіе“, т. е. сдѣлать ей „спасительное“ для юнкеровъ и плутократовъ „кровопусканіе“.

Періодъ, наступившій послѣ выборовъ, является теперь, какъ намъ кажется, важнѣйшимъ, во всякомъ случаѣ, наиболѣе критическимъ, моментомъ въ освободительномъ движеніи германскаго пролетаріата. Соціальная демократія достигла такой силы, что реакціонеры видѣли уже въ близкой перспективѣ гильотину надъ своими головами. Если мы теперь не съумѣемъ жить между собою въ мирѣ, писала „Крестовая Газета“ по поводу евангелическаго конгресса, то могутъ наступить обстоятельства, „когда намъ ничего не останется, какъ умереть въ единеніи (in Einheit mit einander zu sterben). ...Но вѣдь лучше же подать другъ другу руки раньше, чѣмъ мы будемъ на эшафотѣ“.*) Одинъ только путь оставался у реакціи для избавленія себя отъ этой перспективы: *немедленно* или, по крайней мѣрѣ, возможно скорѣе вызвать соціалистическій пролетаріатъ на баррикадный бой. Въ *этомъ* бою она имѣла бы на своей сторонѣ не только военно-полицейскія силы государства, но и огромное большинство населенія. Толкнуть же соціальную демократію на дорогу уличныхъ столкновеній съ властями и бунтовъ казалось особенно легко въ разсматриваемый нами моментъ, въ виду значительнаго наплыва въ ряды ея новобранцевъ, политически неопытныхъ и недисциплинированныхъ элементовъ, проникнутыхъ преувеличеннымъ представленіемъ объ ея силѣ и потому самому способныхъ поддаться на провокаціи реакціонеровъ. При такихъ обстоятельствахъ, сами избирательные успѣхи рабочей партіи представляли собою сначала источникъ большихъ опасностей для нея, и одной изъ первыхъ задачъ ея являлось, поэтому, удержаніе массы своихъ членовъ отъ такихъ дѣйствій, которыя легко могли бы повести въ то время къ столь желаннымъ реакціонерами столкновеніямъ рабочихъ съ войсками и полиціей. „Мы представляемъ собою силу, заявилъ Либкнехтъ на галльскомъ конгрессѣ (въ Октябрѣ 90 г.), и не желаемъ растратить ее нелѣпымъ образомъ. Мы не хотимъ работать на пользу своихъ враговъ“, которые, въ случаѣ обращенія нашего къ грубой силѣ, могутъ выставить противъ насъ 80% населенія, армію, пушки и полицію. „Со стороны физической силы *противники* наши имѣютъ *перевѣсъ надъ нами.* Наша же сила заключается въ агитаціи, аппеллирующей къ *массамъ* (курсивъ мой); этимъ массамъ мы тактикой своей должны доказать, что стремимся къ власти разумными путями“.

Къ какимъ массамъ нужно теперь особенно „аппеллировать“, это подсказали сами враги соціальной демократіи своимъ образомъ дѣйствія въ разсматриваемый нами моментъ. Они спекулировали на панику мелкобуржуазныхъ элементовъ передъ мнимыми опасностями, будто бы угрожающими ихъ существованію, и на индифферентизмъ и даже нерасположеніе къ соціальн. демократіи со стороны еще очень значительной части самихъ рабочихъ, разсѣянныхъ по селамъ и вообще въ районахъ, оставшихся внѣ интеллектуальнаго вліянія

---

*) Заимств. изъ *католическаго* органа: „Кельнская Народная Газета“ „№148, вечернее изданіе, 91 г.

политическихъ и торговыхъ центровъ. Привлеченіе этихъ именно массъ на свою сторону и явилось, поэтому, неотложной *жизненной* задачей для соціальной демократіи послѣ выборовъ. Говорю: неотложной потому, что именно результаты послѣднихъ выборовъ предвѣщали близость рѣшительнаго боя между нею и представителями реакціи, исходъ котораго будетъ зависѣть прежде всего отъ отношенія отсталыхъ слоевъ народа къ воюющимъ сторонамъ. На завоеваніе этихъ общественныхъ элементовъ и устремлены теперь главныя усилія соціальной демократіи. Систематическій походъ на территорію центра, организація прессы спеціально на польскомъ языкѣ, изданіе особыхъ органовъ для Эльзаса-Лотарингіи и для сельскаго населенія—таковы существенные пункты програмы дѣятельности, принятой рабочей партіей, по предложенію Бебеля, на галльскомъ конгрессѣ и проводимой съ напряженной энергіей на практикѣ.

Въ чемъ же заключаются особенности тактики, долженствующей по заявленію Либкнехта, „доказать массамъ, что соціальная демократія стремится къ своимъ цѣлямъ разумными путями"? „Соціальдемократы надѣли на себя маску умѣренности, чтобы завлечь въ свои сѣти вѣрующихъ христіанъ и простодушныя массы вообще" — съ негодованіемъ вопили реакціонеры обѣихъ церквей. Но ихъ отчаяніе и вопли по поводу мнимой „умѣренности" рабочей партіи доказывали, какъ нельзя лучше, соотвѣтствіе новой ея тактики съ расширившейся сферой ея дѣятельности. Очевидно, тактика эта уже успѣла оказаться опасною для вліянія господствующихъ партій на массы, составлявшія и составляющія до сихъ поръ ихъ политическія арміи. А то изъ за чего бы руководители этихъ партій такъ перепугались ея „умѣренности". Впрочемъ, это только отъ страха передъ походомъ соціальной демократіи на ихъ исконныя владѣнія они усмотрѣли въ ея тактикѣ *коренную* перемѣну. Въ дѣйствительности, по *существу*, она ничѣмъ не отличается отъ прежней тактики. Разница сводится къ нѣкоторымъ частностямъ, обусловливаемымъ какъ увеличившимся составомъ рабочей партіи, такъ и соціальнымъ характеромъ и умственнымъ развитіемъ (вѣрнѣе, неразвитостью) тѣхъ общественныхъ слоевъ, привлеченіе которыхъ на свою сторону стало теперь для нея центральною задачей.

Не вдаваясь въ неумѣстныя здѣсь подробности по этому вопросу, замѣтимъ только, что въ агитаціи, аппеллирующей къ сельскому населенію, приходится нѣсколько больше оттѣнять и выдвигать такіе вопросы и требованія, которые имѣютъ непосредственную связь съ его интересами и страданіями и которые невольно отодвигались на второй планъ, когда дѣятельность соціальной демократіи сосредоточена была въ городскихъ центрахъ. Точно также для пріобрѣтенія сочувствія ея стремленіямъ въ средѣ трудящихся и эксплуатируемыхъ слоевъ буржуазіи, необходимо въ большей степени, чѣмъ прежде, отвести въ соціалистической пропагандѣ и агитаціи мѣсто вопросамъ, являющимся связующимъ звеномъ между этими слоями и рабочимъ классомъ. Далѣе: парламентаризмъ всегда игралъ выдающуюся роль въ жизни германской соціальной демократіи; теперешнее же положеніе ея въ народѣ, въ рейхстагѣ и другихъ представительныхъ

учрежденіяхъ требуетъ отъ нея еще болѣе активнаго и систематическаго участія въ работахъ органовъ общественнаго самоуправленія. И тутъ опять таки приходится, рядомъ съ реформами, относящимися спеціально къ быту рабочихъ, посвящать особенное вниманіе и такимъ, которыя представляютъ собою, или могутъ представить, тѣ точки, въ которыхъ соединяются интересы *всѣхъ* угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ классовъ. Наконецъ, — и это особенно важно для дальнѣйшаго роста соціальной демократіи — необходимо уничтожить тотъ чудовищный образъ ея, который нарисовало себѣ воображеніе отсталыхъ элементовъ народной массы подъ вліяніемъ клеветъ, систематически распространяемыхъ въ ихъ средѣ эксплуататорскими партіями. Въ городахъ она имѣла дѣло съ рабочимъ населеніемъ, до извѣстной степени уже пропитаннымъ „превратными" идеями, благодаря политической и просвѣтительной дѣятельности въ немъ буржуазныхъ демократовъ. Въ средѣ же крестьянства и рабочихъ, остававшихся до сихъ поръ подъ опекой духовенства и вообще высшихъ классовъ, необходимо еще разъяснять и доказывать, что соціальная демократія отнюдь не стремится къ насилію надъ совѣстью людей, не намѣревается огнемъ и мечемъ истреблять бога изъ сердецъ вѣрующихъ, не собирается отнимать у бѣдныхъ людей ихъ маленькую собственность и вообще отнюдь не мечтаетъ о всеобщемъ грабежѣ, какъ разсказываютъ устно и печатно охранители „семьи, собственности и религіи". Эта сторона соціалистической агитаціи больше всего приводитъ въ бѣшенство реакціонеровъ и вызываетъ въ нихъ крики негодованія: „берегитесь соціаль-демократовъ особенно теперь, когда они выступаютъ съ маскою умѣренности на лицѣ!"

Вопросъ, всего сильнѣе волновавшій общественное мнѣніе Германіи въ прошломъ году, заключался въ томъ: на какой почвѣ будетъ продолжаться борьба между соціалистическимъ пролетаріатомъ и реакціей? Какъ въ лагерѣ соціальной демократіи, такъ и въ лагерѣ реакціонеровъ, возникли разногласія по этому вопросу. Горсть новичковъ въ рабочемъ движеніи, сосредоточенныхъ преимущественно въ Берлинѣ, и руководимыхъ также недавно приставшими къ нему политическими ребятами изъ „интеллигенціи", подняли до подозрительности шумную агитацію въ пользу полубунтарской и доктринерской тактики, поразительно совпадавшей съ цѣлями и стремленіями плутократовъ и юнкеровъ по отношенію къ соціальной демократіи. Реакціонеры, какъ мы видѣли, жаждали перенести борьбу съ нею на почву военную. Но были между ними и такіе, которые, вмѣстѣ съ буржуазными демократами, склонялись къ средствамъ мирнаго характера, къ огражденію существующаго общественно-политическаго строя „духовнымъ оружіемъ" и путемъ „соціальныхъ реформъ". Одержитъ ли это теченіе верхъ надъ военнымъ или наоборотъ, зависѣло отъ того, какая тактика получитъ преобладаніе въ лагерѣ соціальной демократіи. Мы уже знаемъ, что антибунтарская или пропагандистско-агитаціонная тактика одержала безусловную побѣду надъ противоположной. Этимъ самымъ „партія переворота" заставила своихъ враговъ пустить противъ нея въ ходъ оружіе, которымъ они рѣшительно

неспособны владѣть и которое истощитъ только въ безплодной борьбѣ ихъ силы и энергію. „Я считаю соціальную демократію врагомъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ Францію или кого бы то ни было“, заявилъ Бисмаркъ редактору „Дрезденскихъ Извѣстій“. Она постоянно растетъ и каждая уступка ея требованіямъ увеличиваетъ только аппетитъ ея и вообще напоминаетъ собою дань, которую верхнешотландцы платили нижнешотландцамъ, чтобы избавиться отъ ихъ разбойничьихъ нападеній. Но, жалуется бывшій канцлеръ, императоръ рѣшилъ пойти на уступки и предпочелъ политику мира войнѣ съ соціальной демократіей.

Упреки Бисмарка по адрессу Вильгельма далеко не безосновательны. Онъ только одно упустилъ изъ виду. Вѣдь для *такой* „войны“, какую онъ рекомендовалъ Вильгельму, нуженъ былъ предлогъ, поводъ, хоть подобіе вызова со стороны врага, чтобы напасть на него. А такъ какъ соціальная демокртія съ необычайнымъ упорствомъ и столь же необычайнымъ искусствомъ продолжала вести борьбу именно тѣми средствами и оставаться въ тѣхъ позиціяхъ, которыя она считала, при теперешнемъ состояніи своихъ силъ, наиболѣе выгодными для себя, и избѣгала выходить на поле сраженія, на которомъ сосредоточены главныя силы непріятельской арміи, то у реакціонеровъ не было другихъ способовъ военнаго нападенія на нее, кромѣ явно *разбойничьихъ*. Но это уже было слишкомъ рисковано для самого Вильгельма и потому онъ на подобныя радикальныя средства (рекомендованныя Бисмаркомъ) не соглашался и „желалъ, наоборотъ, сдѣлать попытку устранить революціонную опасность путемъ серьезныхъ, мирныхъ соціальныхъ реформъ. На этомъ и произошелъ разрывъ между императоромъ и княземъ Бисмаркомъ“ (изъ цитированной уже выше статьи „Имперскаго Вѣстника“). Нельзя же было сидѣть сложа руки, въ виду предпринимавшихся соціаль-демократіей новыхъ походовъ на крѣпости капиталистически-дворянскаго государства, и представителямъ реакціи волей-неволей пришлось вступить съ нею въ состязаніе на той аренѣ и тѣми способами, какихъ *она* желала. „Попытка“ государственной власти, представляемой императоромъ „божіей милости“, „устранить революціонныя опасности путемъ соціальныхъ реформъ“ не можетъ въ окончательномъ итогѣ быть чѣмъ нибудь другимъ, какъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся факторовъ политическаго разложенія и обезсиленія господствующихъ классовъ. Въ этомъ смыслѣ не лишено основанія сравненіе февральскихъ указовъ Вильгельма по рабочему законодательству съ эдиктомъ Людовика XVI о созваніи генеральныхъ штатовъ. Какъ въ прошломъ столѣтіи, писала, если не ошибаемся, „Крестовская Газета“, сама королевская власть подала сигналъ къ политической революціи, такъ теперь опять самъ глава германской имперіи подаетъ сигналъ къ революціи соціальной.

V.

Нѣкоторые, а можетъ быть, и многіе изъ читателей покачивали, вѣроятно, головами, читая наши предсказанія относительно послѣдствій политики реформъ для современнаго общественнаго и политическаго строя. Какъ же такъ? думали они про себя. По здравому разсужденію, такая политика со стороны государственной власти должна бы повести именно къ уничтоженію соціальной демократіи и къ упроченію существующаго порядка вещей, а никоимъ образомъ не къ гибели его. Обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса логически связано съ вопросомъ о значеніи вообще серьезныхъ соціальныхъ реформъ для сохраненія или разрушенія буржуазнаго общества. Но это выходитъ за предѣлы нашего очерка, и безъ того черезчуръ растянувшагося. Ограничусь, поэтому, только замѣчаніемъ, что представители современнаго государства въ Германіи, при всемъ своемъ желаніи, не въ состояніи предпринять, а тѣмъ болѣе осуществить такія реформы. Не только общій антагонизмъ имущихъ классовъ съ пролетаріатомъ, но и противоположность интересовъ внутри этихъ самихъ классовъ связываетъ имъ въ этомъ отношеніи руки. Только что сказанное нами подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ политической жизни Германіи за послѣдніе 1½—2 года. Не входя въ подробности, остановимся только нѣсколько на „реформаторской попыткѣ" Вильгельма и господствующихъ партій—въ области рабочаго законодательства. Въ этой попыткѣ особенно рельефно проявились какъ неспособность охранительныхъ органовъ современнаго общества раціонально „лѣчить соціальныя язвы", разъѣдающія его, такъ и разлагающее вліяніе ихъ соціальныхъ экспериментовъ на это общество.

Своей новой политикой по рабочему вопросу Вильгельмъ стремился прежде всего спасти „тронъ, алтарь" и дворянство отъ угрожающихъ имъ „революціонныхъ опасностей". Съ этой точки зрѣнія казалось достаточнымъ ограничиться „умиротвореніемъ" одного только промышленнаго пролетаріата. Сельскіе батраки не предъявляютъ никакихъ требованій, ни „справедливыхъ", ни „несправедливыхъ", не протестуютъ противъ „отеческой" палки помѣщиковъ — если не считать за протестъ переселенія ихъ въ города и промышленные районы — и не бунтуютъ противъ установленныхъ богомъ и начальствомъ порядковъ. Зачѣмъ же подрывать въ нихъ авторитетъ „работодателей" и разными новшествами нарушать „миръ и покой этой здоровой части населенія", представляющей именно въ теперешнемъ своемъ положеніи незыблемый оплотъ для монархіи божіей милостью и ея историческихъ сверстниковъ—церкви и юнкерства. Выработанный имперскимъ правительствомъ законопроэктъ „въ защиту рабочихъ" совершенно не касался милліоновъ сельскихъ батраковъ и полупро-

летаріевъ, находящихся, особенно въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, чуть не въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, издержки по дѣлу „спасенія основъ“ Вильгельмъ взвалилъ цѣликомъ на плечи промышленной буржуазіи. Послѣдняя должна была расплачиваться изъ своего кармана за реформаторскія затѣи императора, предпринятыя имъ преимущественно въ интересахъ династіи Гогенцоллерновъ и феодальныхъ общественныхъ элементовъ.

Нужно ли говорить, что такая политика не могла не вызвать сильнаго недовольства въ средѣ промышленной буржуазіи и не содѣйствовать обостренію антагонизма между нею и юнкерско-клерикальными слоями? Читатель знаетъ, что правительственная система Бисмарка основана была именно на скрѣпленіи интересовъ капиталистической и землевладѣльческой аристократіи, а потому естественно, что первымъ шагомъ Вильгельма на его новомъ пути должно было быть устраненіе отъ власти желѣзнаго канцлера, соединяющаго въ своей особѣ—въ качествѣ фабриканта и землевладѣльца — интересы той и другой, и представлявшаго собою какъ бы государственное олицетвореніе солидарности богатыхъ буржуа и юнкеровъ. Паденіе „титана нашего вѣка“, какъ прозвала германская буржуазія своего „національнаго героя“, явилось какъ бы прологомъ для осуществленія на практикѣ „соціально-реформаторскихъ плановъ“ Вильгельма и указывало на то, что послѣдній разсчитываетъ найти себѣ парламентскую опору внѣ представителей плутократіи*). Нечего говорить, что подобный приступъ къ новой политикѣ долженъ былъ порядочно таки подкопать въ сознаніи массъ уваженіе къ власти и вѣру въ непогрѣшимость государственныхъ авторитетовъ.

Дезорганизующее дѣйствіе „политики мира“ не ограничилось, однако, сферами правительственными. Оно проникло внутрь каждаго изъ составныхъ элементовъ его и распространилось на всѣ другія эксплуататорскія партіи. Междоусобія и разногласія начались въ самомъ лагерѣ націонал-либераловъ — между идеологическими слоями, не упускающими изъ виду общихъ интересовъ охраненія современнаго соціально-политическаго строя Германіи, и массой ихъ составныхъ атомовъ, заботящихся прежде всего, или единственно, о своихъ частныхъ групповыхъ интересахъ. Аналогичный же процессъ возникъ и продолжается въ лагерѣ среднихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи. Въ то время, какъ южно-германская „народная партія“ и одна часть „свободомыслящихъ“ стоятъ за законодательное регулированіе отношеній труда и капитала, другая часть этой партіи продолжаетъ держаться манчестерской точки зрѣнія и въ душѣ готова послать къ чорту и своихъ политическихъ товарищей—противниковъ въ области рабочаго вопроса, и всякія затѣи въ этой области. Наконецъ, и въ той части либеральныхъ демократовъ, которая склоняется къ „соціальнымъ реформамъ“, далеко нѣтъ единодушія относительно характера и предѣловъ этихъ реформъ, такъ

*) Это обусловливалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что выборы превратили націонал-либераловъ въ малочисленную фракцію рейхстага и лишили ихъ гегемоніи въ немъ.

какъ одни находятся подъ давленіемъ рабочихъ массъ, другіе—мелкой и средней буржуазіи, съ которой они нерѣдко связаны непосредственно личнымъ интересомъ, какъ крупные или мелкіе капиталисты.

Мы выше замѣтили, что для проведенія своихъ плановъ по рабочему вопросу Вильгельму необходимо было образовать въ рейхстагѣ новое правительственное большинство. Такъ какъ политика его была направлена главнымъ образомъ на огражденіе феодально-монархическихъ интересовъ, то большинство это должно было образоваться изъ политическихъ представителей означенныхъ интересовъ —изъ партіи центра и консерваторовъ. Сближеніе дворянско-клерикальныхъ элементовъ католическаго и протестантскаго лагерей и превращеніе ультрамонтановъ въ правительственную партію—таково было одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ. Но этотъ результатъ, скажутъ намъ, болѣе чѣмъ уравновѣшиваетъ вышеуказанное дѣйствіе реформаторской политики Вильгельма и его новыхъ слугъ? Вмѣсто коалиціи изъ элементовъ, исторически и соціально разнородныхъ, каковую представлялъ собою либерально-консервативный картель, правительство имѣетъ теперь къ услугамъ своимъ картель, гораздо болѣе однородный и болѣе подходящій къ характеру и традиціямъ самого главы государственной власти. Стало быть, заключаетъ читатель, въ окончательномъ итогѣ послѣдней избирательной борьбы у реакціи оказывается огромное приращеніе силъ, съ избыткомъ вознаграждающее представителей ея и всего современнаго общества за то разлагающее вліяніе, которое новая соціальная политика имперской власти оказала на нѣкоторыя изъ эксплуататорскихъ партій.

Такое заключеніе будетъ, однако, весьма неосновательно. Въ дѣйствительности новая группировка политическихъ партій знаменуетъ собою опять таки ничто иное, какъ новый фазисъ въ процессѣ разложенія охранительныхъ силъ соціально-политическаго строя Германіи.

Сравнительно съ консерваторами, центръ можетъ похвастаться, что его политическая сила основана на популярности, симпатіяхъ и нравственномъ авторитетѣ, пріобрѣтенныхъ имъ въ народныхъ массахъ. Какъ же, однако, пріобрѣлъ онъ ихъ? Выступая въ законодательныхъ собраніяхъ и прессѣ адвокатомъ „правъ народа и парламента", апеллируя къ этимъ самымъ массамъ на преслѣдованія и стѣсненія государствомъ католической церкви во имя „свободы и справедливости". Но дѣйствуя такимъ образомъ, ультрамонтаны способствовали пробужденію въ низшихъ классахъ, особенно городскихъ, критическаго отношенія къ государственнымъ учрежденіямъ и къ властямъ, развили въ нихъ нѣкоторый интересъ къ политическимъ вопросамъ. До тѣхъ поръ, пока продолжалось оппозиціонное положеніе центра, означенныя качества его избирательной арміи служили только дѣлу упроченія его нравственной связи съ этими классами. Благодаря этой связи, онъ заграждалъ собою доступъ вліянію соціальной демократіи въ рабочія массы католическихъ районовъ и тѣмъ самымъ оказывалъ огромную услугу всему буржуазному обществу. Но тѣ же политическія свойства демократическихъ элементовъ като-

лической партіи не могутъ не обратиться противъ нея теперь, когда она стала главной правительственной партіей. Положительная дѣятельность на законодательномъ поприщѣ отнимаетъ у нея возможность прикрывать собою антагонизмъ своихъ составныхъ элементовъ — аристократическихъ и демократическихъ, рабочихъ и буржуазныхъ — и маскировать свое безсиліе въ сферѣ реформъ на пользу эксплуатируемыхъ классовъ. Перспектива, открывающаяся центру его новымъ политическимъ положеніемъ, иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что въ теченіе послѣднихъ 2-хъ лѣтъ почти всѣ активные слои рейнско-вестфальскихъ углекоповъ оставили знамя ультрамонтановъ и организовались въ самостоятельный союзъ, администрація и органъ котораго находятся въ рукахъ завѣдомыхъ соціаль-демократовъ. Чтобы сохранить за собою возможно дольше традицію народолюбія, центру приходится сдерживать въ разныхъ вопросахъ реакціонные порывы своихъ друзей въ протестантскомъ лагерѣ; но этимъ онъ вноситъ элементъ колебанія и противорѣчій въ ряды реакціи и по необходимости толкаетъ своихъ феодальныхъ членовъ къ оффиціальному переходу въ лагерь консерваторовъ, усиливая тѣмъ самымъ тяготѣніе своихъ демократическихъ элементовъ къ партіи буржуазной и соціалистической демократіи.

Посмотримъ, однако, каковъ первый плодъ новой соціальной политики правительства и его союзниковъ. Умиротворилъ ли онъ, можетъ ли онъ умиротворить промышленный пролетаріатъ?

Императорскіе указы отъ 4 Февраля категорически обѣщали сокращеніе рабочаго дня и вполнѣ независимыя представительныя учрежденія для рабочихъ, которыя гарантировали бы имъ „законную равноправность" съ предпринимателями. Ни одной изъ этихъ реформъ не было въ законопроэктѣ, внесенномъ весною прошлаго года въ парламентъ. А между тѣмъ, обѣ онѣ принадлежатъ къ важнѣйшимъ и настоятельнѣйшимъ требованіямъ рабочаго класса Германіи. Съ другой стороны, для вознагражденія капиталистовъ за незначительныя ограниченія ихъ права эксплуатировать женскій и дѣтскій трудъ, проэктъ содержалъ въ себѣ рядъ параграфовъ, отдававшихъ рабочую молодежь въ опеку хозяевамъ и усиливавшихъ власть послѣднихъ надъ рабочими вообще. Наглядной иллюстраціей духа и тенденцій правительственнаго проэкта могло служить запрещеніе рабочимъ государственныхъ мастерскихъ не только состоять членами соціалистическихъ союзовъ, но и собирать пожертвованія въ пользу стачекъ или даже только лично участвовать взносами для пострадавшихъ отъ забастовки. И новый законопроэктъ содержалъ въ себѣ спеціальный параграфъ объ уголовномъ преслѣдованіи и строгомъ наказаніи за возбужденіе къ стачкѣ и за участіе въ ней. Къ счастію, соціалистическимъ депутатамъ удалось открыть формальный заговоръ крупныхъ предпринимателей противъ свободы рабочихъ, заговоръ, въ которомъ оказались замѣшанными и представители власти, начиная съ президента берлинской полиціи и кончая министрами военнымъ и путей сообщенія. Обнародованіемъ документовъ, обнаружившихъ этотъ комплотъ, соціальная демократія заставила центръ вотировать вмѣстѣ съ соціалистами и свободомыслящими противъ

упомянутаго параграфа и предохранила, такимъ путемъ, рабочій классъ Германіи отъ новыхъ цѣпей, въ которыя хотѣло его заковать „реформаторское" правительство.

Причисленіе организаціи забастовокъ къ разряду уголовныхъ преступленій имѣло цѣлью утѣшить эксплуататоровъ въ предстоящей отмѣнѣ антисоціалистическаго закона. Оно должно было доставить имъ надежное средство самообороны противъ освободительныхъ усилій пролетаріата. Но и безъ упомянутаго параграфа принятый рейхстагомъ въ окончательной редакціи законъ представляетъ собою не болѣе, какъ карикатуру на „равноправіе" рабочихъ съ „работодателями". Неудивительно, поэтому, что соціалистическіе депутаты вотировали противъ него, и что онъ вызвалъ протесты негодованія въ политически активныхъ слояхъ пролетаріата, для умиротворенія которыхъ онъ былъ изданъ.

Что же помѣшало феодально-монархическому картелю провести въ рейхстагъ, гдѣ онъ является теперь господствующимъ факторомъ, болѣе „серьезную соціальную реформу", по крайней мѣрѣ, для промышленныхъ рабочихъ? Отвѣтъ заключается прежде всего въ страхѣ самихъ „историческихъ сословій" передъ „равноправіемъ" и т. п. неизбѣжными ингредіентами такой реформы. Въ противоположность анархистамъ и нѣкоторымъ членамъ „соціалистической интеллигенціи", онѣ прекрасно сознаютъ опасность подобной реформы для всего современнаго общества и для нихъ самихъ въ особенности. Затѣмъ, изъ опасенія передъ мстительностью господъ буржуа, которые, съ досады на такое злоумышленное поведеніе относительно ихъ со стороны монархіи и юнкеровъ, и не видя никакой выгоды для себя въ сохраненіи этихъ средневѣковыхъ развалинъ, пожалуй, соединятся съ „разрушительными партіями" для того, чтобы совсѣмъ смести ихъ съ лица земли. Наконецъ, при всѣхъ сословныхъ претензіяхъ феодаловъ и дворянъ, ихъ собственные интересы и интересы промышленной буржуазіи и въ Германіи уже настолько связаны между собой, что только въ крайне тѣсныхъ предѣлахъ возможно ограниченіе эксплуататорскихъ правъ послѣдней безъ прямого или косвеннаго ущерба первымъ. Вѣдь само прусское правительство является, въ качествѣ крупнѣйшаго предпринимателя, капиталистомъ, столь же усердно эксплуатирующимъ рабочихъ въ интересахъ казны, какъ прочіе капиталисты — ради своихъ частныхъ кармановъ. Какъ же, при такихъ условіяхъ, сокращать рабочій день, обезпечивать рабочимъ „законную равноправность" съ предпринимателями и освобождать ихъ отъ оковъ, мѣшающихъ имъ свободно двигаться по пути „улучшенія" ихъ быта?

Практическое осуществленіе плановъ Вильгельма по рабочему вопросу оказалось, такимъ образомъ, въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ его торжественными обѣщаніями. И такое же противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, программой и выполненіемъ, характеризуетъ всѣ его „реформаторскіе" эксперименты. Правительство, заявилъ однажды Каприви въ прусскомъ ландтагѣ, каждый свой шагъ сообразуетъ съ тѣмъ, какое вліяніе онъ можетъ оказать на рабочее движеніе. Заявленіе это сдѣлано было имъ по случаю внесенія четырехъ законопроэктовъ въ прусскую палату депутатовъ. Предметомъ этихъ про-

эктовъ были: реформы въ организаціи сельскихъ общинъ въ восточныхъ частяхъ Пруссіи, народная школа, налоги на доходъ и наслѣдство. Предлагаемыя реформы, увѣрялъ депутатовъ новый канцлеръ, „увеличатъ силу и крѣпость государства въ его самооборонѣ противъ угрожающихъ существованію его элементовъ". Они „уменьшатъ число его противниковъ" въ борьбѣ съ этими элементами. Только путемъ усиленія въ народѣ „любви къ государству" можно обезпечить послѣднему надежный „оплотъ противъ его смертельныхъ враговъ". Новые же законопроэкты ведутъ именно къ этому, потому что они „распространятъ въ обширныхъ кругахъ чувство довольства и вызовутъ въ ихъ сердцахъ и головахъ интересъ къ государству".

Къ чему, однако, сводятся въ концѣ концовъ реформы, осуществленіе которыхъ должно принести такіе „благодѣтельные" результаты для современнаго соціально-политическаго строя Германіи?

Новыя постановленія объ устройствѣ сельскихъ общинъ нисколько не „расширяютъ круга участниковъ" въ мѣстномъ самоуправленіи. Правда, они ограничиваютъ нѣсколько „автономію" дворянъ-землевладѣльцевъ, но не въ пользу расширенія мѣстнаго представительства народной массы, а въ пользу усиленія бюрократическаго вмѣшательства въ дѣла общинъ. Школьная реформа увеличиваетъ вліяніе духовенства на народное воспитаніе и усиливаетъ опеку надъ нимъ опять таки той же бюрократіи, а стало быть никакъ не имѣетъ въ себѣ „тенденціи обезпечить „народной школѣ силу и здоровье". Наконецъ, предполагаемое въ податныхъ реформахъ облегченіе для „слабыхъ плечъ" низшихъ и среднихъ классовъ представляетъ собою ничтожную величину по сравненію съ остающимся на нихъ бременемъ косвенныхъ налоговъ, протекціонныхъ пошлинъ и солдатчины.

Какъ видите, тенденція и характеръ соціально-политическихъ экспериментовъ государственной власти и ея союзниковъ находятся въ полномъ противорѣчіи съ шумными декламаціями и обѣщаніями Вильгельма и его новыхъ слугъ. Гора родила мышь, ложка меду раствореннаго въ бочкѣ дегтя — таковъ общій характеръ новой „соціальной политики" правящихъ сферъ Германіи. Отсюда, въ итогѣ получается полнѣйшій контрастъ, рѣзкая противоположность между предположенными и фактическими результатами этой политики, между ожиданіями и дѣйствительностью. Она возвѣщена была патетическими возгласами императора и разныхъ политиковъ объ умиротвореніи „обездоленныхъ и угнетенныхъ", о водвореніи мира и гармоніи между классами, объ исчезновеніи съ лица земли „революціонной гидры". На дѣлѣ же вышло наоборотъ. Вмѣсто того, чтобы „примирить" передовую часть рабочаго класса Германіи съ ея феодально-капиталистическимъ строемъ, „соціальная реформа" и пропаганда ея имѣли только тотъ „нравственный результатъ", что научили значительную долю и болѣе отсталыхъ слоевъ рабочихъ „презирать своихъ противниковъ", и подняли „въ нихъ въ чрезвычайной степени вѣру въ собственныя силы и самосознаніе.*) Та и другая предприняты

*) Такими словами характеризовала феодальная „Крестовая Газета" „моральный результатъ" соперничества національ-либераловъ и ультрамонтановъ на поприщѣ

были въ разсчетѣ произвести расколъ въ рядахъ соціальной демократіи, изолировать ея вождей отъ массъ, составляющихъ ея армію. Вмѣсто этого онѣ явились новымъ элементомъ разложенія въ лагерѣ имущихъ классовъ, обострили междоусобія среди нихъ, внесли разладъ въ каждую изъ нихъ порознь, и подкопали,такимъ образомъ, одно изъ главнѣйшихъ условій устойчивости охранительныхъ силъ въ дѣлѣ огражденія современнаго общества отъ натиска революціоннаго пролетаріата. Это разлагающее дѣйствіе „соціальной реформы" на „партіи порядка" пррдставляетъ собою тѣмъ большую опасность для этого общества, что, не достигнувъ своей цѣли умиротворенія рабочихъ, она въ то же время посѣяла глухую вражду во всѣхъ имущихъ классахъ къ самому главѣ имперской власти, вызвала въ нихъ опасенія передъ новыми шагами правительства по покатой плоскости соціальныхъ реформъ, и, обнаруживъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную его неумѣлость и неспособность справиться съ задачами, за рѣшеніе которыхъ онъ легкомысленно берется, она тѣмъ самымъ породила въ нихъ тревожное настроеніе и чувство неувѣренности за завтрашній день. Конечно, дѣло тутъ въ личной неумѣлости или легкомысліи Вильгельма и его министровъ. Но онъ самоувѣренно взялъ на себя иниціативу „примиренія классовъ" путемъ реформъ, а потому противъ него и непосредственныхъ исполнителей его воли направлено недовольство и раздраженіе эксплуататорскихъ слоевъ. Отъ этого раздраженія недалеко до вывода о безполезности монархіи, особенно полуабсолютистской, для охраны интересовъ имущихъ классовъ и до примиренія ихъ съ мыслью, если не о республикѣ, то о сильномъ ограниченіи монархической власти.

Вотъ какъ характеризуетъ издаваемый свободно-консервативнымъ депутатомъ рейхстага, фонъ Арндтомъ, органъ „Deutsches Wochenblatt" теперешнее настроеніе общественнаго мнѣнія въ Германіи. „Соціаль-демократы давно уже пытаются провести параллель между нашимъ временемъ и эпохой, предшествовавшей великой революціи (авторъ забылъ, что то же самое съ начала прошлаго года дѣлаетъ и консервативная пресса, напримѣръ, „Крестовая Газета"). Теперь врядъ ли можно отрицать, что въ самомъ дѣлѣ появилось одно обстоятельство, которое прямо *вызываетъ на это сравненіе. Обстоятельство это* заключается въ томъ *всеобщемъ недовольствѣ, которое въ одинаковой степени распространилось во всѣхъ частяхъ Германіи и одинаково овладѣло всѣми классами и партіями.* Это недовольство уже не ограничивается сферой оппозиціонныхъ партій, но — и въ этомъ мы усматриваемъ его угрожающую опасность—охватило собой съ такой же силой и такіе общественные круги, въ которыхъ преданность и довѣріе къ правительству и династіи считались всегда

„ухаживанія" за бохумскими углекопами во время дополнительныхъ выборовъ для рейхстага въ концѣ 90 года. Но эта характеристика вполнѣ примѣнима ко всей „политикѣ мира" — какъ въ сферѣ законодательно-административной, такъ и на аренѣ самообороны охранителей отъ соціализма „духовнымъ оружіемъ", которое на практикѣ свелось къ подстрекательству крестьянъ пустить въ ходъ лопаты и цѣпы противъ соціалистовъ.

основой всякой политики.... Мы желаемъ имѣть въ правительствѣ людей съ ясной программой по всѣмъ важнымъ политическимъ вопросамъ. Расплывчатость (Zerfahrenheit) и нерѣшительность, колебанія и непостоянство въ политикѣ министерства — вотъ одна изъ причинъ всеобщаго недовольства, и противъ этой политики необходимо бороться, потому что она заключаетъ въ себѣ опасность для государства и династіи" (Изъ берлинскаго „Впередъ", № 279 текущаго года).

По обыкновенію всѣхъ реакціонеровъ, авторъ цитированной филиппики противъ имперскаго правительства цѣпляется за одно изъ проявленій зла, игнорируя его главный источникъ. Онъ обвиняетъ правительство въ томъ, въ чемъ повинны всѣ господствующія партіи, и не понимаетъ, что историческое положеніе представляемыхъ имъ классовъ лишаетъ эти партіи способности руководиться въ своей дѣятельности „ясной программой по всѣмъ важнымъ политическимъ вопросамъ" — касаются ли они спеціально рабочихъ, относятся ли они къ области общенародныхъ интересовъ, или интересовъ одного только „средняго сословія", ремесленниковъ и крестьянъ. Безсиліе этихъ партій сколько нибудь удовлетворительно рѣшить хоть одинъ изъ этихъ вопросовъ выступаетъ рельефно наружу именно теперь, когда противорѣчія капитализма, усложняемыя выдающеюся ролью феодально-монархическихъ элементовъ въ Германіи, обострились такими явленіями, какъ неурожай, промышленный кризисъ, дороговизна съѣстныхъ припасовъ, биржевые крахи, безработица, умноженіе банкротствъ. А бремя непомѣрныхъ налоговъ и милитаризма не только не уменьшается при этомъ, но, наоборотъ, прогрессивно продолжаетъ расти, да и не можетъ не возрастать при современномъ режимѣ. Само собою разумѣется, что недовольство среднихъ и низшихъ классовъ концентрируется все болѣе и болѣе на представителяхъ этого режима—на государственной власти и ея союзникахъ изъ дворянъ и денежной аристократіи. Крестьяне и ремесленники, составлявшіе въ послѣдніе 10—15 лѣтъ преданную армію реакціонеровъ, и они начинаютъ бунтовать. „Обще-германскій союзъ крестьянъ" заявляетъ, что онъ борется противъ „господствующаго юнкерства" во имя возможно быстраго и радикальнаго раздробленія *крупныхъ* помѣстій, съ тѣмъ, чтобы превратить ихъ въ „свободную собственность" многочисленнаго класса крестьянъ. Требованіе, конечно, антисоціалистическое и, при современномъ развитіи капитализма, утопичное, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ войну на жизнь и смерть съ всѣми остатками феодализма и абсолютизма въ общественно-политическомъ строѣ Германіи, въ особенности Пруссіи. И война эта уже открыто началась нынѣшнею осенью въ видѣ избирательнаго сраженія между союзомъ крестьянъ и консерваторами въ округѣ бывшаго министра фонъ Путкамера, составлявшемъ споконъ вѣковъ одну изъ неприступнѣйшихъ крѣпостей реакціи. И въ этомъ-то округѣ, находящемся въ Помераніи, реакціоннѣйшей провинціи Пруссіи, крестьяне сразу разбили на-голову своихъ исконныхъ политическихъ опекуновъ! Фактъ въ высшей степени знаменательный! Замѣтимъ кстати, что движеніе самостоятельныхъ крестьянъ расшевелитъ политически и батраковъ

сельскихъ. Судя по цитированной мною корреспонденціи одного изъ агитаторовъ названнаго союза ("Vorwärts", № 286), вовлеченіе сельскихъ пролетаріевъ въ движеніе противъ „господства юнкеровъ" входитъ непосредственно въ планъ дѣйствій этого союза.

Что касается до ремесленныхъ мастеровъ, то вотъ какимъ тономъ уже около года тому назадъ заговорили ихъ представители: „Когда дѣло идетъ о налогахъ и солдатахъ, то имѣетъ силу поговорка: одинаковымъ братьямъ одинаковыя шапки. Мало того, что на плечи ремесленниковъ падаетъ бо̀льшая тяжесть, чѣмъ на другія сословія и съ этой стороны они считаются полноправными гражданами. Но лишь только рѣчь идетъ о правѣ и справедливости по отношенію къ ремесленному сословію, то члены его оказываются гражданами второй степени"[1]). Такія заявленія исходили изъ круга ремесленниковъ въ то время, когда они питались еще надеждою на возстановленіе *принудительныхъ* цеховъ съ ихъ существеннѣйшими привиллегіями. Больше десятилѣтія реакціонеры держали ремесленниковъ на привязи этой химерой, — и вотъ теперь, наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ, имперской власти и союзному совѣту пришлось снять съ себя маску и заявить, что требованія ихъ неосуществимы. Управленіе кельнскихъ цеховъ уже въ началѣ истекающаго года предупреждало представителей реакціи, что непринятіе ихъ требованій вызоветъ „настоящее раздраженіе среди ремесленниковъ и повлечетъ за собою усиленіе враговъ государственнаго и общественнаго строя"[2]). И въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ по выраженію представителя „ремесленнаго сословія" въ рейхстагѣ, Мецнера, надъ нимъ „произнесенъ смертный приговоръ", членамъ его не остается ничего другого, какъ добиваться, по крайней мѣрѣ, устраненія военныхъ и податныхъ тяжестей и т. п. реформъ, къ которымъ стремятся, между прочимъ, и „враги государственнаго строя" и противъ которыхъ всячески борятся и *не могутъ* не бороться „охранительныя силы государства".

Положеніе дѣлъ, созданное въ Германіи историческимъ движеніемъ капитализма, при постоянномъ воздѣйствіи феодально-монархическихъ элементовъ, уже теперь настолько обострилось, что, не будучи пророкомъ, можно предсказать близость его конца. „Наперекоръ всякимъ конституціоннымъ традиціямъ, плачется извѣстный консерваторъ, профессоръ Дельбрюкъ, въ своихъ „Preussische Jahrbücher",[3]) вся сила народнаго возбужденія, вся оппозиція направлена не противъ министровъ, а противъ императора. „Консерваторы недовольны имъ за то, что онъ слишкомъ либераленъ, а либералы потому, что хотятъ вполнѣ конституціоннаго режима". „Слова: Voluntas regis suprema lex[4]) подѣйствовали, какъ объявленіе войны... и

[1]) Neue Zeit, 1890, № 10, стр. 309—310.

[2]) Тамъ же, стр. 109.

[3]) Заимств. изъ „Новой Цюрихской Газеты", № 340.

[4]) „Воля короля есть высшій законъ", — этими словами отмѣтилъ Вильгельмъ свою особу во время своего недавняго пребыванія въ Мюнхенѣ, въ книгѣ для внесенія именъ проѣзжающихъ лицъ.

вызвали настоящую бурю. Пресса апеллируетъ къ конституціи, чиновники шепчутъ другъ другу съ мрачными минами рѣзкія замѣчанія. Профессора вплетаютъ въ свои лекціи историческія и государственно-правовыя соображенія о томъ, что германцы спокон вѣковъ имѣли королей, но никогда не было у нихъ абсолютизма. Духовенство воспользовалось случаемъ напомнить въ своихъ воскресныхъ проповѣдяхъ, что „высшій законъ это — воля бога.“

Гдѣ же, спрашиваетъ тотъ же Дельбрюкъ, источникъ этого чрезвычайнаго возбужденія умовъ, этой „бури“ по поводу пары словъ, отнюдь не являющихся выраженіемъ конкретнаго намѣренія, опредѣленнаго стремленія короны поставить свою „субъективную волю“ выше существующихъ законовъ? Отвѣтъ консервативнаго публициста на свой собственный вопросъ не есть собственно отвѣтъ, но за то онъ тѣмъ болѣе любопытенъ, какъ характеристика политическаго настроенія умовъ. Прорвавшееся по поводу императорскихъ словъ возбужденіе представляетъ собою только симптомъ подготовляющагося „сопротивленія“ „субъективной волѣ монарха“. И прежде всего настроеніе это „должно гибельно отразиться (zum Verderben) на спеціально монархическихъ партіяхъ, такъ какъ ихъ готовности серьезно противодѣйствовать попыткамъ въ смыслѣ усиленія монархической власти не довѣряютъ, а потому предпочитаютъ имъ партіи, сила которыхъ заключается въ ихъ оппозиціонности. Весь средній образованный классъ, группировавшійся въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ вокругъ стараго Вильгельма и Бисмарка, усиливавшій собою ряды консервативныхъ партій, весь этотъ классъ устранится отъ политической жизни — или пристанетъ къ оппозиціи.“ Имперскій канцлеръ съ своей стороны отмѣтилъ еще одну сторону въ настроеніи имущихъ классовъ Германіи. Пессимизмъ, заявилъ недавно генералъ Каприви въ рейхстагѣ во время преній по поводу бюджета, охватилъ „обширные круги“ населенія. Это „умственное направленіе“ представляло собою невинное развлеченіе въ то время, когда оно было достояніемъ „нѣмецкихъ философовъ“; но оно становится „въ высшей степени опаснымъ теперь, когда вліянію его подпадаютъ обширные слои, занимающіеся торговлей и разными промыслами“. Источникъ этого явленія двоякій. Скандалы въ средѣ высшихъ классовъ, начиная съ денежныхъ тузовъ и кончая высшею аристократіей, деморализація, проявившаяся на вершинахъ бюрократіи и въ органахъ юстиціи, полнѣйшее исчезновеніе всякаго идеализма въ университетской молодежи, насквозь проникнутой грубымъ карьеризмомъ и византійскимъ раболѣпіемъ предъ короной—всѣ эти симптомы разложенія „охранительныхъ силъ“ слишкомъ бросаются въ глаза, чтобы не быть замѣченной и массой высшихъ и среднихъ классовъ и не производить на нихъ удручающаго дѣйствія. Съ другой стороны, безпринципное шатаніе правительства и господствующихъ партій изъ стороны въ сторону, очевидная безуспѣшность всѣхъ ихъ усилій рѣшить такую неразрѣшимую задачу, какъ спасеніе овецъ, оставляемыхъ подъ опекой волковъ, видимый хаосъ и тревога въ лагерѣ тѣхъ, которые искони управляли государственнымъ судномъ — все это все болѣе и болѣе подрываетъ въ имущихъ классахъ

вѣру въ жизнеспособность существующаго порядка и въ возможность спасенія его. Отсюда—чувство безпомощности и угнетенное состояніе духа—пессимизмъ, по выраженію Каприви—овладѣвшія одной частью имущихъ и „образованныхъ" классовъ, настроеніе, развивающее въ нихъ политическій индифферентизмъ и стремленіе совсѣмъ „устраниться отъ участія въ политической жизни", т. е. предоставить ходъ общественныхъ дѣлъ „естественному теченію". Здѣсь же источникъ распространенія въ другихъ слояхъ тѣхъ же классовъ того возбужденно-оппозиціоннаго (aufregend-oppositionellen) духа, который гонитъ ихъ въ лагерь „*радикаловъ*" лѣвой стороны и доставитъ имъ, какъ опасается Дельбрюкъ, „пробладаніе" въ законодательныхъ собраніяхъ Германіи.

Цѣлый рядъ явленій въ общественной атмосферѣ Германіи указываетъ на то, что она быстро подвигается къ тому состоянію, когда „рѣшительное сраженіе" между демократическими слоями народа и аристократическими—станетъ неизбѣжнымъ. Центральныя силы тѣхъ и другихъ явно и напряженно готовятся къ схваткѣ на жизнь и смерть. Имперская власть требуетъ отъ рейхстага спеціальныхъ суммъ для раздачи премій унтеръ-офицерамъ, мотивируя это необходимостью сдѣлать ихъ, такимъ образомъ, недоступными идеямъ соціальной демократіи и образовать изъ нихъ крѣпкій оплотъ для государства. Вильгельмъ, съ своей стороны, считаетъ нужнымъ лично напоминать рекрутамъ объ ихъ присягѣ на вѣрности престолу, въ силу которой они обязаны, по его приказу, стрѣлять въ своихъ родственниковъ, братьевъ и даже родителей. Военныя власти, наконецъ, запрещаютъ солдатамъ посѣщать рестораны, въ которыхъ собираются соціалисты и систематически распредѣляютъ рекрутъ изъ соціаль-демократическихъ центровъ по гарнизонамъ, находящимся захолустныхъ провинціяхъ, вообще тамъ, гдѣ нѣтъ рабочаго движенія или оно сравнительно слабо. Само собою разумѣется, что гарнизоны въ такихъ городахъ, какъ Берлинъ, составляются преимущественно изъ солдатъ, навербованныхъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи и т. п. отсталыхъ провинцій. Но лихорадочная дѣятельность соціальной демократіи ручается за то, что недалеко то время, когда, вопреки всевозможнымъ охранительнымъ ухищреніямъ правительства, ему и на армію нельзя будетъ полагаться. Продолжая съ удвоенною энергіей вербовать рекрутъ для своей арміи въ селахъ и провинціальныхъ центрахъ, рабочая партія тѣмъ самымъ напередъ заражаетъ „идеями переворота" все большую и большую долю молодежи, ежегодно пополняющей войска, на которыхъ сосредоточены главныя упованія реакціи. Проникая въ то же время въ ландтаги и во всѣ органы мѣстнаго самоуправленія и принимая на себя иниціативу въ дѣлѣ защиты народныхъ интересовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, „партія переворота" въ одно и то же время достигаетъ двойного результата: съ одной стороны, она дѣйствительно созидательна, увеличивая и сплачивая свои силы, а съ другой—разрушительна, такъ какъ заставляетъ охранительные элементы метаться во всѣ стороны, чтобы спасти государственное судно отъ крушенія

и тѣмъ усиливать суматоху и растерянность въ господствующихъ партіяхъ и классахъ.

Что близится моментъ, когда большинству нѣмецкаго народа придется волей-неволей стать подъ знамя демократіи противъ монархіи, юнкерства и плутократіи, что при этомъ руководящая роль выпадетъ на долю соціалистической партіи, это, повидимому, начинаетъ сознавать и либерально-радикальная интеллигенція Германіи. Поэтому, какъ мнѣ кажется, нѣкоторые изъ органовъ либеральной демократіи и принялись съ особеннымъ удовольствіемъ, въ противоположность бѣснующимся реакціонерамъ, выставлять на видъ воображаемую „умѣренность“ новой программы соціаль-демократовъ. Органы эти находятъ даже, что въ политической своей части она повторяетъ только то, что радикальная демократія давно выставила на своемъ знамени. Это радостное открытіе только потому такъ поздно сдѣлано либерально-демократическими филистерами, что раньше они не считали нужнымъ слѣдить за конгрессами соціалистической партіи и знакомиться изъ первыхъ рукъ съ ея программой, а судили о ней на основаніи того чудовищнаго образа, въ которомъ представляли эту партію реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ. Теперь уже имъ приходится внимательно слѣдить за всѣмъ, что совершается въ лагерѣ соціальной демократіи. Но если бы они дали себѣ трудъ сравнить старую программу съ новой, то они увидѣли бы, что въ дѣйствительности старая программа была значительно „умѣреннѣе“ новой. Какъ бы то ни было, отмѣченный мною фактъ можно считать показателемъ пробуждающагося въ либеральной демократіи сознанія, что, въ интересахъ собственнаго самосохраненія, ей скоро придется пойти на встрѣчу соціалистичеткой демократіи и, въ той или другой степени, изображать собою вспомогательный отрядъ въ борьбѣ противъ современнаго политическаго режима.

Мы разсматривали до сихъ поръ всѣ симптомы подготовляющагося политическаго переворота въ Германіи главнымъ образомъ съ точки зрѣнія вопроса о демократизаціи ея государственнаго строя. При чемъ же, однако, тутъ соціалистическія цѣли соціальной демократіи? спросятъ насъ, можетъ быть, нѣкоторые читатели. Въ лучшемъ случаѣ, скажутъ они, дѣло сведется къ тому, что соціальная демократія выполнитъ въ германской имперіи ту политическую миссію, которую въ другихъ странахъ выполнили прежде крайнія фракціи либераловъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что вѣдь, по предположенію самого автора, кромѣ пролетаріевъ столичныхъ центровъ и кромѣ сознательныхъ соціалистовъ, въ борьбѣ противъ современнаго режима начинаютъ участвовать и другіе общественные элементы.

Въ отвѣтъ на эти и подобныя имъ соображенія, я предлагаю читателю провести мысленно параллель между исторической обстановкой, при которой происходила великая французская революція, и соціальными элементами, руководившими ею, съ одной стороны, и соотвѣтствующими факторами современнаго революціоннаго движенія, съ другой. Онъ тогда самъ увидитъ, что если условія, вызвавшія великую революцію не могли не привести къ господству буржуазіи и торжеству либерализма, то современныя историческія условія —

противорѣчіе производительныхъ силъ съ капиталистической формой ихъ эксплуатаціи, концентрація политическаго сознанія и революціоннаго энтузіазма въ рабочемъ классѣ — не допускаютъ другого исхода для будущей революціи въ Германіи, кромѣ господства пролетаріата, ведущаго къ торжеству коммунизма. Какъ въ концѣ прошлаго вѣка разрушали феодальный строй не одни только дѣльцы и богатые буржуа, но и — въ гораздо большей степени — надъ этимъ разрушеніемъ работали идеологи-энтузіасты и неимущія массы, умѣренные конституціоналисты и террористы-якобинцы, такъ въ предстоящій революціонный періодъ, далеко не одна соціальная демократія и промышленный пролетаріатъ будутъ производить работу разрушенія капиталистическаго общества. Конечно, политическое преобладаніе пролетаріата далеко еще не то же, что водвореніе коммунистическихъ отношеній въ обществѣ. Но вѣдь отношенія эти предполагаютъ уже полное исчезновеніе слѣдовъ существованія классовъ, а стало быть, и пролетаріата и его господства. Политическое господство рабочаго класса будетъ только средствомъ, рычагомъ для поднятія современнаго человѣчества на первую ступень лѣстницы, ведущей къ коммунизму. *Соціально*-экономическія побѣды буржуазіи являлись всюду исходнымъ пунктомъ и условіемъ для ея политическаго господства. Эпоха либерализма началась торжествомъ его экономическихъ принциповъ, эпоха коммунизма откроется водвореніемъ *политической* гегемоніи пролетаріата.

П. Аксельродъ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

коимъ предаются суду Особаго Присутствія Правит. Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ: 1) мѣщанка г. Керчи Софія Михайловна Гинсбургъ, 25 лѣтъ, 2) мѣщанинъ г. Александровска Михаилъ Васильевъ Стояновскій, 20 лѣтъ, 3) купеческій сынъ Лейба Вульфовъ Фрейфельдъ, 25 лѣтъ, 4) поручикъ кронштадской крѣпостной артиллеріи Петръ Григорьевъ Душевскій, 24 лѣтъ и 5) оберъ-фейерверкеръ Севастопольской крѣпостной артиллеріи Алексѣй Венедиктовъ Орочко, 24 лѣтъ.

Приговорами Особаго Присутствія Прав. Сената, состоявшимися въ промежутокъ времени съ 1880 по 1888 г.г. установлено существованіе тайнаго преступнаго сообщества, именующаго себя „партіей народной воли", стремящагося путемъ насильственнаго переворота къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка и общественнаго строя и избравшаго цареубійство главнымъ средствомъ для достиженія означенной цѣли. Преступная дѣятельность вышеупомянутаго сообщества, помимо цѣлаго ряда самыхъ тяжкихъ преступленій, выразилась въ неоднократныхъ посягательствахъ на жизнь въ Бозѣ почившаго Гос. Имп. Александра II, завершившихся злодѣяніемъ 1 Марта 1881 г. и въ покушеніи на жизнь нынѣ благополучно царствующаго Гос. Имп. Александра III, обнаруженномъ 1 Марта 1887 г.

Участники сего послѣдняго злоумышленія были открыты и понесли заслуженное наказаніе, за исключеніемъ четырехъ лицъ, а именно: мѣщанина Исаака Дембо, дворянина Антона Гнатовскаго, сына чиновника Николая Рудевича и сына козака Ореста Говорухина, успѣвшихъ скрыться до обнаруженія ихъ прикосновенности къ злодѣянію. Поселившись въ Швейцаріи, означенныя лица образовали кружокъ подъ названіемъ „Кружокъ народовольцевъ въ Цюрихѣ" и продолжали свою преступную дѣятельность. 22 Февраля 1889 г. Исаакъ Дембо былъ смертельно раненъ въ окрестностяхъ Цюриха во время опытовъ, производившихся надъ приготовленными имъ разрывными метательными снарядами, а за нѣсколько дней до этого 14 Февраля было обнаружено въ Петербургѣ преступное воззваніе, содержаніе коего свидѣтельствовало о существованіи злоумышленія противъ священной особы Госуд. Импер. Оба эти событія въ виду установленной между ними связи, послужили основаніемъ для производства особаго о нихъ дознанія. Раскрытыя дознаніемъ обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ: 14 Февраля 1889 г., въ лавкѣ письменныхъ принадлежностей отставного подполковника Петра Татаринова, находящейся въ домѣ № 36 по 5 линіи Васильевскаго острова, неизвѣстною молодою женщиной, повидимому курсисткой, было забыто портмоне, въ коемъ найдено: 1 рубль 40 коп. денегъ, двѣ зашифрованныя записки, кои разобрать оказалось невозможнымъ и писанная на клочкѣ бумаги чрезвычайно мелкимъ почеркомъ, рукопись, заключающая въ себѣ воззваніе возмутительнаго содержанія, предназначенное къ распространенію послѣ совершенія цареубійства. О вышеупомянутомъ подполковникъ Татариновъ немедленно заявилъ надлежащимъ властямъ.

По осмотру вышеупомянутаго воззванія оказалось, что оно написано на листѣ почтовой бумаги, длинною въ 2 съ половиною вершка, а шириною въ 1 вершокъ съ четвертью, и заполняетъ обѣ стороны листка. Эта рукопись, представляющая, по содержанію своему, воззваніе къ обществу и никѣмъ не подписанная, начинается

слѣдующими словами: „Устранивъ (далѣе въ рукописи оставленъ пробѣлъ), мы считаемъ нравственнымъ долгомъ объяснить русскому обществу значеніе совершившагося. Для тѣхъ, кто вмѣстѣ (пробѣлъ въ рукописи) считали чудеснымъ спасеніемъ его при крушеніи поѣзда 17 октбря 1887 г. объяснять значеніе его смерти не нужно: воля провидѣнія сохранившая его тогда, теперь избрала насъ орудіемъ его наказанія за массу причиненнаго имъ зла. Мы должны оправдать наше рѣшеніе предъ тѣми, кои не видятъ пользы въ насиліи и рекомендуютъ мирныя средства работы на пользу народа...“ Далѣе въ этомъ воззваніи приводятся доказательства невозможности такой мирной работы въ Россіи и высказывается твердое рѣшеніе „неуклонно устранять царя...“ „систематически уничтожать всякого представителя царской власти до тѣхъ поръ, пока не явится возможность работать для народа.... свободнымъ словомъ въ печати и свободной рѣчью во всероссійскомъ земскомъ собраніи...“ И такъ, отказъ отъ неограниченной власти или смерть“, говорится въ томъ воззваніи, оканчивающемся изложеніемъ условій, при которыхъ „представители царской власти будутъ въ безопасности“ и сводящихся къ „ограниченію самодержавія“, къ „расширенію образованія народа и увеличенію производительности страны“.

Показаніями Петра Татаринова и дочери его Маріи было установлено, что портмоне съ преступнымъ воззваніемъ было доставлено къ то время, когда тамъ находилась только одна Марія Татаринова; что женщина, оставившая портмоне, являлась въ теченіи послѣдующихъ трехъ дней въ магазинъ съ требованіемъ возвратить ей забытую вещь, и что означенная женщина проживала въ домѣ № 40 по 5 линіи Васильевскаго Острова. Рядомъ допросовъ квартирныхъ хозяевъ, жильцовъ и прислуги въ домахъ №№ 40 и 36 по 5 линіи Васильевскаго Острова, установлено: а) что въ меблированныхъ комнатахъ Гедвиги Ивановой, въ домѣ №40, жила швейцарская подданная Вильгельмина Браунъ, скрывшаяся изъ той квартиры 27 февраля; б) что В. Браунъ посѣщалъ проживавшій въ домѣ №36 студентъ университета Михаилъ Стояновскій, у коего въ свою очередь бывала и Браунъ... Описанныя свидѣтелями примѣты В. Браунъ, въ особенности же цвѣтъ и качество матеріи на ея пальто, подходили къ данному Маріей Татариновой описанію женщины, оставившей портмоне съ преступнымъ воззваніемъ.

......Произведенною затѣмъ экспертизою было обнаружено сходство почерка студента Михаила Стояновскаго съ почеркомъ, коимъ написано преступное воззваніе.

Вслѣдствіе этого у студента М. Стояновскаго былъ сдѣланъ обыскъ и найденъ, между прочимъ писанный каталогъ книгъ, озаглавленный : „каталогъ книгъ библіотеки нижнихъ чиновъ 2 баталіона...“

......Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго М. Стояновскій, не признавая себя виновнымъ въ составленіи преступнаго воззванія, но не отрицая того, что оно написано имъ, объяснилъ, что съ В. Браунъ онъ познакомился случайно, въ театрѣ осенью 1888 г. и впослѣдствіи вступилъ съ нею въ любовную связь. Бывая очень часто у Браунъ, онъ встрѣчалъ только у нея 2-хъ лицъ: одного штатскаго пожилого мущину и офицера, коимъ Браунъ, по ея словамъ, давала уроки иностранныхъ языковъ. Однажды въ концѣ Января и въ началѣ Февраля 1889 г. Браунъ, замѣтивъ, что у него хорошій мелкій почеркъ, спросила его сохранитъ ли онъ въ тайнѣ то, что она попроситъ его переписать, и, заручившись его обѣщаніемъ, вынула изъ кармана написанный карандашомъ большой листъ бумаги и продиктовала ему изъ этой рукописи воззваніе, начинающееся словами : „устранивъ (—), мы считаемъ“ и оканчивавшееся словами : „награбленныхъ у народа“. Первыя слова воззванія она продиктовала „устранивъ царя“, но когда онъ отказался написать это послѣднее слово, то Браунъ предложила ему замѣнить это слово чертой. Такою же чертой было замѣнено имъ въ другомъ мѣстѣ воззванія слово „съ Государемъ“, или же другое подобное слово, кое онъ не помнитъ, послѣ словъ: „для тѣхъ, кто вмѣстѣ....“ Съ первыхъ же словъ онъ понялъ, что Браунъ диктуетъ ему воззваніе преступнаго содержанія и сталъ упорно отказываться писать, но Браунъ, упрекнувъ его въ неисполненіи даннаго обѣщанія, просила писать дальше объясняя, что воззваніе интересуетъ ее, такъ какъ она желаетъ показать его дома въ Швейцаріи и что она получила или списала его у своихъ знакомыхъ, коихъ однако отказалась назвать. Онъ исполнилъ просьбу Браунъ, но затѣмъ въ теченіи почти двухъ недѣль, упрашивалъ ее уничтожить воззваніе или возвратить таковое ему, такъ какъ оно приводило его въ ужасъ, но Браунъ не согласилась на его просьбу и увѣрила его, что объ этомъ никто не узнаетъ. На масляной недѣлѣ того же года къ нему пришла какая-то незнакомая дѣвушка и передала отъ имени Браунъ, чтобъ онъ пересталъ

ее посѣщать...... Съ тѣхъ поръ отношенія его и Браунъ прекратились...... Каталогъ библіотеки нижнихъ чиновъ взялъ онъ въ городѣ Александровскѣ въ домѣ отца, содержащаго земскую почту, гдѣ каталогъ былъ вѣроятно забытъ кѣмъ нибудь изъ проѣзжающихъ.

......Дальнѣйшій розыскъ вызвалъ предположенія, что подъ именемъ Браунъ скрывалась керченская мѣщанка Софія Гинсбургъ, которая въ 1886 г. подлежала допросу по дѣлу о революціонныхъ военныхъ кружкахъ, но не была допрошена, такъ какъ выѣхала въ томъ же году изъ Петербурга и по слухамъ отправилась заграницу. Такое предположеніе подтвердилось установленнымъ экспертизою сходствомъ почерка оставшихся въ квартирѣ В. Браунъ рукописныхъ замѣтокъ съ несомнѣннымъ почеркомъ С. Гинсбургъ, а также предъявленіемъ найденной въ г. Керчи у родственниковъ С. Гинсбургъ фотографической ея карточки. Свидѣтели, коимъ была представлена та карточка, признали въ ней личность, извѣстную подъ именемъ В. Браунъ.

Вслѣдствіе сего были приняты мѣры къ обнаруженію какъ мѣста нахожденія С. Гинсбургъ, такъ и лицъ, съ коими она имѣла сношенія во время пребыванія въ Петербургѣ.

......Одновременно съ симъ были получены свѣдѣнія о сношеніяхъ С. Гинсбургъ съ поручиками Иваномъ Чижевскимъ и Петромъ Душевскимъ.

Изъ показаній спрошенныхъ по этому поводу свидѣтелей выяснилось, что поручикъ Чижевскій 17 Января былъ въ квартирѣ С. Гинсбургъ въ домѣ № 40 по 5-ой линіи Васильев. Острова, и что С. Гинсбургъ нѣсколько разъ приходила на квартиру поручика Душевскаго по Саперному переулку въ д. № 20. Такъ какъ поручикъ Душевскій не только не далъ удовлетворительнаго объясненія по поводу знакомства своего съ С. Гинсбургъ, но даже отрицалъ это знакомство, то у него былъ произведенъ обыскъ, и затѣмъ онъ былъ привлеченъ къ этому дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. При обыскѣ въ квартирѣ поручика Душевскаго найдены разныя бумаги, изъ коихъ обратили на себя вниманіе слѣдующія: а) нѣсколько отрывковъ изъ писемъ за подписью „В. Т." и „Вѣра Тюрина", безъ обозначенія года ихъ писанія. Въ постскриптумѣ одного изъ писемъ за подписью Вѣры Тюриной, значится: „что Васъ вызвали на конфиденціальную бесѣду по поводу знакомства съ В. Т., мнѣ не кажется удивительнымъ, потому что жандармы въ послѣднее время самымъ неукоснительнымъ образомъ слѣдятъ за мною. Ну, и Богъ съ ними, пусть развиваютъ свои способности." б) клочекъ бумаги, на коемъ написана фамилія поручика Ястребова и далѣе помѣщена слѣдующая рукопись: „что важно не то, какой человѣкъ принадлежитъ партіи, а важно то, есть ли у человѣка умъ, благородное сердце, любовь къ Россіи. Умныхъ и честныхъ людей во всѣхъ партіяхъ немного. И каждое патріотическое сердце должно жалѣть, что люди, проникнутые искреннимъ желаніемъ принести пользу Россіи, только тратятъ силы на взаимное уничтоженіе." в) письмо на полулистѣ писчей бумаги, нижняя часть коего отрѣзана. Письмо начинается словами: „дорогой мой другъ, мы такъ давно не видались, что я полагаю Вамъ будетъ не безъинтересно знать, къ чему я пришелъ и въ чемъ теперь непоколебимо увѣренъ." Подпись автора письма тщательно зачеркнута и только можно было разобрать имя его „Николай". Въ письмѣ авторъ его между прочимъ пишетъ: „я люблю свободу и не люблю деспотизмъ, не люблю наслѣдственнаго правленія, не люблю земельной собственности, не люблю церковь... Слѣдуя принципу прямоты и откровенности, мнѣ нужно было бы теперь отказаться отъ присяги Императору, я и думалъ нѣсколько разъ объ этомъ. Но кажется, что это не имѣетъ смысла. Императору я положительно не опасенъ и не интересенъ, а между тѣмъ я знаю, что могу пригодиться только нѣсколькимъ хорошимъ людямъ и быть имъ полезенъ, если не улетучусь и вообще мнѣ не совѣтуютъ это дѣлать..."

На первыхъ допросахъ поручикъ П. Душевскій не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ противоправительственному сообществу, ни въ составленіи преступнаго воззванія, послужившаго поводомъ къ возбужденію настоящаго дѣла, ни въ какихъ бы то ни было преступныхъ отношеніяхъ съ обвиняемою С. Гинсбургъ и показалъ, что онъ ее совершенно не знаетъ. При этомъ Душевскій объяснялъ, что Чижевскій жилъ съ нимъ на квартирѣ въ Саперномъ переулкѣ съ Сентября 1888 г. по 10 Февраля, когда женившись переѣхалъ на квартиру къ своей женѣ. Изъ числа взятыхъ у него бумагъ всѣ письма, какъ за подписью Вѣры Тюриной, такъ и другія принадлежатъ не ему, а бывшему товарищу его по артиллерійскому училищу и по службѣ въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, поручику Сергѣю Ястребову

умершему лѣтомъ 1887 г. въ морскомъ военномъ госпиталѣ, и остались у него послѣ распредѣленія вещей покойнаго, такъ какъ онъ хотѣлъ отослать ихъ въ Казань къ роднымъ покойнаго Ястребова. На послѣдующихъ за симъ допросахъ П. Душевскій, признавая знакомство свое съ обвиняемою С. Гинсбургъ, объяснилъ слѣдующее: онъ познакомился съ нею въ Петербургѣ въ началѣ 1884 г. и сталъ посѣщать ее, но обладая характеромъ малообщительнымъ, чувствовалъ себя съ нею неловко, такъ что, вскорѣ прекратилъ эти посѣщенія: въ Октябрѣ 1884 г. онъ встрѣтился съ нею на улицѣ и былъ у нея нѣсколько разъ. Однажды у нихъ зашелъ разговоръ о значеніи брачныхъ отношеній въ жизни человѣка, перешедшій затѣмъ въ такой рѣзкій споръ что онъ не окончивъ разговора ушелъ. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ Гинсбургъ изъ виду и не встрѣчался съ нею до конца 1888 г. ...Въ Ноябрѣ 1888 г. явилась къ нему какая-то дама, которая назвавъ себя Софіей Михайловной, напомнила ему знакомство ихъ и описанный выше споръ его съ нею и разсказала затѣмъ, что она была заграницей и пріѣхала въ Петербургъ искать мѣста. По словамъ Гинсбургъ она зашла въ д. № 20 по Саперному переулку съ цѣлью найти квартиру одной своей знакомой и просматривая квартирную книгу встрѣтила его фамилію вслѣдствіе чего и зашла къ нему, желая возобновить прежнее знакомство; во время разговора раздался звонокъ у входной двери и С. Гинсбургъ поспѣшила обратиться къ нему съ просьбой не называть ее по имени при другихъ. Звонившій былъ поручикъ Чижевскій, коему онъ сказалъ про С. Гинсбургъ, что это одна его знакомая и затѣмъ извинившись оставилъ ихъ на время вдвоемъ, возвратясь же засталъ ихъ разговаривающими другъ съ другомъ. С. Гинсбургъ разсказала, что она пріѣхала въ Петербургъ два дня тому назадъ и жила у своей знакомой, а вещи свои оставила на вокзалѣ до прісканія удобной квартиры. Онъ, Душевскій, шутя предложилъ ей снять комнату въ своей квартирѣ, объяснивъ ей, что онъ женатъ и что жена его больна; Гинсбургъ отказалась, но просила пріютить ее на день или два, пока она найдетъ квартиру. Когда поручикъ Чижевскій вышелъ изъ комнаты, Гинсбургъ сказала Душевскому, что она вышла замужъ вопреки желанію своей матери и, проживъ съ мужемъ около года, разошлась съ нимъ и что мужъ грозитъ преслѣдовать ее при помощи полиціи; поэтому она просила не оглашать ея пріѣзда. Послѣ этого она оставалась у нихъ два дня. Недѣли двѣ спустя Гинсбургъ зашла къ нимъ, разспрашивала о болѣзни его жены и предложила для развлеченія отпустить больную къ ней. Черезъ нѣсколько дней онъ поѣхалъ въ Кронштадтъ и по возвращеніи оттуда узналъ отъ поручика Чижевскаго, что Гинсбургъ брала къ себѣ его жену. Въ концѣ Января 1889 г. С. Гинсбургъ была у него въ послѣдній разъ и затѣмъ онъ больше ее не видалъ и, гдѣ она находится, не знаетъ. Кромѣ изложеннаго выше С. Гинсбургъ въ разговорѣ съ нимъ передавала, что заграницей она избѣгала встрѣчи съ русскими, потому что живущіе тамъ наши соотечественники въ большинствѣ люди пустые, но что она познакомилась и сблизилась тамъ съ нѣсколькими дѣйствительно замѣчательными людьми. Фамилій ихъ она не назвала, прибавивъ, что нѣкоторые изъ нихъ должны весною пріѣхать въ Россію и что одного заграничнаго знакомаго она даже разыскиваетъ въ Петербургѣ, хотя ничего опредѣленнаго о пребываніи его здѣсь еще не узнала. Затѣмъ она разсказывала о русскомъ эмигрантѣ Лавровѣ, о томъ, что онъ издалъ свое сочиненіе „Исторія мысли", сообщала, что у нея на улицѣ вытащили изъ кармана 40 руб. и что это послужило ей предостереженіемъ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней она имѣла при себѣ много денегъ — тысячу руб., присланныхъ ей какими-то знакомыми для помѣщенія въ банкъ. Обвиняемаго М, Стояновскаго онъ, Душевскій, не знаетъ и никогда его не видалъ. Найденный у послѣдняго при обыскѣ каталогъ, онъ признаетъ за принадлежавшій библіотекѣ нижнихъ чиновъ Кронштадтской крѣп. артиллеріи: той библіотекой онъ завѣдывалъ въ 1886 г., но какимъ образомъ тотъ каталогъ могъ перейти въ постороннія руки онъ не знаетъ.

Принадлежность каталога названной библіотекѣ нижнихъ чиновъ была впослѣдствіи установлена показаніями поручика Чижевскаго и свѣдѣніями, полученными изъ управленія Кронштадтской артиллеріи......

Иванъ Чижевскій на допросахъ, производившихся по мѣрѣ выясненія обстоятельствъ дѣла, показалъ сперва, что онъ зналъ С. Гинсбургъ подъ именемъ Маріи Николаевны Линевой или Лѣпневой и познакомился съ нею въ Январѣ 1887 года, случайно встрѣтясь въ магазинѣ на Невскомъ проспектѣ. Затѣмъ, признавая, что онъ зналъ обвиняемую С. Гинсбургъ подъ дѣйствительнымъ ея именемъ, поручикъ

Чижевскій объяснилъ, что въ 1886 г. по распоряженію начальства онъ былъ командированъ въ Петербургъ для изученія электротехники при орудійномъ заводѣ. Здѣсь онъ сошелся съ студентомъ С.-Петербургскаго Университета Лукою Гаевскимъ, который давалъ ему для чтенія сочиненія Маркса, Лассаля и политическую экономію Иванюкова. По этимъ сочиненіямъ онъ ознакомился съ общими основаніями соціализма и это чтеніе побудило его искать возможность осуществить идеи соціализма въ русской жизни. Въ Августѣ 1886 г. Лука Гаевскій познакомилъ его съ подпоручикомъ Дмитріемъ Бруевичемъ, который далъ ему для прочтенія статью подъ заглавіемъ „Письмо офицера“, въ коей указывалось на положеніе офицера при усмиреніи безпорядковъ и бунтовъ. Осенью 1886 г. онъ былъ приглашенъ въ квартиру нѣкой Надежды Слѣпцовой, гдѣ встрѣтилъ Гаевскаго и познакомился со Слѣпцовой и съ Гинсбургъ. Послѣдняя пріѣхала тогда изъ-за границы и подняла вопросъ о значеніи литературы въ революціонной дѣятельности и о необходимости создать заграницей органъ для революціонной пропаганды. Впослѣдствіи С. Гинсбургъ говорила съ нимъ о значеніи, какое имѣетъ для революціонной дѣятельности пропаганда среди военныхъ. Предъ Рождествомъ онъ былъ у Дмитрія Бруевича, который сказалъ ему, что среди нихъ произошло разногласіе: одни стояли за пропаганду исключительно среди военныхъ, а другіе за пропаганду широкую и въ народѣ и въ войскѣ. Уѣхавъ въ то время изъ Петербурга, онъ по разнымъ причинамъ чисто личнаго свойства перестанъ интересоваться этими вопросами и не занимался ни изученіемъ соціальныхъ наукъ, ни пропагандой. Осенью 1887 г. по возвращеніи поручика Душевскаго въ Кронштадтъ, они однажды разговорились по поводу разбиравшагося недавно передъ тѣмъ политическаго процесса, къ коему были привлечены юнкера и офицеры. Припоминая лицъ вращавшихся прежде въ этой средѣ онъ упомянулъ Гинсбургъ, причемъ Душевскій замѣтилъ, что онъ также знакомъ съ нею. Въ началѣ Декабря 1888 г., когда онъ, находясь уже въ артиллерійской академіи, жилъ вмѣстѣ съ Душевскимъ по Саперному переулку, однажды по возвращеніи его домой, Душевскій сказалъ ему, что Гинсбургъ въ Петербургѣ и сидитъ теперь у него. При этомъ Душевскій предупредилъ его, что она скрываетъ свое имя и что ее нужно называть Маріей Николаевной. Когда онъ вошелъ въ комнату Душевскаго, гдѣ С. Гинсбургъ сидѣла съ его женой, то Душевскій представилъ его Гинсбургъ, какъ бы незнакомаго, назвавъ ее Маріей Николаевной. Черезъ нѣсколько дней, когда Душевскій уѣхалъ въ Кронштадтъ, Гинсбургъ брала къ себѣ на квартиру больную жену Душевскаго, которая у нея и переночевала. Съ тѣхъ поръ Гинсбургъ была у нихъ нѣсколько разъ. Въ свою очередь и онъ, Чижевскій посѣщалъ Гинсбургъ на квартирѣ ея по 2 и 5 линіи Вас. Острова, гдѣ встрѣчалъ у нея студента М. Стояновскаго. При свиданіяхъ съ Гинсбургъ разговоръ у нихъ чаще всего касался интересовавшаго его народнаго образованія. Гинсбургъ просила его достать ей списокъ книгъ для чтенія народу, вслѣдствіе чего онъ далъ ей каталогъ библіотеки нижнихъ чиновъ 2-го баталіона Кроншт. крѣп. арт., который онъ признаетъ въ предъявленномъ ему при допросѣ экземплярѣ каталога, взятаго по обыску у обвиняемаго М. Стояновскаго. Гинсбургъ также разсказывала ему объ отступничествѣ эмигранта Тихомірова, оставившаго революціонную дѣятельность и предлагала ему брошюру Лаврова о Тихоміровѣ, коей онъ не взялъ удовольствовавшись однимъ разсказомъ Гинсбургъ. Однажды она предложила ему номеръ революціоннаго журнала „Вѣстникъ Народной Воли“, но онъ не взялъ и того журнала, опасаясь его держать у себя. За все время знакомства съ Гинсбургъ онъ не сдѣлалъ для нея ничего противозаконнаго: не видѣлъ никакихъ ея знакомыхъ, не исполнялъ никакихъ порученій и не поддерживалъ разговоровъ о революціонной дѣятельности: зналъ только, что она жила въ Петербургѣ подъ именемъ В. Браунъ. О дѣйствительной цѣли пріѣзда Гинсбургъ въ Петербургъ ему ничего неизвѣстно. Въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ Гинсбургъ въ день своей свадьбы 10 Февраля 1889 г., когда она зашла къ нему поздравить его. Дней черезъ пять послѣ того она передала ему черезъ Стояновскаго, чтобы онъ не приходилъ къ ней, такъ какъ за нею слѣдятъ. На вопросъ о причинѣ этого Стояновскій объяснилъ ему, что Гинсбургъ забыла въ магазинѣ кошелекъ, въ коемъ находилась какая-то предосудительная прокламація. Содержанія этой прокламаціи Стояновскій ему не передавалъ, но говорилъ, что онъ самъ переписалъ ее. На первой недѣлѣ великаго поста Стояновскій сказалъ ему, что Гинсбургъ уѣхала изъ Петербурга. По поводу найденной при обыскѣ у поручика Душевскаго переписки поручикъ Чижевскій объяснилъ, что по смерти поручика Ястребова получивъ отъ сестры покойнаго разрѣшеніе распоряжаться вещами его по своему усмотрѣнію, онъ разобралъ

письма по адресамъ и такъ какъ большинство принадлежало Тюриной, то онъ предполагалъ отослать ихъ сестрѣ Ястребова въ Казань, гдѣ жила и Тюрина. Не успѣвъ исполнить этого намѣренія, онъ оставилъ письма въ квартирѣ Душевскаго, но не читалъ ихъ, а потому не можетъ дать по содержанію ихъ никакихъ объясненій. По предъявленіи поручиковъ Душевскаго и Чижевскаго обвиняемому Стояновскому, послѣдній продолжалъ утверждать, что онъ не видалъ ихъ у Браунъ и незнакомъ съ ними. По справкѣ въ дѣлахъ жандармскаго управленія оказалось, что производившимся въ 1887 г. при Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи дознаніи было обнаружено существованіе въ Петербургѣ тайнаго преступнаго сообщества, составленнаго преимущественно изъ учениковъ военныхъ и морского училищъ и поставившаго своей задачей распространеніе среди военнослужащихъ противоправительственныхъ убѣжденій съ цѣлью привлечь войско къ участію въ ниспроверженіи существующаго государственнаго строя въ Россіи. Первые зачатки этого сообщества появились въ концѣ 1884 г. или въ началѣ 1885 г. въ видѣ періодическихъ собраній нѣкоторыхъ юнкеровъ военныхъ училищъ на частныхъ квартирахъ въ городѣ для чтенія общеобразовательныхъ и по преимуществу соціально-экономическихъ сочиненій. Эти собранія, подъ вліяніемъ лицъ, руководившихъ чтеніемъ юнкеровъ, обратились вскорѣ въ правильно организованные кружки, въ коихъ чтенія и разсужденія постепенно направлялись къ тому, чтобы вызвать въ слушателяхъ недовольство существующимъ общественнымъ и государственнымъ порядкомъ и управленіемъ, а затѣмъ перешли въ чтеніе подпольныхъ изданій и въ разсужденія явно противоправительственнаго характера. Первые кружки образовались въ началѣ 1885 года подъ руководствомъ привлекавшихся къ этому дознанію бывшаго студента Марка Брогинскаго, дворянки Надежды Слѣпцовой и подпоручика Дмитрія Бруевича и имѣли своею цѣлью развитіе въ участникахъ собраній противоправительственныхъ идей и привлеченіе членовъ ихъ къ революціонной дѣятельности. Одновременно съ этимъ возникла у обвиняемыхъ мысль объ организаціи кружковъ для революціонной пропаганды въ войскахъ и составленіи программы этой преступной дѣятельности. Основанія предложенной программы обсуждались на собраніяхъ или сходкахъ, причемъ между участниками ихъ возникло разногласіе во взглядахъ на направленіе преступной пропаганды: одни изъ нихъ заявляли о необходимости распространенія революціонныхъ идей не только въ войскѣ, но и въ другихъ сословіяхъ; другіе же, въ томъ числѣ Бруевичъ, Слѣпцова и бывшій студентъ Лука Гаевскій настаивали на томъ, что слѣдуетъ сосредоточить революціонную пропаганду исключительно среди войска. Дознаніе было разрѣшено въ 1887 г. причемъ обвиняемые Бруевичъ, Брогинскій, Гаевскій и другіе подвержены взысканіямъ, по отношенію же къ дворянкѣ Слѣпцовой это дознаніе не разрѣшено за выѣздомъ ея изъ Россіи. Спрошенные въ виду показанія поручика Чижевскаго упомянутые выше Дмитрій Бруевичъ и Лука Гаевскій показали, что ни Чижевскаго, ни Душевскаго они не знаютъ.

По осмотру одного изъ находящихся при дѣлахъ Петербургкаго губернскаго жандармскаго управленія экземпляра, изданнаго въ 1885 г. въ г. Женевѣ, въ такъ называемой „Вольной русской типографіи“, № 4 революціоннаго журнала „Вѣстникъ Народной Воли“, въ немъ оказалась статья, озаглавленная „Нашимъ порицателямъ“ и подписанная „Офицеръ“. Статья эта, написанная отъ имени русскаго офицера, наполнена дерзкими отзывами о существующемъ въ Россіи образѣ правленія и государственномъ порядкѣ и доказательствами необходимости для русскихъ офицеровъ присоединиться къ общей революціонной организаціи въ Россіи.

II.

При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія были обнаружены обстоятельства, указывавшія на непосредственную связь преступной дѣятельности Софіи Гинсбургъ съ такою же дѣятельностью лицъ, скрывшихся изъ Россіи за-границу отъ преслѣдованія за государственныя преступленія. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1889 г., въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ появились корреспонденціи, извѣщавшія, что въ мартѣ новаго стиля въ окрестностяхъ Цюриха, въ Швейцаріи, произошелъ взрывъ бомбы, которымъ

убитъ русскій еврей Бриннштейнъ и ранен полякъ Дембскій, производившіе опыты съ изобрѣтенными ими бомбами...... Вслѣдъ за симъ были получены слѣд. свѣдѣнія, извлеченныя изъ подлиннаго слѣдствія, произведеннаго по распоряженію цюрихскихъ властей: 22 февраля (6 марта н. с.) 1889 г. на одной изъ горъ близъ Цюриха произошелъ взрывъ бомбы, которымъ убитъ бѣжавшій въ 1887 г. за-границу и подлежавшій привлеченію по дѣлу о преступномъ замыслѣ противъ священной особы Государя Императора, обнаруженномъ 1-го марта 1887 г. повѣнежскій мѣщанинъ Исаакъ Дембо, проживавшій въ Цюрихѣ подъ именемъ Бриннштейнъ, и тяжело раненъ также скрывшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ за-границу по политическимъ причинамъ, дворянинъ Варшавской губерніи Александръ Дембскій. По этому поводу, начальникомъ полиціи въ Цюрихѣ было произведено слѣдствіе, обнаружившее, что въ сентябрѣ 1888 г. Исаакъ Дембо заказалъ сперва цюрихскому механику Мейстеру, потомъ на литейномъ заводѣ братьевъ Кохъ и наконецъ на заводѣ Бреми, который и выполнилъ его заказъ, мѣдные полые шары въ 2½, 3½ и 5 сантим. въ діаметрѣ съ отверстіями, закрываемыми винтиками, устройство которыхъ свидѣтельствуетъ, что они предназначались для приготовленія разрывныхъ снарядовъ, какъ это дѣйствительно подтвердилось послѣдующими обстоятельствами. Всѣхъ шаровъ Дембо заказалъ 45 штукъ; часть ихъ осталась у Мейстера, причемъ слѣдствіемъ не обнаружено, чтобы Мейстеру и администраціямъ заводовъ Коха и Бреми было извѣстно о преступномъ назначеніи заказовъ Дембо. 22 февраля былъ доставленъ въ кантональный госпиталь тяжело раненный Дембскій и черезъ нѣсколько часовъ былъ принесенъ туда же отысканный на горѣ съ оторванными ногами Дембо, который отъ этихъ поврежденій на другой день умеръ......

Вслѣдъ за выясненіемъ этихъ обстоятельствъ цюрихскія власти приступили къ производству ряда обысковъ у лицъ, находившихся въ ближайшихъ отношеніяхъ съ Дембо и Дембскимъ...... При разсмотрѣніи бумагъ, отобранныхъ у мѣщанки Маріи Гинсбургъ, обратили на себя особое вниманіе, между прочимъ, слѣдующія: А) Листокъ почтовой бумаги съ замѣтками, писанными карандашомъ почеркомъ Исаака Дембо, подъ заглавіемъ: „Ближайшія задачи“, въ которыхъ, между прочимъ, сдѣланы слѣдующія записи: „1) переправа рукописи, 2) узнать руководство переплетнаго искусства... 8) отослать паспортъ, 9) до востребованія въ В № 876, Вильгельмина Braun von Jubendorf, паспортъ выданъ изъ Liestal II X 88 на два года. 1, Позаботиться на счетъ переправы, приготовить документы и границу. 2. Обдумать и подготовить способы переправы сосудовъ (могутъ быть и не цѣлые)...“ Б. Листокъ бумаги, на которой написана рукопись, озаглавленная „Уставъ кружка народовольцевъ въ Цюрихѣ“. Въ этомъ уставѣ изложено, что характеръ и направленіе дѣятельности этого кружка за-границей должны опредѣляться ходомъ революціонной борьбы въ Россіи, причемъ высказывается предположеніе, что основой будущей революціонной организаціи въ Россіи останутся существенныя положенія программы „Исполнительнаго комитета“ партіи народной воли, заключающіяся въ томъ, что: а) партія беретъ на себя „иниціативу въ борьбѣ съ абсолютизмомъ“, и б) рѣзко выставляетъ въ своей программѣ соціалистическія требованія“. Въ виду ясно поставленной цѣли этого кружка присоединиться къ революціонной организаціи въ Россіи, а равно и интересамъ успѣшнаго содѣйствія революціонной дѣятельности въ Россіи, члены кружка выражають необходимость образованія заграницей общаго „союза народовольцевъ“ и придерживающихся того же направленія. Считая, однако, выработку подобной программы за-границей дѣломъ будущаго соглашенія между кружками, кружокъ народовольцевъ въ Цюрихѣ опредѣляетъ свою дѣятельность въ настоящемъ слѣдующими задачами: „1) Литературное дѣло, заключающееся въ изданіи книгъ, и въ поддержкѣ изданій соціалистическаго направленія. 2) Пропаганда соціальныхъ идей. 3) Установленіе связей съ за-граничными кружками и отдѣльными личностями. 4) Сношенія съ Россіей, на которыя обращается особенное вниманіе кружка и сущность которыхъ, по уставу, заключается въ слѣдующемъ: а) поддержка и установленіе связей для ознакомленія съ преобладающими теченіями среди дѣйствующихъ въ Россіи революціонныхъ кружковъ; б) организація транспортовъ; в) устройство съѣзда за-границей для уясненія программныхъ вопросовъ, и г) забота о матеріальныхъ средствахъ, составляющихся изъ доходовъ съ баловъ, лоттерей, подписокъ, взносовъ и средствъ, собранныхъ въ Россіи.“ Независимо отъ сего, швейцарскими властями были обысканы и допрошены тѣ лица, на причастность которыхъ къ дѣятельности Дембо получались указанія при слѣдствіи. Всѣ эти люди, отрицая всякое свое участіе въ выдѣлкѣ взрывчатыхъ снарядовъ и знаніе свое о какихъ либо къ тому приготовленіяхъ,

признаютъ лишь, что они интересуются вопросами мирной соціалистической пропаганды. Изъ совокупности, однако, данныхъ ими показаній составляется вполнѣ опредѣленное убѣжденіе въ существованіи организаціи такъ называемой русской колоніи въ Цюрихѣ, въ которой всѣ лица, занимающіяся, кромѣ науки, революціонными дѣлами, распредѣляются на группы по пяти человѣкъ, представитель каждой группы участвуетъ въ общихъ собраніяхъ, на которыхъ обсуждаются политическіе вопросы; члены кружка дѣлаютъ взносы въ размѣрѣ одного франка въ мѣсяцъ, образующіе агитаціонный фондъ, идущій частью на расходы по дѣлу, а частью на выдачу пособій нуждающимся. Такъ, на счетъ этихъ пособій жилъ за-границей во все время пребыванія тамъ И. Дембо. Кромѣ распредѣленія на кружки большинство эмигрантовъ участвуетъ въ учрежденіи „русской читальни" и „славянскаго соціалистическаго клуба", основаннаго въ концѣ 70-хъ годовъ Лавровымъ и Бакунинымъ. Оба эти учрежденія имѣютъ свою библіотеку, въ которой, на ряду съ незапрещенными изданіями, находятся для желающихъ и всѣ произведенія подпольной печати. Изъ числа проживавшихъ въ Цюрихѣ русскихъ подданныхъ особенно близки къ Дембо были нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ сынъ коллежскаго ассесора Георгій Пекъ и дворянинъ Антонъ Гнатовскій. Добытыя слѣдствіемъ объ этихъ лицахъ въ Цюрихѣ свѣдѣнія подтверждаютъ, что Георгій Пекъ находился въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Дембо, Гнатовскимъ, Николаемъ Рудевичемъ и другими, вмѣстѣ съ которыми былъ главнымъ дѣятелемъ въ читальнѣ и соціалистическомъ клубѣ. Антонъ Гнатовскій, служившій связью между цюрихскимъ и женевскимъ кружками, узнавъ послѣ взрыва бомбы, что цюрихскія власти приступили къ аресту лицъ, имѣвшихъ сношеніе съ Дембо, поспѣшилъ скрыться изъ Цюриха.....

III

Въ виду близкихъ отношеній обвиняемаго М. Стояновскаго къ личности, проживавшей въ Петербургѣ по паспорту Вильгельмины Браунъ, которая была отмѣчена въ домовой книгѣ прибывшей изъ Харькова, гдѣ находился въ то время братъ М. Стояновскаго, студентъ университета, Семенъ Стояновскій, было сдѣлано распоряженіе о производствѣ обыска у С. Стояновскаго. По прибытіи должностныхъ лицъ на квартиру С. Стояновскаго, проживавшаго въ то время со студентомъ Лейбою Фрейфельдомъ, они нашли таковую запертою изнутри и на требованіе отворить дверь не получили отвѣта. Когда, наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ дверь была отворена, то комната оказалась наполнена дымомъ отъ сожженной бумаги, уцѣлѣвшіе клочки которой валялись на полу. Въ комнатѣ находились С. Стояновскій и Л. Фрейфельдъ; у Стояновскаго была обожжена ладонь одной руки, а у Фрейфельда опалены волосы на головѣ и закопчена бровь. По осмотру найденныхъ въ комнатѣ книгъ и бумагъ, обратили на себя вниманіе слѣдующія: 1) клочки обожженной бумаги, носящей слѣдъ рукописи, въ которой встрѣчаются фразы объ урегулированіи налоговъ, объ установленіи государственной помощи крестьянамъ, фабричнымъ и мелко-промышленнымъ рабочимъ, о призывѣ интеллигентныхъ силъ къ борьбѣ съ „русскимъ монархомъ", уполномочіе каждаго революціонера выступить въ качествѣ организатора, или въ качествѣ рядового, о требованіи свободы слова и печати, свободы сходокъ и участія народа черезъ своихъ представителей въ государственномъ управленіи, о веденіи революціонной борьбы не партіей или организаціей, а всей революціонной средой и т. п...... Результаты обыска послужили основаніемъ для привлеченія С. Стояновскаго и Л. Фрейфельда къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. Не признавая себя на первыхъ допросахъ виновными въ принадлежности къ тайному революціонному обществу, они показали: С. Стояновскій, что разорванныя и сожженныя имъ во время обыска бумаги составляли двѣ революціонныя программы, купленныя имъ на улицѣ у неизвѣстнаго лица; записка на имя Никифора Клементьева написана имъ, но кому именно, онъ сказать не желаетъ, а отъ объясненій по поводу ея отка

зался. Л. Фрейфельдъ, что онъ знакомъ съ С. Стояновскимъ, какъ съ товарищемъ по павлоградской гимназіи и жилъ съ нимъ два раза на квартирѣ въ Харьковѣ: въ теченіи декабря 1888 г. и потомъ съ 10 по 25 марта 1889 г., когда оба они, послѣ произведеннаго у нихъ обыска, были арестованы. Ночью, когда пришли производить у нихъ обыскъ, онъ, проснувшись отъ стука въ дверь и увидя, что Стояновскій сжигаетъ бумаги, сталъ помогать ему въ этомъ; какія это были бумаги ему неизвѣстно. Софьи Гинсбургъ онъ не зналъ; въ фотографической ея карточкѣ не узналъ знакомой личности. Произведенными вмѣстѣ съ симъ, съ цѣлью обнаруженія мѣста пребыванія С. Гинсбургъ, розысками, выяснено, что 20 ноября 1888 г. С. Гинсбургъ была въ Москвѣ и, судя по ярлыкамъ на найденныхъ въ ея квартирѣ въ Петербургѣ чемоданѣ и саквояжѣ, выѣхала того числа въ Петербургъ; въ Москвѣ она была прописана подъ именемъ Вильгельмины Браунъ, равно какъ и въ Харьковѣ, гдѣ предъ пріѣздомъ въ Москву проживала съ 22 октября до половины ноября того же года. По показанію свидѣтеля Савина, Софію Гинсбургъ въ указанное время ея пребыванія въ Харьковѣ, посѣщалъ Фрейфельдъ. Обнаружено затѣмъ, что Софія Гинсбургъ проживала въ Харьковѣ нѣкоторое время и въ началѣ 1889 г. Свидѣтели, гражданскіе унтеръ-офицеры Малуновъ и Чарнявскій, наблюдавшіе за Фрейфельдомъ, удостовѣрили, что этотъ послѣдній встрѣтилъ Гинсбургъ на харьковскомъ вокзалѣ жел. дороги 21 февраля, а свидѣтельницы Погатырева и Климентова показали, что когда съ половины марта Фрейфельдъ поселился съ Стояновскимъ, ихъ постоянно посѣщала женщина, которую онѣ узнали въ карточкѣ Гинсбургъ. По показанію, наконецъ, дворника дома, въ которомъ жилъ Фрейфельдъ, Василія Постникова, Гинсбургъ являлась къ Фрейфельду ежедневно. Обнаруженныя такимъ образомъ свѣдѣнія о пребываніи обвиненной Гинсбургъ въ Харьковѣ какъ до пріѣзда ея въ Петербургъ въ ноябрѣ 1888 г., такъ и послѣ скрытія ея отсюда въ февралѣ 1889 г. вызвали предположенія, что найденная по обыску у С. Стояновскаго записка на имя Никифора Клементьевича, предназначалась народному учителю Никифору Клементьевичу Сидорову, съ которымъ, какъ было установлено дознаніемъ, Гинсбургъ была знакома, и эта записка относилась до предполагавшагося выѣзда изъ Харькова С. Гинсбургъ. ......Спрошенный дополнительно въ виду выше изложенныхъ обстоятельствъ, Стояновскій, признавая выше указанное назначеніе записки, а равно и сношенія свои съ обвиняемой, показалъ, что развитіе его революціоннаго направленія началось за годъ до его ареста подъ вліяніемъ революціонной среды. Лицъ, которымъ онъ сообщалъ свои революціонныя убѣжденія и которыхъ снабжалъ преступными сочиненіями, онъ назвать не желаетъ; по его словамъ, Гинсбургъ пріѣхала въ Харьковъ 19 или 20 октября 88 г. прямо изъ за-границы и остановилась у него на квартирѣ...... Въ двадцатыхъ числахъ ноября Гинсбургъ уѣхала въ Петербургъ и при этомъ онъ далъ ей свой чемоданъ, найденный впослѣдствіи по обыску у Вильгельмины Браунъ въ Петербургѣ. Изъ Петербурга Гинсбургъ писала ему раза два, извѣщая его лишь о своемъ здоровьи. Во второй половинѣ февраля 89 г. возвратилась изъ Питера въ Харьковъ и опять остановилась у него на квартирѣ. Она разсказала, что должна была уѣхать изъ Питера, такъ какъ оставила въ лавочкѣ портмоне съ прокламаціей, которую она составила сама, а переписалъ братъ, М. Стояновскій. Передавая ему содержаніе своей прокламаціи, Гинсбургъ говорила, что въ ней были изложены причины, вызывающія необходимость цареубійства. Гинсбургъ высказывала сильное безпокойство по поводу участи его брата М. Стояновскаго, котораго можетъ изобличать почеркъ на прокламаціи. О цѣли, для которой Гинсбургъ составила прокламацію, она ему не говорила, потому что ихъ обоихъ занималъ не этотъ вопросъ. Подъ вліяніемъ чтенія революціонныхъ сочиненій, какъ-то: „Вѣстника народной воли", журнала „Впередъ", „программы исполнительнаго комитета" и другихъ, онъ занимался сборомъ пожертвованій въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ политическихъ, но этотъ сборъ не превышалъ 5 или 10 рублей въ каждомъ случаѣ, а такихъ случаевъ было 3. Къ такому же сбору относится и взятый у него при обыскѣ листокъ для розыгрыша въ лоттерею его часовъ, но лица, подписавшіяся на эту лоттерею, не знали о цѣли ея. По этому листку онъ собралъ не болѣе 3 руб., которые остались у него, кромѣ того, онъ распространялъ революціонную литературу среди учащейся молодежи въ Харьковѣ, въ томъ числѣ давалъ для чтенія разныя революціонныя программы, а именно: „программу народной воли" и „программу освобожденія труда". Онъ занимался также пропагандой соціально-революціонныхъ идей среди той же молодежи и, наконецъ, самъ составилъ программу съ цѣлью дать себѣ отчетъ, въ какомъ направленіи долженъ идти дольше путь его дѣятельности. Эта

программа была разорвана имъ во время обыска въ клочки. Въ этой программѣ онъ указывалъ, что для измѣненія существующаго порядка государственнаго и общественнаго, на соціалистическихъ началахъ, необходимо проникновеніе въ общество соціалистическихъ идей, чѣмъ и должны заняться въ Россіи революціонеры и соціалисты, такъ какъ достигнуть этого иначе нельзя, то необходимо прибѣгнуть къ террору, подъ которымъ онъ исключительно разумѣлъ цареубійство; самый сильный терроръ заключается въ томъ, что революціонная партія, какъ организованное цѣлое, не должна существовать, а каждый революціонеръ направляетъ свои силы на осуществленіе террора какъ единично, такъ и составленіемъ небольшой группы для выполненія террористическаго факта; такимъ образомъ, борьбу „съ правительствомъ" онъ сводилъ къ распространенію революціонныхъ идей въ обществѣ. Дней черезъ 10 по возвращеніи изъ Петербурга, Гинсбургъ уѣхала изъ Харькова по направленію къ станціи Лозовой; незадолго до ея отъѣзда, онъ написалъ записку отъ 15 марта на имя Никифора Клементьевича Сидирова, котораго, по просьбѣ С. Г., онъ долженъ былъ извѣстить объ ея отъѣздѣ. Записка осталась у него. Впослѣдствіи Гинсб. написала ему съ дороги, что она Сидорова не видѣла. Полученное такимъ образомъ указаніе на свиданіе Гинсб. съ учителемъ Н. Сидировымъ послужило поводомъ къ собранію дальнѣйшихъ свѣдѣній о семъ послѣднемъ. При этомъ было обнаружено, что 16 Мая 89 г. Сидоровъ приготовилъ посылку въ г. Севастополь на имя Алексѣя Орочко, но затѣмъ, узнавъ, что къ нему поѣхалъ на квартиру жандармскій полковникъ, взялъ уже на почтѣ эту посылку и сжегъ...... Въ виду показанія Н. Сидорова былъ произведенъ въ Севастополѣ у оберфейерверка севастопольской крѣпостной артиллеріи, Орочко, обыскъ, по которому найдено: во 1-хъ, клочекъ почтовой бумаги съ надписью карандашомъ: письмо для передачи брату получилъ М. Фрейфельдъ; во 2-хъ, конвертъ съ письмомъ изъ Витебска отъ 20 Мая и подписью: „Твоя Татьяна" и съ обращеніемъ: „Дорогой Леша". Въ этомъ письмѣ обратило на себя вниманіе выраженіе: папа проситъ передать поклонъ Марьѣ Николаевнѣ, Филиппу Терентьевичу и Николаю Николаевичу. Въ 3-хъ, два рецепта аптеки Молера въ Севастополѣ за подписью врача Мертваго на имя Ивановой, и въ 4-хъ, почтовый конвертъ съ адресомъ: Севастополь, канцелярія крѣпостной артели, оберъ-фейерверкеру Орочко. Послѣднія слова оказались подчеркнуты волнистою чертою. На этомъ конвертѣ наложены штемпеля почтоваго вагона 11 12 мая 89 г. По предъявленіи этого конверта Н. Сидорову, онъ призналъ, что адресъ Орочко писанъ его рукою и что въ этомъ конвертѣ онъ писалъ С. Гинсб. на имя Орочко письмо, но содержаніе этого письма не помнитъ...... Произведенные послѣ ареста обвиняемаго А. Орочко розыски С. Гинсб. въ Севастополѣ обнаружили, что она жила на квартирѣ въ домѣ Елены Киселевой, откуда 25 мая переѣхала къ содержательницѣ модной мастерской Глафирѣ Агафоновой. 28 мая С. Гинсбургъ выѣхала изъ Севастополя и 31 мая была задержана въ Успенскомъ скитѣ близъ Бахчисарая.

IV.

Разслѣдованіе, произведенное въ Севастополѣ для выясненія обстоятельствъ пребыванія тамъ обвиняемой Гинсбургъ дало слѣдующіе результаты: по осмотру домовыхъ книгъ въ г. Севастополѣ въ гостинницѣ Бель-вю и въ домѣ Маркушева, арендуемомъ вдовою штабсъ-капитана Еленою Киселевой въ нихъ оказалось записанною съ 20 марта 1889 г. домашняя учительница Марія Марковна Ямпольская, проживавшая по свидѣтельству 2-ой харьковской женской гимназіи отъ 4-го Іюня 1888 г. за № 464...... Вдова штабсъ-капитана Елена Киселева показала, что 31 марта 89 г. Алексѣй Орочко нанялъ у нея комнату для Гинсбургъ, которая назвала себя Маріей Марковной Ямпольской; послѣдняя прожила у нея до 25 мая; обыкновенно она выходила изъ дому въ 7 ч. утра и возвращалась домой въ 9 ч. вечера. Кромѣ Орочко, ее посѣщала дѣвица Анна Шостополь и какой-то штатскій госпо-

динъ, похожій по примѣтамъ на Алексѣя Теплова. 25 мая Гинсбургъ оставила квартиру, объявивъ, что она должна уѣхать въ Симферополь вслѣдствіе болѣзни родныхъ...... Изъ показанія отставного унтер-офицера Дмитрія Бондарева видно, что Гинсбургъ на 1-ый день праздника Св. Троицы пріѣхала въ сопровожденіи Алексѣя Теплова на станцію Максиміевы Горы, откуда Тепловъ возвратился обратно въ Севастополь, а Гинсбургъ поѣхала дальше. Монахъ Успенскаго скита близъ города Бахчисарая, Феодосій, — что въ ночь на 25 мая 89 г. въ Троицынъ день пріѣхала въ монастырскую гостинницу на извощикѣ, очевидно съ послѣдняго поѣзда желѣзной дороги, неизвѣстная ему дѣвушка, которую онъ признаетъ въ фотографической карточкѣ обвиняемой Гинсбургъ. Занявъ тамъ номеръ, прожила до 31 мая и въ этотъ день утромъ была аресгована. Лицо пріѣзжей показалось ему знакомымъ, вслѣдствіе чего онъ спросилъ не была ли она раньше въ монастырѣ. Она отвѣчала, что пріѣзжала сюда въ январѣ 88 г. и назвалась Вѣрою. Справившись въ книгахъ скита, онъ нашелъ тамъ отмѣтку пріѣзжавшей въ январѣ Вѣры Степановой и припомнилъ, что въ означенное время вслѣдъ за пріѣздомъ въ монастырь этой особы, пріѣхалъ туда же молодой человѣкъ, военный, но не офицеръ, похожій на предъявленную ему карточку обвиняемаго Орочко. Этотъ военный провелъ съ этой дѣвицей одни сутки, переночевалъ же у него въ келіи. Спрошенная въ качествѣ свидѣтельницы жена мѣщанина Марья Теплова показала, что въ концѣ мая или въ началѣ іюня 89 года мужъ ея, Алексѣй Тепловъ, вслѣдствіе недоразумѣнія съ собственникомъ имѣнія, въ которомъ они жили, отправился въ Севастополь искать для себя квартиру. Съ тѣхъ поръ онъ не возвращался домой, и ей неизвѣстно, гдѣ онъ находится. Въ концѣ марта или началѣ апрѣля того же года мужъ ея привезъ изъ Севастополя для оказанія медицинской помощи ихъ ребенку какую-то акушерку, которую она признала въ карточкѣ обвиняемой Гинсбургъ. Впослѣдствіи эта женщина пріѣзжала къ нимъ еще раза два вмѣстѣ съ хорошимъ ихъ знакомымъ оберъ-фейерверкеромъ Алексѣемъ Орочко. Имени и фамиліи этой женщины она не помнитъ. Изъ показанія жены поручика Душевскаго, Дмитрія Михайлова, слѣдуетъ заключить, что Алексѣй Тепловъ былъ знакомъ съ Душевскимъ, когда Душевскій жилъ въ Севастополѣ во 2-ой половинѣ 87 г. Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что Тепловъ, послѣ того, какъ скрылся изъ Севастополя, проживалъ въ Парижѣ, гдѣ примкнулъ къ мѣстному террористическому кружку русскихъ эмигрантовъ и принялъ дѣятельное участіе въ приготовленіи взрывчатыхъ веществъ и метательныхъ снарядовъ. По обыску, произведенному у него 17 (29) мая 89 г. были найдены металлическія принадлежности, бомбы и химическія вещества, входящія въ составъ разрывнаго вещества. Въ виду результатовъ обыска Тепловъ былъ арестованъ и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу о приготовленіи взрывчатыхъ снарядовъ, причемъ предварительнымъ слѣдствіемъ выяснено, что Тепловъ вмѣстѣ съ эмигрантомъ Рейнштейномъ производилъ 30 апрѣля (12 мая) въ лѣсу опыты съ разрывными снарядами и что во время этихъ опытовъ Тепловъ былъ раненъ въ ноги. Признанный виновнымъ въ храненіи и изготовленіи разрывныхъ снарядовъ, Тепловъ присужденъ къ тюремному заключенію на три года. Марія Ямпольская показала, что аттестатъ объ окончаніи ею курса гимназіи и свидѣтельство объ окончаніи восьмого класса были переданы ею Лейбѣ Фрейфельду съ просьбой взамѣнъ этихъ документовъ выхлопотать ей изъ харьковскаго университета дипломъ на званіе домашней учительницы. Послѣ ареста Фрейфельда она разсказала отцу о передачѣ Фрейфельду своихъ документовъ. Отецъ объявилъ ей, что одинъ изъ ея документовъ, а именно, свидѣтельство объ окончаніи 7-го класса онъ получилъ отъ Якова Фрейфельда и что свидѣтельство объ окончаніи 8-го класса утеряно. Какъ въ дѣйствительности распорядился Л. Фрейфельдъ съ ея документами и проживала ли по одному изъ ея свидѣтелествъ Гинсбургъ, ей неизвѣстно. Обвиняемый Л. Фрейфельдъ по поводу выше изложенныхъ обстоятельствъ объяснилъ, что Марія Ямпольская, съ которой онъ знакомъ уже давно, отдала ему въ началѣ 89 г. свои документы на храненіе. Эти документы хранились въ его сундукѣ до самаго ареста; онъ ихъ никому не передавалъ и не можетъ объяснить, какимъ образомъ одинъ изъ нихъ оказался у С. Гинсбургъ. Во время задержанія 31 Мая 89 г. въ Успенскомъ скитѣ обвиняемой С. Гинсбургъ послѣдняя схватила одно изъ лежащихъ на столѣ писемъ и, изорвавъ его, постаралась проглотить, но была остановлена, и письмо было отъ нея отобрана. При осмотрѣ оказавшихся при ней вещей и бумагъ найдено между прочимъ слѣдующее: 1) Темно-коричневое осеннее женское пальто, въ которомъ приходила въ магазинъ женщина, оставившая портмоне съ преступнымъ воззваніемъ. 2) Жидкость въ пузырькѣ, порошокъ и кусочки какого-то

вещества въ бумагѣ, которые, по изслѣдованіи ихъ въ столичномъ врачебномъ управленіи, оказались винновакаменной кислотой, пемзой, желѣзисто-синеродистымъ каліемъ и растворомъ полутора-хлористаго желѣза. Послѣднія два вещества, по объясненію химика-фармацевта, производившаго изслѣдованіе, употребляются также, какъ симпатическія чернила для тайной переписки. 3) Тетрадь почтовой бумаги, на 1-ой страницѣ которой написанъ карандашомъ почеркомъ С. Гинсбургъ проэктъ письменнаго вида на свободное проживательство, выданнаго поручикомъ 3 баттареи 35 артиллерійской бригады Ленинымъ женѣ своей Маріи Николаевнѣ Лениной за № 1239. 4) Клочки изорванныхъ конвертовъ съ адресами, по уцѣлѣвшимъ частямъ которыхъ было обнаружено, что одни конверты были адресованы въ Севастополь Василію Николаевичу до востребованія, а другой въ Харьковъ на Нѣмецкую улицу Николаю Сегалю для Шапиро. 5) Два письма съ двумя текстами, изъ которыхъ одинъ писанъ обыкновенными чернилами, а другой химическими. Обнаруженіе произведеннымъ у обвиняемой С. Гинсбургъ обыскомъ конверта съ адресомъ Шапиро въ Харьковъ подтвердило имѣвшееся уже въ виду показаніе Никифора Сидорова о высылкѣ послѣднимъ въ Харьковъ по этому адресу денегъ Стояновскому для передачи Гинсбургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при разсмотрѣніи замѣтокъ Исаака Дембо, отобранныхъ при обыскѣ въ Лозаннѣ у мѣщанки Маріи Гинсбургъ, было обращено вниманіе на то, что въ числѣ адресовъ разныхъ лицъ въ Россіи, оказавшихся въ этихъ замѣткахъ, была сдѣлана слѣдующая запись: „Александръ Ивановичъ Ив. Ш.“ При розыскѣ Ивана Шапиро въ Харьковѣ было дознано, что въ числѣ студентовъ мѣстнаго университета есть Исаакъ-Абрамъ Борисовъ Шапиро, который дѣйствительно получилъ по почтѣ письмо съ 100 руб. По собраннымъ на родинѣ Исаака Шапиро въ г. Петербургѣ справкамъ, оказалось, что Исаакъ Дембо и Исаакъ Шапиро состоятъ въ отдаленномъ родствѣ между собою, и что родные Шапиро и въ настоящее время поддерживаютъ знакомство съ семействомъ Дембо.

V.

Обвиняемая С. Гинсбургъ, отказавшаяся на первыхъ допросахъ давать объясненія по дѣлу, впослѣдствіи показала, что въ 1882 г. до начала 1885 г. она жила въ Петербургѣ, гдѣ слушала лекціи на акушерскихъ курсахъ и выдержала экзаменъ на званіе домашней учительницы. Съ марта 85 г. по октябрь 86 г. она жила въ Бернѣ, слушая лекціи на медицинскомъ факультетѣ, а затѣмъ пріѣхала въ Петербургъ съ цѣлью провѣрить слухи о томъ, что здѣсь женскіе курсы закрыты и что поэтому невозможно будетъ держать экзаменъ на званіе врача никому изъ женщинъ, окончившихъ курсъ заграницей. Въ Петербургѣ она остановилась у своей знакомой, слушательницы рождественскихъ фельдшерскихъ курсовъ, Надежды Слѣпцовой. Черезъ нѣсколько дней она уѣхала изъ Петербурга сперва въ Керчь, къ своимъ роднымъ, а потомъ въ село Акимовку, гдѣ получила мѣсто гувернантки къ дѣтямъ купца Исая Черномордика. Въ январѣ мѣсяцѣ 88 г. она приняла православіе и, не имѣя возможности остаться у Черномордика, уѣхала заграницу безъ паспорта. Причины, заставившія ее оставить Россію, она отказывается объяснить, такъ какъ онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ ея революціонной дѣятельности. Заграницей она прожила короткое время въ Бернѣ, а потомъ появилась въ Парижѣ, гдѣ сперва занималась уроками русскаго языка. Вопросы революціонные интересовали ее давно, но въ большинствѣ случаевъ ея знакомства въ революціонной средѣ были для нея неудачны. Выѣхавъ послѣдній разъ заграницу, она поставила себѣ задачей познакомиться съ направленіями, существовавшими въ революціонной средѣ, съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ той революціонной группѣ, программа которой будетъ соотвѣтствовать ея взглядамъ. Ознакомившись съ тѣмъ, что представляла собою революціонная среда заграницей, она въ октябрѣ мѣсяцѣ 88 г. вернулась въ Россію по пас-

порту швейцарской подданной Вильгельмины Браунъ, чтобы здѣсь, присмотрѣвшись къ господствующимъ мнѣніямъ въ разныхъ слояхъ общества, рѣшить, что она сама должна дѣлать въ настоящее время. Хотя она сознавала свое малозначущее положеніе, но въ то же время знала, что она не одна и что не остановится ни передъ чѣмъ, какъ только найдетъ дѣло, на которое будетъ способна. Паспортъ на имя Вильгельмины Браунъ она получила въ Парижѣ отъ одного знакомаго швейцарца, имя котораго она открыть не желаетъ. Какимъ образомъ Бринштейнъ зналъ о томъ, что она получила этотъ паспортъ, ей неизвѣстно, и она можетъ высказать по этому поводу лишь слѣдующія свои предположенія: кружокъ народовольцевъ въ Цюрихѣ старался создать тамъ центръ всѣхъ свѣдѣній революціоннаго характера; Бринштейнъ былъ членомъ этого кружка и, кажется, работалъ въ типографіи нѣмецкой соціаль-демократической партіи; быть можетъ, Бринштейнъ узналъ о полученіи ею паспорта на имя Браунъ отъ того швейцарца, такъ какъ послѣдній принадлежалъ къ соціаль-демократической партіи. По пріѣздѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ 88 г. въ Россію, она столкнулась здѣсь съ нѣкоторыми провинціальными революціонными кружками, о личномъ составѣ и дѣятельности которыхъ отказывается давать объясненія. Пріѣхавъ въ томъ же октябрѣ въ Харьковъ, она встрѣтилась со своимъ двоюроднымъ братомъ, Семеномъ Стояновскимъ. Она не знаетъ, какія революціонныя программы были найдены у Семена Стояновскаго при обыскѣ; но нѣкоторыя подобныя программы были даны ею или составлены имъ вмѣстѣ съ ней. Лейбу Фрейфельда она знала какъ товарища С. Стояновскаго. 26 ноября 88 г. она уѣхала изъ Харькова въ Петербургъ, остановилась тамъ сначала на Пушкинской ул., гдѣ паспорта не прописывала, а вскорѣ послѣ пріѣзда перешла на квартиру въ д. № 35 по 2 линіи Вас. Острова. Черезъ мѣсяцъ она перемѣнила квартиру и поселилась въ д. № 40, 5 линіи Вас. Острова. Въ Петербургѣ она старалась встрѣчаться съ совершенно легальными людьми для выясненія себѣ настроенія общества; назвать такихъ лицъ она отказывается. Что касается прокламаціи, забытой ею въ февралѣ 89 г. въ магазинѣ, то отвѣтственна въ этомъ лично она, а М. Стояновскій не имѣетъ къ ней никакого отношенія. М Стояновскій зналъ о томъ, что она живетъ по чужому паспорту, но объяснялъ это семейными причинами. Съ его же согласія она получала письма сначала по его адресу, а потомъ онъ далъ ей адресъ Сусловой. Сосѣдки своей по квартирѣ, въ д. № 40, Евгеніи Григорьевой, она не знала; всѣ отношенія ея съ ней ограничились тѣмъ, что она, уходя послѣдній разъ изъ квартиры, попросила ее запереть за ней наружную дверь. Просила ли она Григорьеву предупредить М. Стояновскаго, чтобы онъ прекратилъ свои посѣщенія, она не помнитъ. Уѣхавъ изъ Петербурга, она довольно долго скиталась по разнымъ городамъ, пока не достигла Севастополя съ цѣлью выѣхать отсюда за границу. Надежды ея относительно легкости переѣзда заграницу оказались преувеличенными. Еще раньше старалась она достать себѣ паспортъ, такъ какъ прежній паспортъ на имя Браунъ не могъ уже ей служить. Въ одномъ домѣ она увидала документы на имя дѣвицы Ямпольской, изъ которыхъ она тайно взяла дипломъ на званіе учительницы, по которому и жила въ Севастополѣ. Послѣ ареста Алексѣя Орочко она пріѣхала изъ Севастополя въ Бахчисарай, думая сдѣлать себѣ здѣсь подложный паспортъ. Найденный у нея при арестѣ проектъ паспорта на имя жены поручика Ленина долженъ былъ служить ей формой для поддѣлки письменнаго вида. Фамилію Ленина она случайно прочла въ военномъ адресъ-календарѣ. Съ Алексѣемъ Орочко она познакомилась случайно и вообще она въ Севастополѣ знакомилась только съ лицами непричастными къ революціонной дѣятельности. Адресомъ Орочко съ его согласія она пользовалась для своей переписки, такъ какъ сама не имѣла настоящаго адреса. Съ Никифоромъ Сидоровымъ она познакомилась въ то время, когда жила въ селѣ Акимовкѣ; но въ послѣднее пребываніе свое въ Россіи она съ нимъ не видалась и денегъ отъ него черезъ С. Стояновскаго не получала. Затѣмъ, по предъявленіи ей вещественныхъ доказательствъ, Гинсбургъ признала, что два письма со штемпелемъ Ambulant отъ 5 апрѣля 89 г. за подписью В. Браунъ писаны ею въ Россіи и посланы черезъ Швейцарію при посредствѣ одного знакомаго ея, назвать котораго она отказывается, для того, чтобы ввести въ заблужденіе лицъ, производившихъ дознаніе относительно ея мѣстопребыванія. Три письма, посланныя по адресу Сусловой въ Петербургъ, писаны ею съ цѣлью дать знать о себѣ М. Стояновскому; кто такой Ваня, которому слѣдовало передать одно изъ этихъ писемъ, она отказывается объяснить. Шифрованныя записки на двухъ клочкахъ бумаги и листокъ съ воззваніемъ, начинающимся словами: „устранивъ“, тѣ самыя, которыя

она забыла въ магазинѣ Татаринова вмѣстѣ съ портмоне. Относительно происхожденія этого воззванія, времени и мѣста его составленія и цѣли, съ которою оно составлено, Гинсбургъ на этотъ разъ отказалась дать объясненіе и дала такое, какъ будетъ изложено ниже, лишь впослѣдствіи. Далѣе Гинсбургъ показала, что въ Цюрихѣ она не была, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда проѣзжала черезъ этотъ городъ по пути въ другія мѣста, причемъ никогда въ немъ не останавливалась. О смерти Бринштейна она имѣла свѣдѣнія только изъ газетныхъ извѣстій. Съ самимъ Бринштейномъ, котораго она признаетъ въ предъявленной ей карточкѣ Исаака Дембо, она встрѣчалась въ Бернѣ, но не помнитъ, когда именно: это было на какомъ-то вечерѣ, устроенномъ русскими, на который пришли пѣшкомъ изъ Цюриха человѣкъ 15 русскихъ въ томъ числѣ и Бринштейнъ. О революціонной дѣятельности Бринштейна ей ничего неизвѣстно, и она не была причастна его дѣятельности. Она слышала лишь о Бринштейнѣ, какъ объ одномъ изъ членовъ кружка народовольцевъ въ Цюрихѣ. О приготовленіи Бринштейномъ и Александромъ Дембскимъ въ Цюрихѣ разрывныхъ снарядовъ она также не знала, и обнаруженная у нея въ Петербургѣ прокламація не имѣетъ къ этому дѣлу никакого отношенія. Фамилію Александра Дембскаго она слыхала заграницей, но не помнитъ при какихъ обстоятельствахъ; знакома же съ нимъ не была. Что касается предъявленнаго ей списка съ замѣтокъ Бринштейна, въ которомъ записанъ паспортъ В. Браунъ и фраза о переправѣ сосудовъ, то она не знаетъ, откуда Бринштейнъ получилъ свѣдѣнія объ этомъ паспортѣ, фразъ же о переправѣ сосудовъ объяснить не можетъ. На послѣдующихъ допросахъ Гинсбургъ, заявивъ желаніе дать объясненіе о происхожденіи обнаруженной у нея преступной прокламаціи, показала, что, отправляясь въ послѣдній разъ въ Россію съ цѣлью ознакомиться съ направленіемъ революціонныхъ кружковъ и считая проживающаго въ Парижѣ эмигранта Лаврова главою русскихъ соціалистовъ, она обратилась къ нему съ просьбою указать ей тѣ цѣли, которыя ставятъ себѣ въ настоящее время соціалисты-революціонеры, а равно и тѣ революціонныя задачи, выполненіе которыхъ она могла бы принять непосредственно на себя. Лавровъ не далъ ей прямого отвѣта и только поощрилъ ея желаніе сблизиться съ какою нибудь революціонною группой, предварительно присмотрѣться ко всѣмъ существующимъ группамъ и затѣмъ рѣшить, какіе изъ революціонныхъ плановъ могутъ быть преслѣдуемы въ Россіи при настоящемъ развитіи общественныхъ классовъ ея. Съ этою цѣлью онъ далъ ей, между прочимъ, рекомендацію къ одному своему старому пріятелю, представлявшему, по его словамъ, типъ русскаго либерала, имя котораго она отказывается назвать. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она посѣтила этого либерала, подала ему письмо Лаврова и, затѣмъ, нѣсколько разъ была у него, разговаривая съ нимъ о настроеніи русскаго общества и о томъ, что они не умѣютъ отдѣлить ближайшія, удобовыполнимыя задачи, отъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты въ теченіе вѣковъ и въ результатѣ совѣтовалъ отложить на время соціалистическія идеи и проводить однѣ либеральныя. Наслушавшись этихъ рѣчей, она просила либерала изложить ей высказанные имъ взгляды письменно и, притомъ, возможно кратко и ясно. Эта просьба смутила его сначала; но польщенный вниманіемъ къ нему Лаврова, а также тѣмъ, что къ нему обратился представитель революціоннаго центра, за котораго онъ ее принималъ, онъ согласился на ея предложеніе, и въ одно изъ слѣдующихъ ея посѣщеній сообщилъ ей упомянутую прокламацію. Онъ не далъ ей своей рукописи, а предложилъ ей самой переписать ее, что она и исполнила. Такъ же, какъ М. Стояновскій, показала, что писала карандашемъ на листѣ писчей бумаги, что подтвердило (?), что никто изъ привлеченныхъ лицъ не принималъ участія въ составленіи прокламаціи. Содержаніе этой прокламаціи было такъ не похоже на то, что ей высказывалъ этотъ либералъ, что она была сильно удивлена и рѣшила написать объ этомъ Лаврову, послать ему прокламацію и упрекнуть его, что онъ не умѣетъ распознавать людей. Разставшись съ либераломъ, она показала потомъ эту прокламацію своему пріятелю, имени котораго она назвать не желаетъ, и который, къ удивленію ея, потребовалъ, чтобы она немедленно уѣхала за границу и поклялась, что ничѣмъ не будетъ содѣйствовать революціоннымъ замысламъ и тѣмъ паче покушенію, угрожая, въ случаѣ ея несогласія, представить эту прокламацію въ полицію. Она согласилась на это, оставя за собою право взять съ собою прокламацію съ единственною цѣлью показать ее Лаврову. Тогда пріятель ея предложилъ переписать для нея прокламацію на маленькомъ клочкѣ бумаги для удобства храненія ея, послѣ чего она спрятала прокламацію въ портмонэ, которое забыла потомъ въ магазинѣ письменныхъ принадлежностей. Въ теченіе слѣдующихъ трех

дней она заходила въ этотъ магазинъ и просила возвратить ей портмонэ, но тамъ увѣряли, что она его не оставляла. Потерявъ надежду возвратить портмонэ, она уѣхала изъ Петербурга, уничтоживъ и паспортъ на имя В. Браунъ, дальнѣйшее пользованіе которымъ считала для себя опаснымъ. При перепискѣ прокламаціи ея пріятель отказался писать въ ней слово „Государь", а потому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было это слово, оставленъ пробѣлъ. Съ Лавровымъ она переписывалась изъ Харькова и изъ Петербурга; отъ Лаврова получала письма по разнымъ адресамъ, между прочимъ, по адресу С. Стояновскаго съ передачей на вымышленное имя Носкова. Обстоятельства пребыванія своего въ Харьковѣ (я показала, что что. Л. Фрейфельдъ зналъ меня подъ именемъ М. Н. Павловской, или Павловой, а не подъ моимъ собственнымъ именемъ, что я вообще его не посѣщала; что онъ на вокзалѣ меня не встрѣчалъ. Д. справедливо это показалъ. Я приводила въ высшей степени важныя доказательства, вѣскія данныя для провѣрки) и въ Севастополѣ С. Гинсбургъ объяснила въ общемъ согласно съ изложенными выше свѣдѣніями, установленными дознаніемъ въ этихъ городахъ, признавъ и то, что она получила отъ С. Стояновскаго присланные для нея сто руб. При этомъ она отрицала свое знакомство съ Алексѣемъ Тепловымъ и посѣщеніе ею Успенскаго скита въ началѣ 1888 г. Что касается жизни ея за границей, то къ изложенному выше показанію С. Гинсбургъ добавила, что съ апрѣля до октября 1888 г. она проживала въ Парижѣ подъ именемъ швейцарки Миллеръ или Копъ, а потомъ подъ именемъ Софіи Михайловой Петровой, причемъ указала квартиры, въ которыхъ тамъ жила. Изъ Парижа, по ея словамъ, она выѣхала прямо въ Россію черезъ Вѣну и Границу. Отъ Парижа до Харькова въ попутныхъ мѣстахъ нигдѣ не останавливалась.

Объ отношеніяхъ своихъ съ обвиняемымъ поручикомъ Петромъ Душевскимъ и съ поручикомъ Иваномъ Чижевскимъ С. Гинсбургъ показала слѣдующее: съ поручикомъ Душевскимъ она познакомилась въ Петербургѣ въ 1884 г., но не помнитъ при какихъ обстоятельствахъ. Это знакомство не имѣло въ себѣ ничего противозаконнаго и въ 1885 г. почти прекратилось, такъ какъ въ это время, вслѣдствіе какихъ-то несогласій по поводу оцѣнки нѣкоторыхъ изъ прочитанныхъ ими авторовъ, она перестала съ нимъ встрѣчаться и не видалась съ нимъ до ноября 88 г. Отъ общихъ знакомыхъ, которыхъ назвать она отказывается, она, впрочемъ, знала, что Душевскій жилъ нѣкоторое время въ Севастополѣ въ 86 г., но она къ нему не заходила. Въ ноябрѣ 88 г., черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Петербургъ, она узнала, что Душевскій поступилъ въ юридическую академію, и пожелала возобновить съ нимъ знакомство, чтобы черезъ него освѣдомиться о политическомъ настроеніи военной среды. Она узнала адресъ: по Саперному переулку д. № 20, и явилась къ нему на квартиру. На вопросъ Душевскаго о цѣли ея пріѣзда въ Петербургъ она отвѣчала въ общихъ выраженіяхъ и не знаетъ, какъ онъ ее понялъ. О прежнихъ общихъ знакомыхъ Душевскій ничего не могъ сообщить ей, объясняя это тѣмъ, что онъ давно съ ними не видѣлся, такъ какъ былъ занятъ подготовкою къ академическому экзамену и болѣзнью своей жены. Въ разговорѣ съ нею Душевскій упрекнулъ ее въ томъ, что она не зашла къ нему, когда пріѣзжала будто бы въ концѣ 87 г. изъ за границы въ Петербургъ, о чемъ онъ узналъ отъ кого-то изъ своихъ знакомыхъ. Когда же она объяснила ему, что въ то время она была въ Акимовкѣ и оттуда уѣхала прямо за границу, то Душевскій высказалъ предположеніе, что пріѣзжала какая-то другая Гинсбургъ. И дѣйствительно, отъ одной своей знакомой, которую назвать она отказывается, она узнала, что въ концѣ 87 г. пріѣзжала изъ за границы въ Петербургъ какая-то дѣвица Гинсбургъ по какимъ-то революціоннымъ дѣламъ. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль пребыванія въ Петербургѣ въ 88 г. она бывала часто у Душевскаго и затѣмъ сократила эти посѣщенія, интересуясь главнымъ образомъ здоровьемъ жены Душевскаго, которую она уже взяла однажды къ себѣ на квартиру ночевать. Въ одной квартирѣ съ Душевскимъ жилъ тогда поручикъ Чижевскій, съ которымъ она хотя была знакома прежде, но очень мало, и кажется, видѣла его у Надежды Слѣпцовой въ 86 г. Возобновивъ знакомство съ Чижевскимъ, она воспользовалась его предложеніемъ познакомиться съ его невѣстою, чтобы научиться раскрашивать картинки для волшебнаго фонаря, и съ этою цѣлью нѣсколько разъ была у его невѣсты. Какъ Чижевскому, такъ и Душевскому она говорила о томъ, что по рекомендаціи Лаврова она познакомилась въ Петербургѣ съ либераломъ, но имени послѣдняго имъ не называла. Нѣсколько разъ она прямо отъ либерала заходила къ Душевскому и Чижевскому и сообщала нѣкоторые разговоры свои съ либераломъ, высказывая свое удивленіе, что человѣкъ, рекомендованный ей

Лавровымъ только какъ либералъ, разсуждаетъ, однако, какъ народоволецъ. Наконецъ, послѣ того, какъ она забыла портмонэ съ прокламаціей въ магазинѣ Татаринова, она поспѣшила предупредить Душевскаго и Чижевскаго, что къ ней нельзя приходить (я показала, что Душевскій ко мнѣ не приходилъ) и разсказала имъ исторію съ прокламаціей. Самой прокламаціи она не показывала и не читала. Тогда же она заявила имъ, что она намѣрена уѣхать изъ Петербурга, и такъ какъ М. Стояновскій оставался одинъ безъ знакомыхъ, то она просила ихъ сблизиться съ нимъ, если время покажетъ, что за нимъ не слѣдитъ полиція. (Я замѣчала, что М. С. находится въ тяжеломъ душевномъ настроеніи и, объясняя это одиночествомъ, желала дать ему семью, гдѣ онъ бы могъ найти развлеченіе.) Она предполагала, что они могутъ содѣйствовать развитію М. Стояновскаго въ либеральномъ направленіи. Этимъ ограничивались ея отношенія къ обвиняемому Душевскому. О знакомствѣ Душевскаго съ оберъ-фейерверкеромъ Орочко ей извѣстно изъ разсказовъ самого Орочко, который передавалъ ей, что въ первый разъ увидѣлъ Душевскаго въ Севастополѣ въ 86 г., когда онъ посланъ былъ туда на службу изъ Петербурга. Сначала Душевскій относился къ Орочко, какъ къ рядовому, но потомъ Орочко сталъ замѣчать, что Душевскій старается выказать ему свое вниманіе, смягчаетъ начальственный тонъ и однажды подалъ ему руку при встрѣчѣ. Вслѣдъ за этимъ, Душевскій началъ съ нимъ разговаривать и, наконецъ, пригласилъ его къ себѣ. Орочко былъ нѣсколько удивленъ „усиленнымъ ухаживаньемъ" Душевскаго, но принялъ его приглашеніе и явился къ нему на квартиру, гдѣ Душевскій жилъ вмѣстѣ съ своею сестрою, какъ отрекомендовалъ онъ Орочко даму, которую послѣдній засталъ у него. Въ первое посѣщеніе Душевскій предложилъ Орочко брать у него для чтенія журналы „Отечественныя Записки" и „Дѣло". Орочко охотно согласился и отобралъ у него для себя нѣсколько книгъ. Черезъ нѣсколько времени Душевскій пригласилъ его приходить въ заранѣе опредѣленные дни, когда у него, будутъ собираться знакомые для чтенія Маркса или „Отечественныхъ Записокъ". На такомъ чтеніи Орочко былъ только одинъ разъ, а затѣмъ, нѣсколько разъ чтенія откладывались то за отсутствіемъ кого либо изъ знакомыхъ, то по другимъ причинамъ. Впослѣдствіи Орочко пересталъ посѣщать Душевскаго, который ему не нравился......

Показаніе Гинсбургъ о пребываніи ея въ Парижѣ было провѣрено черезъ парижскую полицейскую префектуру...... Изъ дѣла видно, что по адресу Perrin, у которой С. Гинсбургъ, по ея словамъ, проживала въ Парижѣ въ 88 г., въ 84 присылалась переписка изъ Петербурга привлекавшейся къ дознанію о государственномъ преступленіи Маріи Емельяновой съ политическими эмигрантами Тихомировымъ и Ошаниной. (Perrin сдавала нѣсколько комнатъ, и по большей части жили тамъ русскіе, такъ какъ это центръ русскихъ учащихся. Нич. уд., что по этому адресу получались письма Т. и О., я же утверждаю, что жила тамъ въ 88 г.) Изъ имѣющейся при дѣлѣ справки видно, что отставной полковникъ артиллеріи Петръ Лавровъ рѣшеніемъ Генералъ-Аудиторіата былъ признанъ виновнымъ въ сношеніяхъ съ государственными преступниками и уволенъ отъ службы, послѣ чего былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Вологодскую губернію, откуда въ 1870 г. бѣжалъ за границу. Проживая затѣмъ въ Цюрихѣ, Лондонѣ и Парижѣ, Лавровъ участвовалъ въ изданіи революціонныхъ сочиненій и въ настоящее время живетъ въ Парижѣ...... Спрошенная по содержанію послѣднихъ объясненій поручика Чижевскаго, обвиняемая С. Гинсбургъ показала, что въ 85 г., когда она жила въ Петербургѣ, у нея было нѣсколько знакомыхъ офицеровъ и юнкеровъ военныхъ училищъ, но она не помнитъ ихъ фамилій. О существованіи въ то время кружковъ саморазвитія среди юнкеровъ она знала, и къ ней знакомые ея иногда приводили юнкеровъ для чтенія различныхъ легальныхъ сочиненій; она знала также о существованіи революціонной программы для военныхъ, но ничего опредѣленнаго объ этой программѣ сказать не можетъ, такъ какъ все это совершенно изгладилось изъ ея памяти. Во время пребыванія ея въ Петербургѣ зимою 1888—89 г., бывая у Душевскаго, она видѣла какого-то офицера, но никакихъ разговоровъ съ нимъ не вела и фамиліи его не знаетъ. На вопросъ была ли она у Душевскаго послѣ того, когда, потерявъ прокламацію, она скрылась изъ квартиры Гедвиги Ивановой, С. Гинсбургъ отвѣчать отказалась. (Я объявила, что отказываюсь отвѣчать на какіе бы то ни было вопросы, касающіеся времени моего бѣгства и не думала, какое бы косвенное признаніе показалъ Чижевскій.)

VI.

По доставленіи Департаментомъ Полиціи въ жандармское управленіе письма на нѣмецкомъ языкѣ за подписью „Нина“, писаннаго обыкновенными чернилами и адресованнаго въ Парижъ на имя Кранца, служившее псевдонимомъ эмигранту Лаврову, было произведено сличеніе почерка этого письма съ несомнѣннымъ почеркомъ С. Гинсбургъ, причемъ эксперты признали сходство между ними. Письмо это отъ 6 февраля 1889 г. слѣдующаго содержанія: „Любезный дядя, меня очень удивляетъ, что Адельгейда не получила до сихъ поръ никакого отвѣта на ея послѣднее письмо. Можетъ быть, Вы не получили ея письма, такъ какъ адресъ не совсѣмъ вѣренъ? А. Е. писалъ мнѣ, что онъ не долго останется въ квартирѣ, въ которой жилъ тогда, и поэтому я не могла ему писать, хотя бы имѣла сообщить много важнаго ему и Вамъ. Пожалуйста, сообщите мнѣ надлежащій адресъ, куда бы я могла писать Вамъ безъ опасенія. Самая большая новость, которую могу Вамъ сообщить, это то, что нашъ прежній другъ Т. теперь въ Петербургѣ. Говорятъ, онъ здѣсь останется, покуда не окончится его дѣло. Теперь спрашивается, чѣмъ заплатилъ онъ за это свободное гуляніе по улицамъ Петербурга? Парижане (т. е. парижскіе эмигранты), хотя и много болтаютъ, однако не могли помѣшать его отъѣзду изъ Франціи. Объ этомъ я еще поговорю съ Вами въ слѣдующемъ письмѣ. Я вполнѣ здорова и очень довольна, что прибыла въ Россію. Пожалуйста, спросите элегантную даму, годится ли еще адресъ, который она мнѣ дала: Я хочу ей сообщить кое-что интересное; но такъ какъ я не знаю, годенъ ли адресъ, то и откладываю это письмо, пока не получу отъ Васъ отвѣта: да или нѣтъ. Прилагаемое письмо прошу передать А. Е. Получили ли Вы отъ „Большаго“ какой либо отвѣтъ? Если можно, то скажите мнѣ, гдѣ онъ „Маленькій“ имѣетъ ко мнѣ нѣкоторое касательство, изъ чего онъ можетъ извлечь пользу для себя, если сообщитъ мнѣ это. Пакетъ, который я для него оставила, прошу разорвать: я пошлю ему другое завѣщаніе, какъ только получу вѣрный адресъ. Не забывайте этого, дорогой дядюшка!“ Въ приложеніи къ этому письму изложено „Милый другъ, я здорова и желаю Вамъ всего хорошаго. Теперь я веду примѣрный образъ жизни: часто посѣщаю оперу и часто бываю въ веселомъ обществѣ. Что у Васъ новаго? Не сердитесь на меня и пишите почаще. Уважающая Васъ Нина“. Между строкъ этого приложенія оказался написанный химическими чернилами пакетъ (?!) слѣдующаго содержанія: „Дорогой другъ, покуда не получу отъ Васъ вѣрнаго адреса, я не могу писать Вамъ. Теперь же рискую обратиться къ Вамъ съ просьбою. Вы вступили съ моими родственниками въ переписку и ужасно ихъ встревожили своими запросами обо мнѣ. Пожалуйста, не дѣлайте этого; поймите, во сколько разъ сильнѣе тревога моей матери, когда изъ Парижа обращаются къ ней съ такими вопросами... Меня тѣмъ болѣе удивляетъ Ваше безпокойство, что вѣдь я часто давалъ знать о себѣ. Лишь только я получу адресъ, напишу Вамъ много интереснаго. Ну, а Ваши работы? Я посовѣтовалъ Вамъ написать все и отправить мнѣ прежнимъ способомъ, по прежнему. До своей поѣздки мнѣ необходимо все сдѣлать аккуратнѣе, ибо тогда было непростительно плохо.. матеріально. Жму Вамъ крѣпко руку“. (Переврано, что доказывается самой безсмыслицей и тѣмъ, что на допросѣ по предъявленіи мнѣ воспроизведенной записки, было столько нелогичности, что мнѣ позволили поправить нѣсколько словъ.)...... По предъявленіи всѣхъ этихъ писемъ обвиняемой С. Гинсбургъ, она показала, что письмо, начинающееся словами: „Любезный дядя, съ припиской химическими чернилами, писано ею; не отрицая своей переписки съ эмигрантомъ Лавровымъ, она отказалась назвать лицъ, которымъ предназначались эти письма, а также объяснить употребленные въ этой перепискѣ псевдонимы.

ПРИГОВОРЪ:

1-го Ноября 1890 г. судъ вынесъ приговоръ, которымъ С. М. Гинсбургъ, М. В. Стояновскій, Л. В. Фрейфельдъ и Алексѣй В. Орочко приговаривались къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а поручикъ П. Г. Душевскій къ трехмѣсячному аресту при

гауптвахтѣ. Судъ ходатайствовалъ передъ Государемъ о смягченіи приговора и о замѣнѣ смертной казни для М. В. Стояновскаго и Л. В. Фрейфельда ссылкой на каторжныя работы: перваго на 4 года, а второго на 10 лѣтъ и для Орочко—ссылкой на вѣчное поселеніе. Въ концѣ ноября состоялось утвержденіе Государемъ ходатайства суда за упомянутыхъ трехъ лицъ и помилованіе С. М. Гинсбургъ съ замѣной для нея смертной казни вѣчной каторгой, послѣ объявленія чего она и была заключена въ Шлиссельбургскую крѣпость. С. В. Стояновскій во время процесса сошелъ съ ума и умеръ.

Въ 3-ей книгѣ „Соціалъ-демократа", напечатавъ извѣстіе о судѣ и приговорѣ надъ С. Гинсбургъ и ея товарищами, мы сказали, что смертная казнь замѣнена для нихъ безсрочной каторгой, т. е. медленной смертью въ каменныхъ мѣшкахъ Шлиссельбургской крѣпости. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ этой книги, разнесся печальный, къ сожалѣнію, оказавшійся справедливымъ, слухъ о самоубійствѣ С. Гинсбургъ. Героическая дѣвушка очевидно не расходилась съ нами въ оцѣнкѣ того смысла, который могло имѣть для нея лицемѣрное „смягченіе" ея „участи". Вѣчная память ей! Вѣчный позоръ ея палачамъ, палачамъ русскаго народа!

Появленіе въ печати обвинительнаго акта по ея дѣлу теперь, когда трагедія ея благородной жизни уже окончена, можетъ послужить лишь новымъ упрекомъ той шайкѣ, которая, къ стыду всей Европы конца XIX столѣтія, держитъ въ своихъ рукахъ судьбы Россіи. Всякій, внимательно прочитавшій этотъ актъ, видитъ, что С. Гинсбургъ была осуждена безъ достаточныхъ юридическихъ основаній. Что она ненавидѣла царизмъ, что она готова была съ опасностью собственной жизни содѣйствовать устраненію его нынѣшняго представителя, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но это не подлежитъ сомнѣнію въ виду *психологическихъ* соображеній, *юридическія* же доказательства ея виновности остаются въ высшей степени сомнительными, не смотря на всѣ старанія прокурора, на всѣ насилія, которыя дѣлаетъ онъ какъ прямому смыслу закона, такъ и грамматикѣ. Изъ его неуклюжей, безграмотной ябеды явствуетъ лишь *возможность* того обстоятельства, что С. Гинсбургъ замышляла цареубійство. Но *возможность* еще ровно ничего не доказываетъ. Даже по смыслу русскихъ законовъ юридическіе приговоры должны основываться на *неоспоримыхъ доказательствахъ.* Но въ политическихъ процессахъ русское правительство держится того правила, что лучше осудить девять невинныхъ, чѣмъ оправдать одного виновнаго. Мы не станемъ читать ему безполезныя проповѣди, не станемъ оспаривать это правило. Мы только спрашиваемъ безпристрастныхъ людей: неужели же не пора покончить съ этимъ архаическимъ пра-

вительствомъ, способнымъ нарушать самыя святыя права гражданъ ради интересовъ царской семьи? Неужели же не пора ополчиться на него всѣмъ тѣмъ, кому дорога, не говоримъ уже будущность страны, а просто своя собственная безопасность?

Обвинительный актъ по дѣлу С. Гинсбургъ особенно поучителенъ для лицъ нашего военнаго сословія. Представители этого сословія привлечены были къ дѣлу на основаніи самыхъ ничтожныхъ указаній. Простого, ничего не доказывающаго знакомства ихъ съ обвиняемыми было достаточно для отдачи ихъ во власть синихъ мундировъ. И это понятно! Правительство знаетъ, что не любятъ и не могутъ любить его русскіе „обыватели". Оно надѣется удержаться съ помощью военной силы. Что же должно чувствовать оно, подозрѣвая, что и военные кружки не чужды политическихъ интересовъ, что духъ времени заразилъ даже людей, присягавшихъ служить ему съ оружіемъ въ рукахъ до послѣдняго издыханія? Стоитъ ли стѣсняться послѣ этого какими бы то ни было законами? И развѣ не стоитъ русскій жандармъ выше всякихъ законовъ?

Русскій военный присягаетъ служить царю и отечеству. Присяга — великая вещь даже для человѣка нерелигіознаго. Присягающій честью своею ручается за исполненіе имъ взятаго на себя обязательства. Но какъ поступать военнымъ въ томъ случаѣ, *когда интересы царя расходятся съ интересами отечества?* Подобный случай не предусмотрѣнъ формулой присяги, но самый простой здравый смыслъ говоритъ, что когда онъ имѣетъ мѣсто, *честь обязываетъ представителей военнаго сословія идти противъ царя на защиту отечества.*

Изъ обвинительнаго акта видно, что *республиканскія* полицейскія власти Франціи и Швейцаріи братски дѣлились съ рускими жандармами всѣми свѣдѣніями, которыя имъ удавалось добывать при слѣдствіяхъ по дѣламъ русскихъ нигилистовъ. Интересное „знаменіе времени".

Печатая актъ, мы сдѣлали въ немъ нѣкоторые, *совершенно несущественные* пропуски.

Встрѣчающіяся въ текстѣ (въ скобкахъ) замѣчанія на обвинительный актъ сдѣланы покойной С. Гинсбургъ.

Редакція.

——0

ВСЕРОССІЙСКОЕ РАЗЗОРЕНІЕ.

Въ Россіи голодъ. Широкимъ, все уничтожающимъ потокомъ разлилось бѣдствіе по лицу русской земли, захвативъ огромную полосу отъ Вятки до Акмолинской Области, отъ Крымскаго полуострова до Тобольска. Отъ такъ называемаго на офиціальномъ языкѣ недорода хлѣбовъ пострадали губерніи: Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Тульская, Казанская, Самарская, Оренбургская, Тамбовская, Рязанская, Воронежская, Вятская, Уфимская, Курская, Орловская, Костромская, Астраханская, Пермская, Херсонская, Харьковская, Тобольская, Таврическая, части Черниговской и Московской и области Уральская и Акмолинская. Неизвѣстно съ точностью населеніе этой обширной полосы; по нѣкоторымъ разсчетамъ оно доходитъ до 40 милліоновъ, т. е. превышаетъ населеніе всей Франціи. Русское правительство очень заботится о томъ, чтобы газеты не волновали читающую публику слишкомъ мрачными извѣстіями изъ пострадавшихъ мѣстностей: за одну опечатку въ телеграммѣ, касавшейся продовольственнаго вопроса, „Русскія Вѣдомости" получили второе предостереженіе. Но истина, хотя и прикрытая цензурною рогожкой, пробирается, однако, на свѣтъ божій, производя потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, въ комъ не окончательно одеревенѣли нервы. „Извѣстія о голодѣ съ каждымъ днемъ становятся все тревожнѣе — говорилъ только что названный органъ еще въ № отъ 17 Октября текущаго года. Газеты постоянно приносятъ новыя страшныя подробности, печатаютъ раздирающія душу письма о бѣдствіяхъ, испытываемыхъ населеніемъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ. За исключеніемъ немногихъ скептиковъ, стремящихся отвести глаза отъ печальныхъ картинъ, всѣ согласны въ томъ, что бѣда, постигшая нашу страну въ этомъ году, громадна и безпримѣрна въ лѣтописяхъ послѣднихъ десятилѣтій. Всего печальнѣе то обстоятельство, что въ большинствѣ мѣстностей, постигнутыхъ бѣдствіемъ, неурожай коснулся всѣхъ родовъ воздѣлываемыхъ растеній и что полный недоборъ хлѣба совпалъ съ отсутствіемъ корма для скота".

Мы увидимъ ниже, до какой степени слова „Русскихъ Вѣдомостей" далеки отъ преувеличенія. Теперь же, немногими примѣрами,

напомнимъ читателю положеніе дѣлъ въ различныхъ уголкахъ голодающей полосы.

„Въ послѣднемъ засѣданіи самарскаго епархіальнаго комитета доложено, между прочимъ, письмо священника села Андреевки, Бузулукскаго уѣзда. Письмо — совершенно простое, безхитростное, не краснорѣчивое, но оно въ нѣсколькихъ строкахъ рисуетъ картину ужаснаго бѣдствія, — народнаго голода.

По словамъ священника, во ввѣренномъ ему приходѣ голодъ уже достигъ крайнихъ предѣловъ. Въ августѣ населеніе питалось остатками отъ скуднаго урожая и кое-какими заработками. Въ началѣ сентября распродали за безцѣнокъ домашній скотъ, чтобы прокормиться. Съ половины сентября — ѣсть буквально нечего. Изнуренные голодомъ люди, съ утра до вечера, бродятъ изъ дома въ домъ, выпрашивая милостыню, и возвращаются къ своимъ семействамъ съ пустыми сумами: милостыни уже никто не подаетъ.

„Около недѣли, — пишетъ священникъ, — ко мнѣ ежедневно приходятъ голодные, преимущественно же — женщины и дѣти, чтобы высказать свое отчаяніе, причемъ *сильно и по дому плачутъ*“ (Новости, 15 Октябр).

А вотъ что пишетъ въ редакцію „Новаго Времени“ г-жа Е. Половцова изъ Рязанской губерніи:

„М. г. Хотя въ настоящее время и организовано нѣсколько центровъ, куда стекаются пожертвованія, тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельница ужасныхъ бѣдствій, разразившихся надъ нашимъ Скопинскимъ уѣздомъ вслѣдствіе полнаго неурожая, рѣшаюсь обратиться ко всѣмъ тѣмъ, кто въ состояніи отозваться на чужое горе.

Голодъ — это чудовище, неумолимое, страшное, надвигается на насъ все ближе и сильнѣе и жертвамъ его некуда бѣжать, некуда спрятаться.

Ѣдятъ лебеду вмѣсто хлѣба, но и лебеда уже къ концу, а впереди почти годъ, страшный, голодный, холодный.

Ни картофеля, ни капусты, ни огурцовъ; скотину кормить нечѣмъ, топить тоже нечѣмъ, нѣтъ ни мякины, ни соломы, даже побираться идти некуда,— пришлось бы просить у такихъ же бѣдняковъ, которые ничего не могутъ дать.

Положеніе безвыходное.

Въ довершеніе ужаса—пожары; сотни семействъ остаются подъ открытымъ небомъ, голодные, безъ пристанища.

„Лучше смерть“, говорятъ многіе..“

О другомъ уѣздѣ, Епифановскомъ, той же губерніи г. Н. Миртьеновъ разсказывалъ въ Ноябрѣ истекающаго года, что лебеда сдѣлалась тамъ главнымъ питательнымъ продуктомъ.

„...Заваривають кипяткомъ одинъ пудъ лебеды, — получается что-то въ родѣ грязи, съ тяжелымъ запахомъ,—потомъ высыпаютъ туда муку и пекутъ хлѣбы. Получается хлѣбъ землистаго цвѣта, съ непріятнымъ, тяжелымъ запахомъ. Говорятъ, если поѣсть этого хлѣба теплымъ, то совершенно очумѣешь; собаки и кошки его не ѣдятъ, а куры отъ него дохнутъ; ребята же отъ такого хлѣба долго ревутъ и часто, наплакавшись, засыпаютъ голодные. Но и этого хлѣба станетъ не больше, какъ на одну недѣлю; плохо и груднымъ: они напрасно теребятъ пустыя уже груди измученныхъ и горемъ, и такой пищей матерей; плачъ и стоны такого ребенка преслѣдовали меня въ вагонѣ почти безъ перерыва отъ Богородицка до Москвы; мать везла его въ Воспитательный домъ.“

Изъ Екатеринбурга, *Пермской* губ. въ „Недѣлю“ сообщаютъ:

„Массы крестьянъ изъ деревень въ лохмотьяхъ или совсѣмъ безъ покрова, все чаще и чаще начинаютъ являться на улицахъ нашего города, прося *Христа ради хлѣба*. Ночь они проводятъ въ „ночлежномъ“, гдѣ помѣщеніе на 200 человѣкъ, а ихъ тамъ набивается болѣе тысячи. Понятно, что отъ этого развиваются болѣзни и смертность, такъ что ночлежный представляетъ и больницу, и мертвецкую. Администрація ограничивается пока тѣмъ, что понемногу спускаетъ эту массу обратно въ

опустѣлыя деревни; но это мѣры, очевидно, временныя, потому что деревни представляютъ ужасныя картины: скота нѣтъ, домашность и одежда распродана или заложена, дома большею частью заколочены. Если какой народъ и сидитъ въ деревнѣ, то это доѣдающіе послѣднія крохи и ждущіе пока перемрутъ ребята, чтобы освободиться и идти въ городъ. Въ городъ приходятъ положительно по нѣскольку дней не ѣвши. Вотъ характерный случай въ селѣ Покровскомъ, въ 80 верстахъ отъ Екатеринбурга: мать четверыхъ ребятъ пришла къ священнику исповѣдываться, и на духу говоритъ, что она думаетъ зарѣзать ребятъ, такъ какъ не можетъ видѣть, какъ они умрутъ съ голоду. Священникъ собралъ кое-что и пошелъ накормить ихъ, но было уже поздно: послѣ того какъ они поѣли, начались конвульсіи и трое тутъ же умерли. Хлѣбъ страшно вздорожалъ и достать его трудно."

Вотъ что происходитъ, вѣрнѣе сказать, происходило, еще въ истекшемъ Сентябрѣ, въ Тульской губерніи:

„Въ редакцію мѣстной газеты „Орловскій Вѣстникъ" доставлены образцы „хлѣба", который ѣдятъ крестьяне Новосильскаго уѣзда, Тульской губ. Составъ этого хлѣба слѣдующій: жмыхи, лебеда, подсѣвъ, то есть то, что остается отъ просѣванія ржи передъ молотьбой, иначе, говоря земля съ наихудшими наимельчайшими зернами ржи, да еще съ разною непитательною дрянью, и самую меньшую часть составляетъ ржаная мука; стало быть, голодъ въ Новосильскомъ уѣздѣ самый внушительный, когда тамъ крестьяне принуждены ѣсть такой „хлѣбъ". Вѣроятно, хотя подлинно и неизвѣстно, такой же хлѣбъ ѣдятъ и въ нашей — Орловской — губернія, въ уѣздахъ, прилегающихъ къ Новосильскому, въ Ливенскомъ, Елецкомъ; это я заключаю изъ того, что уѣзды эти были ничуть не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Новосильскій: въ этихъ уѣздахъ уже давно ѣли знаменательную „болтушку" изъ разныхъ травъ.." (Новое Время отъ 29 сентября 1891).

Въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губ. „не уродилось ни хлѣба, ни кормовъ; заработковъ нѣтъ; денежные и хлѣбные запасы истощились; нищенство день ото дня развивается все болѣе, а предстоящая зима сулитъ нѣкоторымъ мѣстностямъ уѣзда голодовку, какой населеніе не испытывало и въ тяжеломъ 1880 г." (Р. В., №304) Изъ Балашевскаго уѣзда той же губ. идутъ подобныя же извѣстія. Тамъ уже осенью истекшаго года были случаи, когда *люди не ѣли по нѣскольку дней*.

„Московскія Вѣдомости" напечатали письмо г. Шишова отъ 11 Октября подъ заглавіемъ: „Какой ѣдятъ хлѣбъ въ *Симбирской* губ." „Сегодня мною посланы вамъ образцы хлѣба, которымъ питаются въ большинствѣ селъ и деревень въ уѣздахъ Курмышскомъ, Алатырскомъ и Ардатовскомъ — говоритъ г. Шишовъ. Нужда здѣсь страшная, люди ѣдятъ то, что отказываются ѣсть животныя. Хлѣбъ, который я вамъ посылаю, приготовляется изъ лебеды съ примѣсью мякины и небольшого количества ржи; отвратительный на вкусъ, горькій и при томъ сыроватый, такъ какъ не пропекается вполнѣ, онъ составляетъ единственную пищу и стараго и малаго въ семьѣ; получить другого неоткуда, посылать за мылостыней—безполезно, ибо въ виду грядущей нужды отказываютъ въ подаяніи и тѣ, кто теперь пока еще имѣетъ кой-какіе запасы; невыносимо тяжело смотрѣть на дѣтей, питающихся подобнымъ хлѣбомъ."

„Грозная туча уже собралась надъ уѣздомъ и готова разразиться голодомъ повсемѣстнымъ и почти поголовнымъ—писали въ „Русскія Вѣдомости" въ половинѣ Октября изъ Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи. Уже и теперь 77,000 жителей питаются хлѣбомъ изъ сор-

ныхъ травъ съ незначительной примѣсью ржи. Домашній скотъ, избалованный добрымъ сѣномъ, отвертывается отъ этого хлѣба, а люди ѣдятъ и благодарятъ бога, у кого есть запасъ сорной травы на завтрашній день. Но и урожай сорныхъ травъ не былъ значительнымъ. Недалеко то время, когда не останется ничего. Даже и теперь обычное явленіе, что люди по два и по три дня остаются безъ всякой пищи, а что будетъ дальше — страшно подумать. Мы, мѣстные жители, съ замираніемъ сердца ждемъ этого страшнаго бѣдстія"...

Въ **Нижегородской** губ. крестьяне, получивъ ссуду для посѣва озимаго хлѣба, во многихъ мѣстахъ **не могли выѣхать на пашню: обезсиленные голодомъ, они уже неспособны были къ работѣ.**

Съ наступленіемъ зимы къ недостатку хлѣба присоединился недостатокъ топлива, къ бѣдствіямъ **голода**—бѣдствія **холода.** Неудивительно, что совокупность такихъ условій вызвала огромную заболѣваемость въ средѣ крестьянства. Голодный тифъ уже началъ свою страшную работу...

Пораженныя неурожаемъ мѣстности еще въ недавнее время представляли собою самую плодородную часть Россіи. Недостатокъ хлѣба въ этихъ мѣстностяхъ означаетъ недостатокъ и дороговизну его въ другихъ частяхъ Имперіи, всегда нуждавшихся въ привозномъ хлѣбѣ.

Наша крупная и мелкая промышленность поддерживается пока еще главнымъ образомъ внутреннимъ сбытомъ. Читатель понимаетъ, какова можетъ быть покупательная сила голоднаго или полуголоднаго крестьянства. Кустарныя и фабрично-заводскія издѣлія, отъ кумача до сельско-хозяйственныхъ орудій, лишаются сбыта; кустари бѣдствуютъ; крупные предприниматели „работаютъ" неполные часы или совсѣмъ закрываютъ фабрики, нерѣдки и случаи банкротства между ними; масса рабочихъ лишается занятій въ ту самую минуту, когда, при дороговизнѣ хлѣба, она въ нихъ наиболѣе нуждается. Уже съ осени въ газетахъ появились самыя печальныя извѣстія о положеніи рабочихъ въ центральномъ промышленномъ округѣ и на Уралѣ. Зимою оно, безъ всякаго сомнѣнія, еще болѣе ухудшится.

Такимъ образомъ, бѣдствіе пораженной неурожаемъ огромной полосы принимаетъ размѣры **всероссійскаго бѣдствія.**

Но и это еще не все. Хотя, по словамъ правительственныхъ чиновниковъ, въ голодающихъ мѣстностяхъ были приняты всѣ мѣры для своевременнаго обсѣмененія озимыхъ полей, но огромная площадь земель осталась незасѣянной. Въ Нолинскомъ уѣздѣ **Вятской** губ., по свѣдѣніямъ земскихъ начальниковъ, незасѣянно 30 процентовъ озимыхъ полей; „изъ другихъ источниковъ извѣстно, что значительныя площади остались незасѣянными въ Яранскомъ, Уржумскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ" („Новое Время", 5 Октября). Подобныя же вѣсти приходятъ съ разныхъ концовъ Поволжья. На югѣ, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", озимые посѣвы повсюду находятся „въ самомъ печальномъ положеніи...... Въ южныхъ уѣздахъ Херсонской губ. засѣяна одна только седьмая часть той площади, которая обыкновенно засѣвается подъ озими". Изо всего этого слѣдуетъ, что въ этихъ мѣстностяхъ надо ожидать голодовки

и въ будущемъ году. А въ довершеніе всего оказывается, что озимые всходы плохи даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ урожай нынѣшняго года былъ не ниже средняго. **Всероссійское бѣдствіе** грозитъ превратиться во **всероссійское раззореніе**.

Что же сдѣлано до сихъ поръ для избѣжанія этого раззоренія? Какія мѣры принимаетъ правительство? Какъ показываютъ себя органы мѣстнаго самоуправленія? Что думаетъ „общество“? Что говоритъ печать?

Остановимся прежде всего на различныхъ проявленіяхъ нашего общественнаго мнѣнія и нашей общественной самодѣятельности.

„Вспоминая агитацію въ обществѣ и печати во время архангельской и самарской голодовокъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, шумно взывавшихъ къ энергической помощи голодающимъ — говорится въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“*) — и сравнивая тогдашнее тревожное настроеніе и торопливость властей съ нынѣшнимъ сдержаннымъ тономъ печати и дѣловымъ образомъ дѣйствій какъ высшихъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ учрежденій, невольно вдумываешься въ происшедшую перемѣну. Двадцать лѣтъ тому назадъ били тревогу по поводу народнаго бѣдствія, словно безъ барабаннаго боя оно осталось бы незамѣченнымъ, учреждали своего рода комитеты „общественнаго спасенія“, будто и государственной казны, и наличной исполнительной власти было недостаточно для облегченія участи нуждающихся въ какомъ нибудь десяткѣ уѣздовъ. Теперь недородъ хлѣбовъ поразилъ болѣе десяти губерній**), и никому не приходитъ въ голову мысль о непосильности для государства борьбы съ голодомъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ...... Печать исполняетъ свою обязанность, спокойно обсуждая мѣры необходимой помощи; земства, получивъ отъ государства широкій кредитъ, дѣятельно закупаютъ продовольствіе и посѣвное зерно, грузы коихъ уже плывутъ по разнымъ направленіямъ. Все это дѣлается безъ шума и треска, безъ воплей и стенаній сытыхъ корреспондентовъ; сами нуждающіеся терпѣливо ждутъ помощи“....†)

Итакъ, по мнѣнію реакціоннаго журнала, общество и печать ведутъ себя теперь гораздо лучше, чѣмъ вели они себя въ подобныхъ случаяхъ 20—25 лѣтъ тому назадъ. Это очень большая честь — заслужить похвалу „Русскаго Вѣстника“; весь вопросъ въ томъ, насколько она можетъ считаться заслуженной?

Читатель знаетъ, что похвальный листъ обществу и печати выданъ былъ реакціоннымъ журналомъ въ Августѣ 1891 г. Что писали около этого времени о голодѣ наши „передовые“ журналы и газеты?

Заглянемъ во внутреннее обозрѣніе іюльской книжки „Русской

---

*) Приводимъ эту выписку изъ ноябрьской книжки „Русской Мысли“, оставляя нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, кто виноватъ въ грамматической нескладицѣ приводимыхъ строкъ: органъ реакціонеровъ, или органъ болѣе или менѣе радикальной „легальной“ интеллигенція.

**) Nota bene: „*болѣе десяти губерній*“ значитъ *болѣе двадцати*, какъ видѣлъ читатель изъ списка голодающихъ областей и губерній.

†) „Русская Мысль“, Ноябрь, Библіографическій отдѣлъ, стр. 515—516.

Мысли“: „Относительно неурожая,—читаемъ мы тамъ, — можно еще надѣяться, что болѣе полныя свѣдѣнія уменьшатъ первое представленіе о его размѣрахъ. Урожай, повидимому, обѣщаетъ быть не ниже средняго въ губерніяхъ сѣверныхъ, западныхъ, кавказскихъ, привислянскихъ, а отчасти и въ губерніяхъ центральнаго промышленнаго района. Сверхъ того, состояніе яровыхъ хлѣбовъ оказалось удовлетворительнымъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, входящихъ въ черту неурожая. Но полоса, охваченная неурожаемъ весьма обширна... Вздорожаніе хлѣба приписывается въ значительной степени спекуляціи. Но такая спекуляція, которая разсчитывала бы на искусственное поднятіе цѣны вслѣдствіе одного скупа его, могла бы имѣть значеніе только въ теченіе какого нибудь мѣсяца, т. е. до жатвы. Если же спекуляція состоитъ въ томъ, что уже теперь возвышается цѣна хлѣба въ разсчетѣ на то, что урожай, по своей недостаточности, ее не понизитъ, то противъ такой спекуляціи можно дѣйствовать только ея же путемъ, т. е. покупая хлѣбъ въ губерніяхъ, гдѣ цѣны въ настоящее время ниже, для составленія запасовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣны высоки, съ открытіемъ затѣмъ изъ земскихъ и казенныхъ складовъ продажи по пониженной цѣнѣ и по опредѣленному количеству въ однѣ руки. — Нѣкоторыя газеты уже заговорили было о наложеніи пошлины на отпускной хлѣбъ и даже о временномъ воспрещеніи вывоза. Но дѣйствительное положеніе дѣла, кажется, не оправдываетъ столь крутыхъ мѣръ, которыя, вдобавокъ, повели бы къ раззоренію сельскаго хозяйства. Есть иныя мѣры для отвращенія нужды, которыя могутъ быть вполнѣ достаточны, если только будутъ проведены безъ откладыванія: удешевленіе провоза въ нуждающіяся губерніи хлѣба, назначеннаго на продовольствіе населенія и обсѣмененіе полей, ссуды и пособія изъ общаго экономическаго капитала по ходатайству земствъ и согласно съ собранными ими свѣдѣніями, покупка земствами хлѣба въ мѣстностяхъ болѣе урожайныхъ, образованіе складовъ и, въ случаѣ дальнѣйшаго вздорожанія, мѣстъ дешевой продажи хлѣба и т. д. Не мало можно сдѣлать и на тѣ 11 милліоновъ руб. продовольственнаго капитала, которые состоятъ на лицо, но само собою разумѣется, что эта сумма не составитъ предѣла для пожертвованій государства въ случаѣ необходимости..... Высшіе правительственные органы чутко отнеслись къ дѣлу предупрежденія хлѣбнаго кризиса“....

Дѣло ясно: что касается „Русской Мысли“, то реакціонный органъ былъ правъ. Въ лицѣ „передового“ „толстаго“ журнала печать „**спокойно обсуждала мѣры необходимой помощи**“; даже болѣе того, она старалась образумить людей, склонявшихся къ „шуму и треску“; она доказывала, что дѣло обстоитъ лучше, чѣмъ это кажется на первый взглядъ; она не одобряла запрещенія вывоза хлѣба на томъ основаніи, что подобная мѣра можетъ повредить интересамъ „сельскаго хозяйства“, т. е. интересамъ господъ помѣщиковъ. Она съ **вѣрой, надеждой и любовью** указывала на „**чуткость**“ правительства. Словомъ, она вполнѣ заслужила похвалу, которой „Русскій Вѣстникъ“ осчастливилъ общество и печать за ихъ примѣрное спокойствіе и довѣріе ко власти верховной, отъ бога установленной.

А что сказать о „Русскихъ Вѣдомостяхъ"? Не замѣтно ли было съ ихъ стороны какой либо крамолы? Избави богъ! Въ то время, къ которому относится похвальный отзывъ „Русскаго Вѣстника", передовая московская газета вообще не считала нужнымъ пугать общественное мнѣніе страшнымъ призракомъ голода. Она долго держалась того убѣжденія, что дѣло обойдется безъ запрещенія вывоза за-границу. Но когда принята была эта, будто бы „**крутая**" и „**вредная**" для сельскаго хозяйства мѣра, „Рус. Вѣд." и тутъ не возроптали. Онѣ поспѣшили успокоить сельскихъ хозяевъ. „Правительство прибѣгло къ этому средству содѣйствія нуждающемуся населенію лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія хлѣбныхъ запасовъ отъ урожаевъ прежнихъ лѣтъ, — увѣряла она, — и притомъ въ такое время, когда уже выяснились результаты жатвы текущаго года. Запрещеніе за-граничнаго экспорта хлѣба послѣдовало, стало быть, при наличности достаточныхъ свѣдѣній о вѣроятномъ снабженіи внутреннихъ рынковъ рожью, и эти данныя, какъ мы указывали еще при возбужденіи первыхъ толковъ въ печати о тѣхъ или иныхъ запретительныхъ мѣрахъ по отношенію къ нашей внѣшней хлѣбной торговлѣ— (и что за языкъ!? неужели нельзя писать иначе!), имѣютъ опредѣляющее значеніе при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ" (№ 209, 1 Августа 1891 года). Правда „Русскія Вѣдомости" не могли удержаться отъ тяжелаго вздоха по поводу несимпатичнаго имъ правительственнаго распоряженія. „Закрывая европейскую границу для ржи и ржаной муки..... нельзя, разумѣется, отрицать,—прибавила она—что прекращеніе вывоза сопряжено съ значительными неудобствами въ сферѣ сложившихся торгово-промышленныхъ отношеній". Въ послѣдующихъ №№ редакція не упустила случая воспроизвести всѣ тѣ отзывы русской и иностранной печати, которые подтверждали ея опасенія. Но этимъ все и ограничилось. Благовоспитанная газета не измѣнила свойственнаго ей тона **умѣренности** и **аккуратности**.

Такъ держались самые вліятельные и самые „передовые" органы „легальной" интеллигенціи. Впослѣдствіи имъ какъ будто стыдно сдѣлалось столь похвальнаго поведенія. „Русская Мысль" нашла, что „лучше бы обществу и печати пересуетиться, нежели отстать на 2—3 мѣсяца въ дѣлѣ помощи голодающимъ, лучше бы давно уже „шумно взывать къ энергической помощи" и „тревожиться", нежели предаваться „спокойствію", рекомендованному „Русск. Вѣстникомъ"." (Ноябрь, Библіографическій отдѣлъ, стр. 516—517.) Это совершенно справедливо. Но почему общество и печать склонились именно къ спокойствію, а не къ энергическому образу дѣйствій? „Общество до такой степени пріучено не суетиться, не соваться первому со своими мнѣніями и дѣятельностью, пока его не спросятъ,—отвѣчаетъ „Рус-Мысль" — и такъ ко многому вопіющему привыкло сравнительно съ прошлымъ относиться спокойно, что въ началѣ казалось даже, что оно совсѣмъ безучастно относится и къ страшному появленію голода". Вотъ оно что! Мамка зашибла этихъ почтенныхъ людей, и съ тѣхъ поръ отъ нихъ, дѣйствительно, немножко отдаетъ... „**спокойствіемъ**". Виновата мамка, приставленная къ нимъ исторіей, а сами они рѣшительно ни въ чемъ не виноваты.

Въ настоящее время, по мнѣнію „Русской Мысли“, „почти ни одна черта идиллической картины „Русскаго Вѣстника“ не соотвѣтствуютъ болѣе дѣйствительности“, теперь языкъ печати уже гораздо энергичнѣе, а общество уже не безучастно къ судьбѣ голодающихъ. Но что же собственно слышимъ мы теперь отъ русской печати? Что находимъ мы хотя бы въ той же „Русской Мысли“, въ той же самой книжкѣ, изъ которой мы заимствовали вышеприведенныя строки? Внутреннее обозрѣніе этой книжки рисуетъ современное положеніе дѣлъ очень яркими красками: „Настала зима — зима голоднаго года. Сколько неизрѣченныхъ страданій для многихъ милліоновъ людей вмѣщаютъ въ себѣ эти три слова! Нѣтъ нужды дожидаться тѣхъ картинъ, какія станутъ рисовать, по мѣстнымъ, частнымъ своимъ наблюденіямъ, корреспонденты. Нѣтъ необходимости и въ особой силѣ воображенія для того, чтобы представить себѣ впередъ, въ живыхъ образахъ ту грозную дѣйствительность, какая должна соотвѣтствовать словамъ — голодная зима. Теперь не осталось уже ни единаго дня срока для споровъ о размѣрахъ нужды, о лучшей организаціи пособій и т. д. Всѣ сословія, все населеніе государства, въ силу первѣйшаго долга, связующаго гражданъ одной страны, должны соединиться въ одной мысли. Самымъ рѣшительнымъ образомъ, всѣми способами, какіе только доступны для каждаго изъ насъ въ отдѣльности, для тѣснѣйшихъ кружковъ и цѣлыхъ обществъ, мы должны вступить въ борьбу съ народнымъ бѣдствіемъ“. По мнѣнію господина обозрѣвателя, для серьезной помощи голодающимъ нужно никакъ не меньше 292,5 мил. рублей (а въ Іюлѣ ему казалось, что „не мало можно сдѣлать и на 11 милл. руб. продовольственнаго капитала“!), цифра эта очень велика (т. е. не 11 милл., а 292,5), но правительство съумѣетъ достать необходимыя средства; „какъ ни великъ размѣръ бѣдствія, онъ не таковъ, чтобы даже силою однихъ только средствъ, находящихся въ распоряженіи казначейства и добываемыхъ путемъ кредита, оно не могло быть прекращено“. Г. обозрѣватель не спрашиваетъ себя захотятъ ли прекращать бѣдствіе тѣ люди, въ рукахъ которыхъ находится государственное казначейство. Повидимому онъ не допускаетъ даже возможности сомнѣнія въ доброй волѣ царскаго правительства. „И такъ, нѣтъ причины отчаиваться и опускать руки — восклицаетъ онъ; пусть только пойдутъ широкимъ русломъ частныя пожертвованія — и наиболѣе острый кризисъ безъ особаго труда будетъ осиленъ“. Частныя пожертвованія! — въ этихъ двухъ словахъ выражается вся программа дѣятельности, указываемая обществу нашимъ „передовымъ“ журналомъ. Мы увидимъ, насколько можетъ быть удовлетворительна подобная программа.

Какъ бы, однако, ни была она неудовлетворительна, нельзя сомнѣваться въ томъ, что предлагающіе ее люди искренно желаютъ теперь помочь голодающему народу. Это очень „спокойные“ и очень недальновидные, но все таки честные люди. Они представляютъ собою во всякомъ случаѣ лучшую, хотя и наименѣе вліятельную, наиболѣе запуганную часть нашего „общества“. Другія части общества гораздо менѣе ихъ заботятся объ интересахъ голодающихъ, а вѣрнѣе сказать — онѣ вовсе не заботятся о нихъ. Таково, напримѣръ, „всерос-

сійское купечество". Отъ „частныхъ пожертвованій" оно, правда, не отказывается, но, давая одной рукой, оно другою старается залѣзть въ тотъ самый народный карманъ, въ которомъ замѣчаются теперь самые недвусмысленные признаки полнѣйшаго оскудѣнія. Нижегородскій ярмарочный комитетъ ходатайствовалъ передъ министерствомъ финансовъ объ установленіи вывозной пошлины на хлопчатобумажныя издѣлія. Подобныя пошлины необходимы будто бы въ интересахъ рабочихъ, которымъ „предстоитъ перебиваться чѣмъ Богъ послалъ при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба" и при сокращеніи производства вслѣдствіе неурожая. Подобная заботливость гг. предпринимателей объ ихъ рабочихъ „рукахъ" встрѣтила довольно справедливую оцѣнку на страницахъ „Русскаго Вѣстника". „Кому что, а нашимъ мануфактуристамъ подавай новыя льготы, гарантіи, раскошеливайся казна! — съ негодованіемъ восклицаетъ реакціонный журналъ. И сколько великодушія и патріотизма въ этой угрозѣ выгнать въ голодный годъ и въ зимнюю пору на улицу десятки тысячъ рабочихъ! Пусть-де эти несчастные съ ихъ семьями „перебиваются чѣмъ богъ пошлетъ". Вотъ истинно торгашескій цинизмъ, откровенный до наглости и жестокій до отрицанія всякой человѣчности!" Но благородное негодованіе на цинизмъ торгашей не мѣшаетъ „Русскому Вѣстнику" требовать всякаго рода „льготъ" для гг. землевладѣльцевъ. По его словамъ, „окончательно раззорять" помѣщичьи имѣнія „въ неурожайные годы нежелательно, прежде всего, въ интересахъ обезпеченія народнаго продовольствія; даже слабыя помѣщичьи хозяйства въ состояніи помогать нуждающимся крестьянамъ, давая имъ работу". А чтобы предупредить „окончательное раззореніе" помѣщиковъ, имъ надо предоставить кредитъ для улучшеній въ способахъ воздѣлыванія земли и отсрочить взносъ государственнаго земскаго сбора, а также и платежи дворянскому банку. И это въ то время, когда крестьянскій банкъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ ни мало не стѣсняется продавать земли неисправныхъ должниковъ. Нечего сказать, дворянскій цинизмъ ни мало не уступаетъ „торгашескому".

Движимое чувствомъ сострąданія къ голодающимъ, московское дворянство въ экстренномъ собраніи 23 Октября постановило пожертвовать въ ихъ пользу 25 тысячъ рублей. Это очень немного, совсѣмъ ничего, если принять во вниманіе доходы московскаго дворянства, богатѣйшаго въ Россіи. Но что-жъ бы вы думали? И эти жалкія 25,000 рублей способны были растревожить дворянскую алчность. Г. Бланкъ возбудилъ въ „Моск. Вѣдом." вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ словами: нуждающееся населеніе — всѣхъ ли вообще жителей Имперіи безъ исключенія, или однихъ только крестьянъ. Въ отвѣтъ на этотъ, чрезвычайно „своевременный" вопросъ, г. Семенковичъ предложилъ отдать пожертвованныя московскимъ дворянствомъ 25,000 рублей нуждающимся семьямъ дворянъ. Свое великодушное предложеніе г. Семенковичъ подкрѣплялъ чрезвычайно чувствительными жалобами на бездѣйствіе дворянства, которое, по его мнѣнію, не обнаруживаетъ достаточной жадности въ

дѣлѣ расхищенія суммъ, пожертвованныхъ въ пользу голодающихъ. „Руки опускаются, — голосилъ г. Семенковичъ — когда видишь, что не только люди сами не хотятъ дѣлать ничего для себя и въ защиту отъ нападающихъ со всѣхъ сторонъ враговъ, но даже не хотятъ воспользоваться тѣмъ, что имъ предоставляется закономъ“.

Но все это было бы еще ничего. Пусть бы старались вырвать кусокъ хлѣба изо рта голодныхъ крестьянъ эти люди, возросшіе и выхоленные на безчеловѣчной эксплуатціи крестьянства! Пусть бы жадничали они, не нарушая, однако, заповѣди: „**не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна**“. Пусть бы только не клеветали они на бѣдствующее крестьянство. Но, къ сожалѣнію, и отъ клеветы не могло удержаться доблестное россійское дворянство! Знаменитый представитель его, чувствительный поэтъ Фетъ вздумалъ увѣрять, что крестьяне бѣдствуютъ единственно только по своей лѣности и склонности къ пьянству. Въ подтвержденіе своей мысли онъ привелъ нѣсколько „фактовъ“, которые тотчасъ же были опровергнуты печатью. Мы не знаемъ насколько гнусная ложь и беззастѣнчивая клевета мирятся съ эстетикой г. Фета, но мы должны привести въ его защиту одно смягчающее обстоятельство: **въ его лицѣ дворянство судило по себѣ**, оно мѣрило крестьянъ на аршинъ своихъ собственныхъ, **дворянскихъ** склонностей къ беспутному мотовству и пьянству. Въ неурожайномъ 1847 году, когда правительство выдавало ссуды помѣщикамъ для продовольствія ихъ крѣпостныхъ „душъ“, обнаружилось, что „помѣщики, получая въ ссуду деньги для продовольствія крестьянъ, употребляли ихъ на свои надобности. Въ одномъ продовольственномъ комитетѣ заемщики только переходили изъ присутствія въ другую комнату, и тамъ многіе проигрывали въ карты деньги, выданныя имъ совсѣмъ для другого употребленія“. Спустя четыре года, начальникъ Смоленской губерніи, вспоминая поведеніе дворянъ въ 1847 году, говорилъ, что „невозвратное зло послѣдовало отъ раздачи правительствомъ ссудъ деньгами, ибо соблазнъ къ полученію денегъ дѣйствуетъ сильно на всѣхъ помѣщиковъ, находящихся и не находящихся въ нуждѣ, и многіе помѣщики, получивъ деньги, не употребляли ихъ для той цѣли, для которой получили, или давали только часть, оставляя крестьянъ своихъ въ бѣдствіи. Первый случай (т. е. соблазнъ къ полученію денегъ) подтвердился и въ настоящее время (1851 г.). По губерніи распространились слухи, что правительство ассигновало сумму для раздачи помѣщикамъ на закупку хлѣба для продовольствія ихъ крестьянъ; многіе изъ помѣщиковъ пріѣхали въ городъ просить денегъ; когда же узнали, что въ продовольственной коммиссіи лишь составляется одно предположеніе объ оказаніи пособія не деньгами, а хлѣбомъ, то желающіе уже не являлись“*).

„Русская Мысль“ не замедлила оттѣнить противорѣчіе, въ которое попадаетъ органъ нашихъ реакціонеровъ при оцѣнкѣ домогательствъ „торгашей“ съ одной стороны и помѣщиковъ — съ другой.

---

*) „Юридическій Вѣстникъ“, Декабрь 1890 года, статья г. Каблукова: „*Очеркъ исторіи русскаго законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія* ...ан. 551—552.

И она, разумѣется, хорошо сдѣлала, оттѣнивъ это противорѣчіе. Бѣда лишь въ томъ, что когда „Русская Мысль“, высказываясь противъ запрещенія вывоза ржи, ссылалась на интересы сельскаго хозяйства, она отстаивала въ сущности выгоды того же класса, о которомъ хлопочетъ „Русскій Вѣстникъ“. Разумѣется, она поступала такъ безо всякой злой воли, просто по недоразумѣнію. Употребляя выраженія г. Протопопова, можно сказать, что въ требованіяхъ гг. фабрикантовъ и помѣщиковъ замѣтенъ умъ, но не замѣтно благородства; въ требованіяхъ же нашей передовой печати замѣчается бездна благородства, но... не хватаетъ кое-чего другого.

Перейдемъ теперь къ земствамъ. Насколько усердно и насколько удачно содѣйствовали они облегченію народной бѣды?

Увы! Наша „земская смышляевщина“ (какъ выражался когда-то г. Мордовцевъ) въ лучшихъ случаяхъ оказалась не чѣмъ инымъ, какъ земской **обломовщиной**. Начать съ того, что земскіе „лутчіе люди“ не имѣли мужества взглянуть бѣдѣ прямо въ глаза и настоятельно потребовать отъ правительства серьезной помощи. Они предпочли другой пріемъ. Они всѣми способами стали **„сокращать ѣдоковъ“**, уменьшать — **разумѣется лишь на бумагѣ** — число крестьянъ, нуждающихся въ продовольственной ссудѣ. Такъ, напримѣръ, **казанское** экстренное земское собраніе исключило изъ числа „ѣдоковъ“ всѣхъ лицъ рабочаго возраста отъ 18 до 55 лѣтъ и малолѣтнихъ до 5-ти лѣтняго возраста. Выдавать рѣшено имъ по 30 ф. хлѣба въ мѣсяцъ на каждаго ѣдока. Обсѣмененіе разсчитано имъ на 75 процентовъ общей площади яровыхъ полей*).

Николаевское земство **Самарской** губ. распредѣлило сѣменную ссуду по **ревизскимъ душамъ**. А такъ какъ многія сельскія общины давно уже передѣлили землю по **наличнымъ** душамъ, то имъ и пришлось предпринять новый передѣлъ сѣменной ссуды. На каждую наличную душу досталось не болѣе 1 пуда 5 фунтовъ. На продовольствіе многія общества получили **по 8 ф. ржи на ѣдока.**

Новоузенское земство выдавало ссуду на надѣльные дворы, занимающіеся хозяйствомъ; всѣ же безхозяйные дворы лишены были ссуды, а такихъ въ уѣздѣ оказалось налицо 9,182 двора или 18,4 процента общаго числа дворовъ въ уѣздѣ. „Земское собраніе постановило всѣхъ такихъ безхозяйныхъ, вдовъ, сиротъ, постороннихъ лицъ и мѣщанъ, проживающихъ въ селеніяхъ, продовольствовать на средства общества изъ остатковъ отъ полученныхъ ссудъ“. Между тѣмъ, однихъ только мѣщанъ (изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) и безхозяйныхъ дворовъ числится въ губерніи 41,833 двора, да въ постороннихъ дворахъ проживаетъ 19,202 дв., слѣдовательно, для прокормленія одного только этого населенія въ теченіе года потребуется до 2 милл. пудовъ хлѣба (Р. В.).

Крестьянамъ Самарской губ., купившимъ въ собственность землю при помощи крестьянскаго банка, какъ **землевладѣльцамъ**, земства

---

*) См. статью г. Г. Успенскаго: „*Безхлѣбье*“ въ ноябрьской книжкѣ „Русской Мысли“.

совершенно отказали въ выдачѣ ссуды. Въ то же время этимъ „землевладѣльцамъ" грозитъ продажа съ молотка ихъ недвижимаго имущества въ виду того, что они не могли уплатить своего долга банку.

Въ **Шадринскомъ** уѣздѣ **Пермской** губ., по свѣдѣніямъ „Каз. Лист.", земство рѣшило выдавать на обсѣмененіе ссуды только тѣмъ крестьянамъ, которые сѣяли въ недавнемъ прошломъ и у которыхъ уцѣлѣлъ хозяйственный инвентарь. Тамошніе „пролетаріи" сильно „возбуждены" этимъ рѣшеніемъ. Названная газета склонна, повидимому, приписывать ихъ „возбужденіе" вліянію кулаковъ, которые пользуются будто бы этимъ „возбужденіемъ бѣдноты, чтобы направлять ее противъ лицъ, почему либо пришедшихся имъ не по вкусу". Но, спрашивается,—неужели недовольство „пролетаріевъ" не можетъ найти другого, болѣе серьезнаго объясненія? Вѣдь земскіе сборы навѣрное взыскивались съ земель „бѣдноты" не менѣе усердно, чѣмъ съ земель любезныхъ земскимъ дѣятелямъ **хозяйственныхъ мужичковъ**. Почему же земство отказывается теперь помочь бѣднотѣ, т. е. именно тѣмъ людямъ, которые болѣе всего нуждаются въ помощи? Потому-ли, что бѣднота давно уже перестала обработывать свои поля? Но это могло происходить потому, что они находили болѣе выгоднымъ пропитываться какими нибудь посторонними заработками, чѣмъ ковырять малодоходную землю; теперь же, когда заработковъ нѣтъ и когда на будущій годъ можно ожидать новаго неурожая, т. е. еще большаго усиленія безхлѣбья, бѣднота рѣшила попробовать счастья „около земли". Какое право имѣло земство отказать имъ въ поддержкѣ? Права на это у него не было никакого, но очевидно, что шадринское земство, подобно многимъ другимъ земствамъ, въ своихъ попеченіяхъ о крестьянствѣ руководствуется извѣстнымъ принципомъ: если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если же мало, то и это очень малое возьмутъ.

Тульское губернское земство самъ губернаторъ находитъ, по словамъ корреспондента „Новостей", „въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже слишкомъ осторожнымъ" (понятно, что рѣчь идетъ о „случаяхъ" помощи голодающимъ, и что земская „осторожность" выражается въ сокращеніи размѣровъ этой помощи).

Вообще, по словамъ „Рус. Вѣд.", губернскія земства, „не желая слишкомъ обременять себя (!) тягостью продовольственнаго долга, еще до представленія высшему правительству своихъ ходатайствъ, значительно, иногда въ три, четыре раза урѣзывали оцѣнки уѣздныхъ земствъ". Но все это было бы еще только пол-бѣды. О настоящей же бѣдѣ говорятъ нижеслѣдующіе факты.

„Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Новоузенскаго уѣзда было роздано на обсѣмененіе овинное зерно, т. е. мертвое, обреченное погребенію въ землѣ, а не нарожденію колоса. На протесты мѣстныхъ обывателей послѣдовали опроверженія двухъ гласныхъ, закупившихъ мертвое зерно, и земскаго начальника. Въ протестахъ обывателей, между прочимъ, было указано на опытъ крестьянина Покровской слободы,

В. Я. Сергіенко — посѣять 100 зеренъ мертваго хлѣба, послѣ чего получилось всего 2 отростка..... Крестьянъ спасли не гласные и не земскій начальникъ, а мѣстные же крестьяне, обмѣнивавшіе мертвое зерно на живое.*)

Изъ **Николаевскаго** уѣзда той же губ. помѣщикъ Протопоповъ писалъ въ „Рус. Вѣдом.“ (15 Сентября): „Крестьяне составили въ свое время приговоры о выдачѣ имъ пособія на обсѣмененіе за круговой ихъ порукой. На основаніи этихъ приговоровъ, сельскіе писаря составляли списки нуждающихся, по которымъ уполномоченные крестьяне получили хлѣбъ. Тутъ обнаружилось какое-то странное недоразумѣніе. Такъ, крестьяне села Подъема, ...къ удивленію своему узнали, что ихъ уполномоченнымъ выдано на нѣкоторыхъ самыхъ бѣдныхъ домохозяевъ по одному или по два пуда, между тѣмъ какъ люди зажиточные, даже торговцы, **вовсе не производящіе посѣва****) получили, кто десять, а кто двѣнадцать пудовъ..... Одному изъ крестьянъ села Подъема приходилось, въ виду неправильности распредѣленія пособія, получить всего 1 пудъ. Онъ отказался и съ отчаянія хотѣлъ зарѣзаться косой. И лишь частная помощь выручила его (конечно, на короткое время). Пишущему эти строки пришлось его видѣть : онъ шелъ, еле передвигая ноги, нервно теребя лохмотья зипуна; лицо у него было потемнѣвшее, исхудалое; онъ и четверо дѣтей его уже нѣсколько дней не ѣли хлѣба“... Какъ видите, и здѣсь тотъ же принципъ: если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если же мало, то и это очень малое не возьмутъ лишь по невозможности взять его, и уже во всякомъ случаѣ предоставятъ тебя всѣмъ бѣдствіямъ голода и нищеты.

Въ томъ же уѣздѣ на продовольствіе крестьянамъ въ Сентябрѣ было выдано только по 10 ф. хлѣба на нерабочаго человѣка (**рабочимъ не давали ничего**), а въ Октябрѣ по 20. „**Отчаяніе овладѣло крестьянами**“ — говоритъ г. Протопоповъ. Еще бы нѣтъ!

Въ селѣ Абашевѣ (Самарскаго уѣзда) отпущено на Октябрь 62 пуда ржи на 699 ѣдоковъ (къ которымъ опять таки относятся только лица нерабочаго возраста). „Это составляетъ по $3\frac{1}{2}$ фунта на ѣдока въ мѣсяцъ или по $14\frac{1}{2}$ золотниковъ въ день“†).

---

*) Г. И. Успенскій, тамъ же, стр. 100.

**) Курсивъ нашъ; просимъ сравнить поведеніе Николаевскаго земства съ отказомъ Шадринскаго помочь бѣднотѣ.

†) В. Е., Декабрь 1891 годъ, „Изъ общественной хроники“. Указанный въ текстѣ фактъ можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ: какой „Іудушка“ вздумаетъ „помогать“ голодающему населенію нѣсколькими золотниками хлѣба въ день—скажетъ читатель. Постараемся же выяснить *несомнѣнное* историческое происхожденіе такихъ, повидимому, невѣроятныхъ фактовъ. Когда заговорили о продовольственной ссудѣ, губернская администрація извѣстила волостныя и сельскія начальства о томъ, что они подвергнутся строгой отвѣтственности, если внесутъ въ списки нуждающихся людей, могущихъ пропитаться собственными средствами. Сообразно этому, названныя начальства вносили въ списки лишь одну сельскую бѣдноту. На основаніи этихъ списковъ была выдана ссуда, урѣзанная въ 3—4 раза. Эта ссуда, согласно существующимъ порядкамъ общиннаго самоуправленія, распредѣлялась между всѣми домохозяевами прямо пропорціонально ихъ имущественной состоятельности, по извѣстному принципу : если ты имѣешь много и такъ далѣе ; такимъ-то образомъ и вышло, что богачи получили десятки пудовъ, бѣдняки же должны были довольствоваться золотниками.

Въ **Казанскомъ** уѣздномъ земскомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что по количеству наличныхъ запасовъ на каждаго ѣдока, считая только нерабочее населеніе, приходится не болѣе 4½ фунта хлѣба въ мѣсяцъ.*)

Въ **Саратовской** губ. огромная площадь озимыхъ полей осталась незасѣянной. А отъ сѣменной ссуды осталось 461,363 пуда, неизрасходованныхъ уѣздными земствами. Выдача ссудъ на обсѣмененіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что сѣять уже слишкомъ поздно, прекращена была во многихъ мѣстахъ въ то время, когда зажиточные крестьяне и помѣщичьи экономіи только что собирались сѣять. Такъ было, напр., въ деревняхъ Ляховкѣ и Глазуновкѣ Балашовскаго уѣзда, о которыхъ писалъ корреспондентъ „Саратовскаго Листка". Крестьяне стали искать „арендаторовъ для своей земли, потому что собственныхъ сѣмянъ у нихъ нѣтъ". Такіе арендаторы и не замедлили, разумѣется, найтись въ лицѣ мѣстныхъ кулаковъ. „Вотъ какъ образуются мудрыми попечителями о народномъ благѣ **остатки** отъ сѣмянной ссуды, и безъ того уже высчитанной въ обрѣзъ", замѣчаетъ г. Успенскій.

А какъ происходила закупка земцами хлѣба для голодающихъ?

Казанское земство поручило доставку для него хлѣба на обсѣмененіе купцу Дедюхину, который покупалъ хлѣбъ по 1 р. 10 коп. за пудъ, а съ земства бралъ по 1 р. 30 к. Это было въ Іюлѣ и Августѣ. Въ концѣ Октября, когда надо было закупать хлѣбъ для продовольствія, то же земство купило 200,000 пудовъ въ Нижнемъ по 1 р. 45 к. и по 1 р. 50 к. Между тѣмъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ цѣны на рожь въ Казанской губ. не превышали одного рубля за пудъ.

Вятское земство покупало хлѣбъ у мѣстныхъ купцовъ-кулаковъ, платя имъ по 1 р. 17 к.—1 р. 22 к. за пудъ, въ то время, какъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ рожь продавалась по 1 р. 10 к. и дешевле, а потомъ еще понизилась; въ Малмыжескомъ же уѣздѣ въ это время скупщики покупали рожь на базарахъ по 75—77 коп. за пудъ. Во многихъ уѣздахъ крестьяне просили выдать имъ ссуду на обсѣмененіе деньгами, такъ какъ они надѣялись купить хлѣбъ дешевле, чѣмъ покупало его земство. Управы не согласились на это, предпочитая обогащать купцовъ.

Но больше всѣхъ отличилось земство въ Самарѣ. Покупка хлѣба поручена была тамъ губернской управѣ. Та послала съ этой цѣлью на югъ одного изъ своихъ членовъ, г. Дементѣева; г. Дементѣевъ пропалъ на цѣлыхъ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ о немъ не было, что называется, ни слуху, ни духу. Не имѣя никакихъ запасовъ, постоянно осаждаемая требованіями со стороны уѣздныхъ земствъ, губернская управа была въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Предсѣдатель рѣшился купить 12,000 пуд. муки на мѣстѣ у нѣкоего Шахобалова. Но оказалось, что „купленною г. предсѣдателемъ мукою питаться **нѣтъ возможности**, такъ какъ безъ значительной **примѣси**

*) Тамъ же.

ржаной муки выпечь хлѣба изъ нея физически немыслимо". Эта мука обошлась земству по 1 р. 15 к. пудъ! *)

Наконецъ, возвратился, повидимому, и земскій Одиссей-Дементьевъ. Насколько удовлетворительно исполнилъ онъ возложенное на него порученіе, можно судить по слѣдующимъ газетнымъ сообщеніямъ:

„Въ редакцію одной одесской газеты доставлена проба пшеницы, отправляемой со станціи Жеребково, „по свидѣтельству на провозъ самарскаго земства". Газета говоритъ: „По этой пробѣ можно судить о качествѣ отправляемой пшеницы: высыпавъ пробу на листъ бумаги, мы увидѣли въ ней массу мелкихъ черненькихъ зеренъ, которыя обыкновенно находятся въ низу зерна и сразу не замѣтны; это и есть сорная трава; затѣмъ, тамъ же мы нашли примѣсь песку и даже *маленькихъ камешковъ*". И вотъ, подъ именемъ „хлѣба", отправляется по желѣзной дорогѣ, черезъ всю Россію, съ одного конца ея на другой, помѣсь пшеницы съ сорною травою, съ пескомъ и гравіемъ; любопытно еще, что когда на желѣзной дорогѣ, замѣтившей явныя злоупотребленія отправителей, сдѣлано было распоряженіе, чтобы, при пріемѣ хлѣба, вписывалось въ накладныя качество посылаемаго зерна, то отправители протестовали противъ такой оговорки, ссылаясь на то, что „съ ними заключено условіе (?), допускающее до 30 процентовъ сору.. Вѣроятно, въ тѣ же амбары, гдѣ хранится пшеница, доставляются цѣлые транспорты сорныхъ травъ и привозятся десятки коекъ съ пескомъ и гравіемъ; для оптовой торговли и оптовая фабрикація.

Если такой „хлѣбъ", дѣйствительно, ѣдетъ по юго-западнымъ дорогамъ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, въ самарскую губернію, для самарскаго земства, то весьма естественно, что послѣднее—какъ вы читали на-дняхъ въ самарской корреспонденціи „Волжскаго Вѣстника",—выдаетъ крестьянамъ „вмѣсто ржаной муки какую-то *прогорькую смѣсь*, главною составною частью которой являются отруби". Между тѣмъ, предсѣдатель самарской губернской земской управы г. Алабинъ исправляетъ промахи и неустройства своего земства только при помощи газетныхъ опроверженій, весьма краткихъ и голословныхъ, положимъ, но рѣшительныхъ, категорическихъ, не вдающихся ни въ какія объясненія по существу" [Новости, 9 Декабря 1891].

Читатель видѣлъ, какъ заботятся о народѣ наши земскіе „излюбленные люди". Пусть посмотритъ онъ теперь, какъ заботятся они **о самихъ себѣ.**

„Слободскому предсѣдателю уѣзднаго съѣзда г. Разсохину (говоритъ Волжскій Вѣстникъ) земское собраніе опредѣлило выдать 750 рублей **на разъѣзды, на экипажъ и шубу** (!!), Глазовскому—г Курептеву, на тѣ же предметы (!!) — 600 рублей, вятскому предсѣдателю г. Шубину — назначено заимообразно 300 рублей.... Саратовское уѣздное земское собраніе назначило предсѣдателю своей управы г. Абакумову 3,000 рублей, въ видѣ „награды". Нашли люди время для наградныхъ поднесеній. На 3,000 рублей двѣ съ половиною тысячи пудовъ хлѣба купить бы можно. Аткарское земство „назначило 1,200 рублей пенсіи (?) бывшему мировому судьѣ, а теперь земскому начальнику г. Гордеру, богатому землевладѣльцу, получающему, кромѣ того, по новой должности, болѣе 2 тысячъ рублей въ годъ." Камышинское земство, самое бѣдное, постановило „выдать 3,000 рублей награды предсѣдателю своей управы г. Ляухъ". Вольское земство „даетъ 500 рублей совсѣмъ уже постороннему для него человѣку — судебному приставу"...

---

*) Успенскій, тамъ же.

Въ „Новости“ пишутъ изъ Самары, что „по достовѣрнымъ извѣстіямъ, мѣстное продовольствіе вовсе изъемлется изъ вѣдѣнія земства“. Разсуждая вообще, нужно сознаться, что поступить такимъ образомъ слѣдовало бы не съ одними только самарскими земцами. Г. Успенскій говоритъ, что эти послѣдніе позволяли себѣ „жестокое издѣвательство надъ человѣкомъ, истощеннымъ голодомъ“. Но въ такомъ издѣвательствѣ виноваты очень многія земства. Эти ссуды, урѣзанныя до нѣсколькихъ золотниковъ на ѣдока; эти „пролетаріи, лишенные помощи; эти поля необсѣмененныя, благодаря мудрости управъ; эта мука, негодная въ пищу; эти „тридцать процентовъ сору“, перевозимые на земскій счетъ съ одного конца Россіи на другой; эти шубы, эти экипажи, эти награды, пенсіи и займы, раздаваемыя земцами другъ другу, — все это есть самое безсердечное, самое безстыдное издѣвательство надъ голодными, соединенное съ самымъ недвусмысленнымъ хищничествомъ. Недостаточно устранить такихъ людей отъ завѣдыванія общественными дѣлами, ихъ нужно было бы, по выраженію Петра Великаго, весьма лишить живота. Но... здѣсь мы сталкиваемся съ вопросомъ—кѣмъ же могутъ быть замѣнены эти хищники? „Изъявъ“ продовольственное дѣло изъ вѣдѣнія земства, правительство передастъ его въ вѣдѣніе чиновниковъ. А чиновники окажутся еще хуже земцевъ. Разница будетъ лишь въ томъ, что объ ихъ „хищеніяхъ“, пожалуй, совершенно запретятъ говорить въ печати. Кое какія свѣдѣнія относительно дѣятельности чиновниковъ по раздачѣ пособій попали въ печать, не смотря на цензурныя строгости; свѣдѣнія эти, какъ и слѣдовало ожидать, совсѣмъ неутѣшительны. Вотъ что сообщаютъ, напримѣръ, изъ **Кокчетава** Акмолинской области, въ „Рус. Вѣд.“ :

„Въ „Руссихъ Вѣдомостяхъ“ уже сообщалось объ общей голодовкѣ въ нашемъ уѣздѣ. Она коснулась всего населенія; крестьянамъ выдается уже пособіе отъ казны въ размѣрѣ одного пуда на каждаго человѣка въ мѣсяцъ; къ сожалѣнію, не все пособіе достигаетъ своего назначенія: пользуясь нуждой, доставители хлѣба изъ Кокчетава въ поселки—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—взимаютъ съ получателя громадную провозную плату — напримѣръ, 4 пуда за десять пудовъ, какъ это было въ одномъ поселкѣ, — затѣмъ наживаются мельники, такъ что въ концѣ-концовъ нѣкоторымъ семьямъ приходится получать вмѣсто десяти пудовъ около 4-хъ; но это касается только крестьянъ, тогда какъ у насъ есть еще казаки и мѣщане; и тѣ, и другіе обращались съ просьбой о выдачѣ и имъ пособія отъ казны и первые кое-что получили, именно по одному рублю 60 к. на душу изъ войсковыхъ суммъ. Но что это въ сравненіи съ нуждой? Если даже предположить, что отъ неурожая страдаетъ половина казачьяго населенія, то, при правильной раздачѣ пособія только дѣйствительно нуждающимся, на человѣка придется съ небольшимъ 3 рубля, тогда какъ въ настоящее время мука продается по 1 р. 20 коп., а зимой можетъ вздорожать, и кромѣ того необходимъ кормъ скоту, сохраненіе котораго послѣ прокормленія людей должно быть признано предметомъ наибольшихъ стараній; назначеннаго пособія на это, конечно, не достанетъ; мѣщане же и такого пособія не получили, хотя нужда ихъ такая же, какъ и прочаго населенія. Но кромѣ казаковъ и мѣщанъ есть еще болѣе нуждающаяся часть населенія: это переселенцы, никуда не приписанные. Какъ не принадлежащіе къ мѣстнымъ обществамъ, они не имѣютъ права и на пособіе. Нѣкоторые изъ нихъ заблаговременно выбрались отсюда; другихъ же голодъ засталъ вполнѣ безпомощными.“

Словомъ, дѣло обстоитъ нисколько не лучше, чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ. Да и на чьей отвѣтственности лежатъ позорные подвиги нашихъ земцевъ? Прежде всего и больше всего на отвѣтственности

правительства, систематически устранявшаго отъ общественной дѣятельности всѣ честные, т. е. на его языкѣ, „неблагонадежные" элементы и всегда поощрявшаго лишь „благонамѣренныхъ" хищниковъ и плутовъ. Мы никогда не были поклонниками нашихъ земскихъ учрежденій: по нашему мнѣнію они были слишкомъ мало демократичны. И тѣмъ не менѣе, мы убѣждены, что лишь подъ вліяніемъ торжествующей реакціи образовался такой подборъ гласныхъ, при которыхъ возможны были вышеозначенныя безобразія. Разъ выдвинутъ вопросъ объ „изъятіяхъ", нужно начать съ изъятія всей Россіи изъ „вѣдѣнія" царскаго правительства. Только при такомъ оборотѣ дѣлъ можно и должно надѣяться, что они пойдутъ лучше, чѣмъ идутъ теперь.

Въ самомъ дѣлѣ, что дало голодающему народу наше правительство. ничѣмъ не связанное, руководствующееся только волей самодержца, да усмотрѣніемъ царскихъ министровъ и (по увѣренію „Рус. Мысли") чутко отнесшееся „къ дѣлу предупрежденія хлѣбнаго кризиса"?

Извѣстно, что земства были очень скромны, слишкомъ скромны, преступно скромны въ опредѣленіи размѣровъ необходимыхъ для нихъ ссудъ на обсѣмененіе полей и продовольствіе населенія. Но правительству и эта скромность показалась непозволительнымъ нахальствомъ. Оно стало еще болѣе „урѣзывать" и безъ того уже до-нельзя „урѣзанныя" требованія. Нижегородское земство испрашивало ссуду въ 8,2 мил. рублей, а получило 2, 8мил.; саратовское просило 9,5 мил., а получило 2,5 мил.; самарское просило 9,8 мил., а получило 4,4; рязанское просило 5 мил., а получило 900,000 рублей; казанское просило 6, а получило 4 мил. „Вполнѣ или почти вполнѣ получили испрашивавшіяся суммы только губерніи: Симбирская — 5 мил., Тамбовская — 2,3 мил. и нѣсколько другихъ губерній съ болѣе мелкими суммами вспомоществованія" (Р. В., № 286). Эти цифры относятся къ срединѣ Октября, т. е. когда жатва давно уже была повсюду окончена, неурожай несомнѣненъ, а голодъ уже началъ свирѣпствовать въ пострадавшихъ мѣстностяхъ. Разумѣется, уменьшая размѣръ пособій, правительство мало заботилось о сколько нибудь благовидной мотивировкѣ своихъ дѣйствій. Г. Самаринъ говоритъ въ „Московскихъ Вѣдом." (№ 318), что представитель министерства финансовъ безъ дальнихъ околичностей заявилъ самарскому экстренному губернскому земскому собранію, что размѣръ ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе **не можетъ** простираться долѣе 6 милліоновъ. „Почему же не можетъ — спрашиваетъ г. Самаринъ, потому ли, что финансовыя средства государства не дозволяютъ увеличить ссуду свыше этой суммы, или потому, что ходатайство самарскаго земства о ссудѣ въ 10 мил. неосновательно? Такъ какъ это заявленіе сдѣлано земскому собранію представителемъ министерства финансовъ и такъ какъ въ извѣстіи о немъ нѣтъ даже намека на неправильность исчисленія требуемой земствомъ ссуды, мы думаемъ, что въ основаніе заявленія легли соображенія исключительно финансоваго свойства. Такое отношеніе къ дѣлу по нашему мнѣнію неправильно." Нечего и говорить, до какой степени справедливо это мнѣніе. Но мы спро-

симъ „Московскія Вѣдом.“, какъ слѣдуетъ поступить съ правительствомъ, „неправильное“ поведеніе котораго грозитъ голодной смертью многомилліонному населенію?

А что царское правительство повело себя совсѣмъ неправильно, это хорошо доказываетъ тотъ же г. Самаринъ, въ тѣхъ же „Моск. Вѣдомостяхъ“. „Хотя—говоритъ онъ—на продовольствіе и ассигновано до сихъ поръ либо 60, либо 48 мил. (послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ въ 60 милліонахъ, упомянутыхъ недавно „Правительственнымъ Вѣстникомъ“, заключаются, повидимому, и 12 мил., отпущенныхъ по 1 Сентября на сѣмена), но земскія учрежденія губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, могли до сихъ поръ (т. е. до половины Ноября) производить операцію по закупкѣ хлѣба на продовольствіе только на 20 милліоновъ... Понятно, что если бы до 1 Сентября было отпущено на покупку хлѣба не по одному съ небольшимъ милліону на губернію*), то можно было бы воспользоваться и водяными путями, чтобы двинуть массы хлѣба по Волгѣ и заготовить значительные запасы хлѣба въ приволжскихъ губерніяхъ. Тогда бы, конечно, и желѣзныя дороги не были обременены перевозкой предъявленныхъ имъ теперь такихъ значительныхъ массъ хлѣба, что онѣ не въ силахъ исполнить эту задачу. Наконецъ, если бы въ свое время размѣръ бѣдствія былъ опредѣленъ правильно, то успѣли бы даже приспособить и желѣзныя дороги для перевозки такихъ массъ хлѣба“.

Устами г. Самарина реакціонная газета предъявляетъ правительству слишкомъ уже значительныя требованія. Легко сказать — если бы въ свое время размѣръ бѣдствія былъ опредѣленъ правильно! Считаться съ неурожаемъ приходилось прежде всего министерству финансовъ, а можетъ ли г. Вышнеградскій придерживаться правильныхъ разсчетовъ? Онъ спеціалистъ по части изысканія „свободныхъ наличностей“... въ пустомъ пространствѣ. Когда заговорили о неурожаѣ, онъ какъ кавалерійская лошадь, заслышавшая звукъ трубы, немедленно пошелъ привычнымъ аллюромъ, т. е. принялся разыскивать свободную наличность хлѣба. Онъ заявилъ въ комитетѣ министровъ, что о недостаткѣ зерна въ Россіи не можетъ быть и рѣчи. Это же доказывалъ и „Вѣстникъ Финансовъ“ на основаніи несомнѣнныхъ будто бы статистическихъ данныхъ. Его отрадные выводы немедленно опровергались другими органами печати, но г. Вышнеградскій не унимался и, какъ видно, долго еще не уймется. Въ № 333 „Рус. Вѣдомостей“ мы находимъ слѣдующую телеграмму: „Петербургъ. 2-го Декабря. Помѣщенная въ 48-мъ нумерѣ „Вѣстника Финансовъ статья подъ заглавіемъ: Результаты урожая 1891 года по отношенію къ потребленію“, приводя числовыя данныя размѣровъ потребленія и наличныхъ запасовъ хлѣба, заключаетъ ихъ выводомъ, что при разсчетѣ потребленія на 9 мѣсяцевъ, по 1-ое Іюля 1892 года, запасы хлѣба не только не ниже, но даже выше нормальнаго средняго

*) „Вѣстникъ Европы“ замѣчаетъ, что здѣсь г. Самаринъ беретъ очевидно среднія цифры.

остатка потребленія. Въ концѣ статьи говорится: Въ этихъ условіяхъ полной обезпеченности снабженія до слѣдующаго урожая, настоящія высокія цѣны на хлѣбъ объясняются лишь неравномѣрнымъ распредѣленіемъ въ странѣ запасовъ и совершеннымъ видоизмѣненіемъ хода снабженія, такъ какъ вывозившія раньше хлѣбъ губерніи нынѣ сами нуждаются въ снабженіи,—видоизмѣненіемъ, къ которому торговля скоро приспособиться не можетъ, и наконецъ усиленными въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ закупками, повышающими ненормальность цѣны. Съ успокоеніемъ торговли и болѣе правильнымъ распредѣленіемъ запасовъ надо ждать пониженія цѣнъ, тенденція къ которому, хотя не повсемѣстно ясно выраженная, начинаетъ уже проявляться со второй половины ноября".

По всему видно, что эти успокоительныя разсужденія являются отвѣтомъ на извѣстную статью графа Л. Толстого: **Страшный вопросъ,** надѣлавшую порядочнаго шума въ Россіи и вызвавшую доносъ „Московскихъ Вѣдомостей" относительно заговора, будто бы составленнаго Толстымъ въ сообществѣ съ В. Соловьевымъ. Графъ Толстой говорилъ, что никому неизвѣстно съ точностью, хватитъ ли у насъ хлѣба до новой жатвы, и что Россія окажется въ ужасномъ положеніи, если его не хватитъ. Г. Вышнеградскій, черезъ посредство своихъ **рептилій,** съ истинно хлестаковской развязностью отвѣчаетъ, что хлѣба у насъ болѣе чѣмъ нужно. Задавая свой страшный вопросъ, графъ Толстой, по своему обыкновенію, упустилъ изъ вида сущность дѣла. Онъ не вспомнилъ, что если бы даже у насъ и было такое количество хлѣба, какого могло бы хватить для прокормленія всего населенія Россіи,—это еще вовсе не рѣшало бы дѣйствительно **страшной** стороны вопроса: это не ручалось бы намъ за то, что у сельской и городской „**бѣдноты**" хватитъ **денегъ** на покупку продовольствія. Г. Вышнеградскій, какъ финансистъ, прекрасно понимаетъ, конечно, что одно дѣло „свободная наличность" даннаго товара, а иное дѣло такъ называемый въ политичестой экономіи **дѣйствительный спросъ** на него, опредѣляемый состояніемъ кошелька лицъ, нуждающихся въ этомъ товарѣ: кто ничего не имѣетъ, тотъ не можетъ купить даже дешеваго товара. Знаетъ г. Вышнеградскій и то, что состояніе кошельковъ у населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей—болѣе чѣмъ плачевно. Но, подобно гоголевской унтеръ-офицерской женѣ, онъ **отъ своего счастья не отказывается**: онъ не считаетъ нужнымъ поправлять безпокойнаго графа; напротивъ, онъ пользуется его ошибкой для того, чтобы окончательно отвести глаза читающей публикѣ.

Г. Вышнеградскій не лжетъ, когда говоритъ, что съ половины Ноября цѣны мѣстами начали понижаться. Онъ только обходитъ истинную причину этого явленія, намекая въ то же время, что оно вызвано „**успокоеніемъ торговли**". Въ дѣйствительности, объ успокоеніи торговли можно говорить въ этомъ случаѣ лишь очень условно; оно имѣло мѣсто развѣ въ томъ смыслѣ, что кулаки-торговцы въ половинѣ Ноября могли уже съ полною увѣренностью сказать себѣ: голодный годъ не только не вырвалъ изъ нашихъ рукъ крестьянина, но еще болѣе подчинилъ его нашей власти. Это, безспорно,

должно было подѣйствовать на нихъ очень успокоительно. Но... отвѣтъ ли это, полно?

Въ самомъ дѣлѣ, нынѣшній годъ, годъ ужаснѣйшихъ бѣдствій для огромной массы крестьянъ, мѣщанъ и рабочихъ, является годомъ небывалаго процвѣтанія кулаковъ всѣхъ оттѣнковъ и разновидностей. Чтобы хоть на короткое время избавиться отъ мученій голода, бѣднота поневолѣ отдаетъ имъ рѣшительно все, что имѣетъ, начиная со своихъ земельныхъ надѣловъ и кончая косами женщинъ. „Пріѣхали, сначала всѣ лучшія вещи забрали — разсказываетъ дѣвушка, побывавшая въ Рязанской губерніи, о купцахъ, наѣхавшихъ изъ Москвы для покупки крестьянскаго имущества—кички за два рубля брали... У насъ, знаете, у бабъ кички старинныя, богатыя, золотомъ вышитыя... Шитье-то они выплавляютъ, а остальное бросаютъ... Плачутъ бабы, а нечего дѣлать — отдавать приходится. Опять, вотъ, шугаи... Тоже всѣ скупили за безцѣнокъ. Шугаи тонкіе, изъ молодой шерсти... Теперь и косы скупаютъ... У бабъ волоса покупаютъ... Заливаются слезами, да кладутъ головы на столъ подъ бритву... У самаго корня срѣзаютъ, чтобъ длиннѣе волосъ былъ... У кого коса русая, густая, длинная—по два рубля даютъ"... („Новости" № 276). Дѣятельность Разуваевыхъ приняла такіе широкіе размѣры, что вызвала безпокойство даже въ высшихъ сферахъ: симбирскій губернаторъ обратился къ земскимъ начальникамъ съ циркуляромъ (отъ 19 Октября), въ которомъ предписывалъ имъ сдѣлать распоряженіе, чтобы волостныя и сельскія управленія не свидѣтельствовали никакихъ договоровъ и условій о продажѣ или закладѣ озимей и вообще урожая съ надѣльной земли. „При разъѣздахъ вашихъ по участку и при удобныхъ случаяхъ вы не оставите крестьянъ безъ надлежащихъ разъясненій, что они не могутъ продавать или закладывать предстоящаго урожая съ надѣльной земли—говоритъ г. губернаторъ—который прежде всего долженъ служить обезпеченіемъ къ безнедоимочному выполненію лежащихъ на крестьянахъ податныхъ обязанностей и обезпеченіемъ ихъ быта" (Р. В. № 333). **Обезпечеіе быта** есть, разумѣется, не болѣе какъ канцелярская фраза, долженствующая нѣсколько прикрыть истинный взглядъ правительства на крестьянина, какъ на существо, которое не только землею владѣетъ, но и живетъ на свѣтѣ единственно затѣмъ, чтобы „безнедоимочно выполнять лежащія на немъ податныя обязанности". Въ этихъ „обязанностяхъ" все дѣло: „смотри, не по чину берешь,—говоритъ кулаку заботливый помпадуръ,—если ты окончательно съѣшь крестьянина, то чѣмъ же будутъ питаться высшія сферы? Бери, но оставь и намъ что нибудь, живи и жить давай другимъ". Мы увѣрены, что земскіе начальники не замедлятъ разъяснить все это кому слѣдуетъ, но мы напередъ знаемъ, что изъ ихъ разъясненій ровно ничего не выйдетъ. Крестьяне отдаютъ кулакамъ свое движимое и недвижимое имущество не по легкомыслію, а по нуждѣ, нужда же не устраняется административными „разъясненіями". Напротивъ, она все болѣе и болѣе возрастаетъ, именно благодаря тому „безнедоимочному выполненію лежащихъ на крестьянахъ обязанностей", которое одно только и озабочиваетъ нашихъ помпадуровъ. Такъ происходило дѣло съ давнихъ временъ;

такъ происходитъ оно и въ нынѣшнемъ голодномъ году, когда на крестьянина слѣдовало бы, кажется, взглянуть не только какъ на платежную силу.

Когда „недородъ хлѣбныхъ произведеній“—какъ выражается нашъ коронованный недоросль въ рескриптѣ на имя своего сына и наслѣдника—сдѣлался фактомъ, неподлежащимъ уже никакому сомнѣнію, земства пострадавшихъ губерній стали хлопотать о разсрочкѣ на нѣсколько лѣтъ лежащихъ на крестьянахъ недоимокъ и платежей. Ходатайства ихъ были „отклонены“; правительство допустило лишь „отсрочку платежей до урожая 1892 года властью губернскихъ присутствій селеніямъ, получившимъ отъ земствъ ссуду на обсѣмененіе полей или продовольствіе, и притомъ лишь по предъявленіи просьбы со стороны обществъ и подъ условіемъ согласія на разрѣшеніе льготъ со стороны губернскаго представителя министерства финансовъ“. Но и въ такихъ случаяхъ могли быть отсрочены лишь текущіе выкупные платежи, „поземельный же налогъ, окладъ котораго сравнительно незначителенъ, предписано собрать по возможности сполна“ (Р. В. № 228). Къ чему должно было повести подобное предписаніе, понять не трудно.

„Курскъ, 18 Октября въ залѣ курскаго окружного суда... разсмотрѣно дѣло по обвиненію крестьянина Польшина, волостного старшины Кроснянской волости, Обоянскаго уѣзда, въ томъ, что онъ **при собираніи податей принималъ побудительныя мѣры, воспрещенныя закономъ.** Волостной старшина Польшинъ при собираніи недоимокъ, въ случаѣ если крестьянинъ почему либо не платитъ добровольно, для побужденія его къ уплатѣ практиковалъ слѣдующее: по его приказу сотскіе разували плательщика и, повѣсивъ ему на шею лапти и онучи, привязывали самого къ гвоздямъ, вбитымъ въ стѣну, за руки, задомъ къ ней; затѣмъ лили на голову воду“... (Рус. Вѣд. № 302).

Курская губернія офиціально причислена къ губерніямъ, пострадавшимъ отъ „недорода хлѣбныхъ произведеній“. Трудно найти достаточно сильныя выраженія для характеристики этого выбиванія недоимокъ изъ голодающаго населенія, выбиванія, которое по остроумію замысла можетъ сравниться только со звѣрствами временъ Бирона. Положимъ, волостной старшина приговоренъ за превышеніе власти къ тюремному заключенію, но приговоренъ только за употребленіе „побудительныхъ мѣръ, недозволенныхъ закономъ“, а не за выбиваніе недоимокъ. Если бы онъ сѣкъ недоимщиковъ, вмѣсто того, чтобы обливать ихъ водою, то онъ заслужилъ бы полное одобреніе со стороны начальства.

Рептиліи г. Вышнеградскаго, указывая на происшедшее мѣстами пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, приписываютъ его „успокоенію торговли“. На самомъ дѣлѣ оно оказывается слѣдствіемъ „**неукоснительнаго**“ взысканія податей въ голодающихъ губерніяхъ. При этомъ мѣры, принятыя правительствомъ для „обезпеченія народнаго продовольствія“ самымъ удивительнымъ образомъ сталкиваются съ мѣрами, принимаемыми его же чиновниками для безнедоимочного поступленія въ казну „окладныхъ сборовъ“. Вятская губернія настолько постра-

дала отъ неурожая, что правительство нашло нужнымъ запретить вывозъ хлѣба изъ ея предѣловъ. Сначала крестьяне очень радовались этому запрещенію Но пришло время взноса податей, и картина измѣнилась. Крестьяне стали тайкомъ провозить свой хлѣбъ на продажу за границы губерніи. „При этомъ крестьяне, конечно, несутъ потери — говоритъ „Волжскій Вѣстникъ“, — такъ какъ цѣны, вслѣдствіе запрещенія вывоза и риска тайной торговли, **повсюду понизились**“ (курсивъ нашъ). Подобное же явленіе имѣло мѣсто **по всему Поволжью**: Сборъ податей въ этой мѣстности привелъ къ тому, что **цѣны на хлѣбъ нѣкоторое время были тамъ ниже, чѣмъ въ урожайныхъ губ.** Какая невѣроятная доза плутовства и безстыдства нужна для того, чтобы выставлять подобное пониженіе цѣнъ какъ утѣшительный отвѣтъ на дѣйствительно страшный вопросъ, волнующій всѣхъ честныхъ людей въ Россіи!

Читатель знаетъ, что продовольственная ссуда выдается лишь „ѣдокамъ“ нерабочаго возраста. Лицамъ отъ 15 до 55 лѣтъ предоставлено пропитываться заработками, въ виду чего и облегчена выдача паспортовъ въ нуждающихся губерніяхъ †). Но всякому было извѣстно, что трудно будетъ найти заработокъ во время почти повсюдной полной безработицы. Чтобы помочь горю, продуманы были „общественныя работы“. О нихъ кричала вся печать, причемъ даже ея „передовые“ органы наивно замѣчали, что непремѣнно слѣдуетъ воспользоваться существующей теперь дешевизной рабочихъ рукъ. „Трудно, кажется, сказать, гдѣ тотъ уголокъ Россіи, гдѣ бы не было нужды въ общественной работѣ—разсуждаетъ князь Мещерскій;—слѣдовательно, совсѣмъ не трудно приняться за введеніе общественныхъ работъ“. Работы были, дѣйствительно, начаты. Рѣшили взяться за „лѣсоустроеніе“ въ казенныхъ дачахъ тринадцати наиболѣе важныхъ губерній. Для осуществленія этого широко задуманнаго плана правительство „ассигновало“.... 200.000 рублей.... Потрудитесь сами разсчитать, сколько придется на каждую волость. Рѣшено было также приступить къ устройству новыхъ и поправкѣ старыхъ шоссейныхъ и грунтовыхъ дорогъ. На это отпущено 1.125,000 рублей. Наконецъ, начата постройка двухъ желѣзныхъ дорогъ: Московско-Казанской и Курско-Воронежской. Общее число рабочихъ, занятыхъ на этихъ линіяхъ въ Октябрѣ, не превышало 9 съ половиною тысячъ человѣкъ; впослѣдствіи предполагалось прибавить къ этому числу еще четыре съ половиною тысячи. Не знаемъ, какова судьба этого „предположенія“, но это все равно. „Что значатъ эти тысячи, когда въ заработкахъ нуждаются милліоны?“ — справедливо замѣчаютъ „Рус. Вѣд“. Конечно, — значатъ ровно столько же, сколько значитъ капля въ морѣ. Но это еще не все. По словамъ симбирскаго губернатора, на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ „работа предлагается на чрезвычайно невыгодныхъ условіяхъ; такъ, за вырытіе кубика земли рабочіе получаютъ отъ подрядчика, смотря по разстоя-

† Облегченная выдача паспортовъ не облегчила, однако, голодающимъ возможности передвиженія: во многихъ городахъ полиція высылаетъ „*административнымъ порядкомъ*“ крестьянъ, являющихся искать работы.

нію, на какое слѣдуетъ везти землю, отъ 60 до 90 коп., тогда какъ сами подрядчики получаютъ за ту же работу отъ 2 руб. до 2 руб. 50 коп.“ На Курско-Воронежской дорогѣ, **по офиціальнымъ свѣдѣніямъ**, платятъ **за кубическую сажень** „выемки или насыпи 1 р. 40 коп., взыскивая при томъ за поломку инструментовъ (даже деревянныхъ частей лопаты), которые, само собою разумѣется, портятся, если ими работаютъ, (Р. В., № 307). Какъ видно, у насъ нѣтъ недостатка въ людяхъ, умѣющихъ пользоваться „дешевизной рабочихъ рукъ“. Но и это еще не все. Главное дѣло въ томъ, что „земляныя работы требуютъ особой привычки, выносливости и силы. Землекопы берутся поэтому обыкновенно только изъ нѣкоторыхъ мѣстностей, которыя въ число пострадавшихъ въ нынѣшнемъ году не попали. Понятно, что строители дорогъ постарались возможно ограничить штатъ рабочихъ изъ неурожайныхъ губерній и нанимали голодающихъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда по какимъ либо обстоятельствамъ не представлялось другого выбора. Этимъ объясняется, что въ Старооскольскомъ, напримѣръ, уѣздѣ не было нанято, какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ, ни одной партіи, несмотря на желаніе, заявленное многими крестьянами. Но не одинъ Старооскольскій уѣздъ постигла неудача. Подобныя же свѣдѣнія получены изъ другихъ мѣстностей. Въ предѣлахъ, напримѣръ, Воронежской губ., по словамъ мѣстныхъ газетъ, на линіи Курско-Воронежской жел. дороги работаетъ нѣсколько партій крастьянъ Воронежской и Курской губерній, но инженеры жалѣютъ о томъ, что землекоповъ пришлось взять изъ этихъ губерній“ (Р. В. тотъ же №). Изо всего этого съ неотразимой силой вытекаетъ тотъ выводъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ (эта важнѣйшая, по своимъ размѣрамъ, изо всѣхъ предпринятыхъ теперь общественныхъ работъ), не принося пользы населенію голодающихъ губерній, очень полезна предпринимателямъ-подрядчикамъ, которые выжимаютъ послѣдніе соки изъ рабочихъ, нанятыхъ въ урожайныхъ мѣстностяхъ. Но на какіе же заработки можетъ, въ такомъ случаѣ, разсчитывать взрослое населеніе пострадавшихъ губерній, лишенное продовольственной ссуды именно подъ предлогомъ будущихъ заработковъ? Ему остается только нищенствовать. Но не прокормитъ его и нищенство. Мы уже знаемъ, крестьяне почти ничего не подаютъ нищимъ по той простой причинѣ, что у нихъ ровно ничего нѣтъ; „общество“ же, къ которому взываетъ наша печать, обнаруживаетъ прямо неприличное равнодушіе къ судьбѣ голодающихъ. „Незначительны жертвы, принесенныя и приносимыя обществомъ — читаемъ мы въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“... Стоитъ только вспомнить цифры пожертвованій, собранныхъ учрежденіями Краснаго Креста и попечительствами, состоящими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Если эти цифры вмѣстѣ взятыя, лишь немногимъ болѣе $^3/_4$ милліона, то можно сказать съ увѣренностью, что общій итогъ суммъ, поступившихъ отъ частныхъ лицъ, не доходитъ даже до минимальной цифры, предположенной нами мѣсяцъ тому назадъ — до двухъ милліоновъ. Надо замѣтить, что значительная доля этого незначительнаго итога составилась изъ взносовъ рабочихъ и бѣдноты, съ грѣхомъ пополамъ

перебивающейся „службой“ и различными родами умственнаго труда. Какъ же ничтожны крохи, кинутыя голодному народу богатыми слоями „общества“, ежегодно получающими, въ видѣ поземельной ренты, предпринимательской прибыли и процентовъ на капиталъ, по меньшей мѣрѣ сотни милліоновъ дохода!

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ,
Такъ ведущее насъ Провидѣніе
Указало, да онъ же привыкъ!

Сосчитаемъ теперь все, что было сдѣлано для голодающаго населенія Россіи.

Общество не дало ему пока и двухъ милліоновъ, а въ то же время, въ лицѣ самыхъ богатыхъ и самыхъ вліятельныхъ своихъ членовъ, помѣщиковъ и фабрикантовъ, оно, подъ предлогомъ помощи голодающимъ, стало „ходатайствовать“ о новыхъ „льготахъ“ и вспомоществованіяхъ, долженствовавшихъ еще болѣе наполнить и безъ того уже полные карманы эксплуататоровъ.

Правительство дало „либо 60, либо 48 милліоновъ“ въ видѣ продовольственной ссуды (т. е. взаймы), и въ то же время стало собирать въ голодныхъ губерніяхъ подати, которыя должны были принести ему по меньшей мѣрѣ такую же сумму*). Извѣстно, съ какою жестокостью и съ какимъ успѣхомъ дѣлали это царскіе чиновники. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ въ голодающихъ мѣстностяхъ доказываетъ, что сборъ податей вырвалъ и бросилъ на рынокъ послѣдніе куски хлѣба, имѣвшіеся въ рукахъ крестьянства.

Рядомъ съ жестокостью и безчеловѣчіемъ, свойственными лишь азіатскимъ деспотамъ, русское правительство издавна отличалось лицемѣріемъ, далеко оставляющьмъ за собою лицемѣріе Тартюфа. Ему показались подозрительными даже тѣ ничтожныя проявленія общественнаго сочувствія къ голодающимъ, о которыхъ мы говорили выше. Чтобы регулировать будто бы опасный потокъ этого сочувствія, придумано было учрежденіе „**Особаго комитета**“, о которомъ торжественно оповѣстилъ Россію Александръ III въ безграмотномъ рескриптѣ на имя наслѣдника. Въ члены комитета выбраны столь популярныя лица, какъ Побѣдоносцевъ, Дурново, фонъ-Плеве, Воронцовъ-Дашковъ и гофмейстеръ графъ Строгановъ. Мрачный, полупомѣшанный изувѣръ, два полицейскихъ сыщика и два придворныхъ интригана подъ предсѣдательствомъ больного наслѣдника—вотъ кому поручено главное руководство дѣломъ общественной благотворительности. Кто не захочетъ идти рядомъ съ ними, тотъ — нигилистъ и крамольникъ, заслуживающій самаго строгаго наказанія.

Къ сожалѣнію, и этотъ дерзкій вызовъ, обращенный въ лицо всему обществу, остался безнаказаннымъ: дѣтушки скушали, ложки отерли, сказали спасибо...

Итальянская колонія въ Москвѣ собиралась дать концертъ,

---

*) Общая сумма окладныхъ сборовъ съ 50 губ. Европейской Россіи простирается до 120 мил. рублей. Принимая въ соображеніе, что голодомъ поражены теперь губерніи, считавшіяся прежде богатѣйшими во всей имперіи, можно съ увѣренностью сказать, что онѣ платятъ не менѣе 60 мил. сборовъ.

сборъ съ котораго пошелъ бы въ пользу голодающихъ. Этотъ концертъ **былъ запрещенъ**, причемъ всѣмъ иностраннымъ колоніямъ въ Россіи было поставлено на видъ, что такая же судьба впредь ожидаетъ всякое предпріятіе такого рода. Помилуйте, какъ же вы хотите, чтобы мы брали деньги отъ иностранцевъ! Вѣдь они, пожалуй, перестанутъ послѣ этого давать намъ взаймы.

Земство... Мы знаемъ, что получивъ ссуду, заботливые и расторопные земцы поручили закупку хлѣба кулакамъ-хлѣботорговцамъ; заплатили дорогой цѣной за хлѣбъ, иногда совершенно негодный ни для посѣва, ни для питанія; роздали ссуду съ такою поразительною справедливостью, что богатымъ крестьянамъ достались десятки пудовъ, а бѣднымъ пришлось лишь по нѣсколько фунтовъ или даже золотниковъ; наконецъ, удививъ всю Россію своею дѣятельностью, эти безкорыстные люди, въ гордомъ сознаніи совершенныхъ ими подвиговъ, начали преподносить самимъ себѣ награды, экипажи и шубы и даже раздавать земскія деньги своимъ соперникамъ, представителямъ администраціи, земскимъ начальникамъ.

Судите послѣ этого о прекраснодушіи „Русской Мысли", которая убѣждена, что „пусть только пойдутъ широкимъ русломъ частныя пожертвованія—и наиболѣе острый кризисъ безъ особаго труда будетъ осиленъ!" Видали ли вы когда нибудь болѣе невинныхъ барашковъ?

Нѣтъ, чтобы осилить переживаемый нами острый кризисъ нужно очень много труда, и притомъ труда именно **особаго**, такого труда, на который, къ сожалѣнію, мы не находимъ даже и намека ни въ одномъ изъ „передовыхъ" органовъ нашей печати.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ неурожая, у насъ пошли толки объ „**искусственномъ дождѣ**", который избавитъ насъ отъ столь непріятныхъ случайностей. Если на борьбу съ **послѣдствіями** голода тратятся милліоны рублей, то можно бы кажется затратить нѣсколько сотъ тысячъ на опытъ борьбы съ его **причинами**, говорятъ просвѣщенные землевладѣльцы. Дѣйствительно слѣдуетъ, ни мало не медля, начать энергичную борьбу съ причинами бѣдствія, не только поразившаго нынѣ цѣлую треть Россіи, но и грозящаго сдѣлаться постояннымъ. Нельзя, однако, достаточно надивиться наивности людей, видящихъ спасеніе нашей страны въ результатахъ пока еще весьма сомнительныхъ опытовъ надъ „искусственнымъ дождемъ". Не надо подниматься до облаковъ, чтобы открыть причины голода; онѣ находятся на землѣ, онѣ заключаются въ **общественныхъ отношеніяхъ России**. Противъ этихъ-то отношеній и должны бороться всѣ тѣ, которые не хотятъ по выраженію Рылѣева, **въ роковое время позорить гражданина санъ**.

Не угодно ли вамъ вдуматься въ слѣдующую табличку, заимствованную г. С. Шараповымъ изъ земскаго сборника Новоузенскаго уѣзда (Новое Время, 13 Октября 1891).

1880 г. — неурожай.
1881, 1882, 1883 и 1884 г. — урожай.
1885 г. — неурожай, саранча.
1886 г. — неурожай, почти голодъ.

1887 г. — травы хороши. Рожь пропала. Яровое ниже средняго.
1888 г. — тоже. Раздавали продовольствіе.
1889 г. — травы плохи. Рожь пропала, яровые ниже средняго.
1890 г. — урожай хлѣбовъ и травъ плохой.
1891 г. — **полный неурожай всего.**

На 4 урожайныхъ года — семь неурожайныхъ! Другими словами, послѣднее десятилѣтіе въ мѣстности, о которой идетъ рѣчь, **неурожай сталъ обычнымъ явленіемъ, а урожай представилъ собою лишь счастливое исключеніе.**

Вотъ по истинѣ странное положеніе дѣлъ, едва ли объяснимое одной засухой. Въ самомъ дѣлѣ, неужели нашъ климатъ до такой степени перемѣнился, что страна, еще недавно бывшая почти исключительно земледѣльческой страною, можетъ теперь сѣять хлѣбъ не иначе какъ въ убытокъ? Тутъ что-то не такъ! Припомнимъ нѣкоторыя элементарныя истины, касающіяся сельскаго хозяйства.

Кому неизвѣстно, что чѣмъ лучше пріемы обработки почвы, тѣмъ лучше сопротивляется она всякого рода случайнымъ (атмосферическимъ и другимъ) вреднымъ вліяніямъ? Кому неизвѣстно, что урожаи зависятъ, напримѣръ, отъ удобренія? Кому неизвѣстно также, что удобреніе немыслимо или, по крайней мѣрѣ, очень затруднительно, а для крестьянъ совершенно недоступно тамъ, гдѣ нѣтъ скота? Курское губернское земство убѣдилось, что „почва губерніи до того истощилась, что уже не можетъ давать сколько нибудь хорошихъ урожаевъ"; оно убѣждено также, что „такъ какъ верхній слой земли сильно истощился, то только воздѣлываніе земли глубоко врѣзывающимся плугомъ въ состояніи поднять урожаи въ губерніи" (Н. Время). Это можно сказать рѣшительно обо всей Европейской Россіи: **только введеніе лучшихъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ могло бы поднять въ ней урожаи.** Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Улучшались ли эти пріемы, напримѣръ, въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія? Не только не улучшались, но постоянно становились все хуже и хуже, такъ какъ крестьянское хозяйство все болѣе и болѣе раззорялось. Дурные урожаи подрывали экономическую силу населенія, а подрывъ его экономической силы приводилъ къ новымъ и новымъ неурожаямъ. Такимъ-то образомъ мы и пришли къ тому удивительному положенію, что неурожай сталъ обычнымъ явленіемъ, **необходимымъ слѣдствіемъ того способа обработки земли, на который у крестьянина только и хватаетъ силы.** Случайныя атмосферическія вліянія, приносившія съ собою урожаи, могли отдалить на нѣсколько лѣтъ быстро приближавшуюся развязку, но измѣнить роковой ходъ вещей они не были въ состояніи. Неизбѣжная катастрофа разразилась, наконецъ, въ 1891 году. Она нанесла послѣдній ударъ крестьянскому хозяйству. Она добила его, какъ выразилось „Новое Время". Само правительство не иначе понимаетъ нынѣшній „сельско-хозяйственный кризисъ". Въ № 188 „Волжскаго Вѣстника" напечатано слѣдующее извлеченіе изъ офиціальныхъ свѣдѣній о постепенномъ упадкѣ экономическаго быта поволжскихъ крестьянъ.

„За послѣднее время видно, что переживаемый Поволжьемъ кри-

зисъ **начался еще два года тому назадъ,** такъ какъ съ этого именно времени стало замѣчаться значительное уменьшеніе поступленія окладныхъ сборовъ съ сельскихъ сословій Поволжья. Это явленіе обнаруживалось въ сильной степени, главнымъ образомъ, въ тѣхъ губерніяхъ, положеніе которыхъ потребовало энергическихъ мѣръ къ обезпеченію продовольствія... Такъ, съ крестьянскаго населенія Самарской губ. въ 1889 г. окладныхъ сборовъ было получено менѣе (противъ оклада) на 1.204,210 руб., а въ 1890 г. этотъ недоборъ возросъ уже до 1.996,968 р. Съ Казанской губ. оклад. сбор. въ 1889 г. было получено болѣе на 85,422 р. (этотъ излишекъ пошелъ на погашеніе недоимокъ отъ предшествующихъ годовъ), а въ 1890 г. на 2,063,731 руб. **менѣе.** Съ Нижегородской губ. какъ въ 1889, такъ и въ 1890 былъ недоборъ, причемъ окладныхъ сборовъ поступило въ 1889 на 340,238 р., а въ 1890 на 869,442 р. менѣе; съ Симбирской —въ 1889 поступило на 253,032 р., а въ 1890 на 653,623 р. менѣе; съ Саратовской — въ 1889 на 22,538 р., а въ 1890 на 377,130 руб. менѣе (противъ оклада). Увеличеніе недоборовъ по окладнымъ сборамъ въ перечисленныхъ губ. въ 1890 **вполнѣ совпадаетъ съ уменьшеніемъ, противъ предшествовавшаго, собраннаго сельскимъ населеніемъ количества зерновыхъ хлѣбовъ:** такъ, въ Самарской г. собрано было хлѣбовъ въ 1889 г. 48.469,000 пуд., а въ 1890—41.971,000 пуд., въ Казанской губ. урожай 1889 далъ 37.620,000 пуд., а въ 1890 27.471,700 пуд., въ Симбирской губ. въ 1889 получено было отъ отъ урожая 38.139,000 п., а въ 1890—29.422,300 пуд.; въ Нижегор. губ. въ 1889—20.839,000 пуд., а въ 1890—15.298,100 пуд.; наконецъ въ Сарат. губ. урожай 1889 далъ 59.524,000 пуд., а въ 1890 году 51.960,400 пуд. Такимъ образомъ ясно, что уменьшеніе сбора хлѣбовъ увеличило недоборы окладныхъ сборовъ. Соотвѣтственно уменьшенію урожаевъ увеличивалась также и сумма недоимокъ окладныхъ сборовъ. Наиболѣе ихъ числится въ губ. Самарской и Казанской. Къ 1 Января текущаго года эти недоимки достигли слѣдующихъ размѣровъ: въ Самар. губ. 11.378,733 руб., въ Казанской — 7.901,976 руб., въ Нижегород. 2.504,229 руб., въ Саратов. 2.287,330 р., въ Симбир. 1.422,214 руб.

Относительно Самарской губерніи у насъ есть, кромѣ того, очень интересныя данныя, собранныя въ ноябрьской книжкѣ **„Юридическаго Вѣстника"** за истекшій годъ. Изъ этой статьи видно, что самарскіе крестьяне никогда не могли оправиться отъ послѣдствій знаменитаго самарскаго голода. 1873 и особенно 1879—1880 гг. поставили крестьянское хозяйство въ затруднительное положеніе относительно продовольственныхъ средствъ: населеніе голодало по случаю полнаго неурожая хлѣбовъ, рабочій и рогатый скотъ падалъ отъ безкормицы. Все, что оставалось отъ мірскихъ капиталовъ и волостныхъ вспомогательныхъ кассъ было разобрано по рукамъ и истрачено въ 1880 году... Этотъ достопамятный годъ сильно подорвалъ экономическое благосостояніе крестьянъ, тѣмъ болѣе, что распространившіяся съ этого момента эпизоотіи и конокрадство значительно уменьшили рабочій и рогатый скотъ въ губерніи: за послѣднее пятилѣтіе эпизоотіи похитили въ губерніи 536,244 головы крупнаго рогатаго скота...

Въ одномъ Новоузенскомъ уѣздѣ по свѣдѣніямъ уѣздной управы отъ одной безкормицы пало 58,500 лошадей и 90,000 воловъ. „Затѣмъ задолженность крестьянскаго населенія усилилась еще болѣе вслѣдствіе плохихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ въ 1888 — 1889 годахъ. Масса лучшихъ надѣльныхъ земель и выгоновъ за безцѣнокъ сдана обществами въ долгосрочную аренду или заложена за долги своимъ и стороннимъ богатѣямъ. Такихъ сданныхъ и заложенныхъ земель статистическимъ бюро зарегистрировано въ губерніи 453,917 десятинъ“...Крестьянинъ былъ совершенно въ рукахъ кулака, услугами котораго онъ, естественно, дорожилъ болѣе всего во время сбора податей.“ Все, что бы ни зарабатывалъ, онъ зарабатываетъ черезъ своего кулака или купца, или лучше — онъ работаетъ не на себя, а на эту категорію лицъ. Хлѣбъ крестьянинъ продаетъ не непосредственно въ руки потребителя или даже крупнаго скупщика, а въ руки мелкаго посредника, который очень часто его обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ, и это... потому, что очень часто крестьянину нужны бываютъ деньги именно въ данный моментъ, можетъ быть въ моментъ минимальныхъ рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данномъ мѣстѣ; ждать же момента повышенія цѣнъ нельзя: пришло время и подати платить, и аренду за землю, справлять разныя сельско-хозяйственныя нужды, семью кормить до другого урожая... Вотъ при такихъ-то условіяхъ экономическая задолженность населенія ростовщику не рѣдко тянется цѣлые годы, тянется до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не раззоритъ крестьянина: продаются на сносъ изба, сарай, рабочій скотъ, телѣга, а самъ раззорившійся поступаетъ къ кому нибудь въ батраки вмѣстѣ съ женой“... Часто онъ дѣлается нищимъ. Въ Самарской губерніи (кромѣ городовъ, посада Мелекеса и пригорода Сергіевска) числится 7,687 человѣкъ нищихъ обоего пола. „Въ нашей губерніи съ глубокимъ черноземомъ, производящей на продажу бѣлотурку и др. красные хлѣба, крестьянамъ изъ года въ годъ не достаетъ собственнаго хлѣба на обсѣмененіе полей и на собственное продовольствіе, — продолжаетъ г. Красноперовъ — и потому: къ веснѣ или даже съ осени, вскорѣ послѣ уборки хлѣба, покупаютъ его въ кредитъ у посѣвщиковъ крестьянъ и купцовъ по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ, у тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ въ августѣ и сентябрѣ они за безцѣнокъ отдаютъ свой хлѣбъ въ уплату долга.“

Странно было бы ожидать хорошей обработки земли при такомъ положеніи земледѣльца, а въ такомъ положеніи бѣдствіе 1891 года застало крестьянъ почти всей Россіи. Въ Октябрѣ 1890 года изъ Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ., писали, что тамъ цѣлыя села не могли внести въ государственное казначейство **ни одной копѣйки**. Въ **Воронежеской** губ. несостоятельными оказывались цѣлые уѣзды. Изъ 16,000 всѣхъ дворовъ Задонскаго уѣзда недоимка числилась за 11,000 дворовъ; недоимка эта достигала въ среднемъ огромной суммы 22 руб. на плательщика. Въ Землянскомъ уѣздѣ недоимка достигала 26 руб. на плательщика; недоимщики же составляли 87 процентовъ общаго числа дворовъ уѣзда. Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ 82 процента всѣхъ крестьянскихъ дворовъ оказались неисправными плательщиками налоговъ, а въ среднемъ на каждый изъ

нихъ падало 36 рублей недоимки. Пермская и Нижегородская губерніи уже въ 1890 году страдали отъ голода. О Таврической губ. лѣтомъ того же года писали въ „Новоросс. Тел.“ : „Бѣдность видна во всемъ: въ питаніи, въ одеждѣ, еще осень не вступила въ свои права, а ужъ изъ разныхъ уѣздовъ... получаются извѣстія о появленіи тифа, дифтерита, гастрита и другихъ бичей, съ которыми земскіе врачи въ селахъ не въ состояніи бороться.“ Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (1890 г. № 497) указывалъ на „неизбѣжное хозяйственное разстройство“ крестьянъ Кіевской губерніи.

„Во многихъ мѣстностяхъ образовалось какое-то новое крѣпостное право — говоритъ г. Слонимскій въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“; за 1890 годъ — господами являются уже не помѣщики, а кабатчики, кулаки и міроѣды, грубые полуграмотные хищники, раззоряющіе народъ съ безпощадною послѣдовательностью. Необходимость взноса податей въ самые неудачные для хозяйства сроки, а также неотложныя хозяйственныя нужды заставляютъ крестьянскія массы прибѣгать къ такому убійственному кредиту, о какомъ не мечтали худшіе ростовщики на Западѣ.“ Далѣе авторъ, словами одного изслѣдователя, слѣдующимъ образомъ описываетъ общераспространенное у насъ явленіе торговли рабочей силой бѣднѣйшихъ крестьянъ.

„Зимою, когда бѣдняку (Олонецкой губ.) угрожаетъ экзекуція за неплатежъ податей, или весною, когда ему ѣсть нечего, десятникъ (такъ называютъ здѣсь торговцевъ людьми) за безцѣнокъ покупаетъ лѣтній трудъ бѣдняковъ, выдавая имъ впередъ задатки отъ 15 до 30 руб. на человѣка. Весною десятники гонятъ цѣлыя артели рабочихъ на лѣсныя выгонки, на судовую тягу и на заводы, предварительно распродавъ ихъ за двойную цѣну, крупнымъ промышленникамъ. Другіе торговцы такого же рода разъѣзжаютъ по деревнямъ исключительно для закупки дѣтей. Многіе бѣдные родители за дешевую цѣну продаютъ дѣтей скупщикамъ на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ дѣти должны находиться у ремесленниковъ или торговцевъ въ качествѣ учениковъ. Накупивъ такимъ образомъ десятка два дѣтей, скупщикъ отправляетъ ихъ на подводахъ въ Петербургъ, подобно тому какъ возятъ въ городъ телятъ промышленники по этой части. Въ Петербургѣ дѣти распродаются по двойной и тройной цѣнѣ въ ремесленныя заведенія и торговыя лавки. Подобное закабаленіе дѣтей и взрослыхъ распространено въ Московской, Рязанской и другихъ губерніяхъ. Къ той же категоріи торговли человѣческой силою относится наемъ на работы недоимщиковъ, обыкновенно безъ ихъ согласія, по сдѣлкамъ съ волостнымъ начальствомъ, агентами землевладѣльцевъ, лѣсоторговцевъ и заводчиковъ, пріѣзжающими спеціально для того часто изъ отдаленныхъ губерній“.

Западно-европейскій читатель, конечно, не повѣрилъ бы, если бы услыхалъ, что, занимая деньги у ростовщиковъ, русскій крестьянинъ платитъ иногда до 800% въ годъ. Русскому читателю это очень хорошо извѣстно. „Суммы отработковъ, выполняемыхъ заемщиками такъ велики, продолжаетъ г. Слонимскій, что крестьянинъ работаетъ теперь на другихъ не менѣе четырехъ дней въ недѣлю,

т. е. болѣе, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ“. Замѣтьте, что займы у ростовщиковъ, иногда цѣлыми крестьянскими обществами, заключаются „*преимущественно*“ для уплаты податей, „взыскиваемыхъ въ неудобное время и всегда съ неумолимою строгостью“. Нечего сказать, очень хорошо „обезпечены своими земельными надѣлами“ русскіе крестьяне! „Это уже какъ будто не люди, а машины для уплаты повинностей, полусознательныя существа, видящія свое назначеніе въ безнадежномъ трудѣ и ищущія иногда забвенія въ тяжеломъ отчаянномъ пьянствѣ“.

„Тутъ возросли такіе типы—говоритъ г. Сазоновъ, описывая положеніе крестьянъ Порховскаго уѣзда Псковской губерніи — далѣе которыхъ идти трудно. Вѣчно пьяные, съ искаженнымъ лицомъ, съ блуждающими дикими глазами, въ лохмотьяхъ, они выглядятъ полузвѣрями. Какая-то одичалость, жестокость во всемъ видѣ ихъ. И никакой расправы на нихъ нѣтъ; ихъ всѣ боятся и болѣе всего волостныя и сельскія власти. Это даже не пролетаріатъ, а какое-то озвѣреніе—тутъ ничего человѣческаго не осталось“.

Замѣтимъ мимоходомъ, что пролетарій вовсе не такой близкій родственникъ звѣрю, какъ это кажется г. Сазонову.

Собственно пролетаріатъ тутъ не при чемъ, и напрасно говоритъ о немъ г. Сазоновъ, какъ кажется, полагающій, что пролетарій только одною ступенью стоитъ выше звѣря. Все дѣло тутъ въ томъ закрѣпощеніи крестьянина государству, которое, *нѣкоторыми своими сторонами*, такъ восхищаетъ нашихъ народниковъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, развѣ тебѣ не извѣстно положеніе земледѣльцевъ? Еще до жатвы черви источатъ половину его хлѣба, а остальное пожрутъ свиньи; поля опустошаются крысами, саранчею, скотомъ, птицами; если хоть немного не доглядитъ земледѣлецъ, воры растащутъ все, что у него останется. Орудія труда портятся; рабочій скотъ выбивается изъ силъ. А тамъ на заставѣ чиновникъ требуетъ десятины; являются сборщики податей, съ палками, негры съ пальмовыми розгами, всѣ кричатъ: „*подавай хлѣбъ!*“ Если нѣтъ хлѣба у крестьянина, его вяжутъ и истязуютъ... Вяжутъ его жену и дѣтей, покинутыхъ сосѣдями, которые заняты своей собственной жатвой.“

Эти строки принадлежатъ одному „письменному“ человѣку, жившему за полторы тысячи лѣтъ до начала нашей эры. Онѣ изображаютъ положеніе крестьянина въ древнемъ Египтѣ*). Есть нѣкоторое основаніе думать, что египетскій дьякъ слишкомъ уже черными красками изобразилъ жизнь тогдашняго феллаха. Но допустите на минуту, что въ его картинѣ нѣтъ никакого преувеличенія, и скажите,—не напоминаетъ ли она вамъ положенія русскаго крестьянина? Разница лишь въ незначительныхъ частностяхъ. Поля феллаха опустошались крысами и саранчею; поля русскаго крестьянина опустошаются гессенской мухой, саранчею и овражками. Съ феллаха

*) См. G. Maspero, Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique. Paris 1872.

подати взыскивались натурой; съ русскаго крестьянина онѣ взыскиваются деньгами. Феллаха чиновники били палками; русскаго крестьянина власти бьютъ преимущественно кулаками. Феллаха сѣкли за недоимки негры, и сѣкли пальмовыми вѣтвями; у палачей русскаго крестьянина кожа бѣлая, и сѣкутъ его березовыми розгами. Но за то египетскій феллахъ былъ привязанъ къ землѣ; привязанъ къ ней и русскій крестьянинъ. Система „земельнаго обезпеченія" феллаха обезпечивала прежде всего прочность египетскаго деспотизма; система „обезпеченія" русскаго крестьянина обезпечиваетъ (пока обезпечиваетъ) прочность русскаго царизма. Въ этомъ отношеніи въ древнемъ Египтѣ все было comme chez nous.†)

Но, есть еще одна, и очень важная, черта различія. Натуральныя подати египетскаго феллаха, навѣрное, были несравненно легче денежныхъ платежей, лежащихъ на русскомъ крестьянинѣ и часто во много разъ превышающихъ доходность его надѣла. Правительственная эксплуатація русскаго крестьянина по своимъ размѣрамъ представляетъ собою нѣчто безпримѣрно величественное и *самобытное.*

Закрѣпощеніемъ крестьянина государству мы обязаны не только безпримѣрною въ исторіи бѣдностью нашего сельскаго населенія, но даже и нашими пресловутыми устоями.

Въ послѣдніе тридцать лѣтъ интеллигенція ни о чемъ такъ много не говорила, какъ объ общинѣ, и все таки происхожденіе современной русской общины съ періодическими передѣлами земли осталось для нея неяснымъ. Община представляетъ собою плодъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ народнаго *духа* — вотъ все, что знаетъ и что безпрестанно повторяетъ наша интеллигенція. Историческая наука изображаетъ дѣло менѣе чувствительно, но за то болѣе точно.

Періодическихъ передѣловъ пахотной земли, подобныхъ существующимъ въ нынѣшней Россіи, не знала наша древняя сельская община, возникшая на развалинахъ родового быта, который, — не во гнѣвъ почтеннымъ тѣнямъ славянофиловъ, — существовалъ у русскихъ славянъ, какъ и повсюду. Пахатная земля составляла неотъемлемую и нераздѣльную собственность крестьянскаго, иногда очень многочисленнаго, *семейства.* Происходившія по тѣмъ или другимъ поводамъ *переверстки* не измѣняли *размѣровъ* принадлежавшей каждой данной семьѣ поземельной собственности, онѣ только перемѣщали ее *въ пространствѣ.* Но по мѣрѣ развитія государственной власти и чисто восточнаго деспотизма царей, дѣло принимало иной оборотъ. Прикрѣпленные къ землѣ крестьяне утратили свое исконное право на нее; она стала считаться не крестьянской, а государственной или, точнѣе, *государевой* собственностью. Введеніе подушной подати нанесло послѣдній ударъ старому порядку. Если „тяглая" земля принадлежитъ не крестьянамъ, а государю, если каждая попавшая въ ревизію „душа мужескаго пола" обложена налогомъ, то отсюда, по справедливому замѣчанію г-жи Ефименко, неизбѣжно слѣдуетъ

†) То есть: все, какъ у насъ.

тотъ „*естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждою душою возможность платить путемъ надѣленія ея землею*". Излишне прибавлять, что для государства рѣчь шла собственно не объ „обязанности", а о простой экономической выгодѣ, — это ясно само собою. „Когда каждый крестьянинъ будетъ поселенъ и удовольствованъ пашенной землею — сѣнными покосами и прочими угодьями, разсуждалъ одинъ воевода прошлаго вѣка — тогда уже не будетъ имѣть причины только изъ одного (какъ нынѣ есть) дневного пропитанія межъ дворъ скитаться, но и подъ страхомъ, не только о своемъ домѣ и о пропитаніи, но и о заплатѣ подушныхъ денегъ всячески стараться и прилежать долженъ". Но въ Петербургѣ и безъ воеводы хорошо знали, какъ выгодно будетъ государству, когда земельный надѣлъ дастъ каждой ревизской душѣ возможность „прилежать о заплатѣ подушныхъ денегъ". Правительство энергично занималось „*генеральнымъ поравненіемъ*" („*чтобы у нихъ, крестьянъ, земли... на душу сколько кому слѣдуетъ уравнительно было*"). Напрасно ходатайствовали крестьяне „*о неотъемѣ отъ нихъ старинной ихъ владѣемой земли*", — ихъ прошенія оставлялись безъ вниманія. Не рѣдко дѣло доходило до открытаго сопротивленія властямъ. Крестьяне возставали противъ новыхъ порядковъ собравшись многолюдственно, съ дубьемъ и дрекольемъ". Ихъ усмиряли и „забирали" военныя команды, имъ „чинили нещадное батожьемъ наказаніе". Въ концѣ концовъ правительство, разумѣется, добилось своего, крестьяне покорились, новые „устои" землевладѣнія были заложены и упрочены. Они составили прочнѣйшую основу всего нашего государственнаго порядка.

Тамъ, гдѣ правительство не прибѣгало къ прямому насилію для введенія новой формы общины, оно достигало своей цѣли косвеннымъ путемъ соединеннаго дѣйствія круговой поруки и несоразмѣрныхъ съ доходностью земли платежей. Обязанные платить за малоземельныхъ недоимщиковъ, многоземельные крестьяне находили выгоднымъ прибѣгать къ періодическимъ передѣламъ земель, чтобы такимъ образомъ вознаграждать себя за уплату недоимокъ. Такъ совершались „*добровольные* переходы къ общинному землевладѣнію" въ нѣкоторыхъ, и именно наиболѣе бѣдныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи*).

Легко понять, что помѣщикамъ „генеральное поравненіе" было не менѣе выгодно, чѣмъ правительству. „Удовольствовать крестьянъ землей" значило обезпечить рабочія силы крѣпостныхъ душъ. Вотъ почему мы видимъ, что еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія помѣщики вводятъ періодическіе передѣлы земель въ такихъ мѣстностяхъ Малороссіи, гдѣ ихъ раньше не было.

---

*) Смотри объ этомъ у Кейсслера, въ третьемъ томѣ его сочиненія „Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland", стр. 56—60. Кейсслеръ былъ едва ли не первымъ (въ 1876 г.) писателемъ, высказавшимъ вышеизложенную теорію происхожденія современной общины съ передѣлами. Чичерина считать нельзя, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого понятія о древнихъ формахъ землевладѣнія въ Россіи.

Надѣляя (за деньги, конечно, и притомъ за очень большія деньги) „освобожденныхъ" въ 1861 г. крестьянъ землей, правительство руководствовалось интересами казначейства: безземельный крестьянинъ представлялъ бы собою слишкомъ сомнительную платежную силу. Цѣпь, привязывавшая къ землѣ крестьянина не была разрублена. Но послѣ крымскаго погрома правительство убѣдилось, что ему нужны не одни только крѣпкіе землѣ крестьяне. Была признана очень нужной, пустившая къ тому времени довольно глубокіе корни, крупная промышленность, требовавшая свободныхъ „рукъ". Приходилось идти на уступки. Державшая крестьянина привязь была удлинена ровно настолько, чтобы онъ могъ поработать не на одно только казначейство, но также и на капиталистовъ и на помѣщиковъ. Всѣ законоположенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, испытали на себѣ вліяніе этой сдѣлки. Правительство не устраняетъ общины съ передѣлами, но въ то же время издаетъ рядъ законовъ, ведущихъ къ ея разложенію. Оно надѣется, что такая двойственность „удовольствуетъ" и казначейство, и предпринимателей. Въ теченіе нѣкотораго времени могло казаться, что дѣйствительность не обманетъ его ожиданій. Бѣдность крестьянъ заставляла ихъ продавать свою рабочую силу за самую ничтожную плату, которая немедлечно и отбиралась у нихъ почти цѣликомъ въ видѣ всякого рода налоговъ. Но уже съ конца шестидесятыхъ годовъ можно было замѣтить, что придуманная освободителями „хитрая механика" имѣетъ въ высшей степени важный недостатокъ: безпощадно раззоряя крестьянина, она тѣмъ самымъ причиняетъ возростающее оскудѣніе казначейства. Въ семидесятыхъ годахъ этотъ недостатокъ сдѣлался еще замѣтнѣе. Даже слѣпорожденные „государственные младенцы" стали, повидимому, сознавать, что дѣло идетъ не ладно, что экономическая основа царизма расшатывается, что изъ подъ его ногъ начинаетъ ускользать почва. Но, разумѣется, не эти младенцы могли бы дать иное направленіе естественному ходу экономическаго процесса.

И замѣчательное дѣло: разложеніе крестьянскаго хозяйства пошло съ очевиднымъ и постоянно возрастающимъ ускореніемъ *въ особенности* съ тѣхъ поръ, когда царская политика окончательно и безповоротно свернула въ сторону *реакціи*. Въ 1881 году вступилъ на престолъ Александръ III, который торжественно объявилъ, точнѣе сказать—*за котораго* торжественно объявили: „*правительство идетъ, встаньте, господа!*" Публика „встала"—и что же увидѣла она, какое зрѣлище представлялось ей въ теченіе всего царствованія новаго самодержца? Разрушеніе экономической основы царизма,—мучительный, тяжелый процессъ, который становился тѣмъ мучительнѣе и тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе росло усердіе охранителей. Россія уже не оправлялась послѣ неурожая 1880 года, да, *при существующихъ условіяхъ*, она и не могла оправиться. Уже въ 1882 году поступленіе прямыхъ налоговъ оказалось на 5 мил. рублей ниже „смѣтныхъ предположеній" и на одинъ милліонъ ниже поступленія предшествовавшаго 1881 года. Въ 1883 г. многія губерніи вынуждены были

просить продовольственныя ссуды, такъ какъ урожай этого года мѣстами былъ посредственный, а мѣстами и вовсе *плохой*, даже по офиціальнымъ свѣдѣніямъ. Послѣдующіе годы только ухудшили общее положеніе дѣлъ. „*Царское правительство приходитъ слишкомъ поздно*, — неуклонно отвѣчала экономія на торжественные возгласы реакціонеровъ. Экономическое банкротство, или сверженіе абсолютизма—таковъ единственный выборъ, представляющійся современной Россіи". Мы остались глухи къ голосу экономіи. Мы „разочаровывались" и „унывали" въ то время, когда надо было дѣйствовать, когда надо было бороться и когда за успѣхъ борьбы ручалась несокрушимая сила исторіи. Что же мы выиграли своимъ смиреніемъ? Рѣшило ли оно *страшный вопросъ*, стоявшій передъ нами? Десяти лѣтъ реакціи достаточно было для того, чтобы привести наше отечество на край погибели. Напрасно земства рекомендуютъ теперь крестьянамъ улучшенные способы обработки земли; напрасно толкуютъ они о „глубоко-захватывающемъ плугѣ". Кто дастъ денегъ на покупку такихъ плуговъ? Чѣмъ приводить ихъ въ движеніе? Какъ выкупить земли, заложенныя и перезаложенныя Разуваевымъ? Не напоминаютъ ли наши земскіе радѣтели доктора, который увѣрялъ умиравшихъ отъ холода и голода бѣдняковъ, что въ холодное время нужно

Какъ можно теплѣй укрываться,
И тутъ же совѣтъ разсудительный далъ
Здоровою пищей питаться.

Сами крестьяне гораздо лучше понимаютъ свое современное экономическое положеніе.

— А хозяйство какъ-же? спросилъ корреспондентъ „Новаго Времени" крестьянъ, шедшихъ изъ голодной мѣстности на заработки.

— Да ужъ хозяйства рѣшились. Что уже говорить! Какое хозяйство безъ лошадей? Хоть бы женъ и дѣтей прокормить.

„Одновременно, на всемъ пространствѣ бѣдствующихъ губерній словно электрическая искра пронеслась увѣренность въ невозможности дальнѣйшей борьбы, говоритъ г. Шараповъ въ той же газетѣ. И странное дѣло! Продажа скота и лошадей пріобрѣла характеръ не столько личной необходимости въ деньгахъ или невозможности прокормить, сколько чисто эпидемическій характеръ: *всѣ продаютъ*".

Нечего и говорить: теперь, когда, по разсчетамъ мѣстныхъ жителей, на 50 душъ крестьянъ въ голодающей Россіи останется одна лошадь, на 40 душъ одна корова, дальнѣйшая борьба съ природой за свое существованіе стала совершенно невозможна для крестьянина. *Чтобы вывести его изъ нужды, необходимо измѣнить общественныя условія земледѣлія.*

Голодъ 1891 года дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе нашего государственнаго строя. Это почти одинаково хорошо сознается какъ въ обществѣ, такъ и въ „правящихъ сферахъ". Теперь даже губернаторы говорятъ о необходимости измѣненія нашей податной системы, этого источника крестьянскаго порабощенія. По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" „въ правительственныя учрежденія представлена записка одного изъ губернаторовъ Поволжскаго края, въ которой указывается на необходимость перейти на

будущее время къ новой организаціи платежа податей. Признавая бѣдственное положеніе населенія большинства губерній, происходящее вслѣдствіе громадной его задолженности, губернаторъ указываетъ на то, что главною причиною служитъ необходимость уплаты недоимокъ, заставляющая крестьянъ продавать свой хлѣбъ почти за безцѣнокъ. Въ видахъ борьбы съ этимъ зломъ, губернаторъ предлагаетъ принимать отъ крестьянъ зерно въ счетъ государственныхъ, земскихъ и иныхъ платежей". Органъ г. Суворина Н. В. (16 Окт.) находитъ, что „ничего неосуществимаго губернаторскій проэктъ собою не представляетъ". Не желая спорить съ нимъ по этому поводу, мы замѣтимъ только, что превращеніе денежныхъ податей въ натуральныя далеко не означаетъ освобожденія крестьянина отъ крѣпостной зависимости по отношенію къ государству. Напротивъ, если бы оно было осуществлено, оно привело бы къ еще большему закрѣпощенію крестьянина, къ еще большему вмѣшательству администраціи въ его хозяйственную жизнь. А во что можетъ обойтись крестьянину это вмѣшательство, показываютъ, напримѣръ, просвѣтительные подвиги могилевскаго помпадура.

Этотъ почтенный администраторъ рѣшилъ, во-первыхъ, заняться улучшеніемъ породы крестьянскихъ лошадей. Сказано—сдѣлано. На покупку заводскихъ жеребцовъ взыскано въ 4-хъ уѣздахъ по 33 коп. съ надѣла; на содержаніе ихъ „**предложено**" вносить ежегодно по 22 копѣйки съ такой же хозяйственной единицы. „Это предпріятіе... не обошлось, однако, къ сожалѣнію, безъ нѣкоторыхъ промаховъ, тяжко отозвавшихся на населеніи, скромно говоритъ корреспондентъ (Р. В., № 215). Случные дворы поставлены подъ надзоръ крестьянскихъ присутствій и мѣстной полиціи. Пользованіе жеребцами является не правомъ крестьянъ, а поставляется имъ въ непремѣнную обязанность; крестьяне водятъ своихъ кобылицъ на дворы не по собственному желанію и усмотрѣнію, а по наряду, слѣдовательно, зачастую тогда, когда это не имѣетъ смысла. Дабы дѣло улучшенія породы происходило безъ замедленія, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр. въ Могилевскомъ, по распоряженію уѣздной администраціи, уничтожены всѣ крестьянскіе жеребцы; водить на дворы своихъ кобылицъ крестьянамъ приходится иногда верстъ за 40, въ весеннюю ростепель, что далеко не легко." Но заботливость мудраго администратора не ограничилась этими мудрыми мѣропріятіями. Онъ предпринялъ не болѣе и не менѣе какъ замѣну трехпольнаго крестьянскаго хозяйства—шестипольнымъ. Вводиться эта новая мѣра будетъ губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, по разъ навсегда установленному шаблону. „Члены крестьянскихъ присутствій настолько завалены работой каждый по своему вѣдомству—продолжаетъ тотъ же корреспондентъ—что вникать въ хозяйственныя условія каждаго селенія—они не имѣютъ времени, да зачастую и знанія ихъ не достаточны; поэтому при такой постановкѣ дѣла шаблонъ пожалуй и необходимъ, но результаты примѣненія его могутъ быть и очень печальны; сомнѣваться же въ наличности нужныхъ техническихъ знаній у членовъ крестянскихъ присутствій болѣе чѣмъ позволительно... Принудительная ломка всего сельскохозяйственнаго уклада крестьян-

скаго населенія была бы тогда только допустима, если бы она основывалась на техническомъ и экономическомъ разсчетѣ такой точности и приспособленности къ частнымъ условіямъ хозяйства каждаго населенія, что исключала бы возможность ошибки и связаннаго съ нею убытка для и безъ того небогатаго бѣлорусскаго земледѣльца... Въ нашемъ случаѣ нѣтъ и слѣда правильнаго и точнаго разсчета. Поэтому на первыхъ же порахъ встрѣтятся крупные промахи. На одинъ изъ нихъ можно указать уже и теперь. Крестьяне, согласно предписанію, посѣяли клеверъ на сѣмена на огородахъ. Крестьянскіе огороды всегда очень сильно удобрены; поэтому клеверъ разовьется очень роскошно, поляжетъ и перепутается, дастъ массу корма, но на сѣмена годиться не будетъ, такъ какъ сильное развитіе зеленыхъ частей растенія мѣшаетъ обильному сѣмяношенію и препятствуетъ равномѣрности созрѣванія сѣмянъ. Первый блинъ выйдетъ непремѣнно комомъ; этого же обязательно слѣдуетъ избѣгать въ каждомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, гдѣ ломается хозяйство всего населенія не по его доброй волѣ, а по предписанію; а вѣдь отъ хозяйства крестьянина зависитъ его благосостояніе."

Нѣтъ, не шестипольная система и улучшенное коневодство, насаждаемыя мощною рукою помпадуровъ, спасутъ Россію отъ конечнаго раззоренія: 'минуй насъ пуще всѣхъ печалей, и барскій гнѣвъ, и барская любовь!..

Сознаніе необходимости общественной самодѣятельности начинаетъ проникать и въ нашу легальную литературу, которая все чаще и чаще заговариваетъ теперь объ обязанностяхъ „общества" и передъ самимъ собою, и передъ трудящейся массой. „Голодъ — великій урокъ, говорятъ „Новости". Надо во чтобы то ни стало съумѣть имъ воспользоваться... Точно также какъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, севастопольская компанія выяснила намъ дурныя стороны нашей жизни и послужила поводомъ къ ея исправленію, нынѣшнее народное бѣдствіе должно послужить къ нашему вящему отрезвленію и обновленію" (№ 274).

Совершенно вѣрно, господа. Нынѣшнее бѣдствіе заставляетъ невольно вспоминать о севастопольскомъ погромѣ, положившемъ конецъ „незабвеннойн" иколаевщинѣ. Къ сожалѣнію, ни въ „Новостяхъ" и ни въ какомъ другомъ органѣ русской легальной печати мы не нашли даже отдаленнаго намека на важнѣйшую отличительную черту переживаемой нами эпохи. Севастопольское пораженіе выдвинуло на очередь такія реформы нашего общественнаго быта, которыя,—худо ли, хорошо ли, — въ состояніи было предпринять и выполнить само правительство. Да и эти реформы предприняты были лишь подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. **Теперь не то.** Теперь исторія настоятельно требуетъ отъ насъ такихъ дѣйствій и реформъ, на исполненіе которыхъ у царскаго правительства не хватитъ **ни умѣнья, ни**—тѣмъ менѣе—**охоты**. Теперь необходимо:

1) Немедленно найти средства для продовольствія сорокамилліоннаго населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній и для помощи рабочему классу, бѣдствующему отъ причиненной неурожаемъ безработицы. Для этого нужно, по умѣренному разсчету, отъ 300 до

400 милліоновъ, которыхъ, разумѣется, намъ никогда не дождаться отъ г. Вышнеградскаго.

2) Помочь русскому крестьянству возстановить свое земледѣльческое хозяйство, въ конецъ раззоренное многовѣковымъ грабежемъ, практиковавшимся помѣщиками и царскими чиновниками.

3) Сверху до низу передѣлать нашу финансовую систему, всею своею тяжестью лежавшую до сихъ поръ на спинѣ крестьянина.

Эти реформы могутъ быть **предприняты лишь по почину всей русской земли и осуществлены лишь при ея дѣятельномъ участіи.** Осуществите ихъ — и вы похороните русскій царизмъ. Но никакое правительство никогда еще не поднимало на себя руки. Поэтому, ничего не ожидая отъ царизма, надо дѣйствовать **вопреки ему.** Всѣ тѣ честные русскіе люди, которые не принадлежа къ міру дѣльцовъ, кулаковъ и русскихъ чиновниковъ, не ищутъ своей личной пользы въ бѣдствіяхъ народа, должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль учредительнаго собранія, т. е. положить **основы новаго общественнаго порядка въ Россіи.**

Разумѣется, въ дѣлѣ подобной агитаціи непремѣнно должны обнаружиться партіонныя и фракціонныя различія, существующія въ средѣ людей революціоннаго или оппозиціоннаго образа мыслей. Но эти различія ничему не помѣшаютъ. Пусть каждая партія и каждая фракція дѣлаетъ дѣло, подсказываемое ей ея программой. Результатомъ разнородныхъ усилій явится новый общественно-политическій строй, который во **всякомъ случаѣ** будетъ большимъ пріобрѣтеніемъ для всѣхъ партій, кромѣ достаточно уже опозорившейся **партіи кнута и палки.**

То, что мы предлагаемъ здѣсь, есть не утопія, измышленная изгнанникомъ, оторваннымъ отъ родной почвы, а насущное, неизбѣжное дѣло. Вы можете, если хотите, осмѣять наше предложеніе сегодня. Но ваша апатія не разрѣшитъ **страшнаго вопроса.** Если не теперь, то черезъ годъ, если не черезъ годъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ, вамъ придется считаться съ этимъ вопросомъ. И тогда, какъ и теперь, передъ вами будетъ лежать только одинъ путь дѣйствій: **борьба съ царизмомъ.** И чѣмъ раньше выступите вы на него, тѣмъ больше выиграетъ вся Россія. **Полное экономическое раззореніе нашей страны можетъ быть предупреждено лишь полнымъ политическимъ ея освобожденіемъ!**

Г. Плехановъ.

3/15 Января 1892.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ 1891 ГОДУ.

Въ послѣдніе годы движеніе западнаго пролетаріата пріобрѣло настолько широкіе размѣры, что факты, вчера еще казавшіеся свидѣтельствомъ огромнаго успѣха, нынѣ представляются чѣмъ-то само собою разумѣющимся и не вызываютъ ни восторга, ни удивленія. Такова, напримѣръ, демонстрація 1-го Мая. Въ 1890 году о ней говорили всѣ и каждый, ея приближеніе вызвало настоящую панику въ рядахъ буржуазіи. Въ слѣдующемъ году ея продолжали опасаться, къ ней готовились какъ готовятся къ стихійному бѣдствію, полиція и военныя власти были на ногахъ, но паники уже не было, и ободрившаяся буржуазія даже подшучивала на ту тему, что вотъ молъ, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ: какъ ни опасны козни соціалистовъ, но я справлюсь съ ними, какъ справлялась не разъ и въ прежнее время. Правда, склонность къ такого рода шуткамъ буржуазія обнаружила преимущественно тогда, когда опасность совсѣмъ миновала и когда, подведя итогъ совершившимся фактамъ, она убѣдилась, что власть осталась пока еще въ ея рукахъ. Наканунѣ же майской демонстраціи она не столько шутила, сколько злилась, лгала и клеветала. Больше всего отличилась въ этомъ отношеніи французская буржуазія. За день или за два до демонстраціи въ одной изъ парижскихъ газетъ появилась передовая статья, главная мысль которой могла быть выражена словами: бѣдная маменька, ты такъ устанешь, бивши папеньку! Рабочіе хотятъ добиться восьмичасового дня, говорилъ чувствительный авторъ статьи, они увѣряютъ, что заботятся объ интересахъ всѣхъ трудящихся. Но подумали ли они о полиціи и о солдатахъ, которымъ день перваго Мая принесетъ не отдыхъ, а страшное утомленіе. А вѣдь солдаты и полицейскіе служители—это плоть отъ плоти и кость отъ костей народа. Неужели не пожалѣетъ ихъ французскій пролетаріатъ, неужели пожелаетъ онъ переутомлять ихъ своимъ безпокойнымъ поведеніемъ?—Другой органъ парижской буржуазіи пошелъ еще дальше по пути безстыдной софистики. Какъ разъ наканунѣ демонстраціи онъ напечаталъ трогательное воззваніе къ патріотизму французскихъ рабочихъ, которыхъ заставляютъ манифестировать вмѣстѣ съ нѣмцами, этими исконными врагами Франціи, лишившими ее двухъ цвѣтущихъ провинцій. Лица, писавшія всѣ эти благоглупости, считали, по нѣмец-

кому выраженію, безъ хозяина. Они, какъ видно, не знали, что доводы, убѣдительные для буржуазныхъ Дерулэдовъ, не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ пролетаріата. Если майская демонстрація 1891 года *вездѣ* имѣла еще *болѣе величественный характеръ*, чѣмъ ея предшественница, то во Франціи она пріобрѣла особенно важное значеніе. Здѣсь усердіе охранителей буржуазнаго порядка привело къ разбойническому нападенію войска на рабочихъ въ промышленномъ городкѣ Фурми. Даже буржуазная французская палата устыдилась этого насилія надъ мирными манифестантами и, чтобы сгладить произведенное имъ впечатлѣніе, обѣщала приступить къ рѣшенію соціальнаго вопроса. Съ своей стороны, французское правительство, желая свалить съ себя отвѣтственность за майскія событія, предало суду Кюлина и Лафарга, будто бы виновныхъ въ подстрекательствѣ рабочихъ „къ бунту" (употребляя это выраженіе, какъ очень хорошо знакомое русскимъ читателямъ, мы можемъ увѣрить ихъ, что оно прекрасно передаетъ смыслъ обвиненія, выдвинутаго противъ Кюлина и Лафарга). Присяжные—такова сила буржуазнаго пристрастія!—вынесли обвинительный приговоръ, вслѣдствіе котораго Кюлинъ присужденъ къ тюремному заключенію на 6 лѣтъ, а Лафаргъ на годъ. Пролетаріатъ отвѣтилъ на этотъ приговоръ октябрьскимъ выборомъ Лафарга въ палату депутатовъ. О значеніи этого событія можно судить по тому, что Лафаргъ является въ сущности *первымъ марксистомъ*, получившимъ доступъ во французскую палату. Будущіе выборы присоединятъ къ нему Жюля Гэда, и тогда политическая борьба французскаго пролетаріата сразу удесятеритъ свою силу и энергію.

Французская рабочая партія, до сихъ поръ разбитая, къ сожалѣнію, на многочисленныя, несогласныя между собою фракціи, поставлена теперь обстоятельствами въ такое положеніе, что развѣ только неблагоразумная вражда этихъ фракцій можетъ помѣшать ея быстрому развитію въ самомъ близкомъ будущемъ. Буланжизмъ былъ послѣдней плотиной, задерживавшей приливъ рабочихъ массъ къ этой партіи. „Бравый генералъ" оказалъ Франціи ту неоспоримую услугу, что заваренная имъ политическая каша покрыла несмываемымъ позоромъ всѣ буржуазныя партіи, фракціи и факціи, независимо отъ того, были ли онѣ за него, или — противъ. Буланже убилъ французскій радикализмъ и тѣмъ, противъ собственнаго желанія и ожиданія, помогъ дѣлу соціализма. Французскимъ соціалистическимъ фракціямъ надо только перестать парализовать другъ друга, чтобы безъ труда объединить подъ своимъ общимъ знаменемъ всѣ недовольные элементы французскаго народа.

Съ удовольствіемъ замѣтимъ, что названныя фракціи сдѣлали, по крайней мѣрѣ, первые шаги къ объединенію. Въ 1889 г. поссибилисты, не желая засѣдать вмѣстѣ съ марксистами, организовали въ Парижѣ особый конгрессъ, на который имъ удалось привлечь многихъ представителей англійскихъ рабочихъ союзовъ. На Брюссельскомъ конгрессѣ 1891 г. поссибилисты присутствовали вмѣстѣ съ марксистами и хотя не во всемъ соглашались съ ними, но все таки

не отказались пристать къ рѣшеніямъ конгресса, обязательнымъ для всѣхъ фракцій и для всѣхъ народностей.

Брюссельскій конгрессъ представляетъ собою настолько выдающееся явленіе въ жизни пролетаріата, что мы, не смотря на недостатокъ мѣста, должны подробно разсмотрѣть его рѣшенія.

Всѣхъ уполномоченныхъ было на немъ 380: — 69 отъ Франціи, 42 отъ Германіи, 29 отъ Англіи, 11 отъ Австріи, 7 отъ Голландіи, 6 отъ Швейцаріи, 5 отъ Румыніи, 5 отъ Польши, 6 отъ Америки, 4 отъ Даніи, 3 отъ Италіи, по одному отъ Испаніи, Швеціи и Норвегіи, 2 отъ Венгріи и 188 отъ Бельгіи. Общее число представленныхъ на конгрессѣ рабочихъ доходило, по разсчету радикальной французской газеты „Rappel", до 6 милліоновъ; въ одной же изъ телеграммъ агентства „Герольдъ" оно опредѣлено въ 3½ милліона на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ *„отъ многихъ членовъ конгресса"*. Это разнорѣчіе объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что члены конгресса, въ своихъ вычисленіяхъ, имѣли въ виду однихъ только *организованныхъ* рабочихъ (товарищей, Genossen, какъ говорятъ нѣмцы), а радикальная французская газета подводила приблизительный итогъ всѣмъ тѣмъ рабочимъ, которые такъ или иначе поддерживаютъ рабочія организаціи, пославшія своихъ представителей на Брюссельскій конгрессъ, напримѣръ, подаютъ на выборахъ свои голоса за ихъ кандидатовъ. Около всякой дѣятельной организаціи всегда есть такого рода сочувствующая атмосфера, и само собою понятно, что если въ Брюсселѣ было представлено около 3½ милліона организованныхъ рабочихъ, то общее число пролетаріевъ, въ большей или меньшей степени затронутыхъ соціалистическимъ движеніемъ, простирается *по крайней мѣрѣ* до 6 милліоновъ.

Прежде всего съѣхавшіеся на конгрессъ представители пролетаріата занялись вопросомъ о *фабричномъ законодательствѣ*. Читателямъ извѣстно, вѣроятно, что уже Парижскій конгрессъ выставилъ цѣлый рядъ требованій, имѣющихъ цѣлью положить нѣкоторый предѣлъ эксплуатаціи труда капиталомъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и восьмичасовой день. Что же сдѣлано со времени Парижскаго конгресса правительствами различныхъ странъ для осуществленія этихъ требованій пролетаріата? Во многихъ странахъ (въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Австріи, въ Даніи, въ Швеціи и въ Румыніи) ровно ничего, въ другихъ (во Франціи, въ Англіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи и, прибавимъ отъ себя, въ Россіи) слишкомъ мало, вѣрнѣе *почти* ничего. Въ виду этого конгрессъ единогласно принялъ слѣдующее рѣшеніе:

„Стоя на точкѣ зрѣнія борьбы классовъ и убѣжденный въ томъ, что объ освобожденіи рабочихъ не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока существуетъ господство одного класса надъ другимъ,

КОНГРЕССЪ ОБЪЯВЛЯЕТЪ,

Что фабричные законы и распоряженія, изданныя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ странахъ со времени Парижскаго конгресса 1889 г., ни мало не соотвѣтствуютъ справедливымъ требованіямъ рабочаго класса;

Что Берлинская конференція, по признанію самихъ ея иниціаторовъ, созванная подъ давленіемъ Парижскаго конгресса,—и въ этомъ смыслѣ представляющая собою уступку растущей силѣ рабочаго класса, — обнаружила нежеланіе правительствъ

ввести необходимыя реформы;

Что, напротивъ, ссылаясь на рѣшенія этой конференціи, нѣкоторыя правительства отказались отъ дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства въ ихъ странахъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что подобнаго законодательства нѣтъ въ государствахъ, соперничающихъ съ ними на международномъ рынкѣ;

Конгрессъ указываетъ также, что существующее теперь, само по себѣ недостаточное, фабричное законодательство не находитъ достаточнаго примѣненія и исполненія.

Поэтому онъ приглашаетъ рабочій классъ всѣхъ странъ энергично бороться всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами пропаганды и агитаціи за осуществленіе рѣшеній Парижскаго конгресса, хотя бы борьба его и имѣла пока лишь то значеніе, что показала бы, до какой степени господствующіе и эксплуатирующіе классы враждебны всякой серьезной законодательной защитѣ интересовъ рабочихъ.

Кромѣ того, принимая во вниманіе, что необходимо придать одно общее направленіе международному рабочему движенію, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касается законодательной защиты интересовъ труда, конгрессъ предлагаетъ:

1) Предпринять въ каждой странѣ постоянное изслѣдованіе положенія рабочаго класса и условій, въ которыя поставленъ трудъ.

2) Установить обмѣнъ свѣдѣній, необходимыхъ для развитія фабричнаго законодательства и приданія ему однообразнаго характера.

Наконецъ, конгрессъ совѣтуетъ работникамъ всего міра объединять свои силы для борьбы противъ капиталистовъ, а тамъ, гдѣ рабочіе имѣютъ политическія права, онъ совѣтуетъ имъ пользоваться этими правами для своего освобожденія отъ рабства наемнаго труда.“

По принятіи этого рѣшенія конгрессъ перешелъ къ вопросу, имѣющему для насъ, русскихъ, большое практическое значеніе, именно къ *еврейскому вопросу*. Извѣстно, что подъ вліяніемъ дикихъ и свирѣпыхъ преслѣдованій многіе русскіе евреи вынуждены были оставить родину, ища убѣжища частью въ различныхъ странахъ Стараго Свѣта, а частью въ Америкѣ. Все это была бѣднота, готовая трудиться до седьмого поту за самое скудное вознагражденіе. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ эти изгнанники быстро прониклись духомъ современнаго рабочаго движенія. Въ ихъ средѣ образовались рабочія общества, изъ которыхъ нѣкоторыя уже имѣютъ свою военную исторію и свои неоспоримыя заслуги въ борьбѣ съ капиталомъ. Въ демонстраціи 1-го Мая русско-американскіе евреи принимали самое дѣятельное участіе. Неудивительно, поэтому, что мы встрѣчаемъ ихъ представителя и на Брюссельскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ. Чего хотѣли они, предлагая конгрессу высказаться по еврейскому вопросу, видно изъ рѣчи этого представителя, товарища *Когана*. „Я явился сюда не какъ еврей, а какъ рабочій, говорилъ онъ. Собственно для соціалистовъ еврейскій вопросъ такъ же мало существуетъ, какъ и военный вопросъ (вопросъ о милитаризмѣ). Но обстоятельства вынуждаютъ васъ обсуждать военный вопросъ. То же можно сказать и о вопросѣ еврейскомъ. Я требую равенства для всѣхъ..: Евреевъ травятъ, преслѣдуютъ, изъ нихъ сдѣлали какой-то особый классъ. Этотъ классъ хочетъ бороться и проситъ мѣста въ рядахъ соціальной демократіи... Русская печать постоянно нападаетъ на евреевъ, увѣряя, что насъ ненавидятъ даже рабочіе-соціалисты. Я прошу васъ заявить, что это неправда, что вы враги всѣхъ эксплуататоровъ, какъ евреевъ, такъ

и христіанъ (*продолжительныя рукоплесканія*), что вы такъ же сочувствуете рабочимъ-евреямъ, какъ и рабочимъ-христіанамъ (*рукоплесканія*). Это будетъ отвѣтомъ на клеветы русской печати и это дастъ возможность евреямъ принять участіе въ дѣлѣ освобожденія пролетаріата (рукоплесканія).*)

Въ отвѣтъ на рѣчь Когана извѣстный бельгійскій соціалистъ Вольдэрсъ сказалъ, что почти безполезно *выражать* сочувствіе угнетеннымъ евреямъ: со стороны *соціалистическаго* конгресса оно подразумѣвается само собою. „Соціалисты вездѣ отстаиваютъ угнетенныхъ противъ угнетателей, эксплуатируемыхъ противъ эксплуататоровъ. Угнетенные и эксплуатируемые всѣхъ странъ связаны между собою узами братства... Русскій соціалистическій мартирологъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ много еврейскихъ именъ, чтобы насъ можно было заподозрить во враждебномъ отношеніи къ евреямъ. Противо-еврейское движеніе поддерживается исключительно буржуазными партіями и объясняется, между прочимъ, тою завистью, которую христіанскіе эксплуататоры питаютъ къ эксплуататорамъ-евреямъ (*рукоплесканія*). Для угнетенныхъ евреевъ есть только одинъ путь освобожденія: вступленіе въ ряды соціалистовъ".

На основаніи всего имъ сказаннаго, Вольдэрсъ предложилъ конгрессу принять слѣдующее рѣшеніе:

„Принимая во вниманіе, что рабочія и соціалистическія партіи всѣхъ странъ всегда заявляли, что для нихъ не существуетъ племенной или національной вражды и не можетъ быть иной борьбы, кромѣ классовой борьбы пролетаріевъ всѣхъ племенъ противъ капиталистовъ всѣхъ націй;

Принимая во вниманіе, что единственнымъ путемъ освобожденія для рабочихъ-евреевъ является соединеніе ихъ съ рабочими соціалистическими партіями тѣхъ странъ, гдѣ они живутъ;

Конгрессъ, осуждая подстрекательства противъ евреевъ, какъ уловку, употребляемую капиталистами и реакціонными правительствами съ цѣлью внести раздѣленіе въ среду рабочихъ и отклонить соціалистическое движеніе отъ его истинной цѣли,

Признаетъ излишнимъ разсмотрѣніе вопроса, внесеннаго представителемъ группъ американскихъ соціалистовъ, говорящихъ по еврейски, и переходитъ къ очереднымъ вопросамъ.

Предложенное Вольдерсомъ рѣшеніе вызвало возраженія со стороны нѣкоторыхъ французскихъ уполномоченныхъ. Адвокатъ Аржиріадэсъ потребовалъ, чтобы конгрессъ высказался не только противъ антисемитическихъ (противуеврейскихъ), но и противъ *филосемитическихъ* подстрекательствъ (т. е. подстрекательствъ *въ пользу* евреевъ и *противъ* лицъ другихъ вѣроисповѣданій). Д-ръ Реньяръ, осуждая направленныя противъ евреевъ преслѣдованія, находилъ, однако, что существуетъ семитическій вопросъ, составляющій часть соціальнаго: „Именно, вопросъ еврейскихъ банковъ, острый вопросъ, который кончитъ тѣмъ, что погубитъ всѣхъ насъ". Послѣ довольно горячихъ споровъ конгрессъ принялъ рѣшеніе Вольдэрса съ поправкой, предложенной Аржиріадэсомъ.

---

*) Возстановляемъ сказанное товарищемъ Коганомъ по газетнымъ отчетамъ, очень сожалѣя, что онъ не прислалъ намъ своей рѣчи. Редакція „Соціаль-демократа" была бы очень благодарна ему за такую присылку.

Мы должны признаться, что насъ оно не удовлетворяетъ. Принявъ его, конгрессъ въ сущности отказался входить въ разсмотрѣніе еврейскаго вопроса. Отказъ его былъ основанъ на томъ соображеніи, что соціалистическій пролетаріатъ никогда не занимался и не могъ заниматься противоеврейской травлей. Это, конечно, совершенно справедливо, но это еще ничего не доказываетъ. Соціалисты въ своихъ программахъ никогда не высказывались противъ расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ женщинъ; но это не помѣшало конгрессу принять рѣшеніе, приглашающее соціалистическія партіи всѣхъ странъ внести въ свои программы требованіе полнаго гражданскаго и политическаго равенства обоихъ половъ*). „Хотя это требованіе и стоитъ уже въ нашей программѣ, говорилъ нѣмецкій уполномоченный Зингеръ, но есть страны, въ которыхъ оно еще не выставлено, и потому наше рѣшеніе будетъ вполнѣ умѣстно.... Мы, нѣмцы, тѣмъ охотнѣе высказываемся въ пользу этого рѣшенія, что въ особенности послѣдніе выборы доказали намъ, до какой степени мы обязаны своими успѣхами, между прочимъ, и неутомимой дѣятельности и восторженной преданности женщинъ“. Почти то же можно было сказать и по поводу еврейскаго вопроса: хотя мы, соціалисты, уже и прежде всегда стояли за полную равноправность людей, независимо отъ ихъ племенного происхожденія и религіи, но такъ какъ есть страны, въ которыхъ враждебныя намъ партіи стараются толкнуть рабочихъ на путь противо-еврейскаго движенія, то вполнѣ умѣстно будетъ пригласить всѣ соціалистическія партіи оттѣнить въ своихъ программахъ требованіе полнаго гражданскаго и политическаго равенства гражданъ всякой данной страны, къ какой бы народности, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали. И мы, соціалисты всѣхъ странъ, съ тѣмъ большею готовностью сдѣлаемъ это, что мы знаемъ, какъ много обязано евреямъ своими успѣхами международное соціалистическое движеніе, и какими низкими побужденіями руководствуются правительства и партіи, натравливающія христіанъ на евреевъ. — Противъ такого рѣшенія едва ли нашлись бы сколько нибудь серьезные доводы. Г. Аржиріадэсу конгрессъ могъ бы замѣтить, что *фило*семитизмъ нельзя ставить на одну доску съ *анти*семитизмомъ. Если бы существовало такое еврейское государство, въ которомъ были бы предоставлены особыя права евреямъ, *какъ евреямъ*, а христіане подвергались бы угнетенію за то, что они христіане, тогда поправка Аржиріадэса оказалась бы вполнѣ умѣстной. Но такъ какъ подобное еврейское государство не существуетъ; такъ какъ „филосемитическія подстрекательства“ происходятъ (если происходятъ) въ христіанскихъ государствахъ, вовсе не склонныхъ къ предоставленію евреямъ особыхъ политическихъ или гражданскихъ правъ; такъ какъ, наконецъ, *фило*семитизмъ далеко не представляетъ собою такой большой политической опасности, какой несомнѣнно является *анти*семитизмъ, то поправка Аржиріадэса лишается всякаго смысла. Что же касается „семитическаго во-

*) Рѣшеніе это было предложено конгрессу присутствовавшими на немъ соціалистками: Анной Кулишовой, В. Друкеръ, Э. Ирэръ, Луизой Каутской и О. Баадеръ.

проса“ д-ра Реньяра, то смѣшно было бы считаться съ такимъ вопросомъ. Если „насъ“ дѣйствительно погубятъ еврейскіе банки, то они погубятъ насъ какъ *банки*, а не какъ принадлежащіе *евреямъ* банки. Вопросъ же о банкахъ есть *экономическій*, а вовсе не *племенной* вопросъ.

Къ чести французскаго пролетаріата надо замѣтить, что собственно къ *рабочей партіи* д-ръ Реньяръ не принадлежитъ. Онъ посланъ былъ на конгрессъ какимъ-то *„кружкомъ для изученія соціальныхъ вопросовъ“*, который, какъ видно, далеко еще не усвоилъ себѣ теорій современнаго соціализма.

Требуя политической и гражданской равноправности женщинъ съ мущинами, конгрессъ, разумѣется, имѣлъ въ виду столько же еврейскихъ женщинъ, сколько и всѣхъ другихъ. Какой же видъ принимаетъ его требованіе по отношенію, напримѣръ, къ Румыніи? Выходитъ, что онъ, требуя для румынскихъ *евреекъ* полной равноправности съ мущинами, не счелъ въ то же время нужнымъ протестовать противъ гражданскаго безправія румынскихъ *евреевъ*. За что же такое пристрастіе къ прекрасному полу?

Мы полагаемъ, что пересмотра рѣшенія, принятаго Брюссельскимъ конгрессомъ относительно еврейскаго вопроса слѣдовало бы потребовать на будущемъ конгрессѣ представителямъ тѣхъ странъ (напр. Россіи и Румыніи), въ которыхъ евреи до сихъ поръ стоятъ внѣ общаго права и гдѣ, поэтому, антисемитическое движеніе имѣетъ особенно опасный, реакціонный характеръ.

Перейдемъ къ другимъ рѣшеніямъ конгресса. Изъ числа вопросовъ, непосредственно касающихся положенія рабочаго класса, имъ были разсмотрѣны, кромѣ вышеупомянутаго вопроса о фабричномъ законодательствѣ, еще вопросы: 1) о стачкѣ и бойкотѣ*), 2) о поштучной платѣ и объ урочной работѣ и 3) о праздновaніи перваго Мая.

По первому вопросу рѣшеніе конгресса гласитъ такъ:

„При современныхъ экономическихъ отношеніяхъ и постоянномъ стремленіи господствующихъ классовъ урѣзывать политическія права и ухудшать экономическое положеніе рабочихъ, *стачки* и *бойкоттъ* являются для рабочаго класса необходимымъ оружіемъ, какъ для защиты отъ нападеній враговъ, такъ и для завоеванія тѣхъ уступокъ, какія возможны въ современномъ буржуазномъ обществѣ.

„Но такъ какъ стачки и бойкоттъ являются въ то же время обоюдоострымъ оружіемъ и, будучи примѣняемы въ неудобное время, могутъ скорѣе повредить, чѣмъ принести пользу рабочему классу,— конгрессъ совѣтуетъ рабочимъ каждый разъ старательно взвѣшивать

---

*) Что значитъ *бойкоттъ* — пояснимъ примѣромъ. Положимъ, что берлинская полиція уговорила какого нибудь трактирщика не давать соціаль-демократамъ имѣющейся у него въ „заведеніи“ залы для *собраній*. Тогда партія приглашаетъ рабочихъ не ходить въ такой трактиръ. Такъ какъ въ Берлинѣ много сочувствующихъ соціаль-демократамъ рабочихъ, то *„бойкотированный“* трактирщикъ несетъ большіе убытки и сдается по-неволѣ. Бойкоттировать какое нибудь лицо или учрежденіе значитъ наложить на него запрещеніе, прекратить съ нимъ всякія сношенія. Въ рукахъ сильной партіи бойкоттъ можетъ быть очень сильнымъ оружіемъ борьбы.

всѣ обстоятельства прежде, чѣмъ употреблять это оружіе. Для борьбы этого рода конгрессъ считаетъ безусловно необходимой ремесленную организацію рабочихъ, которая дастъ имъ и численную силу и матеріальныя средства для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

„На этомъ основаніи, конгрессъ совѣтуетъ всѣмъ рабочимъ помогать развитію ремесленныхъ союзовъ и протестуетъ противъ всѣхъ правительственныхъ и предпринимательскихъ попытокъ ограничить право рабочихъ составлять союзы. Онъ требуетъ также отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ это право, и наказанія тѣхъ лицъ, которыя мѣшаютъ рабочимъ пользоваться уже признаннымъ за нимъ правомъ.

„Такъ какъ, не смотря на всюжелательность центральной международной организаціи, объединяющей силы рабочаго класса, такая организація встрѣтила бы въ настоящее время слишкомъ много затрудненій, конгрессъ предлагаетъ устраивать въ странахъ, гдѣ это возможно, національные рабочіе секретаріаты, которые слѣдили бы за борьбой труда съ капиталомъ и, при всякомъ столкновеніи, давали бы возможность рабочимъ различныхъ странъ принимать мѣры для поддержки ихъ товарищей.“

Вотъ рѣшеніе, принятое относительно поштучной платы:

„Принимая во вниманіе, что поштучная плата и урочная работа все болѣе и болѣе распространяющіяся какъ въ крупной, такъ и въ мелкой промышленности, усиливаютъ эксплуатацію рабочей силы и ухудшаютъ положеніе рабочихъ;

Что онѣ постепенно низводятъ рабочаго до положенія машины;

Что, вызывая соперничество между рабочими, онѣ уменьшаютъ заработную плату, позволяя предпринимателямъ разсчитывать среднiй заработокъ по такой работѣ, на какую способны лишь наилучшіе рабочіе;

„Что поштучная плата и урочная работа вызываютъ постоянныя столкновенія, какъ между хозяевами и рабочими, такъ и между самими рабочими;

„Что во многихъ отрасляхъ производства онѣ ведутъ къ работѣ на дому и тѣмъ мѣшаютъ сплоченію рабочихъ и образованію между ними союзовъ сопротивленія, а также препятствуютъ примѣненію полезныхъ для рабочихъ фабричныхъ законовъ,

„Конгрессъ полагаетъ,

„Что эта гнусная система сильнѣйшей эксплуатаціи рабочихъ представляетъ собою естественное слѣдствіе капитализма и исчезнетъ только съ капитализмомъ,

„Но что, тѣмъ не менѣе, рабочія организаціи всѣхъ странъ должны всѣми силами противиться распространенію этой системы,

„Что система промежуточныхъ подрядовъ (такъ называемая англичанами система выжиманія пота) также ведетъ за собою крайне вредныя послѣдствія и потому должна вызывать не менѣе сильный отпоръ со стороны рабочихъ“.

Русскому читателю, можетъ быть, не совсѣмъ понятно, что надо понимать подъ словами—система промежуточныхъ подрядовъ. Очень вѣроятно, что мы неловко выразились, переводя на русскій языкъ

относящееся сюда рѣшеніе конгресса. Пусть же читатель самъ найдетъ подходящее русское выраженіе, а мы только пояснимъ, въ чемъ тутъ дѣло. У насъ въ кустарномъ производствѣ (напримѣръ въ ткачествѣ) существуютъ такъ называемые *мастерки*, которые, беря матеріалъ у скупщиковъ, раздаютъ его производителямъ, изъ заработной платы которыхъ они берутъ очень почтенный процентъ „*за коммиссію*". Иногда такіе подряды подраздѣляются на нѣсколько ступеней; одинъ „мастерокъ" передаетъ подрядъ нѣсколькимъ другимъ „мастеркамъ", а тѣ уже имѣютъ дѣло съ кустарями. Разумѣется, получаемая каждымъ такимъ мастеркомъ прибыль отнимается отъ заработной платы производителя. Такую систему нѣмцы называютъ *системой промежуточныхъ мастеровъ*, англичане *системой выжиманія пота* (sweating system), а мы называли ее системой промежуточныхъ подрядовъ. Англійское названіе особенно ясно показываетъ, до какой степени плохо приходится отъ нея работникамъ. Одинъ изъ англійскихъ уполномоченныхъ, Уокэръ, заявилъ на конгрессѣ, что онъ пріѣхалъ именно затѣмъ, чтобы протестовать противъ этой системы.

Читатель знаетъ, что въ 1890 году англичане, а въ 1891 — англичане, нѣмцы и швейцарцы перенесли рабочій праздникъ съ перваго Мая на *первое воскресенье* этого мѣсяца. Огромному большинству уполномоченныхъ хотѣлось устранить это отклоненіе отъ общаго правила, въ чемъ они, наконецъ, успѣли. Англичане, голосовавшіе сначала противъ принятаго огромнымъ большинствомъ рѣшенія, немедленно послѣ голосованія объявили, что, не желая отдѣляться отъ рабочихъ другихъ странъ, они также къ нему присоединяются. Были также споры о томъ, слѣдуетъ ли рабочимъ отказываться въ день перваго Мая отъ работы, или они могутъ ограничиться *вечерними* собраніями. Рѣшено, что отказываться отъ работы надо повсюду, гдѣ это возможно. Нѣкоторые уполномоченные хотѣли, чтобы майская рабочая демонстрація въ пользу восьмичасового дня была также и демонстраціей въ пользу международнаго *мира*. Большинство представленныхъ на конгрессѣ націй голосовало противъ этого предложенія, на томъ основаніи, что первое Мая и безъ того имѣетъ *международный* характеръ, а слѣдовательно заключаетъ въ себѣ протестъ противъ войнъ. (Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ это за представителей своей страны австрійскій уполномоченный Адлеръ, въ томъ же смыслѣ высказался нѣмецъ Либкнэхтъ.) Вотъ относящееся къ первому Мая рѣшеніе конгресса, на которое мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей-*рабочихъ*.

„Чтобы сохранить за первымъ Мая его истинный экономическій характеръ: требованія восьмичасового дня и оттѣненія классовой борьбы;

„Конгрессъ рѣшаетъ,

„Что должна быть одна общая демонстрація рабочихъ всѣхъ странъ, и что эта демонстрація будетъ имѣть мѣсто перваго Мая.

„Онъ предлагаетъ прекращать работы всюду, гдѣ это возможно."

Въ одиннадцатомъ засѣданіи конгресса говорилъ докладчикъ коммиссіи, выбранной для обсужденія вопроса о милитаризмѣ,

Либкнэхтъ. Въ сильной, краснорѣчивой, глубоко продуманной и горячо прочувствованной рѣчи онъ показалъ, что „соціализмъ представляетъ собою единственное средство уничтоженія милитаризма и прекращенія международныхъ военныхъ отношеній“. Въ заключеніе онъ предложилъ конгрессу единогласно принять слѣдующее рѣшеніе („чтобы во всемъ мірѣ раздались этотъ протестъ противъ милитаризма и этотъ призывъ къ миру“):

„Принимая во вниманіе, что милитаризмъ, лежащій страшной тяжестью на всей Европѣ, является необходимымъ слѣдствіемъ постояннаго — открытаго или скрытаго — военнаго положенія, навязаннаго современнымъ обществамъ системой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и вытекающей изъ нея классовой борьбы,

„Конгрессъ утверждаетъ, что всѣ стремленія къ устраненію милитаризма и установленію всеобщаго мира, не направленныя противъ экономической причины зла, останутся безсильными, какъ бы ни были благородны вызывающія ихъ побужденія;

„Что лишь соціалистическій строй, уничтоживъ эксплуатацію человѣка человѣкомъ, положитъ конецъ милитаризму и упрочитъ миръ;

„Что, поэтому, всѣ противники войны должны присоединиться къ международной соціальной демократіи, какъ къ единственной настоящей партіи мира.

„Въ виду постоянной опасности, угрожающей европейскому миру, и лже-патріотическихъ науськиваній со стороны высшихъ классовъ, конгрессъ предлагаетъ рабочимъ всѣхъ странъ постоянно и энергично протестовать противъ всякихъ воинственныхъ поползновеній и союзовъ, ихъ поддерживающихъ, и содѣйствовать торжеству соціализма неустанной работой надъ завершеніемъ международной организаціи пролетаріата.

„Конгрессъ объявляетъ, что нѣтъ другого средства предотвратить всеобщую войну со всѣми ея ужасами, которые прежде всего падутъ на рабочее населеніе,—

„И возлагаетъ на господствующіе классы всю отвѣтственность за нее передъ исторіей и передъ человѣчествомъ.“

Въ защиту этого рѣшенія говорилъ и французскій уполномоченный *Вальянъ*. Его рѣчь также очень сочувственно выслушана была присутствующими. Но, къ сожалѣнію, оказалось, что объ единогласномъ принятіи предложеннаго докладчиками рѣшенія не можетъ быть и рѣчи. Противъ него возсталъ *Д. Ньевенгайсъ*, считавшій его слишкомъ неопредѣленнымъ, — даже фразистымъ, — и недостаточно радикальнымъ. По его мнѣнію, конгрессъ долженъ былъ „*заявить, что въ случаѣ войны соціалисты всѣхъ странъ обратятся къ народу съ воззваніемъ, приглашающимъ его сдѣлать всеобщую стачку*“. Онъ думалъ также, что въ этомъ случаѣ солдаты-соціалисты должны отказаться отъ военной службы. Мимоходомъ онъ задѣлъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ нихъ не свободны отъ національныхъ предразсудковъ. Отвѣчая на его рѣчь, Либкнэхтъ сказалъ, что вся исторія нѣмецкаго движенія доказываетъ неосновательность подобнаго упрека, что же касается до фразерства, то имъ

страдаетъ именно предложеніе Ньевенгайса. „Что значитъ фразерствовать? Это значитъ давать такія обѣщанія, которыхъ нельзя исполнить. Буржуазія имѣла бы право смѣяться надъ нами, если бы мы приняли предлагаемое Ньевенгайсомъ рѣшеніе. Принять это рѣшеніе—значитъ напередъ опредѣлить время революціи, а революціи принадлежатъ къ числу такихъ вещей, которыя слѣдуетъ дѣлать, но о которыхъ не слѣдуетъ говорить; въ особенности же не слѣдуетъ заранѣе опредѣлять время революціоннаго взрыва."

Правъ или неправъ былъ Либкнэхтъ? Что онъ былъ совершенно правъ, ясно изъ слѣдующаго, въ высшей степени разумнаго заявленія *польскихъ* уполномоченныхъ.

„1) Партія, достаточно могущественная для того, чтобы помѣшать войнѣ, можетъ сдѣлать и революцію. Декретируемъ же революцію — это будетъ еще громче.

„Но, какъ намъ кажется, мы, не будучи въ состояніи поступить иначе, засѣдаемъ на конгрессѣ, а не дѣлаемъ революціи. Еще менѣе возможности сдѣлать революцію будетъ у насъ во время войны. Наша задача заключается въ томъ, чтобы помѣшать началу войны;

„2) Конгрессъ долженъ принять практическое, а не чувствительное рѣшеніе. Докладчикъ Ва̀ллья̀нъ справедливо замѣтилъ, что надо предоставить отдѣльнымъ народамъ выборъ средствъ, которыми они будутъ препятствовать войнѣ. Съ революціонной точки зрѣнія или, вѣрнѣе, съ точки зрѣнія насильственныхъ дѣйствій, на которую становится гражданинъ Домела (Ньевенгайсъ), быть можетъ найдутся средства посильнѣе стачки, которая именно и *невозможна*;

„3) Къ чему привела бы стачка во время войны между центральной Европой, гдѣ существуетъ организованная соціалистическая партія, дѣлающая стачку возможной, и Россіей, гдѣ такая стачка невозможна? Мы имѣли бы дѣло съ казацкимъ нашествіемъ.

„Поэтому, если гдѣ есть фраза, то именно въ голландскомъ предложеніи, не обращающемъ вниманія на дѣйствительное положеніе вещей.

„Мы, поляки, готовы всѣмъ пожертвовать, чтобы парализовать царизмъ, если бы онъ началъ проявлять воинственность,—и мы это сдѣлаемъ не стачкой, а болѣе дѣйствительными средствами.

„Мы настоятельно просимъ васъ принять въ интересахъ международной революціи рѣшеніе, предложенное Вальяномъ и Либкнэхтомъ."

Это заявленіе до такой степени исчерпываетъ весь вопросъ, что непонятнымъ остается одно: зачѣмъ Д. Ньевенгайсъ, человѣкъ очень умный и безусловно преданный соціализму, заварилъ на конгрессѣ такую кашу, которая могла быть питательной только для буржуазіи? Это можетъ быть объяснено только крайней непрактичностью Д. Ньевенгайса. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ неисправимыхъ идеалистовъ, которые, отъ души сочувствуя *дѣлу* пролетаріата, никакъ не могутъ понять свойственную ему *тактику*, и потому незамѣтно для себя часто становятся въ противорѣчіе съ его насущнѣйшими *задачами*. На Парижскомъ конгрессѣ Домела высказывался противъ восьмичасового дня. На Брюссельскомъ—онъ, по вопросу о милита-

ризмѣ, высказался почти какъ анархистъ. И та, и другая ошибка проистекаетъ изъ одного и того же источника. Но, какъ выдающійся человѣкъ, Д. Ньевенгайсъ имѣетъ большое вліяніе на своихъ ближайшихъ товарищей: онъ—признанный вождь голландскихъ соціалистовъ. Этимъ объясняется то, что только одинъ голландскій уполномоченный высказался противъ его предложенія, остальные же поддерживали его и, въ свою очередь, давали конгрессу почти анархическіе совѣты.

Впрочемъ, ни на Парижскомъ, ни на Брюссельскомъ конгрессѣ Ньевенгайсъ не помѣшалъ представителямъ другихъ странъ опредѣлить надлежащій способъ дѣйствій. Требованіе восьмичасового дня предъявляется теперь буржуазіи цѣлыми милліонами рабочихъ, встрѣчая сочувствіе *также и въ Голландіи.* Предложенное Либкнэхтомъ и Вальяномъ рѣшеніе относительно милитаризма принято въ Брюсселѣ огромнымъ большинствомъ уполномоченныхъ: за него высказались всѣ націи, за исключеніемъ *меньшинства* французовъ и англичанъ и большинства голландцевъ.

Вечеромъ 22 Августа окончены были засѣданія Брюссельскаго конгресса. Въ своей заключительной рѣчи Вольдэрсъ замѣтилъ, что этотъ конгрессъ разрѣшилъ крайне трудную задачу, объединивъ всѣ борющіяся фракціи пролетаріата: *„мы всѣ можемъ сказать теперь, что его объединеніе есть совершившійся фактъ“*. И въ самомъ дѣлѣ, на *Парижскомъ* конгрессѣ Англія представлена была очень слабо: большая часть представителей англійскихъ рабочихъ союзовъ предпочла отправиться на засѣдавшій въ то же время и въ томъ же городѣ конгрессъ *поссибилистовъ* (наиболѣе умѣренной соціалистической фракціи во Франціи). Въ Брюсселѣ, какъ уже сказано, поссибилисты сидѣли рядомъ съ бланкистами и марксистами,*) а представители даже очень умѣренныхъ англійскихъ рабочихъ союзовъ открыто стали на точку зрѣнія *борьбы классовъ.* Это огромный шагъ впередъ, которымъ пролетаріатъ обязанъ прежде всего стараніямъ и умѣнью организаторовъ конгресса — бельгійскихъ соціаль-демократовъ.

Изо всѣхъ странъ Европы только Россія не имѣла ни одного представителя на Брюссельскомъ конгрессѣ, между тѣмъ какъ на Парижскомъ отъ нея было *нѣсколько* представителей. Враги могутъ съ кажущеюся убѣдительностью заключить изъ этого, что русское соціалистическое движеніе клонится къ упадку. На самомъ дѣлѣ отсутствіе въ Брюсселѣ русскихъ уполномоченныхъ доказываетъ какъ разъ обратное: оно вызвано было именно успѣшнымъ распространеніемъ соціалистическихъ взглядовъ въ Россіи. Кого собственно представляли русскіе уполномоченные на Парижскомъ конгрессѣ? Небольшія группы „интеллигентовъ“; эти группы, не опираясь на существующія въ Россіи *рабочія* организаціи, были соціалистическими *только въ возможности.* Представители *возможнаго* соціалистическаго

---

*) Тамъ же рѣшено было французскими уполномоченными основать *одну общую* организацію ремесленныхъ союзовъ во Франціи, независимо отъ того, какому направленію сочувствуютъ эти союзы: марксистамъ, поссибилистамъ, или бланкистамъ.

движенія въ Россіи являлись на дѣловое собраніе представителей *дѣйствительнаго*—и при томъ уже принявшаго огромные размѣры—соціалистическаго движенія Запада. Ихъ встрѣчали очень сочувственно; но не могли же не видѣть они, что положеніе ихъ по меньшей мѣрѣ странно. По правдѣ говоря, они напоминали собою тѣхъ уличныхъ мальчиковъ, которыхъ всегда много собирается на военные смотры и парады. Зачѣмъ приходятъ эти мальчики? Они хорошо знаютъ, что въ ряды имъ не попасть, что не для нихъ играетъ военная музыка, не для нихъ развертывается знамя; но ихъ привлекаетъ самое зрѣлище, и они довольствуются тѣмъ, что промаршируютъ хоть *около* стройныхъ рядовъ, стараясь попадать въ ногу и придавая себѣ по возможности воинственный видъ. Такая роль недостойна взрослыхъ людей, и мы полагаемъ, что именно поэтому русскіе соціалисты не явились въ Брюссель. По крайней мѣрѣ, русскіе соціаль-демократы не явились именно по этой причинѣ. „Мы возложили на себя обязанность покрыть Россію сѣтью рабочихъ обществъ — говорится въ *„Докладѣ, представленномъ редакціей русскаго „Соціаль-Демократа“ на международный рабочій соціалистическій конгрессъ въ Брюсселѣ“*. И пока эта цѣль не будетъ достигнута, мы будемъ воздерживаться отъ участія въ вашихъ съѣздахъ. Пока она не будетъ достигнута, всякое представительство на нихъ русской соціальной демократіи было бы *фиктивнымъ*, а мы не хотимъ *фикцій*. Мы увѣрены, что скоро такое воздержаніе уже не будетъ имѣть смысла. Очень возможно, что на будущемъ международномъ конгрессѣ вы увидите въ вашей средѣ настоящихъ представителей русскихъ рабочихъ. А въ ожиданіи этого времени, мы увѣрены, что всѣ вы, безъ различія національностей, пожелаете намъ успѣха.“

„Настойчивыя усилія русскихъ соціалистовъ позволяютъ надѣяться—сказалъ Вольдэрсъ на послѣднемъ засѣданіи—что на будущій конгрессъ явятся представители организованнаго русскаго пролетаріата, не тѣ русскіе, которые живутъ за-границей, а русскіе изъ Россіи.“ Пусть запомнятъ эти слова наши рабочіе. Ихъ ждутъ и радостно встрѣтятъ ихъ западно-европейскіе братья.

Конечно, съ точки зрѣнія полицейскихъ преслѣдованій непосредственное появленіе русскихъ рабочихъ на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ—дѣло очень трудное и, повидимому, несбыточное: ихъ представители не могли бы вернуться на родину. Но, во-первыхъ, можно обойти и эту трудность (разумѣется, мы не скажемъ *печатно*, какъ сдѣлать это), а во-вторыхъ, — и въ крайнемъ случаѣ — рабочіе кружки могутъ давать свои полномочія лицамъ, оставляющимъ Россію или живущимъ за-границей. Все дѣло тутъ въ томъ, чтобы не было обмана, чтобы лица эти представляли на конгрессѣ *не самихъ себя, а существующія въ Россіи рабочія общества.* Посылаютъ же на конгрессы своихъ представителей соціалисты-рабочіе русской Польши, а вѣдь они живутъ подъ тѣмъ же царскимъ правительствомъ, что и русскіе рабочіе.

Кромѣ общихъ засѣданій конгресса рабочіе представители собирались въ Брюсселѣ также на особыя международныя *конференціи по отдѣльнымъ ремесламъ*. Укажемъ на конференціи: 1) рабочихъ гор-

ныхъ заводовъ, 2) рабочихъ, занимающихся обработкой продуктовъ, идущихъ въ пищу (булочниковъ и т. д.), 3) рабочихъ, обработывающихъ волокнистыя вещества (ткачей, прядильщиковъ и т. п.) и 4) рабочихъ, обработывающихъ *дерево.*

Мы не станемъ описывать праздниковъ, устроенныхъ въ честь членовъ конгресса бельгійской рабочей (соціалистической) партіей. Скажемъ только, что если бы какая нибудь волшебная сила перенесла русскаго рабочаго на одинъ изъ такихъ праздниковъ, онъ подумалъ бы, что ему снится самый фантастическій, самый несбыточный сонъ: въ обширныхъ, прекрасно убранныхъ залахъ или подъ открытымъ небомъ, — на улицахъ, въ саду, — собираются тысячи народа, поются революціонныя пѣсни, музыка играетъ революціонные марши, всѣ веселы, всѣ увѣрены въ себѣ, въ торжествѣ дорогого дѣла... „А гдѣ же полиція?" — спросилъ бы русскій человѣкъ, и, къ удивленію своему, услышалъ бы, что въ Бельгіи есть *политическая свобода*, что тамъ полиція не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ такія собранія, за которыя у насъ услали бы въ Камчатку. Великое дѣло— политическая свобода!

Упомянемъ въ заключеніе объ адрессѣ, присланномъ на Брюссельскій конгрессъ *рабочими союзами Австраліи.* Трудно слѣдить изъ Европы за успѣхами рабочаго движенія въ этой отдаленной части свѣта. Но по скольку мы знаемъ о немъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что оно очень быстро развивается, рѣшительно направляясь въ сторону *соціализма.* Въ своемъ обращеніи къ Брюссельскому конгрессу австралійскіе рабочіе заявляютъ, что ихъ цѣли нисколько не отличаются отъ цѣлей европейскихъ и американскихъ рабочихъ; они настаиваютъ также на созданіи *всемірной организаціи пролетаріата.*

Изъ національныхъ соціалистическихъ конгрессовъ прошлаго года мы упомянемъ здѣсь лишь объ Эрфуртскомъ конгрессѣ (14—20 Октября) нѣмецкой соціальной демократіи. И буржуазія, и пролетаріатъ интересовались имъ едва ли меньше, чѣмъ международнымъ Брюссельскимъ конгрессомъ. На немъ обсуждался важный вопросъ о тактикѣ партіи, вопросъ отъ рѣшенія котораго зависѣла вся ея будущность. Блестящая побѣда, одержанная партіей на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ, и вызванное ею паденіе Бисмарка съ его исключительнымъ закономъ въ огромной степени увеличили силу и значеніе нѣмецкой соціаль-демократіи. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ ея приверженцевъ стали требовать перемѣны ея тактики. Въ ея средѣ зародилось два новыхъ направленія: одно—направленіе Фольмара и его мюнхенскихъ сторонниковъ — въ своей умѣренности и аккуратности грозило превзойти даже французскихъ поссибилистовъ; другое — направленіе такъ называемой оппозиціи — было сначала чѣмъ-то въ родѣ соціаль-демократическаго бунтарства. Оба эти направленія произошли въ сущности изъ одного и того же источника: изъ преувеличеннаго представленія о силахъ партіи. Фольмаръ думалъ, что эти силы даютъ возможность заключить выгодное перемиріе съ господствующими классами. А чтобы расположить эти классы къ уступчивости, онъ готовъ былъ если не совсѣмъ отречься отъ

конечной цѣли партіи—*соціалистической организаціи производства*—то, по крайней мѣрѣ, признать и объявить ее дѣломъ очень отдаленнаго будущаго, такимъ дѣломъ, ради котораго соціальная демократія не должна отказываться отъ выгодныхъ сдѣлокъ съ врагами: лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ, разсуждалъ мюнхенскій агитаторъ. Оппозиція думала иначе: ей казалось, что сила партіи теперь уже достаточно велика для того, чтобы соціаль-демократы могли вести пролетаріатъ къ возстанію. Приверженцы каждаго изъ этихъ новыхъ направленій были сравнительно очень малочисленны. Но разъ они явились, съ ними необходимо было считаться. Эрфуртскій конгрессъ долженъ былъ рѣшить поднявшіеся споры.

Явившись на конгрессъ, Фольмаръ скоро увидѣлъ, что о торжествѣ его направленія не можетъ быть и рѣчи. Какъ человѣкъ сдержанный и разсудительный, онъ, не вдаваясь въ безполезныя пререкательства, заботился лишь о томъ, чтобы обезпечить себѣ не слишкомъ постыдное отступленіе. Выражая полную готовность подчиниться мнѣнію большинства, онъ просилъ конгрессъ не принимать рѣшеній унижающихъ его, Фольмара, какъ политическаго дѣятеля. Такимъ образомъ, съ этой стороны споръ прекратился довольно скоро, хотя не знаемъ, *на долго ли.*

Съ оппозиціей было больше хлопотъ. Чтобы дать читателю возможность судить объ ея будто бы крайне революціонныхъ стремленіяхъ, припомнимъ, въ какомъ положеніи находится теперь нѣмецкая соціаль-демократія. Вотъ какъ характеризуетъ его Фридрихъ Энгельсъ въ статьѣ, появившейся первоначально въ альманахѣ французской рабочей партіи: „Соціалисты получили на выборахъ голосовъ:

Въ 1871 г.	101,927
— 1874 —	351,670
— 1877 —	493,477
— 1884 —	549,990
— 1887 —	763,128
— 1890 —	1.427,298

„Со времени послѣднихъ выборовъ правительство сдѣлало съ своей стороны все возможное, чтобы толкнуть народныя массы къ соціализму..... Мы можемъ разсчитывать, поэтому, что на выборахъ 1895 г. у насъ будетъ, по крайней мѣрѣ, 2½ милліона голосовъ, а въ 1900 отъ 3½ до 4 милліоновъ на десять милліоновъ всѣхъ избирателей... Этой сплоченной и постоянно ростущей массѣ соціалистовъ противопостоятъ лишь разрозненныя буржуазныя партіи. Въ 1890 г. обѣ фракціи консерваторовъ получили вмѣстѣ 1.737,417 голосовъ; національ-либералы—1.177,807; прогрессисты—1.159,915; католики—1.342,112. При такомъ положеніи дѣлъ сплоченная партія, получившая 2½ милліона голосовъ, заставитъ сдаться всякое правительство. Но голоса избирателей далеко еще не показываютъ всей силы нѣмецкаго соціализма. Избирательное право имѣютъ у насъ только лица, достигшія 25 лѣтъ. Но молодое поколѣніе всего охотнѣе склоняется къ соціализму; поэтому имъ все болѣе и болѣе заражается нѣмецкая армія. За насъ теперь пятая часть арміи, черезъ нѣсколько лѣтъ за насъ будетъ третья часть ея, а около 1900 года большая часть

арміи, этого нѣкогда прусскаго по преимуществу элемента въ Германіи, будетъ соціалистической. Берлинское правительство знаетъ это такъ же хорошо, какъ и мы, но оно ничего не можетъ сдѣлать. Армія ускользаетъ изъ его рукъ." — Читатель подумаетъ, можетъ быть, что Энгельсъ высказываетъ слишкомъ радужныя надежды на будущее. Мы не хотимъ спорить съ нимъ. Мы замѣтимъ лишь, что дѣло ни мало не измѣнится, если мы допустимъ, что не въ 1900, а въ 1910 или даже въ 1915 г. нѣмецкая соціаль-демократія возьметъ политическую власть въ свои руки. Ясно, что и въ такомъ случаѣ эта партія поступила бы болѣе чѣмъ странно, если бы, по совѣту Фольмара, она пошла на сдѣлки съ господствующими классами: входить въ сдѣлки значитъ уступать; уступчивость по отношенію къ врагамъ пролетаріата *вообще* недостойна соціалистовъ, а уступчивость по отношенію къ врагамъ, находящимся при послѣднемъ издыханіи, была бы прямой измѣной. Столь же странно было бы, если бы партія теперь же стала толкать пролетаріатъ на путь открытаго возстанія, какъ этого хотѣлось оппозиціи. Сдѣлать это значило бы пойти на вѣрное пораженіе, между тѣмъ какъ въ недалекомъ будущемъ ей предстоитъ несомнѣнная побѣда. Только очень недалекіе или очень неискренніе люди могли давать нѣмецкой соціальной демократіи подобные совѣты.

Къ сожалѣнію, представители оппозиціи оказались людьми, не только недальновидными и политически незрѣлыми, но и крайне безтактными. Какъ ни ошибочны были ихъ взгляды на дѣятельность партіи, но, разумѣется, никто не могъ отнять у нихъ права *критиковать* принятый способъ дѣйствій. Они не хотѣли и не умѣли воспользоваться этимъ правомъ. Вмѣсто *критики* они пустили въ дѣло *ругательства* и самыя недостойныя, самыя оскорбительныя *обвиненія*. Враги могли только радоваться, слыша, какъ „оппозиція" обвиняетъ партію въ *политическомъ развратѣ*, а ея вожаковъ въ *испорченности*, позволяющей имъ „откармливаться" на счетъ рабочихъ и прибѣгать чуть ли не къ *подкупамъ* для удержанія за собой нагрѣтыхъ мѣстечекъ. Партія не имѣла права отнестись равнодушно къ подобнымъ обвиненіямъ. На Эрфуртскомъ конгрессѣ обвинителямъ предложено было или подтвердить свои упреки какими нибудь фактическими доказательствами, или взять ихъ назадъ. Обвинители не сдѣлали ни того, ни другого. Тогда разрывъ сдѣлался неизбѣженъ. . .

Теперь бывшая оппозиція представляетъ собою что-то вродѣ отдѣльной партіи, все болѣе и болѣе пропитывающейся анархическимъ духомъ. Дальнѣйшую судьбу этой будто бы партіи предсказать не трудно. Примѣръ Моста и его приверженцевъ слишкомъ хорошо показываетъ, какъ велики и блестящи могутъ быть предстоящія ей революціонныя побѣды.

На Эрфуртскомъ конгрессѣ принята была новая редакція программы партіи. Теперь это совершенно марксистская программа, не заключающая въ себѣ никакихъ остатковъ лассальянства. Еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ Германіи дѣло обстояло съ лассальянствомъ (съ его „желѣзнымъ закономъ" и съ его производительными ассоціаціями) приблизительно такъ, какъ у насъ обстоитъ

оно съ „общиною“: читатель, вѣроятно, не разъ встрѣчалъ очень хорошихъ и очень толковыхъ людей, которые говорили ему, что, вотъ молъ, всѣмъ хороша программа русскихъ соціаль-демократовъ, да нѣтъ въ ней мѣста общинѣ, а безъ общины намъ, хорошимъ людямъ, нельзя ни жить, ни дѣйствовать. Нѣчто въ этомъ родѣ говорили лассальянцы по поводу программы нѣмецкихъ марсистовъ, не принимавшихъ въ серьезъ требованія Лассаля относительно государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ. Чтобы не огорчать лассальянцевъ, марксисты рѣшились сдѣлать въ своей программѣ книксенъ въ сторону „желѣзнаго закона“ и производительныхъ ассоціацій. Никакихъ ассоціацій изъ этого, разумѣется, не произошло, но произошло соединеніе двухъ соціалистическихъ фракцій, что было существенно важно въ то время. Теперь всѣ соціаль-демократы убѣдились, что лассальянскія требованія не выдерживаютъ критики, и потому рѣшили вычеркнуть ихъ изъ своей программы. Это, разумѣется очень хорошо, но насъ беретъ раздумье: если нѣмцамъ нужно было 16 лѣтъ, чтобы разстаться съ ассоціаціями, существовавшими только въ головѣ Лассаля, то сколько столѣтій потребуется русскимъ соціалистамъ, чтобы разстаться съ общиной, несомнѣнно существовавшей нѣкогда въ русской деревнѣ!

Впрочемъ, теперь на русскую историческую сцену выступаетъ такой общественный классъ, который по самому положенію своему не можетъ не быть чуждъ всякаго рода *самобытности*. Мы говоримъ о рабочихъ.

Крушеніе старыхъ экономическихъ порядковъ, пробудивъ русскій народъ отъ его вѣковой спячки, вызвало въ немъ небывалую прежде жажду знанія. Она замѣтна даже въ деревняхъ. Вотъ какъ описывалъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ опытъ народныхъ чтеній въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи (въ томъ самомъ уѣздѣ, за которымъ, какъ видѣлъ читатель изъ внутренняго обозрѣнія третьей книжки „Соц.-Дем.“ накопилось, по бѣдности крестьянъ, невѣроятное количество недоимокъ).

„**Александрія**, Херсонской губерніи, 9 Февраля. Опытъ сельскихъ народныхъ чтеній съ туманными картинами, произведенный въ прошломъ году александрійскимъ земствомъ, далъ хорошіе результаты. Онъ показалъ, какъ сильна въ сельскомъ населеніи любознательность и какую пользу могутъ принести народныя чтенія въ деревняхъ, если это дѣло будетъ поставлено раціонально. Чтенія производили учителя и учительницы земскихъ школъ. Изъ ихъ отчетовъ, присланныхъ въ уѣздную управу, видно, что не только ученики, но и взрослые заинтересовались чтеніями. Число присутствовавшихъ съ каждымъ чтеніемъ увеличивалось, такъ что иногда не всѣ могли помѣститься въ школѣ; такъ, напримѣръ, въ с. Аджимкѣ на первомъ чтеніи было 180 человѣкъ, въ томъ числѣ взрослыхъ 80, а на послѣднемъ—400, изъ нихъ 270 взрослыхъ. Но обстановка чтеній въ нѣкоторыхъ селеніяхъ была болѣе чѣмъ неудобная. Въ селѣ Губовкѣ во время чтенія, по описанію учительницы, „въ классѣ трещали окна и двери; староста, сотскій и десятскіе едва сдерживали напоръ толпы, грозили „холодною“ и зуботычинами; слышались

вопли: „голубчику, пустить“; со стѣнъ и потолка текла вода; кому дѣлалось дурно, тотъ могъ выйти лишь по головамъ толпы, какъ по полу; силъ не хватало читать, задыхались.“

Въ городахъ потребность знанія еще сильнѣе. Можно сказать безъ преувеличенія, что рабочій классъ это **тотъ классъ, который всего прилежнѣе учится въ современной Россіи**. Устроенныя въ большихъ городахъ безплатныя народныя читальни буквально осаждаются рабочими. Чтобы насъ не заподозрили въ преувеличеніи, сошлемся на **„Новое Время“**, газету, которой никто не упрекнетъ въ излишнемъ пристрастіи къ пролетаріату.

„Къ Январю 1891 г. въ Петербургѣ будетъ три народныя безплатныя библіотеки. Число это ничтожно сравнительно съ милліоннымъ населеніемъ столицы. Для удовлетворенія той громадной охоты къ чтенію, которая, какъ показалъ уже опытъ, существуетъ среди бѣднаго и простого сословія, нужны не три, а можетъ быть тридцать три безплатныхъ читальни. Не трудно убѣдиться, что современное положеніе дѣла далеко не удовлетворяетъ нуждамъ населенія. Прочтите коротенькіе отчеты Пушкинскихъ библіотекъ, издаваемые Городской Думой, или, что еще лучше, зайдите въ одну изъ нихъ и посидите тамъ. Вы наглядно увидите, какъ велика охота къ чтенію въ средѣ простого класса. Я бывалъ въ читальняхъ и не разъ уходилъ оттуда съ грустнымъ чувствомъ. Тяжело видѣть, какъ на вашихъ глазахъ отказываютъ въ чтеніи какому-нибудь десятилѣтнему малышу. Бѣдный мальчуганъ пришелъ, быть можетъ, съ окраины города (дѣти приходятъ оттуда часто) и терпѣливо ждетъ на холодной лѣстницѣ, пока не очистится свободное мѣсто. А мѣста освобождаются не скоро,—ихъ мало. Въ особенности много посѣтителей въ читальнѣ вечеромъ. Набирается одновременно до 80 и болѣе человѣкъ, преимущественно молодежи отъ 9 и до 18 лѣтъ. Въ небольшой залѣ всѣ мѣста занимаются быстро. Каждый вновь прибывшій подходитъ къ конторкѣ, шепотомъ спрашиваетъ себѣ книгу и тихонько садится читать. Разговоры отсутствуютъ; ходятъ на цыпочкахъ. Тишина и порядокъ образцовые. Вы видите только рядъ дѣтскихъ головокъ погруженныхъ въ чтеніе и слышите шорохъ переворачиваемыхъ листовъ. Даже не вѣрится, что большинство сидящихъ—дѣти. До какой степени серьезна и углублена въ свое занятіе аудиторія читальни, можно видѣть изъ слѣдующаго факта: въ послѣднее мое посѣщеніе съ однимъ изъ взрослыхъ читателей сдѣлалось дурно. Принесли воды, пришелъ сторожъ и больного вывели изъ залы. Произошелъ, конечно, небольшой переполохъ. Къ моему удивленію на шумъ повернулось только нѣсколько ближайшихъ головъ. Большинство не обратило никакого вниманія и очевидно не слышало шума. Замѣчательно деликатное отношеніе другъ къ другу царитъ здѣсь, въ средѣ этихъ рабочихъ, мастеровыхъ, дѣтей сапожниковъ, кухарокъ, столяровъ и т. п. люда... Главный контингентъ посѣтителей въ читальняхъ—рабочіе, мастеровые, фабричные и ихъ дѣти... Рабочіе и дѣти, какъ мнѣ говорили, приходятъ, напр., съ Охты въ читальню у Семеновскаго полка.

„Очень часто имъ приходится отказывать за неимѣніемъ мѣстъ.

Тѣ, которыхъ не пустили, почти никогда не уходятъ, а терпѣливо ждутъ. Бываетъ и такъ, что мѣста не освобождаются до закрытія библіотеки. И приходится тогда бѣднякамъ уходить домой на окраину города, что называется „не солоно хлѣбавши".“ (Н. В., № 5258, маленькій фельетонъ.)

Учатся не только рабочіе, учится даже прислуга. Петербургскія горничныя и кухарки охотно посѣщаютъ воскресныя школы и прилежно учатъ уроки изъ грамматики или ариѳметики. Не имѣя возможности приводить здѣсь много фактовъ, мы отсылаемъ читателя къ интересной книгѣ г. Пругавина **„Запросы народа и задачи интеллигенціи“** и къ замѣчательнымъ статьямъ г. Рубакина **„Къ характеристикѣ читателя и писателя изъ народа“** (Сѣв. Вѣстникъ, Апрѣль и Май 1891 г.). Статьи г. Рубакина интересны въ особенности тѣмъ, что въ нихъ приводится множество отзывовъ самихъ „читателей изъ народа“ относительно того, что собственно хотѣлось бы имъ знать и чего требуютъ они отъ народной книжки. И какъ многочисленны, какъ разнообразны тѣ отрасли знанія, которыя стремится обнять пробудившаяся мысль современнаго русскаго рабочаго! „Я желалъ бы знать, пишетъ одинъ рабочій, какъ образовалась земля и появился человѣкъ? И какую жизнь велъ? Затѣмъ жизнь историческую и развитіе, какъ умственное такъ и нравственное, и появленіе литературы и поэзіи главныхъ народовъ,—мнѣ желательно знать хорошо и понятно.“ Словомъ, цѣлая энциклопедія! Но ему и этого кажется мало: „Кромѣ того, прибавляетъ онъ, мнѣ желательно знать многое другое“... Другой добродушно сообщаетъ: „Я и не знаю, что для меня полезно знать: одно хорошо, а другое лучше“. Существующая популярная литература не удовлетворяетъ читателей изъ народа. Рабочіе очень не любятъ поучительныхъ книгъ. „Все нашего брата учатъ!“ насмѣшливо говоритъ рабочій, возвращая учительницѣ поучительную книгу. „Ужо вотъ мы ихъ въ посту почитаемъ, а то больно ужъ поучительны“, — говорятъ фабричные, отказываясь отъ предложенныхъ имъ поучительныхъ книгъ. „Глубоко ошибаются, пишетъ г. Рубакину мѣщанинъ Херсонской губ. Г. З., что народу особыя книжки нужны. Что преслѣдуютъ эти господа? Цѣль образованія народа? Такъ вотъ что: съ ихними взглядами они много не сдѣлаютъ, ибо они говорятъ, что народу только и нужно писать особымъ языкомъ. Какъ же онъ будетъ образовываться, если онъ будетъ читать только особый языкъ?“ Еще одинъ читатель изъ народа пишетъ: „Въ литературѣ для общества попадаются часто скучныя и даже глупыя, ей Богу, глупыя книги (ихъ я могу назвать). Вотъ такую скучную книгу и дадутъ читать крестьянину или мѣщанину. Ну что же? Книга ужасно скучная. Даже попадись вамъ скучная книга, неужели вы прочтете ее безъ всякой мины до конца? Такъ и намъ.—Прочтешь четверть книги и бросишь, а между тѣмъ лица трубятъ: имъ непонятны фразы, они не могутъ читать книгъ, предназначенныхъ для общества. Нѣтъ, народу нужны **не народныя книги, а дешевыя**, потому что онъ **бѣднякъ**, а не **дуракъ**.“

Да, русскій рабочій бѣднякъ, а не дуракъ, что бы о немъ ни

„трубили лица“! Этотъ умный, мыслящій бѣднякъ поставленъ въ условія, которыя безропотно выносить могла бы развѣ вьючная скотина. Не удивительно, поэтому, что онъ борется, что онъ протестуетъ всѣми возможными для него способами. Уже 1890 годъ ознаменовался многими стачками рабочихъ. Напомнимъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ началѣ Іюня того года газеты сообщали о стачкѣ на Нытвинскомъ заводѣ князя Голицина (въ Пермской губ.). Въ стачкѣ участвовало до 500 человѣкъ. Въ Августѣ происходили безпорядки въ Ярославлѣ. Вотъ что разсказывалось о нихъ въ „Нижегородскомъ Листкѣ“.

„1-го Августа, вечеромъ, на большой фабрикѣ Корзинкина произошли безпорядки среди рабочихъ, произведенные частью восьмитысячной массы. По слухамъ, неудовольствіе рабочихъ возбуждено слишкомъ большими и частыми штрафами. Результатъ безпорядковъ оказался слѣдующій: громаднѣйшій лабазъ съ товарами на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей буквально совсѣмъ разгромленъ, причемъ много товара рабочими побросано въ рѣку Которость, стекла во множествѣ оконъ выбиты и кое-что попорчено внутри фабричныхъ зданій. Къ утру 2-го Августа было арестовано до 60 главныхъ виновниковъ безпорядковъ. Аресты продолжаются.“

Въ Февралѣ того же года въ Минусинскомъ округѣ на пріискѣ Барташева произошли „безпорядки“, хорошо рисующіе положеніе пріисковыхъ рабочихъ.

„У Барташева провинился чѣмъ-то одинъ рабочій. Не задумываясь долго, безъ суда и слѣдствія, Барташовъ приказываетъ конюхамъ всыпать этому рабочему достаточное количество лозъ, а потомъ выгнать изъ пріиска. Вся эта резолюція была точно и немедленно выполнена. Прошло нѣсколько дней и между рабочими прошелъ слухъ, что наказанный и выгнанный съ пріиска товарищъ дорогою замерзъ въ степи. Подобный слухъ поднялъ команду на ноги; всѣ бросили работать, осадили Барташова и служащихъ въ ихъ домахъ, завладѣли пріискомъ и отрядили въ степь партіи для розыска погибшаго. Къ счастію Барташова оказалось, что прогнанный рабочій нашелся гдѣ-то въ улусѣ“ (Восточное Обозрѣніе).

Вскорѣ послѣ этого „безпорядки“, повидимому еще болѣе значительные, произошли на пріискѣ Базилевскаго-Черемныхъ. Вызваны они были, по словамъ „Восточнаго Обозрѣнія“, „неудовольствіемъ рабочихъ на крутыя расправы, обычныя у распорядителя пріисковъ.“ Названная газета полагаетъ, что „слѣдовало бы обратить вниманіе на урегулированіе власти разныхъ хозяевъ и управляющихъ на пріискахъ“. Трудно спорить противъ этого, но не менѣе трудно надѣяться, что правительство дѣйствительно „обратитъ вниманіе“. Это слишкомъ противорѣчило бы его собственному пристрастію къ „крутымъ расправамъ“.

Начало 1891 года ознаменовалось, какъ извѣстно, стачкой рабочихъ Новаго Адмиралтейства въ Петербургѣ. Въ Апрѣлѣ, услы-

шавъ объ опасной болѣзни Н. В. Шелгунова, петербургскіе рабочіе поднесли ему сочувственный адресъ, который мы приводимъ здѣсь дословно.

„Дорогой учитель Николай Васильевичъ,

„Читая Ваши сочиненія научаешься любить и цѣнить людей подобныхъ Вамъ. Вы первый признали жалкое положеніе рабочаго класса въ Россіи. Вы всегда старались и стараетесь до сихъ поръ объяснить намъ причины, которыя отодвигаютъ насъ назадъ и держутъ насъ въ томъ угнетенномъ состояніи, въ которомъ мы закованы, словно въ желѣзныя цѣпи, нашими правителями и капиталистами.

„Вы познакомили насъ съ положеніемъ братьевъ-рабочихъ въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ тоже эксплуатируютъ и давятъ. Картина, которую Вы нарисовали, пробудила интересъ сначала не въ рабочихъ, а въ другихъ классахъ; да не для рабочихъ Вы и писали. Русскіе рабочіе принуждены такъ много и такъ постоянно работать, чтобы только жить, что имъ некогда читать. Да большая часть и не умѣетъ читать*), а если кто изъ нихъ и умѣетъ,—что онъ найдетъ въ книгахъ, написанныхъ для рабочихъ? Никто не учитъ насъ, какъ выбиться изъ жалкаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Намъ твердятъ о терпѣніи, о молчаніи, о томъ, чтобы мы не давали воли выраженію нашихъ страданій, и за это обѣщаютъ награду въ будущемъ. Только благодаря людямъ, которые, по вашимъ собственнымъ словамъ, имѣютъ несчастіе смотрѣть выше общаго уровня или выше классовыхъ интересовъ, научились мы понимать Ваши сочиненія и узнали, какъ наши товарищи-рабочіе въ Западной Европѣ добились правъ, борясь за нихъ и соединяясь вмѣстѣ. Мы поняли, что намъ, русскимъ рабочимъ, подобно рабочимъ Западной Европы, нечего разсчитывать на какую нибудь внѣшнюю помощь, помимо самихъ себя, чтобы улучшить свое положеніе и достигнуть свободы.

„Тѣ рабочіе, которые поняли это, будутъ бороться безъ устали за лучшія условія жизни тѣми средствами, которыя Вы указали въ вашихъ сочиненіяхъ. Вы выполнили Вашу задачу, — Вы показали намъ, *какъ* вести борьбу.

„Можетъ быть ни Вы, ни мы не доживемъ до того, чтобы увидѣть будущее, къ которому стремимся и о которомъ мечтаемъ. Можетъ быть не одинъ изъ насъ падетъ жертвою борьбы. Но это не удержитъ насъ отъ стараній достигнуть нашей цѣли.“

Жертвы не замедлили, конечно, явиться. Нѣсколько рабочихъ было арестовано и выслано по случаю демонстраціи на похоронахъ Шелгунова, въ которой рабочіе вообще принимали очень дѣятельное участіе.

---

*) Теперь это уже не такъ. Но такое преувеличеніе совершенно понятно въ устахъ рабочихъ, предъявляющихъ серьезныя требеванія себѣ и своимъ товарищамъ. Когда рабочій позволяетъ себѣ подобное преувеличеніе, онъ не „трубитъ“ подобно „лицамъ“...

Майская демонстрація западнаго пролетаріата показала, что теперь и русскіе рабочіе понимаютъ значеніе революціоннаго призыва: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Въ первое воскресенье послѣ перваго Мая (н. с.) въ Петербургѣ состоялось тайное собраніе, на которое собрались представители рабочихъ кружковъ со всѣхъ концовъ столицы. Рѣчи, произнесенныя на этомъ собраніи рабочими ораторами, составятъ эпоху въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Мы издали ихъ отдѣльной брошюрой и потому здѣсь ограничимся лишь двумя выписками изъ нихъ: „Чтобъ улучшить наше положеніе, говорилъ одинъ изъ ораторовъ, мы должны стремиться къ замѣнѣ существующаго экономическаго строя, дающаго широкій просторъ для произвольной кулачеcкой эксплуатаціи, на болѣе лучшій и справедливый соціалистическій строй. Но для того, чтобы осуществить на дѣлѣ такой экономическій порядокъ, намъ необходимо пріобрѣсти политическія права, которыхъ въ настоящее время мы не имѣемъ. Пріобрѣсти же политическія права мы будемъ имѣть возможность лишь только тогда, когда на нашей сторонѣ будетъ такая организованная сила, которой правительство не рѣшилось бы отказать въ ея требованіяхъ.“ Рабочіе прекрасно понимаютъ какъ важность этой великой цѣли, такъ и трудность ея достиженія. Но трудности не пугаютъ ихъ. „Товарищи! трудно будетъ намъ на первыхъ порахъ, говорилъ другой ораторъ, вступить въ борьбу съ нашими врагами за наши экономическія и политическія права, но вспомнимъ, что еще теперь, въ настоящую минуту, тысячи интеллигентовъ сидятъ за насъ въ Сибири, въ тюрьмахъ, на каторгѣ! Вспомнимъ, что не легко досталось улучшить свое положеніе нашимъ братьямъ, западнымъ рабочимъ, такъ стало быть и намъ не легко будетъ улучшить свое — подъ разгуломъ деспотической реакціи, которая будетъ насъ преслѣдовать на каждомъ шагу. Товарищи! трудно намъ будетъ, но наука освободила западныхъ рабочихъ, она поможетъ и намъ просвѣтить умы наши и наполнить души наши святой истиной любви другъ къ другу. Будемъ, друзья, бороться за истину, не отступимъ шага назадъ до самой своей смертной агоніи, за правду, за равенство, братство, свободу! Будемте учиться, объединяться, сами и товарищи, будемте организоваться въ сильную партію! Будемте, братья, сѣять это великое сѣмя съ восхода и до захода солнца, во всѣхъ уголкахъ нашей русской земли.“

И не въ одномъ Петербургѣ протестуютъ рабочіе. Вотъ что прочли мы въ „Донской Рѣчи“ въ Іюнѣ прошлаго года.

„**Демонстрація рабочихъ.**—Изъ Козлова сообщаютъ въ „С. От.“, что рабочіе всѣхъ мастерскихъ Козлово-Рязанской дороги, болѣе 600 человѣкъ, произвели демонстрацію, отказываясь платить 6 %, вычитаемыхъ въ пользу пенсіонной кассы, и требовали возвратить удержанное. Для успокоенія взволновавшихся два раза являлся начальникъ жандармовъ, а въ мастерскихъ вывѣшено объявленіе управляющаго дорогою о томъ, что вычеты будутъ возвращены“ (Д. Р. №67).

Въ концѣ лѣта и осенью начались голодныя волненія какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ — въ Витебскѣ, въ Полоцкѣ, въ Динабургѣ, въ Виндавѣ. Въ городахъ главными „элементами безпоряд-

ка“ являлись, разумѣется, частью рабочіе мѣстныхъ промышленныхъ заведеній, частью братья ихъ по положенію: мелкіе мѣщане и бѣдные ремесленники. Замѣчательно, что въ Западномъ Краѣ евреи энергично поддерживали христіанскихъ „бунтовщиковъ“.

Разрозненные, голодные бунты сами по себѣ не опасны даже для слабаго правительства. Но они очень опасны даже для „сильной власти“ въ томъ случаѣ, когда голодный народъ уже настолько развитъ, что способенъ задумываться о **политическихъ** причинахъ своего бѣдственнаго положенія. Тогда разрозненные бунты легко могутъ перейти въ одно сплошное революціонное движеніе.

Голодъ 1891 года засталъ трудящуюся Россію въ самомъ безпомощномъ экономическомъ положеніи. Но, къ счастію для нея, въ политическомъ отношеніи она **уже не безпомощна**. Русскій рабочій **бѣднякъ**, но онъ **не дуракъ**. И въ этомъ обстоятельствѣ заключается надежнѣйшій залогъ успѣха для революціонеровъ. Пусть только не закрываютъ они глазъ на это обстоятельство, пусть не уподобляются тѣмъ „**лицамъ**“, которыя, съ самодовольствіемъ филистеровъ, „**трубятъ**“ о глупости и неразвитости русскаго пролетарія!

БИБЛIОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Студенческiй Вѣстникъ, № 1. С.-П.-В. Май 1890 года.

Передъ нами 1-й № гектографированнаго „**Студенческаго Вѣстника**", вышедшаго весною 1890 г. въ Петербургѣ. Онъ посвященъ частью описанiю студенческихъ волненiй того года, частью общимъ разсужденiямъ по поводу стараго, но вѣчно новаго въ Россiи вопроса о томъ, насколько могутъ быть полезны подобныя движенiя учащейся молодежи. Излагать подробности теперь уже далеко не новыхъ и, вѣроятно, всѣмъ извѣстныхъ событiй, — мы считаемъ излишнимъ. Но такъ какъ „безпорядки" въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ повторяются у насъ почти съ астрономическою правильностью, то мы полагаемъ, что и теперь не поздно разсмотрѣть здѣсь общiй взглядъ „**Вѣстника**" на ихъ значенiе.

Вотъ какъ высказывается на этотъ счетъ авторъ статьи „**По поводу студенческихъ волненiй**".

„Всякой легальной формы для выраженiя своихъ нуждъ студенты лишены. Если это такъ, если остается прибѣгать къ средствамъ, закономъ для насъ недозволеннымъ, то что же можно возразить противъ формы отдать себя подъ арестъ (такъ, кажется намъ, правильнѣе назвать обычный способъ студентовъ выражать свое негодованiе)? Что можно предложить взамѣнъ отвергаемаго средства? Думается намъ, что ничего не предложатъ, какъ не предлагали до сего дня. Кромѣ такого отрицательнаго довода, мы имѣемъ нѣкоторыя положительныя указанiя, заставляющiя твердо держаться разъ намѣченнаго пути.... Безпорядки тѣмъ удобны, что они съ одной стороны показываютъ настойчивость въ требованiяхъ, доходящую до готовности пожертвовать своимъ будущимъ, а съ другой, постоянно лишая общество извѣстнаго количества членовъ и тѣмъ нанося ущербъ, заставляютъ его внимательнѣе отнестись къ безправному положенiю молодой части русской интеллигенцiи...

„Приносятъ ли студенческiя волненiя какую-нибудь пользу? Одни говорятъ, что да, другiе, что волненiя не только безполезны, но даже вредны, безплодно губя множество силъ... Намъ кажется, что для утвержденiя безполезности студенческихъ волненiй не найдется просто необходимыхъ фактовъ. Будетъ ли тотъ, кто поддер-

живаетъ это положеніе ссылаться на то, что нѣтъ въ нашей исторіи примѣра, чтобы правительство тотчасъ вслѣдъ за безпорядками пошло на уступки студентамъ? На это мы отвѣтимъ, что если правительство и не обращаетъ вниманія на безпорядки, не дѣлаетъ благодаря имъ уступокъ, то это не доказываетъ, что безпорядки не являются все-таки нѣкоторымъ задерживающимъ элементотъ, не будь котораго реакція пошла бы еще дальше... Мы не съумѣемъ подтвердить это предположеніе фактами, но это и не наше дѣло: на тѣхъ, кто отказываетъ безпорядкамъ во всякой практической пользѣ, лежитъ обязанность опровергнуть такое ихъ, задерживающее реакцію значеніе... Мы думаемъ, что на все общество, на васъ самихъ, милостивые государи, наши безпорядки оказываютъ нѣкоторое полезное дѣйствіе: они напоминаютъ вамъ о вашихъ обязанностяхъ по отношенію къ молодому поколѣнію... ужели же и гибель лучшихъ дѣтей вашихъ не выведетъ васъ изъ апатичнаго состоянія? Мы не хотимъ этому вѣрить и думаемъ, что уже близко то время, когда общество обратится съ вопросомъ къ своему правительству: „за что гибнутъ наши дѣти?" и, услышавъ, что тѣ гибнутъ только за то, что хотятъ безпрепятственно учиться, оно проклянетъ свое бездѣйствіе, ...и само пойдетъ на встрѣчу молодежи... Тогда-то будетъ осуществлено все то, чего мы теперь тщетно добиваемся; мы вѣримъ, что это время наступитъ, и потому считаемъ наши жертвы ничтожными въ сравнен.и съ тѣми результатами, которыхъ мы отъ нихъ ждемъ."

Все это наводитъ на мысль о томъ, что появленію „Студенческаго Вѣстника" предшествовали довольно горячіе споры между студентами и людьми „общества". — „Охота вамъ даромъ тратить свои молодыя силы!" говорили, вѣроятно, эти благоразумные люди. „Сидите лучше смирно; нельзя прать противъ рожна." — „Чаша терпѣнія нашего переполнена", отвѣчала благородная молодежь. „Мы будемъ протестовать во что бы то ни стало, а тамъ посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Мы думаемъ, что наше движеніе не только не пройдетъ безъ всякой пользы, но даже и васъ увлечетъ, наконецъ, съ собою." Именно это говоритъ авторъ цитированной статьи. До какой степени могли подѣйствовать на „общество" его доводы,— мы, разумѣется, съ точностью не знаемъ. У насъ есть лишь косвенныя указанія на этотъ счетъ, указанія, которыя заслуживаютъ, однако, полнаго вниманія читателя.

Несомнѣнно принадлежащій къ „оществу" — и даже къ самой образованной его части—профессоръ Сергѣевичъ, по своей обязанности ректора ведшій переговоры съ волновавшимися студентами петербургскаго университета, замѣтилъ имъ, что напрасно они разсчитываютъ на сочувствіе со стороны общества: „Во-первыхъ, сомнительно, что оно проявится какимъ-нибудь конкретнымъ образомъ, — сказалъ онъ — а во-вторыхъ, развѣ имъ (студентамъ) не извѣстно, какъ ничтожна сила общества передъ правительствомъ? Такимъ образомъ намъ остается ждать, пока правительство само признаетъ нужнымъ произвести соотвѣтствующія нашимъ желаніямъ реформы" (Ст. В., стр. 32—33).

Въ этихъ словахъ г. Сергѣевича нѣтъ ни капли гражданскаго

мужества. Они представляютъ собою лишь видоизмѣненіе старой-старой пѣсни, гласящей: сила ломитъ и соломушку, поклонись пониже ей, и проч. И тѣмъ не менѣе слова эти очень замѣчательны. Они объясняютъ происхожденіе той трусости и вялости нашего „общества", которая давно уже приводитъ въ отчаяніе революціонеровъ. Общество трусливо потому, что силы его слишкомъ ничтожны передъ силами правительства. На силы же учащейся молодежи и революціонной „интеллигенціи" оно тѣмъ менѣе можетъ возлагать какія-нибудь политическія надежды, что и молодежь и „интеллигенція", не будучи въ состояніи справиться съ правительствомъ, безпрестанно просятъ у него помощи. Несомнѣнно, бываютъ обстоятельства, когда даже безнадежная борьба нравственно обязательна для всякаго честнаго человѣка. Несомнѣнно также, что въ современной Россіи обстоятельства сложились именно такимъ образомъ. Но все, что ни сказали бы мы „обществу" по этому поводу, останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Общество будетъ трусливо, оно не выйдетъ изъ своего политическаго бездѣйствія до тѣхъ поръ, пока противники существующаго порядка вещей не выставятъ силы, способной помѣряться съ силою правительства. Что касается гибели молодыхъ силъ, неизбѣжно сопровождающей студенческія волненія, то она скорѣе еще запугаетъ общество, чѣмъ подвинетъ его на гражданскіе подвиги.

Намъ вспоминается при этомъ небольшая статейка Г. И. Успенскаго, въ которой онъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него похоронами И. С. Тургенева. На эти похороны собралась вся интеллигенція Петербурга, настроеніе которой какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало печальной торжественности минуты. Все шло хорошо и прилично. Но вотъ, не помнимъ уже гдѣ, кажется на Загородномъ проспектѣ, лица, участвовавшія въ похоронной процессіи, увидѣли очень внушительный отрядъ черноморскихъ казаковъ. Неожиданное зрѣлище испортило настроеніе г. Успенскаго. У него явился неотвязчивый вопросъ: зачѣмъ здѣсь **закубанскіе молодчинищи**? Какое отношеніе имѣютъ они къ похоронамъ знаменитаго писателя?

Вы понимаете, читатель, зачѣмъ явились „молодчинищи". Ихъ прислали **„на всякій случай"**. Вездѣ и всегда, стараясь подавить даже возможность протеста, русское правительство аппелируетъ къ „молодчинищамъ", то есть къ полиціи и къ войску. Безполезно было бы спорить съ молодчинищами, безполезно было бы доказывать имъ правоту своего дѣла. Молодчинищи не разсуждаютъ, они повинуются приказаніямъ начальства и безъ всякихъ околичностей хлещутъ протестантовъ нагайками, давятъ лошадьми, бьютъ прикладами, а подчасъ и пулями. Какъ образумить молодчинищъ? Надо, чтобы протестанты могли противопоставить имъ не одну только безплотную „силу идеи"; надо, чтобы протестанты, аттакованные молодчинищами, могли взять верхъ надъ ними; другими словами, **силѣ правительства** надо противопоставить **силу народа**. Сдѣлать это значитъ положить конецъ существующему теперь у насъ порядку вещей.

Съ величайшимъ удовольствіемъ видимъ мы, что учащаяся молодежь не чужда правильнаго пониманія этой важнѣйшей политической задачи. Въ „Студенческомъ Вѣстникѣ" есть статья, описываю-

щая московскіе студенческіе „безпорядки" и заимствованная изъ 2-го № московскаго журнала студентовъ. Статья эта оканчивается слѣдующими словами: „Намъ нужно, во-первыхъ, создать дружную, сплоченную, сознающую свои силы армію протеста; во-вторыхъ, нужно подготовлять въ сознаніи массъ сочувствіе и поддержку арміи протеста". Противъ этого трудно спорить даже и г. Сергѣевичу. Одно только замѣчаніе сдѣлали бы мы автору статьи: дѣло освобожденія Россіи пойдетъ еще лучше, когда „массы" не только будутъ **поддерживать** „армію протеста", но **и сами войдутъ въ эту армію**, какъ вошли онѣ въ нее, напримѣръ, во время великой французской революціи.

Но какъ вліять на „сознаніе массъ"? Извѣстно, что къ академической жизни массы не имѣютъ никакого прямого отношенія. Поднять ихъ на борьбу за „академическія свободы" — дѣло совершенно немыслимое. Необходимо подойти къ дѣлу иначе; необходимо, чтобы протестанты умѣли связать свои требованія съ интересами массъ. А для этого требуется нѣсколько болѣе вдумчивое отношеніе къ названнымъ интересамъ, чѣмъ то, которое обнаруживаетъ редакція петербургскаго **„Студенческаго Вѣстника"**.

Варшавская рабочая соціалистическая организація обратилась къ волновавшимся русскимъ студентамъ съ такимъ воззваніемъ:

„Братья, когда вы требуете признанія и расширенія правъ вашихъ, мы, рабочіе, сердцемъ находимся съ вами. Будемъ, однако, помнить, что ваше дѣло составляетъ только едва частицу общечеловѣческаго рабочаго дѣла. Путемъ волненій и студенческихъ манифестацій вы можете добиться немногаго или вовсе ничего, ибо правительство не остановится ни передъ какимъ ударомъ, въ лицѣ вашемъ желая нанести ударъ болѣе страшному врагу. Нынѣшнее правительство никогда не допуститъ ни свободы товарищескихъ обществъ, ни чистоты науки, такъ какъ оно боится свободной мысли. Нужно бороться иначе. Соединяйтесь съ нами, братья, потому что нашъ рабочій идеалъ есть идеалъ всего человѣчества: мы удовлетворимъ и ваши требованія. Мы вамъ воздвигаемъ университеты. Нашъ тяжкій трудъ даетъ вамъ возможность образованія; поэтому, покуда ваши сердца не застыли въ эгоизмѣ на теплыхъ мѣстечкахъ, пока вы молоды, мы призываемъ васъ: соединяйтесь съ нами! Да здравствуетъ соціальная революція, она разобьетъ всѣ оковы и уничтожитъ всякій гнетъ!

Варшава, 19 Апрѣля 90 года.

Что же отвѣтила редакція „Вѣстника" на эти разумныя слова? Вотъ что: „Въ то время какъ русское интеллигентное общество, сдавленное, какъ желѣзными клещами, гнетомъ административнаго произвола, хранитъ глубокое молчаніе и ни единымъ словомъ сочувствія не отзывается на бѣды учащейся молодежи, польскіе рабочіе смѣлымъ, энергичнымъ голосомъ заявляютъ свою солидарность съ нами... Да, насъ объединяетъ съ ними тотъ гнетъ, который проистекаетъ изъ одного общаго источника. Сознаніе своей солидарности съ бездольными и угнетенными увеличиваетъ во сто кратъ

наше страстное желаніе борьбы, борьбы съ административнымъ произволомъ... Мы знаемъ, что, отстаивая свободу науки, свободу учащейся личности, мы служимъ общему дѣлу!! Тѣмъ энергичнѣе мы будемъ добиваться свободной науки, въ которой кроется отрицаніе произвола, тѣмъ горячѣе мы будемъ добиваться объединенія молодежи, увѣренные въ томъ, что, ставъ полноправными гражданами, мы съумѣемъ проявить настойчивую дѣятельность, ибо въ молодые годы мы воспитаемъ въ себѣ критическое отношеніе къ дѣйствительности, выработаемъ себѣ общественные идеалы и положимъ ихъ въ основу своей дѣятельности. Намъ нечего говорить о присоединеніи теперь къ общественному дѣлу, ибо мы давно уже присоединились къ нему, борясь противъ общаго врага."

Это совсѣмъ нехорошій, совсѣмъ неразумный отвѣтъ. Читая его, можно подумать, что сочуствіе польскихъ рабочихъ поставило петербургскихъ студентовъ въ затруднительное положеніе, благодаря которому они пустились въ разсужденія, для нихъ самихъ неясныя и непонятныя. Рабочіе, очевидно, не придавали преувеличеннаго значенія студенческимъ требованіямъ: „будемъ, однако, помнить, что ваше дѣло составляетъ только едва частицу общечеловѣческаго рабочаго дѣла" и т. д. Это та же мысль, которую Некрасовъ выразилъ вопросомъ, обращеннымъ къ сосланному студенту:

Какое же адское коварство
Ты замышлялъ осуществить,
Разрушить думалъ государство,
Или инспектора побить?

Студенты отвѣчаютъ на эту мысль нѣсколькими запутанными словами о своихъ будущихъ (очевидно, пока еще неизвѣстно какихъ) общественныхъ идеалахъ, а потомъ, сознавая неудовлетворительность своего отвѣта, рѣшительно заявляютъ, что вступивъ въ борьбу съ „инспекторомъ", они тѣмъ самымъ уже присоединились къ общечеловѣческому дѣлу. Но рабочіе хотѣли именно оттѣнить недостаточность борьбы съ „инспекторомъ". Отвѣтъ редакціи „Студенческаго Вѣстника" несомнѣнно долженъ былъ произвести на нихъ тяжелое и невыгодное для студентовъ впечатлѣніе непонятнаго и ничѣмъ неоправдываемаго самодовольства. Если такія впечатлѣнія станутъ повторяться, то студентамъ трудно будетъ обезпечить себѣ сочувствіе и поддержку рабочаго класса. Правда, въ нашемъ случаѣ рѣчь идетъ объ отвѣтѣ русскихъ студентовъ **польскимъ** рабочимъ, но вѣдь это не измѣняетъ дѣла. Во-первыхъ національная точка зрѣнія не имѣетъ здѣсь мѣста, а во вторыхъ, — вѣдь это простая случайность, что объ **общечеловѣческомъ** дѣлѣ напомнили студентамъ польскіе, а не русскіе рабочіе. Теперь и между русскими рабочими есть уже не мало людей, хорошо понимающихъ сущность этого дѣла. Студентамъ необходимо сблизиться съ ними, а для этаго имъ необходимо получше ознакомиться съ тѣмъ, что называется **рабочимъ вопросомъ**. Этотъ вопросъ вообще гораздо шире вопроса объ университетскихъ порядкахъ, а въ современной Россіи дѣло сложилось къ тому же такимъ образомъ, что академическая, какъ и всякая другая, свобода можетъ быть завоевана лишь соединенными усиліями

рабочихъ и радикальной интеллигенціи. „Мы привыкли смотрѣть на рабочихъ какъ на дѣтей, говорилъ когда-то Родбертусъ, между тѣмъ какъ они переросли насъ на цѣлую голову.“ Русской интеллигенціи очень полезно было бы почаще припоминать эти слова. Рабочій классъ выдвигается у насъ теперь исторіей въ качествѣ важнѣйшей прогрессивной силы. Пора намъ перестать смотрѣть на него сверху внизъ, пора понять свойственную ему точку зрѣнія и исходя изъ нея, подвергнуть строгой критикѣ всѣ наши „интеллигентные“ идеалы и стремленія. Иначе никогда не сможемъ мы справиться съ **Закубанскими молодчинищами**.

Г. П.

ПРОТЕСТЪ ХАРЬКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Товарищи доставили намъ слѣдующій протестъ харьковскихъ студентовъ, получившій въ Россіи довольно значительное распространеніе. Долгомъ считаемъ напечатать его въ „С.-Д." и тѣмъ содѣйствовать дальнѣйшему его распространенію, хотя онъ и былъ уже напечатанъ во „Free Russia", органѣ „англійскихъ друзей русской свободы".

Редакція.

Мы, харьковскіе студенты, по дѣлу своего участія въ торжественной встрѣчѣ императрицы въ Боркахъ 21 Мая сего года, считаемъ необходимымъ опубликовать нижеслѣдующія разъясненія въ виду того позора, которымъ наши „представители" запятнали все русское студенчество и нанесли оскорбленіе всей русской интеллигенціи. Считая возстановленіе истины дѣломъ первостепенной общественной важности, выяснимъ настоящій смыслъ участія въ этомъ дѣлѣ харьковскихъ студентовъ.

1. Всѣ „представители" Университета, Технологическаго и Ветеринарнаго Института въ были назначены начальствомъ по усмотрѣнію инспекціи безъ всякаго участія и даже безъ вѣдома прочихъ студентовъ.

2. Вслѣдствіе этого ни о какомъ представительствѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ и поведеніе студентовъ-участниковъ является результатомъ ихъ личной безнравственности.

3. Поднесеніе букета императрицѣ отъ имени всѣхъ студентовъ является злоупотребленіемъ именемъ студентовъ и поступкомъ самовольнымъ.

4. Провозглашеніе тостовъ за инспекцію, качаніе полицмейстера и вообще панибратство съ полиціей — поступки, позорящіе имя студента.

5. Пьянство, мазурка въ оградѣ монастыря*), шутовство передъ

---

*) Ужь не съ монахинями-ли?

Ред.

публикой, маршировка по командѣ студ. Акименко, (обнажившаго шпагу), отсутствіе личнаго достоинства, холопство передъ грубой силой и властью—все это поступки оскорбляющіе честь харьковскихъ студентовъ передъ всѣмъ русскимъ обществомъ.

Не принимая на себя никакой отвѣтственности какъ за участіе студентовъ въ торжествѣ встрѣчи, такъ и за ихъ поведеніе, навлекшее позоръ на все харьковское студенчество, и желая уничтожить оскорбленіе нанесенное русской интеллигенціи, мы объявляемъ отъ себя всему русскому обществу, что разсматриваемый фактъ назначенія „представителей" является только новымъ подтвержденіемъ той обычной наглости и насилія надъ неповинной молодежью со стороны администраціи, которыя нынѣ обыкновенно практикуются въ учебныхъ заведеніяхъ. Подавляя всякій духъ корпораціи, когда онъ возникаетъ въ средѣ самихъ студентовъ, начальство учебныхъ заведеній въ то же время нисколько не стѣсняется посылать „представителей отъ студентовъ", назначая самовольно лицъ, отверженныхъ студенчествомъ и проникнутыхъ духомъ холопства, надѣясь этимъ оттѣнить передъ высшею властью „вѣрноподданническія чувства", которыми якобы одушевлено студенчество.

Слагая съ себя всякую отвѣтственность за все происходившее въ Боркахъ 21-го Мая, мы, харьковскіе студенты, еще разъ выражаемъ полное презрѣніе нашему начальству, а студентовъ обезчестившихъ наше имя своимъ постыднымъ поведеніемъ, предаемъ публичному оглашенію: 1) студ. Университета **Кореневъ** (естеств.), 2) **Акименко** (юристъ), 3) **Сбоевъ** (медикъ), 4) Курьяновъ, **Влад.** (юр.), 5) Петровскій (мед.), 6) Замятинъ, 7) Селецкій, 8) Борисовъ, 9) **Жу**ковскій. Студенты Ветерин. Института: 1) **Сипайловъ**, 2) **Шельдонъ**, 3) Ендовицкій. Студ. Техн. Инст.: 1) **Выхановъ**.

Физическое насиліе надъ поименованными лицами мы принципіально отрицаемъ.

Харьковъ, Май 1891.

Въ 1891 г. погибъ въ Якутской области одинъ изъ первыхъ піонеровъ русскаго рабочаго движенія: рабочій Петръ Алексѣевъ. Какъ извѣстно, онъ былъ приговоренъ къ каторгѣ за пропаганду соціализма, а потомъ жилъ въ качествѣ ссыльно-поселенца въ названной области. Переѣзжая изъ одного улуса въ другой, онъ былъ звѣрски зарѣзанъ якутами съ цѣлью грабежа. Въ частномъ письмѣ изъ Сибири отъ 6 Ноября прошлаго года намъ передаютъ слѣдующія ужасныя подробности этого убійства: „Убили его предательски два якута. Одинъ Егоръ Абрамовъ, а другой—вновь избранный старшина Федотъ. Федотъ заманилъ Алексѣева въ лѣсъ, по совершенно глухой дорогѣ, якобы самой короткой, ведущей на Чуранчу. Въ двухъ верстахъ они, будто случайно, встрѣтили Егора Абрамова. Появилась водка, которую они стали выпивать, провожая знакомаго. Петруша сидѣлъ на конѣ, и, когда надо было прощаться, Федотъ замѣтилъ ему, что у его сѣдла ослабли подпруги. Ничего не подозрѣвая, Петруша сошелъ съ лошади и сталъ поправлять подпруги, обернувшись спиной къ якутамъ. Этимъ моментомъ воспользовался Федотъ и что было силы всадилъ ему ножъ въ спину. Петрушѣ нельзя было броситься впередъ: мѣшала лошадь, а якутъ, всадившій ножъ, не вынулъ его, а держалъ въ ранѣ, поэтому, чтобы освободиться отъ ножа, Петру пришлось повернуться и этимъ нанести себѣ болѣе глубокую рану. Послѣ этого у него достало силы схватить убійцу за шиворотъ и повалить на земь, причемъ якутъ успѣлъ еще разъ ударить его ножемъ въ животъ. Завязалась борьба. Алексѣевъ, стараясь обезоружить противника, сталъ звать на помощь другого якута, не подозрѣвая въ немъ соучастника, но тотъ, вмѣсто помощи, схватилъ его за волосы и пытался пригнуть къ землѣ, а потомъ, въ свою очередь, ударилъ его ножемъ. Бросивши ихъ обоихъ, Петруша побѣжалъ. Одинъ изъ якутовъ опомнился первый и бросился въ погоню, боясь, что Алексѣевъ найдетъ гдѣ нибудь колъ или дубину и съ такимъ оружіемъ отобьется отъ нихъ. Конечно, догонять долго не пришлось. Тяжело раненный, Петруша отбѣжалъ всего шаговъ 60—70 и то уже подъ конецъ шатался, какъ пьяный. Догнавши, якутъ повалилъ его на землю нѣсколькими ударами ножа. Они его страшно изрѣзали прежде, чѣмъ онъ умеръ. Деньги, 107 руб., найденныя въ чамаркѣ, которую Петруша сбросилъ на бѣгу, были тутъ же раздѣлены по ровну. Трупъ, связавши контосами, унесли въ лѣсъ и спрятали въ яму, заваливши ее всякой всячиной. Часы бросили въ озеро, какъ вещь рѣзко бросающуюся въ глаза. Коня увели далеко въ лѣсъ въ другую сторону и, продержавши два дня привязаннымъ (чтобы сало не испортилось!),—убили; мясо, раздѣливши, спрятали и съѣли понемногу.“

„Когда началось слѣдствіе, заподозрѣнные якуты сперва запира-

лись, доказывая, что Алексѣевъ бѣжалъ, но по мѣрѣ накопленія уликъ сознались — сперва Егоръ, а потомъ и Федотъ. Заподозрѣны они были благодаря пѣснѣ, которую пьяный Егоръ пѣлъ при довольно многочисленной публикѣ, импровизируя, какъ обыкновенно поютъ якуты. Вотъ эта пѣсня, переводъ которой приложенъ къ дѣлу объ убійствѣ Алексѣева: „Жилъ-былъ въ одномъ улусѣ русскій богатырь, силы необыкновенной, богатый (слѣдуетъ поэтическое описаніе его силы и богатства). Но нашлись богатыри-якуты, которые его побѣдили и богатство его себѣ присвоили. Лежитъ онъ бездыханный въ дремучемъ лѣсу и никогда больше не встанетъ. Не увидятъ его никогда ни коннаго, ни пѣшаго, ни одинъ человѣкъ не увидитъ, чтобы изъ трубы его юрты выходилъ дымъ.“ Затѣмъ Егоръ обращается къ сородичамъ и проситъ простить богатырей за безпокойство, которому они подвергнутся, благодаря исчезновенію русскаго. „Не пройдетъ и двухъ недѣлъ, поетъ онъ дальше, какъ вся окрестность огласится стукомъ телѣгъ съ кованными колесами, и понаѣдутъ въ нихъ люди съ блестящими пуговицами и будутъ спрашивать-допрашивать всѣхъ, куда дѣлся русскій. Но никто ничего не скажетъ, ибо никто не знаетъ, гдѣ онъ. Знаютъ объ этомъ только два богатыря, а кто они, можетъ быть впослѣдствіи и узнается, но теперь онъ не скажетъ...“

„Эта-то пѣсня, о которой узналъ слѣдователь, послужила главной уликой противъ Егора Абрамова и заставила его сознаться во всемъ.“

Такъ разсказываетъ товарищъ по ссылкѣ ужасную гибель „русскаго богатыря“, какъ назвалъ Петра Алексѣева его наивный убійца-дикарь. 17 лѣтъ тому назадъ этотъ богатырь предсказывалъ въ своей смѣлой рѣчи на судѣ, что русскій деспотизмъ „**разлетится въ прахъ**“, когда на него „**поднимется мускулистая рука рабочаго**“.*) Долго мстило ему правительство за это предсказаніе! Но ни тюрьма, ни многолѣтняя ссылка не успѣли сломить его могучихъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Онъ былъ здоровъ и бодръ, и еслибъ не ножъ дикаря, онъ, вѣроятно, дожилъ бы до того времени, когда его предсказаніе станетъ совершившимся фактомъ. Не знаемъ, доходили-ли до него, въ его ссылку, вѣсти о дальнѣйшемъ ходѣ рабочаго движенія въ Россіи, слышалъ-ли онъ о томъ, какіе огромные размѣры принимаетъ теперь массовое пробужденіе русскаго пролетаріата. Если—да, то онъ имѣлъ всѣ основанія быть бодрымъ и веселымъ.

Русскіе рабочіе не забудутъ своего товарища, такъ сильно пострадавшаго въ борьбѣ за ихъ освобожденіе.

СТАНИСЛАВЪ ПАДЛЕВСКІЙ.

28 Октября минувшаго года въ Санъ-Антоніо (сѣв. Америка) выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни товарищъ Станиславъ Под-

*) Рѣчь его напечатана особой брошюрой въ „Рабочей Библіотекѣ“ (вып. 3).

левскій, польскій соціалистъ-революціонеръ изъ партіи „Пролетаріатъ". Станиславъ родился въ 1856 г. и воспитывался въ революціонной атмосферѣ. Его дѣдъ игралъ видную роль въ польскомъ возстаніи 1830 г., отецъ и дядя принимали горячее участіе въ польской революціи 1863 г., а братъ, Антонъ, умеръ въ 1878 г. въ тюрьмѣ въ Петербургѣ; все это, конечно, не могло пройти безслѣдно для молодого Падлевскаго. Пылкій темпераментъ и дѣятельный характеръ, въ соединеніи съ революціонными традиціями, толкнули его въ соціалистическій лагерь. Впрочемъ, сначала онъ былъ націоналистомъ и лишь потомъ, послѣ пребыванія въ Швейцаріи, сталъ на международную точку зрѣнія. Еще 19-лѣтнимъ юношей онъ участвовалъ въ турецко-сербской войнѣ, по окончаніи которой возвратился въ Галицію, откуда австрійская полиція выслала его въ 1879 г. „по подозрѣнію въ соціализмѣ". Тогда онъ прибылъ въ Цюрихъ и поступилъ въ Политехникумъ. Не долго оставался онъ здѣсь. Вскорѣ мы видимъ его уже въ Познани, подъ именемъ Отто Гофмана, гдѣ онъ ведетъ пропаганду среди рабочихъ. Его вскорѣ арестовываютъ и приговариваютъ къ тюремному заключенію на $2^1/_2$ года, а по отбытіи этого срока въ Плэцензее, въ 1885 г., выдаютъ Россіи, гдѣ его держатъ сначала въ Варшавской Цитадели, но скоро по болѣзни переводятъ въ больницу. Выздоровѣвъ и дождавшись свободы, онъ уѣзжаетъ на Кавказъ, а въ 1889 г. опять эмигрируетъ. Дорогой, вслѣдствіе собственной неосторожности, онъ былъ арестованъ въ Галиціи, заключенъ въ краковскую тюрьму и выпущенъ лишь по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ 1890 г. онъ нелегально возвратился въ Россію, но товарищи, принимая въ соображеніе его положеніе, заставили его уѣхать въ Парижъ. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстное дѣло Селиверстова и побѣгъ изъ Франціи черезъ Италію, Сицилію, Мальту, Гибралтаръ въ Лондонъ, откуда уже онъ пробрался въ Америку, гдѣ и оставался до послѣдняго времени. Безпокойный образъ жизни, аресты, преслѣдованія полиціи — всѣ эти обстоятельства способствовали развитію у него нервной болѣзни, подъ вліяніемъ которой онъ и лишилъ себя жизни.

ЛЮДОВИКЪ ВАРЫНСКІЙ.

Въ концѣ минувшаго года мы получили извѣстіе о смерти товарища Людовика Варынскаго въ Шлиссельбургской крѣпости. Варынскій оказалъ огромныя услуги зарождающемуся соціально-революціонному движенію въ Польшѣ. Онъ былъ студентомъ С.-Петерб. Техн. Института, когда совершалось извѣстное движеніе въ народъ русской революціонной молодежи. Время было горячее, учащееся юношество находилась въ постоянномъ возбужденіи. Во время студенческихъ безпорядковъ 1874 г. Варынскаго уволили и выслали на родину, гдѣ онъ прожилъ нѣкоторое время, усердно занимаясь самообразованіемъ. Въ концѣ 1876 г. онъ пріѣхалъ въ Варшаву съ готовымъ планомъ пропаганды, но тутъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій, онъ постепенно сталъ разочаровываться въ осуществимости народническихъ идеаловъ.

Поступивъ, въ качествѣ рабочаго, на механическій заводъ, онъ сближается съ новыми товарищами, и у него зарождается новая программа, которая постепенно сливается съ программой западно-европейскихъ соціалистовъ. Спустя два года Варынскій переноситъ свою дѣятельность въ Галицію, оставляя въ Варшавѣ прочную организацію „Пролетаріатъ". Въ Галиціи его, вмѣстѣ съ 32 товарищами, вскорѣ арестуютъ по доносу наборщика Козянскаго. Просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, онъ былъ выпущенъ и отправился въ Швейцарію, гдѣ сотрудничалъ въ журналѣ „Równość". Послѣ конгресса въ Хурѣ и конференціи въ Лондонѣ, Варынскій возвратился въ Варшаву. Въ это время полиція знала уже о существованіи тайной организаціи и усиленно разыскивала ея членовъ. Вскорѣ начались обыски и аресты среди „пролетаріатцевъ"; однимъ изъ первыхъ былъ взятъ Варынскій. Это происходило осенью 1883 г.; въ Декабрѣ 1885 г. произнесенъ былъ приговоръ суда, которымъ Варынскій былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и осужденъ на 16-лѣтнюю каторгу. Этотъ приговоръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и смертнымъ приговоромъ Варынскаго.

Польскій товарищъ.

Въ концѣ Января нажитая въ тюрьмѣ чахотка убила въ Карійскѣ (въ „вольной" командѣ) Софью Николаевну Богомольцеву, урожденную Присѣцкую.

ШПІОНСКІЯ ЗАБАВЫ.

Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло,
На безобразіе есть!

Сколько мы знаемъ, русскіе сыщики, проживающіе въ отечествѣ, не отличаются особенной веселостью, по всей вѣроятности, испытывая на себѣ мрачное вліяніе русской жизни. Но, попадая за границу, они вдругъ начинаютъ проявлять замѣчательную игривость. Такой игривостью въ особенности отличаются два незнакомца, изъ которыхъ одинъ называетъ себя графомъ Грюномъ, другой фонъ Куномъ (какъ видите, не совсѣмъ русскія имена, но незнакомцы этимъ не смущаются: дай богъ, чтобы у каждаго русскаго была такая русская душа, какая бываетъ иногда у нѣмцевъ,— говоритъ щедринскій третье-отдѣленецъ). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эти господа дѣятельно занимались составленіемъ и распространеніемъ всякаго рода воззваній и заявленій, переполненныхъ грязью, клеветами и подлогами. Въ одномъ изъ такихъ заявленій они признали, что именно ими было совершено надѣлавшее много шуму ночное разбойническое нападеніе на типографію народовольцевъ въ Женевѣ. На время литературныя упражненія „очей царевыхъ" прекратились. Теперь они опять возобновляются. Въ концѣ Января нынѣшняго года пишущему эти строки пришлось быть въ Парижѣ. Едва онъ пріѣхалъ туда, появилась, за его будто бы подписью, прокламація, уснащенная крѣпкими словами по адрессу многихъ русскихъ эмигрантовъ и приглашающая „очнуться" русскую молодежь. Заканчивалось это издѣліе торжественнымъ заявленіемъ относительно того, что нижеподписавшійся, не желая болѣе участвовать въ политическихъ интригахъ, переходитъ на **легальный путь дѣятельности.** Безграмотность прокламаціи достаточно ручалась за ея шпіонское происхожденіе. Но я счелъ не лишнимъ, путемъ печати, обратить вниманіе тѣхъ, „кому вѣдать надлежитъ", на то обстоятельство, что моя подпись была поддѣлана **очень хорошо.** Какъ бы въ отвѣтъ на это, гг. Грюнъ и Кунъ распространили между членами русской колоніи въ Женевѣ (а можетъ быть и въ другихъ городахъ) подписанное ими посланіе, въ которомъ они разсказываютъ, какъ „изволилъ" я провалиться на русскихъ собраніяхъ въ Парижѣ, и какъ негодовала публика, слушая мои хитрыя рѣчи. Заканчивается произведеніе сыскныхъ писателей слѣдующими успокоительными для меня строками: „Мы его вовсе не преслѣдуемъ, а напротивъ готовы даже пожаловать (!) ему орденъ упрямаго осла за доставленное намъ развлеченіе".

Орденъ упрямаго осла! Такого ордена въ наше время не было. Говорятъ, что онъ учрежденъ очень недавно въ замѣнъ знаменитаго ордена Георгія Побѣдоносца. Если этотъ слухъ справедливъ, то надо сознаться, что новый орденъ хорошо выражаетъ идею царствованія Александра III.

Какъ видно, орденъ упрямаго осла находится въ непосредственномъ вѣдѣніи сыскной полиціи. Это тоже очень недурно.

Не знаемъ, по скольку за строчку получаютъ гг. Кунъ и Грюнъ. Думаемъ, однако, что, по нынѣшнему времени, правительство хорошо сдѣлало бы, если бы отказались отъ такой роскоши, какъ шпіонскіе пасквили. Вѣдь право же это совершенно безполезная даже для него растрата казеннаго имущества.

Г. Плехановъ.

О ДАЛЬНѢЙШЕМЪ ВЫХОДѢ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“.

Наше **трехмѣсячное обозрѣніе**, по обстоятельствамъ отъ редакціи совершенно „независѣвшимъ“, de facto оказалось **непеперіодическимъ**. Не желая никого вводить въ заблужденіе, мы считаемъ нужнымъ объявить, что и слѣдующія книги „Социаль-Демократа“ будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія матеріала и сообразно съ размѣрами средствъ, которыя окажутся въ нашемъ распоряженіи.

Редакція.

Списокъ нѣкоторыхъ*) пожертвованій, поступившихъ въ кассу русскихъ соціаль-демократическихъ изданій съ начала 1890 по 15 Марта 1892 г.

Въ пользу литературы: черезъ Го — 98 фр. Изъ Россіи (изъ М. и Г.) — 59 фр. Изъ Россіи (черезъ Z.) — 23 фр. Изъ К. — 48 фр. 50 с. Изъ Австріи черезъ Д. — 11 фр. 70 с. Черезъ Го — 120 мар. Черезъ К. изъ Россіи — 80 м. Отъ русскихъ изъ Вѣны въ память Шелгунова — 4 гульдена.

Изъ Нью-Іорка отъ Русскаго Дем. Общества — 126 ф. 60 с.

По подпискѣ въ Парижѣ на 4-ую книжку С.-Д. — 100 ф. Съ бала 26 Дек. — 230 ф. Съ вечеринки 6 Фев. — 20 ф. Отъ парижскаго Фонда Рабочей Литературы на изданіе брошюры „Ежегодный праздникъ рабоч.“ — 72 ф.; брошюры 1 Мая 91 г. въ Лет.“ – 65 ф. 50 с. и затѣмъ еще 25 ф. 50 с.

Изъ Ц. отъ Фонда Рабоч. Литературы — 400 ф. (изъ нихъ 250 на особое употребленіе).

Изъ Берна С-омъ и А-омъ въ Іюлѣ 91 г. — 116 фр. (па шр.). Въ Августѣ 91 на печатаніе „Докл. Брюсс. Конгр.“ — 54 ф. На тр. — 25 ф.

Черезъ Г. — 500 ф.

Въ пользу сс. и к.:

Отъ К. с. — 32 ф. Изъ Америки черезъ редакцію „Прогресса“ — 65 ф. 80 с. Изъ М. черезъ Ч. 37 ф.

---

*) Отчетъ о пожертвованіяхъ печатается лишь по желанію лицъ ихъ сдѣлавшихъ; поэтому просимъ всѣхъ, пересылающихъ намъ деньги, своевременно извѣщать насъ, желаютъ или не желаютъ они, чтобы эти деньги были отмѣчены въ спискѣ.